Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

На правах рукописи

Дмитриев Андрей Петрович

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1850—1880-х ГОДОВ

Специальность 10.01.01 русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Том 2: Приложения

Санкт-Петербург
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ…….4
Приложение 1. Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с князем Н. В. Шаховским (1885—1887)……...4
Приложение 2. Записная книжка князя Н. В. Шаховского «Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. 1893 год»……70
Приложение 3. Судьба наследия Н. П. Гилярова-Платонова в неизданной переписке его учеников и почитателей (1885—1906)……...140
3.1. Переписка А. М. Гальперсон и князя Н. В. Шаховского (1885—1902)…….……..140
3.2. Письма С. К. Эфрона к А. М. Гальперсон (1887—1889)…….……226
3.3. Переписка Д. Н. Шубинского с супругами А. М. и С. И. Гальперсон (1887—1888)……241
3.4. Переписка супругов А. М. и С. И. Гальперсон с А. И. Елишевым и его братом (1887)……..…….248
3.5. Письма Рцы (И. Ф. Романова) к П. И. Бартеневу (1887)……252
3.6. Из переписки А. М. Гальперсон с Рцы (И. Ф. Романовым), С. Ф. Шараповым, Е. Л. Кочетовым и В. Г. Сенатовым (1888—1889)…….……265
3.7. Из переписки И. В. Павлова и П. И. Бартенева с князем Н. В. Шаховским (1893)……284
3.8. Из переписки протоиерея Ф. И. Варницкого с князем Н. В. Шаховским (1893)……301
3.9. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Кулишом (1893—1894)…….307
3.10. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Бессоновым и П. А. Кулишом (1893—1894)……321

3.11. Из переписки князя Н. В. Шаховского с И. Н. Корсунским (1893—1894)……337
3.12. Из переписки князя Н. В. Шаховского с Л. Н. Майковым, митрополитом Михаилом (Йовановичем), А. Ф. Морокиным, Н. И. Позняковым, Рцы (И. Ф. Романовым), Д. Ф. Самариным, М. С. Сковронской, Н. И. Стороженко, А. А. Чумиковым и князем Л. В. Шаховским (1893—1896)……345
3.13. Из переписки князя Н. В. Шаховского с О. Г. Аксаковой (1893—1898)……..363
3.14. Переписка князя Н. В. Шаховского с братьями А. А., Н. Н. и А. Н. Гиляровыми (1893—1897)…….366
3.15. Переписка князя Н. В. Шаховского с К. П. Победоносцевым (1893—1906)…….....388
3.16. Письма Ф. А. Гилярова к князю Н. В. Шаховскому (1893—1894)…….465
3.17. Письмо Н. А. Сергиевского к К. П. Победоносцеву (1893)…….492
3.18. Из переписки А. М. Гальперсон с В. А. Гиляровой- Платоновой, К. П. Победоносцевым и С. Ф. Шараповым (1896—1898)…….493
3.19. Письмо С И. Гальперсона к А. Н. Гилярову (1897)……501
3.20. Письма В. З. Завитневича к князю Н. В. Шаховскому (1898)……502

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с князем Н. В. Шаховским (1885—1887)*

За полтора года до своей безвременной кончины, 2 февраля 1886 г., Гиляров писал своему юному другу и ученику князю Николаю Владимировичу Шаховскому (1856—1906): «…дух мой падает иногда при сознании, что у меня нет учеников, что меня игнорируют и что потому я бесполезен. Кончина Аксакова и восклицания, которые слышу: “Поднимите знамя”, воскрешают эту мысль снова. Я игнорирован, я замолчан <…>» (п. 18). О том же он писал и ранее, в 1884 г., в мемуарах «Из пережитого»: «Я занимал кафедру и пользовался редким вниманием слушателей; я увлекал; затаив дыхание, мне внимали. <…> Но я не породил и не воспитал учеников. <…> Чем порождена не отступавшая ни на минуту гамлетовщина, недоверие к своей силе, сомнение в своем нравственном праве, вечное опасение переступить предел чужой свободы? Не бесплодно ли после того, может быть, и пройдена жизнь?»[1]

И об этом сетовал человек, у которого были настолько преданные ученики, готовые без остатка посвятить ему всю свою жизнь, каких мало кто имел из русских писателей его современников. Как уже говорилось, помимо князя Шаховского, в конце жизни у Гилярова появилось еще два верных ученика: философствующий публицист Иван Федорович Романов (1850—1913), больше известный под псевдонимом Рцы и по своему прозвищу «маленький Розанов»,[2] и журналистка, переводчица и критик Анна Михайловна Гальперсон (ур. Эпштейн;

---

* Начало этой публикации (преамбула и первые 11 писем за 1879—1885 гг.) см.: «…У Вас есть преданные люди, способные Вас оценить…»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева // Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН; Отв. ред. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 55—95.

[1] *Из пережитого* Т. 1. С. 300.

[2] См. об их взаимоотношениях в 1884—1887 гг. в разделе 3.13.

1856—1902), заведующая редакцией газеты «Современные Известия» (1883—1887).[1] Следует назвать еще историка раскола и религиозного публициста Василия Гавриловича Сенатова (1868—не ранее 1916), развивавшего идеи учителя в труде «Философия истории старообрядчества» (М., 1908. Вып. I—II); журналиста и экономиста Сергея Федоровича Шарапова (1855—1911), посвятившего Гилярову книгу «Неопознанный гений» (М., 1903); прозаика, драматурга и журналиста Савелия Константиновича Эфрона (псевд. — С. Литвин; 1849—1925), оставившего прочувствованные воспоминания об учителе в книге «Миссионеры и начетчики» (М., 1908); публициста и филолога Бориса Владимировича Никольского (1870—1919), автора статьи «Философ духа жизни».[2]

Но, безусловно, князь Н. В. Шаховской, познакомившийся с Гиляровым еще в 18-летнем возрасте и ставший впоследствии его биографом и публикатором его сочинений, занимает в этом ряду особое место. Представил князя Шаховского Никите Петровичу его племянник, филолог и педагог Ф. А. Гиляров, преподававший русский язык в 5-й Московской мужской гимназии, где обучался Шаховской. В тот период Гиляров издавал в Москве ежедневную газету «Современные Известия». Князь Шаховской позднее вспоминал: «Мы зазнали Никиту Петровича в 1874 г. и с тех пор пользовались особым счастием состоять с ним в добрых отношениях до самой его смерти».[3]

По кончине учителя князь Шаховской, выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1880), явился зачинателем научного гиляроведения.[4] Кроме того, князь Шаховской — автор интерес-

---

[1] См. мою публикацию: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 171—251.

[2] *НВр*. 1900. 25 июля. № 8767. С. 2—3.

[3] *Шаховской Н., кн*. Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публиц. очерк. Ревель, 1893. С. 39.

[4] Перечень его статей и книг о Гилярове, а также подготовленных им к изданию трудов писателя см. во Введении к диссертации.

ных статей по зарубежной литературе[1] и трудов экономике,[2] а также юмористических поэм на политические темы и стихотворных шуток, из которых до нас дошли единичные произведения.[3]

Начиная с 1894 г. князь Шаховской, словно бы повторяя путь Гилярова, служил цензором в Москве; потом, в 1898 г., даже дошел до поста председателя С.-Петербургского цензурного комитета, а в 1900—1902 гг. возглавлял Главное управление по делам печати и, таким образом, находился в самом центре литературно-общественной жизни.[4] Как и его учитель Гиляров, князь Шаховской снискал славу либерального цензора: он, в частности, добился разрешения журнала «Русское Богатство» и газеты А. В. Амфитеатрова «Россия», публикации «Воскресения» Л. Толстого и «трудных» в цензурном отношении рассказов М. Горького и Л. Андреева. Смещен был за то, что цензурное ведомство проглядело главу из сатирического романа Амфитеатрова «Господа Обмановы», в персонажах которого были выведены российские императоры начиная с Николая I.[5] Однако в некоторых принципиальных вопросах князь Шаховской солидаризовался с теми, кто когда-то выступал гонителями гиляровского издания. Консервативный публицист М. О. Меньшиков с горечью отмечал, что князь Шаховской, как и все либеральные сановники, боялся «благонамеренных, но слишком независимых голосов», относясь «с гораздо большею терпимостью к начинавшейся революции, чем к независимому национальному движению».[6]

---

[1] *Шаховской Н., кн.*: 1) Легенда и первая народная книга о Фаусте // *ЖМНП*. 1881. Ч. 211, окт. Отд. II. С. 369—401; 2) Фауст на английской сцене: Марло // *РВ*. 1881. Т. 151, февр. С. 754—780.

[2] *Шаховской Н., кн.*: 1) Земские повинности в Эстляндской губернии. Ревель, 1888; 2) Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М., 1896; 3) Частное землевладение в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899; 4) Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903, и др.

[3] См., например, его поэму 1884 г. «Правительственный пролог (нечто совершенно невероятное в стихах и прозе)» (РГИА. Ф. 46. Оп. 2. № 462. 7 л.), стихотворения «Пьяная пиявка» и др. (РНБ. Ф. 847. № 67. 3 л.). См. об этой стороне его творчества: *Гофштеттер И.* Памяти кн. Николая Шаховского // Русский Голос. 1906. 28 авг. № 215. С. 2—3.

[4] См. об этом подробнее в Заключении к монографии.

[5] См.: *С. У. <Уманец С. И.>*. Мозаика: (Из старых записных книжек) // *ИВ*. 1912. Т. 130, дек. С. 1037—1038.

[6] См. об этом: *Меньшиков М.* Злая воля // *НВр*. 1910. 12 авг. № 12362. С. 2—3.

Тот же Меньшиков писал: «Кн. Шаховской безмерными страданьями и смертью заплатил за невольное, конечно, шатание своей гуманной мысли»,[1] имея в виду его гибель из-за заражения крови от раны, полученной во время террористического акта на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. Разумеется, жизнь и творчество этого ученого, литератора и государственного деятеля заслуживают отдельного кропотливого исследования.

Здесь же очень кратко отметим наиболее интересные моменты переписки учителя и ученика. Особенно любопытно самое первое письмо Гилярова, с которого и начался их эпистолярный диалог (от 5 декабря 1879 г.) и которое явилось развернутым редакторским и одновременно дружеским ответом на не дошедший до нас публицистический опыт князя Шаховского, — о внутреннем положении России в год начала повсеместного революционного террора и о правительственной политике, во многом и породившей его. Юный князь требовал жестких мер по обузданию распоясавшегося нигилизма и ратовал о возвращении к репрессивным мерам времен царствования Петра I и Николая II — Гиляров же указывал на общее духовно-нравственное неблагополучие пореформенной России и приводил примеры того, как безответственные действия властей, а также их идеологических служителей (вроде М. Н. Каткова) провоцировали резкое обострение ситуации в стране. Свои надежды Гиляров возлагал (как и многие в этот период) на взвешенную политику гр. М. Т. Лорис-Меликова, опиравшегося на здоровые силы общества и успешно справлявшегося с революционным напряжением в таком университетском центре, как Харьков.[2]

Выделяются также и два письма религиозно-историософского характера за февраль 1885 г., в которых развиваются те же темы (эти письма фактически являются и продолжением известного очерка Гилярова «Откуда нигилизм?», опубликованного в аксаковской «Руси»). Инициировал мысль Гилярова опять-таки князь Шаховской — на этот раз своим этюдом «Лучше ли стало?» (1885), уви-

---

[1] Там же. С. 3.
[2] См.: *Переписка с Шаховским*. С. 60—69.

девшим свет в «Современных Известиях». Переходом к историческому экскурсу служит тут фраза: «Состояние современной общественности действительно напоминает старый Рим…», когда «исчезал *мір* как *мир*, испарялись нравственные основания» (п. 12). Гиляров рассуждает о внутреннем родстве нигилизма с его «озлобленной волей» и набегов варваров на Римскую империю, которые равно не в состоянии были обновить нравственно одряхлевший мир, и противопоставляет им христианство с его отречением от материальных благ и проповедью нового идеализма, которое только и смогло духовно возродить человечество.

Богатый фактический материал дают письма, связанные с православно-русским присутствием в Прибалтике (старший брат Шаховского, князь Сергей Владимирович, занимал пост эстляндского губернатора, да и сам Николай начинал свою службу в Ревеле); с откликами на «философские отступления» в мемуарах Гилярова «Из пережитого» и события внешней политики (Болгарский вопрос, российско-германский кризис); с празднованием юбилея друга Гилярова, певца и дирижера Д. А. Агренева-Славянского в 1887 г. (князь Шаховской помог его организовать благодаря своим великосветским связям); с борьбой за право аренды «Московских Ведомостей» после смерти М. Н. Каткова и др.

Переписку с самого начала подпитывала сердечная теплота и чуткость ко всем обстоятельствам жизни друг друга, и это трогательное взаимное участие к внутренней и бытовой жизни с годами только ширилось: не случайно у Гилярова прорывается нежное: «Вас любящий»,[1] а в одном из писем князя Шаховского — даже уменьшительно-ласкательное «дорогой мой Никитушка» (п. 33).

В одной из самых первых своих работ об учителе князь Шаховской так подытожил наблюдения над личностью мыслителя, пытаясь определить его роль в русской культуре: Гиляров «был человеком замечательным как по своим необыкновенным дарованиям, так и по редкой высоте образования и умственного развития, на которую он поднялся упорным, неусыпным трудом. Можно с уве-

[1] Там же. С. 93.

ренностью сказать, что вряд ли на Руси кто из его современников достиг такой широты и силы мысли, как он. <…> Он был более чем “свой” в современном научном просвещении, он на многие его стороны посмотрел сверху, как судья».[1] И далее князь Шаховской рассуждал о необычайной многогранности дарования Гилярова и трагической невоплощенности многих его научных замыслов: «Он был широк в самом, если можно так выразиться, глубоком смысле этого слова: и богослов, и исследователь раскола, и философ, и экономист, и критик, и филолог, и лингвист, и публицист. В каждой из этих областей он был полным хозяином, оригинальным и самостоятельным. Так на всех поприщах у нас требуется самостоятельное отношение к делу, так у нас его мало, что можно ли поставить в вину крепкому и самобытному уму, что он разбрасывался, что он чувствовал необходимость и там и здесь сказать свое слово и потому оставил после себя более недоконченного, но гением начатого, чем цельного и завершенного?»[2]

1 (12)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, конец февраля (?) 1885 г.

Когда «Русь» возродится?[1] Ее нет, и я лишен удовольствия, мой молодой друг, беседовать с Вами печатно. А Вы так снисходительны ко мне, что цените мое слово, просите его, и я сам возбужден Вашими размышлениями: «Лучше ли стало?»[2] Но Вы надавали мне столько тем, что я затрудняюсь. Чтоб найти какую-нибудь точку опоры, беру Вашу статью и мои два письма к И. С. Аксакову о нигилизме, продолжения которых Вы желаете.

Беру смелость резюмировать за Вас Вашу статью. «Стало не лучше, а хуже, пожалуй; прогресс в смысле внешних удобств увеличился, но человек с своим нравственным злом остался тем же. Преступления и разврат переменили форму, но, пожалуй, даже умножились»? Это Вы хотели сказать? Хочу думать,

---

[1] *Шаховской Н., кн*. Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. 3, 6.
[2] Там же. С. 49.

что это, и Вы, сказавши, остановились, чувствуя необходимость нравоучительного вывода, но недоумевая, куда его направить. Вы было прибавили несколько слов по адресу властей, но я удержал Вашу руку. Вы зашли бы в трущобу полицейских правил, о которых Вам могут сказать: «Да позвольте, докажите еще их право стеснять личную свободу и докажите, что педагогическая задача им под силу».

Здесь пункт, где связываются Ваши размышления с моими. Я размышлял о происхождении нигилизма. Нигилизма исток из озлобленной воли, возмущающейся лицемерием окружающего порядка; теоретическое же его основание — протест против предрассудков. «Долой предрассудки!» — вот знамя умозрительного нигилизма. Но я не думал писать трактата о нигилизме; не совсем я ожидал даже, чтобы письма мои попали в печать. Мое первоначальное намерение было <указать> И. С. Аксакову, что Н. Я. Данилевский неверно поставил вопрос, признав в нигилизме систему и предположив самостоятельный катихизис.[3] Уважаемый редактор нашел полезным напечатать мое письмо,[4] но просил добавить разъяснение недоумения о «предрассудках», которые в первом письме я признал неизбежными для человечества. Я вынужден был на второе письмо.[5]

«Если коснулись Вы теоретического основания и вторым письмом развили подробнее тщету мечты об истреблении *предрассудков*, то ожидаются подробности об *озлобленной воле*; Вы сами намекнули об „отношении, на которое к себе нигилизм уполномочивает своих сограждан“». Вот между прочим одно из Ваших требований и вот пункт, где наши размышления, с разных сторон исходя, сближаются.

Но с глазу на глаз мы с Вами уже толковали о трудности развивать указанную тему. Лицемерие порядка, возмущающее нигилиста, разве[a] позволительно защищать? Нет, и мы в этом оба согласились. Так нигилизм прав, стало быть, в своем практическом выводе? То есть оправдан *исторически*; да: он был неизбе-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: достой<но>.

жен. Но если Вы согласны с моим определением,[b] то прошу обратить внимание, что нигилизм есть возмущение именно *воли,* и притом воли *озлобленной*. Может возмущаться окружающим ум, находя неразумность, непоследовательность, неосновательность, безнравственность; может возмущаться и содрогаться сердце, испытывать отвращение — ну к чему бы, например? — к развратным оргиям, к убиванию времени в праздности, к ханжеству, сдружающемуся с хищничеством,[c] к человекоугодничеству,[a] соединенному с эксплуатацией[b] трудящихся, но иное дело отвращаться, брезгать, негодовать, возмущаться; иное[c] взять револьвер и динамитную капсулю, со словами: «Так нате же Вам!» *Ты кто еси судяй чуждему рабу*?[6] Вот эти слова и следовало бы припомнить кандидату в нигилисты.

Исчезал *мір* как *мир*, испарялись нравственные основания. Над государственной верою смеялись, и сам бывший консул удивлялся, как авгуры могут без улыбки смотреть друг на друга;[7] латифундии захватили полсвета (тогда известного); жить стало тяжело не только обделенным судьбою, но и награжденным и набалованным. Последним не тяжело, но надоело, так надоело, что явилось taedium vitae,[8] пресыщение жизнию, тоска о смерти. Мыслящий ум не находил цели жить, ни смысла. В мире материального наслаждения все испробовано; Лукулл и Красс[9] ели и кормили так, что изобретательность далее отказывалась[d] придумать более дорогое разваренных жемчужин и изысканнее рыбных печенок. Все виды полового разврата перейдены, и с противоестественными удовольствиями, которыми раболепно пытались разбудить притупившуюся чувственность скучающего Тиверия, может поспорить разве только современный Вавилон. Но что Вам говорить? Тацита, без сомнения, читали.[10] Даже бой гладиаторов с человеческою

---

[b] *Далее зачеркнуто*: нигилизма.
[c] *Далее зачеркнуто*: к низкопоклонству, к лести, соединенной.
[a] *Далее зачеркнуто*: пред высшим.
[b] *Далее зачеркнуто*: низших.
[c] *Далее зачеркнуто*: дело идти.
[d] *Далее зачеркнуто*: что-нибудь.

кровью, льющеюся на арене, оказывался зрелищем пресным,[e] не вполне пикантным.

Я люблю останавливаться на характеристических изречениях, знаменующих или эпоху, или миросозерцание. К изречениям Григория IV[11] и Петенена,[12] приведенным во втором письме о нигилизме, просит мысль присоединить еще два.[f] Припоминаю негодование, смешанное с ужасом, выразившееся в изречении Старшего Плиния, что человек, к несчастию, лишен даже того утешения, чтобы несомненно убедиться[a] в отсутствии личного бессмертия.[13] Прибавьте к этому обычное приветствие гладиаторов: «Ave, Caesar, morituri te salutant».[14] Разберите психологию изречения: отдают человека на травлю диким зверям; травят его не за преступление и не для достижения каких-либо высших целей, а ради забавы и для возбуждения нервов у зрителей. У этого варвара есть семья, отец, жена, дети; там, где-нибудь на Дунае, ему улыбаются во время сонных <полетов> чрез родные поля. Но его бросают на арену: он не только мирится с неизбежностью, да еще приветствует мучителя, с которым,[b] однако, не связан он даже ни верноподданничеством, ни единокровием. Нет, способно приводить в трепет это состояние *міра,* потерявшего возможность мира,[c] способность уладить общежитие, найти общую цель и в общем чувстве и деятельности обретать успокоение и радость!

Но явилась в Иудее секта, потом стала разрастаться. Вы не потребуете от меня повторения первых глав новозаветной истории. Я хочу сказать только то, что, когда на зов пошли страждущие и обремененные и образовали общество, оно не выступало с оружием; напротив, оно только умирало и проповедовало, и проповедовало не ненависть, а любовь, или же бежало в пустыни Сирии и Фиваиды. Явилось и еще общество обновить[d] старый мир, это уже и с оружием в

---

[e] *Далее зачеркнуто сначала*: недостато<чно>, *затем*: едва.
[f] *Далее зачеркнуто*: Что может быть ярче.
[a] *Далее зачеркнуто*: что со смертью все кончается.
[b] *Далее зачеркнуто*: притом же.
[c] *Далее зачеркнуто*: без умения.
[d] *Далее зачеркнуто*: старое общество.

руках. Но за ним не было идеалов; оно нагрянуло с теми же[e] материальными[f] целями,[g] в которых потерял смысл старый мир. Разница между старым и новым была только в живости аппетита, разница между сытым и голодным; но мир обновлен был не варварами.

Социалисты всех народов, Вы знаете, любят себя приравнивать и к христианам первых веков, и к варварам, разрушившим Римскую империю. Состояние современной общественности действительно напоминает старый Рим, и поход Бакунина с анархистскими покушениями[15] — набеги варваров. Но дальнейшее заключение, будто социализм призван обновить мир, лишено основательности, ибо обновило старый мир именно христианство, а не варвары, не жадность к материальным благам, а отречение от них, не нападение на существующий порядок, а бегство от него. Они бежали от мира, но мир их позвал к себе; положим — и развратил тем самым потом. Но общество не может существовать без идеалов, вот в чем сущность, и когда оно почувствовало, что вера испарилась, божество обратилось в кумир, над которым все смеются, оно обратилось туда само, где видит служение духу, с презрением плоти и отречением от личности. Начало обновленного мира не с набега вестготов, а с победы Константина над Максентием.[16] Варвары и оставили бы от Европы то, что[a] вандалы, в частности, от Карфагена:[17] произошел бы второй потоп; пришлось бы начинать всю историю общежития сызнова, чуть не с положения, в котором очутился Робинзон Крузо.

Общение первых христиан в имуществе соблазняет коммунистов, но[b] забывается опять[c] прямая противоположность существенной постановки; ее можно выразить двумя грамматическими наклонениями: «ничего не присваиваю», — говорит один; «ничего не присваивай», — говорит другой. В том и другом выхо-

---

[e] *Далее зачеркнуто*: живо<тными>.
[f] *Далее зачеркнуто*: аппетитами.
[g] *Далее зачеркнуто*: которыми пресыщен был.
[a] *Далее зачеркнуто*: Гейсерих.
[b] *Далее зачеркнуто*: разница опять в существенной постановке.
[c] *Далее зачеркнуто*: существо.

дит общение, но отправляются воззрения и деятельность с противоположных концов. «Все отдай» и «все возьми», — последним предполагается уже *творчество* и *свобода*; выражение «все возьми» есть уже их последствие, вопрошаемое в *любви*. Говорящий «все отдай» начинает с *принуждения*. Но если из-под палки даже в обыкновенном быту работа не спорится, то в общем строении человечества формула, основанная на одном приобретении, ведет если не к разрушению, то к застою. Творчества не может быть, потому что нет свободы, а следовательно, нет и зиждительной силы и нет цемента, связывающего общежитие. «Христианский социализм»[18] есть не меньшее недоразумение, как Австрийская монархия; это есть contradictio in adjecto.[19] Спартанский[a] коммунизм (единственный, просуществовавший некоторое время в истории) имел смысл, ибо основывался на принуждении и он мог просуществовать именно потому опять, что был культом идола, который назывался городом, по-теперешнему — государством. Но коммунизм, основанный не <на>[20] подчинении личного общему, а обратно, есть невозможность, носящая разрушение сама в себе. А именно таков идеал идеалистического коммунизма: устройство человечества на началах и с целию личного животного аппетита.

Я мог бы пройти с Вами по этому поводу экономические теории и дополнить свою мысль разбором тех Эльдорад, которые сулятся в умозрительных социалистических построениях. Но надеюсь, Вы уволите меня от этого труда, при котором неизбежно было бы коснуться односторонностей в определении труда, капитала, ценностей, богатства вообще. Удовольствуюсь указанием ошибки, в которой повинен не социализм только, но вся экономическая наука всех лагерей в том, что в утилитарном (корыстном) и животном признали начала духовного. Понятие превратное, похожее не более как на то, как если бы дерево вообразили стоящим на ветвях корнями вверх. Но я спешу к выводу, который избран главною темою для письма. Не только разрушение не имеет зиждительной силы, но и

---

[a] *Далее (с нового абзаца) зачеркнуто начало предложения*: Сомневаюсь, чтобы предшествующие строки были вполне ясны; но для меня связь.

озлобление лишено ее, тем более если оно перейдет в деятельность. А потому прежде всего оно бесполезно, то есть неспособно служить утилитарной цели, которая и имеется в виду при разрушении современного порядка. В этом-то смысле, как[b] я намекал в первом письме, нигилизм осужден на погибель. Отдельный представитель нигилизма, *никудышка*, неспособный ни к чему приладиться, лишний человек. При зарождении его и вообще при переходе из легального, выражусь так, обычной среды человека в отмеченного нигилиста самоубийства и бывают нередкими явлениями; сорвалась ладия с течения; сперва ее повертит, потом она потонет, хотя после и выплывет. Судьба не меняется, если дело идет не об индивидууме, а о кучке: самоубийство буквальное или метафорическое их удел.

Но Вы повторите мне вопрос: на какое же отношение к себе уполномочивает своих сограждан нигилизм? Я хотел сказать, что нигилизм после того, чем он есть, не должен же и жаловаться, когда от него отворачиваются, мало того — когда его преследуют. Он сам себя извергает из общества. Хорошо оно или дурно, вопрос другой, но по пословице «с волками жить, по-волчьи выть»; в полном нравственном разобщении жить со стаей непоследовательно. Я бы сказал *нечестно*; но понятие о честном предполагает кодекс, которого нигилизм, может быть, и не разделяет и по-настоящему не должен разделять, если он последователен. Ты желал бы перевернуть общество, оно тебе противно, и ты зол на него, может быть, и основательно, но каждый из этих всех, кого ты называешь обществом, хочет жить по-своему. Переделать ты их[a] не в силах, как не в силах[b] сдвинуть Царь-колокол; сам переродиться не хочешь, да, может быть, и не в состоянии. Так беги, беги, куда хочешь, в Америку, в Сахару, в Новую Гвинею, куда угодно. Правда, найдешь ты везде то же общество на тех же несправедливых и устарелых, по-твоему, началах. По прихоти законов духовной природы, американцу и негру ты простишь то, против чего скрежещешь у себя дома, и не

---

[b] *Далее зачеркнуто*: я писал.
[a] *Далее зачеркнуто*: не можешь.
[b] *Далее зачеркнуто*: поднять.

будешь подкладывать динамит под Тихоокеанскую дорогу,[21] хотя для тебя и в новом отечестве те же основания для вражды против дисциплины, уставляемой современным буржуазным устройством мира. Не уживаешься и там? Беги со света. Вы понимаете, что я вовсе не даю этого совета, а только поясняю, что разорвавший все с обществом, недостоин общества.Боюсь, что Вы потребуете от меня нравоучительного, педагогического вывода. Отказываюсь. Но я напомню Вам о полемике, которая происходила в русской печати лет пять тому назад. Два мнения боролись. Одно, главнейшим представителем которого был Достоевский, говорило: углубись в себя лично, лично совершенствуйся, и общий строй исправится. Другое настаивало на исправлении общественных учреждений, в несовершенстве их находя причину испорченности нравов; по их, все зависит от условий, при которых совершается личное развитие. Как бывает часто, обе стороны были правы и обе виноваты, потому что односторонни. Как часто припоминается в таких случаях указание Гегеля, что истина не в «или, или», entweder oder и не в эклектической, отвлеченной середине, а в живом взаимодействии «и, и». Превосходные нравы уживаются с отвратительными учреждениями и иногда даже по милости их: упругость духа[a] тем сильнее напрягается, чем усиленнее внешнее давление. И наоборот, разврат царить способен при превосходных учреждениях. Благо[b] стране, в которой то и другое, внешние условия и внутреннее народное развитие, идет нога в ногу. Поучительнейший пример нам доставляют Англия с Францией. Свободнейшая из стран есть аристократическая олигархия; телесное наказание не отменено и закон, еще, кажется, запрещающий публиковать парламентские прения и присутствие посторонних в парламентской зале; страна строжайших обрядов и свободнейших мыслей в одно время, а вместе страна образцовой семейной нравственности и трудолюбия, о котором восточный материк, просиживающий ночи за винцом, с трудом составляет себе понятие. Чем все держится? Хартиею? Нет, народным духом, который приобрел

---

[a] *Далее зачеркнуто*: еще.
[b] *Далее зачеркнуто*: народу.

и хартию и который без хартии развился бы все равно в то же самое. А откуда дух? Свободные учреждения помогли отчасти, но еще более помогла — мое, по крайней мере, мнение таково — религия. Нигде и быт и педагогия не связаны так крепко с верою, как в Англии; славнейший из периодов Англии есть период борьбы с папством,[22] которую односторонне называть борьбою с королевскою властью, потому что через корону велась борьба собственно с куриею. И затем достаточно указать на филантропические общества, которых родина, можно сказать, есть Англия, и на Библейское Общество.[23] Церковь в Англии многое утратила в своем лике, но зато общество, можно сказать, оцерковилось, взяв на себя многое, чего ожидалось бы собственно от церкви. Посмотрите затем на другую сторону Канала,[24] на стройные учреждения, по-видимому представляющие высочайшее обеспечение свободы, и с ними рядом необыкновенная легкость диктатуры, раболепство, разврат, возведенный чуть не в культ, и безбожие рядом с грубейшим суеверием.

Судьба нашего отечества несчастна именно тем, что развитие внешних учреждений с развитием народа шли совсем порознь. Бó2льшая часть учреждений надевались на страну по французскому манеру, придуманные отвлеченно. Отсюда принудительная сила формы и за нею ничего,[a] царство фасадов, как выразился зло один из путешественников.[25] Вера утрачена или обращается в фетишизм; должно естественно при этом иссякать и творчество, и чувство свободы. Никакие учреждения,[b] понятно, не помогут, когда во всем изверились, да и духу народному воспитаться не из чего, особенно когда утилитаризм открыто объявил себя господствующим началом. Вспомните одно, что за «улучшением быта» крестьян целые двадцать пять лет следовали одна за другою потуги на «улучшение быта» то тех, то других. Выражение, из лицемерной скромности подменившее более точную формулу «освобождение», повело к тому, что материальный

---

[a] *Далее зачеркнуто*: вера утрачена или же обращается в фетишизм.
[b] *Далее зачеркнуто*: при этом.

быт признан за первое и последнее, о чем достойно и славно заботиться. Последствия и вкушаем, и между прочим в виде нигилизма.

Вы ставите в своей статье вопрос на более общую точку, рассуждая о материальном прогрессе всего человечества. Вы недоумеваете, отчего при всех усовершенствованиях гражданственности и при всем успехе знаний жизнь с ее радостями и печалями, преступлениями и развратом остается та же. Да оттого и остается та же, что прогресс по существу материален и знание витает в сфере принуждения.[a] Духовный мир есть мир свободы, и внутренний прогресс возможен только личный, истекающий из веры. Вопрос, однако, все тот же, что обсуживала печать пять лет назад, только в более широкой форме: внешние условия и внутреннее развитие, и ответ на него правильный тот же, что дан выше об общественных учреждениях и общественной нравственности. Добытая истина, что сумма углов треугольника равна двум прямым, ничего не прибавила человеческой душе против того, что было до Эвклида; печальная весть по существу не станет радостнее от того, передают ли ее по телеграфу или на письме. Социология вывела, что виною всех преступлений бедность и голод (богатые и сытые, должно быть, все добродетельные люди); психология потянула за нею и, обобщив, объяснила, что душа человеческая есть итог внешних влияний. При общей сытости должно произойти общее довольство.[25]

Печатается полностью впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 505. Л. 1—14 об. Впервые напечатано: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. II // Ревельские Известия. 1893. 25 марта. № 66. С. 1; 1 апр. № 69. С. 2; 7 апр. № 74. С. 2, с пометкой: «Это то неоконченное письмо, о котором Н<икита> П<етрович> упоминал в приведенном выше письме» (от 22 февраля 1885 г.; см.: *Переписка с Шаховским*. С. 91, 93).

[1] Речь идет о приостановке издания газеты «Русь» в 1885 г. (№ 6 вышел 9 февраля, а № 7 — 17 августа) в связи с полугодовым крымским отпуском Аксакова, вызванным резким ухудшением его здоровья.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: а не свободы. Прогресс внутренний возможен только личный.

[2] Имеется в виду историко-публицистический этюд: *Кн. Н. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Лучше ли стало? // Русь. 1885. 19 февр. № 3. С. 13—16.

[3] См.: *Данилевский Н. Я*. Происхождение нашего нигилизма // Там же. 1884. 15 нояб. № 22. С. 12—22.

[4] *Гиляров-Платонов <Н. П.>*. Откуда нигилизм? // Там же. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26. Аксаков так оценивал это вступительное «письмо» Гилярова в конце 1884 г. в письмах к автору: «Ваша статейка — это алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтобы я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас (и которая совершенно непригодна для тем практических), не дал места?» — и предлагал: «А если Вы напишете хоть десять писем, тем лучше» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444, 446).

[5] Очерк «Откуда нигилизм?» и состоит из двух «писем» к издателю.

[6] Рим 14: 4. В Синодальном переводе: «Кто ты, осуждающий чужого раба?»

[7] Имеется в виду знаменитое место из трактата Цицерона «О гадании»: «Очень хорошо известны слова Катона, который говорил, что он удивляется, почему не смеется гаруспик, когда видит другого гаруспика». То есть у Катон речь шла о лицемерных гаруспиках, гадателях по внутренностям птиц, а не об авгурах, гадателях по полету и крику птиц. Именно о смеющихся авгурах упоминал Пушкин в черновых строфах к «Путешествию Онегина» и Лермонтов в «Княжне Мери».

[8] Это выражение в значении «отвращение к жизни» встречается, например, в «Аттических ночах» Авла Геллия (VI, 18) и в «Метаморфозах» Овидия (X, 298).

[9] Упомянуты прославившиеся своими роскошными обедами знатные римские полководцы и политики: Луций Лициний Лукулл, консул 74 до н. э., и Марк Лициний Красс (115—53 гг. до н. э.), триумвир.

[10] Ныне считается установленным, что император Тиберий описан Тацитом крайне субъективно. См. об этом: *Вержбицкий К. В*. Образ Тиберия в «Анналах» Тацита и проблема его достоверности // Университетский историк: Альм. СПб., 2002. Вып. 1. С. 27—42.

[11] К этому месту князь Шаховской сделал примечание: «“Я возлюбил правду, ненавижу беззаконие, потому умираю в изгнании”. В этом изречении Н<икита> П<етрови>ч видел “гордую самонадеянность папы, уверенного в непогрешимости и на этом основании присвоившего власть сокрушать царства и господствовать над миром матерьально и духовно”. — “Откуда нигилизм” — “Русь” 1884 г. № 24». Григорий IV — папа римский в 827—844 гг.

[12] Гиляров писал: «Энциклопедист и атеист Пететен (Petetin) умирал со следующим признанием: Nudus veni, dubius vixi, quo vadam nescio. Ens Entium misereremei (Наг пришел, в

сомнении жил, куда пойду — не знаю. Существо Существ, помилуй меня)» (*Сб. соч.* Т. II. С. 185).

[13] Эта ламентация содержится в кн. II «Естественной истории» Плиния Старшего (гл. 1, ст. 27).

[14] «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (*лат.*). По сообщению римского историка Гая Светония Транквилла (в его сочинении «Жизнь двенадцати цезарей», гл. «Божественный Клавдий», ст. 21), этими словами при императоре Клавдии (41—54 гг.) его приветствовали гладиаторы, отправляющиеся на арену.

[15] Упомянута революционная деятельность анархиста Михаила Александровича Бакунина (1814—1876).

[16] Речь идет о победе Константина Великого над Максенцием в 312 г. в битве у Мульвийского моста.

[17] Король вандалов Гейсерих (Гейзерих, Gaisericus; ок. 389—477), правивший в 428—477 гг., взял Карфаген 19 октября 439 г.

[18] Здесь Гиляров, скорее всего, имеет в виду программу социальных реформ О. фон Бисмарка, которую тот называл «прикладным христианством» и «государственным социализмом».[19] противоречие в определении (*лат.*).

[20] В угловые скобки заключена вставка князя Шаховского карандашом на полях[21] Видимо, подчеркивается тот факт, что впервые динамит был применен не в Европе, где его изобрел А. Нобель, а в 1867 г. в США при строительстве Тихоокеанской железной дороги — для прокладки полотна через хребет Сьерра-Невада.

[22] Речь идет об основных событиях Реформации в Англии, произошедшей в 1530-х гг. при короле Генрихе VIII «сверху».

[23] Очевидно, имеется в виду Российское Библейское общество, занимавшееся распространением и переводом Библии (1813—1826).

[24] Подразумевается Франция, находящаяся по другую сторону Ла-Манша от Великобритании.

[25] Имеется в виду выражение маркиза Адольфа де Кюстина «Россия — фасадная империя» («Un empire de facades»), употребленное в его книге «La Russie en 1839» (Paris, 1843). Возможно, Гиляров отталкивался от одной из передовиц И. Аксакова из газеты «День» (от 27 января 1862 г.), в которой отмечалось: «*Справедливо сказал один путешественник, что Россия есть царство фасадов» (Аксаков. Т. II. С. 24).*

[26] На этом письмо обрывается. Князь Шаховской по этому поводу замечал: «На этом прерывается замечательное письмо, которое ответило уже на поставленный вопрос. “Не много

остается, чтобы кончить”, — говорил об этом письме Н<икита> П<етрович> в вышеприведенном 1-м письме. Какая жалость, что смерть помешала Н<иките> П<етровичу> развить свою мысль; мы имели бы драгоценный памятник истинно самостоятельной русской мысли» (Ревельские Известия. 1893. 7 апр. № 74. С. 2). Судя по этим словам, данное письмо так и не было отправлено адресату, а обнаружилось в бумагах Гилярова уже после его кончины.

2 (13)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 9 апреля 1885 г.

Москва, 9 апреля 1885.

Дорогой Николай Владимирович.

Вы знаете о каре, меня постигшей.[1] Но на меня стряслась еще другая беда, худшая, в которой я прошу Вас помочь мне. По неисправности моей во взносе процентов (которая в свою очередь произошла вследствие неимоверно тугих обстоятельств) залогодатель, которому принадлежит залог за «Современные Известия», требует залог обратно, и мне дано всего две недели срока для внесения нового залога. Другими словами, через две недели «Современные Известия» или должны идти под цензуру, или остановиться, помимо административного взыскания.

Залогодатель — хороший человек, Василий Александрович Лебедев,[2] профессор Петербургского университета, живет на Васильевском острову,[a] 5-я линия, дом 2 (кажется, так). Я ему пишу от сего же числа письмо, посылаю в нем счета для получения следующих мне платежей, с излишком равных по сумме процентам, следовавшим с меня за прошедший год, и прошу его 1) проценты за текущий год подождать до мая месяца; 2) подать обратное заявление в Главное Управление по делам печати, то есть о том, что он оставляет залог, отказавшись от требования. Сделайте милость, родной, съездите немедленно и упросите его немедленно же это сделать. Не только в две недели, но и в месяц (на который

[a] *Далее зачеркнуто*: 2-я.

приостановлена газета) я не в состоянии буду приискать нового залога при теперешнем моем положении, в котором я, к несчастию, совсем лишен кредита. Если я успокоюсь с этой стороны, тогда я буду ходатайствовать о сокращении мне срока кары, в чем, надеюсь, мне не откажут. А без этого руки отваливаются. Между тем время для газеты теперь самое горячее: интерес в публике пробудился.

Итак, съездите к Лебедеву и *немедленно* меня уведомьте о результате.

Еще просьба, требующая не столь немедленного исполнения. «Из прожитого», первую часть которого я надеюсь <закончить> в неожиданно выпавшие мне неприятные каникулы, хотел бы я издать отдельной книгой, не возьмется ли Суворин?[3] Наведите, родной, справку.

В ожидании ответа

Ваш Н. Гиляров-Платонов.

Анна Михайл<овна> Вам кланяется. По моему совету, она должна была обратиться к Вам за советом по одному своему делу.[4]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 11—12.

[1] 6 апреля 1885 г. «распоряжением управляющего Министерством внутренних дел» газета Гилярова была приостановлена на месяц (см.: *ПВ*. 1885. 7 апр. № 75. С. 1) за публикацию корреспонденции К. К. «Из Тифлиса» (*СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1). В ней рассказывалось о неоправданно жестоких, унижающих личное достоинство воспитанников, порядках в Тифлисской духовной семинарии, приведших к тому, что доведенный до отчаяния один из семинаристов — заканчивавший курс Сильвестр Джибладзе (в статье он назван Финбладзе) — 12 марта напал на ректора протоиерея П. И. Чудецкого и избил его. (Благодаря хлопотам помощника Государственного контролера Т. И. Филиппова, к которому Гиляров обратился за помощью, срок наказания газеты был сокращен вдвое.) См. подробнее: *Переписка с Филипповым*. С. 332, 352—357.

[2] Василий Александрович Лебедев (1833—1909) — кандидат прав Казанского университета (1857), с 1866 г. преподаватель (с 1886 г. профессор) финансового права С.-Петербургского университета.

[3] Книга «Из пережитого» была издана (в 1886—1887 гг.) не А. С. Сувориным, а кредитором Гилярова московским купцом М. Г. Кувшиновым.

[4] В чем состояла просьба А. М. Гальперсон, установить не удалось.

3 (14)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Село Черкизово Московского уезда, лето 1885 г.

Я не за тридевять земель, а в Черкизове, лежащем непосредственно за Преображенской заставой.[1] В Москве не бываю. Если Ваша милость будет навестить меня, буду рад несказанно, и всегда Вы меня застанете.

А Вы надолго ли?

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 14. Записка написана карандашом. Датируется предположительно по времени приобретения дачи в Черкизове (Гиляров, упоминая о ней, указывает ее месторасположение — как еще незнакомое князю Шаховскому, которому регулярно сообщал о событиях своей жизни).

[1] *Черкизово* — крупное село к востоку от Москвы, известное с XVI в.; ныне исторический район между Преображенской площадью (бывшая застава) и Щелковским шоссе. Так же называлось родовое гнездо предков Гилярова — село Черкизово Коломенского уезда (видимо, это обстоятельство сыграло свою роль, когда он собрался приобрести новую дачу).

4 (15)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

С.-Петербург, 2 октября 1885 г.

Мойка 73 2/X. СПб.

Дорогой Никита Петрович,

я был в Департаменте Полиции и говорил по делу Навродского.[1] Там взгляд на молодого человека не особенно благодушный, так что теперь нельзя заводить речи о помиловании. Что же касается до жительства его при родителях, то, по всем вероятиям, отцу нетрудно будет это устроить. Пусть он явится

в Департамент Государственной Полиции и обратится к секретарю Зволянскому,[2] который и сведет его к Директору Дурново.[3]

Затем я говорил с начальником раскольничьего Отделения М<инистерства> В<нутренних> Д<ел>[4] о том, что раскольники, признающие брак, хотят подать прошение о пересмотре устава. — Он мне сказал, что, конечно, Министерство готово сделать все в пользу умеренных и в ущерб крайним, а потому пусть они явятся и подадут прошение в Министерство Внутренних Дел, а генерал-губернатору Московскому[5] — лучше сделают — если не подадут.

Конечно, Вам известно о новом законе касательно государственного языка в Прибалтийском крае.[6] Отчего бы Вам не сказать по этому поводу несколько теплых слов? Надо надеяться, что после этой меры дадут хоть какое-нибудь место русскому языку и в народных школ<ах> Остзейского края.

В Питере все с ума сходят от скандального процесса Мироновича.[7] Тоже жду от Вас статью по этому поводу.[8] Для меня сомнений нет, что убила психопатка и останется все-таки безнаказанной, как раз уже оправданная по суду. Миронович же ни за что ни про что отбыл два года тюремного заключения. По моему мнению, это вопиющая небрежность суда и ужасающий произвол.

Будьте, голубчик, здоровы и не забывайте искренно Вас

любящего Н. Шаховского.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 25—26 об. Датируется по упоминанию процесса Мироновича.

[1] Неустановленное лицо.

[2] Сергей Эрастович Зволянский (1854—1912) — выпускник Училища правоведения, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В июне 1883 г. поступил на службу в канцелярию Департамента полиции в должности секретаря; с 1887 г. — делопроизводитель Департамента полиции, с 1895 г. — вице-директор, в 1897—1902 гг. – директор Департамента полиции; позднее сенатор, тайный советник.

[3] Петр Николаевич Дурново (1845—1915) — видный государственный деятель, министр внутренних дел (1905—1906). Пост директора Департамента полиции Дурново занимал в 1884—1893 гг.

[4] Это отделение (второе, занимавшееся старообрядческими делами) входило в состав Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, располагавшееся в здании Министерства на наб. Фонтанки, 57; его возглавлял действительный статский советник Иван Викторович Коренев.

[5] Подразумевается московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810—1891), занимавший этот пост в 1865—1891 гг.; он был известен своим самоуправством, мог, скорее всего, не дать хода прошению старообрядцев. Предположительно (судя по заинтересованности Гилярова в этом деле) оно исходило от его друга, бывшего наставника федосеевского согласия Гаврилы Васильевича Сенатова, к тому времени разуверившегося в беспоповстве с его требованием безбрачия.

[6] Гиляров исполнил пожелание князя Шаховского, опубликовав подпередовую статью по этому вопросу: *СИ*. 1885. 10 окт. № 261. С. 2. Однако он требовал более радикальных нововведений: «Введением русского языка в официальное употребление и преобразованием городского устройства законодательство сделало половину дела, необходимого для объединения балтийских губерний с сердцем России. <…> За введением государственного языка в делопроизводство должно следовать, должно бы даже предшествовать ему, введение того же языка в учебное употребление…» При этом Гиляров удивлялся, «почему с Дерптским рассадником германизма церемонятся» и предлагал закрыть университет.

[7] Имеется в виду крайне запутанное, до сих пор неясное в своих деталях дело бывшего полицейского И. И. Мироновича, владельца ссудной кассы на Невском пр., д. 57, обвиненного в убийстве 13-летней дочери его приказчика Сарры Беккер, якобы совершенного им в ночь на 27 августа 1883 г. Первый процесс по делу проходил в С.-Петербургском окружном суде с 27 ноября по 3 декабря 1884 г., вердиктом присяжных Миронович был признан виновным и осужден на 7-летние каторжные работы. По его кассационной жалобе в Сенат, с 23 сентября по 2 октября 1885 г. состоялся новый процесс с тем же составом присяжных (о нем и идет речь в письме князя Шаховского). Миронович был освобожден из-под стражи прямо в зале суда.

[8] В день написания письма князем Шаховским Гиляров опубликовал небольшую подпередовую о процессе по делу Мироновича, где говорил о его необычайной запутанности: *СИ*. 1885. 2 окт. № 253. С. 2; и следом еще одну: Там же. 1885. 3 окт. № 254. С. 2, в которой определял «отношение публики к процессу и даже суда» как «несколько психопатическое».

5 (16)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

С.-Петербург, 30 ноября 1885 г.

30/XI 85 СПб. Клинический Институт В<еликой> К<нягини>
Елены Павловны. Кирочная.[1]

Дорогой Никита Петрович,

вероятно, до Вас еще не долетела весть о внезапных бедствиях, меня постигших. В конце октября я заболел брюшным тифом и по сие время обретаюсь в Клиническом Институте Елены Павловны, куда меня стащили для лечения, ибо в меблированных комнатах[2] положение мое было совершенно безвыходным. В больнице я было стал довольно быстро поправляться, но от непонятных причин со мной приключился рецидив, который на две с лишком недели снова уложил меня в постель. Сегодня первый день, что мне позволено сидеть, и я тороплюсь воспользоваться этой малой долей свободы, чтобы отвечать на Ваше письмо.

Само собою разумеется, что Вы, как всегда, можете рассчитывать на полную с моей стороны готовность помочь Вам в осуществлении Вашего желания. В.[3] здесь, но он еще у меня не был. Брат[4] говорил мне, что он собирается ко мне зайти, — тогда я с ним переговорю и сообщу Вам его ответ и требования. Его адрес: Спасская, д. № 6.[5] Адрес графа Николая Павловича:[6] Мойка № 26.[7] Я с своей стороны время от времени могу присылать Вам заметки о Прибалтийском крае. Как Вам нравятся мои письма в «Москов<ских> Вед<омостях>»?[8]

Затем я могу под сурдинкой сообщать о ходе работ по разбору дел Кахановской комм<иссии>,[9] ибо в этих разборах я, вероятно, буду принимать участие.

Впрочем, все это не ранее, как в будущем году. Когда я буду в силах выйти из больницы — я на месяц уеду из Петербурга в Ревель[10] и там буду поправляться в уединении и вести гигиеническую жизнь, столь необходимую после тифа.

Пока до свиданья, дорогой Никита Петрович, от всего сердца желаю успеха Вашему делу и надеюсь, что оно пойдет прекрасно.

Ваш Николай.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 13—14.

[1] Клинический институт великой княгини Елены Павловны был открыт 2 июня 1885 г. в доме 41 по Кирочной улице. Ныне здесь — Медицинская академия последипломного образования.

[2] Имеется в виду доходный дом по наб. Мойки, 73, где жил князь Шаховской.

[3] Неустановленное лицо. Судя по контексту, предполагалось участие этого знакомого князя Шаховского в «Современных Известиях» в качестве корреспондента.

[4] Скорее всего, имеется в виду средний брат Н. В. Шаховского князь Лев Владимирович Шаховской (1849—1897), публицист и историк, женатый на дочери М. Н. Каткова Варваре, служившей фрейлиной при Дворе.

[5] В 1894 г. этот дом принадлежал вице-адмиралу Федору Гедеоновичу Стаалю (см.: Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 г. СПб., 1894. <Отд. I>. Стб. 189).

[6] Имеется в виду генерал-адъютант граф Николай Павлович Игнатьев (1832—1908), в тот период (1884—1888) президент Общества для содействия русской промышленности и торговли, ранее — дипломат-панславист (1856—1878), министр государственных имуществ (1881) и внутренних дел (1881—1882).

[7] Дом принадлежал Министерству иностранных дел (см.: Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 г. <Отд. I>. Стб. 20).

[8] Подразумевается цикл статей, из которых к 31 ноября увидели свет три первые: *Русский <Шаховской Н. В., кн.>*. Наши прибалтийские дела // *МВед*. 1885. 17 нояб. № 318. С. 3—4; 18 нояб. № 319. С. 3—4; 26 нояб. № 327. С. 4. Князь Шаховской призывал к русификации Прибалтики; в первой статье цикла он констатировал: «Остзейский край в сущности есть отдельный мирок, ничего общего с Империей не имеющий… <…> Это небольшое государство в государстве. <…> Балтийские провинции представляют из себя ныне некий эдем для поселившихся в них потомков рыцарей немецкого происхождения» (с. 3—4). Большое внимание было уделено судьбам Православной церкви в крае. (Псевдоним князя Шаховского «Русский» не указан в Словаре Масанова.)

[9] Под этим названием известна *Особая комиссия для составления проектов местного управления,* Высочайше утвержденная, под председательством статс-секретаря Михаила Семеновича Каханова (1833—1900), от 20 октября 1881 г. Комиссия вырабатывала законопроекты о преобразовании губернских и уездных административных учреждений, а также о соответственном изменении учреждений земских, городских и крестьянских. Еще до окончания своих работ, 1 мая 1885 г., комиссия была закрыта. Министерство внутренних дел взяло

разработку реформы в свои руки и, видимо, в этой преобразованной, уже не собственно Кахановской, комиссии предполагал работать князь Шаховской.

[10] Князь Н. В. Шаховской поехал именно в Ревель (ныне Таллин), поскольку пост эстляндского губернатора в тот период (1885—1894) занимал его старший брат князь Сергей Владимирович Шаховской (1852—1894).

6 (17)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

Ревель, 27 января 1886 г.

Ревель 27/I. 86.

Дорогой Никита Петрович,

я вам пообещал написать что-нибудь об прибалтийских делах. Плохое еще состояние моего здоровья, недостаток сил не позволяют мне вникать подробно в жгучие вопросы дня, да, по правде сказать, их и поубавилось-таки за последнее время. Видя, что с ними не шутят, балты становятся сговорчивее и менее ершатся, хотя ни одного посягательства на т<ак> н<азываемые> права свои и привилегии[1] не спускают без боя. — Я теперь хочу поделиться с Вами прежней своей работой. Минувшею осенью я изучал религиозное положение Эстляндии. Мне хотелось для себя выяснить, насколько созрело в народе убеждение в превосходстве православия перед лютеранством и насколько благоприятны шансы к массовому переходу эстонцев в лоно православия. Для этой цели необходимо было познакомиться с существующим в губернии положением Лютеранской церкви, отношение<м> л<ютеранского> духовенства к пастве, а также народа к своим духовным господам. Черпать необходимые сведения из немецких источников не представлялось возможным, ибо можно было наперед с уверенностью сказать, что освещение и подбор данных будут односторонними.

К счастью, в прошлом году вышла книжка Остерблома «Новейшие религиозные движения в Эстляндии». Остерблом — псевдоним, его настоящая фамилия Трусман.[2] Он эстонец по происхождению, воспитан в православн<ой> духовн<ой> академии, где кончил курс со степенью доктора богословия.[3] Ныне он

занимает место цензора в городе Ревеле. Эта книжка Трусмана и послужила для меня единственным руководством, к которому я мог отнестись с доверием. Прилагаемые при сем листы представляют из себя довольно подробное извлечение из сочинений Трусмана. Я посылаю Вам их, ибо книжка Трусмана напечатана не для публики и в продаже не имеется, а между тем матерьял, в ней заключающийся, представляет существенный интерес ввиду имеющего быть несомненно широкого разлива в крае православия.[4]

Только что написал эти строки, как прочел телеграмму о кончине Ивана Сергеевича…[5]

Умер лучший русский человек, и в нем угасло честное русское направление. Семья Аксаковых блеснула в русской исторической жизни своими талантами и высокими душевными качествами, блеснула и погасла. Без Ив<ана> Сер<геевича> сиротство будет чувствоваться долго. Самородки, люди крепкие духом и независимые уходят. Кто явятся к ним на смену?? Страшно становится от этого оскудения. Однако же надо подумать об том, чтобы обтрепанное, истерзанное ненавистниками, но все же доблестное и честное знамя, которое высоко держал Иван Сергеевич, не было сдано в архив исторических памятников. Ведь на этом знамени начертано: Православие, самодержавие, народность. Матерьял, из которого было сделано знамя: любовь к отечеству и его слава, правдивость, искренность, честность. Такое знамя нельзя передать в чьи-либо шаткие, неопытные, неуверенные руки. «Русь»[6] не должна погибнуть. Иначе погибнет традиция, преемство, т. е. то, чем держится и живет известное начало. Нельзя же так-таки похоронить незабвенного Ивана Сергеевича с тем, что он носил в своем сердце. Ив<ан> Серг<еевич> не был мыслитель, он жил и думал одним сердцем, а сердце не умирает, не должно умирать…

Дорогой Никита Петрович — я убежден, что Вы один в силах поднять опять падающее знамя и дать ему должный авторитет. При Вашем уме, Ваших познаниях и Вашем сердце Вы это сделаете. За Аксаковым при всех высоких качествах его души стояло то, что он Аксаков, а не другой кто. Но Вы принадле-

жите к тому же кружку, Вы связаны узами тесного общения с представителями т<ак> н<азываемого> славянофильского направления. Подберите стяг и водрузите его опять на прежнее месте. Мы за Вами пойдем и сделаем, что только возможно, чтобы он сиял и горел по-прежнему. Нравственная маета без Ивана Сергеевича, его свободного слова мне представляется понятием столь же несообразным, как внешняя Москва без Ивана Великого, Сухаревой башни или Царя Колокола.[7]

Москва хоронит Ивана Сергеевича Аксакова…. Часть сути своей она закапывает в землю. Она прощается с частью своего значения — для России это горе вообще, но личное как-то еще больнее. Будучи в Москве, не бывать у Ивана Серг<еевича>, не слушать его, не беседовать с ним, не находить опоры, поддержки и похвалы в лучших сторонах человеческой своей сути! Больно и обидно. —

Прощайте, дорогой Никита Петрович. Христос с Вами. Напишите мне несколько строк и сообщите известные Вам подробности этого горького события, а также что Вы намереваетесь предпринять.

Весь Ваш Н. Шаховской.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 721. Л. 3—6 об. Фрагмент о кончине И. С. Аксакова напечатан: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. IV // Ревельские Известия. 1893. 8 апр. № 75. С. 1, а также в составе вступительной статьи О. Л. Фетисенко к ее публикации: Переписка И. С. Аксакова и С. Ф. Шарапова (1883–1885) // Русская литература. 2005. № 1. С. 151.

[1] Когда в ходе Северной войны 1700—1721 гг. Прибалтика вошла в состав России, капитулировавшему и присягнувшему Петру I лифляндскому рыцарству было обещано, что в регионе сохранится главенствующая роль немецкого дворянства, Лютеранской церкви и немецкого языка. Действия князя С. В. Шаховского на посту губернатора создали ему репутацию обрусителя края и борца с привилегиями «остзейских баронов».

[2] Георгий Егорович Трусман (1857 — не ранее 1908) — исследователь по чудской истории, филологии и этнографии.

[3] Князь Шаховской ошибается: Трусман окончил в 1883 г. курс С.-Петербургской духовной академии кандидатом богословия, в следующем году защитил магистерскую диссертацию.

[4] Гиляров опубликовал присланный князем Шаховским конспект: *-ский*. Религиозный вопрос в Эстляндии // *СИ*. 1886. 12 февр. № 42. С. 2—3; 17 февр. № 47. С. 1—2. (Псевдоним не указан в Словаре Масанова.) Сделав краткий исторический экскурс в средневековое прошлое края, князь Шаховской делает подстрочное примечание: «Все дальнейшие сведения о нынешнем религиозном положении Эстляндии мы заимствуем из книги Юлия Остерблома (псевдоним) — эстонца по происхождению: “Новейшие религиозные движения в Эстляндии”. СПб. 1885 г.».

[5] И. Аксаков скончался 27 января 1886 г.

[6] Еженедельная газета «Русь» издавалась И. Аксаковым с 15 ноября 1880 г. по день его кончины.

[7] Названы московские достопримечательности: *Иван Великий* — самая высокая звонница Москвы, возведенная в 1600 г. на территории Кремля, названа по церкви Иоанна Лествичника, находящейся в нижнем ярусе колокольни; *Сухарева воротная башня*, сооруженная в 1695 г. близ Стрелецкой слободы полка Л. П. Сухарева, разобрана в 1934 г.; самый большой в мире *Царь-колокол*, отлитый в яме на Ивановской площади Кремля в 1735 г. И. Ф. и М. И. Моториными, весит свыше 12 тыс. пудов; в 1836 г. он был поднят и водружен на постамент, сооруженный по проекту А. А. Монферрана.

7 (18)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 28 января 1886 г.

28 января 1886, Москва.

Дорогой Николай Владимирович,

В письме к брату Вашему я выразил недоумение о том, куда направить мое письмо, в Ревель, значащийся в заголовке Вашего письма, или в Петербург.

Вы недовольны корреспонденциею о Тилло[1] и подозреваете, не сам ли он даже писал. Нет, но достойно внимания, что корреспондент приписал конфиденциальную для меня оговорку, что «панегирик Тилло написан в противодействие немцам, чтобы осадить их». Что-то вроде этого. Тогда я не понял этой оговорки;

Ваши слова мне ее объясняют. Может быть, корреспондент вел хлеб-соль с Тилло или что-нибудь подобное.

Вы извиняетесь в длинноте своего письма. Она действительно непростительна, и я Вам не прощу. О каком-нибудь Тилло, о каком-нибудь корреспонденте исписал целых *три* листа! Это ужасно. Вам достаточно было написать три строки о Тилло, а остальное посвятить более интересным предметам; у Вас непременно куча новостей, предположений, затруднений и проч. и проч. и проч. Хотя Вы и обещаетесь написать, да я Вам не верю и потому длинноты повествований о Тилло не прощаю.

Помимо Тилло, корреспондент хороший человек; я его давно знаю, без малого тридцать лет.[2] Имени Вашего не скажу, но уведомлю его, что панегирик его не одобряется, и вызнаю, не дружен ли был он с Тилло.

А сейчас я, родной, с панихиды об Аксакове, скончавшемся (как Вы знаете, вероятно) вчера почти скоропостижно. Очень жаль и очень тяжело. Убираются понемногу старые богатыри. А курносая смотрит на меня и кивает, говорит: за тобой черед.

Скверно. Обнимаю Вас.

Н. Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 13—13 об.

[1] Речь идет о неподписанной публикации: Из Ревеля. *14 января*: Отъезд вице-губернатора. Интриги балтов и нахальные выходки против него местной немецкой газеты // *СИ*. 1886. 20 янв. № 19. С. 3. В ней рассказывается о трехлетнем пребывании в крае Адольфа Андреевича Тилло (1846—1918) (сначала советника Губернского правления, затем — вице-губернатора), которое, по словам корреспондента, «составляет, так сказать, эпоху в летописи Прибалтийского края». И далее в возвышенном тоне, в частности, сообщалось, что в отсутствие губернатора «он стойко и мужественно управлял губернией, окруженный немецкими чиновниками и преследуемый кознями ненавидевших его баронов и других классов немецкого населения». К 14 января Тилло, оставив Ревель, убыл к новому месту службы в Саратов. Князю Шаховскому, старший брат которого князь Сергей Владимирович был непосредственным начальником Тилло, очевидно, этот чиновник был известен с другой, неприглядной, стороны.

[2] Имеется в виду педагог и публицист Александр Александрович Чумиков (1819—1902), сотрудничавший с «Современными Известиями» с 1870 г. См. письмо Чумикова к Гилярову из Ревеля от 30 октября 1885 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 8>. Л. 1—2).

8 (19)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 2 февраля 1886 г.

Москва, 2 февраля 1886.

Дорогой Николинька (извините, что я Вас так называю), приехавши из Троицы с последних проводов Аксакова, я нашел Вашу посылку и в ней письмо; пробежал его и сейчас же отвечаю на то, что прямо ко мне относится. «Поднимите упавшее знамя», — вот что Вы пишете. В близком к тому же смысле читаю я еще в письме из Киева;[1] слышал вроде того от одного приятеля в Москве. В этих благожеланиях, ко мне обращенных, я нахожу недоразумение. Что значит поднять знамя? Разве я нес какое-нибудь другое? Или я должен изменить своему направлению, если оно было какое другое?

«Русь» не должна погибнуть, говорите вы. «Русь» считает себе пять лет, а с 1868 по 1881 Аксаков не издавал ничего.[2] С прекращением «Москвы» знамя исчезло, валялось под лавкой? Нет, потому что Аксаков был жив, и Вы чрезвычайно верно заметили, что с потерею Аксакова Москва потеряла часть значения. То есть именно как Аксакова, а не как редактора «Руси»; то есть он оставался тою же Сухаревою башнею, тем же Иваном Великим (употребляю Ваше сравнение), как и без газеты.

Итак, Аксаков невозвратим. И вникните: что ему давало значение? Статьи ли его? Нет, совсем нет; статьям его придавалось значение, потому что они исходят от Аксакова. Россия и Европа признали его представителем и вождем известного направления (а Европа — даже партии). Признав бытие такого направления, такой партии, предположили в ней известную силу и стали к ней прислушиваться, отчасти даже бояться. В своей поминальной, первой о почившем ста-

тье я сказал, что слово его «звучало для иных укором совести, для других было нравственною уздою».[3] Другими словами: в нем олицетворили славянофильство (он и был его прямым выразителем и продолжателем), за которым признали честность, а некоторые и правду (то есть за направлением): вот и значение Аксакова.

Итак, родной, голубчик, сила Аксакова не в нем была, а в тех, кто его признавал. Вы понимаете, что я не отрицаю его дарований и его общественных подвигов, но если позволите уже продолжить Ваше сравнение, то в Москве, сверх Ивана Великого и Сухаревой башни, есть еще терема, и Вы их не назвали. Обращусь к другим образам в том же сравнении. Когда я в прошлом году уговаривал покойного издавать русский «Times» вдвоем со мною;[4] когда я уговаривал капиталистов, что орган будет иметь чрезвычайное значение, если во главе будет стоять имя Аксакова, я прибавлял: Аксаков есть имя европейское; приезжий иностранец смотрит в Москве Царь-пушку[5] и Царь-колокол и ищет случаев видеть Каткова и Аксакова. Но в том же Кремле есть пушка Единорог;[6] об ней не говорят, и гиды ее не упоминают. Я о себе не великого мнения, но, однако, и не маленького, но я не признан, вот что, родной! Я в положении какого-то Дон Карлоса.[7] Аксаков меня ценил, ставил меня очень высоко; во многих случаях я был для него авторитетом. Мало того: покойный Ю. Ф. Самарин склонялся предо мной[8] (по моему мнению, даже сверх заслуженного); для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие.[9] И однако Д. Ф. Самарин,[10] например, смотрит не то косо, не то сухо. Когда Аксаков начал издавать «Москву»[11] и предложил мне писать руководящие статьи с неограниченною властью (я и писал их), он выбрал в официальные заместители себя по редакции — Н. А. Попова!!![12] Этого пустомелю, ничтожнейшего из профессоров, и не заикнулся ни раза мне предложением соредакторства. Немногие знали даже, что некоторые из самых серьезнейших передовых принадлежали мне. Итак, Единорог оставлен был в тени. Не помню, чуть ли даже я не жаловался Вам, что дух мой падает иногда при сознании, что у меня нет уче-

ников, что меня игнорируют и что потому я бесполезен. Кончина Аксакова и восклицания, которые слышу: «Поднимите знамя», воскрешают эту мысль снова. Я игнорирован, я замолчан: неославянофилы, народившиеся, когда я был уже в цвете сил (вроде Ламанского и Миллера[13]), имеют обо мне только внешнее понятье, благоволят знать только понаслышке; покойный Гильфердинг, в глазах моих, Хомякова и К. Аксакова, мальчик некогда и ученик, умер превознесенным и препрославленным; он был авторитет и председатель Славянского общества.[14] Я не авторитет ни для кого; ни раза никто меня не назвал кандидатом на выдающееся общественное положение.

Прибавлю еще мелочь в существе, но она дорисовывает положение. Покойному Государю меня нужным сочли представить как одну из московских умственных сил.[15] Но дать обо мне понятие настоящему ни тогда, когда он был Наследником, ни по его воцарении никто не догадался, и бывший друг Константин Петрович <Победоносцев> ни раза мне об этом не заикнулся. Недавно я узнал, что Бартенев произведен в генералы (из Коллежских Асессоров в Действительные Статские) за издание «Архива».[16] Это рекомендует мелочность Бартенева, но не лишено значения, что Бартенев запасается известным весом наверху, обеспечивающим ему и общественное положение: с ним постеснится начальство поступить, как с другим-третьим ввиду *личной известности*.

«И Вы погибли бы, как погибли тысячи других, которых я не знаю... Но у Вас есть друзья...»[17] и проч. Вот что некогда сказал Николай Павлович Самарину, привезенному из Петропавловской Крепости к нему в кабинет. Да, у Самарина были друзья, и он был двоюродный брат таких-то, племянник таких-то, и ему не дали сгнить в крепости. И Аксакова положение социальное таково было, что его нельзя было забельшить как иголку. Он был известен Двору; Анна Федоровна[18] там и выросла; товарищи и знакомые — на высших степенях государственной службы; словом, большие связи и притом даже не в России только, — вот что давало ему значение вождя и влияние до известной степени, по

крайней мере отрицательное. В этом смысле положение Аксакова не повторится, и не от меня уже, милейший мой, это зависит.

Прибавлю к этому: Аксаков *должен был* умереть, *не мог не умереть*.[19] Я намекнул об этом, сказав, что к причинам смерти его должно отнести страдание, причиненное восточной политикой (моя первая о нем статья).[20] Это несомненно. Помимо негодования, которое в нем возбуждалось подлым, унизительным, предательским направлением дипломатии, в нем не могло не произойти разочарования. Он не признавался в этом; он отбивался, но в глубине души не мог же не чувствовать, что идеал славянского братства, начертанный его учителями (Хомяковым и К. Аксаковым), разлетается; на распростертые объятия «братья» отвечают пренебрежением, завистью, коварством, зложелательством. Пусть виноват Берлинский трактат[21] и позорная дипломатия; пусть верно (до известной степени, однако, только), что нельзя отожествлять народов с правительствами, но... Вот этого-то «но» он не мог не чувствовать, и он умер, как умер Хомяков и К. Аксаков накануне освобождения крестьян,[22] как Самарин унесен смертию накануне второй Восточной войны.[23] Теперь тоже канун, и если не 27 января, то в марте, в апреле, нынешним годом во всяком случае, Аксаков перестал бы жить. Тот пост, который занимал он в Славянском вопросе, во всяком случае, бы пустовал. Русское великодушие к славянам упраздняется самими обстоятельствами, самою историею. Я это предсказывал еще в 1878 году,[24] я об этом настаивал: но кому же нужно было меня слушать?

О последних часах Аксакова Вы узнаете из газет; я прибавить мог бы немногое. Да и рука устала, и бумаги не хватает. Благодарю, друг, за присылку тетради[25] и за теплые Ваши строки. Тетради еще не развертывал.

Куда же, однако, направлять Вам газету? Надолго ли Вы в Ревеле?

Кланяйтесь Вашему брату; письмо мое[26] (с вложенным письмом к Вам), вероятно, он получил.

Обнимаю Вас. *Н. Гиляр<ов-Платонов>*.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 14—17 об. Впервые это письмо было напечатано с купюрами А. М. Гальперсон (*РА*. 1889. Кн. III, вып. 10. С. 267—269), а затем переиздано самим князем Шаховским (также с некоторыми пропусками: *Сб. соч*. Т. II. С. 516—518) и нами в составе комментариев к изданию: *Из пережитого*. Т. 2. С. 488—490.

[1] Подразумевается письмо от И. Ф. Романова-Рцы (не сохранилось).

[2] Неточность: последний номер аксаковской газеты «Москва» действительно вышел в 1868 г. (22 октября), однако газета «Русь» издавалась не с 1881-го, а с 1880 г. (15 ноября).

[3] Не вполне точная автоцитата из поминальной редакционной статьи об И. Аксакове: Москва, 28 января: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 29 янв. № 28. С. 1; републикована нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 215—217.

[4] См. об этом проекте «большой московской газеты» обстоятельную публикацию Д. А. Бадаляна: «Мы с Вами — последние могикане…»: Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г. // *Гиляров: ИМБР*. С. 614—635.

[5] Царь-пушка калибром 890 мм была отлита из бронзы в 1586 г. мастером Андреем Чоховым и установлена в Китай-городе для обороны переправы через Москву-реку. С начала XVIII в. находилась во дворе кремлевского Арсенала, в 1835 г. отлиты декоративный лафет и чугунные ядра. Ныне помещается близ собора Двенадцати Апостолов в Москве.

[6] Имеется в виду тяжелая пушка из кремлевской коллекции — «Инрог», или «Единорог», отлитая в 1670 г. московским мастером Мартьяном Осиповым и названная в честь сказочного зверя (чудовища с телом быка или лошади). Ее калибр — 225 мм, длина — 7,56 м, а вес — 12,76 т. Пушка украшена пышным орнаментом из листьев и трав, среди которых изображены фигуры людей и медведей. На дульной части справа — рельефное изображение единорога. Ствол покоится на чугунном декоративном лафете, отлитом в 1835 г. на заводе Берда.

[7] Дон Карлос (1545—1568) — наследник испанского престола, находившийся в ссоре со своим отцом, королем Филиппом II, и умерший в заточении в возрасте 23 лет. Его судьба легла, в частности, в основу драматической поэмы Фр. Шиллера «Дон Карлос» (1783—1787) и созданной на ее основе оперы Дж. Верди (1867).

[8] О взаимоотношениях Гилярова с Самариным см. главу 3.8. Именно Самарин, очень ценивший Гилярова как философа и богослова, в свое время вызывал его на публичное обсуждение популярного среди шестидесятников бюхнеровского материализма. В № 2 «Дня» от 21 октября 1861 г. Самарин опубликовал знаменитое «Письмо о материализме к Н. П. Гилярову-Платонову»; в тот же период они трудились над совместным переводом с французского богословских брошюр Хомякова. Гиляров посвятил Самарину поминальную передовую ста-

тью: Москва, 20 марта // *СИ*. 1876. 21 марта. № 78. С. 1—2. Позднее в газете был помещен его же отклик на похороны Самарина: Москва, 30 марта // Там же. 1876. 31 марта. № 88. С. 1—2.

[9] О взаимоотношениях Гилярова и Хомякова см. главу 3.7. О своей близости к Хомякову Гиляров упоминал и в своих мемуарах: «И я и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством некоторых наших воззрений и отыскивали причину» (*Из пережитого*. Т. 1. С. 206).

[10] Младший брат Ю. Ф. Самарина, общественный деятель и гласный московского земства Дмитрий Федорович Самарин (1831—1901), публицист и издатель, недолюбливал Гилярова, считая, в частности, его неправым в немногих конфликтах, которые случались у него с Ю. Ф. Самариным. Тому же Романову-Рцы Гиляров писал 2 ноября 1886 г. об одном из них: «…Юрий Федорович заносился на меня по поводу того, что я посмел коснуться кн. Щербатова в его деятельности по городскому управлению» (*Письма к Рцы*. С. 248). Князь А. А. Щербатов был московским городским головой в 1863—1869 гг., и его деятельность на этом посту (см.: Отчет московского городского головы князя Щербатова о деятельности Московской городской думы за шестилетие с 1863 по 1869 год. М., 1969. <2>, 169 с.) время от времени вызывала критические отклики «Современных Известий». Д. Ф. Самарин в разговоре с князем Шаховским, состоявшемся 9 сентября 1893 г., также упомянул, что размолвка его брата с Гиляровым произошла, между прочим, «по поводу разг<ромной> статьи Гиля<рова> о кн. Щербатове» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 56 об.).

[11] Первый номер газеты «Москва» увидел свет 1 января 1867 г.

[12] Упомянут историк, архивист и славяновед Нил Александрович Попов (1833—1891), профессор Московского университета (с 1869 г.), член-корреспондент С.-Петербургской АН (1883); управляющий Московским архивом Министерства юстиции.

[13] Названы Владимир Иванович Ламанский (1833—1914), славист-историк, филолог, этнограф, издатель и общественный деятель, профессор С.-Петербургских университета (1871—1888) и духовной академии (1872—1897), и Орест (Оскар) Федорович Миллер (1833—1889), фольклорист, историк литературы, критик, публицист, профессор С.-Петербургского университета (1870—1887).

[14] Александр Федорович Гильфердинг (1831—1872) — славяновед, фольклорист, член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук (1856). При основании в 1867 г. петербургского отделения Славянского благотворительного общества он был избран первым его председателем.

[15] Гиляров был представлен императрице Марии Александровне и Александру II через посредство главноуправляющего Второго отделения Собственной Его Величества канцелярии

графа Д. Н. Блудова и его дочери Антонины, с которыми сблизился еще в 1853 г. Произошло это после того, как Гиляров написал по просьбе графини А. Д. Блудовой для императрицы сначала «Записку о расколе» (1855), а затем «Записку о первоначальном образовании народа». Последнюю он 23 декабря 1861 г. послал графине Блудовой (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 8—12 об.). 3 января 1862 г. та сообщала Гилярову: «Ваша записка об обучении народа была прочтена самому Государю, который ею очень доволен, разделяет Ваш образ мыслей и, как я достоверно узнала, твердо убежден, что в руках духовенства *должно* оставаться образование первоначальное» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572). Точная дата Высочайшей аудиенции нам неизвестна.

[16] Историк и библиограф Петр Иванович Бартенев (1829—1912) издавал журнал «Русский Архив» с 1863 г. Он дружил с Гиляровым с начала 1850-х гг., но впоследствии, в середине 1860-х гг., между ними возникли неприязненные отношения из-за конфликта, происшедшего у Гилярова, в тот период управляющего Московской Синодальной типографией, с его подчиненным по службе П. А. Бессоновым, приятелем Бартенева. Действительный статский советник — по Табели о рангах, гражданский чин 4-го класса — соответствовал званию генерал-майора в армии. Звание коллежского асессора было на две ступени ниже (6-й класс).

[17] Неточно приведены слова, сказанные Николаем I во время личного объяснения с Самариным после его ареста за распространение «Писем из Риги» (он был заключен в Петропавловскую крепость на 12 дней, с 5 по 17 марта 1849 г.). Эту беседу с императором Самарин описал в предисловии к первому из шести выпусков «Окраин России», называвшемуся «Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую серию)» (Прага, 1868).

[18] Жена И. Аксакова (с 1866 г.) и дочь поэта Анна Федоровна Аксакова (ур. Тютчева; 1829—1889) с 1853 г. была фрейлиной великой княгини (с 1856 г. императрицы) Марии Александровны.

[19] Не исключено, что выделяя фразу «Аксаков должен был умереть», Гиляров откликается на сходные рассуждения Н. Н. Страхова, так начавшего свою известную статью «Поминки по И. С. Аксакове»: «Вовремя умер И. С. Аксаков. Разумеется, вовремя для себя, а не для нас, не для русской литературы, не для России. <…> Если этому бодрому деятелю, этому богатырю по телу и по духу предстояли разочарования, если ему суждено было впереди переходить от уныния к унынию, то нельзя разве сказать, что смерть вовремя избавила его от неминуемых горестей?» (*НВр*. 1896. 7 марта. № 3599. С. 1). Эту же мысль Гиляров, опять-таки отталкиваясь от слов Страхова, развивал в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 19 октября 1886 г.:

«Кто-то сказал в печати, что И. С. Аксаков умер для себя вовремя. Я этого не высказывал, но совершенно с мнением согласен. Если б он и остался жить после 28 января, он бы и вторично, и в третий раз умер. Иллюзия о *славянском* братстве встречает слишком осязательное разочарование. Россия есть дойная корова, на которую в случае беды можно прислониться, — вот чувство, которым отвечают на наши братские объятия; но при первом же случае обернутся к нам спиною и предадут нас. Сравнивая же с этими братушками, ну, хотя грузин, которые соединились с нами во имя высшего начала, нежели этнографическое, какая разница в преданности!» (*Письма к Рцы*. С. 237).

[20] Речь идет о первой поминальной передовой статье Гилярова, посвященной И. Аксакову: Москва, 28 января: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 29 янв. № 28. С. 1. Она заканчивалась так: «К числу причин, сведших его в могилу, мы несомненно уверены, относилось и то глубочайшее страдание, которое испытывал он при виде направления, принимаемого политикою в Балканском вопросе. Говорят, была болезнь сердца, но, однако, врачебные знаменитости даже за несколько часов до кончины обещали ему еще много лет при “спокойной жизни”. Но когда к физической болезни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющие в то самое, чем жил и для чего жил человек, — сосуд не устоит, и нравственное страдание прекратит физическую жизнь».

[21] Берлинский трактат — международное соглашение, подписанное 1 июля 1878 г.; оно в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова изменило условия ранее (19 февраля того же года) заключенного Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, которым была завершена победоносная для России Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Гиляров в свое время в целом ряде программных передовых статей рассматривал значение Берлинского договора и его негативные последствия для судьбы России и европейских держав. Наиболее важные: *СИ*. 1878. 1—3, 5—8, 10, 11, 15, 16, 20, 25 июля. № 178—180, 182—185, 187, 188, 192, 193, 197, 202.

[22] Оба скончались в 1860 г., незадолго до отмены крепостного права: Хомяков 23 сентября от холеры, а К. Аксаков — 7 декабря от чахотки.

[23] Ю. Ф. Самарин умер 19 марта 1876 г. от заражения крови после оперирования руки. «Вторая Восточная война» (т. е. Русско-турецкая; первой Восточной называли Крымскую войну) началась с официального объявления ее Россией Турции 12 апреля 1877 г.

[24] Подразумевается неблагодарное, по убеждению Гилярова, поведение болгар по отношению к своим освободителям. Так, 19 октября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «…даже во время войны братушки держали себя преподло (из них были главные шпионы). Это народ эгоистический, без идеалов; торгаш и скопидом, лишенный поэзии» (*Письма к Рцы*. С. 236). О

подобных фактах (зажиточные болгары отказываются продавать сено русским войскам, служат шпионами у турок и др.) Гиляров неоднократно писал в 1877—1878 гг., во время Русско-турецкой войны. См., например: *СИ*. 1877. 14 сент. № 253. С. 1—2; 24 сент. № 263. С. 2.

[25] Очевидно, речь идет о сделанном князем Шаховским реферате книги Ю. Остерблома (см. коммент. 4 к п. 17).

[26] Местонахождение этого письма Гилярова к князю С. В. Шаховскому неизвестно.

9 (20)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, февраль 1886 г.

Действие Вашего теплого письма об «упадающем знамени», дорогой Николай Владимирович, не ограничилось минутным впечатлением. Вы перечислили начала: «православие, самодержавие, народность», — и я задумался над глубоким недоразумением, которое кроется в каждом из этих понятий. Кому бы ни[a] принадлежало первое провозглашение этой формулы, императору ли Николаю, как говорят, или Уварову,[1] славянофилы усвоили ее лишь отрицательно, и сама она в себе только отрицательна. «Самодержавие»… кто-то произнес некогда при мне Константину Аксакову. — Да, отвечал он, но… новгородское! То же с православием. Хомяков, благоговейнейший[b] хранитель всей обрядности, сводил исполнение церковных уставов к требованию любви,[c] придавал им условную нравственную обязательность, чтобы «не оскорбить братьев по вере».[2] Народность по-видимому определеннее формулирована, но она сокращалась в заповедь: не трогай быта. В быту же драгоценнейшим представлялось мирское устройство, счастливо совпавшее с церковным идеалом православия. Во всяком случае, как о самодержавии и православии нужно спросить *какое*? — так по совершившемся разгроме быта и требование народности обратилось в X, потому что цивилизация Петровская не осталась внешним ярмом, но всосалась и всасы-

[a] *Далее зачеркнуто*: было.
[b] *Далее зачеркнуто*: исполнитель.
[c] *Далее зачеркнуто*: следовательно.

вается в народ. Константин Аксаков[a] смотрел на это мистически; только снимите гнет с[3]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 505. Л. 15—15 об.

[1] Традиционно эта идеологема все же считается именно «Уваровской триадой». 21 марта 1833 г., при вступлении в должность министра народного просвещения, Уваров писал в своем «циркулярном предложении», разосланном попечителям учебных округов: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности» (*ЖМНП*. 1834. Ч. I, № 1. С. XLIX—L).

[2] Подразумеваются католики и протестанты.

[3] Здесь письмо обрывается.

10 (21)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

Деревня Симеиз Ялтинского уезда Таврической губернии, 26 сентября 1886 г.

Симеиз 26/IX 86.

Дорогой Никита Петрович,

посылаю Вам окончание «Православия в Пр<ибалтийском> крае» — хотите разбейте на три главы, хотите печатайте целиком все, что́2 теперь вам посылаю.[2] Я здесь вовсю наслаждаюсь природой. Солнце печет как летом, растительность роскошная — особенно меня пленяют кипарисы и пирамидальные тополя, под ногами красивое, лазурное море, за спиной высокие, крутые горы, в саду цветы и десятки журчащих горных источников, все прогалинки между деревьями и полянки полны созревшим виноградом, сладким и душистым, — вот в какой природе я живу. Семейная среда, в которой я обретаюсь, до последней степени привлекательная, скорее серьезная, полная постоянного труда, немножко в пуританском духе. У графа[2] роскошная библиотека, еще старая Киселевская,

[a] *Далее зачеркнуто*: относился к этому [вопросу мистически; ему представлялось, что сними гнет с народа] мистически, и при продолжавшем неразумном режиме, это.

полная редких книг и прекрасных гравированных изданий. Словом, бери что хочешь — все манит и все заставляет сосредоточиваться. Тем не менее я плоти посвящаю более забот, чем духу, и более делаю вздора, чем следовало бы в моем положении.

Очень Вас благодарю за присылку «Совр<еменных> Изв<естий>», но, к своему прискорбию, замечаю, что мне приходится реже Вам внимать, чем я думал. В последних нумерах Ваша звездочка почти не всходила — всё больше фигурировали иные знаки.[3] Надеюсь, что Вы мне пришлете циркуляр о Славянском.[4] Жду с нетерпением Ваши о нем статьи по поводу его концертов. Меня немножко неприятно удивляет, что после всех моих совершенно бескорыстных хлопот о Дм<итрии> Ал<ександровиче> — никто из его семьи не удосужился строчки мне черкнуть сюда. Неужели и они ухаживают за человеком, ласкают его, только пока он им нужен. Не таков должен быть истинно русский артист, именно народный деятель. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь.

Обратили Вы внимание на последнюю статью Шарапова по поводу издания II т<ома> соч<инений> Аксакова на тему «замалчивания» будто печатью взглядов и теорий Ив<ана> Серг<еевича>.[5] Как он подчас эксплуатирует эту мысль, имея очевидно в виду одного себя, ибо Аксаковских взглядов никто не замалчивает, но, напротив, все органы упоминали об них, овии вели с ним борьбу, овии[6] защищали. Замалчивал один Катков. — Что скажете про кашу, заварившуюся с Болгарией? Первые шаги Каульбарса[7] не обличают в нем способного человека, ведь он собственно ярый западник.

Целую Вас крепко. Жду Вашего письма, побольше и поинтереснее.

Ваш всем сердцем Н. Шахов<ской>.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 721. Л. 7—8 об. Фрагмент о С. Ф. Шарапове впервые опубликован О. Л. Фетисенко в составе вступительной статьи к ее публикации: Переписка И. С. Аксакова и С. Ф. Шарапова (1883–1885) // Русская литература. 2005. № 1. С. 151.

[1] Начало этого цикла очерков опубликовано: *Наш <Шаховской Н. В., кн.>*. Православие в Прибалтийском крае // *СИ*. 1886. 20 сент. № 259. С. 2, а продолжение: Там же. 1886. 13 окт. № 282. С. 1. (Псевдоним не учтен в Словаре Масанова.)

[2] Судя по упоминанию ниже «Киселевской библиотеки», речь идет о бывшем военном министре (1861—1881) графе Дмитрии Алексеевиче Милютине (1816—1912). Он приходился племянником по матери ближайшему сподвижнику Николая I графу Павлу Дмитриевичу Киселеву (1788—1872), министру государственных имуществ (1837—1856). После отставки Милютин почти безвыездно жил в своем имении в Симеизе; сюда и приехал погостить князь Шаховской (его брат Сергей был женат на дочери графа).

[3] 23 ноября 1886 г. Гиляров писал Романову-Рцы: «Вы студентом обратили внимание на знаки зодиака в моей газете. Вы понимаете, конечно, что это значки авторов. А знаете ли Вы, какой мой знак? И отличаете ли Вы мои статьи от других? Мне это любопытно. <…> Я пишу под знаком *, то есть маленькой звездочки. Различали Вы это или нет?» (*Письма к Рцы*. С. 305). Авторские значки, упомянутые Гиляровым, ставились в «Современных Известиях» в самом начале каждого материала.

[4] Имеется в виду циркуляр о предстоящем чествовании в связи с 25-летием сценической деятельности певца-тенора и дирижера Дмитрия Александровича Агренева-Славянского (1836—1908), собирателя народных песен, основателя «Славянской капеллы», приятеля Гилярова. Князь Шаховской через свои родственные и дружеские связи поспособствовал тому, чтоб это мероприятие было разрешено властями.

[5] Возмущение князя Шаховского было вызвано, в частности, следующими, исполненными неумеренного пафоса словами С. Ф. Шарапова в его подпередовой статье: «…печать *замалчивала* Ив. Серг. Аксакова; замалчивала *все* его издания. <…> Позор, глубокий позор русской печати за это замалчивание. Позор потому, что в основе его лежали мерзкие, чисто лавочнические инстинкты конкурента. Сохрани Бог выдвигать и *рекламировать* (вот это подлое слово!) противника. Если его идеи войдут в курс, его газета убьет нашу. Умер — ну теперь хвали, теперь не конкурент!» (*РД*. 1886. 20 сент. № 22. С. 1—2).

[6] Овии (*цркcл.*) — иные, некие.

[7] Речь идет о Болгарском политическом кризис 1885—1887 гг., связанном с соперничеством Турции, Великобританиии, Австро-Венгрии и России за влияние в Болгарии. Генерал-майор барон Александр Васильевич Каульбарс (1844—1925), в 1882 г. бывший военным министром Княжества Болгарского, в сентябре-ноябре 1886 г. пребывал в Болгарии с особым дипломатическим поручением, однако эта его миссия окончилась полной неудачей.

11 (22)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 8 ноября 1886 г.

8 нояб<ря>.

Вот Вам, родимый, новая редакция письма. По-моему, она будет лучше: и яснее, и тверже, и в то же время вежливее. Думаю, что Вы одобрите, а равно и Анна Фед<оровна>.[1]

Ваш Н. Г.

См. следующую страницу.

Г. Издателю «Нового Времени»

М<илостивый> Г<осударь>.

Друзья и почитатели Ивана Сергеевича Аксакова просят меня, чтобы независимо от воспроизведения сочинений, уже видевших свет, была обнародована и его обширная *переписка*. Находя это и с своей стороны полезным, намереваюсь приступить к этому делу вслед за окончанием продолжающегося теперь полного издания сочинений. Ввиду этого, чрез посредство Вашей газеты, обращаюсь с усердною просьбою ко всем лицам, имеющим у себя письма Ивана Сергеевича, переслать их мне, по адресу: Москва, Большой Знаменский переулок, д. Угрюмова.

Выбор писем, которые могут быть обнародованы и которые должны оставаться, хотя бы до известного времени, в рукописи, равно и порядок издания их, я предоставляю себе. Об этом считаю нужным также оповестить чрез Вашу газету настоящим письмом, дабы предупредить появление в печати таких писем, на обнародование которых я не могу дать согласия.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 8—9 об. Записка написана карандашом.

[1] См. коммент. 18 к п. 19. Нижеследующее «Письмо в редакцию» появилось в № 3865 «Нового Времени» от 1 декабря 1886 г. (с. 3) за подписью: *Анна Аксакова*; причем с минимальной правкой (*через* вместо *чрез* и т. п.).

12 (23)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

С.-Петербург, 21 ноября 1886 г.

СПб. 21/XI 86.

Дорогой Никита Петрович.

Все время нахожусь в хлопотах и по устройству служебной позиции, и по устройству логовища. Теперь я устроился *на Литейной, д. Мариинской больницы.*[1] *Кв. Смотрителя*. По этому адресу молю Вас снабжать меня «Современными Известиями», которых уже несколько дней не читал и по которым тоскую.

О статье, которую Вы мне читали в день нашего расставания, я очень хочу с Вами побеседовать, но для этого должен предварительно еще раз прочитать со всем вниманием Ваше произведение. Теперь же к тому досуга не имею: меня более поглощают заботы о том, где купить получше и подешевле письменный стол, комод, диван и пр. Т<ак> к<ак> две комнаты, уступленные мне Ушаковым (смотрителем),[2] пока совершенно пусты.

Чтобы Вы на меня не сердились на то, что я пустяками отнимаю у Вас время, сообщу Вам сказанное мне на днях одним приятелем моим, Контролером Госуд<арственного> Контроля, соображение о невозможности и невероятности нашего столкновения с Германи<ей>[3] в ближайшем будущем. Точка зрения самая реальная. На мои слова по поводу совершающихся событий, в сплетении коих видна рука Бисмарка, и о возможности столкновен<ия> с Германи<ей>, он мне ответил: «Я в дипломатических тонкостях не понимаю ничего и совершенно равнодушно отношусь к политике, но тем не менее вижу, что Германия: несмотря на самый вызывающий образ действия с нашей стороны, должна силою вещей пасовать. Более 4 лет занимаюсь я контролем наших заграничных займов, что

дает мне возможность видеть то, что скрыто от глаз публики. Не мы в зависимости от Германии, а она от нас, ибо все наши колоссальные заграничные *долги сосредоточены ныне в Германии*. Страшный финансовый крах, последствия которого для благосостояния и самостоятельности Германии трудно предвидеть, — грозит ей, если она вздумает объявить нам войну. Это было бы равносильно тому, если бы кредитор, имеющий получить крупную сумму с своего должника, в надежде этого достигнуть взял и застрелил его. Для нас выгоды войны, наоборот, были бы неизмеримы: всякая военная издержка обошлась бы нам дешевле разорванных долговых обязательств. Вот какова речь контролера. Ее бы не худо иметь в виду всем, которые трусят нашего столкновения с Германиею.

До свидания. Крепко Вас обнимаю и желаю Вам всего лучшего.

Весь Ваш Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 17—18 об.

[1] Мариинская больница, основанная в 1803 г., расположена по адресу: Литейный пр., 56. Князь Шаховской, как и многие петербуржцы в тот период, называет Литейный проспект улицей (так он именовался изначально, до 1792 г.).

[2] Не исключено, что этот Ушаков был родственником товарища князя Шаховского по службе — чиновника особых поручений при министре внутренних дел V класса действительного статского советника Василия Семеновича Ушакова.

[3] В этот период резко обострились межгосударственные отношения в связи с оккупацией Англией Египта, нацеленной, между прочим, на то, чтобы помешать России утвердиться на Балканах. Германия поддержала Англию. См., например: *Молчанов А.* Болгария и Египет // *НВр*. 1886. 8 нояб. № 3842. С. 1; *А. Б. <Маслов (Бежецкий) А. Н.>*. Военные заметки: Близость большой войны // Там же. 1886. 2 дек. № 3866. С. 2—3.

13 (24)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 26 ноября 1886 г.

М<осква>. 26 ноября 1886.

Получаете ли газету, родной? Немедленно по получении Вашего письма я распорядился.

«Личное и общественное»[1] поищу, нет ли у меня еще экземпляра; и если есть, перешлю Вам.

Но вот Вам просьба; исполните ее *немедленно*; Вы увидите, почему нужна скорость.

В Москве идет слух, что «Русским Ведомостям» велено *умереть,* то есть запрещено объявлять подписку на будущий год.[2] Подписка действительно не появляется. Вы имеете возможность справиться, достоверно ли это. Вероятно, редакция и ходатайствует: тогда мне нужно знать, есть ли надежда на успех ходатайства или дело решено бесповоротно. Мне знать это нужно для того, чтобы успеть перехватить подписчиков, которые, конечно, разбредутся по разным газетам. Зная вовремя, я успею принять меры.

Когда справитесь, отвечайте немедленно.

Суждение контрольного чиновника не ново; его печатно высказал уже Шарапов,[3] и оно вполне верно.

Обнимаю Вас

Н. Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 18—19.

[1] Имеется в виду отдельный оттиск статьи: *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> З<емлевладельцев>. № 22) // *ЖЗ.* 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411—438. Гиляров незадолго до этого, 12 ноября 1886 г., послал эту свою работу в Киев Романову-Рцы и в письме к нему же от 23 ноября 1886 г. так ее охарактеризовал: «“Личное и общественное” касается существеннейшей темы периода, проживаемого теперь человечеством. Решением этого вопроса и живет теперь человечество. Резче всего он обозначается на экономической и политической почве, в виде борьбы между либерализмом и социализмом, буржуазиею и пролетариатом, парламентарностью и коммуною etc. Та же борьба переносится и в сферу этики и даже в метафизику и естественные науки. Но центр — в экономических вопросах, в размежевании капитала с трудом» (*Письма к Рцы*. С. 303).

[2] 20 октября 1886 г. была воспрещена розничная продажа номеров ежедневной московской газеты либерального направления «Русские Ведомости» (взыскание снято 10 февраля следующего года); других цензурных кар по отношению к этому изданию в тот период не последовало.

[3] С. Ф. Шарапов, действительно, не раз в своих передовицах утверждал, что Германии война с Россией невыгодна, — см., например: «Германии нужен мир во что бы то ни стало; за этот мир она отдаст всю свою политику, все свои национальные замыслы будущего; она будет покорна России, лишь бы только отвести грозу франко-русского союза» (Москва, 13 сентября // *РД*. 1886. 13 сент. № 21. С. 2). Но и в данном примере, и в других случаях Шарапов не писал о финансово-экономической подоплеке германского миролюбия. Однако этому вопросу была посвящена особая публикация в его издании: *Москвич*. Кое-что о немецкой дружбе: (Письмо к редактору «Русского Дела») // Там же. 9 авг. № 16. С. 9—10. Видимо, ее и подразумевал Гиляров.

14 (25)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

С.-Петербург, 2 декабря 1886 г.

Дорогой Никита Петрович.

Слух о смерти «Рус<ских> Вед<омостей>» по особому докладу совершенно не оправдался. Я справлялся у больших и малых чинов пресекающих — и они мне категорически отрицали существов<ание> подобного факта даже в предположении: запрещена лишь розничная продажа. Затем отношение Гл<авного> Упр<авления>[1] к «Р<усским> В<едомостям>» будет зависеть вполне от поведения профессорской газеты.

Не могу скрыть от Вас, что здесь Ольга Христофоровна.[2] Она меня разыскала в адресном столе и пожаловала ко мне с своей племянницей. Следствием визита было временное порабощение моей личности. Я был поставлен в необходимость носиться по разным учреждениям, дабы узнавать, дали <ли> разрешение из Петербурга на рассылку циркуляра к юбилею Славянского. Оказалось, что за разрешением *еще никто не обращался* и здесь еще никто не знает ничего об этой затее. Ольга Христоф<оровна>, конечно, взмыла благородным негодова-

нием, хотела посылать Вам тревожные телеграммы. Но я ее отговорил от решительных поступков и обещал Вам об этом написать.

О<льга> Х<ристофоровна> была у Вл<адимира> Ал<ександровича>.[3] Вручила наконец записку и теперь ждет благосклонного ответа. Рассказывала мне об оказанном ей любезном приеме и, исходя из него, развила передо мной целые планы будущих восхождений Дм<итрия> Ал<ександровича> по ступеням служебной лестницы. С фантазией трудно совладать, когда подкладкой ей служит голое честолюбие. О<льга> Х<ристофоровна> решилась добиться для добрейшего Дм<итрия> Ал<ександровича> высокого положения директора Имп<ераторских> Театров. Русские песни, образцовый хор, издания — все это побоку, — положение и чины как награда и могила для прошлого. Вот на какой подкладке у нее *идея* и *русск<ое> дело*, вот как избиты взбалмошной женщиной репутация и заслуги человека почтенного. Грустно!

Я все это время был занят довольно скучной и утомительной процедурой разборки книг и составления каталога, покупки мебели, обивки и т. п. Слава Богу, имею свой собственный угол и живу, т<ак> ск<азать>, своим хозяйством пополам с Ушаковым.

Сегодня приехал брат Сергей и я с ним носился целый день по нужным местам. Устал как собака. До свидания. Целую Вас, дорогой, крепко. Если что занадобится, молю не миновать меня.

Всей душой Ваш Николай

2/XII 86 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 19—20 об.

[1] Подразумевается Главное управление по делам печати.

[2] Ольга Христофоровна Агренева-Славянская (ур. Позднякова; 1847—1920) — жена Д. А. Агренева-Славянского, фольклористка и этнограф, член Императорского Русского географического общества, Общества авторов и композиторов в Париже, Тверской ученой архивной комиссии.

[3] Великий князь Владимир Александрович (1847—1909) — младший брат Александра III, генерал от инфантерии (1880); в 1884—1905 гг. занимал пост Главнокомандующего войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа.

15 (26)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 20 декабря 1886 г.

М<осква>. 20 декабря.

Сейчас прочел, что «Русское Дело» приостановлено на три месяца:[1] скоренько! Впрочем, полагаю, что при своем пронырстве Шарапов успеет умилостивить, и срок сократят. А я только что сбирался Вас спросить: правда ли, что Шарапова представляли Государю? По крайней мере, он сам об этом говорил одному молодому чеху. Это еще не столь важно, а мне передавали еще, что будто бы «Русское Дело» попало в Гатчину,[2] где его отожествляют с Аксаковым. Такое опасение выражает между прочим и Анна Федоровна. Это уже поважнее; а Шарапов так умеет эксплуатировать имя покойного своего патрона; к нему и обращаются как к истинному преемнику Ивана Сергеевича.[3]

Нашел я еще оттиск «О личном и общественном»;[4] посылаю его по обещанию, хотя не знаю, застанет ли он Вас; думаю, что Вы не укосните побывать в Москве на Святках. Али нет?

С юбилеем известного Вам мужа[5] стряслось нечто. Подал я просьбу, а мне вопрос: где же доказательство 25-летия? Потрудитесь представить. А сохранили ль они афишу от тех времен?

Два воскресенья сряду я читал в Обществе Любителей Российской Словесности: раз главу из «Пережитого», другой раз — Воспоминания о возрождении упомянутого общества в 1858 году,[6] чему я тогда был свидетелем и участником. При этом представлена была характеристика того времени и несколько слов о Хомякове, С. и К. Аксаковых и о М. Н. Лонгинове.[7] Приняли меня *очень* хорошо. Анна Михайловна[8] выражала сожаление, что Вас не было в

числе слушателей; по ее мнению, от Вас последовало бы сообщение куда-нибудь, ибо в «Новое Время» Курепин сказал обо мне только мимоходом, остановившись только на Пругавине,[9] тогда как мне были, без преувеличения, овации: подымали рукоплесканиями после того, как я уже сел; подходили благодарить etc. А я даже не обижаюсь; кумовство свое берет.

Вторую часть своего «Пережитого» я кончил. Насчет послесловия сомневаюсь; если приедете в Москву, сочту долгом прочесть Вам и спросить совета. Но, впрочем, *публика* ли Вы? Вот вопрос; а мне важно, взял ли я в надлежащий тон относительно публики. Послесловие объясняет, почему я остановился на данном пункте и почему не могу в бытописательной форме передать хода моей умственной жизни в Академии.[10]

У нас здесь назначают Вышнеградского министром финансов; увольняют Толстого с назначением в вице-президенты Госуд<арственного> совета; а М. Н. Каткова возводят в министры иностранных дел.[11] В какой мере все это вопрос?

Обнимаю Вас.

Н. Гиляров-Плат<онов>.

Печатается впервые полностью по копии князя Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 12—13 об. Опубликовано в сокращении: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. V // Ревельские Известия. 1893. 9 апр. № 76. С. 1. Автограф неизвестен.

[1] Московский еженедельник «Русское Дело», издававшийся в 1886—1890 гг. публицистом и экономистом Сергеем Федоровичем Шараповым (1855—1911), был приостановлен на три месяца 19 декабря 1886 г. за нарушение конфиденциального «распоряжения, объявленного редакторам бесцензурных повременных изданий 20-го августа 1886 г.» (*ПВ*. 1886. 20 дек. № 279. С. 1), — по поводу трактовки вопросов внешней политики России. В своей передовой «Москва, 16 декабря» (*РД*. 1886. 16 дек. № 34/35. С. 1—2), вызвавшей цензурное наказание, Шарапов в связи с болгарскими событиями говорил о враждебном отношении Германии к России, причем это государство (правительство которого входило в тайный «Союз трех императоров») называлось «кровным племенным и историческим врагом» России (с. 2).

[2] Гатчинский дворец, как известно, был официальной резиденцией Александра III.

[3] Гиляров писал о том же 1 января 1887 г. Романову-Рцы: «Жалеете Вы о судьбе Шарапова? Не видал я вдовы Аксаковой; полагаю, она рада, как и ближайшие друзья Аксакова, все возмутившиеся, что без всяких нравственных прав и полномочий сей г<осподин> вздумал эксплуатировать имя покойного редактора “Руси”, вопреки воле вдовы его овладевши списком подписчиков “Руси” etc. etc.» (*Письма к Рцы*. С. 320). Шарапов в 1881—1886 гг. был сотрудником аксаковской газеты «Русь».

[4] См. п. 24 и коммент. 1 к нему.

[5] Подразумевается Д. А. Агренев-Славянский (см. коммент. 4 к п. 21).

[6] 7 декабря 1886 г. состоялось 386-е торжественное публичное заседание, посвященное 75-летию Общества, на котором Гиляров прочел «отрывок из воспоминаний» «Возрождение Общества любителей российской словесности», а 14 декабря — 387-е публичное заседание, где Гиляров снова читал «отрывок из воспоминаний» — под названием «Дядюшка Петр Иваныч» (*Мендельсон Н. М*. Общество любителей российской словесности при Московском университете: Исторические записки и материалы за 100 лет. 1811—1911. М., <1911>. Прил. С. 151). В отдельном издании «Из пережитого» рассказ «Дядюшка Петр Иванович» (название немного изменено) составил LVII главу; впервые же он был опубликован в журнале «Дело» (1887. № 1. С. 73—85).

[7] Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875) — библиограф, мемуарист, критик. При его деятельном участии в 1858 г. были возобновлены заседания Общества любителей российской словесности. В 1859—1864 гг. он был секретарем Общества.

[8] А. М. Гальперсон.

[9] О первом выступлении Гилярова (7 декабря) журналист и драматург Александр Дмитриевич Курепин (*1847—1891)*, в рассматриваемый период регулярно публиковавший в «Новом Времени» обзоры московской общественной жизни, действительно упомянул походя: «Наши любители словесности открыли, наконец, сезон своих литературных матинэ <фр. matinée — утренник>. / Первый блин комом не вышел. Хорошенький рассказ г. Мамина-Сибиряка, интересные воспоминания г. Гилярова-Платонова и не менее интересная “козери” г. А. Пругавина о религиозных кружках в Москве — словесность и история в разных видах, — чего же больше желать? / Страницы, написанные гг. Маминым и Гиляровым, скоро имеют появиться в печати. Я остановлюсь на очерке г. Пругавина, тем более что этот “первый отрывок” из истории религиозных кружков в Москве будит во мне кое-какие воспоминания» (*К*. Московский фельетон: Утро любителей словесности: Сибиряк, Гиляров-Платонов и А. Пругавин. Из истории редстокизма в Москве; светская картинка. <…>: *10-го декабря* // *НВр*. 13 дек.

№ 3877. С. 2). Александр Степанович Пругавин (1850—1920) — исследователь старообрядчества и сектантства, революционер-народник.

О втором выступлении Гилярова (14 декабря) Курепин сообщил так: «В это воскресенье г. Нефедов читал “Свекра”, а г. Гиляров-Платонов — новую главу “Воспоминаний”, посвященную проницательному квартальному Петру Ивановичу, который сразу умел распознавать преступников. Так как обе эти вещи скоро появятся в печати, то я не стану лишать их интереса новизны, хотя бы и кратким пересказом» (*К.* Московский фельетон: <…> Новости у словесников. <…>: *17-го декабря* // *НВр*. 20 дек. № 3884. С. 2).

[10] Гиляров имеет в виду следующие свои объяснения: «Кладу перо. Описание моих студенческих занятий обратило бы мой рассказ в собрание ученых и критических трактатов. <…> Во всяком случае, интерес *бытовой, педагогический и психологический*, который приписываю я своему детству и отрочеству, кончился, потому что *рост* кончился. Дальнейшие события моей жизни если заслуживают внимания, то не по себе, а потому, что дали видеть и знать людей, прямо или косвенно двигавших судьбами и просвещением России; интерес *исторический*. Но то предмет для особого труда в виде монографий, не нуждающегося в хронологической связи и не обязанного к ней» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 97).

[11] Эти слухи оправдались только в отношении государственного деятеля и ученого Ивана Алексеевича Вышнеградского (1831—1895), который 1 января 1887 г. возглавил Министерство финансов. Упомянутые министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1882 г.) граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) и редактор-издатель «Московских Ведомостей» Михаил Никифорович Катков (1818—1887) приписываемых им молвой постов не получили.

16 (27)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 1 мая 1887 г.

1 мая 1887. Москва.

Ну, что Вы скажете об юбилее,[1] которого первый-то виновник-то ведь Вы? Я прожил очень тягостные дни; но обошлось гораздо лучше, нежели я ожидал, — не в смысле вещественных последствий лично для юбиляра, но в общественном смысле. Королева Виктория,[2] Гуно,[3] разные иностранные консерватории и оперные театры выручили;[4] не говорю уже о Пастере и Буланже.[5] Нашим консерватористам и музыкантам-специалистам, которые не только не

приняли ни малейшего участия, но присылали даже оскорбительные письма, я вижу в юбилее поставленный длинный нос. Хотелось бы мне, хотя не знаю, успею ли, сопоставить этот факт с лакейством перед Брандесом, или как было, года два, что ли, перед Шпильгагеном.[6]

Как Вы нашли мою речь?[7]

Психологически любопытно между прочим, как за несколько дней до юбилея даже кажущиеся единомышленники начали один за другим оставлять лагерь.[8] Первый убежал Забелин, хотя один из учредителей. Затем Чаев, тоже учредитель и даже обещавший прочитать серьезный трактат о русской песне и ее будущем. Его речь мы предполагали самою капитальною частью заседания, к которой речь Барсова[9] должна была относиться как пояснительный пример только. Юрьев, третий учредитель, тоже не читал, хотя обещал.[10] Но он по крайней мере был на заседаниях; а те двое даже на заседаниях не были. Мужества не хватило: позор!

А Ольга Христофоровна? Ничего! Ее сообщение вышло хоть куда.[11]

Теперь отсыпаюсь от нравственного утомления: сплю по четыре часа даже днем.

А Вы хороши! Уехали не простясь; я в серьезном за это на Вас неудовольствии.

Ваш Н. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 1—2 об.

[1] См.: «25 апреля, в час дня, в Москве, в большой зале Российского Благородного Собрания, происходило чествование Д. А. Агренева-Славянского по случаю 25-летия его артистической деятельности» (Юбилей народного певца Д. А. Агренева-Славянского // *СИ*. 1887. 26 апр. № 112. С. 2). И в следующем номере продолжение этой статьи: «в воскресенье, 26 апреля, во второй день юбилея, в большой зале Российского Благородного Собрания происходило ученое заседание при многочисленной публике» (27 апр. № 113. С. 2). Помимо Гилярова, Е. В. Барсова и О. Х. Агреневой-Славянской, речи произнесли С. Ф. Шарапов и В. А. Скрипицын (опубл.: 1 мая. № 117. С. 1), а также Ф. Н. Плевако (не во время офиц. чтений; опубл.: 27 апр.

№ 117. С. 1—2). См. также объявление: «Обед в честь Д. А. Славянского назначается на 25 апреля в 5 часов пополудни, в доме баронессы Шеппинг, на Большой Дмитровке. Во время обеда капеллою Славянского будут исполняемы любимейшие публикою песни» (*СИ*. 1887. 22 апр. № 108. С. 1).

[2] Первое сообщение об этом см. в заметке «Европейские сочувствия юбилею Д. А. славянского»: «…в числе заграничных приветствий <…> одно прислано от ея величества Британской королевы…» (Там же. 1887. 24 апр. № 110. С. 2). Позднее газета вернулась к этому событию: «…председателем были прочитаны телеграммы <…> из Англии от ея величества королевы Виктории…» Далее приводится текст: «Ея величество, королева Виктория, поздравляет господина Агренева-Славянского с празднованием 25-летия его артистической деятельности» (Там же. 1887. 26 апр. № 112. С. 2).

[3] См. неподписанную заметку «Двухдневное торжество народного певца», где упомянуто, что перед заседанием 25 апреля 1887 г. была прочтена между прочими телеграмма «из Парижа от знаменитого д-ра Пастера», а после заседания — «от композитора Гуно» (Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 2).

[4] См.: «Из Западной Европы получено более 100 телеграмм, между прочим <…> от Парижской и Женевской консерваторий. Из Лейбах директор Музыкального общества Грибар прислал такую телеграмму: «Победителю на поле музыки, исполнителю народных песен, прославителю славянского имени — слава!..» (Там же. 1887. 27 апр. № 113. С. 2). В передовой статье «Москва, 28 апреля» Гиляров упоминает также приветствие «от Берлинского оперного театра» (Там же. 1887. 29 апр. № 115. С. 1).

[5] См. заметку «Заграничные приветствия Д. А. Славянскому», где приведен текст телеграммы «от Французского военного министра *Буланже*: (на имя юбилейного Комитета)»: «Присоединяюсь от всего сердца к празднику, который вас соединяет в честь Славянского, которому я адресую мои заверения уважения и симпатии. *Генерал Буланже*, почетный член юбилейного Комитета» (Там же. 1887. 28 апр. № 118. С. 3).

[6] Задуманная статья, по всей видимости, так не была написана. Гиляров упоминает газетные публикации («факт лакейства») в связи с посещением России в 1887 г. датским литературоведом и публицистом Георгом Моррисом Кохеном Брандесом (Brandes; 1842—1927) и по случаю 65-летия в 1884 г. необыкновенно популярного в России немецкого романиста Фридриха Шпильгагена (Spielhagen; 1829—1911). Так, В. В. Чуйко писал в статье «Фридрих Шпильгаген и его литературная деятельность»: «Тургенев несомненно выше как психолог и художник; Шпильгаген имеет перед ним преимущество мыслителя и резко определившегося публициста» (Новости и Биржевая Газета. 1884. 8 марта. № 67. С. 2), а в столичной Думе шли

дебаты о почестях, которые должно оказать немецкому гостю (см. стенограмму: Вопрос о чествовании Шпильгагена Думою // Там же. 1884. 13 марта. № 72. С. 3). Гиляров тогда же откликнулся на эти события в подпередовой статье «Москва, 14 марта», где, в частности, писал: «…нам пришло на память лакейство, столь знаменито показанное в Петербурге на днях перед Шпильгагеном; потом припомнилось, с каким относительно слабым участием отпразднован был у нас юбилей родного великого человека, отца русской музыки Глинки <…>. Знаете ли, как в Петербурге почтили Шпильгагена, этого иностранного, пусть и замечательного, но все-таки не гениального писателя? Так, что он сам смутился и признал в себе, по собственному, буквальному выражению, “сову среди ворон”, и даже немецким газетам стало совестно за петербуржцев, что они “пересолили”. Еще хорошо, что городское управление не вышло на вокзал встречать немецкого романиста; а ведь требовали некоторые даже этого триумфа! Это значит — немец пожаловал» (*СИ*. 1884. 15 марта. № 72. С. 2). См. сходное с гиляровским отношение к «опереточному триумфальному шествию по случаю Шпильгагена» в статье Ю. Н. Говорухи-Отрока «Взгляд и нечто» (Южный Край. 1884. 14 марта. № 1112. С. 1—2; подпись: *Никто*).

[7] Опубликована: Значение деятельности Агренева-Славянского: Речь Н. П. Гилярова-Платонова, произнесенная на юбилейном заседании 26 апреля 1887 г. // *СИ*. 1887. 27 апр. № 113. С. 1—2. См. также: Поправки // Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 1.

[8] Причиной разлада в среде юбилейного комитета послужили главным образом бесцеремонное вмешательство в его работу О. Х. Агреневой-Славянской (см. о ней коммент. 2 к п. 25) и скандальная шумиха, поднятая в прессе по поводу невиданной рекламы праздника, вызвавшей 748 поздравительных телеграмм из России и 327 из-за рубежа, а в связи с этим и споры о вкладе А. Д. Агренева-Славянского в русскую культуру и о масштабах его дарования.

[9] Опубликовано без подписи (очевидно, по оплошности): Русская женщина в народных песнях // *СИ*. 1887. 29 апр. № 115. С. 1—2.

[10] См. сообщение для публики: «Чтения С. А. Юрьева и Н. А. Чаева не могли состояться по их внезапной болезни» (Двухдневное торжество народного певца // Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 2).

[11] Сообщение О. Х. Славянской инкорпорировано во вторую часть пространной неподписанной публикации: К юбилею Д. А. Агренева-Славянского: I. Биографический очерк; II. Концерты за границей // Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 1—2.

17 (28)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

С.-Петербург, 7 мая 1887 г.

7/V 87.

Дорогой Никита Петрович.

Как я в сущности ожидал, без крупного скандала юбилей не обошелся. Куда замешается почтенная Ольга Христофоровна, там непременно жди каких-нибудь бестактностей. Та оборотная сторона юбилея, которая столь нас с Вами возмущала, просочилась-таки через всю помпу юбилейных торжеств и теперь в виде корреспонденции в «Новом Времени» Русского Странника сделалась достоянием всей читающей публики.[1] Ольга Христофоровна восприняла то, что она вполне заслужила; но мне очень жаль добрейшего Дмитрия Александровича, который во всех затеях своей супруги всегда играл роль пассивной жертвы.[2] Он выходил и говорил написанные женою мелочи, не отдавая себе в большинстве случаев отчета в том, что он делает. Может быть, разоблачения «Н<ового> В<ремени>» послужат О<льге> Х<ристофоровне> уроком для будущего. — По моему мнению, если она желает загладить справедливые не нее нарекания, то она должна сойти с общественной арены, на которой ей быть неприлично, и скромно заняться изданием и переложением на хоровое исполнение тех песен, которыми набит ее шкаф.[3] Если бы она сначала всю свою энергию устремила именно на издание песен, а не на выколачивание денег, то ни у кого не поднялся бы против нее голос.

Ваша речь превосходна. Вы одни определили и истолковали значение заслуг Славянского. Все прочие говорили по поводу деятельности Славянского разные выспренние слова. Недурна речь Барсова, но суха для избранной им темы; она высматривает плохим исследованием. При произнесении таких речей оратор всегда должен извиняться в том, что «краткий срок», «скудность времени» и т. д., не позволившие ему сказать все, что он хотел бы и мог бы сказать.

В общем, я считаю юбилей удавшимся вполне. О большем Славянский не имел бы права мечтать. Однако все-таки будет гнусно с его стороны, т. е. со сто-

роны О<льги> Х<ристофороны>, если он будет эксплуатировать юбилейные приветствия в качестве рекламы при дальнейших концертах.

Я нахожусь в самом подлом настроении, чувствую какую-то апатию ко всему.

Что же Ваш приезд сюда? Я жду, по обещанью, что Вы остановитесь у меня. Компот Ваш Вас ждет.

Целую Вас крепко.

Ваш Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 21—22 об.

[1] Имеется в виду статья публициста Евгения Львовича Кочетова (псевд.: Евгений Львов, Русский странник и др.; 1845—1905), опубликованная в «Новом Времени» под его персональной рубрикой «Московские письма» (1887. 4 мая. № 4014. С. 1). Считая Агренева-Славянского хотя и второстепенной фигурой, но имеющей немалые заслуги в деле культурного просвещения и единения славянских народов, Кочетов прямо писал об оттолкнувшей общественность и давшей обильную пищу газетному зубоскальству *форме* юбилейных торжеств, организатором которых выступила супруга певца, о бросавшимся всем в глаза «беззастенчивой рекламе», «коммерческой подкладке» (например, чрезвычайно завышенных ценах на концерты — по 5 руб. за кресло), «грубых бестактностях» и др.

[2] Кочетов так иронизировал по тому же поводу: «…г-жа Славянская 25 лет играла, а г. Славянский все время ей подпевал. Кроме того, подпевал ей и во время юбилейных подготовительных работ…» И далее: «…дело здесь идет не о даме, а о личности, признающей себя артисткой, берущей на себя немалую долю заслуг мужа, держащей в железных руках всю капеллу от мальчика до регента включительно, руководившей и обстановкой юбилея, и комитетом и, наконец, произносившей застольные и публичные речи».

[3] Будто вняв таким советам знакомых, О. Х. Агренева-Славянская впоследствии издала обработки песен из репертуара Славянской капеллы — «Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях» (М., 1896). Она же составила сборник «Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнямиобрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными» (М., 1887—1889. Ч. I—III; 2-е изд.: Тверь, 1896).

18 (29)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 20 мая 1887 г.

20 мая 1887. Москва.

Дорогой Николай Владимирович,

Вот Вам поручение. Вы видите письмо;[1] уполномочиваю Вас его прочитать, а потом заклеить и передать адресату. Посылаю его через Вас, потому что, говорят, не все письма до Каткова доходят. Если же те, которые и доходят до него, может быть, предварительно прочитываются его секретарем, то я не желал бы этого ни в каком случае, и Вы легко поймете почему.

Опасением, что не все по слухам письма доходят, объясните и Вы причину, почему я посылаю письмо через Вас. А знаете ли Вы содержание письма, объявлять об этом или не объявлять, предоставляю вашему такту. Скажу только, что я очень желал бы успеха своему письму.

В письме я выразился, что «мною не были не довольны»; но они были чрезвычайно довольны, Катков даже выражал сожаление, что резолюции, которые я писал на рукописях, остаются не напечатанными: так они ему нравились.

Ожидаю от Вашей дружбы всего для меня лучшего.

Ваш Н. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 3, 4.

[1] Далее по содержанию видно, что речь идет о письме к М. Н. Каткову, в котором Гиляров просил взять его на освободившееся место заведующего редакцией «Русского Вестника». В. П. Клюшников, исполнявший эти обязанности с 1883 г., решил тогда переехать в Петербург. В архиве князя Шаховского сохранился недатированный черновик этого гиляровского письма. Приведем его текст:

«Мн<огоуважаемый> М<ихаил> Ник<ифорович>.

Мне сказывали, верно или нет, не знаю, что В. П. Клюшников оставил занятия свои по “Русскому Вестнику”. Вспоминаю, что некоторое время на мне лежали приблизительно обязанности, которые перешли потом к Н. А. Любимову и В. П. Клюшникову, и Вы с Павлом Михайловичем не были мною недовольны. Если справедливо сообщаемое об уходе

В. П. Клюшникова, то я с охотою принял бы его обязанности, вполне уверенный, что найду и досуг для них, и достаточно в себе добросовестности, чтобы в точности следовать Вашим указаниям» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 421. Л. 5—6).

19 (30)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 29 мая 1887 г.

М<оскова>, 29 мая 1887.

По некоторым признакам я заключаю, что я затруднил Вас поручением передать известное письмо. Правду сказать, я спохватился, но уже отправив Вам письмо. Я задал себе вопрос: да еще известно ли Мих<аилу> Никифоровичу, что Вы ко мне до некоторой степени близки? Сколько знаю Ваш характер, Вы можете и не иметь на этот случай «мужества личного мнения», как выразился о нашем Царе Бисмарк. Говорю это не в упрек, да дело и не в том, а сообщаю Вам, что «юбилей» не обойдется без судебного разбирательства, и притом не только гражданского, а пожалуй, уголовного: поведение наших юбиляров пахнет мошенничеством, которое и всплывет наружу при судебном разбирательстве.

Из многого передам следующее. Мы с Барсовым на юбилей соглашались под условием, что сбор с первого концерта образует фонд для изучения русской песни. Подписан был протокол в этом смысле, в присутствии юбиляров. О<льга> Х<ристофоровна> после того стала метаться: «Как это можно! Не сбор, а часть сбора» и проч. Уступил я. Но последовало вот что: после юбилея юбиляры буквально бежали, скрылись и ни словом, ни даже намеком не вспомнили о своем обязательстве. Мало того: они оставили неоплаченными некоторые издержки по юбилею, даже такие, как угощение капеллы по их просьбе. Счеты поступают, и между прочим ко мне. Так баловаться нельзя, и надо проучить; а при этом, говорю, окажутся вещи уголовного свойства, как, например, заказ штемпелей с именами членов Комитета без нашего позволения и распоряжение этими штемпелями. Будет противно, и поделом.

Прошу у Вас совета. Эти люди не понимают, над какою страшною пропастью они стоят; между прочим, они компрометируют Великого Князя[1] пред началом дела, которое, сколько вижу, неминуемо откроется, не следует ли мне, как председателю бывшего Комитета, предуведомить Бобрикова,[2] между прочим даже ввиду того, что эта барыня может прикинуться угнетенною и наврать Бог знает что; это ей нипочем.

Жду ответа.

Ваш Н. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 5—6 об.

[1] Речь идет о великом князе Владимире Александровиче (см. коммент. 3 к п. 25).

[2] Николай Иванович Бобриков (1839—1904) — русский военный и государственный деятель; в 1884—1897 гг. — генерал-лейтенант, начальник штаба войск гвардии и С.-Петербургского военного округа.

20 (31)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

С.-Петербург, после 29 мая 1887 г.

Дорогой Никита Петрович.

С чего это Вы взяли, что Вы меня затруднили поручением? Я всегда душевно рад оказать Вам какую-нибудь услугу. Ваше письмо[1] пришло ко мне очень кстати, ибо в этот день как раз у нас обедал Катков. После обеда я ему вручил письмо, сказав, что Вы препроводили письмо через меня, чтобы быть вполне уверенным, что оно непременно до него дойдет. Я ничего не говорил Каткову о том, что знаю содержание письма, и Катков письмо Ваше у нас не читал, но положил его в карман. Я счел за самое лучшее и благоразумное не соваться к Каткову с моим советом или мнением по Вашему делу — ибо, зная строптивость его нрава, зная, что он не выносит как советов, так и возражений, — я боялся, что только напорчу Вам, и напорчу непоправимо. Мужество — признать и засвидетельствовать, что Вы мне человек близкий, у меня всегда было и

будет — и Катков это прекрасно знает из неоднократных моих с ним о том разговоров. Не понимаю, за что Вам вдруг вспало на ум меня наказывать, основываясь при том на «некоторых признаках», которые, очевидно, Вас вводят в заблуждение.

В редакции «М<осковских> В<едомостей>» есть человечек, небольшой, но как бы пришитый к особе Мих<аила> Ник<ифоровича>. Это его секретарь.[2] — Вот он имеет зуб против Вас, и зуб этот, помнится, вырос в тот самый день, как Вы продернули Мисаила за собеседование с раскольниками.[3] Соколов величал Вас в редакции громогласно «Никитой Пустосвятом»[4] — слов<ом>, старался Вас вышучивать. Но я не думаю, чтобы Катков в таком важном деле, как редактирование «Р<усского> В<естника>», спросит мнения Соколова. С своей стороны, я не слыхал о кандидате на место Ключникова.[5]

«И кончился пир наш бедою».[6] Я, по правде сказать, ждал от юбилея скандала в смысле крупной публичной бестактности или вопиющего нахальства, но не чаял, что оно даст пищу для судебного разбирательства. Мне кажется, что если Вы знаете, что есть что-либо имеющее скомпрометировать Вел<икого> Кн<язя>, то Ваш долг предварить о том Бобрикова — но надо сделать это так, чтобы фурия[7] не пронюхала. Ведь Вы знаете дерзость ее натиска — лучше от него вовремя посторониться. —

До свиданья, добрый Никита Петрович, обнимаю Вас крепко и прошу никогда не полагаться на «некоторые признаки» и не обижать Вашего друга.

Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 29—30 об.

[1] Имеется в виду письмо с просьбой о замещении должности заведующего редакцией «Русского Вестника» (см. коммент. 1 к п. 29).

[2] Речь идет о сотруднике «Московских Ведомостей» и личном секретаре М. Н. Каткова Сергее Ивановиче Соколове (1852—1912), впоследствии служившем цензором Московского цензурного комитета (1890—1912).

[3] Мисаил (в миру — Михаил Иванович Крылов; 1837—1919) — в рассматриваемый период (1885—1889) епископ Дмитровский (с 1885 г.), викарий Московской епархии (впоследствии епископ Олонецкий и Петрозаводский). О конфликте с ним Гиляров рассказывал Романову-Рцы в письме от 23 ноября 1886 г.: «Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в “Московских Ведомостях” буквально меня обругали и даже назвали *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в “Русском Вестнике”» (*Письма к Рцы*. С. 306). См. подробнее о нем в разделе 3.2.

[4] Прозвище Никита Пустосвят было присвоено суздальскому священнику, идеологу раскола и писателю Никите Константиновичу Добрынину, казненному в 1682 г.

[5] Виктор Петрович Клюшников (Ключников) (1841—1892) — прозаик, переводчик; журналист, редактор журналов «Нива» (1871—1875, 1887—1892) и «Кругозор» (с 1876 г.). См. о нем также коммент. 1 к п. 29.

[6] Неточная цитата из «Войны мышей и лягушек» (1831) В. А. Жуковского. Надо: «Так закончился…».

[7] Подразумевается О. Х. Агренева-Славянская.

21 (32)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 6 июля 1887 г.

1887 г. Июля мес<яца> 6 дня.

Дражайший князь,

Дни М. Н. Каткова, говорят, сочтены, и мне советуют многие искать издательства «Московских Ведомостей» после него, тем более что и срок аренды «Ведомостей», как говорят, оканчивается.[1] Едва ли допустят новую аренду на чисто коммерческом основании: потребуется имя редактора серьезное. Научите, что делать, к кому обратиться. А может быть, преемник уже предопределен? Я и этого не знаю, хотя генерал-губернатор[2] ответил мне на этот вопрос отрицательно.

Посоветуете ли ехать к Толстому в деревню?[3]

Кроме того, нужно заручить Делянова как главного хозяина «М<осковских> Вед<омостей>».[4] Об этом я похлопочу.

Вообще, справьтесь и дайте совет, родной. В случае нужды не поскупитесь на телеграмму.

Обнимаю вас.

Н. Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 7—7 об. На бланке редакции «Современных Известий».

[1] «Московские Ведомости» были правительственным, а не частным изданием и принадлежали Министерству народного просвещения (с 1806 г. находились в непосредственном ведении Московского университета). О том же Гиляров писал графине А. Д. Блудовой в июле 1887 г.: «Графиня, дни М. Н. Каткова сочтены, говорят. Для правительства, полагаю, не безразлично, кто будет преемником ему по изданию “Моск<овских> Вед<омостей>”. А срок аренды “Ведомостей” и без того, говорят, наступает. Многие указывают на меня как на естественного преемника по заведован<ию> столь важны<м> органом и настаивают, чтобы я не допускал “Ведом<остей>” в сомни<тельные> или бездарны<е руки>. Выбор зависеть будет, конечно, от графа Д. А. Толстого и от И. Д. Делянова» (цит. по черновику: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

[2] Подразумевается князь В. А. Долгоруков.

[3] Имеется в виду граф Д. А. Толстой, занимавший пост министра народного просвещения в 1866—1880 гг. (см. о нем также коммент. 11 к п. 26), по болезни часто уединявшийся в своем имении Маково Рязанской губ. Гиляров не поехал туда, а послал Толстому письмо (черновик опубликован нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 516).

[4] Граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897) — в рассматриваемый период (1882—1897) министр народного просвещения; в 1850-х гг. хороший знакомый Гилярова.

22 (33)

Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову

С.-Петербург, 10 июля 1887 г.

10/VII 87.

Приехал сегодня в Петербург и спешу ответить Вам, дорогой Никита Петрович, — на встретившее меня здесь письмо Ваше. Сочтены ли дни М<ихаила> Н<икифоровича> — вот в чем вопрос. Мне почему-то сдается, что не теперь настала для него последняя минута. Он такой богатырь в физическом отношении, что его организм может справиться с недугом, который для другого человека его лет и даже моложе носил бы смертельный исход.

Во всяком случае я думаю, что не совсем ловко теперь же предпринимать какие-либо шаги для того, чтобы заручиться своевременно «М<осковскими> В<едомостями>». Всякий такой шаг в настоящее время может, по моему мнению, уронить Ваши шансы, так как Вы должны будете искать у друзей М<ихаила> Н<икифоровича>, которые боятся громко сказать, что М<ихаил> Н<икифорович> может скоро умереть. Мне кажется, что все зависит во всяком случае от Делянова. Толстой, я думаю, — совершенно ни при чем: газета университетская, а потому он утвердит того редактора, который будет представлен Деляновым.

Я боюсь, что серьезным (?!) конкурентом для Вас может выступить Кн<язь> Вово Мещерский, для которого хотят создать официозный орган в Петербурге:[1] такое на всех нашло помрачение, что Вово считают полезным и представителем правительственных взглядов!!

Может быть, мы с Вами скоро увидимся. Я приехал из Ревеля по телеграмме из Министерства,[2] — которое меня командирует в Новочеркасск. Вероятно, после 20<-го> я выеду и если не потребуют от меня марш-марша[3] до места назначения, то я дня два проведу в Москве, в каковое время загляну и к дорогому моему Никитушке.

Что можно, стороною по Вашему делу проведаю: мне ведь нужно действовать еще осторожнее Вашего.

Пока обнимаю Вас, дорогой мой Никита Петрович.

Ваш душой Н. Шахов<ской>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 23—24 об.

[1] Князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914), публицист, прозаик, издатель-редактор журналов «Гражданин» (1872—1877, 1883—1914), «Добро» (1881), «Воскресение» (1887—1894) и др., пользовался особым расположением Александра III как близкий друг в его детские годы. Проект, о котором слышал князь Шаховской, воплотился уже 1 октября 1887 г., когда газета-журнал В. П. Мещерского, до того выходившая дважды в неделю на 16 полосах, превратилась в ежедневную газету (выходила на 4 полосах большего формата). Благодаря обновленной подаче материалов, интенсивному потоку самых свежих новостей и слухов, особенно из жизни правительственных сфер, и информации справочного характера (в каждом номере публиковались приемные дни и часы высокопоставленных чиновников) газета Мещерского хотя и стала «официозным органом», но особой популярности среди читающей публики не приобрела.

[2] Подразумевается Министерство внутренних дел.

[3] *Марш-марш* — ускоренное движение (*уст.*).

23 (34)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург 11 октября 1887 г.

Родной Николинька, при сем прилагаю письмо к Софье Петровне,[1] буде она захочет не раздвоять своей просьбы (что во всех отношениях лучше) и если согласится именно мне предложить редакцию. Тогда самое заявление должно быть изменено, то есть названо мое имя и приложено настоящее мое письмо: ибо порядок требует, чтобы избираемый в редакторы заявил свое согласие. Жаль, не знаю адреса Павла Михайловича.[2] Во всяком случае, сообщите ему об этом, равно и о том, что согласно уговору я его жду к себе сегодня. Целый день я дома.

Обнимаю Вас. Ваш Н. Гил<яров>.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 12>. Л. 1. Дата установлена по содержанию последующего письма. Письма 34 и 35 были опубликованы нами в составе комментариев к изд.: *Из пережитого*. Т. 2. С. 534, 535, там же см. обоснование датировки.

[1] Упомянута вдова М. Н. Каткова Софья Петровна Каткова (ур. княжна Шаликова; 1832—1913). Гиляров набросал от ее имени письмо для представления его в Комитет четырех

министров, который должен был решить, кому будут переданы в аренду «Московские Ведомости».

[2] Князь Павел Михайлович Катков-Шаликов (1859—1930) — в тот период (1887—1891) поручик гвардии в Кавалергардском полку; впоследствии генерал-майор, автор брошюр о обучении фехтованию; младший сын М. Н. Каткова. Он проживал по адресу: Захарьевская ул., д. 31.

24 (35)

Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 11 октября 1887 г.

С.-П<етер>бург, 11 октября.

Дорогой Николай Владимирович.

Хотя я Вам оставил письмо на квартире, но посылаю вдогонку за Вами еще следующее. Тому письму к Софье Петровне, которое я набросал, не должно давать хода. Это и само собою разумеется, потому что самое заявление Софьи Петровны[1] Вы попридержите. Но, кроме того, согласие мое на принятие редакции не может быть оставлено в настоящем виде еще и по тому соображению, что, безусловно выраженное, оно может дать повод к перетолкованиям. Дело в том, что, как я выразился вчера, пускай она выбирает хоть дворника. Дело не в том, а в том, чтобы обуздать Петровского.[2] С другой стороны, ни мои, ни Софьи Петровны нравственные интересы не допускают, чтобы мое имя стояло на газете рядом с ее и опять возбуждало в публике ложные мнения о полной солидарности. Я есмь я, Катков был Катков и не повторится. Мое имя, поставленное на листе газеты, обязывало бы меня говорить что-нибудь от себя, на что я не имею ни права, ни желания. Пока газета в руках Софьи Петровны, моя услуга должна оставаться в пределах внешнего доброжелательства, так сказать, отрицательною охраною стоять над газетою с одним veto. До известной степени газета обезличится этим, оказенится; в интересах С<офьи> П<етров>ны это нужно, но моего интереса нет, чтобы прямому моему участию приписали эту казенность. Итак, если и назовет меня Софья Петровна пред Главным Управлением, то должно

быть поставлено условием, чтобы подписи моей не было, а сохранялась старая фирма, красовавшаяся при Михайле Никифоровиче. А может быть, еще лучше было бы, когда бы С<офья> П<етровна> назвала столь же неизвестное лицо, как Петровский, или еще более неизвестное, но поставила его или вообще редакцию под мой надзор с целию обуздания публицистического задора.

Ваш Н. Г.

<*На конверте*:> Редакция «Современных Известий»

Его Сиятельству князю Николаю Владимировичу Шаховскому

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 13>. Л. 1.

[1] Имеется в виду заявление С. П. Катковой, что «она не может продолжать дела с Петровским, изберет другого редактора, которого просит утвердить; в противном случае приостановит газету» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 242), сочиненное Гиляровым вместе с князем Шаховским и подписанное С. П. Катковой.

[2] Сергей Александрович Петровский (1846—1917) — магистр государственного права Московского университета (1875); преподаватель русского права там же (1873—1878); сотрудник (с 1880 г.) и редактор-издатель (1887—1896) газеты «Московские Ведомости».

Приложение 2. Записная книжка князя Н. В. Шаховского «Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. 1893 год»

Кн. Н. В. Шаховской

Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. 1893 год*

Слово, сказанное Архимандр<итом> Сергием[1] при отпевании Н<икиты> П<етровича> (Церков<ный> Вестн<ик>. 1887 г. № 43).[2]

«Чрезвычайные умственные дарования почившего, сквозь тяжкие нужды и лишения, чрез суровую духовную школу проложили себе путь в высшее святилище науки. Даровитый первенец с фамилией Платонова в 18-летнем еще возрасте стал носителем духа и силы Платона (Митрополита), а в этом Платоне, по признанию и западных ученых, как бы ожил гений древнего Платона философа и осенял достойных носителей его имени. —

Преподаватель сперва библейской герменевтики, нынешнего обличительного богословия и русской церковной археологии, почивший был потом блестящим преподавателем истории раскола; сумел придать оригинальную, строго научную философскую постановку этой зарождавшейся тогда науке, в особенности же истории мистических раскольничьих сект. Оставив, по воле судеб, кафедру, он от юности до старости и до смерти жил одним тяжелым, изнурительным самоотверженным трудом писательским. Какая масса фолиантов исписана этим в своем роде «адамантовым» писателем! Но, поистине, *приложивый разум,* по слову Премудрого, *приложит печаль,*[3] и такую, какая *иссушит кости.*[1]

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. 58 л.

[1] Епископ Сергий (в миру Иван Иванович Соколов; 1844—1893) — церковный историк, проповедник; магистр Московской духовной академии (1868), архимандрит, ректор Могилевской, Пензенской семинарий; епископ Чебоксарский (с 1888 г.), Новгород-Северский (с 1891 г.), Черниговский и Нежинский (с 1893 г.).

[2] Речь опубликована в составе неподписанной статьи: Отпевание Н. П. Гилярова-Платонова // Церковный Вестник. 1887. № 43. 24 окт. С. 738—739. (Разные известия и заметки).

[3] Еккл 1: 18.

Талантливый бывший профессор — экзегет, богослов, историк, археолог и философ — примкнул к кружку светских философов-богословов, славянофилов. Первые славянофилы, после долгого искания истины в области немецкой философии, устремились в недра православной церкви и богословской науки и, заимствуя от нее *свет, просвещающий всякаго человека, грядущаго в мир,*[2] сами привнесли в нее приток свежей, глубокой мысли и чувства. Навстречу этому течению научному вышел он с свежею и обильною струею мысли цельной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуясь многим от них, сам немало привнес к ним, предохраняя их от *философии по стихиям мира, а не по Христе* (Кол. II, 3) (от увлечения Гегелевою философиею). Если они не создали философии русской, самобытной, то вместе с ними он много потрудился над созиданием философии истории русской греко-славянской и философии религии этих православных народов. Философ-богослов их главной школы, он не переставал быть сотрудником, другом и советником Хомякова и Аксакова, а также Каткова и Леонтьева, когда издавал свой орган печати и, легко сказать, в течение 20 лет. Прекрасно дополнявший собою любого из лучших славянофилов, он искусно примирял, сближал его с литературною семьею Каткова и во многом примирял с ним западников. И в этом великая его заслуга литературная и нравственно-общественная: потому что нет ничего труднее, как примирять людей различных воззрений и убеждений, не только вполне сложившихся, но и руководящих общественным мнением, и нет ничего важнее, как эту великую общественную силу — печать — направить к одной общей цели, к созиданию, а не разорению общественного блага. Затем, кто более его друзей и его самого способствовал столь желательному для всех сближению светской науки с духовною? И его публицистическая, политическая проповедь, как и их, была нередко дополнением к проповеди слова Божья — церковной, она будила в обществе религиозно-нравственную мысль, возбуждала дух церковности и лучшие, нрав-

---

[1] Прит 17: 22.
[2] Ин 1: 9.

ственно-политические понятия, воспламеняла возвышенный патриотизм — религиозный, православный, поддерживала общественную мысль на высоте церковного, православно-народного сознания, что особенно важно и благопотребно было в его смутное время. И его печатные произведения, как и названных талантов, носят на себе отпечаток их серьезности и дельности, высоты и быстроты полета мысли, ясного сознания и как бы ясновидения, чуткости и отзывчивости к вопросам общественной жизни, философской проницательности и наблюдательности тонкого и глубокого анализа, классической художественности слова — выразительного, живописующего, мощного. Правда, в печати и на кафедре, после целого ряда превосходных чтений и статей, с ним случались иногда обрывы, измельчания, раздражительность; но с кем они не случаются, начиная с гениального Платона, по немощи человеческого естества, в истоме физической и нравственной?

Питомец строгой школы, не научной только, но и жизненной, в жизни, по слову апостола, “лишенный, скорбящий, но и в скорби радующийся” (Евр. XI, 87; Иак. I, 2), ты, незабвенный почивший, в вере и добродетели находил для себя опору и утешение, а без веры и добродетели не из-за чего и невозможно было подъять и совершить такой страстотерпческий подвиг. Если чья жизнь была борьба и подвиг, то твоя по преимуществу. И это была борьба не с страстями чувственными и душевными, которые поборала в тебе сила ума и воли и благодати Божией, и не с клеветою и неприязнию людскою, которая уязвляла тебя, как и всех “людей не от мира сего”;[1] это была борьба с чрезвычайными, таинственными испытаниями, ниспосланными Промыслом потому, что твоя натура была чрезвычайно даровитая и сильная: по мере сил наших ниспосылаются нам и испытания».

Из Моск<овских> Церк<овных> Ведом<остей>.[a1]

---

[1] Ин 18: 36.

[a] *Далее зачеркнуто*: Ник<иту> Петр<овича> надо было знать лично, чтобы любить его, всякое изображение его будет бледно и невнушительно.

Письмо Н. П. Гилярова к К. К. Толстому[2] 5 марта 1885 г.

Русское Дело. № 19. 1887 г.

М<илостивый> Г<осударь> Конст<антин> Конст<антинович>.

К великому моему сожалению, не могу я у себя поместить вашу статью, по той же причине, по которой статью «Откуда нигилизм?» поместил не у себя, а в «Руси»,[3] и свои воспоминания «Из прожитого» печатаю в «Русском Вестнике».[4] Публика «Совр<еменных> Изв<естий>» совсем другая, и ей Ваша статья не по зубам, по пословице «не в коня корм».

А жалко. Это отнимает у меня способ печатно объясниться с Вами. Вы даете предрассудку более частное значение, нежели придает ему логика. Устарелое мнение, опровергаемое новооткрытыми данными, есть уже не предрассудок, а заблуждение. Это вещь иная. Предрассудок же может и не быть заблуждением; его особенность та, что он без критики *принят и удерживается, или по косности,* или *по уважению к авторитету стада.* Говоря о нигилизме, я должен был иметь в виду предрассудок именно в этом истинном его значении, п<отому> ч<то> нигилизм отрицает не заблуждение, а обычай, даже сам по себе безразличный, но служащий цементом общества. К условной одежде, прическе, обращению нигилизм относится враждебно, п<отому> ч<то> это предрассудок, унаследовано.

Что касается устарелых мнений, то, ставши на Вашу точку, мы попадаем в круг. В том-то и дело, что признавать устарелым и опровергнутым? Многое кажущееся опровергнутым в сущности не опровергнуто, а только отвечает наклонностям исторического периода и классов, руководящих умственным движением. Вот почему глубочайшее основание истины знания (по-моему) и лежит в нрав-

---

[1] Очевидно, князь Н. В. Шаховской предполагал сделать выписку из передовой статьи: <*Рождественский В. П., прот.*>. Москва, 25 октября // Московские Церковные Ведомости. 1887. № 43. 25 окт. С. 547—549.

[2] Константин Константинович Толстой (1842—1913) — врач, публицист, сотрудник газет И. С. Аксакова («Русь»), С. Ф. Шарапова («Русское Дело», «Русский Труд») и др.

[3] *Гиляров-Платонов* <*Н. П.*>. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26.

[4] См. об этом подробнее в разделе 2.1.

ственном чувстве. Всякое эмпирическое ли познание, априористическое ли измышление к истине жизни безразлично и в большинстве заключает в себе самообман, или же для общежития имеет не более значения, чем запись Ивана Ивановича, или Ивана Никифоровича, не помню кого, в повести Гоголя: «сия дыня съедена такого-то числа».[1]

Примите уверение в уважении Вашего покорного слуги

Н. Г<илярова>-Пл<атонова>.

Письма Гилярова к И. Ф. Романову

<1>

За час до Нового

1887 года.[2]

Письмом своим, сейчас мною полученным, Вы мало того что удивили, нет, а поразили меня несказанно. Вы спрашиваете: «Нужна ли малейшая вера для действительности таинства?» — и, не отвечая на него, как бы предполагая ответ несомненным, просите моего ответа, совершится ли таинство при едином погружении во имя Св. Троицы?

Вы спрашиваете кроме того: «Есть ли таинство чудо?» — и отвечаете: «Без сомнения, нет, т. е., конечно, оно нечто чудесное, но не чудо».

Чем я поражен? — Да как же не поразиться? Стало быть, по-Вашему, таинство действительно без веры, и это потому, что оно не чудо, а только чудесное. Во-первых, вникните в несуразность этого различения: не чудо, хотя чудесное. Во-вторых, откуда же Вы зашли, чтобы рассуждать о таинствах, когда есть более прямая дорога, минуя о чуде и знамении. А наконец, меня просто ошеломляет самое положение, что для действительности таинства будто не нужно веры.

---

[1] Выражение из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя (гл. I).

[2] Копия этого письма Гилярова к Романову-Рцы, выполненная князем Шаховским, имеет ряд расхождений (некоторые из них значительны) с впервые опубликованной нами копией А. М. Гальперсон. См.: *Письма к Рцы*. С. 316—323.

Да именно тогда-то и действительно таинство, когда оно принимается верою. Противное тому учение есть известное opus operatum [1] ультракатолическое. Церковное учение тем и отличается от католического, что не признает этого магизма. Логическим выводом из этого магизма и служат инквизиции, индульгенции и всякое католическое безумие.

А есть ли таинство чудо? Нимало, и даже оно не есть нечто чудесное. За исключением, впрочем, елеосвящения, которое именно я и сравнивал с Иверскою, п<отому> ч<то> действие елеосвящения предполагается в *физическом* организме и притом помимо физических законов.[2] Остальные таинства действуют духовно и на духовную сторону человека, не исключая евхаристии, которая питает нас *духовным* телом. (Прекрасный пример у Хомякова: принимаем не *мясо*, а *тело* Христово.) [3] А поэтому ни *чудо*, ни *чудесное* сюда не приложимо, ибо и то, и другое предполагает нарушение законов физических, а таинство их не нарушает; напротив, можно сказать, восстановляет естественные законы *духовной* природы, нарушенные грехом.

На вопрос Ваш, будет ли таинство при едином погружении, я бы не сказал ни да, ни нет, когда бы не был предупрежден Церковью, соборно постановив-

---

[1] Латинским термином opus operatum обозначается католическое учение, о церковных таинствах, согласно которому их истинность и спасительное действие вообще не зависят от достоинства и нравственного облика лиц, совершающих таинства.

[2] Профессор Киевской духовной академии В. З. Завитневич, ознакомившийся с письмами Гилярова к Романову по списку, присланному ему князем Н. В. Шаховским, сравнивал в этой связи взгляды Гилярова и Хомякова (в ответном письме от 10 ноября 1898 г.): «Их различие особенно резко бросается в их отношении к таинствам вообще и — к таинству *елеосвящения* в частности. Гиляров это таинство отрицает (сравнивает с верою в Иверскую), Хомяков дает ему замечательное толкование, до какого не додумался ни один из профессиональных богословов» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4 об.).

[3] Имеется в виду воспоминание Хомякова, включенное им в брошюру «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа» (Лейпциг, 1855): «…раз, когда мне случилось переводить вслух рассуждение некоторых римских богословов в их полемике против протестантов, один благочестивый, хотя и неученый священник, бывший при том, воскликнул в благочестивом ужасе: “Господи, что же это они говорят такое? Они, кажется, принимают Тело Христово за мясо Христово?”» (*Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2: Работы по богословию. С. 100).

шею не признавать единого погружения.[1] Но an sich,[*] когда бы постановления этого не было, я бы, как уже объяснил сейчас, не сказал ни да, ни нет, потому что «смотря по...».

«У младенца какая вера? А все-таки он будет окрещен», — рассуждаете Вы. Удивительно, как это пришло к Вам католическое воззрение, хотя Вы и изучили Хомякова! После того отчего не крестить насильно?

«А все-таки будет крещен». То есть что же это такое значит? Совершенно наружное действие? Да. А что дальше, внутри произошло?

Я уже писал Вам, что со времени перевода я не заглядывал в Хомякова, но именно страницы о крещении и миропомазании у него, помнится, блистательнейшие. Миропомазание без крещения невозможно; но крещение есть еще не полное вступление в Церковь, а, если можно выразиться так, лишь в потенции, внешнее и отрицательное. Этим только и оправдывается крещение младенцев, правило, основательно принятое, но, по-моему, содействовавшее к засорению Церкви, выражусь так, фиктивными членами.

Вопрос, за решение которого Вы много бы мне дали, есть вопрос специально русский, историею специально ей поставленный. Для всех таинств полагается благословение;

1 января

а форма благословения *определенная* необходима ли для действительности таинства? Вот вопрос, из которого родилось старообрядчество. Двуперстие есть благословение Христианское,[a] указанное Христом при вознесении на небо. По сказанию евангелиста, Он, возносясь, *благословил*;[2] а как Он благословлял, это указал тот же евангелист изображением Христа на иконе, им же писанной (Тих-

---

[1] Запрет «единого погружения» в воду при крещении был провозглашен 50-м апостольским правилом, опирающимся на завет Спасителя (Мф 29: 18) крестить народы «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (Книга правил Святых и Апостол, святых соборов вселенских и поместных и Святых Отец. М., <1893>. С. <20—21>).

[*] в себе (*нем.*) Здесь употреблено в качестве философского термина, означающего «в возможности, в сущности своей».

[a] *В копии Гальперсон*: Христопреданное (*Письма к Рцы*. С. 317).

[2] Лк 24: 50—51.

винской).[1] Изменение *этого* благословения лишает таинства их силы. А потому в Церкви нет таинств, нет иерархии, а следовательно, царствует антихрист, ибо такое положение может наступить только с пришествием антихриста.

Вот логика, по которой двигался раскол, к объяснению которой я приступил было в «Руси» своими статьями, прерванными смертью Аксакова,[2] и которой подробным изложением были мои академические лекции по расколу. — Сущность, как изволите видеть, в вопросе, который поставлен Вами мне применительно к числам погружения при крещении, — вопрос о связи между наружным и внутренним в таинствах. Церковь в прошлом своем этого не решила; задачи ее по части формул были другие, на другой почве выросшие. Века Вселенских соборов[3] занимались переложением *Откровенного учения*[4] *с семитических форм на индоевропейские*. Вот где была тогдашняя задача; ко второй половине задачи подошла было церковь только Седьмым Вселенским собором, отстояв принцип свободы внешнего Богопоклонения и права внешности вообще.[5] Но на этом остановилось, и дальнейшее решение принадлежит собственно нам и нашей жизни, по особенным условиям, при каких принято Христианство русским народом и продолжалось в нем. *Намек* на это найдете в моей рецензии на историю

---

[1] Согласно церковному преданию, евангелист Лука написал икону Божией Матери и послал ее правителю Антиохии Феофилу вместе с Евангелием и Деяниями апостолов. Впоследствии образ пребывал в Иерусалиме, Константинополе, а в 1383 г. явился над водами Ладожского озера и затем остановился при реке Тихвинке, где был возведен храм, а позднее монастырь. Икона Тихвинской Божией Матери особо почиталась старообрядцами, так как на ней у благословляющего Спасителя сложены не три, а два перста.

[2] *Гиляров-Платонов Н.* Логика раскола: Письма И. С. Аксакову // Русь. 1885. 17 авг. № 7. С. 15—17; 24 авг. № 8. С. 8—10; 7 сент. № 10. С. 10—14. Неоконченное письмо IV, найденное в архиве Гилярова после его смерти, впервые опубликовано князем Н. В. Шаховским: *РО*. 1895. Т. 35, окт. С. 228—235.

[3] Семь Вселенских соборов, признаваемых Православной Церковью, проходили с 325 по 787 г.

[4] Откровенное учение, или Откровение, — Священное Писание.

[5] Седьмой Вселенский собор проходил в Никее в 783—787 гг. и был посвящен вопросу об иконопочитании.

Макария,[1] где я для Вас даже отчеркнул карандашом положительную часть моего взгляда.

Как я уже писал Вам, помнится, всемогуществу Божию нет предела; не смеем указывать Его и благодати. Раскольники основательно говорят: крестились же мученики кровью, не быв крещены не только погружением, но и водою; пустынножители причащались же духовно;[2] мореплаватель, с верою во Христа и надеждою умирающий во время крушения без священника, умален ли в Царствии Небесном против того, кто в городе или селе призвал попа пред смертию? Надеюсь, что и Вы на последний вопрос ответите «нет», хотя и не согласитесь с выводами, которые скачком извлекает отсюда федосеевец,[3] что таинств уже нет или что может наступить период, когда положение мореплавателя среди крушения становится общим для всего христианства.

Не знаю, внятны ли Вам мои рассуждения? — сильно опасаюсь противного. Но прошу Вас вникнуть, что в процессе спасения три элемента: Христос, верующая личность — Церковь. Для Христа нет пределов, а для верующего лица

---

[1] Имеется в виду статья «История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. СПб., 1857 г., в 12» (*РБ*. 1859. Кн. 3 (15). Отд. III: Критика. С. 1—36), датированная автором 5 января 1858 г. Здесь Гиляров резко критикует периодизацию истории Церкви в рецензируемом труде, — основанную на несущественном, на его взгляд, признаке — номинальной зависимости от Константинопольского патриархата и освобождении от этой зависимости. В 1858 г. Гиляров также опубликовал статью об исследованиях преосвященного Макария (в миру Михаил Петрович Булгаков; 1816—1882), правда не называя прямо имени историка, — «Несколько слов о механических способах в исследовании истории» (*РБ*. 1858. Кн. I (9). Отд. III: Критика. С. 66—87), датированную 9 января 1858 г., но напечатанную на полтора года раньше вышеназванной. Обе статьи подписаны сокращенным именем: *Н. Г—в.* См. подробнее об этих сочинениях, в том числе об их непростой цензурной истории: *Шаховской Н. В.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской Церкви» преосвященного Макария // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

[2] Прежде всего имеется в виду зачинатель отшельничества преподобный Павел Фивейский (ок. 228—358), подвизавшийся в египетской Фиваидской пустыне в течение 107 лет (с 251 г.). Следует упомянуть и преподобную Марию Египетскую (VI в.), причастившуюся лишь перед самой кончиной после 47-летнего пребывания в Заиорданской пустыни на покаянии.

[3] *Федосеевец* — представитель беспоповщинского толка, основателем которого был дьячок из Крестецкого Яма Феодосий Васильев (1664—1711). Отличительной особенностью федосеевского раскола было требование всеобщего безбрачия и, следовательно, апокалипсическое по духу отрицание таинства брака. Центром толка стало Преображенское кладбище в Москве. Гиляров в своей газете уделял самое пристальное внимание жизни московских федосеевцев. См.: *Вопросы веры и церкви*. Т. I—II.

они есть. Минуя Церковь, я лишаю себя союза с ее Главой, но Христос не скован в своем действии на верующего грешника. Я, язычник или еврей, говорю: верую во Христа, хочу идти за Ним и к Нему, но помимо Церкви, хотя и знаю, что Он основал ее и в ней пребывает. Тщетная надежда давать такие указы благодати и ожидать, что Христос снизойдет такой гордыне. Но Христос, давая обетования Церкви, разве давал обязательства, под контракт подписывался? Но если не гордыня, а та же смиренная вера, и притом верующая не только во Христа, но и в Церковь, минует по неотвратимым обстоятельствам, по немощной совести и даже по лжетолкованию, однако добросовестному, — минует, не остывая в вере, и даже в силу самой веры, внешние установления Церкви, — суд, произнесенный над таким, будет слишком смел, если Вы признаете такового лишенным благодати, и Христа Вы низведете на степень церковного приказчика с Его места Главы.

Вы употребили слово магизм, в каком смысле, неясно для меня, было, по крайней мере, неясно во время чтения. Если где Христос, то уже не магизм; магизм — отрицание Христианства, как и наоборот. Боюсь смутить Вас, как смутил таинствами, но скажу, что некоторыми учреждениями Церковь наша склонилась к магизму и, что покажется Вам еще ужаснее, — по некоторым пунктам католицизм в этом отношении чище нас. Говорю именно о миропомазании. Разве Христос и Апостолы миром[1] мазали? Они возлагали руки, как и доселе возлагают католические епископы. А магизм здесь в том, что благодать представляется каким-то веществом, в мире сохраняющимся; масло есть вместилище благодати. Доходит до того, что, подобно гомеопатам, при освящении нового мира непременно в новое вливают часть старого, понимая в столь грубом вещественном смысле преемство благодати.

Наши катихизисы уклончиво толкуют, стараясь не распространяться: «Совершение миропомазания принадлежит епископам, но (как будто это одно!) со-

[1] *Миро* — особое вещество, в состав которого входят оливковое масло, белое вино, различные бальзамы, ладаны и др., употребляется Церковью в таинстве миропомазания. Освящается оно раз в году в Великий четверг на Страстной неделе.

вершается священниками посредством мира, освященного архиереем».[1] От этого взгляда прямой шаг к молитве родильнице или исповеди в шапку — обычаям, державшимся в невежественной Руси. Не все ли равно, самому ли попу дать родильнице молитву или прочитать ее над шапкою, которую потом наденут на родильницу? Результаты этого заочного магизма оказались очень важными для судеб Христианства. Крестить дозволено и младенцев. Это ничего, допустимо, может быть; но когда соединилось с крещением миропомазание, то таинство обратилось в обряд, лишенный смысла. Вот здесь-то и следует спросить: а младенец-то разве верует? Но из этого вопроса не следует, чтобы таинство проявляло свою силу помимо веры, а, напротив, следует ошибочность обычая, применяющего конфирмацию (католики правильно так называют это таинство)[2] над неразумными и еще не имеющими веры, да и не могущими ее иметь.

Боюсь, что смущаю Вас. Вы спросите: однако же так Церковь установила? Да, так завелось, и к несчастию завелось: невидимая Церковь от видимой отделилась еще более широкою бездною. Как отделилась она еще и прежде заменою гласной исповеди негласною,[3] да и еще прежде гешефтмахерством Симона.[4] Но и в понятиях-то о Церкви не следует держаться фетишизма, как не следует благодать объяснять магически. Не буду распространяться далее об этом предмете; только оговорюсь, что протестантство, спасаясь от фетишизма, само создало себе фетиша; а потому отстранять фетишические понятия, к чему бы они ни прилагались, не значит ни впадать в протестантство, ни отрицать Церковь.

---

[1] Согласно 6-му правилу Карфагенского Вселенского собора (419 г.), право освящения мира принадлежит только епископу, но ни в коем случае не священнику (см.: Книга правил Святых Апостол… С. <188>).

[2] *Конфирмация* (от лат. confirmatio — утверждение <в вере>) — таинство миропомазания у католиков, совершаемое епископом и приобщающее уже крещенных во младенчестве детей к церкви — как правило, в годы отрочества.

[3] До конца V в. в Церкви существовали две формы исповеди: перед пресвитером и всенародная («гласная») в храме. С начала VI в. единственной формой становится тайная исповедь.

[4] Под «гешефтмахерством Симона» Гиляров подразумевает практику симонии — продажи и покупки священного сана. Родоначальник гностицизма Симон Волхв предлагал деньги апостолам Петру и Иоанну за передачу ему их «секрета» — сообщения даров Св. Духа рукоположением (Деян 8: 18—24).

Подробностей о смерти Хомякова не знаю, т. е. знал, да забыл. Помню, что он пользовал себя гомеопатически (аптечку он с собою возил).[1] Кончина последовала, как я писал Вам, в дороге, между двумя имениями. Мог бы рассказать подробности старший сын его, Дм<итрий> Ал<ексеевич>.[2] Но с кончины родителя я почти не вижу его.

Я продолжаю быть совершенно несогласным относительно «Пережитого». Да хоть бы аршинными буквами на всех перекрестках публиковали, ничего не выйдет. Не выписывают и не будут покупать не от того, что не знают о выходе, а от того, что не слыхали о достоинстве содержания. Правда, отзывались хорошо;[3] да мало ли что хвалят? Русскому интеллигенту нужен специальный мотив, чтобы заинтересоваться книгой. Кто же ему толковал? Ну, вот возьмитесь Вы быть таким толкователем, когда выйдет вторая часть. Пошлите в какой-нибудь журнал; Вы же так прекрасно и горячо пишете.

Кстати, я не шутил, оставив [a] «Поверите ли?». Но я не признаю ее забракованною тем, что не поместил. Прекрасная и верная мысль в ней о двойном течении; остальное же, и притом бо2льшая часть, было повторением того, что только что мною было сказано, за день, за два назад. По этой последней причине я и не поместил ее, как отчасти лишнюю после сказанного.

Жалеете Вы о судьбе Шарапова?[4] Не видал я вдовы Аксаковой; полагаю, она рада, как и ближайшие друзья Аксакова, все возмутившиеся, что без всяких

---

[1] Л. М. Муромцев, сосед Хомякова по имению, вспоминал о его предсмертных часах: «Лишним считаю пересчитывать, сколько десятков раз я его умолял принять моего лекарства, послать за доктором и, следовательно, сколько раз он отвечал отрицательно и при этом сам вынимал из походной гомеопатической аптечки то veratum, то mercurium» (*РА*. 1879. Кн. III, вып. 11. С. 363).

[2] Дмитрий Алексеевич Хомяков (1841—1918) — старший сын писателя, действительный статский советник, автор многих статей по крестьянскому вопросу, богословию, истории искусства.

[3] Имеются в виду многочисленные краткие отклики на отдельные главы «Из пережитого» (в связи с выходом соответствующей книжки «Русского Вестника») в большинстве ежедневных газет и в ряде журналов — повременной печати.

[a] *У Гальперсон, видимо, правильнее*: о статье (*Письма к Рцы*. С. 320).

[4] Газета С. Ф. Шарапова «Русское Дело» 19 декабря 1886 г. была приостановлена министром внутренних дел на три месяца за нарушение конфиденциального «распоряжения, объ-

нравственных прав и полномочий сей г<осподин> вздумал эксплуатировать имя покойного редактора «Руси», вопреки воле вдовы его овладевши списком подписчиков «Руси» etc. etc.[1] Но Вы знаете ли, что он сделал еще? Статью свою, за которую приостановлен,[2] он считал, должно быть, настолько победоносною, что разослал в литографированных списках по редакциям германских газет. Знай, мол, каков я, Шарапов!!!

<2>

11 янв<аря> 1887.[3]

Итак Вы, рьяный антипапист, для которого «папизм» служит шибболетом,[4] непременным заклинанием чрез каждые десять строк, оселком, на котором всё пробуете, боясь и тени папизма, — Вы и оказываетесь более папистом, нежели папа. Вы и opus operatum признаете, и требуете compelle intrare, вручая власть насильственного крещения не только иерархии, но и государству и подпирая эту власть обязанностью любви. Мило даже видеть, как Вы почти буквально повторяете аргументы самых заядлых ультрамонтан.[5] Но такова неумолимая логика

явленного редакторам бесцензурных повременных изданий 20-го августа 1886 г.» (*ПВ*. 1886. 20 дек. № 279. С. 1), — по поводу трактовки вопросов внешней политики России.

[1] Гиляров спрашивал князя Н. В. Шаховского в письме к нему от 20 декабря 1886 г.: «Правда ли, что Шарапова представили Государю?». И далее: «Мне передавали еще, что будто бы “Русское Дело” попало в Гатчину, где его отождествляют с Аксаковым. Такое опасение выражает между прочим и Анна Федоровна. Это уже поважнее; а Шарапов так умеет эксплуатировать имя покойного своего патрона; к нему и обращаются как к истинному преемнику Ивана Сергеевича» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 12). Анна Федоровна — вдова И. Аксакова.

[2] Речь идет о передовой Шарапова «Москва, 16 декабря» (*РД*. 1886. 16 дек. № 34/35. С. 1—2), в которой в связи с болгарскими событиями говорилось о враждебном отношении Германии к России, причем это государство (правительство которого входило в тайный «Союз трех императоров») называлось «кровным племенным и историческим врагом» России (с. 2).

[3] Копия этого письма Гилярова к Романову-Рцы, выполненная князем Шаховским, имеет ряд расхождений (некоторые из них значительны) с впервые опубликованной нами копией А. М. Гальперсон. См.: *Письма к Рцы*. С. 324—327.

[4] *Шибболет* по-древнееврейски означает «поток», т. е. «канал», а также «ветвь» или «колос». Это слово служило пропуском для переправы через Иордан: ефремляне не могли выговорить его, как жители Галаада, на стандартном библейском иврите: они из-за разницы в произношении в разных диалектах говорили «сибболет» и, выдав свою племенную принадлежность, умерщвлялись (Суд 12: 1—6).

[5] *Ультрамонтаны* (от лат. ultra montes — за горами, т. е. за Альпами) — сторонники полной власти папы не только в церковной, но и в светской сфере.

лжи. Я, помнится, писал Вам, что от Вашего воззрения до инквизиции и костров недалеко; но Вы уж и дошли, только не отдаете себе отчета. И Вы негодуете на Владимира Соловьева! Он только развивает Вашу мысль. Обязанность насильного крещения требует именно той Феократии, о какой он бредит.[1] То единодушие Церкви с государством, в котором эти два организма должны соревновать насильственным совершением первых двух таинств [2] и требует именно единого всемирного архиерея вместе с единым всемирным царем, что ему, Соловьеву, предносится верховным идеалом.

Удивительного, впрочем, ничего нет: есть же раскольники, которые, отстаивая обряд, идущий, по их мнению, от Апостолов, отвергают самих Апостолов. С Вами то же самое: Вы впадаете в самый грубейший папизм, воображая ратовать против папизма. В страстности Вы не замечаете даже богохульства и подлога, совершаемого Вами софистическим вопросом: «А по какому праву меня родили?» При Вашем несомненном уме, как Вы не заметили, что ставите вопрос, совершенно не имеющий аналогии с тем, о котором идет рассуждение? (Силлогизм таков: Бога нельзя спрашивать, по какому праву Он меня создал. Также и попа, а по-Вашему, и квартального [3] нельзя спросить, с какого права он крестил этого ребенка.) — «По какому праву меня родили?» Кто? О ком это Вы говорите? О Боге, по какому праву Он вывел меня в жизнь? Опомнитесь! А если вопрос к родителям, то дети ведь не пироги, которые в воле кухарки печь из ржаной и крупитчатой, с начинкой и без оной. Можно в Брюсселе заказать голубя известной масти, но ребенка, и притом известного пола и индивидуальных свойств, заказать нельзя и сделать их по произволу. Мы с Вами от родителей рождены, но не родителями. Вопрос, Вами предполагаемый, был бы богохулен.

---

[1] См.: *Соловьев Вл.* История и будущность теократии: (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни). Загреб, 1887. Т. 1: Предисловие. Вступление. Философия библейской истории. XXV, 396 с.

[2] Подразумеваются таинства крещения и миропомазания.

[3] *Квартальный* — полицейский, под надзором которого находилась известная часть города (квартал).

Утомительно следить за странным сочетанием Ваших мыслей и не менее странною терминологиею.

По-Вашему, папизм есть доктрина. Но существо его — *дисциплина*, а не доктрина, которая есть во всяком исповедании, и в Церкви между прочим. Вопрос в том, что *над* чем и что *под* чем; папизм к доктрине равнодушней, нежели Церковь: сегодня она у него одна, завтра — другая.

Рассуждать далее отказываюсь. В состоянии Вашего духа и мысли всякие противообъяснения бесполезны. Вы не обратили внимания ни малейшего на возражения, представленные мною в прошлом письме. Вы ухитрились даже вычитать совершенно противоположное тому, что я думаю, т. е. будто склоняюсь к обязательной определенности таинств. Вы тот прямолинейный ум, о котором я говорю в одной из последних глав «Пережитого», который выслушивает в течение получаса Ваши возражения и потом заканчивает вторую половину фразы, которую Вы прервали своею речью.[1]

Вы отказываетесь понять, что же я разумею под «рационализмом», я точно так же не понимаю, что Вы под ним разумеете. Мое объяснение было напечатано в 1859 году.[2]

Когда Вы пояснили мне свое ad intra и ad extra[*] Церкви, как Вы не сообразили, куда же Вы денете Апостолов и заповедь «шедше научите»[3] etc.? Вместо нелепого (извините) вопроса, по какому праву меня родили, как Вы не задаете себе более уместного и логического вопроса: почему же Апостолы не всех крестили или даже почему не сделал того сам Христос?

---

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из моих воспоминаний. II. Дон-Кихоты Просвещения // Дело. 1887. № 1. С. 88. (Очерк составил главу LIX книги воспоминаний «Из пережитого».)

[2] Речь идет о статье «Личное и общественное (По поводу статьи г. Дубенского “Свобода и рабство”. “Ж<урнал> З<емлевладельцев>”, № 22)» (*ЖЗ*. 1859. Т. 6, № 24. Отд. I. С. 411—438), которая, в переводе на немецкий язык, должна была войти в особую антологию «Russische Ideen», составленную из лучших материалов, опубликованных славянофилами в «Русской Беседе», «Сельском Благоустройстве» и др. изданиях. Этот замысел был осуществлен Фр. Боденштедтом в 1862 г. См. раздел 2.2. Ср.: *Шаховской Н.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 538).

[*] к внутренней… к внешней (*лат.*).

[3] Мф 29: 18.

Впрочем, в струе Вашей мысли Апостолы должны представляться величиною, которою можно и пренебречь. Апостолы возлагали руки, а не миропомазали.[1] Ну, что ж! Да ведь второе таинство, совершаемое чрез руковозложение, усвоено папизмом; вот Вам и достаточно; можно и Апостолов за борт.

Со стороны наблюдать этот психический процесс даже любопытно; но в данном случае мне и тяжело, и больно, и жалко Вас до смерти.

Разубеждать я Вас не стану; да это и бесполезно. Я всегда держался и продолжаю держаться мнения, что полемика ни к чему не ведет. Более или менее, но каждый читает в другом себя, а не того, кто ему говорит. Для третьих лиц, свидетелей, полемика оказывает значение, да и то умеренное. К чему же нам попусту бить воздух? Вы обращались ко мне в надежде видеть комментатора к Хомякову. Но я от Хомякова совершенно независим и потому взаимные объяснения наши будут только взаимными недоразумениями, о чем я уже не раз Вам сообщал. Итак, прекратим все разглагольствия наши «по вопросам высшего порядка», как Вы их называете.

От Хомякова осталась куча детей, чуть не до десятка.[2] Дмитр<ий> Алекс<еевич> (старший) замечательного ума человек, его статьи или статья была, кажется, в «Руси». Но вообще к литературе он касательства не имеет.[3]

Когда я наблюдал во время оно над семьей Хомякова, предо мною выплывало не на них только обнаруживающееся явление, что *у замечательных людей дети воплощают в себе родительские особенности (чаще всего недостатки) в преувеличенной степени,* и большею частью в отвлеченной форме, иначе — отраженно от других качеств, присущих родителям. Алексей

---

[1] Ср.: Деян 8: 17. Обрядом возложения рук, заимствованным из ветхозаветной традиции (см.: Числ 27: 18), сопровождалось в раннехристианский период таинство восприятия Духа Божьего, и только в III в. оно стало сопровождаться помазанием — и получало название миропомазания.

[2] У Хомякова было 5 дочерей и 2 сына.

[3] Д. А. Хомяков опубликовал в «Руси» несколько статей по вопросам религии и искусства, подписывая их инициалами («Д. Х.»).

Степанович был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (особенно из религиозной сферы, что значительно смущало верующих людей, не знавших его ближе; не иначе как с негодованием отзывались они об этом неистощимом кощунстве над святынею). То, что у отца было сопутствием других качеств, у детей явилось главным, почти единственным. Бывало, за столом остроты и анекдоты сыпались у этой многочисленной семьи взапуски.

Вы воображаете себя *публикой*. Тогда я не понимаю Вашего разговора о войне, который мог родиться только в Вашем кабинете. Поминки по Чайковском[1] можно бы напечатать, но мешает оригинальность изложения: что принадлежит Чайковскому, что Вам, где Ваши слова кончаются, где его начинаются, совершенно не разберешь.

<3>

М<осква>. 22 янв<аря> 1887 г.[2]

Вы обиделись последним моим письмом, дорогой Иван Федорович; это крайне жаль. Вы увидели в нем неспокойное состояние духа, желчность; если бы Вы видели меня в кругу моих ближайших, когда я прочел Ваше письмо с проектом насильного крещения младенцев; если бы Вы слышали мои о Вас рассуждения и рассуждения двух упомянутых: Вы бы посмотрели иначе, и участия, истинно отеческого, не приняли бы за полемический задор.

Вам показалось бранным даже эпитет *прямолинейный*. Если у Вас в Киеве найдется январская книжка «Дела» (впрочем, она еще не вышла, по-видимому), прочтите в ней главу из «Пережитого», под заглавием «Дон-Кихоты Просвеще-

---

[1] Михаил Станиславович Чайковский (Czajkowski, иначе Садык-паша; 1808—1886) — польский прозаик, историк. В 1851 г. поступил на турецкую службу, приняв ислам. В 1873 г. перешел в Православие и получил разрешение жить в Киеве. Покончил жизнь самоубийством в своем хуторе Борки Остерского у. Черниговской губ. 5 января 1886 г. Очевидно, заметка Романова была посвящена годовщине его смерти.

[2] Копия этого письма Гилярова к Романову-Рцы, выполненная князем Шаховским, имеет ряд расхождений (некоторые из них значительны) с впервые опубликованной нами копией А. М. Гальперсон. См.: *Письма к Рцы*. С. 328—332.

ния», Вы увидите, в укорительном ли смысле я принимаю слово *прямолинейность*.[1]

Что касается до выражений *подлог*, *софизм*, *богохульство*, *нелепость*, то в печати я их не употребил бы; да и не стал бы останавливаться на мнениях, подобных Вашему. Но простите, для головы, рассуждающей последовательно из начал христиански-православных, эти сказуемые неизбежны в характеристике. Вопрос, *по какому праву меня родили*, есть богохульство, а ставить его в аналогию с крещением есть логическая нелепость: в одном случае представляется смертный человек и пред ним живое существо, существующее существо, сказать бы так; в другом — Бог и пред Ним ничто, nihil, nonsens, ибо в момент создания или рождения личность, о выведении которой на свет говорится, еще не существует. Как юриста[2] Вас смущает слово *подлог*, но я говорю, и Вы, надеюсь, понимаете, о подлоге добросовестном, который тем не менее остается софизмом и ведет к логическому абсурду.

Когда я пишу, я не уверен, чтобы Вы к понятию «логический» не отнеслись с предубеждением, как некогда к понятию «систематический». Вы сказали тогда нечто вроде того: «Да нет и ничего хуже системы; сочинения Хомякова тем и прекрасны, что не система!». Я Вам ничего тогда не отвечал на это замечание, видя, что недоразумение между нами начинается с азов. И теперь вижу у Вас словоупотребление, в котором речение *«рассудок»* приводится Вами в непонятных для меня сочетаниях. Предполагается какая-то особенная психология, по которой рассудок есть нечто злое, от которого нужно отметаться. А если так, то и «логическое» должно быть чем-то очень гадким вроде «системы» (система = логика). Предносится мне, что такое воззрение основывает себя на Хо-

---

[1] Имеется в виду характеристика встреченных Гиляровым на жизненном пути нескольких «эксцентриков, людей идеи во всяком случае, честнейших и одаренных умом, даже не дюжинным, но… несколько помешанных. <…> И понятия у них свои, и логика своя; в довершение — неуклонная прямолинейность» (Там же. С. 88).

[2] В письме к В. В. Розанову от 29—30 сентября 1891 г. Романов писал: «Окончив кандидатом прав в Катковском лицее в Москве университетский курс, я перебрался на службу в Киев» (*Рцы (Романов И. Ф.).* Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 395).

мякове, который противопоставляет (и верно) свободу логической необходимости, основывая на этом противоположении всю всемирную историю. Но все-таки связь понятий, в силу которой Вы так враждебно смотрите на *рассудок* и *систему*, отказываюсь восстановить; вижу только, что у меня и у Вас те же понятия, точнее сказать, те же слова иначе определены.

Вот почему едва не с первого письма я постоянно толковал, что между нами туча недоразумений; посему постоянно просил не возбуждать меня к длинным письмам. Да в самом деле, не в каждом ли письме я повторяю одно и то же: «*недоразумение*»? В последнем же (точнее, предпоследнем) я истинно ужаснулся, читая рассуждения, будто выписанные из ультрамонтанских богословов, причем видя, что все мои усилия различить Вам Церковь видимую и невидимую остались тщетными. Вы не обратили ни малейшего внимания. Я не намерен был разубеждать; но я желал Вам выяснить мою точку зрения. Но Вы повторяете свое, продолжаете выводы из *своей* точки зрения, тогда как я объяснил уже, что я с ней-то не согласен. Понятно, после этого праздны разговоры. С улыбкой смотрю я на проявление «женской» <логики>[1] (опять, пожалуй, примете за брань и неспокойное состояние духа) и в последнем Вашем письме. Вы упоминаете о неспокойном состоянии духа, в котором я будто бы рассуждал о Восточном вопросе. Верите ли, как это мне смешно! Стало быть, Вы остаетесь при этом мнении, несмотря на все мои объяснения, что я всегда так понимал восточное призвание России, никогда иначе и не понимал, никогда не проповедовал *славяно*фильства, никогда не признавал *обязанности* России пред славянами и даже пред кем бы то ни было. Всё это я толковал Вам и растолковывал; но Вы, минуя всё это, как будто письма пропали на почте, остаетесь в уверенности, что союз с турками я проповедую par dépit![*] Дай Бог Вам прожить долго; лет через пяток, десяток Вы прочитаете это странное упорство приписывать другому свою точку зрения и на основании того приписывать ему «не-

---

[1] Пропущенное слово восстановлено по копии Гальперсон (*Письма к Рцы*. С. 329).
[*] с досады (*фр.*).

спокойное состояние духа», страстное увлечение; Вы тогда сами улыбнетесь и объяснение в страстности перенесете на другую сторону.

Кончаю тем, что было мною сказано в прошлом моем письме: соболезную о Вас до смерти, не обидьтесь снова: Вы — Сютаев[1] или, если это Вам не нравится, — Гус[2] в зачатке. И таково естественное последствие келейного напряженного духовного саморазвития. Audite juvenes senem, quem juvenem audivere senes:[**] могу Вам это сказать. Замечание, сейчас высказанное, внушено искренним уважением к Вам и душевною любовию, состраданием. В этом отношении я прожил век недаром и недаром изучал психологию верований и сравнительным, и историческим путем. Состояние души Вашей ясно для меня и отчасти путь, каким Вы до него дошли. Жалеть ли, что переписка между нами началась? Был момент, когда я готов был даже жалеть, опасаясь, что я смущаю Вашу веру. Теперь на этот счет я спокоен: Вы кристаллизовались, непоколебимы, и мои с Вами несогласные мнения способны возбуждать в Вас только удивление, как это я такие странные вещи утверждаю, а затем и объяснения — «страстным состоянием духа». При спокойном-де состоянии я непременно заговорил иначе, а взяв Хомякова в руки, вывел бы то самое, что Вы выводите, не правда ли так?

Вы приходите в изумление, что я приписываю Вам *чудовищности*. Какого рода мнения Вы так обзываете, не знаю. Я приписываю Вам только *opus operatum* и *compelle intrare*. Более ничего, кажется. Но обязанность совершать над *всяким* младенцем два первые таинства, вручаемая Вами иерархии и государственной власти, и есть именно то, что разумеется под *compelle intrare* (заимствованное из Евангелия, когда Иисус *понуди внити* в корабль).[3] *Opus*

---

[1] Василий Кириллович Сютаев (1819—1908) — крестьянин дер. Шевелиной Новоторжского уезда Тверской губ.; религиозный мыслитель, основатель секты, полностью отрицающей церковную обрядность. В 1876 г. был подвергнут судебному преследованию за отказ крестить внука.

[2] Ян Гус (Hus; 1369—1415) — чешский реформатор. В славянофильских кругах господствовал взгляд, что гуситское религиозное движение выражало собой противоположность славянского духа западноевропейскому.

[**] Слушайте, юноши, старика, который юношей слушал стариков (*лат.*).

[3] Мк 6: 45.

operatum, кажется, нечего объяснять: таинство, благодать исполняет свое дело, совершает действие независимо от веры крещаемого и миропомазуемого; надеюсь, что Вы именно это утверждаете, а это и называется *opus operatum*. Что же Вы разумеете под «чудовищными»? Что Вы стоите на дороге В. Соловьева и на шаг от инквизиции? Склонен верить, что Вы не дойдете до этого; но это будет непоследовательность, обычная, впрочем, в верованиях. Показать родоначальникам нашего раскола, современникам книжного исправления, теперешние рассуждения беспоповцев о духовной церкви, — они сказали бы: мы этого не говорили, это ересь. А тем не менее беспоповцы вполне последовательны, как «трясучки»,[1] с одной стороны, Бруно Бауер[2] — с другой, суть верные последователи Лютера, хоть он и проклял бы их, когда бы они явились при его жизни.

Поэтому-то оставим разговоры о высших материях. Оказалось, что они повели не только к недоразумениям, но даже к огорчениям. Я огорчаюсь *за* Вас, а Вы, по-видимому, огорчаетесь *на* меня. Если я Вас огорчил, простите; но еще раз уверяю Вас, что ни малейшего чувства досады, а тем менее вражды не поднималось во мне, а одно чувство самого сердечного сострадания.

На политическом небе мрачно.[3] Пройдет ли без грома февраль и март? Конвенция-то с Германией, говорят, действительно заключена, и говорят — даже в худшем смысле, нежели пишут в газетах.[4]

---

[1] Имеются в виду квакеры (от англ. Quakers, буквально — трясущиеся), члены христианской общины, основанной в середине XVII в. в Англии Георгом Фоксом. Они отвергают институт священства и церковные таинства, однако мотивировано это, в отличие от лютеранства, своеобразным учением о внутреннем непосредственном вдохновении от Св. Духа, согласно которому, например, воплощение и земная жизнь Христа мыслятся как Его таинственное рождение и пребывание в душе человека.

[2] Бруно Бауэр (Bauer; 1809—1882) — немецкий философ, религиовед и либеральный библеист. Отвергал достоверность Евангелий и само существование Христа.

[3] В тот период обострился Восточный кризис, накалились отношения между Францией и Германией. Гиляров писал в передовой «Москва, 21 января. Дневное обозрение»: «Война неминуема; когда она разразится, чрез десять дней или десять лет, это неизвестно…» (*СИ.* 1887. 22 янв. № 21. С. 1).

[4] Возможно, речь идет о подготовке так называемого «Перестраховочного договора между Россией и Германией, заключенного 6 (18) июня 1887 г. в Берлине (Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952. С. 267—270).

Vale.*

Поминальную речь о Хомякове[1] получил обратно: благодарю.

---

13 апр<еля> 1893

А. И. Остроумов рассказывал, что когда Гиляров был начальником Синодальной типографии, то к нему явился представляться директор Хозяйственной части Лавров,[2] которого Н<икита> П<етрович> принял в халате, причем ноги положил либо на стол, либо на стул, а ноги были обуты в чулки и туфли. Лавров же был в форменном вицмундире и при звез<д>е — отсюда и месть. Неудовольствие же это в Петербурге. — Затем представленная Н<икитою> П<етровичем> записка о преобразованиях в Типографии была снабжена, испещрена ядовитейшими примечаниями Лаврова, лишившими ее всякой силы.

10 апр<еля>

Ольга Николаев<на>[3] (служащ<ая> у П. И. Бартенева[4]) рассказала мне о Сковронской.[5] Это была не глупая и недурная собою женщина, только очень беспорядочная, с коротко обстриженными волосами, в костюме-неглиже. Она действительно жила с Гиляров<ым>,[6] и он ей безгранично доверял, и она злоупотребляла его доверием. Растрата сумм, пожертвованных на Сербскую войну.

---

* Будь здоров (*лат.*).

[1] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. О судьбе убеждений: По поводу смерти А. С. Хомякова: (Речь, произнесенная в заседании Общества любителей российской словесности 6 ноября 1860 г.) // *РБ*. 1860. Кн. II (20). Отд. VII: В память об Алексее Степановиче Хомякове. С. 61—88.

[2] Василий Алексеевич Лавров (1823—1875), директор Хозяйственного управления при Св. Синоде (1863—1875).

[3] Ниже названа ее фамилия: Балашева.

[4] То есть в редакции журнала «Русский Архив». Петр Иванович Бартенев (1829—1912) — историк, археограф, библиограф; чиновник московского Главного архива МИДа (1853—1858); издатель-редактор «Русского Архива» (с 1863 г.).

[5] Мария Саверьевна (Каверцовна) Сковронская (во втором замужестве Богуславская; 1840 — после 1904), прозаик, журналист; сотрудница газеты «Современные Известия» (1868—1878).

[6] Слухи об этом из корыстных целей распространяла сама Сковронская.

Внесено Аксаковым. Авдотья Ивановна[1] была в услужении у Сковронской, потом по удалении ее осталась и затем была прислугою в редакции и сделалась будто даже любовниц<ей> Н<икиты> П<етровича>.

Разочарование с Сковронской было ударом для Н<икиты> П<етровича>, — кот<орый> чуть-чуть из-за нее не попал на скамью подсудимых.[2]

П. И. Бартенев говорил про Н<икиту> П<етровича> гадость, что будто Авдотья Ивановна была его дочерью и что он, стало быть, жил со своею дочерью. Но этого не может быть, т<ак> к<ак> Авдотья Ивановна старше тех лет, какие она должна бы иметь, будь она действительно дочерью Н<икиты> П<етровича> от Сковронской. —

Бартенев сам попался на проек<т>ерстве и обольстительн<ой> речи Гилярова-Платонова о выгоде изделия бумаги из еловых игол, что он по собственной инициативе производил на своей фабрике.[3] Бартенев законтрактовал Гилярову и пострадал на этом деле: бумага вышла отвратительная, и Б<артенев> потерпел убыток.

10 апр<еля>

Смирнов-Платонов[4] тоже сделал, не в осуждение Г<илярова>, темный намек на любовны<е> его грешки. — Перед силою же и широтою его ума он преклоняется. Воспоминания сводятся главным образом к Академии, где он два

---

[1] Авдотья Ивановна Буренкова (или Бурова; в замужестве Орлова), сирота, воспитанница М. С. Сковронской; работала в конторе «Современных Известий».

[2] Подразумевается начатое производством по доносу Сковронской уголовное преследование Гилярова. См.: Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428.

[3] Писчебумажная фабрика была куплена Гиляровым в 1873 г. у штабс-ротмистра Н. И. Шумова в с. Брынкове Рузского уезда Московской губ. за 50 тысяч рублей (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя). См. Свидетельство о покупке фабрики от 12 июля 1873 г. и ее Опись (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66).

[4] Протоиерей Григорий Петрович Смирнов-Платонов (1825—1898) — магистр Московской духовной академии (1850), духовный писатель, церковный историк, редактор-издатель журналов «Православное Обозрение» и «Детская Помощь»; ученик и сослуживец Гилярова (был студентом Академии в 1846—1850 гг., а с января 1851 г. преподавал там библейскую историю, с 1853 г. — патрологию, в том же году был переведен в Московскую семинарию).

года был слушателем Н<икиты> П<етровича>. — Он для сборника[1] хочет написать о взглядах Гилярова на православие.

——

«Из пережитого». 1, 110[2]

«По-настоящему, при каждом училище должно бы быть место для отседа менее способных, пожалуй, и столь же, даже более способных, но по другому роду развития. В неоднократных беседах с покойным А. П. Ахматовым[3] (быв<шим> обер-прокур<ором> Св<ятейшего> Синода перед Гр<афом> <Д. А.> Толстым), в виду предпринимавшегося преобразования духовных училищ (последнего), я раскрывал ему эту мысль подробно, *чуть ли не подал об этом даже записку*».

——

«Из пережитого». 1, 118—119

Лет 20 тому назад один из петербургских духовно-ученых, отец Никольский, попытал изложить в довольно объемистой книге Церковно-Богослужебный Устав,[4] и мне пришлось пробегать его для составления рецензии на рукопись, имевшую притязание изложить систему устава для учебного руководства. Начальство (*я служил тогда управляющим Синодальною типографией*[5]) *поручило мне рассмотреть представленную рукопись*. — Она оказалась совсем негод-

---

[1] Речь идет о Сборнике, в который предполагалось включить воспоминания о Гилярове и его избранные письма; его князь Шаховской собирался издать у К. С. Солдатёнкова или И. Д. Сытина в 1893 г. См.: *Шаховской Н. В., кн.* Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 479—482.

[2] Здесь и далее указаны тома и страницы прижизненного отдельного издания воспоминаний Гилярова «Из пережитого» (М., 1886—1887. Т. 1—2). В комментариях отмечаются только значительные погрешности в передаче текста (пропуски, изменения слов и др.).

[3] Алексей Петрович Ахматов (1817—1870) — обер-прокурор Св. Синода (1862—1865), до этого (с 1860 г.) харьковский военный генерал-губернатор.

[4] Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви Константина Никольского, священника церкви Успения Пресвятыя Богородицы. СПб., 1862. XVI, 649 с.; 7-е изд., испр. и доп.: СПб., 1907 (репринт: М., 1995). XVI, 878 с. Протоиерей Константин Тимофеевич Никольский (1825—1911) — духовный писатель, автор справочных пособий по богослужебной практике.

[5] Гиляров состоял в этой должности с 20 августа 1863 г. по 14 августа 1868 г.

ною, с грубейшими ошибками; но и труд отца Никольского преисполнен промахов. Так пробел в этой части духовно-учебного курса остается пробелом.

«Из пережитого». 118

«*Православной богословской науки вообще не начиналось еще; все, что имеем мы, продолжает быть компиляцией с западных богословов*, у одних более удачною, у других менее, но компиляцией — не далее. В самое последнее время явившиеся диссертации магистров и докторов богословия — те же компиляции, хотя и высматривающие свысока, с цитатами из первоисточников. Знакомый с западною литературой, однако, легко открывает, что ученые изыскания авторов идут не далее вторых рук и во всяком случае через них».

«Церковная археология — вполне законное дитя протестантства, для которого вся церковь, в смысле внешнего учреждения, стала отжитою древностью. Протестант смотрит на обряд, да иначе и смотреть не может, подобным же образом, как смотрит русский ученый на употребление кун или на обычай “выдавать головой”».

Ibid. 119—120

«Исполнение устава служб и техника пения есть дело дьячковское, немногим выше искусства звонить: вот глубочайшая, на дне лежащая посылка, в силу которой ум богослова отвращается от казуистики устава и от церковных нот».

«Пренебрежение к этим[a] двум статьям духовно-учебной программы истекало именно из ложного аристократизма, из боязни уронить свое достоинство и затем из практических соображений бесполезности.[b]

А жаль. Пробел в этом певческом искусстве и в этих дьячковских познаниях — одна их причин пасторского бессилия, холодности народа к церкви и порождения сект. Народ связывается с церковию все-таки через богослужение, и

---

[a] *У Гилярова*: к упомянутым.

[b] *У Гилярова*: о бесполезности. Да для чего-де это мне певческое искусство, эти дьячковские познания?

самое главное, чем можно привязать его к церкви или отвратить от нее, есть отношение служителя церкви ко внешнему отправлению богослужения; здесь исходная точка, откуда пошли старообрядчество в одну сторону, молоканство, духоборство, хлыстовщина — в другую».

«Читать в церквях не только дьячки, которым и Бог простит, но диаконы, иереи, даже епископы не умеют. Сносный, не говорю вполне удовлетворительный — мне не удавалось еще таких встречать — чтец привлекает в церковь тысячи одним чтением. Народ теснится, когда настоятель, читающий во всяком случае удовлетворительнее дьячка, выходит на середину церкви возглашать Покаянный канон.[1] Подумаешь: как мало нужно, чтоб удержать в церкви народ и привлечь к ней, и как мало для того делается пока! Демократизация, которая сделалась модой, и сюда, впрочем, стала проникать. Чрез полстолетия с удивлением будут читать наши внуки о времени, когда священнослужители не умели ни читать, ни петь и не умели править службы, потому главное, что считали практику в этом для себя унизительною».

«Из Пережитого» 1, 146—147

«В понятиях духовенства, по крайней мере московского, столичный диакон выше священника уездного, тем паче сельского. Перворазрядный студент семинарии брезгал, продолжает, вероятно, брезгать и теперь, священническим местом в селе, при вероятности получить дьяконское, но в Москве; дьяконскими в Москве местами не пренебрегали и кандидаты Академии. Образовались *два вида духовенства, столичное и уездное, качественно различные, даже отрезанные взаимно*; так что семинарист, хотя бы перворазрядный, попав в село, уже *терял надежду выбраться в Москву*, тогда как дьякону московскому, хотя бы второразрядному, переход на священническое место в столице не закрывался.

[1] Имеется в виду «Великий покаянный канон», созданный св. Андреем Критским и насчитывающий около 250 тропарей (в других канонах их обычно не более 30-ти). Он читается по частям с понедельника по четверг на первой неделе Великого поста на церковной службе, называемой повечерием, а также весь целиком — в четверг пятой недели того же поста на утреннем богослужении.

Идти из дьяконов московских в сельские и даже уездные попы, это почти разжалование. Если же бы сельский иерей стал просить перемещения в Москву, хотя бы заслуженный, он в консистории возбудил бы не только удивление, но негодование, как забывшийся нахал; нужды нет, что на то же место завтра поступит диакон из второразрядных и третьеразрядных семинаристов, притом ничем не выдающийся на службе, тогда как сельский священник вместе и примерный благочинный……

Бытовая иерархия превозмогает церковную и даже отчасти государственную. Последнее в том смысле, что и награды духовенству сообразовались, в те времена по крайней мере, не с самым служением, а с *местом*, где оно проходилось…… (147 стр.)

Если в положении, усвоенном со времени Сперанского,[1] и даже ранее, со времен Прокоповича,[2] что школьное образование есть главная принадлежность священства, заметен оттенок протестантства, то возвышение столичного диаконства перед сельским священником было шагом к латинству, — тому латинству, которое пресвитеров и диаконов царствующего Рима поставило в сане кардиналов выше даже епископов.[3] Священнослужительское место есть награда за успешное окончание курса наук, а в самой должности священнослужителя существеннейшее есть доход, с нее получаемый: понятна и эта мораль установившегося порядка».

---

[1] Граф Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) — ближайший советник Александра I (1808—1812), автор плана либеральных преобразований; генерал-губернатор Сибири (1819—1821); фактический глава II Отделения Собственной Его Имп. Величества Канцелярии (с 1826 г.). Духовно-педагогические взгляды Сперанского нашли отражение во всех основных документах по народному образованию, издававшихся в 1804—1812 гг.

[2] Архиепископ Феофан (в миру Элеазар Прокопович; 1681—1736), малороссийский и русский государственный и церковный деятель, писатель; сподвижник Петра I, глава Ученой дружины; епископ Псковский, Изборский и Нарвский (с 1718 г.), архиепископ Новгородский и Великолуцкий (с 1725 г.). Он ставил вопрос об открытии школ для простого народа в составленном им «Духовном регламенте» (СПб., 1821).

[3] Титул кардинала стал вторым после папы в иерархии католической церкви постепенно — начиная с 1059 г., когда римские кардиналы (первоначально — настоятели главных, окружных церквей) получили право выбора папы. С 1586 г. число кардиналов было определено в 70 человек: из них 6 кардиналов-епископов, 50 кардиналов-священников и 14 кардиналов-диаконов.

150—151

Переменой быта сказывается боязнь унизиться до простонародья или желание вырваться из него, поползновение на барство и прибавлю — барство в смысле тунеядничества… Цветом благородства[a] признавалось совершенное отрешение от народа.

154.

Останавливаю внимание на трех[b] типах, п<отому> ч<то> они живут в обществе и теперь. Старина не рассуждающая, живущая как жила — один; другие не прочь принять обычай новый, но свободно, по справедливым требованиям гуманности, удобства, денежных средств; третий тип: рабская погоня за внешностью высших нас по состоянию и общественному положению.[c] Как известно, теперь есть еще и четвертый тип — нахального неряшества, намеренного, почти насильного пренебрежения внешностью, хвастовства незнанием приличий. Он народился в последние 25 лет вместе с натянутым демократизмом разных видов: это то же рабство, только с переменой кумира и с утратой прежней добросовестности.

Из пережитого. 1, 170

Рецензия Н<икиты> П<етровича> на книгу «Странствование инока Парфения»:

«Среди нас и с нами, говорил я, живет другой мир, нам незнакомый, с другим строем мысли, чуждым нам и непонятным, хотя лица эти известны нам, мы сталкивались с ними, говаривали, ведем с ними постоянные сношения. Но есть события, совершающиеся в этом, чужом для нас мире, которые нами

---

[a] *У Гилярова*: «благородства», конечно.

[b] *У Гилярова*: на этих трех.

[c] *Далее у Гилярова*: На этой стадии мы, младшие члены семьи, и стояли в описываемое время.

не замечаются, не подозреваются в своем существовании, не узнаются, когда мы их и видим. Равно события и идеи нашего мира не замечаются и не понимаются этими людьми, среди нас живущими, но с мыслию, обонпол[1] лежащею; совершенно в другом освещении представляется окружающее и нам и им. Это я и называю *полосатым общественным развитием*. Как быт живет в разных ярусах, так и мысль общественная течет разными струями одновременно, притом качественно разными, а не количественно; одна не есть степень другой. Невнимание к этому обстоятельству способно часто обмануть расчеты законодателя, обратить в ничто и даже во вред самые благонамеренные предначертания, и чем обширнее круг ими обнимаемый [a] и чем они по-видимому основательнее теоретически, тем опаснее грозит разочарование».

1, 173. *Коломна (40-е годы)*

Семья наша и все, кого случалось слыхать и видать, относились, очевидно, к крепостному праву, как относятся к стихийной силе, молнии и дождю, или к физическому закону тяжести, с которыми не спорят в существе и с которыми только обходятся так или иначе, покоряясь им, облегчая себя от них подходящими средствами, но не объявляя им войну самим в себе.

Предполагались бы в городе, и сравнительно немалом, общие городские интересы. Какие они были? *Никогда никакого проблеска, никакой мысли о возможности органического, совокупного общественного труда на общественное благо.* Есть то, что есть, прилаживайся к нему каждый; вот по-видимому была общественная мораль.

174

Были какие-нибудь у кого-нибудь разговоры с каким-нибудь политическим оттенком? Ни у кого, никогда, никаких. Всего каких-нибудь три, четыре

---

[1] *Обонпол* — по ту сторону, на другой стороне (*цркcл.*).

[a] *Далее у Гилярова*: и чем они по-видимому основательнее теоретически, тем опаснее грозит разочарование.

года перед тем произошло усмирение польского мятежа,[1] восемь лет тому назад случилось 14 дек<абря>.[2] Никогда не слышал я от окружающих ни слова ни о том, ни о другом.

175

Жизнь горожане вели затворническую. Лавка и церковь, вот единственные места выходов, и первая притом исключительно для мужского населения, если не считать торговок, сидевших в палатках или с лотками на открытом воздухе. Откуда этот теремной режим, когда в высшем сословии терем уже кончился, а в низшем, т. е. крестьянском, его даже не бывало?

«Пережитое». 1, 244.

В Москве 1837 г.

Через полтора года ровно, под заглавием «*Святочные Досуги*», составлено было мною *обстоятельное описание моего первого приезда в Москву.* Это была довольно объемистая тетрадка, оканчивавшаяся целою страницей письменного, весьма лестного отзыва, данного о моем труде профессором. *Тетрадка* эта с *другими бумагами погибла* потом *во время пожара*, бывшего у меня.[3] Кроме того, я вел *дневник* в самое это время краткой побывки в Москве. Я был так переполнен виденным и слышанным, что из меня переливалось чрез край невольно; я боялся затерять приобретенное, не уберечь. *Часть дневника сохранилась*.[a] — То было излияние, то была исповедь.

Пережитое — *247*

---

[1] Имеется в виду восстание, начавшееся в Царстве Польском в ноябре 1830 г. и подавленное правительственными войсками в октябре 1831 г.

[2] Восстание на Сенатской площади в 1825 г.

[3] Имеется в виду пожар на даче Гилярова в 1856 г.

[a] *Далее у Гилярова следует*: Но я и начал его поздно и прервал рано; прервал потому, что нашел записи брат, прочел их, не говоря мне ни слова и не говоря же мне ни слова испестрил помарками, отнесясь к ним, как к ученическому упражнению. Но то было не упражнение <…> (*Из пережитого*. Т. 1. С. 163).

Жизнь столичного приходского духовенства отличается от уездного только в потенции. Те же требы, то же «славленье», то же «чтó позвонишь, то и получишь», то же улаживанье отношений к прихожанам, *унижение пред богатыми, почти пренебрежение к бедным, та же материальная сторона впереди, тот же главный фон, даже не загрунтованный лицемерием*, и это нужно отнести к великой чести духовенства, оно себя не корчит.

Монастырь другое дело; там звонят по уставу, службу правят как предано; *на первом плане аскетизм, глубокие поклоны, долгая служба*. Не в том вопрос, искренне ли это, а в том, где лицевая сторона. С незнакомым монах чувствует себя обязанным держать постное лицо, говорить «о Боге и Его правде, о человеке и его неправде»,[1] воздыхать, повествовать о чудесах, о пользе молитвы.

Попади я в мужской монастырь, одно из двух, смотря по обстоятельствам: меня возмутило бы лицемерие; если не лицемерие, то несоответствие показной стороны с действительностью: из меня вышел бы второй Ростиславов;[2] или же бы я экзальтировался, как экзальтировались после некоторые из моих сверстников, возмечтавшие о пустыне, афонских подвигах, и надевшие клобук.

248—249

В Новодев<ичьем> монастыре аскетическая жизнь ведена была не напоказ, а искренне; но сестры не тунеядствовали, а большинство прокармливалось работой, подобно тому как было полторы тысячи лет назад в Фиваиде. Впрочем, это

---

[1] Цитата из «Слова в Великий пяток» (из сборника «Страстная седмица», 1835) архиепископа Иннокентия (Борисова): «…уста мои невольно заключаются, при виде Господа, почивающего во гробе. <…> И что можно сказать вам о Боге и Его правде, о человеке и его неправде, чего стократ сильнее не говорили бы сии язвы?» (Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. СПб.; М., 1901. Т. IX. С. 225).

[2] Имеется в виду Димитрий Иванович Ростиславов (1809—1877), церковный историк и публицист; профессор физико-математических наук С.-Петербургской духовной академии (1835—1846), автор получивших громкую известность «обличительных» историко-публицистических книг, изданных в Лейпциге: «Об устройстве духовных училищ в России» (1863. Т. I—II) и «Черное и белое духовенство в России» (1866), а также труда «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей» (СПб., 1876).

уже общее отличие женских монастырей от мужских, удивительное, пожалуй, даже возмутительное. Монах садится на даровой хлеб, на даровую квартиру, участвует в дележе кружки. Сестра, поступая в монастырь, обязана внести *приданое*, купить келью и содержаться на свой счет.

24 апр<еля> 1893 г.

М. Г. Черняев[1] мне говорил, что в 1879 (?) г.[a] Н<икита> П<етрович> собирался баллотироваться в Московские городские головы и будто был вполне уверен, что его выберут, но получил только 12 избирательных шаров. Черняева же он подбивал идти в гласные, но тот не согласился пускаться на авось.

Н<икита> П<етрович> во время Сербской войны поддержал штаб Черняева от возведенной клеветы в растрате денег. По этому поводу он напечатал присланный Черняевым отчет и снабдил его горячей статьей[2] — отсюда сближение. — Неблагоприятное мнение о нравственной личности Н<икиты> П<етровича>.

——

[1] Генерал Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898) сблизился со славянофильским кружком на рубеже 1860—1870-х гг., когда после ухода с поста военного губернатора Туркестанского округа справедливо ощущал себя жертвой военно-канцелярского режима и пронемецки настроенного дипломатического корпуса. Письмо генерала М. Г. Черняева, опубликованное в «Современных Известиях», было вызвано клеветнической кампанией, развернутой против него представителями либерально-демократической прессы. Эти нападки на заслуженного, нравственно безупречного героя, ставшего в глазах русских людей символом общеславянского единства, показались Гилярову слишком похожими на преследование его самого со стороны М. С. Сковронской, поддержанное судебными властями.

[a] *Далее приписано карандашом и дважды подчеркнуто*: ***1885 г.***

[2] Эта статья была написана племянником Гилярова. Републиковано нами: + <*Гиляров Ф. А.* Передовая статья в защиту М. Г. Черняева от нападок либеральной прессы> (1877) // *Гиляров: ИМБР*. С. 411—414. Несмотря на предваряющий публикацию символ «+», указывающий на авторство Ф. А. Гилярова, следует предположить активное участие Гилярова в написании или хотя бы редактировании этой передовой статьи: об этом свидетельствуют ее стилистические особенности (прежде всего ораторский пафос). См. также: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо М. Г. Черняеву <дек. 1877 г. или янв. 1878 г.> // Там же. С. 414—415.

Черняев мне далее рассказал, что после смерти М. Н. Каткова он через Воронцова-Дашкова[1] представил Государю[2] записку, в которой ходата<й>ствовал о назначении его редактором «Моск<овских> Вед<омостей>». Воронцову Государь сказал, что действительно это было бы желательно, что его деятельностью как редактор<а> «Русского Мира»[3] Он доволен, что, правда, Черняев — человек увлекающийся и может зарваться, но что на это есть узда. — Воронцов передал это Черняеву с разрешением ему сказать это Делянову,[4] что Государю будет приятно, если Черняев будет издателем «М<осковских> В<едомостей>». — Накануне еще Черняев встретился с Деляновым на улице и говорил о смерти Каткова и о том, кому бы передать издание «Моск<овских> Вед<омостей>»; при этом Д<елянов> находил потерю невознаградимой и не усматривал достойного заместителя. —

На другой день после этого разговора Чер<няев> является к нему и [a] спрашивает, как бы он посмотрел на то, если бы он — Черняев — просился бы в заместители Каткова. Черн<яев> никогда не видел Д<елянова> в таком раже, как после этой своей просьбы. Он рвал и метал и наотрез отказал ему. Тогда Ч<ерняев> передает ему разговор с Воронцовым и желание Государя. «Мало ли что Государь желает. Хорошо, я представлю Вас в числе кандидатов, но не ручаюсь в успехе».

Это Черняев передал Гилярову и предостерегал его от чрезмерной надежды на успе<х> ходатайства его о «Моск<овских> Вед<омостях>».

Далее Черняев, стоявший во время последнего приезда Н<икиты> П<етровича> в Петербурге осенью 1887 г. рядом с ним в гостинице «Бельвю», припоминает, что Н<икита> П<етрович> приехал к нему страшно взволнован-

---

[1] Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916)—генерал-лейтенант (1876), министр Императорского двора и уделов (1882—1896); Кавказский наместник (1905—1915).

[2] Александру III.

[3] *«Русский Мир»* — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1871—1880 гг.

[4] Граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897) — в тот период (1882—1897) министр народного просвещения.

[a] *Далее зачеркнуто*: передает, что.

ный и убитый после разговора с К<онстантином> П<етровичем>,[1] который на него будто накричал и отказал в поддержке.

——

Шарапов, по его мнению, повредил памяти Н<икиты> П<етровича> своей чересчур восторженной поминальной статьей.[2]

Н. П. Барсуков[3] неодобрительно отозвался о нравственной личности Н<икиты> Пет<ровича> — его семейной жизни. Он считает его человеком неверующим, да и в Хомякове он не видит крепкой веры. — О Св. Троице, которой он поклоняется с верою, они толковали ежедневно, жонглируя логическими тонкостями мысли «Субъект-Объект» 2-е лице Св. Троицы.[4] — Не оттого ли и Филарет его убрал с кафедр.[5]

С Погодиным[6] Н<икита> Пет<рович> познакомился со времени издания «Русской Беседы».[a]

Письма есть, только он не готов их выдавать, говорит, что не имеет права в чужие руки даже ни одного лоскутка из архива Погодина.

——

Барсуков возмущался на славянофилов, котор<ые> были богаты и влиятельны и не поддержали Ник<иту> Петр<овича>, дали ему тянуть убивавшую его лямку.

——

1, 319. Пережитое <…>

---

[1] Победоносцевым.

[2] <*Шарапов С. Ф.*>. Москва, 24 октября // *РД*. 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1. Здесь, в частности, отмечалось, что Гиляров «велик как глубокий и оригинальный, скажем смело над его могилой, — как гениальный русский мыслитель».

[3] Николай Платонович Барсуков (1838—1906) — историк, археограф, издатель, библиограф.

[4] См. об этом подробнее в разделе 3.7.

[5] О взаимоотношениях Гилярова и митрополита Филарета (Дроздова) см. главу 1.3.

[6] Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — прозаик, драматург, публицист, издатель, историк.

[a] *Далее приписано карандашом*: нет — он ему писал из Академии.

Бартенев мне рассказывал, что будто Гиляров был *большой игрок в карты*, страстно любивший игру.

Эфрон [1] мне говорил, что ссора Н<икиты> П<етровича> с сыном Алексеем [2] произошла оттого, что раз сын застал отца целующего его жену [3] в лоб в знак отеческой благодарности за хорошо сделанную ею работу по сведению счетов за объявления газеты, и Алексей Никитич будто назвал тут же отца старым развратником, а тот немедленно выгнал его вон из дому. Они жили тогда вместе, занимая трехэтажный дом на углу Знаменки и Ваганьков<ского> пер<еулка>. —

Ссора с сам<им> Эфроном, назвавшим Гиляров<а> старым псом за то, что тот не хотел печатать целиком какой-то отчет Э<фрона> о благотворит<ельном> спектакле.

——

К знакомству с славянофилами

Пережитое. *I, 310*

С Хомяковым-писателем я познакомился лично спустя двадцать лет после того, как зазнал его впервые брат.[4] И я и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством некоторых наших воззрений и отыскивали причину.[*] Независимо от общей (случайного тождества литературы по известным отраслям, служившей подкладкой тому и другому) могла иметь свою долю значения и частная. Не могло ли случиться, что какое-нибудь замеча-

---

[1] Савелий Константинович Эфрон (псевд. — С. Литвин; 1849—1925) — прозаик, драматург, публицист.

[2] Алексей Никитич Гиляров (1856—1938) — историк философии, литературовед, переводчик; младший сын Гилярова-Платонова.

[3] Вера Григорьевна Гилярова (ур. Кишкина; ?—1921 или 1922) — жена А. Н. Гилярова.

[4] Ранее Гиляров рассказывал о старшем брате Александре, который «жил в доме и был учителем у Киреевских». И далее: «Сестра Киреевского <М. А. Хомякова> была мать А. С. Хомякова, который бывал у дяди и не мог не быть известен брату, хотя пребывание брата у Киреевских, кажется, совпало главным образом с периодом военной службы Хомякова. Но брат гащивал в Богучарове, имении Хомяковых, хорошо знал Хомякова-отца <С. А. Хомякова>» (*Из пережитого*. Т. 1. С. 206).

[*] Привожу два особенно поразительные примера. Когда вышла первая из богословских брошюр Х<омякова> — и др. <*Примеч. князя Шаховского*.>

ние А. С. Хомякова запало в брата, усвоено, развито и в каком-нибудь виде передано мне, а у меня тоже пустило росток?

11 мая

Г. А. Иванов[1] о Гилярове

«Он был брезглив в отношениях с людьми, всегда брюзжал, точно вечно был чем-то недоволен».

Существуют, по его мнению, люди двух категорий: одни много говорят, но мало делают; другие много делают, но мало говорят. Гиляров, на его взгляд, принадлежал к первой категории.

18 мая

Бартенев рассказывал, что неряшество Н<икиты> П<етровича> доходило до того, что он основал «Совр<еменные> Изв<естия>», будучи еще управляющим Синодальной типограф<ией>, на шрифте этой типографии, что это утверждал Бессонов, [2] котор<ый> тоже служил тогда в типографии; что будто Гиляров употреблял для газеты некоторых чиновник<ов> синодальн<ого> ведомства, своих подчиненных.

По словам Б<артенева>, Н<икита> П<етрович> был страстным игроком в карты, котор<ый> целые дни напролет способен был проигрывать в карты.

———

Иванов. 6 июня

Гилярова упрекают в беспорядочности и неряшливости. Разве это такое преступлен<ие>? Говоря о Каткове, никто его не упрекает в беспорядочности, а у него всегда был хаос на столе и в кабинете.

У Гилярова был полный порядок в мыслях и велико<лепная> память; так что он для писаний своих не нуждался в необходимости иметь под рукой справочный матерьял, содержа в голове все данные. Поэтому он никогда и

---

[1] Гавриил Афанасьевич Иванов (1826—1901) — филолог-классик, профессор, декан историко-филологического факультета (1885—1887, 1894—1899) и ректор Московского университета (1887—1893).

[2] Петр Алексеевич Бессонов (1827—1898) — филолог, фольклорист, этнограф; приятель Гилярова в период обучения в Московской семинарии.

не заботился о внешнем порядке, необходимом более всего[a] при постоянной работе для выужива<ния> всех потребных справо<к>, <дабы любая> была под рукою, чтоб не терять лишнего времени на ее подыскивани<е> и отнесение к должному месту среди другого матерьяла. Всего этого, повторяет, Гилярову не было надобно, ибо все лежало у него в соответствующем порядке на дне памяти и в каждую нужную минуту без труда и усилий могли быть или будут извлечено для дела.

Воспоминания свои, представляющие величайшую стройность изложения, писаны были им без единой справки с каким-либо матерьялом, только по *памяти.* Надо отдать дань удивления и природному его дару необыкновенн<ой> памяти и труду, истраченно<му> на ее большее развитие и обращение ее, так сказать, в переносный архив, в избранную библиотеку, которая переносила<сь> с ним вместе всюду, где бы он ни был, и никогд<а> ему не изменяла.

——

Иванов. 28 ию<ня?>

Влияние славяноф<ильского> учения и направления сказало<сь> в критич<еской> статье его о Семейной хронике Аксакова [1]— стр. 49—54.

——

Москва 20 авг<уста>

Гиляров-Платонов, будучи профессором исповеданий, читал в то же время о расколе,[b] давал темы для сочинений, котор<ые> подавались на степень магистра и представлялись Академиею в Св. Синоде на утверждение и одобрение. В числе таких тем Ивану Васильевичу Беляеву [2] на последнем академич<еском>

---

[a] *Далее зачеркнуто*: для.

[1] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. III: Критика. С. 1—45.

[b] *Далее зачеркнуто*: задавал сочинения.

[2] Ошибка в имени. Речь идет об Илье Васильевиче Беляеве (ок. 1826—1867) — магистре Московской духовной академии (1850), професскоре гражданской всеобщей и русской истории Московской семинарии (с 1852 г.).

курс<е> Гиляровым была дана тема — о Стоглаве.[1] Ввиду того, что в нем встречаются постановления, на коих утверждаются раскольники, православ<ная> духовна<я> наука отвергает подлинность этого постановления. — Беляев же, руководимый Никитою Петровичем и при помощи своего двоюр<одного> брата Ивана Дмитриевича Беляева,[2] извест<ного> профессора Моск<овского> ун<иверситета>, — доказал подлинность как самого собора, так и соборного постановления. — Это сочинение было представлено в Петербург в Синод. Последний поручил рассмотрение этого сочинения *Макарию,* [3] будущему знаменитому историку Церкви. Макарий од<о>брил сочинение и — включил большую его часть в свою историю Р<усской> Церкви.[4] — Таким образом прикрыв своим авторитетом вывод<ы> Беляева — провел в науке новый взгляд на подлинность Стоглава.[5]

— От Смирнова-Платонова же я слышал, что при описании рукописей Синодальной библиотек<и> в Москв<е>[6] Горский нашел, что полная Библи<я> бы-

---

[1] *Стоглав* — сборник решений Стоглавого собора (1551), состоящий из 100 глав (101-я глава добавлена после окончания собора), которые касаются, в частности, острых вопросов церковного землевладения.

[2] Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873) — историк, ординарный профессор Московского университета по кафедре русского законодательства (с 1860 г.).

[3] Митрополит Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков; 1816—1882) — богослов и церковный историк; епископ Винницкий (с 1851 г.), Тамбовский и Шацкий (с 1857 г.), Харьковский и Атырский (с 1859 г.), архиеп. Литовский и Виленский (с 1868), митр. Московский и Коломенский (с 1879 г.).

[4] «История Русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) была издана в 1883 г. в 12 томах (переиздана в 1994—1996 гг.).

[5] Протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов, учившийся на одном курсе с И. В. Беляевым, вспоминал: «И. В. Беляев написал диссертацию о Стоглаве и благодаря участию Горского и Ив. Д. Беляева открыл новые памятники (сведения о них напечатаны были в “Архиве” <Н. В.> Калачева), которые совершенно переменили церковный взгляд на значение Стоглава: Беляевым отысканы наказы, при которых рассылались списки Стоглава к областным иерархам. Этот переменившийся взгляд можно следить в Истории Русской церкви м<итрополита> Макария, в которую внесено несколько страниц из сочинения Беляева» (*Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот*. «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 37).

[6] Речь идет о фундаментальном шеститомном исследовании: *Горский А. В., прот.; Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855—1917. Работа над ним была начата в августе 1849 г. и продолжалась вплоть до кончины ученых. Протоиерей Александр Васильевич Горский (1812—1875) — историк, археограф; ректор Московской духовной академии (с 1862 г.).

ла у нас переведена только в XVI век<е>, а до тех пор постепенно, т<ак> ск<азать> по мере возникновения потребности, появлялись переводы то той, то другой части Библии. За этот вывод Горскому пришлось испытать неудовольствие высшего Синодального Управления, но Филарет его отстаивал.

——

Ольга Николаевна, служащая у Бартенева, мне рассказывала, что будто Алексей Никитич Гиляров отбивал у отца его любовницу Сковронскую и отбил,[1] за что, узнав, Н<икита> П<етрович> — в порыве безумной ярости топтал Сковронскую ногами.

Подтверждение этого.

Из письма Сковронской к Гилярову:

«Побудительной причиной к связи с Алексеем Никитичем было то, что я готова была на всякую жертву за то, что один из Гиляровых со мною хорош».

«Помнишь, я тебе на даче сказала, что молилась всю ночь и что теперь особенно верую в Бога. Я молилась всю ночь и благодарила Бога от души, что Он меня наказал тем же, чем я согрешила пред тобой относительно Алексея Никитича, и что Он дал мне испытать то, что испытывал ты».

«За побои благодарю от души».

«Припомнилось мне, что, узнав историю с Алексеем, ты сказал: “Лучше бы я не знал”».

——

Из Дела Моск<овского> ценз<урного> ком<итета> о газете «Сов<ременные> Изв<естия>» 1862—1888 г.

а) № 14 — 1867 —

1) Программа газ<еты> «Сов<ременные> Изв<естия>», утв<ержденная> в окт<ябре> 1867.

б) № 8 1871 г. —

[1] На деле М. С. Сковронская соблазнила младшего сына Гилярова.

Донесение цензора Федорова[1] по поводу помещения в № *135* статей, сообщающ<их> слух о путешест<вии> Г<осударя> И<мператора> за границу и разреш<ении> Госуд<арственного> Совет<а> устр<оить> перв<ую> русск<ую> гимназию в Ревеле.[2]

— о ст<атьях> № *38* и *39* о придан<ом> прин<цессы> Луизы.[3]

Ц<ензурный> К<омитет> — донес<ение> в Петер<бург> о всенарод<ных> молебнах *(№ 209)*,[4] неуважительные отзывы о духовенстве составляют вообще отличительную черту в направле<нии> «Сов<ременных> Изв<естий>».

Объяснение Гилярова 9 авг<уста> 1871 г. в Ценз<урный> Комитет (№ 214 «С<овременных> И<звестий>»[5]).

— Из бумаги *Шидловского*,[6] завед<ующего> Гл<авным> Упр<авлением> по дел<ам> печ<ати> о ст<атье> *209* № —

«путем разных выходок можно постепенно развить в массе народа неуважение к форме и обрядам религии, тем более что наш простой народ при своей

---

[1] Вениамин Яковлевич Федоров (1828—1897) — секретарь (1858—1865), цензор (с 1867 г.) и председатель (с 1884 г.) Московского цензурного комитета.

[2] Имеется в виду неподписанная корреспонденция «Из Петербурга. 16 мая», где, в частности говорится: «По слухам, Государь Император намерен съездить на некоторое время за границу». После сообщения о решении Государственного Совета устроить в Ревеле русскую гимназию следовали иронические рассуждения: «То-то бароны этому обрадуются! <…> Теперешний губернатор кн. Шаховской совершенно покорен им. Рассказывают, что однажды в театре немецкие актеры запели: *Die wacht am Rhein* <Стража на Рейне (*нем.*)>; русские офицеры вышли из театра, а губернатор остался» (*СИ*. 1871. 19 мая. № 135. С. 3).

[3] Принцесса Луиза Великобританская (1848—1939) — четвертая дочь британской королевы Виктории; в замужестве — герцогиня Аргайл. Вышла замуж в марте 1871 г.

[4] Первое запрещение розничной продажи последовало с 7 августа по 30 октября 1871 г. — за публикацию в составе передовой статьи корреспонденции Г. Г. Урусова о холере в Москве и о мерах борьбы с нею, с призывом помогать немощным москвичам, вместо того чтоб заказывать дорогие молебны (см.: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 31 июля // *СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2).

[5] Очевидно, по поводу публикации в качестве передовой статьи неподписанного открытого письма: Право домохозяина есть ли его обязанность? (Письмо редактору) // *СИ*. 1871. 6 авг. № 214. С. 2. В связи с распоряжением московской полиции красить и штукатурить дома, когда они «еще не обсохли от весенней сырости».

[6] Михаил Романович Шидловский (1826—1880) — начальник Главного управления по делам печати (1870—1871), генерал-лейтенант, ранее — тульский губернатор (1865—1870).

неразвитости держится преимущественно именно этой самой *внешности обрядов, о которых неприлично отзыв<ается> автор*».[1]

За отм<еченную> стат<ью> = воспрещение розничной продажи —

Оценка № *279* о духовно-судебной реформе[2] — «тон», «*неуместность*», подт<екст?>. Тон стат<ей> в «С<овременных> И<звестиях>».

Дело 1872 г. № 14

— «За выражение Шувалов — “*глава тайной полиции*” — предупр<еждение> Гиляр<ову> сообщ<ено> 31 дек<абря> 1871 г.» —

= *Объяснение Гиляр<ова>* 4 фев<раля> 1872 г.

по напечат<анию> без цензур<ы> Губер<нского> Совет<а> о дворян<ских> выбор<ах> Моск<вы> и прен<иях> по повод<у> предлож<ения> Самарина и речь Орл<ова>-Дав<ыдова>[3] — за это Ценз<урный> комит<ет> пред<ставил> Гиля<рова> — ***суду***.

док<лад> в Гл<авное> упр<авление>

= По поводу[a] письма к № 129.

«Новый штундист», где представл<ено> новое доказат<ельство> безжизнен<ности> нашего духов<енства> и нерадения пастыр<ей> Церкви о своих обязанн<остях>.[4]

Распор<яжение> мин<истра> вн<утренних> д<ел>

18 м<ая> 1872 г.

---

[1] В связи с публикацией в составе передовой статьи письма Г. Урусова об устройстве дорогостоящих молебнов в Москве по случаю холеры вместо реальной помощи населению: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 31 июля // *СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2.

[2] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 9 октября // *СИ*. 1871. 10 окт. № 279. С. 1—2.

[3] Граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (до 1856 г. — Давыдов; 1809—1882) — обер-церемониймейстер, писатель, меценат.

[a] *Далее зачеркнуто*: статьи.

[4] *Сл….ский К—н*. Московский штундист: (Письмо редактору) // *СИ*. 1872. 13 мая. № 129. С. 1. Статья, напечатанная в качестве передовой, об успешной сектантской проповеди среди простонародья одного выпускника Московского университета (фамилия не названа). Это происходит, считает автор (житель Сергиева Посада), «от неподвижности и нерадения пастырей церкви». Гиляров в послесловии поддержал его мысль о «безжизненности духовенства».

Принимая в соображение, что в статье об уличных неприличиях, напечат<анной> в № 129 «С<овременных> И<звестий>», заключает выражения, унижающие достоинство военн<ого> звания, «в высшей степени оскорбительна для чести армии».[1] —

2-е пред<остережение>

Предупрежд<ение> из Гл<авного> упр<авления>, что повторение резких отзывов об администрации повлечет восстанов<ление> воспр<ещения> розн<ичной> прод<ажи>.

1873 г.

по повод<у> № 28 от 29 ян<варя> о приеме Губер<натором> Долгорук<овым>[2] Лямина.[3]

№ был арестован в количестве 2933 <экземпляров> при Тверском съезжем доме.

— докл<ад> в Г<лавное> у<правление>

о стат<ье> № *93* «По поводу одного циркуляра» — «стремление разъяснить последн<ее> распоряж<ение> Мин<истра> юст<иции> в тоне не только в [a] неприменительном к простому смыслу, но ироническом,[4] — вообще помещение

---

[1] Речь идет о приведенном в качестве подпередовой статьи особо не озаглавленном и неподписанном письме читателя об «уличном сквернословии» в Лефортово «госпитальных солдат, разгуливающих с безобразными камелиями» (Там же).

[2] Князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810—1891), московский генерал-губернатор (с 1865 г.).

[3] Номер отсутствует в газетных залах книгохранилищ. На следующий день читатели были оповещены редактором: «№ нашего издания, назначавшийся к выходу вчера, 29 января, не мог быть выпущен в свет по независевшим обстоятельствам» (*<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 29 января // *СИ*. 1873. 30 янв. № 29. С. 1). Иван Артемьевич Лямин (1822—1894) — купец 1-й гильдии, основатель и владелец товарищества «Покровская мануфактура»; в 1865—1868 гг. председатель Московского биржевого комитета; учредитель и в 1870—1891 гг. председатель совета Московского купеческого банка; с 1885 г. действительный статский советник. В 1863—1894 гг. гласный Московской городской думы, в 1871—1873 гг. московский городской голова.

[a] *Далее зачеркнуто*: неприличном.

[4] *Один из недоумевающих*. По поводу одного циркуляра: (Письмо редактору) // СИ. 1872. 5 апр. № 93. С. 1. Письмо опубликовано в качестве передовой статьи и обсуждает циркуляр министра юстиции о том, «сидеть ли нижним воинским чинам в камере мировых судей, когда там бывают начальники их».

статей, кот<орые> возбуждают публику против некот<орых> распоряж<ений> Пр<авительств>а.

о ст<атье> *108* о закрытии прав<ославных> церквей в селах с целию наибольшего обеспечения духов<енства>».[1]

в Гл<авное> упр<авление>

о ст<атье> № 122 — с Нижегор<одской> ярмарки.

1874 г.

Распоряжение м<инистр>а в<нутренних> д<ел>

11 апр<еля> 1874 г.

Приним<ая> во вним<ание>, что ст<атья>, напечат<анная> <в №> 87 газ<еты> «С<овременные> Из<вестия>», возбужд<ает> вражд<ебные> отнош<ения> низших классов общ<ества> к высш<им>.[2] —

— третье пред<упреждение> и приост<ановка> по «причинам неудоб<ных> налог<ов> — 3 нед<ели>».[3]

№ *106* перед<овая> ст<атья> по поводу сокращ<ения> *штатов* и закр<ытия> храмов[1] — в том же № *письмо извощик<а>* о том, как лупят одры, на котор<ых> возят Иверск<ую>.[2]

---

[1] *Один из попечителей бедного сельского храма*. <По поводу статей Д. Ф. Самарина об обеспечении духовенства> // *СИ*. 1872. 22 апр. № 108. С. 1. В конце: *14 апреля 1873 г., г. Кадом*. Письмо опубликовано в качестве передовой статьи.

[2] *П—ский В. <Пелешевский В. Ф.>*. Причины неудобных налогов // *СИ*. 1874. 29 марта. № 87. С. 2. Статья, напечатанная в качестве передовой, об учрежденном в Москве новом налоге в «пользу общественного благоустройства» — по 1,6 руб. сер. «за личный труд», не затрагивающий привилегированные сословия.

[3] Имеется в виду приостановка издания по Распоряжению министра внутренних дел от 11 апреля 1874 г.: «Принимая в соображение, что статья “Причины неудобных налогов”, напечатанная в № 87 газеты “Современные Известия”, возбуждает враждебные отношения низших классов общества к высшим, — министр внутренних дел, на основании ст. 29 главы II Высочайше утвержденного 6 апреля 1865 г. мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати *определил*: объявить третье предостережение газете “Современные Известия”, в лице издателя-редактора статского советника Гилярова-Платонова, и приостановить издание оной на три недели» (*СИ*. 1874. 5 мая. № 100. С. 1). Автор инкриминированной статьи подписался криптонимом «В. П—ский» (видимо, это постоянный корреспондент газеты В. Ф. Пелешевский). № 99 датирован 13 апреля 1874 г., а № 100 — 5 мая; следовательно, газета, действительно, не выходила в течение 3 недель.

Там же с юго-вост<очного> Кавказа.[3]

№ 107 перед<овая> ст<атья> по поводу плохого состояния наших учеб<ных> завед<ений>, резко о жен<ских> гимн<азиях>.[4]

1875

Гл<авное> упр<авление>.

В № 257 — «По гигиене войск»[5] и о пожертвовании Орлов<ским> земст<вом> 1000 р<ублей>[6] — Шеф жанд<армов>[7] дов<ел> до свед<ения> Госуд<аря>, котор<ый> к этой стать<е> выразил свое неудовольствие.

= выговор Моск<овскому> ценз<урному> комит<ету> за недолож<ение> в свое врем<я> об этих стат<ьях>.

Гиляров предупрежден.

---

[1] Имеется в виду передовая статья «Москва 10 мая», написанная по поводу письма о сокращении церковных штатов, опубликованного в «Русских Ведомостях» (оно же перепечатано в составе статьи) и осуждавшего эту правительственную «меру», о которой Гиляров писал: «В иных местах она произвела раскол, в других — отпадение от христианства, повсюду — отчуждение от духовенства и в довершение — ничуть не улучшила положения оставшихся членов клира. Все это легко было предвидеть» (*СИ.* 1874. 11 мая. № 106 С. 2).

[2] Письмо с подписью «Извощик» опубликовано не в № 106, а в № 108 от 13 мая (с. 1—2) и прокомментировано в передовой статье Гилярова «Москва 12 мая». Возмущение в Цензурном комитете вызвал следующий фрагмент письма: «Всякий у нас по нескольку раз видел путешествие по Москве Иверской иконы Божией Матери, и всякий, конечно, заметил: едут не на лошадях, а одрах, у которых вместо ног какие-то подставки, и как же лупят бедных лошадей! <…> Спрашивается: кто тут виноват, извозчик или потребители? Верный ответ, что потребители, потому что платят 150 р. в месяц за шесть лошадей, ездят с 4 часов до 6 вечера, делая по 60 и 70 визитов в день».

[3] Имеется в виду неподписанная корреспонденция: С юго-восточного Кавказа. 16 апреля: Краткие сведения о Закаспийском крае и о Каспийской военной флотилии // *СИ.* 1874. 13 мая. № 108. С. 3.

[4] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 11 мая // *СИ.* 1874. 12 мая. № 107. С. 1.

[5] См.: *М. М.* По гигиене войск // Там же. 1875. 18 сент. № 257. С. 2. Статья помещена в качестве передовой. Внизу дата: «11-го сентября 1875 года». В статье доказывается, что «новая военная реформа <…> мало, однако же, коснулась улучшения самой жизни наших солдат».

[6] См. заметку «Нам пишут из Орла…», данную в качестве подпередовой статьи крупным шрифтом, в которой, в частности, сообщалось: «14 сентября в Орловском уездном земском собрании постановлено пожертвовать 1000 рублей в пользу “пострадавших от восстания герцеговинских семейств”» (Там же).

[7] Упомянут Александр Львович Потапов (1818—1886) — генерал-адъютант (1866), генерал от кавалерии (1874), шеф жандармов и главноуправляющий Третьим отделением (1874—1876).

1876

Из отнош<ения> Потапова (нач<альника> III О<тделения>)

В М<инистерство> вн<утренних> д<ел>

«По удостов<ерению> Кн. Долгорукова, редак<ция> газеты “Сов<ременные> Изв<естия>” постоянно офиц<иально> сообщ<ает> разные скандалы, слухи, в бол<ьшинстве> случ<аев> неподтв<ерждаемые> и измышл<енные> только для привле<чения> подпис<чиков>».

15 ноя<бря> 1876 — разреш<ение> возвы<шения> подпи<ски> с 6 р<ублей> 75 на 9 р<ублей>.

16 ноя<бря> <18>76 — разрешено помещать в фельетонах произвед<ения> беллетристичес<кие>.

Телегр<амма> 29 дек<абря>

«Министр[1] разрешил возобнов<ить> изд<ание> «С<овременных> И<звестий>» с 1 ян<варя>».

1877

Объясне<ние> Гиляр<ова> № 7.[2]

Из Гл<авного> упр<авления> о ст<атье> № 224.

письм<о> А. Ш<абардин>а против Англ<ии> и сочув<ственная> перед<овая> статья.[3]

= неприличие.

1878

17 фев<раля> 1878 утвержд<ен> в звании 2-го редактора *Ф. А. Гиляров.*

Из Глав<ного> упр<авления> 19 ав<густа>

---

[1] Министром внутренних дел в этот период (1868—1878) был Александр Егорович Тимашев (1818—1893) — генерал-адъютант (1859), генерал от кавалерии (1872).

[2] Видимо, имеется в виду Объяснительная записка Гилярова по поводу его передовой статьи (Москва, 7 января // *СИ*. 1877. 8 янв. № 7. С. 2), где он размышляет о враждебной России политике Турции и европейских стран, поддерживавших последнюю.

[3] См.: + <*Гиляров Ф. А.*>. Москва, 15 августа; *Шабардин А., купец*. <Письмо из Киева от 24 июля 1877 г.> // *СИ*. 1877. 16 авг. № 224. С. 1—2. По поводу активного участия англичан в сражениях с русскими на стороне турок. А Шабардин от имени купечества предложил выдавать русским морякам за каждое уничтоженное английское военное судно 15 000 руб. сер., а «американцам и другим мореплавателям» — по 3 000 руб. сер. премии.

внушение Гилярову за ст<атью> № 215,[1] заключ<ающей> резкое, огульное обвинение нашего дипломатич<еского> персонала в заурядн<ой> неподготовленности, «глумление над тексто<м> Трой<ственного> Союз<а> о ратифик<ации> Берл<инского> тракт<ата>».[2]

Из Г<лавного> уп<равления>

предупреж<дение> за нап<равление> в № 293 кор<респонденции> из Ташкента о том, как два солдата избили офицера.[3]

перед<овая> ст<атья> № 330 — о вновь проект<ированной> линии сообщ<ения> меж<ду> Балт<ийским> и Чер<ным> мор<ями>.[4]

1880 г.

о ст<атье> 82 по пов<оду> статьи газеты «Берег»[5] о необход<имости> привлечь в состав буржуазии раскольников.

= внушение, чтоб не касаться подоб<ных> вопр<осов>.

1879

№ 356 <18>79 г. фельетон[6]

— 29 — ——

«Пожирательницы мужчин».[7]

---

[1] Подпередовая статья, набранная крупным шрифтом: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 6 августа: Дневное обозрение // Там же. 1877. 7 авг. № 215. С. 2. Начало: «Предсказывают общее обновление нашего дипломатического персонала».

[2] См. этот фрагмент статьи Гилярова: «…повторились снова те же времена Священного союза, даже без перемены действующих лиц. Дошло до того, что по заключении “тройственного союза”, издавались даже открытые официально-дипломатические провозглашения, что Россия памятует Священный союз и не хочет изменять его преданиям. Берлинский конгресс был достойным венцом этой реставрации в политике» (Там же).

[3] *<Без подписи>*. Из Ташкента. 30 сентября // *СИ*. 1878. 24 окт. № 293. С. 3.

[4] *<Без подписи>*. Москва, 29 сентября: Дневное обозрение // Там же. 1878. 30 нояб. № 330. С. 1. Автор, судя по идентификационному значку, не Гиляров.

[5] *«Берег»* — ежедневная газета-официоз, издававшаяся в Петербурге в 1880 г.

[6] *Аде <Дмитриев А. М.>*. Мимоходом: Бал; наши идолы. — Забытая деревня; ее житье-бытье. — Контрасты. — Концерты в пользу псковитян. — «Издательское Общество»; его газеты; возможные направления их. — Железнодорожная газета; ее цели. — Новый благотворитель России; предлагаемый им откуп // *СИ*. 1879. 27 дек. № 356. С. 1—2. В частности, в фельетоне говорилось о введении нового откупа на спички, рассматриваемого правительством, из-за чего спички могут подорожать вдвое.

[7] *NN*. Пожирательницы мужчин // *СИ*. 1879. 30 янв. № 29. С. 1. Очерк из жизни гимназисток, ведущих фривольные разговоры о мужчинах, задирающих их на улице («Душка воен-

Объяснение по этому поводу Гиляр<ова>, котор<ое> призна<но> удовлетворит<ельным>.

Письмо Гиляр<ова> 17 м. 1879 о ст<атье> № *350*

1883 г.

Ф. А. Гиляр<ов> сложил с себя звание редактора.

1885 г.

5 апр<еля> — залогодат<ель> Лебед<ев>[1] желае<т> возв<ратить> 5000 зал<ога>.

20 апр<еля> — Леб<едев> заяв<ил> о согласии с Гиляр<овым> и с остав<лением> залог<а>.

по пов<оду> ст<атьи> *298* о том, что наша диплома<тия> смотр<ит> австр<ийскими> глазами,[2] — внушение.

1887

по пов<оду> 52 №[3]

— Из Глав<ного> упр<авления> 22 окт<ября>

1888 г.

На точном основании ст<атьи> 121 Уст<ава> ценз<уры> Св<ода> зак<онов>, т<ом> XIV изд<ания> 1887 г., издание газеты «С<овременные> Из<вестия>», право на которое приобретено было в последнее время

ный, милка статский») и обожающих своих учителей (например, «незаметно, но чувствительно, целуют его спину, фалды фрака и т. п.»). Гимназия представляется так: «Это действительно не Эдем, а Содом и Гоморра».

[1] Василий Александрович Лебедев (1833—1909) — кандидат прав Казанского университета (1857), преподаватель финансового права С.-Петербургского университета (с 1866 г.), профессор (1886). Он дал в Цензурное ведомство залог за газету Гилярова.

[2] В передовице «Москва, 15 ноября: Дневное обозрение» Гиляров писал: Россия «вся, как один человек, уверена, что политика русская по Восточному вопросу есть политика австрийская; что, к глубочайшему прискорбию, русская дипломатия смотрит австрийскими глазами, повинуется австрийским видам и им содействует, безразлично к тому, согласны ли австрийские виды с русскими интересами или идут наперекор» (*СИ*. 1885. 16 нояб. № 298. С. 2).

[3] Возможно, имеется в виду политическая передовица о русско-австрийских отношениях: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 22 февраля // *СИ*. 1887. 23 февр. № 52. С. 1.

потомств<енным> поч<етным> гражд<анином> Подлигайловым,[1] не появлявшейся в качестве периодич<еского> изд<ания> в течение года, признано окончательно прекративш<имся>.

От С. И. Соколова[2]

В дек<абре> 1887 г. в Сиротск<ом> суде прошел торг на право изд<авать> «С<овременные> Изв<естия>». Торговались *Елишев* [3] и Соколов, Ел<ишев> выставил 5 т<ысяч>

Н. А. Зверев,[4] Корнилов, *Кувшинов*[5]

5 т<ысяч>

Кувшинов — поставщик бумаги, котор<ый> держал в руках долгами и был истинный распорядит<ель> «Сов<ременных> Изв<естий>» — об этом спросить у Дмит<рия> Афан<асьевича> Бонч-Бруевича,[6] бывш<его> управ<ляющего> кувш<инниковской> типограф<ией> (жив<ет> около церкви Трех Свят<ителей> у Пр<ечистенских> ворот в переулке **(**Типогр<афия> своя)**)**.

26 авг<уста>

Свидание с Михаилом Симоновичем Боголюбским,[7] священником церкви *Зачатия* в углу в Зарядьи. О Гилярове.

Он не из поклонников Н<икиты> П<етровича>, говорил, что весь выпуск был силен и что Гиляров резко не выделялся, что нрава он был вообще привет-

---

[1] Павел Никитич Подлигайлов — журналист, издатель, автор книг «Местное управление в России» (СПб., 1884) и «Национальные задачи России и меры к их осуществлению» (СПб., 1888).

[2] Сергей Иванович Соколов (1852—1912), сотрудник «Московских Ведомостей», личный секретарь М. Н. Каткова; член Московского цензурного комитета (1890—1912).

[3] Алексей Иванович Елишев (1853—не ранее 1908) — публицист, журналист.

[4] Николай Андреевич Зверев (1850—1917) — юрист, профессор Московского университета (с 1884 г.), политик и общественный деятель.

[5] Михаил Гаврилович Кувшинов — московский издатель, потомственный почетный гражданин; писчебумажная торговля Кувшиновых основана в 1810 г.

[6] Дмитрий Афанасьевич Бонч-Бруевич (1840 — после 1904), землемер, управляющий типографией.

[7] Протоиерей Михаил Симонович Боголюбский (1826—1902) — сотоварищ Гилярова по Московской духовной академии, профессор словесности и латинского языка, затем — греческого языка и катехизического учения Московской семинарии (1848—1852); протоиерей в Москве; проповедник, духовный писатель.

ливого. «Иногда ходит целые дни задумавшись и ни с кем не говорит ни слова; иногда же весел и разговорчив и общителен». В Автобиографии [1] некоторые факты им преувеличены и как бы присочинены. У него была болезненная фантазия, над которою товарищи постоянно смеялись. Потом, вспоминая свои учебные годы, он фантазию свою представил действительностью, идеал свой тогдашний представил осуществленным. Так о его познания<х> и занятиях математикою: он в математике был плох и в семинарии, и в Академии. В последней, будучи по всем предметам первым, в математике он числил<ся> в третьем разряде.

Окончил он 2-м, а не первым потому, что ректор Академии Алексий [2] не сумел защитить перед Филаретом, очень придирчивым к курсовым сочинениям студентов, его диссертацию на тему: О необходимости воплощения Сына Божия. Была на эту тему проповедь Филарета, тезисом которой и надлежало прежде всего воспользоваться для стяжания от него одобрительного отзыва, потом бы можно было приводить и другие доказательства. Гиляров же утвердился прежде всего на некоторых доводах, почерпнутых из учения Отцов Церкви, — а не на Филаретовских, и не угодил Владыке, вследствие чего и съехал с первого места на второе в выпуске.

Вообще по отзыву о. Боголюбског<о>, Гиляров всегда был приветли<в> с старыми товарищами, не горд. Он, будучи управляющим Синод<альной> Моск<овской> типографи<ей>, собирал своих старых товарищей священников, для того чтобы предпринять работу — сличение параллельных мест Библии.[3] Эта работа была оставлена за выходом Гилярова из упр<авляющих> Тип<ографией>. —

---

[1] Подразумевается книга «Из пережитого».

[2] Архиепископ Алексий (в миру Руфин Иванович Ржаницын; 1812—1877) — ректор Московских семинарии (с 1843 г.) и духовной академии (с 1847 г.), епископ Дмитровский (с 1853 г.), Тульский и Белевский (с 1857 г.), Таврический и Симферопольский (с 1860 г.), архиепископ Рязанский и Зарайский (с 1867 г.), Тверской и Кашинский (с 1876 г.).

[3] См. объемную беловую рукопись Гилярова «Свод четырех Евангелий (Луки, Матфея, Марка, Иоанна)», с обозначением параллельных мест (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 335).

Гиляров был челов<ек> не практический и пускался на разные предприятия. Так, он пытался устроить образцов<ую> прачечну<ю>, ухлопал на это кое-какие свои деньжонки и прогорел. — То же с разведением клубники на своей даче в Петр<овском>-Разум<овском>, разведением крапивы для выделки из нее ткани, и самой постройкой дачи, на чем он был обворован.

———

Епископ Веньямин (Карелин)[1] умер в 1874 году епископом Рижским. — Это был твердый и положительн<ый> человек, к котор<ому> Боголюбс<кий> относится с живой симпатией. — В Астрахани, где он был ректором семинарии, он служил при архиер<ее> — Афанасии,[2] том самом, благодаря доносу коего, в бытн<ость> его рект<ором> Пет<ербургской> академ<ии>, подписанного не читая митр<ополитом> С.-П<етер>б<ургским> Серафим<ом>,[3] — митрополиты Филарет Московск<ий> и Филарет Киевск<ий>[4] были обвинены в неправославии, и Филарету Моск<овскому> было воспрещено присутствовать в Синоде.

Вениамин Яковлеви<ч> Федоров — начальник Москов<ской> цензуры — отлично знал Н<икиту> П<етровича>. Был его товарищем по цензуре и цензор<ом> «С<овременных> Изв<естий>», — преклоняется перед его умом и восхищается им. Часто приходил<ось> у него сиживать и, конечно, не был мол-

---

[1] Вениамин (в миру Василий Матвеевич Карелин; 1822—1874), сотоварищ Гилярова по Московской духовной академии; ректор Астраханской (с 1859 г.), Пермской (с 1862 г.); еп. Ревельский (с 1866 г.), Рижский и Митавский (с 1870 г.).

[2] Архиепископ Афанасий (в миру Александр Васильевич Дроздов; 1800—1876), ректор Пензенской (с 1828 г.), Костромской (с 1829 г.), Рязанской (с 1837 г.), Херсонской (с 1840 г.), С.-Петербургской (с 1841 г.) духовных семинарий; епископ Винницкий (с 1842 г.), Саратовский и Царицынский (с 1847 г.), Астраханский и Енотавский (с 1856 г.; архиепископ с 1858 г.), с 1870 г. на покое; библеист, ботаник, астроном.

[3] Митрополит Серафим (в миру Стефан Васильевич Глаголевский; 1757—1843) — проповедник, богослов; епископ Дмитровский (с 1799 г.), Вятский и Слободской (с 1804 г.), Смоленский и Дорогобужский (с 1805 г.), архиепископ Минский и Литовский (с 1812 г.), Тверской и Кашинский (с 1814 г.), митрополит Московский и Коломенский (с 1819 г.), Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский (с 1821 г.).

[4] Святитель Филарет (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров, в схиме Феодосий; 1779—1857) — проповедник; епископ Калужский и Боровский (с 1819 г.), Рязанский и Зарайский (с 1825 г.), архиеп. Казанский и Свияжский (с 1828 г.), митрополит Киевский и Галицкий (с 1834 г.).

чал<ив> и поучался. — Когда И<ван> С<ергеевич>[a] издав<ал> газе<ту> «День»,[1] то ему неоднократно приходилось беседовать с Фед<оровым>, и между прочим о Гилярове. О Гилярове Аксаков отзывался восторженно: «Посмотрите на это лицо — совсем славянский тип; эти голубые глаза, эта добрая улыбка, это страдальческое выраж<ение> лица. — Что он вытерпе<л> муче<ний> от Митрополита Филарета, который все внутренности у него расцарапал».

У Федорова есть записка Н<икиты> П<етровича>, и между прочим о спиритизме, кот<орым> Н<икита> П<етрович> очень увлекался одно время.

27 авгус<та>

2 ч. «Пережитого» 333 стр.

Когда бывший министр Головнин,[2] поручив мне писать историю Министерства народного просвещения, пожелал, чтобы я представил программу будущего труда, я занесся так далеко и высоко,[3] что, вероятно, поверг министра в недоумение; один из знаменитых публицистов даже посмеялся мне в глаза на мою наивность, заподозрив (совершенно неосновательно), что я думал поразить министра глубиною.

———

2 ч. стр. 300

Скончался преосвященный Вениамин,[4] епископ Рижский, однокашник мой по Академии. Эта душа хрустальной чистоты открыта была мне со школьной скамьи. Долгие, долгие бессонные ночи просиживали мы, беседуя, причем младенческая простота Василия Матвеевича (так в мире звали Вениамина) предоставляла мне положение старшего брата-руководителя. В важных случаях трудной обязанности пастыря новообращенных эстов, в затруднениях должности

---

[a] *Далее зачеркнуто*: начал свою издател<ьскую> деятельность.

[1] И. С. Аксаков издавал еженедельную газету «День» с октября 1861 г. по декабрь 1865 г.

[2] Александр Васильевич Головнин (1821—1886) — министр народного просвещения (1862—1866).

[3] Эта программа опубликована князем Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

[4] Епископ Вениамин (Карелин) умер 21 августа 1874 г.

ректорской и потом епископской, в смущениях по вопросам высшего умственного порядка он не переставал время от времени обращаться ко мне.[1] Скончался он, и я ни слова; и тем мучительнее для меня об этом воспоминание, что один из подчиненных почившего архиерея, по-видимому, даже и родственник, письмом из Балтийского края напомнил мне о моей обязанности почтить память усопшего, столь близкого мне духовно; высказал ожидание и просьбу. Достопочтенный иерей или протоиерей остался, полагаю, сильно разочарованным в отзывах, слышанных обо мне от архипастыря; счел меня, может быть, бездушным эгоистом.

Этот Афанасий <(Дроздов)> кончил тем, что на старости лет сделался совершенным нигилистом. Он[2] товарищ по выпуску XIII с нынешним митрополитом Москов<ским> Сергием.[3]

Арх<имандрит> Иоанн, ректор Казанск<ой> дух<овной> акад<емии>, — был *Соколов*,[4] знаменит<ый> проповед<ник> и ученый. Он умер давно, и брат его умер.[1]

---

[1] В Академии В. М. Карелин был на одном курсе с Гиляровым. Впоследствии, уже став архимандритом, о. Вениамин обратил внимание на статьи в «Русской Беседе», подписанные криптонимом «Н. Г—в», и догадался, кто их автор. 3 августа 1859 г. он признавался Гилярову: «Влияние Вашего духа на меня неотразимо, неизгладимо; если хотите, руками ощупаю и в сердце, и в голове чувства и мысли, порожденные или возбужденные Вами…» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО.* 1898. Т. 49, янв. С. 105). Так было положено начало оживленной переписке двух старых товарищей, продолжавшейся вплоть до кончины Вениамина, в 1866 г. ставшего викарным епископом Ревельским, а в 1870 г. — епископом Рижским и Митавским. Письма Гилярова и Вениамина были в извлечениях опубликованы князем Н. В. Шаховским (Там же. С. 98—117). В его фонде в РНБ хранятся 5 писем Гилярова к Вениамину за 1860—1869 гг. (Ф. 847. Ед. хр. 387, 388) и 47 писем Вениамина к Гилярову за 1859—1872 гг. (Там же. Ед. хр. 599—603). Одно из писем Гилярова к другу его молодости опубликовал священник П. А. Флоренский под заголовком «Церковь и богословие» (*БВ.* 1914. Т. I, февр. С. 208—222).

[2] Подразумевается епископ Вениамин (Карелин).

[3] Неточность: о. Сергий (Ляпидевский) окончил XIV курс Академии (1840—1844), а В. М. Карелин — XVI курс (1844—1848). Митрополит Сергий (в миру Николай Яковлевич Ляпидевский; 1820—1898) — духовный писатель; епископ Курский и Белгородский (с 1861 г.), архиепископ Казанский и Свияжский (с 1880 г.), Кишиневский и Хотинский (с 1882 г.), Херсонский и Одесский (с 1891 г.), митр. Московский и Коломенский (с 1893 г.).

[4] Епископ Иоанн (в миру Владимир Сергеевич Соколов; 1818—1869)—проповедник, религиозный публицист, богослов; ректор С.-Петербургской семинарии (с 1855 г.), Казанской

О Василии Михайловиче *Сперанском* и Иване Николаевиче Александровском.

«Из пережитого», ст. 300 и др.

О Вениамине было говорено в «Богословском Вестнике» за прошлый год в [a] воспоминаниях Поспелова.[2]

——

Поспелов жив и находится в Костроме на должности кафедрального протоиерея.

Со славянофилами Аксаковыми, Погодиным (?) и Хомяковым, а равно и гр. Блудовым, Гилярова познакомил П. И. Бартенев. —

——

Бартеневу рассказывали Бессонов и Новиков[3] о злоупотреблениях Н<икиты> П<етровича> по управлению Синод<альной> типограф<ией>, что будто он типографски<х> рабочих употреблял для постройки своей дачи в Петровск<ом>-Разумов<ском> и что на увезенном из Типографии шрифте основал свою типографию.

= Это надо тщательно проверить и опроверг<нуть>.

Из «Пережитого». 2 ч. стр. 32.

(с 1857 г.) и С.-Петербургской (с 1864 г.) духовных академий; епископ Выборгский (с 1865 г.), Смоленский и Дорогобужский (с 1866 г.).

[1] Лицо неустановленное.

[a] *Далее зачеркнуто*: статье.

[2] Протоиерей Иоанн Григорьевич Поспелов (1821—1910) — духовный писатель, проповедник; магистр Московской духовной академии (1848), настоятель костромского Успенского собора. См.: *Поспелов Иоанн, протоиерей*. Восемнадцатилетнее служение в Лифляндии: (Рассказ священника) // *БВ*. 1892. Т. I, март. С. 507—518; Т. 3, авг. С. 285—307. См. также его статью: Воспоминания о высокопреосвященном Платоне <(Городецком)>, архиепископе Рижском, впоследствии митрополите Киевском, и о преосвященном Вениамине <(Карелине)>, еп. Рижском // Там же. 1897. Т. I, янв. С. 109—125.

[3] Возможно, Николай Николаевич Новиков (1827 или 1831—1898), впоследствии (с 1887 г.) член Совета Главного управления по делам печати.

Когда Н<икита> П<етрович> был еще в семинарии, назначен туда профессором словесности Н. И. Надеждин,[1] «здравствующий доселе в сане московского протоиерея».

1 сен<тября>

Ф. А. Гиляров[2a] опроверг утверждение Бартенева со слов Бессонова, что будто Гиляров построил себе дачу помощью типографских рабочих, по его утверждению дача была выстроена на следующие средства — сестра жены Гилярова Тихобразова [3] передала Ник<ите> Петр<овичу> для положения в банк 91 т<ысячу> р<ублей>. На эти деньги он и выстроил дачу. Ей же выплачивал эту сумму постепенно в течение нескольких лет, переплатив, в сущности, более полученного. —

———

Ф. А. <Гиляров> утверждает, что Бессонов нравственно нечистопл<отно> вышел из Синод<альной> Типографии, что он зачитыв<ал> там книги и рукописи и будто даже едва ли не хапнул;[4] что Никита его выпер и здесь надо искать причины ссоры.

---

[1] Протоиерей Николай Иванович Надеждин (1813—1890) — духовный писатель преподаватель Московской семинарии, настоятель Покровского (Василия Блаженного) собора, председатель Московского комитета по исправлению церковно-богослужебных книг.

[2] Федор Александрович Гиляров (1841—1895) — племянник Гилярова-Платонова, филолог, педагог, мемуарист, публицист и издатель; соредактор «Современных Известий» (1878—1883).

[a] *Далее зачеркнуто*: мне.

[3] Марья Алексеевна Тихобразова (ур. Богданова) — дочь протоиерея А. И. Богданова, свояченица Гилярова; овдовела в 1848 г. Воспитывалась бездетной епифанской помещицей Надеждой Федоровной Козловой (?—ок. 1835), оставившей ей значительное состояние.

[4] В архиве князя Шаховского сохранился «Реестр книг и рукописей, взятых советником г. Бессоновым из Типографской библиотеки в разное время», включающий 14 книг 1625—1837 гг. издания, а также 8 рукописей и 9 «картин при книге венчания на царство Михаила Федоровича» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 347. Л. 1—2). Поводом для ухода Бессонова из Синодальной типографии в 1865 г. (где он служил с 1858 г.) послужил отказ Гилярова печатать его вступительную статью к одному из изданий Типографии (посвященному 300-летию первой русской книги — «Апостолу»). Гиляров писал С. А. Соболевскому 12 августа 1865 г.: «Предисловие, подготовленное Бессоновым, на мой взгляд, не годилось никуда, ибо представляло высокопарный набор слов с двумя-тремя фактами, и только. Издавать подобное разглагольствие, с точки зрения ораторской, может быть, и недурное, было крайне неудобно, когда издание идет от имени Святейшего Синода и когда предисловие, следовательно, пошло бы тоже от имени Синода, по меньшей мере — от имени Типографии. Что затем произошло, отчасти Вам

——

Он же говорил, что знакомство К. С. Аксакова с Гиляровым началось, еще когда Н<икита> П<етрович> был профессором *Академии*. Аксаков попал к нему на лекцию и был изумлен сходству его воззрений с своими. —

——

Бартенев в 1856 г. свез Гилярова в Нескучный к гр. Д. Блудову,[1] и вскоре Н<икита> П<етрович> у них сделался своим человеком.

——

Ф<едор> А<лександрович> рассказывал мне еще, что Н<икита> П<етрович> в детстве, когда еще был в семинарии, как-то взял у его отца [2] 10 р<ублей> и потом пропал: так никогда и не отдал.

——

На стене в словолитне Синод<альной> типографии речь Н. П. Гилярова по поводу смерти Филарета [3]— говорена у *Троицы*. —

——

В «Москве» печатал Н<икита> П<етрович> о Телецком озере [4] в Сибири: (из письма Архимандриту).

Вера Ал<ексеевна> Гиляр<ова>[1] говорила мне, что Н<икита> П<етрович> поехал в Петербург в свою последнюю роковую поездку, благодаря настоянию

известно. Бессонов ушел» (РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 202—202 об.). Тот оправдывался печатно: *Бессонов П.* Об юбилейном издании Московской Синодальной типографии: (Письмо к издателю «Русского Архива»). <М., 1867>. 8 с.

[1] Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) — министр внутренних дел (с 1832 г.), главноуправляющий II Отделением Собственной Его Имп. Величества Канцелярии (с 1839 г.), председатель Государственного совета (с 1862 г.). здесь ошибка памяти: знакомство с Блудовыми произошло раньше: июлем 1855 г. датированы самые ранние из сохранившихся писем графа и его дочери к Гилярову. В Нескучном саду, принадлежавшему Дворцовому ведомству, Блудовы останавливались во время наездов в Москву.

[2] Имеется в виду священник Александр Петрович Гиляров (1803—1871), проповедник, настоятель ряда церквей в Москве; старший брат Гилярова-Платонова.

[3] Вероятно, эта содержание этой речи легло в основу поминальной передовой статьи: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Внутренние известия // *СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 2; перепеч. под назв. «Филарет, Митрополит Московский»: *Сб. соч*. Т. II. С. 435—439.

[4] *Телецкое озеро* расположено на северо-востоке Алтайских гор.

Анны Михай<ловны> Гальперсон и ее мужа;[2] что он все время находился в нерешительности и был очень склонен остаться, что ему просто не хотелось ехать — супруги же Гальперсон постоянно ему напоминали, чтоб он торопился, а не то опоздает к поезду.

——

После получения известия о смерти Н<икиты> П<етровича> сама В<ера> А<лексеевна> видела, как из комнаты Н<икиты> П<етровича> пронесли огромный узел каких-то бумаг — не то к Барсову,[3] не то к Гальперсон.

——

В Коломне Н<икита> П<етрович> с нею был раз (году [a]), приезжали поклониться могиле родителей его.[4]

——

С Аксаковым Н<икита> П<етрович>познакомился у Троицы, еще когда он был профессором. К<онстантин> С<ергеевич> восхитился его лекцией, случайно попадя на нее, — и тут же самого познакомил со старико<м> Аксаковы<м>,[5] с ним познакомились. — Впоследствии — двое сынов<ей> Ник<олай>[6] и Алексей были крестниками Ольги Семеновны Аксаковой.[7] —

——

---

[1] Вера Алексеевна Гилярова-Платонова (ур. Богданова; 1820—1904) — дочь московского протоиерея, жена Гилярова (с 1849 г.).

[2] Анна Михайловна Гальперсон (ур. Эпштейн; 1856—1902) — журналист, критик, заведующая редакцией «Современных Известий», владелица архива Гилярова; ее муж Сергей Исаакович Гальперсон — заведующий конторой этой газеты.

[3] Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917) — фольклорист, исследователь древнерусской письменности; хранитель рукописей Румянцевского музея (с 1870 г.); друг Гилярова.

[a] *Оставлено незаполненное место для цифры.*

[4] Родители Гилярова, Никитские: Петр Матвеевич (1778—1854), священник коломенской Никитской церкви (1809—1844) и Мавра Федоровна (ур. Руднева; ок. 1780—1830).

[5] Имеется в виду писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859).

[6] Николай Никитич Гиляров (1854—1909) — старший сын Гилярова, сотрудник «Современных Известий».

[7] Ольга Семеновна Аксакова (ур. Заплатина; 1793—1878) — жена С. Т. Аксакова (с 1816 г.).

Малышев,[1] содержатель типографии на Пречистенск<ом> бульваре.

Попов Иван Васильевич [2] был сначала *лакеем*, управляющим дачей — жил 20 лет и постоянно был при Никите Петров<иче> — (Анна Михайловна [3] знает где). Теперь в *Смоленской губернии* = к Шарапову в имение [4] управл<яющим>. = Запл<атил> штраф 700 р<ублей> (отк<аз> постав<лять> — и войн<а> 1876).

С Хомяковым Н<икита> П<етрович> тоже познакомился в бытность его профессором в Моск<овской> духов<ной> академии у Троицы, бывало, идет, расск<азывает> Вера Алексеевна, небольшого роста человек в тулупчике, кушаком подпоясанный, в крест<ьянской> шапке. — Увидит его Гиляров: «Ах, да это Алек<сей> Ст<епанович>» — и сейчас бежит опередить его, встречает. Пройдут в кабинет и часы целые сидят разговаривают. —

Припоминает Вера Алекс<еевна> небрежность Н<икиты> П<етровича> относительно одежды. Когда уже он был назначен управляющим Синод<альной> типографи<ей>, бывало, ходит он в присутствии — где служаки встречают его: «Ваше превосходительство», «Ваше превосходительство», бросаются стянуть с него верхнее платье и калош<и>. А он себе ходит в старом тулупчике, таком, что другому совестно было бы даж<е> наде<ть>. Уже сколь<о> раз, бывало, говорила ему: «Ты бы завел себе новеньк<ую> шубу». Так нет же, не хочет, и так, говорит, ничего, я люблю свой тулупчик. Вот, видя, что добровольно он не согласится променять свой старый [a] полушубок на новую шубу, я решилась сразу поновить этот полушубок. Купила потихоньку новой хорошей материи и велела портному в одну ночь спороть прежнюю материю

---

[1] Иван Петрович Малышев — владелец типографии на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевский), в доме Иерусалимского подворья.

[2] Лакей И. В. Попов был пойман на противозаконной продаже водки и взят Гиляровым на поруки; позднее он занимал важное место в редакции; А. М. Гальперсон в 1887 г. писала о нем: «*Иван Васильевич Попов*, раздатчик газет для городских подписчиков и розницы, в то же время и кассир» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 65. <№ 1>. Л. 1).

[3] А. М. Гальперсон.

[4] Экономисту, публицисту, издателю и беллетристу Сергею Федоровичу Шарапову (1855—1911) принадлежало имение Сосновка в Вяземском уезде Смоленской губернии.

[a] *Далее зачеркнуто*: тулупчик.

с полушубк<а> и покрыть новою, — утром хочет идти из дому, подают полушубок. Это не мой, говорит. — Тут уж ему сказала, что перебила материю.

———

Раз Юрий Федорович [1] поехал с Н<икитой> П<етровичем> куда-то на вечер, и Н<икита> П<етрович> был так небрежно одет, что когда они разделись в передней, чтобы зайти в гостиную, то Ю<рий> Ф<едорович> сделал даже Гилярову выговор за его платье. Приехал Н<икита> П<етрович> домой рас<с>троенный и говорит жене: кажется, Ю<рий> Ф<едоров>ич даже сделал выговор за мой туалет.[2]

---

[1] Юрий Федорович Самарин (1819—1876) — философ, историк, общественный деятель, публицист, переводчик (совместно с Гиляровым) богословских брошюр Хомякова; один из идеологов славянофильства; член Редакционных комиссий (1859—1860).

[2] В. А. Гилярова-Платонова сохранила довольно легковесное воспоминание о происшествии, чуть было не приведшем к разрыву отношений между Гиляровым и Самариным. Подробности Гиляров сообщил в недатированном письме к И. Аксакову, фактически призывающем его стать третейским судьей и помирить его с Самариным; публикуем его целиком:

«Любезнейший Иван Сергеевич,

Я имел неосторожность обидеть Самарина письмом, написанным мною тоже под влиянием глубокого огорчения, которое доставил мне он сам. Вы знаете лучше других, сколько я Самарина уважаю, и потому лучше других оцените мое теперешнее огорчение.

Дело стало из-за того, что сегодня я, возвращаясь с официального визита домой, заехал по дороге к Кошелеву. Понятно, что пришлось мне быть у него в мундире. Застаю тут я Самарина. Тот долго потешался надо мною по поводу моего одеяния, а потом наконец сказал серьезно и наставительно, что я *мундиром своим никого не удивлю*. Последние слова меня глубоко тронули и огорчили. Итак, подумал я, Самарин предполагает, что я способен надеть мундир на удивление других! Понятно, что, должно быть, имеет же он обо мне мнение! Под влиянием этого чувства я по приезде домой написал Самарину письмо, в котором возразил, что мнение, выразившееся в его наставлении, я принимаю как факт, который я и прежде предполагал, т. е. что я не очень-то пользуюсь значительным мнением с его стороны. К сожалению, при этом я употребил выражение, которое, кажется, более всего задело Самарина. Выражение это *барская спесь*. Я писал, что можно независимому человеку надсмеиваться над людьми, вынужденными поневоле носить служебную ливрею; зато и последние могут понимать это не за иное что, как за барскую спесь. Таков был выпад моего письма, и в нем заключалась более общая сентенция, чем упрек, обращенный лично к Самарину; да притом, если бы это и был упрек, право, это еще не очень обидно, потому что слабость спеси очень извинительна, как справедливо объяснил мне в ответном письме и сам Самарин.

Как бы то ни было, а Самарин в ответ объявляет мне, что он разрывает со мною знакомство. Что ж, должно быть, уже такая на меня черная полоса нашла!

Самарин находит в моем письме желание оскорбить его. Посторонний человек, конечно, лучше способен взвесить, до какой степени письмо мое непристойно; и если оно действительно таково, да если бы даже оно и не таково было, все равно, — я чрезвычайно сожалею о происшедшем, и не знаю, чем его загладить. Во всяком случае, говоря по совести, желания

Александровский Николай Иванович,[1] сын протоиер<ея>,[2] близкого друга Гилярова, доктор — детской больницы Св. Ольги на 1-й Мещанской — постарается найти в бумагах отца письмо Н<икиты> П<етровича> и вообще все, что о нем там есть.

Сам Н<иколай> Ив<анович> приятель и товар<ищ> по гимназии[3] Ал<ексея> Никит<ича>.[4] Он опровергает факт связи А<лексея> Н<икитича> с Сковронской, говоря, что она лгала Никите Петровичу. Тогда А<лексей> Н<икитич> уже был женихом. Он женился тотчас после[a] окончания курса в гимн<азии>. — Сковронская к нему лезла с предложениями, но он отверг. Отец вследствие этого ложного утвержд<ения> Сковронск<ой> будто прогнал сына. — После его свадьбы он опять с отцом помирился и стал заниматься в редакции с женою и жили с родителями в одном доме. По рассказу Ал<ексея> Ник<итича>, последний и самый окончательный разрыв с отцом произошел оттого, что будто Н<икита> П<етрович> стал приставать к его жене.[5] Тогда Ал<ексей> Ник<итич>[b] из дома отца выехал.

— «Совр<еменные> Изв<естия>» шли очень хорошо до тех пор, как Никита Петрович связался с Сковронск<ой>. С того времени все пошло на убыль — и

оскорбить у меня решительно не было, а было только выразить и уяснить, до какой степени обидно от человека, которого уважаешь, слышать столь нелестные предположения о совершенной нравственной пустоте твоей.

Нервы расстроены у меня ужасно. И вчера и сегодня такое беспокойство и волнение, что — стыдно сказать — со мною делается что-то вроде истерических припадков, чего никогда со мною прежде не было.

Ваш *Н. Гиляров*» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 32—33 об.).

[1] Николай Иванович Александровский (1857 — не ранее 1899) — врач-терапевт, старший ординатор Московской детской больницы Св. Ольги.

[2] Протоиерей Иоанн Николаевич Александровский (1824—1886) — близкий друг Гилярова в годы учебы в Московских семинарии и духовной академии, профессор и помощник инспектора Вифанской семинарии (1848—1854), законоучитель и священник нескольких московских храмов; протоиерей церкви Бориса и Глеба у Арбатских ворот (с 1871 г.).

[3] Речь идет о 6-й Московской гимназии, где учились оба сына Гилярова.

[4] А. Н. Гиляров, младший сын Гилярова-Платонова.

[a] *Далее зачеркнуто*: выхода из.

[5] Упомянута В. Г. Гилярова (ур. Кишкина).

[b] *Далее зачеркнуто*: от.

газета, и материальные средства, и самый дух Гилярова. И дарование стало падать, и вместе с тем пошли разные предприятия с целью поправить дела.

К числу предприятий, по словам Александровского, относится, напр<имер>, следующее. В одну из критических минут, когда нечем было платить необходимые расходы и не на что было выпустить № газеты, Н<икита> П<етрович> едет к Овчинникову,[1] забирает у него лично серебра, не платит, конечно, а дает свой адрес — в Редакц<ию> «Сов<ременных> Изв<естий>». — Ему верят. Он тотчас отправляет<ся> и закладывает вещи в банке, и магазину выплачивает в продолжение нескольких лет.

— По утвержд<ению> Александр<овского>, у Н<икиты> П<етровича> будто была мания величия.

С его отцом они не были в переписке, но часто встречались, ибо Н<икита> П<етрович> жил на Знаменке, а он жил у Арбат<ских> ворот. Бывало, Н<икита> П<етрович> приход<ил> к его отцу обыкновенно в час ночи, когда уже все спят, и так проговорят всю ночь.

По восп<оминаниям> Ал<ександровского>, Н<икита> П<етрович> был очень силен. На похоронах его отца, умершего незадолго до кончины самого Ник<иты> Пет<ровича>, последний удивил его выносливостью: он не только свободно выстоял обедню, но и пешком провожал тело до кладбища.

Оригинальное остроумие в беседе. Мимика выразительная, умение посмотреть на предмет с особой, совершенно неожиданной точки зрения.

«Со Сперанским [2] у Н<икиты> П<етровича> была ссора, они 10 последних лет жизни Василия Михайловича не видались, п<отому> ч<то> Сперанск<ий>

---

[1] Павел Акимович Овчинников (1830—1888) — придворный ювелир Императорского двора (с 1865 г.), владелец фабрики по производству золотых и серебряных изделий, основанной в 1851 г.

[2] Протоиерей Василий Михайлович Сперанский (1825—1878) — близкий друг Гилярова в годы учебы в Московских семинарии и духовной академии; профессор логики, психологии, патрологии и латинского языка Московской семинарии (1848—1855); протоиерей в Москве.

отказал Н<иките> П<етровичу> дать взаймы денег, когда тот знал, что они у него были».

——

В последние годы жизни Н<икита> П<етрович> был будто на содержании у какого-то жида.[1]

——

Необыкновенная наблюдательность. — Ему бы быть естественником. — Склонность к практическому, но неудачно.

——

Н<икита> П<етрович> восстановил доброе имя свящ<енника> Александровского и возбудил своими горячими статьями в газете к нему симпатии общества, в его столкновении с матерью Митрофанией.[2]

---

[1] Видимо, эти слухи были связаны с тем, что одним из основных кредиторов Гилярова был миллионер, коммерции советник Самуил Миронович (Шмуил Меерович) Малкиель (1836—?), владелец механико-литейного завода в Москве, разбогатевший на интендантских подрядах. 7 декабря 1879 г. К. П. Победоносцев писал Гилярову: «Правду ли пишут, любезнейший Никита Петрович, про газету Вашу, издавна боровшуюся с жидовством, будто она переходит в собственность московского жида Малкиеля? Я прочел это на днях в немецкой газете «S<t>.-P<eters>b<ur>g<er> Herold» (*Разумевающие верой*. С. 193). Имелась в виду заметка «Moskauer Tageschronik» («Московское дневное обозрение»), подписанная криптонимом «H. S.», в которой, в частности, говорилось: «Wie man uns mitteilt, sollen die hier erscheinenden russischen “Sowremenn<ije> Iswest<ija>”, welche sich durch ihre permanenten Angriffe gegen das Judenthum auszeichnen, in die Ha_nde des bekannten reichen Israeliten Malkiel u_bergehen» (St. Petersburger Herold. 1879. 5 Dec. № 339. S. 5), т. е. «как нам сообщают, выходящие здесь русские “Современн<ые> Извест<ия>”, которые отличаются постоянными нападками на еврейство, должны перейти в руки известного богатого израильтянина Малкиеля».

[2] Игуменья Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен; 1825—1899), фрейлина Имп. двора; игуменья Владычне-Покровского монастыря (1861—1875). В начале 1873 г. во многом благодаря принципиальности Гилярова были преданы широкой гласности ее неблаговидные дела — подделка завещаний, векселей и других денежных документов. Судебное заседание происходило в Московском окружном суде 5—18 октября 1874 г.; подробнейшие отчеты публиковались, в частности, в «Современных Известиях». В книге «Из пережитого» Гиляров писал, что посоветовал о. И. Н. Александровскому открыть церковноприходскую школу: «Староста, безнадежно больной, составил завещание и обратился к батюшке, чтобы надоумил, как распорядиться частию имущества, предназначенного им на богоугодные дела. Совет и здесь принят. Купец умирает; дела его принимают душеприказчики. Но прознала о завещании известная мать Митрофания; уговорила дать ей капитал, назначенный на церковь и школу; заручилась разрешением митрополита (Иннокентия). Иван Николаевич, сохраняя всю почтительность к архипастырю, противостал этому хищению, нарушавшему волю завещателя, и поплатился за ревность о правде и о доме Божием: он немедленно переведен был с достаточного прихода в бедный. Я уже издавал газету. Стороною услышал о происшествии,

Доктор Лепешинский

Степан Петрович [1] (Лефорто<во>. 3-й кадет<ский> корпус) — женат на дочери свящ<ященника> Василия Карелина, — впосл<едствии> преосвящ<енного> Вениамина, Еп<ископа> Рижского и Литовского.

Еп<ископ> Вениамин, по его словам, очень любил и почитал Никиту Петровича — и всем читал письма, которые от него получал, и дочитывал их до того, что о подрясник свой, из котор<ого> постоянно их доставал, обшаркивал их так, что стиралось под конец написанное.

Кое-какие письма сохранились — но немногие. Обещал дать.

———

По впечатлению от писем Н<икиты> П<етровича> [a] Лепешинского, Ник<ита> Петр<ович> в отношении религии не избежал модного влияния позитивизма, особенно проглядывающего в том, что он будто отвергает подлинно<сть> Свящ<енных> книг Нов<ого> Зав<ета> всех <?>.

У В. Я. Федорова — затруднения в чтении старых дел. Надо спросить Феоктистова. = О Гилярове: он всегда преклонялся перед его умом, но не перед жизнью — всяческий беспорядок в доме.

В последние годы жизни через Кн<язя> В. А. Долгорукова он пользовался деньгами от Полякова.[2] Однажды 15 июл<я> Федоров [3] вместе с Гиляровым на поздравлении с Ангелом [4] у Долгорукова. Ожидают в приемной, беседуют; входит Поляков. Гиляров отходит от Федорова и с Поляковым о чем-то переговаривается, возвращается и говорит Федорову: «Что прикажете делать — нужда за-

---

навел справки и написал заметку, оканчивавшуюся словами: “Враги церковного просвещения, посягатели на церковную собственность, радуйтесь”. Намеренно я не виделся с пострадавшим; я знал, что он упросил бы меня воздержаться от огласки. Но я исполнил долг, как понимал его. После Иван Николаевич был вознагражден за невзгоду, им перенесенную, и получил один из видных приходов» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 78).

[1] Степан Петрович Лепешинский (1836 — не ранее 1916) — врач, действительный статский советник.

[a] *Слова*: от писем Н<икиты> П<етровича> — *вписаны над строкой*.

[2] Лазарь Самуилович Поляков (1842—1914) — таганрогский купец 1-й гильдии (с 1869); основатель (1873) в Москве крупного банкирского дома.

[3] Имеется в виду В. Я. Федоров.

[4] 15 (28) июля — день преставления Владимира Равноапостольного (1015).

ставляет обращать<ся> и к Полякову. — О моей книжке, что при чтении ее перед ним живо возник образ Никиты Петровича. —

Мария Савельев<на> Сковронская — замужем за Богуславским.

———

Купец *Морокин* Алекс<андр> [1] в переписке с Гиляр<овым>.

———

Ольга Николаевна Балашева слышала от Сковронской, что будто после последнего ребенка у Веры Алексеевны Гиляровой молоко бросилось в голову и она была очень больна. Доктора, исследовав болезнь ее, решили, что она больше детей не должна иметь, и вследствие этого запрещено *было ей быть на деле женой Гилярова* — отсюда связь Гилярова со Сковронской состоялась отчасти не без ведома и согласия самой Веры Алексеевны.

———

Что касается до связи с нею Ал<ексея> Ник<итича>, то, конечно, в его видах было рассказывать про нее, как про клевету Сковронской. Сковронская была прислугой.

Душа,[2] по утвержд<ению> Ол<ьги> Ник<олаевны>, не была дочерью Сковронской, а дочерью рабочего, убившегося до смерти на работах на ее даче в Петровс<ком> до смерти, и взятою ею 4-х лет на воспитание.

———

Сковр<онская> — поступила служить в редакцию, по словам О<льги> Н<иколаевны>, в 1869 году.[a]

9 сент<ября>

Виделся с протоиереем Дм<итрием> Ив<ановичем> Языковым,[1] товарищем Гилярова по студенчеству в Академии. — Не был близок к Ник<ите>

---

[1] Александр Федорович Морокин (1836—1911) — экономист, земской деятель, промышленник, основатель ткацкой фабрики (1865); публицист, автор путевых очерков, корреспондент «Современных Известий».

[2] Душа — Авдотья Буренкова.

[a] *Далее приписано зеленым карандашом*: 1868 г.

Петр<овичу>, который вообще был плохой товарищ, держал себя особняком, любил поострить и посмеяться над товарищам<и>. Язык что бритва. Отто<го> вообще и товарищи от него отдалялись. Не потому ль на последнем годе старшего курса он совсем вышел из студенческого общежит<ия> и выпросил себе в Бакалаврском отделении одну из профессорских комнат.[2] В лат<инском> яз<ыке> он не был силен, сближение с Александровским приписывает светскому образованию Ал<ександровского>, его загранич<ному> воспитанию, с прекрасным знанием иностранных яз<ыков>.[3] —

Был вольнодумец в вопросах религиозных в Академии. Во время всенощн<ой>, бывало, все время разговаривает и сидит на задних скамейках. — Я<зыков> считает Гилярова гордым. Ум его счита<ет> необыкновенно слабым логикою и анализом, по содержанию мысли небогатым.

От Ник<иты> Петр<овича> его оттолкнуло его отношение к Вере Алексеевне, котор<ую> назыв<ает> почтен<ной>, скромной, достойной.

———

В воспомин<аниях> «Из переж<итого>» Яз<ыкову> неприятно было читать это самовозвеличивание Гилярова и его братства.[4]

———

В Акад<емии> Гиляр<ов> не жаловался на рек<тора> Алекс<ия> и его обращение.

---

[1] Протоиерей Димитрий Иванович Языков (1824—1908) — духовный писатель, законоучитель 3-й Московской мужской гимназии; одновременно с Гиляровым стал магистром Московской духовной академии (1848).

[2] Отдельная комната полагалась Гилярову по статусу – после прибавления в 1846 г. к его фамилии почетного дополнения «Платонов».

[3] Отец И. Н. Александровского в 1832—1837 гг. служил настоятелем придворной русской церкви в Гааге. Гиляров писал о друге: «Иван Николаевич <…> был человек света, посетитель театра и собраний, впрочем, посещавший их не по влечению, а более в качестве невольного кавалера родственниц и знакомых. Он был солидно обучен музыке и сам играл на фортепиано; играл, полагаю, лучше двух тогдашних моих товарищей, которые славились между нами этим искусством, один как импровизатор по преимуществу, игравший собственные фантазии, осенявшие его, когда он садился за инструмент, другой — как отчетливый исполнитель трудных пьес» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 70).

[4] Подразумевается духовное братство, соединившее в Академии Гилярова с И. Н. Александровским и В. М. Сперанским.

——

Об о. Иоанне Соколове — неприятность за знаменитую проповедь по поводу освобождения крестьян.[1]

12 <сентября>

Вчера виделся с Архиепископом Саввою,[2] Тверским архиереем. Он многого мне не смог или не захотел сказать. Заметил, что особенно близок к покойному не был; что более всего его знал как профессора. Лекциями его доволен не был: мало давали знаний. «Он обладал даром слова: придет, бывало, на лекцию, разложит перед собою на кафедру французские и немецкие книжки и начинает импровизировать. Ругал Златоуста и вообще недружелюбно относился к Отцам Церкви». Еще курс, на котором был иеромонах Савва,[3] терпел такое отношение Гилярова к Отцам Церкви. В следующий же курс слушателем оказался грек Анфим, будущий экзарх Болгарский.[4] Он был возмущен лекциями Гилярова и донес о них митр<ополиту> Филарету, который и уволил Гилярова. Но, уволивши, все-таки тайно помогал ему деньгами до приискан<ия> им места.[a]

Сам владыка[5] из<-з>а Гилярова едва не провалился на экзамене выпускном — Гиляров, импровизируя в течение всего года, имел обыкновение к экзамену выдавать студентам несколько листиков курса, каковые списывались и запоминались. — Армянская церковь — не успел заучить выписку из Отца

---

[1] Речь идет о «Слове об освобождении крестьян» архимандрита Иоанна (Соколова) (Православный Собеседник. 1859. Ч. I, № 3. С. 334—355), которое вызвало общественный резонанс, поскольку в нем критиковал крепостное право за два года до осуществления Крестьянской реформы. Был ужесточен цензурный гнет в отношении этого казанского журнала, редактировавшегося о. Иоанном.

[2] Архиепископ Савва (в миру Иван Михайлович Тихомиров; 1819—1896) — епископ Можайский (с 1862 г.), Полоцкий и Витебский (с 1866 г.), Харьковский и Ахтырский (с 1874 г.), Тверской и Кашинский (с 1879 г., архиепископ с 1880 г.); археограф, мемуарист.

[3] Иеромонах Савва (Тихомиров) обучался на XVII курсе (1846—1850).

[4] Анфим I (в миру Атанас Михайлов Чалыков; 1816—1888) — общественно-политический деятель Болгарии; выпускник Московской духовной академии (1856), митрополит Преславский (с 1861 г.), Видинский (1868—1872, 1878—1888), экзарх Болгарский (1872—1877).

[a] *На полях против этого предложения приписано синим карандашом*: неверно.

[5] То есть Савва (Тихомиров).

Церкви. Достался именно этот билет. Остановился в ответе. Митр<ополит> Филарет обратился к Гилярову, тот тоже не знал.

——

Сочинение курсовое о необходимости воплощения Н<икита> П<етрович> написал в неправославном духе, за что Филарет и ссадил его с первого места на второе.

Когда Гиляров был бакалавром, а Савва — ризничим, то он помогал Н<иките> П<етровичу> в возложенном на последнего труде описать и разобрать раскольн<ичьи> книги Лаврской библиотеки и распределить их между Академией, К<а>з<анской> сем<инарией> и Моск<овской> семи<нарией>.[1]

Потом Савва редко встреч<ался> с Гиляровым: был сочленом с ним и К. П. Победоносцевым в Братстве св. Николая, в коем принимала участие В<еликая> Кн<ягиня> Елена Павловна.[2]

Незадолго до смерти Н<икита> П<етрович> привозил к Савве в Тверь крестить еврейку с мужем.[3]

Какой-то старичок сидел во время моей беседы у Высокопр<еосвященного> Саввы, и, когда зашла речь о времени заведывания Гиляровым Синод<альной> типографией, он сказал: «Тогда говорили, что Гиляров свою газету основал на шрифте Типографии». Потом какая<-то> тут же присутствовавшая старушка, по-видимому либо жена, либо сестра старичку, тоже вставила о Ник<ите> Петр<овиче> свое слово, что он не любил и бранил духовенство.

У Веры Ал<ексеевны>: вчера. — Она со злобой и презрением отзывалась о Сковронской, считает ее интриганкой, воровкой, совершенно завладевшей доверчивым и бесхаракт<ерным> Н<икитою> П<етровичем>, оттершим ее. Как только Н<икита> П<етрович> принял ее в сотрудницы, все пошло вверх дном. В<ера> А<лексеевна> постоянно меняла квартиры и не жила с мужем. —

[1] См. об этом в разделе 1.2.
[2] Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873) — известная благотворительница.
[3] Речь идет об А. М. и С. И. Гальперсонах.

В редакции начальн<ица> новая, так завелся т<ак> наз<ываемый> женский труд, появились *сороки*-сотрудницы, ничего не делали, только обирали Н<икиту> П<етровича>, объедали и дурно себя вели. Сков<ронская> его обобрала.

«Вхожу я однажды в кабинет Н<икиты> П<етровича> (я к нему редко входила) и говорю ему прямо: прогоните М<арью> С<авельевну>, она дрянь и воровка. В это время входит Ск<овронская> и Н<икита> П<етрович> ей говорит: про Вас В<ера> А<лексеевна> говорит, что Вы дрянь и воровка. Н<икита> П<етрович> страшно рассердился.

Фабрику ей продавец предлагал за 25 т<ысяч> р<ублей>, Гилярову — за 55 т<ысяч> р<ублей>.

Е. В. Барсов говорил, что М. С. Сковронская была первоначально просто публичная женщина; поступив в «Сов<ременные> Изв<естия>» корректоршей, она постепенно с большою ловкостью протеснялась к Гиляров<у>, сумела оттереть Веру Ал<ексеевну> и всю семью, переменить состав Редакции, заполнив его женщинами и студентами. Она уронила т<аким> о<бразом> «Сов<ременные> Изв<естия>» и извратила всю жизнь и деятельность Н<икиты> П<етрович>а. К тому же она была больная в половом отношении (по свидет<ельству> Ф. А. Гил<ярова>, «бешенство матки»). — Авд<отья> Ив<ановна>, по слухам, была ее незаконная дочь. — Сперва Н<икита> П<етрович> ничего и слышать прот<ив> нее не хотел, вполне подчинившись ее обаянию.

В свидетельских показаниях Барсова по делу о донос<е> Сковронской рассказана вся история отношений ее к Гилярову. Она вооружал<а> Н<икиту> П<етровича> против В<еры> А<лексеевны>, внушая ему подозрение в том, что В<ера> А<лексеевна> хочет ее отравить.[1]

---

[1] См.: «Сковронская вторгалась в семью и продолжала добиваться еще большего значения в доме. В моем также присутствии, за столом или за чаем, она также мимоходом начинала заговаривать, что В<ера> А<лексеевна> за хозяйственность ее на нее сердится, что она ей не кланяется, затем, что она ходит к колдунам, что она будто бы хочет ее испортить и наконец стала решительно заявлять, что она боится, чтоб В<ера> А<лексеевна> совсем ее не отравила

Знаком с Н<икитой> П<етровичем> с 1867 г. — Он не имел этич<еской> веры, но имел широкое стройное мировоззрение.

28 сент<ября>

Вчера был у Дм<итрия> Ф<едоровича> Самарина,[1] которому передал письмо Юрия Федоровича к Гилярову и получил обещание, что он в обмен пришлет мне в Петербург несколько философских писем Никиты Петров<ича> к Ю. Самарину. —

Об отношении Ю<рия> Ф<едоровича> к Н<иките> П<етровичу> Дм<итрий> Ф<едорович> сказал следующее: Познакомились они, кажется, еще когда Гиляров был профессором Академии. Славянофил<ов> поразило сходство в убеждениях молодого бакалавра, который совершенно особым, своим путем дошел до поразительного сходства, тождества даже в выражен<иях> и некоторы<х> убежден<иях> с ихними. После переезда в Москву были постоянно свидания и обмен мыслей.

— Перевод и издание сочинений Хомякова еще более сблизил Ю. Ф. Самарина и Н<икиту> П<етровича>.[2] Во время этой совместной работы и возникает между ими философ<ская> переписка.

— = (О жидах[3] *Ю<рий> Ф<едорович> в Петер<бурге>*.)

Размолвка 1) По поводу статьи, кот<орую> Н<икита> П<етрович> написал по поводу преб<ывания> Ф. Соллогуба[4] с Порохов<щиковым>[5] в Праге,[6] 2) по

и т<аким> о<бразом> постепенно расстроила Г<илярова> с своей женой» (Показание Е. В. Барсова / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 386—387).

[1] Дмитрий Федорович Самарин (1831—1901) — общественный деятель, гласный московского земства; писатель, издатель, брат Ю. Ф. Самарина.

[2] См. об этом раздел 3.8.

[3] Ю. Ф. Самарин на рубеже 1850—1860-х гг. был членом Еврейского комитета и пытался добиться разрешения на публикацию книги Гилярова «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.».

[4] Граф Федор Львович Соллогуб (1848—1890) — театральный художник, актер и поэт-любитель; сын графини М. Ф. Соллогуб, сестры Ю. Ф. Самарина.

[5] Александр Александрович Пороховщиков (1809—1894) — купец, член Московского Славянского комитета, меценат.

[6] См. об этом в разделе 3.8.

поводу разг<ромной> статьи Гиля<рова> о кн. Щербатове [1] и 3) у Кошелевых Ю<рий> Ф<едорович> посмеялся над Н<икитой> П<етровичем>, когда тот явился к Кошелеву во фраке и с орденом Анны на шее.

— Письмо от Н<икиты> П<етровича>, в котором он высказывал обиду на это последнему, говоря, что для того обществ<енного> полож<ения>, кот<орое> занимает Юр<ий> Ф<едорович>, это все равно почти. Н<икита> П<етрович> находится в иных услов<иях>.

— Близости не было, было взаимное уважение. Природная сила ума и широта образования. — Под конец жизни охлаждение.

Вера Алексеев<на> про Сковронскую: до того она восстановила Н<икиту> П<етровича> против нее, что тот стал бояться принимать какую-либо пищу из ее рук, ожидал отравл<ения> и давал сперва пробовать Сков<ронской>. Однажды сидят они вдвоем на диване, приношу я любимое его блюдо. Он посмотрел на М<арью> С<авельевну> и говорит: «Благодарю Вас, я не хочу. Мар<ья> Сав<ельевна> — попробуйте». Она растлила Ал<ексея> Ник<итича>, когда ему было всего 14 лет. Разрыв произошел оттого, что Душа перехватила и передала Ник<ите> Петр<овичу> письмо М<арьи> С<авельевны> к Экземплярскому.[2] Деньги на продовольствие и личные расходы выдавала Вере Ал<ексеевне> Ск<овронская>. Однажды, когда полученные 6 р<ублей> у В<еры> А<лексеевны> вышли, она проходит к Н<иките> П<етровичу> и просит денег. Он с гневом ей говорит: «Помилуйте, да Вы меня совсем разорите, на Вас не напасешься денег. Еще третьего дня Вы взяли из кассы 200 р<ублей>» — это он говорил, очевидно, со слов Сковр<онской>.

---

[1] В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г. Гиляров упоминал об этом: «…Юрий Федорович заносился на меня по поводу того, что я посмел коснуться кн. Щербатова в его деятельности по городскому управлению» (*Письма к Рцы*. С. 248). Князь Александр Алексеевич Щербатов (1829—1902) был московским городским головой в 1863—1869 гг., и его деятельность на этом посту (см.: Отчет московского городского головы князя Щербатова о деятельности Московской городской думы за шестилетие с 1863 по 1869 год. М., 1969. [2], 169 с.) время от времени вызывала критические отклики «Современных Известий».

[2] Константин Федорович Экземплярский — студент медицинского факультета Московского университета, сотрудник «Современных Известий»; любовник М. С. Сковронской; позднее — коллежский советник, фабричный врач г. Коврова.

В деле «Сов<ременных> Изв<естий>» показалось, как при действии одного «усмотрения» отдельное лицо с его случайными симпатиями и антипатиями, — нет иного пути, как, пожалуй, «замолвленное словечко», — иррегулярны ходы, показать это — из хлопот Победоносцева — по поводу кар, постигавших Гилярова-редактора.

——

Необходимо снять с памяти Н<икиты> П<етровича> обвинения 1) в употреблении шрифт<ов> Син<одальной> тип<ографии> на завед<ение> типогр<афии> «Сов<ременных> Изв<естий>»; 2) в употреблении в свою пользу пожерт<вованной> на слав<ян> суммы. —

Он *никогда не менял* убеждений из личных выгод, не применялся в изложен<ии> взглядов к мыслям начальствующих лиц и вообще влиятельных. Пример: записка, поданная гр. <Д. А.> Толстому о школах;[1] Тимашеву — по поводу предостереже<ний>,[2] Победоносц<еву> — о Синод<альной> типографии.[3]

Против церкв<и> Георг<ия>[4] и рядом с *домом Арм<янской> ц<еркви>*[5] красн<ым?> пом<еченные> ворота — у дворник<а> <спросить?> д<ом> Гольденштейна — Вера Алекс<еевна> Гилярова.

Поступило <?> = 1894.

---

[1] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Записка о преобразовании высшего управления духовно-учебными делами // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 309. 27 л.

[2] Опубл.: *СИ*. 1867. 8 дек. № 7. С. 26—27. См. также: *Гиляров-Платонов Н. П.* Об изменениях в Цензурном уставе // ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 21. 86 л.

[3] Имеется в виду подробнейшее письмо Гилярова к К. П. Победоносцеву от 8 ноября 1883 г. (см.: *Разумевающие верой*. С. 205—216).

[4] Церковь Георгия Великомученика в Грузинах (Б. Грузинская ул., 13).

[5] Дом принадлежал клиру армяно-григорианской Успенской церкви в Грузинах (Б. Грузинская ул., 20).

Приложение 3. Судьба наследия Н. П. Гилярова-Платонова в неизданной переписке его учеников и почитателей (1885—1906)

3.1. Переписка А. М. Гальперсон и князя Н. В. Шаховского (1885—1902)

1*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 25 января 1885 г.

Января 25 дня 1885 г.

Многоуважаемый князь,

Никита Петрович по горло занят городскими и земскими делами,[1] редакционными занятиями и тому подобным. Ему, однако, хотелось поскорее ответить на Ваше письмо,[2] и потому он мне поручил исполнить это. Надеюсь, что разочарование Ваше будет не слишком велико.

Никита Петрович вполне одобряет выбранную Вами тему для статьи или, вернее, для целого ряда статей. Он утверждает, что если Вы серьезно отнесетесь к вопросу, у Вас может выйти капитальное сочинение. Для того чтобы не быть голословным, он советует Вам тщательно просмотреть все те журналы, о которых Вы говорите в своем письме, и просмотреть не за одну неделю, а за несколько месяцев, хотя бы и за прошедшее время, и тогда только приняться за труд. Ваша тема настолько пришлась по душе Никите Петровичу, что после Ваших статей он думает сам двинуться с «тяжелой артиллерией» (его собственное выражение).

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 1—2 об. На бланке со штампом в левом верхнем углу: «Контора редакции / ежедневной газеты / «Современные Известия» / № __ / Москва. / Января 25 дня 1885 г.».

[1] Гиляров в тот период состоял гласным Московской городской думы.

[2] См. письмо князя Н. В. Шаховского к Гилярову от 21 января 1885 г. (*Переписка с Шаховским*. С. 85—86). На его первой странице, на верхнем поле, Гиляров пометил: «Ответ<ил> 25/I».

Никита Петрович ничего не пишет теперь: это я пишу уж по собственной инициативе. Ему даже неприятны напоминания о «Прожитом» и письмах для «Руси».[1] Несколько дней он занят был составлением записки в думскую финансовую комиссию о неправильностях в городской смете. Записка вышла прекрасная, как всё, что Никита Петрович пишет. Она помещена в сегодняшнем № «Совр<еменных> Изв<естий>».[2] Теперь же он совершенно освободился от этого труда и мог бы приняться за «Прожитое» по крайней мере (для «Руси», он уверяет, у него нет готовых тем). Меня очень обрадовало, что Вы также напоминаете ему о продолжении. «Дайте мне тему, говорит он, и я стану писать». Я неизобретательна: не дадите ли Вы? Никита Петрович, впрочем, и сам сказал: «Пусть подумает он обо мне и пусть даст тему, я тогда исполню его желание». Теперь, следовательно, от Вас зависит продолжение его статей.

Позвольте поблагодарить за память обо мне. Никита Петрович передал мне Ваш поклон, но забыл передать Вам мою благодарность.

Примите уверение в искреннем уважении. А. Гальперсон.

---

[1] Имеется в виду статья «Откуда нигилизм?» (1884); предполагалось продолжение этого цикла «писем к И. С. Аксакову», так и не осуществленное Гиляровым.

[2] См.: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Заметки на городскую смету // *СИ*. 1885. 25 янв. № 24. С. 2. Набранная довольно мелким шрифтом и изобилующая подстрочными примечаниями, эта «Записка» занимает всю вторую полосу газеты. Ей предпослана на первой полосе обстоятельная передовая статья, в которой сообщается, что Гиляров подал эту «Записку» в Финансовую комиссию «в качестве гласного» «как материал для суждения о состоянии городского хозяйства и для изысканий о способах его улучшить и упорядочить» (Там же. С. 1). В связи с этой запиской Гиляров писал князю М. В. Шаховскому-Глебову-Стрешневу: «Высокоуважаемый князь Михаил Валентинович, я подал в Финансовую комиссию думы [некоторые] заметки на Городскую смету. Может быть, в свободное время Вы не найдете для себя обременительным пробежать их. Дело не в смете настоящего года, а в хозяйстве городском вообще. Мне хотелось указать слабые стороны, на которые должно бы, по моему мнению, обратить внимание.

Заметки таки стоили мне труда, и было бы жаль, если бы они прошли совсем бесследно.

<Второй вариант:>

Вчерашний наш разговор подал мне мысль послать Вам мои заметки на Городскую смету, с предисловием. Городскими делами Вы, я вижу, не перестаете интересоваться.

Знаю, что Вы со многим будете не согласны, но все-таки пробегите.

А о Сокольниках вопрос поставить в настоящем свете очень бы не мешало.

Позвольте уверить [Вас] Ваше Превосход<ительство> в душевно<м> уважении» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 525. Л. 1—1 об. Черновик). Сокольническая роща, арендовавшаяся городом, приносила убыток его казне.

2*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 4 февраля 1885 г.

Москва. 4 февраля 1885 г.

Многоуважаемый князь!

Я очень благодарна за Ваше письмо и охотно отвечу на Ваши вопросы. Я намеренно умолчала в прошлом письме и о себе, и о Вашей статье,[1] потому что речь шла не обо мне и все письмо шло как бы не от меня. Я гораздо свободнее и охотнее пишу, когда могу высказывать все, что приходит в данную минуту в голову.

Начать хотя бы с того, что обращение, употребленное мною, мне очень не по душе и подсказано мне Никитой Петровичем. Я нахожу, что оно чересчур официально и стесняет свободу обращения. Вполне уверенная в Вашей снисходительности, я позволю себе называть Вас Николай Владимировичем.

Я совершенно согласна с Вами, многоуважаемый Николай Владимирович, относительно всего, что Вы говорите о Никите Петровиче. Он не вправе зарывать в себе своих знаний, своих воззрений, своего опыта. Он обязан поделиться всем этим с нами и не должен задумываться над малочисленностью своих читателей. Если его поймут трое, четверо, то и тогда его труд не будет потерян, и я всегда твержу ему это. Он иногда соглашается со мною, согласился теперь и с Вами, но все-таки писать не будет или, по крайней мере, не напишет всего того, что мог бы написать. Никита Петрович постоянно обвиняет меня в разбрасывании. По-моему, и он разбрасывается. Не знаю, чем вызвано это у меня, но у него положительно разбрасывание происходит от внутреннего богатства, и дело это непоправимое. Сколько трудов у него начато, сколько статей, сколько сочинений целых почти кончено, но он не завершает их, потому что является новый инте-

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 3—5.

[1] *Н. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Несколько слов по поводу статьи Вогюэ о Л. Н. Толстом // *СИ*. 1885. 2 февр. № 32. С. 2.

рес, и он сосредоточивает на нем все свои силы. Около него постоянно должен был бы находиться человек, свободный от этого недостатка, способный помогать ему во всем, одинаково с ним развитой, и дело пошло бы на лад. Меня на это не хватит![a]

Теперь мы заняты глаголами.[1] Моя помощь очень недостаточна. Мне нужно прежде усвоить то, что уже написано, а потом только в состоянии я буду помогать. Я утешаюсь по крайней мере тем, что самое сочувствие мое этому труду[a] несколько его вдохновляет, и дело подвигается. А воспоминания «Из прожитого» и письма для «Руси» пока остановились — не потому, впрочем, что не хватает у Никиты Петровича времени заняться ими, а потому, что он успел охладеть и к тому, и к другому и вдохновить его может случайное какое-нибудь обстоятельство. Я предлагаю ему съездить на Зацепу, где прошли первые его годы после окончания Академии:[2] оживятся воспоминания, и мы услышим и увидим тогда продолжение «Прожитого».

Вы спрашиваете меня, довольна ли я своим делом. Ваше знакомство с Никитой Петровичем может подсказать Вам, что под руководством такого человека всякий труд покажется приятным. Тем не менее, мне постоянно кажется или, вернее, я постоянно помню, что делаю слишком мало, что следовало бы работать больше и что со стороны труд мой может показаться очень и очень ничтожным. Вот Вам и ответ на вопрос, довольна ли я собою? Я подозреваю, что Никита Петрович успел намекнуть Вам на вечное мое недовольство собою. Он этим очень[a] раздражается, хотя и сам соглашается, что я могла бы работать гораздо больше, если бы не было препятствия со стороны внешнего моего положения. Но дело не в этом.

---

[a] *Здесь и далее подчеркиванием обозначены фрагменты, подчеркнутые же в письмах их адресатами.*

[1] Об исследовании Гилярова о русском глаголе см. раздел 1.9.

[a] *Далее зачеркнуто*: все<-таки>.

[2] На Зацепе находился дом протоиерея А. И. Богданов, тестя Гилярова, который проживал здесь с семинарских лет (с 6 ноября 1842 г.), став учителем своего будущего шурина Игнатия Богданова.

[a] *Далее зачеркнуто*: недо<волен>.

Ваша статья в «Руси» мне очень понравилась, но… Вы простите меня за это но… Я имею несчастную привычку все обобщать. Мне кажется, что Вы не годитесь в моралисты, что Ваша сфера — сатира. Этим, вероятно, и объясняется мнение мужского пола о Вашей статье. И удивление «как же это так», и мнение о чрезмерной благонадежности, и даже замечание, что статья похожа на ученическое сочинение, вызвано близким знакомством с Вами. Вы сами в письмах к Никите Петровичу просите указать нам путь, по которому мы должны идти. У нас нет определенного мировоззрения. Мы знаем, чего не должно бы быть, но не можем сказать, что должно быть. У Вас нет недостатка в остроумии, в иронии, даже в сарказме. С этой точки зрения мне Ваш Фауст[1] и понравился, хотя Вы и назвали его сумасшедшим произведением. **У Вас** наверное выходили бы прекрасные статьи, если бы Вы не старались держаться на высоте моралистического тона, а позволили бы себе писать так, как у Вас выливается из-под пера**.**

Очень и даже очень возможно, что я ошибаюсь, но таково мое впечатление, и я осмеливаюсь преподнести его Вам.

«Чужую беду руками разведу, к своей ума не приложу». Если бы я так же ясно видела, на что я способна, если бы я могла наметить себе путь! Я кидаюсь на одно, на другое; одного не кончаю, за другое принимаюсь и ни до чего не дохожу. Мне кажется, что и Никита Петрович скоро махнет на меня рукой.

«Совр<еменные> Из<вестия>» Вы не получаете. Это очень на нас похоже. У нас все делается спустя рукава. Никиту Петровича окружают ужасные люди или, лучше, его никто не окружает. Почти все приходится ему делать самому; все служащие в редакции пользуются его добротой и бесхарактерностью и запускают совершенно редакционное дело. Оттого в «Совр<еменных> Известиях» только то и хорошо, что пишет Никита Петрович, к чему он прикладывает свою руку**.** Я думаю, впрочем, что теперь наконец стали уж посылаться Вам номера газеты.

---

[1] *Шаховской Н., кн.* 1) Легенда и первая народная книга о Фаусте // *ЖМНП.* 1881. Ч. 211, окт. Отд. II. С. 369—401; 2) Фауст на английской сцене: Марло // *РВ.* 1881. Т. 151, февр. С. 754—780.

Ваши заметки о Вогюэ удивили нас обоих. Всего несколько месяцев назад мы с Никитой Петровичем восхищались глубоким знанием русской природы и русской души, выказанным им в «Зимних рассказах».[1] Я тоже, грешный человек, думала вначале, что Вы не поняли Страхова. А теперь, прочитав его статью, думаю, что он исказил Вогюэ.[2] Я так заинтересована этим, что постараюсь достать тот номер «Revue des Deux Mondes», в котором помещена его статья.

Простите за болтовню. Вы, впрочем, сами вызвали меня и теперь пеняйте на себя. Впредь постараюсь быть более краткою, если Вы удостоите меня ответом.

Глубоко уважающая Вас А. Гальперсон.

3*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 18 февраля 1885 г.

---

[1] «Зимние рассказы» (Histoires d'hiver // Revue des deux Mondes. 1884. 1-er février) французского дипломата, археолога, литературного критика, историка литературы графа Эжена Мельхиора де Вогюэ (Vogüé; 1848—1910) были опубликованы в газете И. С. Аксакова в переводе А. Д. Давидовича (секретаря издания): Русь. 1884. 15 февр. № 4. С. 25—38; 1 марта. № 5. С. 41—48; 15 марта. № 6. С. 28—43. И. Аксаков в кратком предуведомлении к публикации этих, по его словам, «замечательных и талантливых» рассказов писал: «Среди отрицательного отношения к русской народной самобытности в русской литературе нельзя не удивиться, что от иностранцев приходится нам теперь получать указания на *положительные* начала и стороны нашей народности! Трудно было бы даже допустить мысль, что они способны будут проникнуть так глубоко в духовные особенности русского народа, и однако же — как жалки перед ними большинство наших писателей о народе, не говоря уже о “народниках-беллетристах”! Впрочем, г. де Вогюэ долго жил в России, женат на русской, перевел даже роман “Война и мир” и написал немало статей о русской литературе и искусстве в “Revue des Deux Mondes”, которого он постоянный сотрудник» (Там же. 1884. 15 февр. № 4. С. 25).

Страхов в начале своей «Французской статьи об Л. Н. Толстом» писал об этом произведении: «Не говорим о мастерстве рассказа, которое так обыкновенно у французов, самое приятное и даже удивительное то, что этот иностранец относится к русской жизни не только без неприязни, не только с серьезным пониманием, а даже с явным пристрастием, что он умеет сочувствовать очень глубоким, доступным только сердечному вниканию, свойствам русской натуры. К такой искренней ласке мы не привыкли» (Там же. 1885. 12 янв. № 2. С. 13).

[2] Интересно, что и в дальнейшем интерес к творчеству Вогюэ в гиляровской газете не иссякал. См., например, подробную рецензию на путевые очерки французского писателя о Крыме: *Петровский С. А*. В Крыму: (En Crimee, par Eugene Melchior de Vogue. Revue des deux Mondes. 1 Decembre 1886) // *СИ*. 1886. 28 дек. № 357. С. 1.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 6—8 об.

Москва. 18 февраля 1885 г.

Многоуважаемый князь!

Ваше письмо застало меня в припадке самого сильного уныния. Я говорила Вам, что недовольство собою никогда меня не оставляет, но иногда оно доводит меня чуть не до самоубийства, и письмо Ваше пришло в такое именно время. Вы поймете, что писать в такое время письма очень неудобно, и несмотря на все желание поддержать переписку с Вами, я едва не махнула рукой и на это. Мне казалось, что подавленное состояние никогда меня не оставит, а отправить письмо, состоящее из охов и ахов (оно уж и было мною написано), мне не хотелось.

Ваше отношение к себе хотя и напоминает несколько мое, но Вы все-таки счастливее меня. Вам не нравится и не может, конечно, нравиться Ваша служба. Когда мы с Вами остались вдвоем в маленькой комнатке Никиты Петровича и Вы на мой вопрос изложили мне, в чем состоит служба чиновника особых поручений,[1] я ждала от Вас выражение недовольства и удивилась, что ожидания мои не оправдались: мое представление о Вас, составленное по рассказам Никиты Петровича, не вязалось с таким легким отношением к своему призванию, какое показалось мне в Вашем ответе. Ваш протест против службы, ничего не дающей душе и уму, мне совершенно понятен. Но у Вас есть влечение к моральной философии, говорите Вы, и в этом Вы счастливее меня. У Вас есть способности, есть знания, есть влечения. Задача разрешена: Вы пойдете по пути, по которому Вас влечет, знания и способности Вам помогут; у Вас впереди свет. У меня впереди ничего. Никита Петрович часто спрашивает меня, к чему меня особенно влечет; я не могу ответить. Нет науки, нет поприща, к которым[a] меня не влекло бы никогда: мое разбрасывание в том и состоит, что вдали мелькает то одна, то другая звезда, и каждая из них в свое время бывает так же ясна, так же ярка, как другая, заменяющая ее чрез известный промежуток. Не было системы в моем

[1] В 1882 г. князь Шаховской был переведен из Министерства иностранных дел, где с 1881 г. служил при Московском Главном архиве, в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений при министре и переехал в Петербург.

[a] *Было*: которому.

первоначальном образовании, хотя я и прошла гимназию; мне приходится восстановлять, пополнять самые элементарные знания, и в этом отчасти лежит причина моего разбрасывания…

Я, однако, замечаю, что мое намерение избежать нытья не совсем мне удалось. Я возвращусь к Вам.

Мое мнение о Вашей статье в «Руси» должно было показаться Вам очень дерзким после того, как Вы узнали о впечатлении, произведенном ею на особу, к которой была она обращена. Если могла она хоть одному человеку указать истинный путь, осветить дорогу, Вы должны очень гордиться ею. Я была несколько введена в заблуждение Вашей устной речью и отчасти письменною. Она блещет живостью, остроумием, и если бы под статьей не было подписи, я бы Вас в ней не узнала. Конечно, несколько подумав, я должна была бы сообразить, что разговор наш тогда у Никиты Петровича был легкого содержания, а Ваш «Фауст» написан был с целию написать «сумасшедшее произведение», и хотя я в нем ничего безумного не нашла, я должна была бы понять, что с серьезной стороны я Вас еще не знаю.

Никита Петрович в последнее время очень расстроен. Я боюсь расспрашивать, но думаю, что денежные дела играют не малую роль в этом настроении. Его рвут на части, ему приходится выносить невозможные вещи, и он поэтому никак не соберется с мыслями. Я употребляла все средства, какие были в моем распоряжении, чтобы привлечь его мысли к старым воспоминаниям или к вопросам, которые дали бы возможность написать отдельную статью. Для «Руси» он хотел уже писать, когда узнал, что Аксаков болен, что его отсылают в Крым и газета на время закроется. Где можно поместить статьи, которые годились бы для «Руси»? Мы думали, думали и ничего не придумали. Соответствующего журнала нет, по крайней мере в Москве, да и в Петербурге, сколько мне известно.

Я уверена, что Никита Петрович воспрянул бы духом, если бы прекратил издание газеты. Все мелкие неприятности отпали бы сами собою, кредиторы

удовлетворили бы себя его имуществом, а он, свободный ото всего этого, занялся бы серьезно, писал бы много и прекрасно провел бы остаток своей жизни. Он сам сознается, что газета погубила его, отклонила от настоящей дороги; но слышать не хочет о добровольном прекращении ее. Конечно, он с нею сжился: восемнадцать лет — немалое время, но сделать эту операцию необходимо. Как Вам кажется? Он утверждает, что отжил уже свой век, что он представляет собою выжатый лимон, что пора умирать, очищать место другим, и много такого, от чего сердце разрывается слушая. Но ведь это говорится под влиянием тяжелой обстановки: всякое малейшее улучшение в ней приободряет его, и в нем оказывается сила, которой позавидует любой юноша, только вступающий в жизнь. Как же, однако, вырвать его из этой обстановки? Не правда ли, прежде всего надо отказаться от газеты? Одному или даже вдвоем (я готова была бы все силы положить на это) ее не поднять. Найти людей трудно. Средств нет и не предвидится. Между тем Никита Петрович настолько известен своими знаниями, что без труда нашел бы себе соответствующее занятие, конечно, если бы был свободен. Он никогда и говорить не дает об этом: всегда перебьет с первого слова.

Каким людям дают гибнуть?

Никита Петрович прочитал мне последнее Ваше письмо к нему. Вы стараетесь заинтересовать им графиню Толстую.[1] Как было бы хорошо, если бы на него обратили внимание сверху. Он сам не умеет привлекать к себе это внимание, хотя и мог бы.

Вы, конечно, отбыли уже свою повинность присяжного? Никита Петрович ожидает, что Вы воспользуетесь своими наблюдениями и напишете что-нибудь. Вот где Ваше остроумие пригодится! Я убеждена, что заметки Ваши выйдут прекрасными. Я ходатайствовала о высылке Вам газеты, но так как добиться чего-нибудь у нас очень трудно, то я высылаю тот номер, в котором помещена Ва-

[1] Речь идет о камер-фрейлине Императорского двора графине Александре Андреевне Толстой (1817—1904), двоюродной тетке Л. Н. Толстого.

ша статья,[1] хотя, может быть, Вы его уж и получили. Вы, конечно, не станете мстить мне молчанием. Уныние мое, я надеюсь, надолго прошло, и я теперь буду отвечать скорее.

Глубоко уважающая А. Гальперсон.

4*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 3 апреля 1893 г.

Москва, 3 апреля 1893 г.

Многоуважаемый Князь, Николай Владимирович!

Достигнутый Вами результат превзошел и мои ожидания: о Ф. А. Гилярове я и не заикалась, потому что до сих пор не встречала в нем никакого сочувствия к каким бы то ни было начинаниям ради памяти Никиты Петровича; никогда ни одной строчки не написал он в честь него. Впрочем, пускай ему всё простится за предстоящую его услугу.

Смирнов, о котором Вы спрашиваете, назван в некрологах о Никите Петровиче протоиереем Исаакиевского собора. Имени его не знаю, а начальные буквы имени и отчества И. А.[2]

Кстати, у меня приготовлены для Вас некрологи о Никите Петровиче. Если Вам не придется быть у меня до отъезда, сообщите, пожалуйста, когда и куда препроводить для Вас этот сборник.

Не знаю, как и благодарить Вас за то, что Вы воскресили во мне надежду на возможность сделать что-нибудь в память Никиты Петровича.

---

[1] «Современные Известия» от 2 февраля 1885 г.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 9—10.

[2] Имеется в виду протоиерей Петр Алексеевич Смирнов (1831—1907) — духовный писатель, историк, педагог, магистр Московской духовной академии (1854), священник (с 1858 г.) и законоучитель (с 1860 г.); настоятель Исаакиевского собора (с 1886 г.), председатель Учебного комитета при Св. Синоде (1897—1905), редактор газеты «Церковные Ведомости» (1888—1905).

Не показалась Вам странною угроза Ф. А. Гилярова придраться к сборнику, если он выйдет помимо его участия? Странное благоговение к памяти дяди, разделять которое никому не дозволено.

Заметили Вы в «Московских Ведомостях» выдержку из Ваших воспоминаний о Ник<ите> Пет<ровиче>?[1]

Воспоминания Ваши очень интересны, и жаль только, что под руками у Вас было сравнительно мало документов.

Еще раз благодарю Вас.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

5*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 5 апреля 1893 г.

Москва, 5 апреля 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Просматривая некрологи о Ник<ите> Пет<ровиче>, я нашла, что глубже всех оценил покойного в своем отзыве Н. П. Аксаков.[2] Так как он в этом же некрологе обещается в другой раз поговорить о[a] Н<иките> П<етровиче> подробнее, то мне и пришло теперь в голову привлечь и его к участию в предстоящем издании. Как Вы об этом думаете? Я откладываю свидание с ним до получения от Вас ответа.

---

[1] *<Без подписи>*. Н. П. Гиляров-Платонов и граф Л. Толстой // *МВед*. 1893. 1 апр. № 88. С. 4. (Дневник печати). Здесь процитирован пересказ князем Шаховским в «Ревельских Известиях» (№ 62) письма Гилярова к С. А. Юрьеву о толстовской «Исповеди», впервые полностью опубликованного только в 1900 г. (*Сб. соч*. Т. II. С. 287—291).

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 11—12.

[2] Николай Петрович Аксаков (1848—1909) — публицист, критик, прозаик, поэт, историк, философ, богослов. См.: *Аксаков Н. П.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1; Речь Н. П. Аксакова на могиле Н. П. Гилярова-Платонова // Там же. 1887. 21 окт. № 290. С. 2.

[a] *Инициалы:* Н. П. — *вставлены над зачеркнутым*: нём.

Свящ<енник> Александровский умер года два или три тому назад,[1] а Смирнов и есть тот самый настоятель Исаакиевского собора, о котором Вы спрашивали меня раньше и начальная буква имени которого в печати была переврана.[2]

О возможности посягательства кредиторов на сочинения Ник<иты> Пет<ровича>, конечно, подумать следует, но[a] та книга воспоминаний, которую Вы замыслили издать и которая, надеюсь, издана будет, не может ведь быть названа изданием сочинений Н<икиты> П<етровича>, так что опасений, относительно нее по крайней мере, быть не может.

Говорил Ф. Гиляров лично Вам о том юмористическом сочинении Ник<иты> Пет<ровича>, о котором передавала Вам его знакомая? Я по крайней мере об этом ничего не слышала.

Статья, о которой упоминает митрополит Филарет, касалась Первоначального народного образования.[3] У меня, кажется, есть она.

В «Рус<ской> Беседе» Ник<ита> Пет<рович> писал и внутренние обозрения.[4] У меня есть несколько оттисков, может быть, и все.

Что писал Ник<ита> Пет<рович> в «Рус<ском> Вестн<ике>»,[5] я не знаю. Порыться не мешает.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

6*

---

[1] Протоиерей И. Н. Александровский скончался 2 октября 1886 г.

[2] См. п. 4, где указаны инициалы «И. А.» вместо «П. А.».

[a] *Далее зачеркнуто*: ведь.

[3] При жизни издано трижды: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. О первоначальном образовании народа // *ПкТСО*. 1862. Ч. XXI. С. 165—180; то же: Современная Летопись. 1862. № 30. Июль. С. 17—19; то же с подзагол. «Извлечено из 2-й кн. прибавлений к “творениям Св. Отцов”, 1862 года»: *Рачинский С. А*. Заметки о сельских школах. СПб., 1883. С. 111—123.

[4] Эти обозрения не обнаружены. Предположительно, Гальперсон ошибается и речь идет о газете «Москва».

[5] Известна только одна публикация Гилярова в этом журнале: *Ц. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Библиографическая заметка <о статье А. Н. Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”», содержавшей критику на сочинение графа Н. Б. Голицына> // *РВ*. 1859. Т. XX, апр., кн. 1. Отд. II. С. 245—250.

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 13 апреля 1893 г.

Москва, 13 апреля 1893 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Владимирович, письмо[a] ко мне Романова о злополучном письме Ник<иты> Пет<ровича>. Я снова перечитала его[b] и снова вижу, что мне Романов представил поступок свой не в том виде, как он выясняется из писем его к Бартеневу.[1] Очень жалею, что не попросила Вас прочитать мне эти письма подробнее.

Из письма[c] Романова ко мне Вы увидите, что в Бартеневе он видит злейшего врага Н<икиты> Пет<ровича>, а ему, то есть Бартеневу, сколько мне помнится, он пишет, что благодаря ему глаза его открылись и теперь Гиляров для него как нравственная величина перестал существовать. *Мне* он пишет далее, что Д. А. Хомяков писал ему, Романову, motu proprio,[*] а из письма к Бартеневу видно, что Хомяков отвечал на прямое к нему обращение.

Я до сих пор не могу придти в себя от этого поступка Романова, которому не нахожу названия.

Узнав Романова с этой стороны, Вы, естественно, не можете себе представить, как это Ник<ита> Пет<рович> такого человека принимал всерьез. Однако он не только всерьез его принимал, но не раз шутя высказывал, что завидует его талантливости, и многого ждал от него в будущем. Из писем Ник<иты> Пет<ровича> к нему, копии с которых я рассчитываю переслать Вам в скором времени, Вы увидите, что вопросы, которые затрагивал в своих письмах Романов, оправдывали это серьезное к нему отношение. Оно оправдывается еще и тем, что Романов — страстный хомяковец, а ввиду умственного своего родства с

---

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 13—15 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[a] *Было*: два письма.

[b] *Это слово написано над зачеркнутым*: их.

[1] См. упомянутые письма И. Ф. Романова-Рцы к П. И. Бартеневу от 13 и 28 ноября 1887 г.

[c] *Было*: Из писем.

[*] по собственной инициативе (*лат.*).

Хомяковым Ник<ита> Пет<рович> мог ждать от него такого же к себе отношения, да таково оно и было.

Романов — человек несомненно ненормальный, и эта ненормальность в нем теперь сильнее, нежели прежде. Но и тогда она проявлялась настолько, что Ник<ита> Пет<рович> потерял терпение и просил его прервать переписку.[1]

Об Ахматове,[2] о котором Вы говорили в последнем Вашем письме, я ничего не знаю и даже имя его в связи с именем Ник<иты> Пет<ровича> я слышу впервые. Я спрошу о нем у Веры Алексеевны Гиляровой.

Ник<ита> Пет<рович> писал еще в аксаковском «Дне».[3] Есть у Вас возможность просмотреть этот журнал?

Когда минует для Вас надобность в письме Романова, Вы будете так любезны и перешлете его обратно. В беседе своей с Романовым Вы, конечно, можете о нем упомянуть.

Прошу Вас безо всякого стеснения обращаться ко мне за всевозможными справками и рассчитывать на мою помощь во всем, что Вы предпринимаете во имя Ник<иты> Пет<ровича>. Вы этим оказываете мне большую услугу, освобождая меня хоть отчасти от угрызений совести за то, что я так мало до сих пор сделала для прославления имени Ник<иты> Пет<ровича>.

Я думала сперва переслать Вам два письма ко мне Романова, но потом нашла, что второе будет для Вас малоинтересно. В нем есть всего несколько строк, прямо относящихся к делу: он говорит, что не пересылает мне чернового наброска с письма своего к Бартеневу, потому что потерял надежду убедить меня в естественности своего поступка. Теперь нежелание его показать мне это письмо представляется мне в ином свете.

Надеюсь, Вы не почтете за пустое любопытство просьбу мою сообщить мне хоть вкратце о ходе Вашей беседы с Романовым.

---

[1] См. об этом раздел 3.13.

[2] Алексей Петрович Ахматов (1817—1870) — генерал-адъютант (1864); харьковский военный генерал-губернатор (с 1860), обер-прокурор Св. Синода (1862—1865), покровитель Гилярова. Они встречались для бесед, обменивались письмами.

[3] О статьях Гилярова в газете «День» см. раздел 1.6.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

7*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 20 апреля 1893 г.

Москва, 20 апреля 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Чтоб не сбиться и ничего не пропустить, отвечу на Ваше письмо по пунктам.

1. Романов в Н<икиту> П<етровича> верит — это несомненно. Все письма его после злосчастной истории с письмом к Бартеневу до самых последних дней были тому свидетельством. Но сфинксом он тем не менее остается. В то время как из письма к Бартеневу видно, что он разочарован в нравственном облике Н<икиты> П<етровича>, мне он пишет полное негодования письмо по адрессу <*так!*> Алексея Никитича,[1] осмелившегося в беседе с ним закидывать грязью доброе имя Н<икиты> П<етровича>. Я не могу себе представить, каким путем размышления человек доходит до того, что принимает на веру слова чужого человека, голословно называющего кого-либо клеветником, и отворачивается от речей сына, приводящего «факты», подтверждающие будто бы греховность отца. Если тут нет лицемерия, а я его допустить не хочу, то что же это?

Интересует меня также, какова, на Ваш взгляд, немощность этого тела.

2. Корнилова звали Иваном Петровичем. Но он уже умер.[2] После него осталась дочь,[3] которая, несомненно, должна знать, что заключается в бумагах, оставленных отцом. Сколько мне известно, она не замужем и живет в Петербурге. Она была другом своего отца и разделяла его умственные интересы.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 1—4 об.

[1] Имеется в виду А. Н. Гиляров, младший сын Гилярова-Платонова.

[2] Ошибка: И. П. Корнилов скончался в 1901 г.

[3] У Корнилова, овдовевшего в 1861 г., были две дочери: Александра и Мария (последняя умерла в 1870 г.).

3. О Ф. В. Виноградове[1] постараюсь навести справки.

4. Все бумаги, касающиеся Синодальной типографии, я приведу в хронологический порядок и постараюсь найти проект преобразований в типографии, о котором Вы говорите. Кроме того, попрошу Сенатова познакомить меня с казначеем Син<одальной> типографии,[2] о котором он говорил при Вас. Надеюсь от него получить сведения, которыми можно будет воспользоваться.

5. Записка о переменах в Цензурном уставе, или, вернее, о порядке административных взысканий за злоупотребления в печати, подана была Н<икитой> П<етровичем> в марте 1863 г. в законодательную комиссию по преобразованию законов о печати. Напечатана эта записка в «Современных Известиях» (№ 7 1867 г.) при замечательной статье по тому же вопросу.

6. Пересматривая все письменные документы, имеющиеся у меня, найду, может быть, и письмо к Вяземскому.[3]

7. Я, помнится, тоже говорила, что «Пережитое» дает мало биографического материала и может быть рассматриваемо только как замечательное литературное произведение. Так как дневника не осталось, то надо спешить воспользоваться устным материалом, пока живы еще сотоварищи, ученики и родственники Н<икиты> П<етровича>. Я этим и думаю заняться при посредстве и содействии В. А. Гиляровой.

п<ункт> 8, последний и самый для меня тяжелый. От всей души благодарю Вас, что Вы прямо высказали мне свое неудовольствие, и жалею только об од-

---

[1] Возможно, Федор Виноградов, ученик Гилярова в Московской духовной академии в 1852—1855 гг., окончивший курс 6-м магистром (1856).

[2] 15 ноября 1883 г. Гиляров писал К. П. Победоносцеву, что в Синодальной типографии в период его управления ею был «казначеем истинно святой человек, то, что я называю *иконным письмом*. Жив ли он, не знаю (Смыслов)» (*Разумевающие верой*. С. 219). Григорий Петрович Смыслов (ок. 1827—?) — выпускник Московской семинарии (1848), казначеем служил в 1860—1870-х гг.

[3] См. письмо Гилярова к князю П. П. Вяземскому от 10 сентября 1882 г. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4132. Л. 1—2: черновик: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 394. Л. 2—4; опубл. нами: *Переписка с Филипповым*. С. 362—363. Письма Гилярова к князю П. А. Вяземскому неизвестны.

ном, что Вы тогда же не[a] высказали мне упрека и не дали мне возможности тогда же облегчить свою душу.

Наступала первая годовщина после смерти Н<икиты> П<етровича>. Молчание кругом было ужасающее. Никто ни словом не упоминал о покойном уже несколько месяцев, и казалось, что даже на могилу его никто не вспомнит придти. Шарапов, которому я в числе прочих высказала свою заботу, с горячностью вызвался написать самую пламенную статью, если я дам ему соответствующий материал. Жил он это время в Москве, виделись мы с ним чуть не каждый день, и я рассчитывала, что при его талантливости статья выйдет действительно хорошая, если я наложу узду на пылкость его воображения и на самоуверенную небрежность исполнения. Но, получив от меня материал, Шарапов уехал в свое имение, там среди хозяйственных хлопот действительно хаотически распределил содержание своей статьи и приподнес ее мне[a] в корректуре за два дня до выхода № «Русского Дела».[1] Тут, пожалуй, начинается моя вина. Мне бы[b] следовало предпочесть полное молчание такому напоминанию о покойном, но с мыслию об этом игнорировании я помириться никак не могла. Если бы я еще знала, что, кроме меня, найдется еще кто-либо, кого это огорчит, я, может быть, и нашла бы в себе силы задержать печатание Шараповской статьи, но… Я этого не знала по сей день. Если я виновата, так я искупила свою вину волнениями, которые тогда пережила и которые оживило во мне Ваше письмо.

Не помню, говорили мы с Вами о Т. И. Филиппове? У него много писем Н<икиты> П<етровича>, и ему должно быть очень многое известно из жизни Н<икиты> П<етровича>.[2]

У Кошелева [1] все-таки должно быть много писем Н<икиты> П<етровича>, потому что у Н<икиты> П<етровича> было немало писем от него. Н<икита>

---

[a] *Далее зачеркнуто*: написали.

[a] *Далее зачеркнуто*: за.

[1] См.: *<Шарапов С. Ф.>*. Ко дню памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1888. 9 апр. № 15. С. 1.

[b] *Далее зачеркнуто*: пожалуй.

[2] См. раздел 2.9 и нашу публикацию: *Переписка с Филипповым*.

П<етрович> до последних дней отзывался о Кошелеве с любовью и уважением, и о ссоре я ничего не слышала.[2]

Глубоко уважающая Вас А. Гальперсон.

8*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 28 апреля 1893 г.

28 апреля 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Последние Ваши два письма совпали с болезнью моих детей,[3] внушавшей мне тем более опасений, что на одной лестнице с нами умерла от дифтерита 14-летняя девочка. Я поэтому не могла собраться с мыслями, чтобы отвечать на все поставленные Вами вопросы и обратиться к Вам с теми, которые возникли у меня за последнее время.

Сколько мне известно, в оставленных бумагах Н<икиты> П<етровича> нет чернового наброска с записки его К. П. Победоносцеву по поводу управления его типографией.[4] Говорю «сколько мне известно» потому, что замечаю в себе в самое последнее время ужасающее ослабление памяти и все больше и больше перестаю доверять ей. Не в первый раз пересматривая теперь имеющиеся у меня

---

[1] Александр Иванович Кошелев (1806—1883) — публицист-славянофил, издатель «Московского Сборника» (1852), журналов «Русская Беседа» (1856—1860), «Сельское Благоустройство» (1858—1859).

[2] Ссора с Кошелевым случилась в 1859 г. из-за нежелания Гилярова-цензора пропустить некоторые статьи по крестьянскому вопросу. См. об этом раздел 1.4.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 5—8 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон / Москва». Красным карандашом князь Шаховской сделал отметку о получении или ответе: «30 ап<реля>».

[3] У Гальперсон было пятеро детей: Владимир, Евгения, Николай, еще одна дочь (ее имя нам неизвестно) и сын Сергей; по семейному преданию, Анна Михайловна умерла при родах очередного ребенка. Известно, что Евгения Сергеевна Гальперсон (в замужестве Хохлова) стала переводчицей, а Сергей Сергеевич Гальперсон (1893—1952), женившись на дочери известного эндокринолога Евгении Васильевне Барановой (1895 —кон. 1970-х), впоследствии взял фамилию жены, работал редактором «Научного книгоиздательства», в 1930 г. был репрессирован, умер в тюрьме.

[4] Имеется в виду письмо Гилярова к Победоносцеву от 8 ноября 1883 г. (*Разумевающие верой*. С. 205—216).

бумаги Н<икиты> П<етровича>, я встречаю документы и имена, о которых меня спрашивали и о которых я отзывалась незнанием, тогда как их вид и содержание напоминают мне, что они мне и раньше были знакомы. Страх, который внушило мне это открытие в самой себе, заставил меня заняться составлением описи всего рукописного наследства Н<икиты> П<етровича>. Когда она будет у меня окончательно составлена, я с большей уверенностью буду отвечать тогда на Ваши вопросы.

Писем Юрьева[1] в бумагах Н<икиты> П<етровича> очень немного; у Юрьева же должно было их быть немало. Я обращусь к дочери Юрьева[2] и узнаю от нее обо всем. Ее можно застать дома только по праздникам, так как она служит на железной дороге, так что визит свой к ней я оставляю до воскресенья.

Веселовский — профессор Московского университета.[3] Бумаги Юрьева находились у него в руках, вероятно, только во время составления статьи о нем.[4] Мне говорили, что Юрьев-сын сохраняет в порядке и неприкосновенности все, оставшееся после отца. Впрочем, я узнаю обо всем этом в подробности.

Сенатову я писала еще до Вашего письма, но ответа не получила.[5] Может быть, он все еще в Москве (я писала в Академию), а здешнего его адресса я не знаю. Впрочем, здесь он мне и не нужен. Когда бы он в Академию ни возвратился и когда бы ни передали ему мое письмо, он сделает всё, о чем я его прошу.

У И. В. Павлова[6] действительно писем Н<икиты> П<етровича> очень много, и все они представляют собою высокий интерес. Он был управляющим Казенною палатою в Витебске до последних дней Н<икиты> П<етровича>. Где он

---

[1] Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888) — критик, издатель, председатель Общества любителей российской словесности (с 1878 г.), математик и астроном; друг Гилярова.

[2] Доминика Сергеевна Юрьева.

[3] Алексей Николаевич Веселовский (1843—1918), литературовед, профессор Московского университета и Высших женских курсов; председатель Общества любителей российской словесности (1901—1904), почетный академик (с 1906 г.); автор работ по западноевропейской литературе.

[4] Статья Алексея Веселовского о Юрьеве («Из воспоминаний о старом друге») опубликована в изд.: В память С. А. Юрьева: Сборник, изданный друзьями покойного. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1890.

[5] Более раннее письмо В. Г. Сенатова к Гальперсон (от 27 сентября 1889 г.) см. ниже.

[6] Иван Васильевич Павлов (псевд. Л. Оптухин; 1823—1904) — врач, литератор.

теперь, я не знаю. Думаю, что в Петербурге Вам будет нетрудно узнать о нем: он — видное чиновное лицо.

Теперь не время спорить, да и не я стану, конечно, тормозить едва начавшееся дело издания трудов Н<икиты> П<етровича>, но, по моему крайнему разумению, издание все-таки должно бы начаться с неизданных трудов, а не с газетных статей, как советует Победоносцев. То, что находится на газетных столбцах, погибнуть уже не может и рано или поздно увидит свет в отдельном издании. Рукописи же могут и сгореть и поблекнуть и истлеть, а главное — для издания их требуется труд не механический, каким более или менее будет издание и объединение газетных статей, а почти творческий. Нужно спешить с этим, пока живы мы, люди, которым дорога каждая строка Н<икиты> П<етровича>, которые лично от него получили кое-какие[a] указания. Я знаю, что в настоящую минуту речь идет о сборнике в память Н<икиты> П<етровича>, а не о собственных его трудах, но знаю и то, что, когда наступит момент издания этих последних, поздно уже будет сговариваться. Я высказываю свое мнение, а в решении вполне подчинюсь мнению большинства лиц, которые принимают этот вопрос близко к сердцу.

Неизвестно ли Вам или не можете ли Вы узнать от других, представлял ли Н<икита> П<етрович> какой-либо доклад о своей заграничной командировке для изучения еврейского вопроса? В рукописях очень много относящегося к этой командировке, а мне помнится, что Н<икита> П<етрович> как-то вскользь упоминал о напрасно потерянных трудах.[1] У меня осталось впечатление, что он не мог собраться, чтобы объединить весь собранный материал.

---

[a] *Было*: какие-либо.

[1] Гиляров, очевидно, имел в виду запрещение его книги по еврейскому вопросу, подготовленной им к изданию в 1861 г. См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143.

У меня находится под руками интересная бумажка: запись отца Н<икиты> П<етровича> о рождении его детей.[1] Н<икита> П<етрович> был тринадцатый по счету и родился, как я говорила Вам, 23 мая 1824 г.

Собрала я большую переписку Н<икиты> П<етровича> с Лавровым,[2] а записки, о которой Вы говорили, *пока* нет. Не решаюсь сказать, что ее *совсем* нет.

Аксаков[3] очень желает участвовать в сборнике.

О бумагах Кошелева узнаю.

Удалось Вам узнать что-нибудь о письмах Н<икиты> П<етровича> к И. С. Аксакову?[4] Там должен быть целый клад.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

9*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 5 мая 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Вы забыли сообщить мне, кто указал Вам на Эфрона[5] и были ли Вы предупреждены относительно одной его черты, которую нужно необходимо иметь в виду. Эфрон — человек несомненно искренно и глубоко уважающий память Н<икиты> П<етровича>, но он в высшей степени недостоверный свидетель. Он настолько прикрашивает каждый свой рассказ вымышленными подробностями, что отделить правду становится совершенно невозможно, тем более что и сам он не знает при этом, где кончается правда и начинается вымысел. Он и Н<икиту> П<етрови>ча ставил неоднократно в неловкое положение, когда Н<икита>

---

[1] Опубликовано нами под назв.: Записка священника Петра Матфиевича Никитского указанием дней рождения его детей // *Гиляров: ИМБР*. С. 228—231.

[2] Сохранилось 24 письма Гилярова к директору Хозяйственного управления при Св. Синоде В. А. Лаврову за 1863—1867 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 431—434).

[3] Назван Н. П. Аксаков.

[4] По этому вопросу князь Шаховской списывался с наследовавшей Аксаковский архив О. Г. Аксаковой, племянницей Ивана Сергеевича.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 9—12 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон / Москва».

[5] Речь идет о С. К. Эфроне.

П<етрович> на основании его слов сообщал о чем-нибудь в газете, а нас он тем более может ввести в заблуждение, что рассказывает о фактах, лично нам неизвестных. Если он напишет свое воспоминание о знакомстве Н<икиты> П<етровича> с графом Толстым,[1] надо будет, мне кажется, самого графа попросить о проверке этого воспоминания.

Если бы я знала, что Вы увидитесь с Эфроном, я попросила бы Вас узнать у него, что сталось с[a] четвертой главой «Логики раскола», которую он обещал мне пристроить в одном из петербургских исторических журналов и которая вот уже два года находится в его руках. Мне кажется, что всего лучше будет прямо потребовать ее от него, и если Вам это нетрудно, будьте так добры, скажите ему от моего имени, чтобы он передал ее Вам.[2] Я больше года не имела никаких известий об Эфроне и на последние письма, в которых просила возвратить рукопись, не получила ответа; они, вероятно, им и не получены, потому что он мог уже с тех пор и квартиру переменить.

Разумеется, сообщение мое о болезненной черте Эфрона останется между нами.

Вы меня просто испугали сообщением о Корнилове. Он жив, и я, стало быть, либо смешала его с кем-нибудь, либо должна занести еще один факт к тем, которые подтверждают ослабление моей памяти. Для дела, конечно, хорошо, что он жив: у него и переписка с Н<икитой> П<етровичем> была большая[3] и лично он может о нем сообщить много. Как хорошо Вы сделали, что написали митро-

---

[1] Опубликовано 10 лет спустя: *Эфрон С.* Н. П. Гиляров и гр. Л. Н. Толстой // *Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1*

[a] *Далее зачеркнуто*: письмом.

[2] Князь Шаховской опубликовал эту рукопись: *Гиляров-Платонов Н. П.* Логика раскола: (Письма к И. С. Аксакову): Письмо IV / Предисл. Князя Н. Ш<аховского> // *РО*. 1895. Т. 35, окт. С. 456—466.

[3] Известно только 4 писем Гилярова к И. П. Корнилову за июль-сентябрь 1887 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592).

политу Михаилу:[1] я уверена, что кроме писем он сам что-нибудь даст для сборника. Редко кто так тепло относился к Н<иките> П<етровичу>, как он.

Почему Вам казалось, что записка Н<икиты> П<етровича> о командировке за границу должна быть в Вашем министерстве? [2] Н<икита> П<етрович> командирован был Министерством народного просвещения, для изучения вопроса о том, как привлечь евреев в общие учебные заведения. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь:[a] инструкция написана на листе, не имеющем никакого заголовка, и подписана кн. Вяземским.[3]

Аксаков мне говорил, что и он слышал от Н<икиты> П<етровича> жалобу на то, что труд его пропал даром, и что записка, по всей вероятности, подана не была.

Едва ли Н<икита> П<етрович> писал кому-либо из-за границы.[4] Не в его привычках было делиться внешними впечатлениями. Ни в одном его письме вообще ничего подобного не замечается, так что если он кому и писал оттуда, так эти письма того материала не дадут, какого Вы ждете.

Формуляр Н<икиты> П<етровича> должен находиться в руках его жены. Для чего он мог Вам понадобиться? Для хронологии его службы?

Бессонов, если и жив, не может быть полезен для сборника. Знакомство его с Н<икитой> П<етровичем> началось со страстной дружбы, о которой Н<икита> П<етрович> упоминает даже в своих воспоминаниях,[5] а окончилось враждой, следы которой остались в имеющихся у меня документах.

---

[1] Митрополит Михаил (в миру, до 1853 г., Милое Милованович Йованович; 1826—1898) — выпускник Киевской духовной академии (1853), епископ Шабацкий (с 1854 г.), митрополит Сербский (1859—1881, 1889—1898).

[2] Князь Шаховской с 1882 г. служил чиновником особых поручений при министре внутренних дел.

[a] *Далее зачеркнуто*: бумага, котор<ая>.

[3] Упомянут князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), поэт, критик, мемуарист; товарищ министра народного просвещения (1855—1858), обершенк Двора, член Государственного совета и сенатор (с 1859 г.).

[4] Помимо заграничных писем Гилярова родным, известно его письмо С. Т. Аксакову от 24 июля / 5 августа 1857 г. из Эмса / Публ. А. П. Дмитриева // Русская литература. 2010. № 4. С. 207—210.

[5] Отсылка к главе LX («Три друга») книги «Из пережитого».

Не может ли Эфрон припомнить, в какое время был фельетонистом названный им Ник<олай> Алексеевич? Я по фамилиям почти всех знаю, а по имени и отчеству почти никого.

Из бывшего при мне состава редакции вряд ли кто может пригодиться: всё это люди мелкие, и если даже были расположены к Н<иките> П<етровичу>, так едва ли понимали его. Он с некоторыми переписывался, но, думаю, что письма были[b] больше делового содержания.

Павел Прусский[1] и архимандрит Златоустинского монастыря,[2] если он еще не перемещен, действительно могут сообщить кое-что.

В Петербурге должны быть очень интересные письма Н<икиты> П<етровича> к И. А. Пашкову, сыну Т. П. Пассек: Пашкова в живых уже нет[3] (это факт: с Пашковым я лично была знакома), но у него была жена,[4] которая должна была сохранить его бумаги. Пашков служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Где теперь его жена, я не знаю.

Почему Вам кажется, что издать сборник в Петербурге лучше, чем в Москве? Может быть, в Петербурге удобнее, но в Москве было бы приличнее уже потому, что Н<икита> П<етрович> жил в Москве и любил ее.

---

[b] *Слова*: письма были — *написаны над строкой*.

[1] Павел Прусский (в миру, до 1848 г., Петр Иванович Леднёв; 1821—1895) — миссионер, архимандрит (1880), духовный писатель; старообрядец-федосеевец (до 1868 г.), затем присоединился к единоверию, настоятель (1848—1851, 1852—1867) старообрядческого Войновского монастыря в Экертсдорфе (Восточная Пруссия, ныне Польша); настоятель московского Никольского единоверческого монастыря (с 1868 г.).

[2] Возможно, речь идет об архимандрите Григории (в миру Николай Иванович Воинов, при рождении Борзецовский; 1832—1896), настоятеле Златоустинского монастыря в Москве в 1867—1873 гг., духовном писателе.

[3] Дипломат и журналист Ипполит Александрович Пашков (1847—1889) был знаком с Гиляровым с 1860-х гг.; он приходился не сыном, а племянником мемуаристке Татьяне Петровне Пассек (ур. Кучина; 1810—1889).

[4] Жена И. А. Пашкова — русско-французская журналистка и литератор Лидия Александровна Пашкова (ур. княжна Глинская, в первом браке Телешова; 1850 — после 1917). Она автор нескольких романов и пьес, петербургская корреспондентка французской газеты «Figaro» и харьковской газеты «Южный Край».

Поведение Романова действительно странно, но я не допускаю, чтобы он руководствовался при этом дурным чувством. Он ленив и в своих болезнях находит самый удобный предлог к тому.

У меня опять больна младшая дочь, и тревожное мое состояние виновато в нескладности и отрывочности письма.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

10*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 13 мая 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Благодарю за присланную брошюрку [1] и за исполнение моей просьбы. Последним Вы меня даже смутили: я рассчитывала на случайную встречу Вашу с Эфроном и никак не думала беспокоить Вас специальным к нему визитом.

Очень жаль, что в последнем письме Вы не упоминаете, виделись ли Вы снова с Романовым. Ввиду «афронта» у Суворина [2] Романов мог бы попытать почву у Афанасия Васильевича Васильева,[3] издателя «Благовеста» и главного правительственного контролера железных дорог или Общества Российских железных дорог (названия всяких должностей для меня камень преткновения). Васильев — человек идеи, и если Романов заинтересует его Н<икитой> П<етрови>чем, можно надеяться, что он нам поможет.

Я за предшествующие годы истощила свою изобретательность и совершенно не могу придумать, к кому бы я еще могла здесь обратиться, кто не успел

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 13—14 об.

[1] Речь идет об издании: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицист. очерк. Ревель, 1893. 84 с.

[2] *Афронт* — зд.: неудача. Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — журналист, издатель публицист, театральный критик, прозаик. Видимо, он отказался участвовать в издании сборника писем Гилярова и воспоминаний о нем.

[3] Афанасий Васильевич Васильев (1851—1929), публицист славянофильского направления, генерал-контролер Департамента железнодорожной отчетности (1893—1896), издатель журнала «Благовест» (1890—1896), в котором Романов-Рцы сотрудничал.

уже раньше отказать мне в содействии. Когда Вы приедете сюда, можно будет обратиться к М. Н. Лопатину:[1] он лично едва ли в состоянии помочь, но, может быть, укажет, к кому обратиться.

Как Ваши зубы?

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

11*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 20 мая 1893 г.

Москва, 20 мая 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Прежде нежели Вы будете говорить с Петровским,[2] мне хотелось бы указать Вам на людей, имена которых не внесут в сборник никакого диссонанса и о которых вспомнила я уже после свидания с Вами.

Кроме Ф. Н. Плевако,[3] участие которого очень желательно, изданию сборника, может быть, не отказались бы помочь: 1. Петр Кузьмич Прянишников,[4] владелец книжного магазина в Петровских линиях, издатель многих книг и бывший член фирмы Кувшинова, которою издана книга «Из пережитого»; 2. Александр Федорович Морокин, фабрикант и бывший корреспондент «Совр<еменных> Изв<естий>» из Вичуги. 3. Василий Семенович Щеколдин,[5]

---

[1] Михаил Николаевич Лопатин (1824—1900) — тайный советник, председатель департамента Московской судебной палаты; отец философа Льва Лопатина; близкий друг Гилярова.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 1—2.

[2] Видимо, назван Сергей Александрович Петровский (1846—1917) — преподаватель русского права в Московском университете (1873–1878); сотрудник (с 1880 г.) и редактор-издатель (1887—1896) «Московских Ведомостей».

[3] Федор Никифорович Плевако (1842—1908) — адвокат, юрист, судебный оратор; приятель Гилярова. См. речь Плевако над могилой Гилярова: Московский Листок. 1887. 20 окт. № 292. С. 2.

[4] Петр Кузьмич Прянишников (1851 — не ранее 1904), совладелец писчебумажной фабрики в Тверской губернии, председатель Московского общества велосипедистов-любителей; редактор-издатель.

[5] В. С. Щеколдин владел писчебумажной и картонной фабрикой в Костромской губернии; он выручал Гилярова, одалживая ему деньги или отпуская бумагу в долг.

фабрикант, с которым Н<икита> П<етрович> имел какие-то дела и с которым был очень дружен. 4. Кольчугин,[1] бывший настоящий старшина Мещанского общества, председатель Правления [a] Средних рядов, владелец типографии.

Если эти лица не захотят помочь [b] изданию единолично, может быть, каждый из них внесет свою лепту, которые не могут быть малы, потому что всё это люди со средствами. Может быть, Плевако укажет кого-нибудь еще. Петровского же, мне кажется, следует оставить на самый последок, когда свет сойдется клином. Как Вы полагаете?

Оставленную Вами рукопись я прочла и заключение свое о ней передам Вам лично.

Не заметили ли Вы лишнего листочка в письмах Н<икиты> П<етровича> к Романову, которые переписаны мною. Не досчитываюсь я начала одного письма.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

12*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 9 июня 1893 г.

С.-Петербург, 9 июня 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Я в Петербурге с сегодняшнего утра, никого и ничего не успела видеть и пишу Вам только для того, чтобы Вы знали, куда обратиться, если Вам понадобится сообщить мне что-нибудь или спросить о чем-либо.

С Романовым рассчитываю повидаться завтра. Представьте себе! Письмо к нему Никиты Петровича, которое мы с Вами нашли в последнее наше свидание, оказалось без конца или, вернее, с концом от другого какого-то письма, тоже, по-

---

[1] Александр Григорьевич Кольчугин (1830—1899) — основатель (1870) крупнейшего в России предприятия по обработке цветных металлов (ныне в г. Кольчугино). Возглавлял (с 1888 г.) общество Верхних торговых рядов на Красной площади; владел типографией.

[a] *Далее зачеркнуто*: Верхн<их>.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: участвовать в.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 3—3 об.

видимому, очень интересного. Может быть, конец одного и начало другого письма находятся в числе тех, которые взяты Вами в последний раз для просмотра, но Вам трудно будет догадаться о них, если они и попадутся Вам под руку.

В Москву возвратиться я рассчитываю 16 или 17-го числа. Вы, кажется, около этих же чисел думали приехать с дачи для встречи Вашего брата,[1] так что нам можно будет повидаться до отъезда моего в деревню.

Морокину я напишу уже отсюда. Сама себя жестоко браню, что так долго задержала свое к нему письмо, так[a] Вы уже не браните.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

13*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 13 июня 1893 г.

С.-Петербург, 13 июня 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

В день, назначенный для свидания с Романовым, он не явился вследствие очень прозаической болезни. Я, конечно, другого дня не назначала, но думала, что у него хватит настолько благовоспитанности, чтобы придти с визитом или хоть написать извинительное письмо. Ни того, ни другого до сих пор не произошло. Между тем я слышала, что он уже готовил как-то к печати переписку свою с Никитою Петровичем и что хотя проект его в исполнение приведен не был, но рукопись вполне готова. Говорил он Вам об этом? Мне помнится, он обещал Вам «приготовить», а не передать уже готовое.

Мне кажется, придется теперь снова прибегнуть к Вашему личному или письменному с ним общению и тем или иным способом испросить у него то, что им сделано. Возможно, конечно, что в готовой рукописи у него приведены не все

---

[1] Вероятно, речь идет о князе С. В. Шаховском.

[a] *Далее зачеркнуто*: что.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 4—5.

письма Никиты Петровича. Вообще, я с каждым разом убеждаюсь, что Романов — человек, с которым обыкновенный образ действий не приводит ни к чему: для себя он не признает никаких законов общежития. Если бы не так ценны были письма к нему Н<икиты> П<етровича>, на него давно следовало бы махнуть рукой. Он даже не поинтересовался тем письмом Н<икиты> П<етровича>, которое я для него привезла, и я, должно быть, отвезу его обратно. Конечно, я могла бы передать ему через третьи руки, но меня[a] просто злит его поведение, и это будет маленькой местью.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

14*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 6 июля 1893 г.

6 июля 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович! Сфинкс и для меня начинает выясняться, но не знаю, так ли для Вас, как для меня.

Я уже давно стала замечать, что Романов принадлежит к тем непризнанным художникам слова, которые в просторечии называются вралями, хотя это слово не вполне их характеризует.

Эти люди, очерчивая, например, чью-нибудь худобу, не остановятся до тех пор, пока не уподобят ее толщине почтового листа; желая сказать, что кто-нибудь толст, они не помирятся на меньшем, нежели объем земного шара. Уловив один ничтожный штрих, они со страстностью набрасывают целую картину и не успокоятся, пока она не получит самой крайней яркости и выпуклости. Если речь идет о смирении собственном или чужом, пределом ему служит падение ниц со всеми аксессуарами; если превозносить, так уж до небес.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: немножко.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 6—9 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

Перечитайте письма Романова (впрочем, у Вас их немного), но если бы Вы просмотрели несколько кряду, Вы увидали бы, что нигде и ни в чем он не останавливается на средине. Заговорите с ним о гениальности Никиты Петровича, только о гениальности[a], без отношения к тому, кто будет знакомить публику с этим гением, и он, увлекшись словом, непременно скажет, что столетия пройдут, пока его поймут, и то лишь наполовину. У меня есть его письмо, в котором он приблизительно в таком смысле высказывается о Н<иките> П<етровиче>.

Я не знаю, что было в Вашем письме к Р<оманову>, но уверена, что одно какое-нибудь слово или общее от письма впечатление затронуло в нем жилку самомнения, а может быть, просто заставило его подумать о том, что́2 требуется для издателя сочинений Н<икиты> П<етровича>, и картина выросла у него постепенно из-под пера, для него самого неожиданно.

А интересно было бы спросить его, если у Гилярова был ум «возбужденный, но неуправленный»,[1] какого рода дух нужен человеку, который берется проникнуть в *дух* его трудов? Какую систему можно найти в подобных [a] трудах? А ведь последняя выписанная Вами фраза из его письма сама собою вытекала из предшествующего: занесшись, автор письма не мог уж остановиться, не добравшись до Геркулесовых столбов.

Очень жаль, что Вы раздумали отвечать ему именно в том духе, как хотели. Вы совершенно верно говорите, что по одной оригинальности воззрений Н<икиты> П<етровича> никак нельзя вообразить, какую сторону предмета он бы выдвинул и осветил в каждом данном случае. Но Вы правы, впрочем, и в том, что кроме раздражения от Романова ждать нечего. И в раздражении он так же мало умеет останавливаться на средине, как и в смирении и самовознесении и во всем остальном.

---

[a] *Слова*: только о гениальности — *вписаны над строкой*.

[1] Согласно изустному преданию, так в свое время охарактеризовал Гилярова митрополит Филарет (Дроздов).

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: его.

Да, вопрос о сборнике, который вначале страшил нас одной материальной стороной, становится все более затруднительным. Это еще полбеды, если Романов вздумает в «Благовесте» уличать в чем-нибудь составителей сборника. Гораздо хуже будет положение, если сам он напишет что-нибудь такое, в чем нам придется потом уличать его.

Шарапов не страшен. Предисловие к его сочинениям[1] — сплошное фанфаронство, и вред от него может быть только для самого автора. Всякий, ни разу не слышавший раньше имени Гилярова, прочитав о нем у Шарапова, подумает, что вот-де имя, очевидно славное, упоминается человеком, который никогда ничьим учеником не был, не будет и быть не может. Притом Шарапов, припертый к стене, всегда легко отречется от того, что́ им высказывается так же неожиданно для других, как и для самого себя. Романов со своей болезненною раздражительностью гораздо опаснее; притом письма к нему Н<икиты> П<етровича>, очевидно дружеские, придают ему апломб, которого ни у Шарапова, ни у многих [a] других быть не может.

Очень бы мне хотелось, чтобы Вы написали ему письмо, как думали, упомянув как-нибудь [b] вскользь, что в сущности он мало читал того, за кого берется говорить безошибочно. В высшей степени интересно и впечатление, которое произведет на него непосланное письмо Ваше к Павлову. С такими людьми, как Романов, надо говорить властно.

Письма к Желтухину [2] заслуживают ли переписывания? Если в них мало интересных сведений, не напрасно ли Вы трудитесь? Я думаю, в подобных случаях достаточно перечитать все письма и отметить лишь то, что в действительности интересно.

---

[1] Речь идет об издании: *Шарапов С. Ф.* Сочинения. СПб.: Рус.-слав. кн. склад, 1892. Кн. 1.

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[b] *Было*: где-нибудь.

[2] Алексей Дмитриевич Желтухин (1820—1865) — публицист, издатель-редактор «Журнала Землевладельцев» (1858—1860), член Редакционных комиссий по подготовке Крестьянской реформы.

Я вчера только возвратилась в Москву, и не успела еще приняться за занятия. Как только мои работы начнутся, я стану сообщать Вам о них с той же точностью, с какой Вы делитесь со мною своими, за что я Вам бесконечно благодарна.

Глубоко уважающая Вас А. Гальперсон.

15*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 8 августа 1893 г.

Москва, 8 августа 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Ваше письмо получено было мною в самый разгар переезда с квартиры на квартиру, и потому я замедлила ответом. А между тем Вы меня очень заинтересовали отрывком Новикова[1] о Никите Петровиче. Вот они «мнения и отзывы очевидцев». Как хотите, а я не могу себе представить Никиту Петровича, в каких бы условия жизни он ни был поставлен, в образе «чиновника», рассчитанно холодного, мало интересующегося вверенным ему делом. Не было дела, в котором он не сумел бы найти глубины, общего интереса, которому он не захотел бы придать порядка, какой ему казался наилучшим, внести систему, от которой все дело приобретало бы единство.

Это вообще. Но от того времени, когда Никита Петрович управлял Синодальной типографией, сохранилось множество документов, где не только он входит в малейшие подробности дела, находя, например, неудобным сохранять библиотеку в холодном помещении и с свойственной ему логичностью приводя всевозможные доводы в пользу своего мнения, но даже является в образе заботливого начальника, отечески увещевающего одного из своих подчиненных пре-

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 10—11 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] В свое время, будучи секретарем, а затем инспектором Синодальной типографии, Н. Н. Новиков распространял сплетни о своем начальнике Гилярове. Видимо, он их повторил в письме к князю Шаховскому в 1893 г.

кратить пьянство, потому что семья его страдает от этого материально и нравственно.

Для меня отзыв Новикова до того показался неожиданным и ни с чем несообразным, что я готова была предположить, уж не смешал ли он одного какого-нибудь управляющего Синодальной типографией с другим.

Вы ни словом не обмолвились о том, какое на Вас впечатление произвело письмо Новикова, а это мне чрезвычайно интересно, так как и Вы видели Никиту Петровича в разные времена и в разных положениях.

С цензором Федоровым,[1] я думаю, хорошо знаком Ф. А. Гиляров. Но мне кажется, что Вам никакие «ходы» не нужны. Федоров хотя довольно сухой чиновник, но человек, искренно и открыто уважавший Никиту Петровича. Цель, которую Вы преследуете, собирая о нем сведения, несомненно вызовет в Федорове сочувствие.

Романов так и не откликается? А время идет!

Мой новый адресс: Архангельский пер. у Чистых прудов [a], д. Елисеевых, кв. № 4.

Глубоко уважающая Вас А. Гальперсон.

16*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 16 августа 1893 г.

Архангельский пер., д. Елисеевых, кв. № 4.

16 августа 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

---

[1] Вениамин Яковлевич Федоров.

[a] *Слова*: у Чистых прудов — *вписаны над строкой*.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 12—12 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

Пишу наугад, почти уверенная, что письмо мое Вас уже в Ивановском не застанет, так как погода нисколько не располагает к дальнейшему пребыванию на даче. Отвечу Вам поэтому коротко.

Я ничего не могла бы возразить против составленной Вами публикации,[1] если бы мне не казалось, что прямое указание на лиц, от которых ожидаются сведения, ведет скорее к цели. Впрочем, не зная Ваших соображений, не хочу настаивать на своем мнении.

Заметку в «Нов<ом> Вр<емени>» я разыскала уже после Вашего письма и нахожу, что она составлена не в Эфроновском духе. Подумала я было еще на Шарапова, но, во-первых, и он пишет не так, как написана заметка, а во-вторых, ему ничего неизвестно о переписке Ник<иты> Пет<ровича> с Великой Княгиней Еленой Павловной. Известие получено «Нов<ым> Временем», очевидно, от человека, совсем постороннего, потому что никто, сколько-нибудь знавший Ник<иту> Пет<ровича>, не назовет его «публицистом-славянофилом».

О своих работах сообщу Вам уже лично.

Глубоко уважающая Вас А. Гальперсон.

17*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 29 сентября 1893 г.

29 сентября 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Вы спрашиваете, нет ли у меня чего-либо, касающегося цензурной службы Никиты Петровича. Забыла я тогда упомянуть о письме Н<икиты> П<етровича> к К. С. Аксакову (которое, впрочем, кажется, было уже у Вас в руках), о письмах

---

[1] *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427—430.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 1—1 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

к Н<иките> П<етровичу>чу И. С. Аксакова, письмах Каткова и Леонтьева (кстати, я их не нахожу: не у Вас ли они?).

Кроме того, после Вашего ухода (или, впрочем, на другой день, потому что после Вашего ухода я слегла в сильнейшем нервном припадке) я нашла письмо некоего Щербинина,[1] касающееся увольнения Н<икиты> П<етровича> из цензоров. Щербинин приводит точную копию письма к нему министра Головнина. Министр говорит, что Гилярова должно заменить лицом, которое ближе знакомо с современными требованиями. Вы это письмо увидите, конечно. Пишу же я Вам о нем для того, чтобы Вы приняли его к соображению при просмотре документов в Цензурном комитете.

Я нашла также две-три бумажонки, касающиеся дела, с которым Вы теперь знакомитесь.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

18*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 5 октября 1893 г.

Надеюсь, глубокоуважаемый Николай Владимирович, что письмо мое застанет Вас еще в Москве и Вы успеете черкнуть мне словечко.

Как мне быть, если Бартенев обратится ко мне? Дать ему письмо графини Блудовой[2] мне бы не хотелось по многим причинам, которые я Вам когда-нибудь изложу, а не давать, — на что сослаться? Пожалуйста, дайте совет! Один только раз попробовала я иметь дело с Б<артеневым>, но у меня осталось впечатление такое, что повторения я бы не желала.

---

[1] Михаил Павлович Щербинин (1807—1881) — сенатор (с 1856 г.), председатель Московского цензурного комитета (с 1860 г.), начальник Главного управления по делам печати (1865—1866); историк, мемуарист.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 2—2 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[2] Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1812—1891) — камер-фрейлина имп. Марии Александровны, писательница, мемуаристка. П. И. Бартенев просил письмо для публикации его в «Русском Архиве» (см. об этом ниже п. 20), но этот замысел не воплотился в жизнь.

Если Вы посоветуете дать Б<артеневу> письмо, потрудитесь научить меня кстати, на каких условиях сделать это.

Ваше письмо вообще взволновало меня и подняло целую волну мыслей и чувств, но об этом в другой раз. Я знаю, что пред отъездом Вам будет не до меня, но очень и очень прошу Вас, если успеете, посоветовать, как говорить с Бартеневым.

Желаю Вам счастливо доехать, сохранить в Петербурге то здоровье, которое Вы успели накопить за лето, и продолжать начатое Вами дело так же успешно, как вели Вы его до сих пор.

Все мои шлют Вам поклон и пожелание счастливого пути.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

5 октября 1893 г.

19*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 13 октября 1893 г.

13 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Вы были так добры, доверили мне «на ушко» возникшую в Вас радостную надежду. Своим молчанием на это письмо я провинилась пред Вами дважды. В виде покаяния повинюсь пред Вами в большой неблагодарности.

Знаете ли, что Ваша радость отозвалась во мне не то что разочарованием, а как бы это сказать? Чувство мое было такое, какое должен испытывать офицер, разжалованный в рядовые. Я столько лет лелеяла в себе мысль, что изданием сочинений Н<икиты> П<етровича> займусь именно я, так внутренний мир заполнен был этой работой и связанной с ней деятельностью, что в первую минуту пустота образовалась невыносимая и поэтому в ответном письме своем к Вам я го-

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 3—6. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

ворила только о Бартеневе и ни слова о том, что̀ меня должно было заинтересовать не меньше Вашего.

В оправдание себе должна сказать, что чувство это было непродолжительно. Ведь в сущности ничего не изменилось. Ведь *работать* над изданием никто и ничто мне не мешает. Ведь мечтала я не о прославлении своего имени, которого и выставлять никогда не помышляла. Вы сами и указываете мне на то, что̀2 я должна делать. Можете быть уверены, что более преданной помощницы в этом деле Вам не найти и что Вы во мне больше никогда не встретите неблагодарности.

Составление оглавлений для статей в «Совр<еменных> Изв<естиях>» у меня подвигается, но мне немножко непонятно, почему труд о глаголах должен быть отложен. Н<икита> П<етрович> сам придавал этому труду громадное значение, а так как его, то есть труд этот, совсем уже никто не знает, то не должен ли он появиться в свет если не раньше, то хоть одновременно с другими сочинениями Н<икиты> П<етровича>?

Затем еще недоумение. Я читаю статьи, озаглавливаю их на карточках и, зная их содержание, не должна ли сама раскладывать их хотя бы по крупным делениям: иностранные, внутренние, церковные и т. п. Не будет ли для Вас обременительно при всех Ваших работах дополнять еще мои? Как Вы полагаете? И не проще ли будет по окончании всего чтения приняться за классификацию?

Бартенев ко мне еще не обращался. Мне кажется, что и в этом деле я немножко погрешила против Вас. Верно ли я поняла? Бартенев должен ко мне обратиться за непосредственным моим согласием или за тем, чтобы Вам дать свободу решения? Если верно последнее, то простите, пожалуйста, за бестолковость и поступайте, пожалуйста, по собственному побуждению, нисколько не стесняясь моим нежеланием иметь дело с Бартеневым.

Кстати, меня очень интересует, что он мог сообщить [a] Вам о наших сношениях. Он действовал с апломбом торгаша (простите за выражение**!)**, сбивающего

---

[a] *Далее зачеркнуто*: он.

цену на товар, а я, пожалуй, играла при этом довольно глупую роль человека, не решающегося сказать своему собеседнику в глаза, что он неправ. Впрочем, Бог с ним!

Меня очень обрадовало полученное Вами от Алексея Ник<итича> письмо [1] и особенно тон его. Возможно, что на долю Вашу выпадет великое счастие примирить сына с памятью отца.

Сегодня годовщина смерти Н<икиты> П<етровича>. Не знаю, был ли кто на его могиле. Я не могла пойти, во-первых, потому, что теплое платье мое еще не готово, а во-вторых, вследствие франко-русских празднеств [2] я ложусь пред утром, так что встать рано для меня совершенно невозможно: обилие телеграмм из Парижа и Тулона задерживает меня на службе до 3 ч<асов> ночи и даже долее.

У меня есть к Вам просьба. Не можете ли Вы, при случае разумеется, узнать в Вашем министерстве, не значится ли там на службе Дмитрий Иванович Калиновский, и если значится, то может ли он по роду своей службы в министерстве занимать еще и частную должность? Простите за беспокойство. Разумеется, если просьба Вас затруднит, Вы не постеснитесь отказаться от ее исполнения.

От всего сердца желаю Вам всяких успехов в Вашем деле.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

20*

Князь Н. В. Шаховский — А. М. Гальперсон

Москва, середина октября 1893 г.

Душевноуважаемая Анна Михайловна,

---

[1] Имеется в виду письмо А. Н. Гилярова от 3 июня 1893 г., отличающееся сухим, отчужденным тоном (опубл. ниже).

[2] Празднества были приурочены к заключению Франко-русского военно-политического союза (1891—1893).

* Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 70. Л. 1—6 об.

Вы становитесь подозрительны, и это вынуждает меня на объяснение. Прежде всего обращусь к самой для меня острой части Вашего письма. Я Вам о Бартеневе написал сущую правду и по тону, и по существу [a]. Я Бартеневу рассказал о письме Блудовой, по какому поводу — не помню; он сейчас же запросил это письмо для «<Русского> Архива» [b]; на что я сказал, что письмо Бл<удовой> сдал Вам, что без Вашего разрешения дать ему снятую копию не могу, а у Вас просить для него стесняюсь. Так, кажется, было. Тут никакой с моей стороны задней мысли не было, а я излагал Вам только факты. Бартенев тогда взял Ваш адрес и сказал, что сам к Вам обратится.

Обратится ли он в дейст<вительности>, не знаю [a]. Вы думаете, что я такой кружный путь избрал для того, чтоб помощью его получить свободу обнародовать списанные мною у Вас письма? Пощадите, Анна Михайловна, и лучше возьмите данные Вами бумаги и мною списанный и добытый материал и передайте работу другому лицу, чем когда-либо допустите в душу свою хоть тень подобного подозрения. Ужели такое чистое дело, как наше, не может обойтись без недоразумений? Тем-то мне и казались дороги наши отношения, что Вы, собственница всех рукописей, владетельница больших сокровищ, доверяете мне для снятия копий все бумаги и письма, не спрашивая даже с меня какой бы то ни было гарантии в употреблении этого материала, не ведя ему описи, даете полной рукой, не глядя, что даете. Ужели Вы думаете, что я этого не вижу, не понимаю и не ценю, что я не питаю в душе моей глубочайшей к Вам благодарности и безграничного уважения за это доверие, из ряду выходящее и не многим даже понятное, что я могу как бы то ни было злоупотребить этим доверием? Нет, это не Ваше собственное подозрение, а чей-то лукавый шепот, от которого Вам должно зажать уши. Знаете, мне было бы даже очень неприятно, если бы это письмо Блудовой было напечатано теперь в «<Русском> Архиве», ибо это отняло бы

---

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: смыслу.
[b] *Слова*: для «Архива» — *вписаны над строкой*.
[a] *Это предложение вписано над строкой*.

свежесть новизны у соответствующего места жизнеописания. Но я не сказал Вам этого, дабы не стеснять Ваше решение.

Что касается до издания сочинений (средства для коего пока еще только журавль в небе), то, право, нам с Вами не из-за чего ссориться; а Вам не под стать испытывать чувство разжалованного в рядовые офицера. Издателем будет тот, кто даст деньги. Мы же с Вами оба будем редактировать, и почему Вы будете моею помощницею, а не я Вашим помощником — не знаю. Мы оба будем помогать другу, оба, как служащие, употреблять на это дело наш служебный досуг, оба не получим и не можем получить от этого трудного, сложного и утомительного дела никаких выгод — и оба с одинаковою скромностью можем не выставлять наших имен, или с одинаковою смелостью можем их выставить. — [a]

Не знаю, чем мое письмо могло подать Вам повод к разочарованию и к горьким строкам, какие Вы мне написали, когда во время наших бесед о том же весною, при обсуждении [b] предполагалось достать денег на изда<ние> [c] у Солдатенкова,[1] Вы были в совершенно другом настроении?

Почему мне кажется, что труд о глаголе следует отложить пока вовсе? По следующим основаниям, если Вы их признаете заслуживающими уважения. 1) Мы с Вами, помнится, неоднократно беседовали о том, что следовало бы исследование о глаголе представить в Академию Наук для разработки по правилам науки и для издания от Академии [d], а также буде возможно для снискания премии; что издание его в таком сыром виде, в каком оно ныне находится, едва ли желательно для его успеха. 2) 20 лет издания «Совр<еменных> Известий» представляет главный материал, подлежащий опубликованию, требующий огромного труда классификации. Это дело отнимет более всего времени, между тем Дмит-

---

[a] *Далее зачеркнуто сначала*: Все дело только в том, что мне счастливится попадать на намеки о средствах; *затем*: Ведь Вы все равно нуждались бы в помощи всегда, и <Вам> угодно не скрывать этого.

[b] *Слова*: при обсуждении — *вписаны над зачеркнутым*: когда.

[c] *Слова*: на изда<ние> — *вписаны над строкой.*

[1] Козьма Терентьевич Солдатёнков (1818—1901) — московский купец, текстильный фабрикант и книгоиздатель.

[d] *Слова*: от Академии — *вписаны над строкой.*

рий Федорович[1] может умереть или охладеть к этому предприятию и издание станет, особенно [e] если с самого начала [f] отвлечь силы к переписыванию и систематизации глагола, на что у Вас уйдет не менее года самого упорного труда. В год же Вы, если, быть может, и не покончите подбор статей, то подвинете эту работу значительно. —

Просьбою прислать мне дубли [g] карточек и предложением систематизировать, я хотел и [a] облегчить Ваш труд, и вместе привести для своей биографической цели в связь высказывавшиеся в «Совр<еменных> Изв<естиях>» вопросы с его работами, печатавшимися и писавшимися до газеты. Ведь не забудьте, что Ваше чтение «Сов<ременных> Изв<естий>» не может избавить меня от необходимости для изложения [b] мнений Н<икиты> П<етрович>а перечитать всю газету самому.

Затем я готов подчиниться всякому Вашему решению. —

Пока все сижу в Министерстве Нар<одного> Пр<освещения> и начал добираться до любопытных вещей. — В Публичной библиотеке я потерпел афронт: в описи бумаг, переданных Д. Ф. Тютчевой,[2] не нашлось ни одного письма Н<икиты> П<етрович>а. Придется обращаться с просьбою о разыскании писем к Ольге Григорьевне Аксаковой,[3] увезшей после смерти Ив<ана> Сер<геевича> два большие короба бумаг его. — Зато мне сказал Бычков, [4] что для меня разысканы письма Н<икиты> П<етровича> в бумагах гр. Блудовой, но, увы, писем

---

[1] Д. Ф. Самарин.

[e] *Это слово вписано над строкой*.

[f] *Слова*: с самого начала — *вписаны над строкой.*

[g] *Это слово вписано над зачеркнутым*: дубликаты.

[a] *Этот союз вписан над зачеркнутым*: только.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: характеристики.

[2] Дарья Федоровна Тютчева (1834—1903), дочь Ф. И. Тютчева от первого брака с баварской графиней Элеонорой Ботмер, камер-фрейлина; сестра А. Ф. Аксаковой.

[3] Ольга Григорьевна Аксакова (1848—1921) — издательница аксаковского наследия, внучка С. Т. Аксакова; ей посвящены «Аленький цветочек» и «Детские годы Багрова-внука».

[4] Афанасий Федорович Бычков (1818—1899) — историк, археограф, библиограф, палеограф, академик (1869), директор Публичной библиотеки (1882—1899), член Государственной совета (с 1890 г.).

этих оказалось только пять, и не знаю, от кого сданы [c]. О Бессонове Бычков невысокого мнения и полагает, что тот способен письма Н<икиты> П<етрович>а *продать*, причем сперва будет показывать менее интересные, более же важные приберегать.

С Иваном Федоровичем [1] виделся в воскресенье. Он делопроизводит<ель> Комиссии под председательством Сипягина,[2] об образовании новых штатов для Министерства земледелия. — По его словам, он был все время мучеником долга и лишь накануне моего прихода несколько поосвободился. Разговоров было немало всякого рода. Роман<ов> считает Н<икиту> Петр<овича> — в подозрении относительно дел [d] Скопинск<ого> Банка.[3] Надо бы против этого подозрения тоже подобрать аргументы. Читая[e] «Сов<ременные> Изв<естия>», имейте это обст<оятельство> в виду [a]. —

Но не придавайте Бога ради моим словам тот смысл, что я Вам указываю, что Вы *должны* делать. Я в этом деле не считаю себя вправе играть роль набольшого.[b]

---

[c] *Слова*: и не знаю, от кого сданы — *приписаны на полях*.

[1] И. Ф. Романов-Рцы.

[2] Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853—1902), министр внутренних дел (с 1899 г.), в 1893—1894 гг. был товарищем министра государственных имуществ.

[d] *Это слово вписано над зачеркнутым*: краха.

[3] Афера со Скопинским банком длилась с 1868 по 1882 год, и эта была самая знаменитая «финансовая пирамида» XIX в. в России. Началось с того, что в банке обнаружился дефицит. и дирекция, чтобы скрыть его, вывела фальшивый баланс, настолько благоприятный, что банк привлек вкладчиков со всех концов страны. По вкладам выдавалось 7,5%, в то время как другие банки платили 3%, и таким образом добывались огромные деньги. В отчетах указывались фиктивный учет векселей, фиктивные ссуды, фиктивные покупки процентных бумаг и фиктивные их продажи. Афере пришел конец, когда сознательные скопинцы опубликовали в московской газете «Русский Курьер» ряд разоблачительных материалов. В газете Гилярова, как и во многих других, регулярно публиковались рекламные предложения от Скопинского банка.

[e] *Было*: Будете читать.

[a] *Слова*: имейте это обст<оятельство> в виду — *вписаны над зачеркнутыми*: обратите на это внимание и собирайте, что можно. *Далее зачеркнуто*: И зачем Вы со мной заговорили таким языком, как в Вашем последнем письме: Вы заставили меня взвешивать каждое слово моих писем и Вы нач<али> писать: Вы были *так добры, доверили* мне «на ушко».

[b] Далее зачеркнуто: Вообще Вы *<2 нрзб>*.

21*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 17 октября 1893 г.

17 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Упаси меня Бог когда бы ни было, по какому бы ни было поводу и под чьим бы то ни было влиянием проявить подозрительность по отношению к Вам, образ действий которого вызывал во мне до сих пор одну лишь живейшую благодарность и удивление к неутомимой энергии.

Заговорив вторично о Бартеневе, я, напротив, думала поправить неделикатность, которую, казалось мне, я совершила по отношению к Вам. Перечитав Ваше письмо о назойливости Бартенева, я пришла к заключению, что неверно поняла Вас с первого раза и что вопрос именно в том, чтобы, как и просил Бартенев, *Вам* получить мое согласие, а не ему.

Так поняв, я иначе и не могла поступить, как предоставить Вам свободу решения, нисколько не сомневаясь, что Вы изберете решение самое правильное [a].

В вопросе об издании сочинений Н<икиты> П<етрови>ча я, пожалуй, немножко и виновата, или, вернее, виновато вечно глодавшее меня сознание, что я так мало сделала, тогда как моя прямая обязанность была не покладая рук стремиться к осуществлению самого пламенного желания Н<икиты> П<етрови>ча. Если я не высказала Вам этого, когда разговор у нас шел о Солдатенкове, то только потому, что я нелегко привыкаю к людям и вообще не привыкла раскрывать свою душу пред кем бы ни было. Только глубокое мое доверие к Вам и виновно было в моей, неосторожной, как вижу теперь, откровенности. Всего менее здесь было недоброго чувства, если высказалась я [b] пред Вами,

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 7—8 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[a] *Было*: самое правильное решение.

[b] *Далее зачеркнуто*: имен<но>.

то есть пред лицом, в котором я видела издателя. Впрочем, я ведь и в прошлом письме сказала, что чувство разочарования было мимолетно, и сама прибавила, что в сущности ничто не изменилось, и я могу по-прежнему работать над тем, что мне так дорого.

Во всяком случае, простите за невольную обиду.

Карточки с оглавлением статей, разумеется, буду высылать Вам. Опять-таки прошу Вас не думать, что я усматриваю в этом вторжение в мой труд. Напротив, мне казалось, что для Вас это лишнее бремя. Впрочем, еще до получения от Вас ответа я вспомнила, что Вам ведь неизбежно прочесть *все*, написанное Н<икитой> П<етрови>чем.

Дело о Скопинском банке было, если не ошибаюсь, в половине семидесятых годов. Скоро ли я дойду до них? Удивительное направление мыслей у Романова! Он, кажется, теперь отмщает памяти Н<икиты> П<етрови>ча за прежнее свое поклонение.

Получено Вами письмо Н<икиты> П<етровича> к К. Аксакову? Я послала его под бандеролью.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

22*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 18 октября 1893 г.

18 октября 1893 г.

Я никак не могу успокоиться, глубокоуважаемый Николай Владимирович! Перечитав Ваше письмо, я вижу, что, так поняв мое письмо, как Вы его поняли, Вы не могли не почувствовать себя оскорбленным. Это видно и из ужасной Вашей фразы: «Вы думаете, что я такой кружный путь избрал для того, чтобы помощью его получить свободу обнародовать списанные мною у Вас письма?»

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 9—10 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

Узнав от Вас, что Бартенев думает обратиться ко мне, я прежде всего под влиянием нежелания вступать с ним в деловые отношения кинулась за советом к Вам. Когда же мне после некоторого размышления показалось, что Бартенев обратится ко мне с просьбой предоставить Вам свободу распоряжения письмом графини Блудовой, я ни на мгновение не задумалась ответить Вам так, как мне подсказывала полная моя вера в правильность Вашего решения.

Я, может быть, повторяюсь, но мне так хотелось бы изгладить в Вас самое воспоминание о злополучном моем письме.

Относительно издания сочинений Н<икиты> П<етровича> Вы можете сказать, зачем было и писать о том, что было мимолетно и что потеряло уже значение, именно об исчезнувшем во мне чувстве разочарования. Вот подите же! У людей, не привыкших говорить о своих чувствах и вообще о себе, бывают моменты порывистой и неуместной откровенности. Сколько раз я ловила себя на подобных порывах и, отлично сознавая всю их неловкость, до сих пор не застрахована от их повторений. Но раз начавши, не могу не объясниться. В [a] горячности, с какою Вы действуете для осуществления своей цели, я все время видела невольный упрек себе за потерю целых шести лет. Скорее, впрочем, не видела, а чувствовала, не останавливаясь на этом мыслию. После Вашего письма о Самарине[1] предо мною на минуту прояснилось это чувство с особенной яркостью, но это же письмо и заставило меня объясниться с самой собою и придти к заключению, что я могу и теперь делать все, что́2 от меня зависит, а взгляд, брошенный назад на прошедшие шесть лет, заставил меня вспомнить, что я не могла сделать столько, сколько сделали Вы.

Я говорю урывками, останавливаясь только на части того, что было мною передумано и перечувствовано, но верьте, что мне самой тяжело сознание о причиненной Вам неприятности.

Искренне уважающая Вас А. Гальперсон.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Вашей.

[1] Упомянут Д. Ф. Самарин.

23*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 21 октября 1893 г.

21 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам карточки с оглавлением статей Н<икиты> П<етровича> в «Совр<еменных> Изв<естиях>» за 1868 и 1869 гг. В таком же виде у меня списано еще первое полугодие 1870 г., но я думаю, что лучше посылать сразу за год. Притом это полугодие у меня еще не переписано. Я полагаю, что второй экземпляр [a] лучше иметь вписанным в тетрадь, а не на карточки: так будет удобнее разыскивать известную карточку либо статью; карточки удобны лишь для классификации их по отделам.

Вы увидите, что на некоторых карточках у меня поставлено по крестику, на других — по два крестика. Этим я обозначала статьи замечательные и еще более замечательные. Я было стала даже обозначать вопросительным знаком заметки и маленькие статейки, которым не должно быть места в общем собрании сочинений, но потом и от крестиков и от вопросительных знаков совсем отказалась. Подобное обозначение уже потому трудно, что иногда крошечная заметка ведет чрез некоторое время к какой-нибудь большой и очень важной статье. Разделение же на замечательные и весьма замечательные показалось мне слишком педантичным, не говоря о том, что и тут статьи оказываются связанными между собою и в общем составляют всё очень замечательное.

Читая «Совр<еменные> Изв<естия>», а главное — задумываясь над оглавлениями, в которых несколькими словами приходится высказать широчайшее и глубочайшее содержание статей, я все более убеждаюсь в удивительной меткости Вашей характеристики относительно способа доказательств Н<икиты>

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 11—12 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[a] *Далее зачеркнуто*: удобно иметь.

П<етровича>. Вы говорили, что он имеет обыкновение отрицая утверждать. Этот способ утверждения положительно не дает себя втиснуть в несколько строк конспекта, именно потому, что дает удивительный размах перу.

О Скопинском банке первая статья, очень хвалебная, встречается в мае 1870 г. Сколько мне известно, это было время всеобщего восхищения этим банком.

Когда приметесь за чтение «Совр<еменных> Изв<естий>», имейте, пожалуйста, в виду, что у меня совершенно нет второй половины 1876 и первой половины 1877 гг.

Искренне уважающая Вас А. Гальперсон.

24*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 27 октября 1893 г.

Москва, 27 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович! Спешу послать Вам брошюрку, которая, надеюсь, избавит Вас от некоторой части списывания. Я думаю, что именно этой брошюрки второй экземпляр нашли Вы при деле о назначении Н<икиты> П<етровича> членом Комитета по пересмотру законов о книгопечатании. Мне кажется, что я Вам даже и показывала ее, но Вы так много перевидали и перечитали в последние месяцы, что немудрено было и забыть об этом обстоятельстве.

Программа составления истории Министерства народного просвещения находится среди рукописей настолько в черновом виде, что воспользоваться ею невозможно.[1]

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 13—14 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] Тем не менее, в 1900 г. князь Шаховской опубликовал ее: *Гиляров-Платонов Н. П.* Программа для составления истории Министерства народного просвещения // *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

Интересно мне знать, согласились ли Вы с мнением Победоносцева, что «писание» подробной биографии преждевременно. Еще если бы он сказал «обнародование»! Я надеюсь, что Вы все-таки не откажетесь от мысли составить именно подробную биографию, пусть и не сейчас можно будет ее всю напечатать.

Как относитесь Вы к мысли об издании сперва статей, писанных до «Совр<еменных> Изв<естий>»? Если издавать статьи по вопросам (это несомненно и будет самым правильным изданием), то как отделить, например, «Логику раскола» от статей по церковным вопросам в «Совр<еменных> Изв<естиях>» или «Личное и общественное» ото всего, что писал Н<икита> П<етрович> по общественным вопросам, политической экономии и т. п. в «Совр<еменных> же Изв<естиях>»?

Издавая сочинения Н<икиты> П<етровича>, отбросить второстепенное, частное и временное непременно надо, но, перечитывая «Совр<еменные> Изв<естия>», Вы увидите, какая масса материала останется еще и после этого.

Относительно «Глагола» мне представляется совершенно основательным мнение Победоносцева, что в Академии можно натолкнуться на предубеждение того, кому будет поручено дело систематизации, тем более что труд Н<икиты> П<етровича> начинается с критики всех существующих систем исследования законов языка. Гг. ученые не особенно доброжелательно относятся к подобным новшествам.

Но и печатание в сыром виде, то есть в таком сыром, в каком находится труд сейчас, мне кажется рискованным опять-таки ввиду предубеждений. Пускай пока полежит.

Статью Сковронской [1] разыщу непременно. Не сделала этого до сих пор потому, что не выхожу из дому уже несколько дней вследствие нервной боли в ногах.

---

[1] Речь идет о большом рассказе-пасквиле М. С. Сковронской «Страдания, мучения и гражданская смерть» (1883).

Смерть Чайковского [1] действительно ужасна, но страшная болезнь, очевидно, не оттолкнула от него общество. Или это издали так кажется? По газетным описаниям, у его гроба теснятся почитатели, а сами описания и все некрологи так беспримесно восторженны, что невольное отвращение к болезни, сведшей его в могилу, совершенно стушевалось.

Душевно уважающая А. Гальперсон.

25*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 3 ноября 1893 г.

Москва, 3 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Я сегодня встала так поздно, что никак не успею приготовить к отсылке письма Аксакова,[2] и поэтому спешу хоть ответить Вам, чтобы не задержать Вашего ответа О. Г. Аксаковой.

Я не помню, есть ли у Вас копии этих писем. Если нет, мне кажется, следовало бы списать их. Но опять Вам списывать! Тогда не лучше ли задержать мне письма у себя, списать и тогда отправить. Я думаю, г-же Аксаковой достаточно будет ответить, что письма будут ей вручены.

Я так и поступлю: письма удержу до получения от Вас ответа, и если у Вас копий не окажется, поспешу переписать их и тотчас же отослать их Вам.

Благодарю Вас за Ваше большое подробное письмо. Как много уже у Вас материалов! Вы, пожалуй, правы, что в биографии лучше всего ограничиться

---

[1] П. И. Чайковский скончался 25 октября 1993 г. в Петербурге от холеры. Не исключено, что в словах Гальперсон содержится намек на циркулировавший тогда в обществе слух о самоубийстве Чайковского, который якобы отравился мышьяком в страхе перед преследованием за гомосексуализм.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 1—3 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Зеленым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 4 нояб<ря>».

[2] Имеются в виду письма И. Аксакова к Гилярову, находившиеся в архиве последнего; их предстояло выслать О. Г. Аксаковой в обмен на ответные письма Гилярова.

общественной деятельностью Н<икиты> П<етровича>. Но это, конечно, не должно остановить Вас в собирании материалов, касающихся всех сторон его жизни.

О «Глаголе» я писала Вам, ничего не предрешая. Я могу возразить только против печатания в том чрезмерно сыром виде, в каком сейчас находится этот труд. Разумеется, совет или содействие какого-либо сведущего или влиятельного лица может все изменить.

Как же Вы думаете поступить с изданием статей Н<икиты> П<етровича> до «Совр<еменных> Изв<естий>»? Если решить печатать их, то ведь ничто не мешает приступить к этому сейчас же. Собрать их нетрудно, а о средствах [a] позаботится Самарин, пока у него еще свежо в памяти обещание его.

«Совр<еменные> Изв<естия>» продолжаю читать усердно. Прихожу к заключению, что, помимо всего прочего, придется считаться еще с громадным количеством опечаток, местами совершенно искажающих смысл. Придется восстановлять текст наугад, потому что не всегда можно уловить, в чем состоит искажение.

Что это Вы хвораете? Мне по опыту [b] знакомы Ваши припадки, но, по счастию, со мной они всегда случаются днем. Ночи у меня хотя часто проходят без сна, но без всяких физических страданий. Я могу себе представить ужас, который овладел Вами, когда [c] подобный припадок даже среди белого дня сопровождается у меня смертельной тоской.

Не злоупотребляете ли Вы своими силами? Заботитесь ли о развлечениях, отдыхе?

Не знаю, кто подвергся холере на Мытнинской, но не Шарапов, потому что этот день он провел в Москве и я видела его здравым и невредимым. Кстати, чем

---

[a] *Далее зачеркнуто*: ведь.
[b] *Слова*: по опыту — *вставлены над строкой*.
[c] *Это слово вставлено над строкой.*

поразил он Вас? Я сперва подумала было, что Вы нашли его более скромным, нежели ожидали, но следующие слова Ваши опровергли эту [a] догадку.

Соловьев,[1] о котором он Вам говорил, действительно опровергает Дарвина, на мой взгляд, с несокрушимой логикой, но Шарапов, не умеющий ни в чем находить средины, превозносит его в ущерб всем ученым мира и всякую беседу, о чем бы она ни шла, сводит к Соловьеву, не забывая, впрочем, упомянуть, что этот гений отыскан им, Шараповым. Не этим ли и поразил он Вас?

Материалы, относящиеся к Синодальному периоду,[2] вышлю, как только Вы о том напишете. Впрочем, может быть, они Вам и сейчас уже нужны?

Сколько мне известно, воспоминания Сковронской в свет еще не выпущены.[3]

Между хранящимися у меня бумагами есть небольшой печатный [b] отрывок — «Опыт синонимов: публика — народ».[4] Очень возможно, что письмо Н<икиты> П<етровича>[5] относилось к этой именно статье. Будь она вся налицо, можно было бы по многим указаниям в письме с уверенностью сказать, к ней или не к ней относится письмо.

Буду ждать ответа от Вас насчет писем Аксакова.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

---

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: Вашу.

[1] Тимофей Петрович Соловьев (1861—1911) — помощник главного контролера Самаро-златоустовской железной дороги, статский советник, автор книги «Теория волевых представлений: Отношение ее к специации и элевации органического мира» (СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1892. [2], IV, II, 404 с.; 2-е изд.: 1896). С. Ф. Шарапов посвятил ему очерк «Русский Дарвин» (М.: Типо-лит. А. В. Васильева и К°, 1901).

[2] Подразумевается тот период, когда Гиляров занимал пост управляющего Московской Синодальной типографией — с 20 августа 1863 г. по 14 августа 1868 г.

[3] См. публ.: *Сковронская М.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. Янв. С. 201—227; Февр. С. 221—239.

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[4] Речь идет о корректурных листах заметки К. С. Аксакова (Молва. 1857. 14 дек. № 56. С. 410—411), за допущение к печати которой Гиляров как цензор 23 декабря 1857 г. получил строгий выговор.

[5] Имеется в виду большое письмо Гилярова к К. Аксакову от 3 ноября 1857 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 363. Л. 1—20), почти полностью опубликованное в составе статьи князя Н. В. Шаховского «Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков (По статьям и письмам Гилярова)» (*РО*. 1895. Т. 36, дек. С. 509—545).

26*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 12 ноября 1893 г.

Москва, 12 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Вы могли подумать, что я воспользовалась Вашим разрешением не торопиться высылкой писем Аксакова и потому не отвечала так долго. А между тем вызвано это было чистой случайностью. У меня захворали дети, и хотя серьезного ничего не было, но я, к сожалению, не умею сохранять в таких случаях спокойствия духа, и нить обычных занятий моих порвалась. Я уже целую неделю ничего не делаю и не могла даже собраться ответить Вам.

Имеющийся у меня отрывок «Опыт синонимов» трудно связать с письмом Н<икиты> П<етровича> к К. Аксакову. Очень может быть, что письмо вызвано было и этой статьей, но отрывок так мал, что общего понятия о статье не дает. Противоположение же образованного класса народу, хотя заключается и в отрывке, упоминается и в письме, не может, однако, кажется мне, служить руководящей нитью, потому что К. Аксаков в своих произведениях не раз возвращался к этой теме. Я выслала бы Вам отрывок, но думаю, что он Вам ни к чему не послужит.

Можно было ожидать, что Новиков [1] окажется таким, каким Вы его нашли. Он высказался достаточно в первом письме к Вам. Интересно, как он отнесся к Вашему меткому возражению о кавалергардах и пустынниках. Впрочем, такие люди, раз придя к какому-либо заключению, и не слышат возражений на них, как бы основательны они ни были.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 4—6 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Зеленым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 14 нояб<ря>».

[1] Н. Н. Новиков.

Шарапов действительно скромностью пред Вами не отличился, а взаимными восхвалениями этот кружок давно меня возмущает и удивляет. Шарапов, вообще не лишенный вкуса, совершенно теряет его, когда речь заходит о его друзьях с Петербургской стороны,[1] и всякая плоскость Романова кажется ему верхом остроумия, каждая строка Розанова — океаном мудрости и т. п. Он сам, впрочем, рассказывает, что они на Петербургской стороне ведут совершенно замкнутую жизнь, ни с кем не видаются и ничего не читают, даже и друг друга. Какая же у них может быть перспектива?

Неизвестно Вам, кто писал в «Свете» о Н<иките> П<етровиче>? [2] Некоторые слова указывают на личное знакомство.[3] «Много поучительного представляет самая личность Гилярова с его оригинальною натурою», — если это подсказано не личным [a] знакомством, то писавший должен был много слышать о Гилярове, а это тоже важно.[4]

Однако немало неприятностей причинила Вам статья Ваша о Гилярове, Каткове и Аксакове.[5] Это может служить подтверждением мнения Победоносцева, что для подробной биографии Н<икиты> П<етровича> время еще не наступило.

---

[1] Подразумеваются В. В. Розанов и И. Ф. Романов-Рцы, жившие в одном доме (№ 2) на Павловской (ныне Мончегорская) улице.

[2] Имеется в виду Н. А. Любимов и его заметка под личной рубрикой «Отголоски», посвященная брошюре князя Н. В. Шаховского «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк» (Ревель, 1893. 84 с.): Свет. 1893. 29 окт. № 250. С. 3, с подп.: Н***. См. также: <*Любимов Н. А.*>. Летопись мимоидущего: «Отголоски» газ. «Свет», 1887. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1892. С. 508—509 («Кончина Н. П. Гилярова-Платонова»), 519—521 («Еще по поводу кончины Н. П. Гилярова»).

[3] Н. А. Любимов как человек, близкий М. Н. Каткову, был знаком с Гиляровым с конца 1850-х — начала 1860-х гг., когда последний сначала цензуровал журнал «Русский Вестник», а потом заведовал его редакцией.

[a] *Далее зачеркнуто*: выводом.

[4] Интересно следующее сопоставление Любимова: «Парадоксальный К. Н. Леонтьев оставил по себе восторженных почитателей; образовалось нечто вроде маленькой секты его последователей. Серьезный Гиляров, и при жизни остававшийся всегда в тени, ныне в полном забвении. Между тем вклад, который вносил он своей деятельностью в нашу умственную жизнь, мало замечательный, пока на него не указали, много дороже того, как он оценяется» (Свет. 1893. 29 окт. № 250. С. 3).

[5] *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова.

Кстати. Мне известно, что статья или рассказ Сковронской, о котором сообщал Вам Алексей Никитич, помещен был в журнале «Друг Женщин»,[1] который издавался в Москве в восьмидесятых годах, но очень недолго и настолько был незаметен, что ни в одной библиотеке его нет.[2] Сходить же в Румянцевскую библиотеку [3] до сих пор не удосужилась. Вам не приходится бывать в Публичной библиотеке? Впрочем, это ведь не к спеху: я еще схожу в Румянцевскую.

О воспоминаниях Сковронской что-то не слышно. Не писала она Вам? Я думаю, она сообщит о выходе в свет своих «мемуаров».

Вы находите неловким написать ей и спросить об этом? Ведь она сама отослала Вас к этим воспоминаниям, находя, что Вы достаточно почерпнете из них сведений для биографии.[4]

Как Вы себя чувствуете? Желаю Вам укрепить свои нервы. Не плохую ли услугу оказывают Вам предоставлением свеч для продолжения занятий? Вы, пожалуй, слишком долго засиживаетесь, забывая об отдыхе.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

27*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 22 ноября 1893 г.

---

[1] Речь идет о пасквиле М. С. Сковронской «Страдания, мучения и гражданская смерть» (Друг Женщин. 1883. Янв. С. 20—54). Здесь действие перенесено в Австрию и под вымышленными именами редактора венской газеты пана Лусткопфа и его помощницы, 20-летней вдовы барона Лерхенфельда Софьи Покорной были изображены Гиляров и Сковронская, причем их взаимоотношения показаны именно в том искаженном свете, в каком последняя рассказывала о них в своих показаниях следователю в ходе дознания по инспирированному ее доносом следственному делу о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1880). См. подробно: *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428.

[2] Ежемесячный феминистский журнал «Друг Женщин» издавался М. С. Сковронской (под фамилией своего второго мужа Богуславского) с марта 1882 г. по август 1884 г.

[3] Библиотека Румянцевского музея, основанного в 1831 г. в Петербурге, в 1861 г. была перевезена в Москву и впоследствии стала основой нынешней РГБ.

[4] Имеется в виду письмо Сковронской к князю Шаховскому от сентября 1893 г. (см. ниже).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 7—7 об. Почтовая карточка (штампы: «Москва. 23 нояб.»; «СПб. 24 нояб.»). Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Получ<ено> 24 н<оября>».

Москва, 22 ноября 1893 г.

У меня снова, глубокоуважаемый Николай Владимирович, больные дети, кроме Жени, и я прошу у Вас извинения, что не могу отвечать на Ваше письмо. Пишу эти несколько строк только затем, чтобы уведомить Вас, что отсылаю все бумаги, относящиеся до Синодального периода деятельности Н<икиты> П<етровича>. Посылка приготовлена уже давно, в самый день получения Вашего письма, но я так все время озабочена, что забыла отослать.

Если Вас не затруднит, уведомьте, пожалуйста, о получении этой посылки и писем Аксакова.

Очень Вам благодарна за сведения о Калиновском. Вы действительно забыли раньше сообщить.

Простите, что пишу так отрывисто. Устала ужасно.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

<*Адрес на почтовой карточке*:>

В С.-Петербург, Михайловская площадь, д. Жербина,[1] кв. № 30

Его Сиятельству Князю Николаю Владимировичу Шаховскому

28*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 29 ноября 1893 г.

29 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Снова прошу у Вас извинения, что не отвечала подробно на последнее Ваше письмо. На этот раз болезни, которым подверглись мои дети, были настолько серьезны, что требовали неусыпного моего наблюдения. У старшего сына Воло-

---

[1] Дом генерала Ф. И. Жербина был знаменит устраивавшимися в нем любительскими театральными представлениями с участием профессиональных актеров; сгорел в 1903 г. Ныне на этом месте находится Гимназия при Русском музее.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 8—9 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Синим карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 1 дек<абря>».

ди было воспаление слепой кишки, от которого смертельный исход не редок. У младшей дочери была жаба при 40° жара, болезнь для ее 9-тилетнего возраста нелегкая, а самый маленький сынок мой был, очевидно, жертвой инфлуэнцы, хотя в течение целой недели нельзя было определить, в чем состоит его болезнь.

Теперь, слава Богу, все трое поправляются, и я начинаю оживать.

Я очень внимательно слежу за московскими журналами и за еженедельным приложением к «Новостям Дня»,[1] но нигде до сих пор не появлялось никаких воспоминаний Сковронской. Вам, конечно, обращаться к ней неудобно, если она не отвечала на Ваши письма.

Я давно не видела Веру Алексеевну и даже не знала о прошении, которое Вы для нее составили. Не могу Вам сказать, как меня обрадовала эта Ваша мысль! Меня давно заботит материальное положение Веры Ал<ексеевны>, и сама она не раз о нем говорила. Разумеется, самый верный путь — прошение на Высочайшее имя. Помимо Феоктистова, недурно было бы, чтобы о прошении знал и Победоносцев.[2] Он тоже может замолвить словечко, а в случае отказа может придумать средство для оказания Вере Ал<ексеевне> помощи, потому что ее ожидает нешуточная нужда. От Алекс<ея> Ник<итича> помощи ждать нельзя: он Вам писал, что сам нуждается, а родственники ни малейшего участия в Вере Алек<сеевне> не принимают.

На днях надеюсь выслать Вам оглавления статей в «Совр<еменных> Изв<естиях>» за 1870 г.

Надеюсь, и письма Аксакова, и документы Синодального периода Вами[a] получены. Беспокоят меня немножко письма Аксакова. Я хотела отправить их под бандеролью, но в почтамте моего посланного заставили сделать из них посылку с обозначением какой-либо цены, и меня не оставляет беспокойство, не

---

[1] *«Новости Дня»* — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Москве в 1883—1906 гг.

[2] Князь Шаховской воспользовался советом Гальперсон. См. его письмо к К. П. Победоносцеву от середины декабря 1893 г. (см. его ниже).

[a] *Далее зачеркнуто*: уже.

произошло ли при этом какого-либо недоразумения. Со второй посылкой я уже сама приняла эти меры заблаговременно.

Еще раз благодарю Вас за сведения о Калиновском. Мне очень совестно, что Вы лично тратили время на поиски. Я думала, при случае Вы спросите об этом кого-либо, кому списки должны быть известны.

В скором времени можно Вас ждать уже и в Москву?

Желаю Вам полного здоровья.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

30*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 30 ноября 1893 г.

Москва, 30 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Прилагаемая вырезка [1] поразит Вас, конечно, не менее, чем поразила меня, и содержанием своим, и формой. Кто-то надоумил Веру Алексеевну обратиться

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 10—11 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Синим карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 1 д<екабря>».

[1] По дальнейшему содержанию письма очевидно, что речь идет о заметке, опубликованной в качестве подпередовой (без заглавия и подписи) в газете «Московский Листок», издававшейся бывшим фельетонистом «Современных Известий» Н. И. Пастуховым (очевидно, он и написал заметку). Приведем ее текст:

«Тяжело, слишком тяжело сообщать общественному вниманию не только о превратности счастия, но и вопиющей заедающей нужде осиротелого семейства таких деятелей на поприще общественного разума и слова, коих нравственное воздействие еще не забыто первопрестольною столицей, и самый образ их еще живо предносится ее сознанию.

Речь наша — о супруге покойного Никиты Петровича Гилярова-Платонова, редактора исчезнувших вместе с ним “Современных Известий”.

Мы навестили достопочтенную старушку, супругу покойного, Веру Алексеевну, и сердце наше сжалось при виде убожества ее обстановки и полнейшей беспомощности ее для дальнейшего существования. Жалкая квартирка ее не топлена, средств для пропитания нет и не предвидится, а к тому же несчастный и больной сын на ее глазах — без всякой возможности врачебной помощи.

И в таком-то ужасном положении находится семья того, кто более двадцати лет озарял Москву лучами своего разума и зажигал ее сердце любовию к правде, добру и милосердию; того, кто умел стоять на высоте политической минуты и был ее пророком; того, кто орлиным взором охватывал общественную жизнь сверху донизу, проповедовал, учил, самоотверженно

к Пастухову за советом, но она не ожидала, что содействие его будет куплено ценою такого унижения. У него не хватило деликатности не сообщать по крайней мере адресса, чтобы не подвергать бедную старуху необходимости лично принимать пожертвования.

И главное — нужда-то не только не так велика, как пишет Пастухов,[1] но даже и совсем еще не наступала. Средства Веры Алек<сеевны> иссякают к Новому году или около этого времени. По счастию, она находится в таком возрасте, когда и чувства, и соображение притупляются.[2] Ее воззвание Пастухова, как я заметила сегодня, не особенно огорчило: она не представляет себе, каково ей будет, когда придется протянуть руку за предлагаемым пособием или отвечать на назойливые расспросы. Я, разумеется, не пыталась растолковать ей это, но упросила по крайней мере впредь обращаться прямо ко мне при малейшем недоумении или затруднении.

Она начала с того, что попросила как-нибудь устроить ее во Вдовьем доме.[3] Я пишу тотчас по возвращении от нее и ничего еще сделать не успела. Я не

и безбоязненно, твердо и властно, с неотразимою логикой мысли, внедряя здравые политические понятия и уясняя самые основы православного миросозерцания и церковного канонического уклада для всех слоев общества. Кто в Москве из живых людей еще не помнит до сегодня Никиту Петровича и мощное слово его, раздававшееся в “Современных Известиях”?

И вот безотрадная и беспомощная доля, злая и заедающая нужда его престарелой супруги, с несчастным и больным сыном, теперь пред взорами Москвы и вопиет к ее помощи… Помощь требуется неотложная и непрерывная. Не сомневаемся, что образ покойного Гилярова-Платонова послужит напоминанием о нашем христианском долге, а горькая слеза его престарелой супруги зажжет сострадание в сердцах добрых москвичей, коими никогда не была скудна и доныне не оскудела наша православная и первопрестольная столица.

Адрес Веры Алексеевны Гиляровой-Платоновой: Большая Грузинская улица, дом Гольденштейна, квартира № 6. Вспомоществования принимаются также и в конторе “Московского Листка”» (Московский Листок. 1893. 29 нояб. № 332. С. 2).

Точнее, дом (№ 24) вдовы московского купца Гольденштейна, Терезии Бернардовны (см.: Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 год. М.: Изд. А. С. Суворина, 1894. Ч. I. Стб. 82)

[1] Николай Иванович Пастухов (псевд. Старый знакомый; 1831—1911) — журналист, беллетрист, фельетонист «Современных Известий», издатель-редактор «Московского Листка» (с 1881 г.).

[2] В 1893 г. В. А. Гиляровой-Платоновой исполнилось 73 года.

[3] *Вдовий дом* — учреждение для призрения (попечения) неимущих, увечных и престарелых вдов лиц, состоявших на государственной службе. В. А. Гилярова-Платонова имела право поселиться там как вдова преподавателя Московской духовной академии, затем цензора

знаю даже, кто стоит во главе этого учреждения. Если Вы что-нибудь знаете, будьте добры, сообщите мне. Не знаю, что будет с Ник<олаем> Никитичем,[1] если мать поместится отдельно от него, но она говорит, что будет давать ему, сколько возможно, потому что и во Вдовьем доме ей будут нужны средства, и изыскать их необходимо.

Каково будет Алексею Никитичу[2] прочитать воззвание Пастухова! Да и Федору Александровичу,[3] я думаю, будет не особенно это приятно.

Вера Алек<сеевна> возлагает большие надежды на прошение Государю. Я читала его сегодня. Лучше составить его, мне кажется, нельзя. Как обидно, что оно задержано было здесь так долго. Федор Александрович, взяв на себя заботу о переписке, кажется, забыл о нем.

Я не могу отделаться от упреков совести. Мне все кажется, что если бы я раньше собралась к Вере Алек<сеевне>, я предупредила бы это возмутительное трепание имени Никиты Петровича.

Письмо Ваше я получила вчера, как только успела отправить свое. Сегодня я не успею ответить, да и не могу собраться с мыслями.[a] В «Моск<овском> Лист<ке>», говорят, помещена уже цифра первых приношений. Неужели Федор Александрович не мог бы вмешаться?

Уважающая Вас А. Гальперсон.

31*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 1 декабря 1893 г.

и, наконец, управляющего Синодальной типографией. Вдовий дом в Москве находился на Кудринской (ныне Баррикадная) улице, д. 2.

[1] Старший сын мыслителя Н. Н. Гиляров.

[2] Младший сын мыслителя А. Н. Гиляров.

[3] Племянник мыслителя Ф. А. Гиляров.

[a] *Далее зачеркнуто*: Сегодня в.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 12—13 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 3 дек<абря>».

Москва, 1 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Вам действительно придется[a] преодолевать тоску при чтении всего необходимого Вам материала. Я, не щадя Вашего времени и Ваших глаз, собрала все самые с виду ничтожные лоскутки бумаги, в которых упоминалась Синодальная типография. Мне казалось, что для Вас картина деятельности Н<икиты> П<етровича> будет становиться от этого ясней и ярче. Но для публики не может предназначаться этот материал. Едва ли десятая доля может увидеть свет. Оттого, кажется мне, и переписывать нет надобности всего, да и то, что должно быть переписано, Вы только отметьте и перешлите сюда: я или сама перепишу, или поручу кому либо.

Свою жестокость по отношению к Вашему зрению я довела до того, что послала и оригиналы и копии, но мне казалось, что в черновиках Вам будет трудно разобраться, а в копиях Вы не всегда могли бы узнать произведение пера Н<икиты> П<етровича>, так как переписывать он поручал другим.

Мне очень приятно было узнать, что Аксаков[1] Вам понравился. Хотя он в своем кружке считается человеком скучным, но мне редко с кем приходилось так приятно проводить время, как с ним.

Кстати, я надеюсь, Вы не откажетесь дать мне прочитать переписку Н<икиты> П<етровича> с Самариным, которую дал Вам Д. Ф. Самарин.[2]

Я ничего не слышала о записке по расколу ни от Н<икиты> П<етровича>, ни от Аксакова, хотя не раз говорила с Аксаковым о Н<иките> П<етровиче>. О переговорах Лорис-Меликова [3] тоже слышать не приходилось. Впрочем, я просмотрю «Совр<еменные> Изв<естия>» за 1880 г. и тогда скажу определенно.

---

[a] *Было*: приходится.

[1] Н. П. Аксаков.

[2] В архиве князя Шаховского сохранилось 13 писем Гилярова к Ю. Самарину и ответных (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474, 686).

[3] Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825—1888) — генерал от кавалерии (1875); председатель Верховной распорядительной комиссии (1880), министр внутренних дел (1880—1881). Возможно, речь идет о созванном графом 16 сентября 1880 г. совещании редак-

Вчера вечером я узнала, что Вера Алексеевна может быть принята во Вдовий дом братьев Ляпиных.[1] Там жизнь при наилучших условиях обходится в 9—10 р<ублей> в месяц. Но опять-таки Николай Никитич не может находиться там при Вере Алек<сеевне>, и я никак не могу себе представить, как он будет жить один, хотя с мая месяца, по словам Веры Алек<сеевны>, он ведет себя весьма прилично. Я написала Вере Алек<сеевне> с указанием, куда обратиться и на кого сослаться. Мне все кажется, что в последнюю минуту она отступит от этого своего намерения.

Сегодня, слава Богу, первый раз после болезни дети разошлись по своим учебным заведениям. Едва ли такие болезни, какими они страдали каждый в отдельности, могут зависеть от квартиры. Притом они и прошлую зиму в другой квартире то и дело угощали меня своими болезнями. Не знаю, чем закалить их против простуды. Вообще они меня немало заботят физической своей слабостью.

Искренне уважающая Вас А. Гальперсон.

32*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 7 декабря 1893 г.

Москва, 7 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Вероятно [a], Вам известно уже через Фед<ора> Алек<сандровича>, что Великий князь Сергей Александрович [1] присылал к Вере Алексеевне своего чинов-

---

торов крупных изданий, в котором принимал участие Гиляров. Власти призывали прессу поддержать их в борьбе с нигилизмом.

[1] Имеется в виду Дом вдовьих квартир братьев Ляпиных (Б. Серпуховка, д. 37), содержавшийся на собственный счет учредителей.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 14—15. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 9 д<екабря>».

[a] *Было*: Может быть.

ника с пособием [a] и поручением передать Вере Алек<сеевне>, чтобы она обращалась в генерал-губернаторскую канцелярию во всех случаях, когда у ней <*так!*> будет какая-либо нужда или какое-либо дело.

Мне кажется, что теперь возникает вопрос: нельзя ли и нашего генерал-губернатора привлечь к предпринятому Вами прошению на Высочайшее имя? И потом, самой ли Вере Алек<сеевне> обратиться к Великому князю с просьбой о поддержке ее прошения или Вы укажете иные пути? Конечно, все зависит от Вашего усмотрения, так как Вам там виднее, какие пути вернее ведут к цели, и самый факт внимания Великого Князя я сообщаю для Вашего соображения.

О, Ф<едор> Алек<сандрович> и мне сказал, что *сперва* надо было испробовать другие средства, а потом можно было бы уже прибегнуть к гласному пути. Когда я ему ответила, что, на мой взгляд, гласность вообще и могла, и должна была быть исключена, он со мной согласился с таким видом, как будто эта мысль ни разу не приходила ему в голову.

Разве Вы впервые слышали теперь о доносе насчет шрифта?[2] Мне казалось, что мы говорили с Вами об этом. Я, помнится, слышала об этом от самого Никиты Петровича в связи с именами Бессонова и Пороховщикова, но от них ли исходил письменный донос или они были лишь посредниками этого доноса, и не ошибаюсь ли я в самом имени Пороховщикова (в Бессонове я не сомневаюсь), — я утверждать не решаюсь. Я думаю, и Фед<ор> Алек<сандрович>, и Вера Алек<сеевна> могли бы назвать доносчика по имени. Возможно, впрочем, что и старец Ваш успел уже проболтаться.

Очень рада, что Вы скоро будете в Москве.

Глубоко уважающая Вас А. Гальперсон.

---

[1] Великий князь Сергей Александрович (1857—1905) — пятый сын Александра II; московский генерал-губернатор (с 1891 г.).

[a] *Далее зачеркнуто*: от.

[2] То есть о доносе, что типография «Современных Известий» осенью 1867 г. была якобы основана на шрифтах Синодальной типографии, которой Гиляров в тот период управлял.

33*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 9 января 1894 г.

Москва, 9 января 1894 г.

Возвращаю Вам, глубокоуважаемый Николай Владимирович, всё мною у Вас взятое, кроме книги Победоносцева,[1] которой еще не раскрывала.

Я нахожусь под впечатлением только что прочитанного письма к епископу Вениамину. Что за глубина! И что за жалость, что оно не все сохранилось! Для скольких колеблющихся и сомневающихся оно могло бы послужить путеводной звездой. Хотелось бы мне списать его, но у меня так мало времени, что до Вашего отъезда мне с ним не справиться, а я не знаю, можете ли Вы мне его оставить с тем, чтобы мне после переслать Вам его по почте. Да и не страшно ли доверять почте такое сокровище?

Я снова к Вам с просьбой. Не можете ли Вы опять на один день дать мне Сборник «В путь-дорогу».[2] Если нельзя на день, хоть на несколько часов, словом, на такой срок, какой Вы сами назначите: моя сестра [3] не могла присутствовать на общем нашем чтении, а мне очень хочется познакомить ее с рассказом гр. Толстого.

Книгу Победоносцева возвращу до Вашего отъезда.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 1—1 об. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле дату получения: «10 янв<аря>».

[1] Предположительно, речь идет о книге: <*Победоносцев К. П.*>. Праздники Господни. СПб.: Тип. А. Бенке, 1893. 110 с.

[2] «Путь-дорога»: Науч.-лит. сб. СПб.: Изд. К. М. Сибирякова, 1893. VIII, 590 с., 27 л. ил. Здесь опубликована незаконченная повесть Л. Толстого «Ходите в свете, пока есть свет», над которой писатель работал в 1887 г.

[3] В Москве тогда жили обе сестры Анны Гальперсон: врач-педиатр и переводчица Берта Михайловна Эпштейн (1858 — после 1912) и Юлия Михайловна Денисова (ур. Эпштейн),одно время служившие в редакции «Современных Известий».

34*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 25 января 1894 г.

Москва, 25 января 1894 г.

Тотчас по получении Вашего письма, глубокоуважаемый Николай Владимирович, я снова просмотрела переписанные статьи Никиты Петровича и снова убедилась, что они выписаны из «Современных Известий» за 1870 и 1872 гг. Больше нигде ничего переписанного нет: несомненно, затеряно или, может быть, и совсем переписано не было. Я знаю, что много раз Н<икита> П<етрович> поручал то одному, то другому списать ему то или другое, но все это оттягивалось, оттягивалось и потом совсем не исполнялось.

Слава Богу, что хоть у Аксакова сохранились целиком письма Н<икиты> П<етровича>. По ответам Аксакова видно было, как интересны были письма Н<икиты> П<етровича>. Буду с нетерпением ждать Вашего приезда, чтобы иметь возможность прочитать их.

Могу себе представить Ваше впечатление по получении письма Бессонова.[1] Этот человек — интересная психологическая загадка, но иметь дело с такой психологической загадкой, когда притом преследуешь определенную цель, довольно-таки тягостно. Мне кажется, Ваша догадка справедлива: по сохранившимся письмам Бессонова можно судить, что переписка юных друзей состояла вся из бесконечного копания в душе своей и друг друга, [2] вроде того, о каком говорит Толстой в «Детстве» и «Отрочестве»: «О чем я думаю? — Я думаю, о чем

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 2—3 об. Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «пол<учено> 27 янв<аря>».

[1] Речь идет о письме П. А. Бессонова к князю Шаховскому из Харькова от 29 августа 1893 г. (опубл. ниже), которое последний счел оскорбительным.

[2] В бумагах Гилярова сохранились 4 письма к нему от 15-летнего Петра Бессонова за май — август 1842 г. Они наполнены душевными излияниями такого рода: «После того, что уже было между нами, после всех уверений в дружбе, после всех разговоров и писем, кажется, пора бы уже перестать сомневаться в истинности моей дружбы к тебе; да, пора бы» (письмо от 13 мая 1842 г.; РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 589. Л. 1).

я думаю. — А теперь о чем думаю? — Я думаю, что думаю, о чем думаю» и т. д. [1]

Пересмотрела я в библиотеке все произведения Сковронской, и ничего автобиографического в них не оказалось и никаких намеков на Н<икиту> П<етровича>. Некоторые вещи довольно длинные, но всё носит на себе следы институтского творчества.

Нас опять посетила инфлуэнца: сейчас лежит в жару мой старший сын Володя. Женя тоже хворала два дня, и другая дочь столько же времени. Это было между прочим причиной того, что я замедлила ответом на Ваше письмо.

Муж мой и дети благодарят Вас за пожелания и шлют Вам сердечный привет.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

35*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 29 января 1894 г.

Москва, 29 января 1894 г.

Моя память, глубокоуважаемый Николай Владимирович, опять сыграла со мною досадную шутку. Я нашла у себя несколько интересных документов, которые и раньше не раз попадались мне на глаза и содержание которых я отлично знала, но ни разу при Вас о них не вспомнила.

Все они относятся к <u>периоду цензорства</u> Никиты Петровича и все удивительно ясно рисуют отношение его к своим обязанностям.

В докладной записке Цензурному комитету <u>от 9 марта 1859 г.</u> он дает объяснение о своем отношении к статьям по крестьянскому вопросу.[1] В другой за-

---

[1] Имеется в виду окончание главы XIX повести Л. Н. Толстого «Отрочество» (1854): «Спрашивая себя: о чем я думаю? — я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что я думаю, о чем я думаю, и так далее».

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 4—5 об. Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле дату получения: «31 янв<аря>».

писке представляет свое мнение о возможности разрешить полное собрание сочинений Грибоедова (1857 г.).[2] В третьей объясняет, почему не был им подвергнут запрещению разосланный при газете «Акционер» отдельный листок.[3] И в четвертой, наконец, говорит о разрешенной им программе газеты «Парус».[4] При этом находится еще замечательное письмо к какому-то автору, которого он цензировал. Письмо это было ответом на письменное же обвинение автором цензора в том, что цензор находится на ложном пути и, последовательно идя, может развиться до инквизитора. В ответе Н<икита> П<етрович> излагает свой взгляд на обязанности цензора, на свободу мнения и на отношение автора к своим героям.

Если все это Вам неизвестно, то, как Вы скажете, переслать это Вам или подождать Вашего приезда сюда? Если переслать, то не копию ли? чтобы не доверять оригиналов почте?

В какой стадии находятся теперь Ваши занятия? Получили Вы ответ от Аксаковой о записке Филарету?[5]

Я нашла у себя и печатную записку о народных школах и сперва приписала ее Н<иките> П<етрови>чу, но, прочитав, увидала, что составлена она на основании первоначальной записки Н<икиты> П<етрови>ча без прямого указания

---

[1] Опубл., очевидно, по другому списку: Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова <в Московский цензурный комитет от 9 марта 1859 г., по поводу «Московских Ведомостей»> / Публ. Н. А. Любимова // *РВ*. 1888. Т. 195, март. С. 422—426. Очевидно, Гальперсон считала, что находившаяся у нее на руках записка не напечатана.

[2] Опубл.: Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.> // *РО*. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—456.

[3] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Объяснение в Московский цензурный комитет об основаниях, по которым не был запрещен листок «Особое приложение к “Акционеру”» от 13 сентября 1860 г. // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 224. 2 л.

[4] 26 ноября 1858 г. Гилярову было объявлено строгое замечание за пропуск в печать объявления об издании газеты И. С. Аксакова «Парус», в котором содержались сведения, отсутствовавшие в официально утвержденной программе этого издания.

[5] Предположительно, речь идет о произведении Гилярова, к этому времени опубликованном (о чем Гальперсон и князь Шаховской еще не знали): Записка Гилярова-Платонова о надписи на антиминсах (23 октября 1863 г.) // Алфавитный указатель к Собранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. СПб., 1891. Ч. II. С. 58—65.

на него, и вспомнила, что Н<икита> П<етрович> даже сетовал на это чуть ли не в письме к Вам.[1]

Как Вы чувствуете себя при новом начальнике? Не увеличены Ваши занятия по министерству?

Желаю Вам здоровья!

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

36*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 14 февраля 1894 г.

Москва, 14 февраля 1894 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Своим последним письмом Вы очень меня обрадовали: и работа Ваша подвинулась, и дело Веры Алексеевны подвигается. С большим, большим нетерпением буду ждать времени, когда Вы ознакомите меня с началом Вашего труда.

Теперь не время отрывать Вашу мысль от той поры деятельности Никиты Петровича, которую Вы намереваетесь разработать, но не могу удержаться, чтобы не коснуться его журнальной деятельности, так как у меня она постоянно теперь пред глазами. Чем дальше подвигаюсь я в чтении «Совр<еменных> Изв<естий>», тем удивительнее мне становится, что на Н<икиту> П<етровича> смотрели и смотрят как на журналиста, неспособного практически разработать поднятый вопрос. Но отчего же всё, что он предсказывал [a], всё, что советовал, впоследствии осуществилось само собой? Так во внешней политике, так во

---

[1] Гальперсон ошибается. Она имела в виду письмо Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы от 16 ноября 1886 г., где говорилось: «А знаете ли Вы, что идея церковноприходских школ принадлежит мне; что об этом было мною подана записка (очень сильная) покойной императрице в 1863 году, потом напечатанная в “Творениях Св. Отцев”, перепечатанная затем немедленно в “Современной Летописи” и воспроизведенная недавно, в Синодском ли издании или издании Рачинского? Об авторе нигде, разумеется, не упомянуто <…>» (*Письма к Рцы*. С. 295).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 6—7. Синим карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «полу<чено> 16 ф<евраля>».

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: говорил.

внутренней, так в вопросах городского благоустройства и т. п. Отчего же он в таком случае как журналист должен уступать место другим?

В письме к Романову, кажется, Н<икита> П<етрович> говорит, что впоследствии, перечитывая его статьи, какой-нибудь читатель подивится, что «это не утратило значения и для нашего времени».[1] У меня все время такое чувство, когда я читаю его статьи в «Совр<еменных> Изв<естиях>». Меня очень интересует Ваше мнение на этот счет.

Веру Алексеевну мне совсем не приходится видеть. Я утешаю себя тем, что Вы, конечно, не оставляете ее уведомлениями о ее деле. Ее отделяет от меня такая даль, что целый день нужно потерять для визита к ней, а я и так со своим временем справиться не могу.

Желаю Вам здоровья.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

37*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 23 февраля 1894 г.

Москва, 23 февраля 1894 г.

Простите, глубокоуважаемый Николай Владимирович, что не сразу исполнила Вашу просьбу о присылке докладной записки Н<икиты> П<етровича> относительно издания Грибоедова Лонгиновым и Бартеневым.[2] И теперь едва урываю минутку, чтобы написать несколько строк.

---

[1] См. в письме Гилярова к Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г.: «Лет через двадцать-тридцать кропотливый историк нашей печати, нет сомнения, откроет и мои писания, отдаст справедливость моему “стилю”, оригинальным мыслям, подивится, может быть, что “эти строки и для нашего времени не утратили свежести” и т. п. Вот крайнее, на что я могу рассчитывать <…>» (*Письма к Рцы*. С. 256).

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 8. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле дату получения: «14 м<арта>. Рев<ель>».

[2] Гиляров добивался, чтобы увидел свет не искаженный цензорскими вмешательствами текст «Горя от ума». Князь П. А. Вяземский все же позволил тогда опубликовать комедию только в том виде, в каком она в тот период представлялась на сцене Императорских театров.

На этих днях надеюсь собраться написать Вам в ответ на Ваше письмо и вместе с тем позволю себе обратиться к Вам с просьбой, которую сейчас изложить не успею, так как очень спешу.

Если Вам будет нетрудно, уведомьте меня, пожалуйста, хоть строчкой о получении записки, с которой у меня не остается и копии.

Уважающая Вас А. Гальп<ерсон>.

38*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 14 марта 1894 г.

Москва, 14 марта 1894 г.

Пишу наугад, глубокоуважаемый Николай Владимирович, не уверенная, что письмо мое застанет Вас уже в Петербурге. В своем письме из Ревеля Вы не указали, сколько времени намерены оставаться там. Отчасти по этой причине, отчасти по болезни я промедлила с ответом на Ваши последние два письма.

Я читаю в настоящее время апрель 1871 г. и до сих пор не встречала статей о славянофилах. Ждать Вам меня придется, пожалуй, очень долго. Поэтому не остановиться ли мне пока в составлении конспекта статей и не пробежать ли год за годом одни только передовые, не отвлекаясь в сторону. Я так и решила сделать, но подожду Вашего ответа: может быть, кроме отношения к славянофилам, Вам понадобятся в Вашем труде указания и на другие какие-либо статьи, так я уже заодно буду и те отбирать.

Придуманное Вами заглавие бесспорно хорошее, но мне кажется, что по мере разработки своего труда Вы еще не раз измените название и самое [a] последнее будет всего более соответствовать внутреннему содержанию. В этом деле Вы можете быть единственным судьей, потому что для Вас яснее пока, нежели для кого-либо другого, что намерены Вы сказать своим трудом.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 9—12. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 18 м<арта>. Рев<ель>».

[a] *Это слово вписано над строкой.*

Мое указание на значение журнальной деятельности Н<икиты> П<етровича> Вы приняли за возражение на Вашу статью в «Р<усском> Ар<хиве>».[1] Напрасно! С Вашей статьей я была согласна от слова до слова, да там того и не было, против чего я возразила и о чем Вы мне как-то писали со слов Победоносцева, кажется, или кого-то другого. В Вашей статье Вы Никиту Петровича ставите выше роли журналиста, то есть считаете эту роль для него слишком узкою, а в том отзыве, который был Вами передан и который стоит не одиноко, Н<икита> П<етрович> выставлен как человек, не умевший находиться в вопросах практических. Между тем, переходя от предмета к предмету, говоря то о городских делах, то об общественных, государственных, политических, церковных, то [b] о законах языка, то о мостовых, то о роли России в мировых вопросах, то об освещении улиц, Н<икита> П<етрович> при всей глубине захвата всегда умеет и практически ответить на поставленный вопрос, а будущее, то есть наше настоящее, доказывает, что он не ошибался в своих указаниях.

Вчера я была у Веры Алексеевны и вынесла очень тяжелое впечатление. Силы ее заметно падают, и она мне созналась, что к физическим страданиям примешивается забота о будущем. Положим, будущее ее, несомненно, очень и очень ограниченно, но если Вам нетрудно, черкните ей несколько строк, в которых выскажите твердую уверенность в успехе Вашего ходатайства. Пускай дело окончится и неудачей, но уверенность в завтрашнем дне скрасит последние дни бедной женщины. Положение ее ухудшается еще и поведением Николая Никитича, который опять сильно запил и ведет себя безобразно.

Еще у меня есть к Вам просьба, уже личная. В этом году и даже в настоящую минуту в Вашем министерстве косвенным образом решается моя судьба, то есть решается вопрос: быть или не быть Северному Телеграфному

---

[1] Речь идет о статье князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова» (вых. дан. см. во Введении к диссертации).

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: иногда.

Агентству.[1] В июне месяце кончается контракт Агентства с правительством, и учредители несколько месяцев[a] назад подали прошение о возобновлении контракта. Просьба моя состоит в том, чтобы Вы не отказались сообщить мне о результате ходатайства, если до Вас дойдет о том весть, потому что в случае отказа со стороны правительства мне придется подумать о себе заблаговременно.

При оценке отношений Н<икиты> П<етровича> к старшим славянофилам не пригодятся ли Вам статьи о положении России среди других славян, о значении России в ходе мирового прогресса и вообще такие статьи, которые косвенным образом указывают на сходство и различие взглядов Н<икиты> П<етровича> со взглядами славянофилов? Или этим слишком расширится Ваша задача? Может быть, Вы этому вопросу и не думаете отвести так много места? Жду Ваших указаний.

Искренно уважающая Вас А. Гальп<ерсон>.

39*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 14 марта 1894 г.

Москва, 28 марта 1894 г.

Из Вашего последнего письма, глубокоуважаемый Николай Владимирович, я вижу, что одно письмо мое до Вас не дошло. Это было бы неважно, если бы я не просила Вас в том письме написать несколько успокоительных слов Вере Алексеевне,[2] которая чувствует себя физически очень плохо и страдает при этом нравственно от неуверенности в завтрашнем дне. Я просила Вас поэтому напи-

---

[1] Гальперсон заняла место переводчицы в 1883 г. в Северном телеграфном агентстве, основанном тогда (в 1882 г.) взамен Международного агентства. В 1896 г. переселившись в Петербург, она продолжала служить в агентстве, переименованном в 1894 г. в Российское.

[a] *Далее зачеркнуто*: подряд.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 13—14 об. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле сведения о получении письма: «20 м<арта> СПб.».

[2] Имеется в виду п. 38.

сать ей уверенно [a], что прошение ее на Высочайшее имя увенчается успехом. Мне кажется, что, если бы и последовал решительный отказ, от нее и можно и должно будет скрыть это; только придется тогда подумать о других средствах обеспечить ее несомненно сочтенные дни.

В том же письме на вопрос Ваш, не встречались ли мне статьи Никиты Петровича о славянофилах, я, ответив отрицательно, предложила бегло пробежать все года «Совр<еменных> Изв<естий>», останавливаясь лишь на нужных статьях, которые с первого взгляда бросятся мне в глаза. Не приступила же я пока к этому беглому просмотру потому, что ждала от Вас ответа, не нужно ли Вам, кстати, указаний и на другие какие-либо статьи. Ждать же Вам от меня указаний при настоящем способе моего ознакомления со статьями Никиты Петровича пришлось бы очень долго, так как я, к стыду моему, подвигаюсь очень медленно. Впрочем, это только отчасти служит мне к стыду, потому что самое чтение невольно идет медленно: приходится отвлекаться в сторону, искать несомненных [b] признаков принадлежности статьи перу Н<икиты> П<етровича>, задумываться над самым конспектом их, в который должно войти все затронутое в статье, а это не всегда легко, — словом, вести дело так, чтобы после меня не пришлось снова приниматься кому-нибудь за этот же труд.

Итак, жду от Вас ответа на мое предложение о беглом просмотре. Потерей времени для меня это не будет; напротив, поможет легче и быстрее отличать статьи Н<икиты> П<етровича> от чужих.

Никогда еще я так не сочувствовала Вам в Ваших нервных страданиях, как сейчас. У меня возобновилась моя ужасная, невыносимая невралгия. Помимо жестокой боли, она действует раздражающе на всю мою нервную систему, и то нервное напряжение, в котором я себя всегда поддерживаю и которое одно дает мне силу работать, становится мне в это время почти не под силу.

---

[a] *Было*: с уверенностью.
[b] *Это слово вписано над строкой*.

Дай Вам Бог в водолечении найти средство для своего возрождения. Пробовали ли Вы общий массаж? Это ведь то же самое, но без мучительного привыкания к воде.

Искренно уважающая Вас А. Гальп<ерсон>.

40*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 22 апреля 1894 г.

Москва, 22 апреля 1894 г.

Вчера, глубокоуважаемый Николай Владимирович, я была у Веры Алексеевны. Вчера же она получила уведомление из Петербурга о назначении ей пенсии в 500 р. и поручила мне передать Вам ее глубокую благодарность за Ваши хлопоты о ней.

Как теперь здоровье Ваше? Надеюсь, кашель оставил Вас.

У меня был серьезно болен старший сын, и я не успела до сих пор прочитать доверенные Вами мне письма. Только сегодня я примусь за них. Письмо же Ник<иты> Пет<ровича> к графу Блудову я в значительной степени разобрала, по крайней мере общий смысл его теперь ясен.

После свидания с Вами я все допытывалась, не было ли где-либо и кем-либо изложено учение славянофилов. По-видимому, не было, потому что никто не знает. Не думаете Вы, чтобы мог это на словах сделать Шарапов, который все-таки многое слышал от Ив<ана> Сер<геевича> Аксакова? Он как-то давно уверял, что отличие Ник<иты> Пет<ровича> от старых славянофилов ему ясно.

Желаю Вам здоровья.

Искренно уважающая Вас А. Гальп<ерсон>.

41*

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 15—15 об. Князь Шаховской пометил карандашом на верхнем поле дату получения: «23 апр<еля>».

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 29 апреля 1894 г.

Москва, 29 апреля 1894 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович! Лето наступает, Вы, может быть, куда-нибудь уедете, а я и не знаю, удался ли Вам план с Сытиным,[1] и если удался, то какая часть труда выпадет на мою долю. Я летом свободнее, чем зимой, и могла бы усердно заняться.

На днях я была у Веры Алексеевны. Она мне рассказала, что ее ежемесячный доход равняется теперь 65 р. и что вдвоем с Николаем Никитичем они [a] с трудом перебиваются. Ей кто-то из родственников сказал, что она имеет право на пенсию из тех 50 000 р., которые Государем назначены для пенсий литераторам.[2] Я не знаю условий, при которых эти пенсии выдаются, и не могла дать ей никакого ответа. Будьте добры, если только правила назначения пенсий Вам известны, сообщите, пожалуйста, мне, есть ли шансы для Веры Алексеевны, не послужит ли препятствием получаемая ею [a] пенсия, и я тогда, если условия благоприятны, составлю для нее прошение.

Как Ваше здоровье? Что Ваши ноги?

Искренно Вас уважающая А. Гальп<ерсон>.

42*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 14 июня 1894 г.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 16—16 об.

[1] Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — предприниматель, книгоиздатель.

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[2] Вскоре была образована Постоянная комиссия при Академии наук для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам — во исполнение Высочайшего указа 13 января 1895 г., которым повелено отпускать ежегодно из государственного казначейства по 50 000 руб.

[a] *Слова*: получаемая ею — *вписаны над зачеркнутым*: существующая.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 17—18. Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле сведения о получении: «Ревель, 18 ию<ня>».

Москва, 14 июня 1894 г.

Благодарю Вас, глубокоуважаемый Николай Владимирович, за весточку о себе. Я не знала даже, где Вы находитесь в настоящее время и выехали ли Вы уже из Москвы.

Я, к сожалению, все еще в Москве, и дети со мною. Письмо Ваше застало меня в момент величайшей нерешительности: с одной стороны, настоятельнейшая необходимость поправить здоровье и детей, и свое, с другой — почти непреодолимые препятствия, требующие для своего устранения и административных способностей, и решимости больше, нежели имеется у меня в наличности. На этих днях вопрос почти был решен: я собиралась с детьми на месяц в имение сестры Шарапова,[1] а здесь, на своем месте в Агентстве, оставляла сестру.[2] Время выбрала почти мертвое в политическом отношении, так что Агентство не могло быть на меня в претензии и сестру я бы не очень обременила. Но вдруг это ужасное событие: убийство Карно! [3] Ужасно[a] оно не только в том смысле, что задерживает мой отъезд, а и само по себе: меня оно так ошеломило, что я и посейчас не могу придти в себя. Какое страшное доказательство несостоятельности [b] нынешнего порядка во Франции! Если бы у монархистов были настоящие люди: теперь самое подходящее время для претендентов.

Великие события отражаются и на маленьких людях. Пока во Франции все уляжется, мы остаемся в Москве. А я уже собиралась сообщить Вам свой новый адресс с просьбой, если Вам вздумается, написать мне туда.

Ваша новая работа, действительно громадная, вероятно, несколько затормозилась приездом в Ревель Великого Князя. Он, кажется, впрочем, уже уехал.

---

[1] Наталья Федоровна Шарапова.

[2] Видимо, речь идет о Б. М. Эпштейн.

[3] Популярному во Франции президенту Сади Карно 24 июня 1894 г. после произнесения приветственной речи на выставке в Лионе было нанесено смертельное ножевое ранение итальянским анархистом Санте Казерио. Ночью 56-летний президент скончался.

[a] *Было*: Ужасное.

[b] *Это слово вписано над строкой*.

Лично для себя, то есть для своего здоровья, Вы ничего не предпринимаете на лето? А как здоровье Вашей матушки? [1] Племянница Ваша ничего не могла сообщить об этом моей Жене.

Романов поразителен. Не махнуть ли действительно на него рукой. Лично он ничего не прибавит к имеющимся у Вас материалам, а широко пользоваться письмами к нему Никиты Петровича он давно уже разрешил. И Бог с ним самим!

Остановка Ваша в составлении биографии не есть в сущности остановка. К Вам так быстро притекал материал, что весь его [b] запомнить и разложить в мозгу своем по клеточкам по мере поступления, мне по крайней мере кажется, совершенно невозможным. Может быть, это моя личная особенность, но я даже письма не могу написать под первым непосредственным впечатлением.

Я все-таки надеюсь уехать из Москвы не позже как через неделю, и потому на всякий случай сообщаю Вам свой адресс: Московско-Брестская дорога, ст. Мещерск, для передачи в с<ель>цо Сосновку, Наталье Федоровне Шараповой для меня.

Все мои кланяются Вам и желают всего хорошего.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

43*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 20 июля 1895 г.

Москва, 20 июля 1895 г.

Ужасно мне досадно, глубокоуважаемый Николай Владимирович, что оба раза Вы меня не застали. Я было хотела сама поехать к Вам, но вспомнила, что мне даже неизвестно, в Москве Вы или на даче. Поэтому будьте добры, сообщите мне, когда Вас можно видеть, или когда Вы могли бы ко мне заехать. Я теперь всегда дома от трех до позднего вечера, а в праздничные дни хожу на службу от

---

[1] Княгиня Александра Павловна Шаховская (ур. Ефремова; 1823—1903).

[b] *Это местоимение вписано над строкой.*

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 1—1 об.

5 до 7 ч., так что до и после этого времени я свободна, но чтобы Вам снова даром не проехаться, будьте любезны, сообщите лучше заранее, о дне и часе, когда удобно нам повидаться.

Искренно Вас уважающая А. Гальперсон.

44*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 26 февраля 1896 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

У меня к Вам просьба, исполнить которую Вы, надеюсь, не откажетесь. В интересах нашего попечительства (Сретенского)[1] прилагаемая заметка нуждается в возможно большем распространении. В «Московские Ведомости» у меня нет никаких путей, и я прошу Вас от своего имени послать прилагаемую заметку в редакцию этой газеты с предписанием поместить ее целиком.[2] В других газетах [a] заметка эта тоже появится. Лекция, о которой в ней говорится, действительно будет интересна, особенно для попечительств, и я Вам рекомендую посетить ее, а если Вы будете еще так внимательны к чужому попечительству, что и другим порекомендуете то же самое, то благодарности нашей не будет конца.

Очень, очень Вам благодарна за оттиски. Вопрос о движении рабочих на юг [3] имеет для меня специальное значение, так как я родом из Херсона и с детства очень много и постоянно об этом слышала.

Вы помните, что я хотела спросить мнение о филологическом труде Никиты Петровича у одного молодого филолога. Я только вчера получила от него от-

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 2—3.

[1] Речь идет о Городском попечительстве о бедных Сретенской части. Анна Гальперсон была деятельнейшим его членом.

[2] В «Московских Ведомостях» эта заметка не обнаружена. Ближайшая по времени публикация: Сретенское городское попечительство // *МВед*. 1896. 11 марта. № 70. С. 2. (Московская жизнь), — здесь кратко рассказывается об итогах общего годичного собрания членов попечительства.

[a] *Далее зачеркнуто*: она.

[3] Вероятно, речь идет об издании: <*Шаховской Н. В., кн.*>. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. <СПб.: Тип. «Правильств. Вестника», 1895>. <2>, VI, 157 с.

вет. Он просит прислать существенные главы (не предисловие), а я не знаю, как смотреть на те главы, которые Вы давали Стороженке.[1] По-моему, в них много существенных положений, но они все-таки представляют собою предисловие. Что Вы скажете? На всякий случай, если можно, перешлите мне, пожалуйста, эти главы и сообщите свое мнение.

На исполнение просьбы очень надеюсь и остаюсь искренно

Вас уважающая А. Гальперсон.

26 февраля 1896 г.

45*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 29 ноября 1896 г.

СПб., 29 ноября 1896 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Совершенно случайно попалась мне на глаза последняя книжка «Рус<ского> Обозрения». Простите, что обращаюсь к Вам с недоумением, которое возбудило во мне то, что сдано Вами в эту книжку.[2]

Какую цель можно достигнуть обнародованием «Материалов для биографии» в том сыром виде, как они появились теперь? До изъявления Вами желания писать биографию Никиты Петровича я тоже напечатала два-три письма в

---

[1] Николай Ильич Стороженко (1836—1906) — литературовед; профессор Московского университета (с 1872 г.), председатель Общества любителей российской словесности (1894—1901).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 4—5 об.

[2] Речь идет о публ.: Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.>; II. Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии; III. Письмо к Штекеру о социальном значении еврейства <1880>; IV. Два письма к А. Д. Желтухину (об издании газет и служении сословию, о положении сословий накануне крестьянской реформы, о лубочных картинах) <1859> / Сообщ. князь Н. В. Шаховской // *РО.* 1896. Т. 42, нояб. С. 454—470.

«Рус<ском> Архиве»,[1] но у меня была именно та цель, чтобы эти материалы напомнили знавшим Гилярова-Платонова, что биография еще не написана и что для нее имеется богатый материал, достойный обработки. Когда Вы заявили о своем намерении заняться этой биографией, я прекратила одиночное печатание материалов и передала Вам их в копиях, в ожидании, что они все войдут в Ваш труд.

Если Вами руководило то соображение, что, пока биография будет написана, имя Никиты Петровича от времени до времени должно напоминать о себе в печати, то неужели Вы находите, что «Русское Обозрение» достаточно распространенный для этого журнал? Если бы я знала, что Вы не думаете воспользоваться исключительно для биографии всем принадлежащим мне материалом, я бы давно стала частями сдавать его в журналы, имеющие больший круг читателей или, по крайней мере, в журналы исторические.

Вот мысли, которые возбудила во мне последняя книжка «Рус<ского> Обозрения». Надеюсь, глубокоуважаемый Николай Владимирович, Вы не посетуете на меня за то, что я Вам их высказала, и не откажетесь рассеять мое недоумение.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

В. О. 2-ая линия, д. № 3, кв. № 10.

46*

Князь Н. В. Шаховской — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, конец ноября 1896 г.

Это, думалось мне, та лепта, которую мы с Вами принес<ли> оба.

---

[1] Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова / <Публ. А. М. Гальперсон> // *РА*. 1889. Кн. III, вып. 10. С. 263—269; Вып. 11. С. 421—432; 1890. Кн. I, вып. 2. С. 316—324. Гальперсон опубликовала письма Гилярова к графине А. Д. Блудовой, К. Н. Леонтьеву, И. Ф. Романову-Рцы, князю Н. В. Шаховскому, С. А. Юрьеву, а также письма к нему И. С. Аксакова, князя П. А. Вяземского и др. материалы.

* Печатается впервые по автографу, представляющему собой черновой набросок письма: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 5 об.

Впрочем, если Вы полагаете, что таким образом расточаю Вашу долю материала, то я впредь воздержусь для печатания той части материа<ла>, которая мною получена от Вас.

47*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 14 декабря 1896 г.

Спб. 14 дек<абря> 1896 г.

В. О. 2-ая линия, д. № 3, кв. № 10.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Я очень рада, что Вера Алексеевна получит облегчение своего материального положения благодаря напечатанным Вами письмам Никиты Петровича, и не стану возражать против передачи ей гонорара. Я бы и сама напечатала кое-что для Веры Алексеевны, если бы знала, что нужда ее еще продолжается, но с Ваших слов в бытность Вашу в Петербурге я вывела заключение, что Вера Алексеевна впредь будет получать 90 р. в месяц. Вы сами находили, что для нее это достаточно.

Я знаю, что у Вас имеются письма Никиты Петровича, переданные Вам кроме меня и другими лицами как материал для биографии, которую Вы собирались писать. Вероятно, они дали согласие на печатание этих писем в сыром виде. Я так поняла Ваши слова, касающиеся печатаемых Вами в 12-й книжке «Рус<ского> Обоз<рения>» документов.[1] Но тот материал, который добыт Вами

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 6—7.

[1] Речь идет о публ.: Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Письмо Гилярова к М. П. Погодину об открытии при Московской Духовной Академии миссионерского отделения <от 21 июля 1854 г.>; II. Письмо Гилярова к А. В. Горскому об обер-прокуроре Св. Синода А. П. Толстом как представителе «Оптинского» православия <от 4 октября 1856 г.>; III. Письма к И. С. Аксакову <от 28 января 1860 г., 7 февраля 1874 г., 15 января 1876 г., 22 августа 1880 г.>; IV. Письмо к неизвестному лицу (от 28 июля 1876 года) о возбуждении умов в России в 1876 году, о стихийной борьбе принципов, о двух типах народов: народах-хищниках и народах-рабочих; V. Письмо к Н. А. Алексееву по поводу вопроса о подаче Московскою Городскою Думой адреса по случаю покушения на жизнь генерала Мезенцева; VI.

от меня, я бы покорнейше просила не печатать. С теми письмами и рукописями Никиты Петровича, которые хранятся у меня, я нашла <бы> способ распорядиться, на мой взгляд, целесообразнее в интересах имени Гилярова.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

48*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 14 марта 1899 г.

Многоуважаемый князь Николай Владимирович!

Благодарю Вас за присылку Вашего превосходного предисловия к Сборнику сочинений Никиты Петровича.[1] Вы прекрасно поняли, что о Никите Петровиче нужно говорить его собственными словами. Вы с таким уменьем воспользовались оставленным им материалом, что он выступает в этом изображении как живой. Еще раз благодарю Вас за наслаждение, которое Вы мне доставили своей статьей.

Кстати, позвольте мне, многоуважаемый Николай Владимирович, обратиться к Вам с просьбой. Я не нахожу среди своих бумаг оттиска «Экскурсий в русскую грамматику» [2] с надписью Н<икиты> П<етрови>ча. Просьба моя к Вам состоит в том, чтобы Вы поискали у себя: не остался ли он у Вас, если, впрочем, он у Вас был: я не могу с уверенностью сказать, давала ли я Вам его.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

Письмо к М. О. Кояловичу <от 18 декабря 1863 г.>; VII. Письмо к графу Льву Николаевичу Толстому / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО.* 1896. Т. 42, дек. С. 988—1014.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 8—8 об.

[1] *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. III—LX; отд. отт. с подзагол.: Предисловие к первому тому Сборника его сочинений, издания К. П. Победоносцева. М.: Синод. тип., 1899. LX с.

[2] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* Экскурсии в русскую грамматику // Радуга. 1883. № 7. 22 февр. С. 142—144; № 22. 5 июня. С. 498, 500, 502; № 25. 26 июня. С. 564, 567—568; № 28. 17 июля. С. 636—638; отд. отт.: [М., 1883]. 26 с.

49*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 18 марта 1899 г.

Многоуважаемый князь Николай Владимирович!

Не могу Вам сказать, как меня обрадовало, что мой экземпляр «Экскурсий» оказался у Вас. Пожалуйста, не посылайте его в типографию. У меня другого экземпляра нет, но, если Вы мне пришлете мой, я дам списать с него копию, которую и передам Вам. Или, если Вам удобнее, дайте Вы сами списать с него копию: я с удовольствием покрою расходы по списыванию. Я сочла бы с своей стороны оскорблением памяти Никиты Петровича, если бы дала уничтожить оттиск с его надписью.

Если для Сборника понадобится письмо к митрополиту Михаилу,[1] я не замедлю его дать. Мне кажется Ваша мысль прибавить и некоторые некрологи из «Совр<еменных> Изв<естий>» [2] очень счастливою.

Я, впрочем, не знаю состава ни первого, ни второго Тома. Не знаю также, вышел ли первый том, хотя думаю, что не выходил, потому что иначе в газетах появились бы публикации об этом, не говоря о том, что К. П. Победоносцев обещал уведомить меня о выходе.

Сжатость формы не помешала выразительности Вашего предисловия. Повторяю, оно очень ярко обрисовывает личность Гилярова, а его так мало знают. Но я могу себе представить, каково Вам было выбирать из такой массы материала и сжимать свою мысль, которая просилась вширь.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

Спб. 18 марта 1899 г.

50*

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 9—10 об.

[1] Имеется в виду письмо к Михаилу (Йовановичу), митрополиту Сербскому, опубликованное в газете С. Ф. Шарапова: Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г<альперсон> // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7.

[2] *Гиляров-Платонов Н. П.* Поминальные статьи // *Сб. соч*. Т. II. С. 433—524.

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 14 июня 1899 г.

14 июня 1899 г.

Многоуважаемый князь Николай Владимирович!

Если я верно поняла и Вам действительно нужно меня видеть, то имейте, пожалуйста, в виду, что я бываю дома по вторникам, четвергам и субботам от 12 до 2 ч. и от 6 до 8. Остальное время я или на службе, или на даче. Я потому и заехала к Вам в цензурный комитет,[1] что меня так трудно застать дома.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

51*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 21 июня 1899 г.

Спб. 21 июня 1899 г.

Многоуважаемый князь Николай Владимирович!

Я очень виновата пред Вами, хотя и невольно. При моей рассеянной жизни (если можно так назвать жизнь человека, имеющего две службы и семью на даче), я совершенно не располагаю своим временем. Поэтому я прямо попрошу Вас, если Вам можно, быть у меня завтра, во вторник, между 6 и 8 часами. Если же у Вас это время занято, то, пожалуйста, назначьте сами тоже какой-нибудь определенный день, имея в виду, что я могу распорядиться свободно только еще четвергом и субботой.

Надеюсь, что Вы на меня не очень сердитесь.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

52*

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 11.

[1] С 21 декабря 1898 г. князь Шаховской занимал пост председателя С.-Петербургского цензурного комитета.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 12—12 об.

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 22 января 1900 г.

СПб. 22 янв<аря> 1900.

Многоуважаемый князь Николай Владимирович!

Возвращая Вам корректуру, пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас и русскую печать с Вашим новым назначением.[1] Я хотела лично заехать к Вам, чтобы кстати указать Вам на одну статью Никиты Петровича, которая могла бы также войти во вторую часть Сборника, если в нем найдется место, но снова захворала, на этот раз, к счастью, не невралгией. Меня сразила довольно сильная простуда. Я позволю себе заехать к Вам, как только поправлюсь. Вы будете, может быть, так добры и укажете мне часы, в которые Вас можно наверное застать, то есть часы Вашего приема.

Еще раз от души поздравляю Вас.

Искренно Вас уважающая А. Гальперсон.

53*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 5 июня 1901 г.

Многоуважаемый князь Николай Владимирович!

Посылаю Вам контракт с Заграничными Агентствами и некоторое пояснение к нему, которое, надеюсь, удовлетворит Вас.

Кстати, считаю нужным сообщить Вам следующее. Вчера кн. Ухтомский, поездив по городу по каким-то делам, сказал мне, возвратившись в редакцию:[2] «Говорят, кн. Шаховской уходит из Главного Управления по делам печати. Вот

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 13—13 об.

[1] С 1 января 1900 г. князь Шаховской стал исполняющим обязанности начальника Главного управления по делам печати, с 15 июня 1900 г. — исправляющим эту должность, а 1 февраля 1901 г. был утвержден в ней.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 14—15.

[2] Речь идет о редакции «С.-Петербургских Ведомостей», которые в 1896—1917 гг. издавал князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861—1921), дипломат, ориенталист, публицист славянофильской ориентации, поэт, переводчик.

будет несчастие, если его место займет какой-нибудь Бельгард».[1] — «Кто Вам сказал?» — спрашиваю я. — «Я слышал, говорит, из трех разных источников». — «Куда же уходит кн. Шаховской?» — продолжаю я спрашивать. — «Не знаю. Некоторые говорят, что в Министерство народного просвещения, а может быть, и еще куда-нибудь». Он прибавил еще, что и другие, передавшие ему это известие, находят [a] возможность Вашего ухода большим несчастием для печати.

Видите, как земля слухом полнится! Связанная словом, я, конечно, ничего не сказала, да, как видите, он был осведомлен достаточно хорошо: нечего было бы даже прибавить к его сведениям.

Господи, хоть бы у нас все наладилось до Вашего ухода. А за Министерство народного просвещения я все-таки буду рада. Если позволите, я в субботу или в пятницу зайду узнать о Вашем впечатлении от прочитанного.

Искренно Вас уважающая А. Гальперсон.

СПб. 5 июня 1901 г.

54*

А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 10 октября 1902 г.

10 октября 1902 г. С.-Петербург.

Многоуважаемый князь Николай Владимирович!

Это письмо пишет под мою диктовку моя старшая дочь.[2] Я уже второй месяц прикована к постели болезнью, которая привела меня в Клинику. На днях мне сделали операцию (у меня был внутренний нарыв), и теперь, слава Богу, дело идет, по-видимому, к поправлению.[3]

---

[1] Эти слухи не оправдались: князь Шаховской вынужден был оставить свой пост в 1902 г. из-за публикации в газете «Россия» памфлетного очерка А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы». Сенатор Алексей Валерианович Бельгард (1861—1942) возглавлял Главное управление по делам печати позднее, в 1905—1912 гг.

[a] *Далее зачеркнуто*: эту.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 16—19 об.

[2] Евгения Сергеевна Гальперсон.

[3] Спустя 17 дней, 27 октября 1902 г., А. М. Гальперсон скончалась.

Ваше письмо получилось за несколько дней до операции, когда я витала между жизнью и смертью. Вы понимаете, что тогда я ответить на него не могла.

Я не только согласна с Вашей мыслью, что теперь пора напомнить о статьях Гилярова, но мне самой не раз приходила в голову эта мысль. И только мои бесконечные занятия мешали мне остановиться на ней. Когда я несколько поправлюсь и Вы приедете, мы обсудим этот вопрос подробно.

А теперь у меня личное к Вам дело. Представьте себе, что Комаров[1] и К° воспользовались моей болезнью и отказали мне от места, не выждав даже полного месяца. Начиная с мельчайших коммерческих предприятий и кончая Правительственными учреждениями повсюду многолетним служащим дается месячный или даже двухмесячный срок для болезни. Моему бывшему товарищу Кавосу,[2] который был вторым переводчиком, ежегодно давали шестинедельный отпуск для поправления здоровья, а мне, прослужившей в этом деле девятнадцать лет, было отказано 28-го сентября, когда я захворала 4-го сентября. На протест Алфераки[3] против подобной несправедливости, а главное против лишения Агентства безусловно хорошего работника Нотович,[4] который играет теперь роль председателя, отвечал, что мое увольнение у них было давно решенный вопрос. За что? За то, что в течение двух лет я им сэкономила 4000 рублей; за то, что я работала за троих; за то, что я своей быстрой работой скрывала убогость состава всего Агентства?

Вся моя надежда теперь на Вас. Я не могу допустить мысли, чтобы подобная несправедливость осталась безнаказанной. А главное, когда знаешь, что всё

---

[1] Виссарион Виссарионович Комаров (1838—1907), журналист, общественный деятель; полковник российской и генерал сербских армий; редактор-издатель газет «Русский Мир» (1871—1875), «С.-Петербургские Ведомости» (1878—1881) и «Свет» (1882—1907) и журналов «Звезда» (1886—1891) и «Славянские Известия» (1889—1891).

[2] Камиль Иванович Кавос — петербургский журналист.

[3] Ахиллес Николаевич Алфераки (1846—1919) — композитор; правитель канцелярии министра внутренних дел (с 1891 г.), директор Российского телеграфного агентства.

[4] Осип Константинович Нотович (1849—1914) — либеральный журналист, публицист, драматург, редактор-издатель газеты «Новости» (с 1876 г.).

это делается для спасения Пеца,[1] с которым положительно этих людей связывает какое-то общее преступление. Если Бог даст мне поправиться, я расскажу Вам подробно, что теперь делается в Агентстве.

На мое место приглашен Ваш подчиненный Военский,[2] не знающий английского языка и с трудом справляющийся с самыми простыми телеграммами.

Если Вам не трудно, многоуважаемый Николай Владимирович, утешьте меня несколькими словами, на домашний ли адрес (В. О. 2 лин<ия>, д. 3) или в клинику (Фонтанка, 148 — Императорский Клинический Повивальный Институт, 3-е отделение, 3-я палата).

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

3.2. Письма С. К. Эфрона к А. М. Гальперсон (1887—1889)

1*

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, 27 августа 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна.

Спешу сообщить Вам, что моя уверенность в успехе Никиты Петровича[3] после первого свидания с И. С. Д<ур>ново[4] выросла до необычайных размеров. Ему очень хорошо известно положение дел, и он говорит, что единственная крупная сила в публицистике наших дней — Никита Петрович и ему стоит толь-

---

[1] Альфред Васильевич (Вильгельмович) Пец (1853 — не позднее 1902) — помощник управляющего Российским телеграфным агентством.

[2] Константин Адамович Военский (де Брезе) (1860—1928) — историк, чиновник Главного управления по делам печати, член Литературно-художественного общества; позднее директор архива Министерства народного просвещения (1905—1915).

[*] Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 1—2.

[3] Речь идет о получении в аренду «Московских Ведомостей» после кончины М. Н. Каткова.

[4] Иван Сергеевич Дурново (1845—1911) — литератор, публицист; издатель журнала «Дело» (1886—1887). Гиляров опубликовал здесь в январе 1887 г. две главы книги «Из пережитое», а ранее, в 1884 г., предполагал передать ему права на издание «Современных Известий»: см. письмо Гилярова к Е. М. Феоктистову от 1 октября 1884 г. (ИРЛИ. Сигн. 9112. Л. 4).

ко крепко захотеть, чтобы получить «Москов<ские> Вед<омости>». Он сам будет служить Никите Петровичу телом и душой, и победа Ник<иты> Петровича будет для него праздником. На мое имя в конторе должно быть от него письмо, которое меня в Москве не захватило. Я прошу Вас письмо это распечатать и ознакомиться с его содержанием. Вы в нем найдете сделанную Дур<ново> характеристику Никиты Петровича, которая докажет Вам, что напрасно временами Гиляров-Платонов думает, что он не Гиляров-Платонов. Гиляров-Платонов был крупной величиной всегда и навсегда ею останется, и *Россия его знает*. Теперь, со смертию Каткова, это единственный крепкий дуб среди чахлого березняка русской журналистики.

Назову Вам соперников Ник<иты> Петр<вича>, о которых писал Корнилов,[1] не называя их: Татищев[2] — человек с определенными политическими взглядами; он играет роль в дипломатии; лично принадлежит к высшим Пет<ербург>ским сферам; относительно внешней политики прямой последователь катковских идей… Далее об этом кандидате я лишен возможности распространяться на бумаге, и я доскажу Вам остальное при личном свидании. По некоторым причинам кандидат этот скомпрометирован и не опасен. Ему в настоящее время даже запрещено писать по-русски. Второй кандидат — Георгиевский;[3] он опасен, и с ним надо бороться; за него Феоктистов, и он москвич; последнее в данном случае тоже серьезно. Вот два кандидата, о котор<ых> писал

---

[1] Иван Петрович Корнилов (1811—1901) — историк, публицист; чиновник Министерства народного просвещения.

[2] Сергей Спиридонович Татищев (1846—1906) — публицист, историк русской дипломатии; чиновник министерств иностранных дел (1864—1877), внутренних дел (1881—1883) и финансов (1898—1904).

[3] Александр Иванович Георгиевский (1830—1911) — историк, редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1866—1881), председатель Учебного комитета и член Совета министра народного просвещения.

Корнилов. Затем еще называют Иловайского[1] и — о ужас! — кого бы Вы думали? Стыд, срам и позор!!... Баталина!.. [2]

Последнее доказывает, как подл П<етер>бург, когда рядом с именами не скажу уж Ник<иты> Петр<овича>, а даже Татищева, Иловайского и Георгиевского он не краснея осмеливается выдвигать Баталина.

Но будет обо всех этих сплетнях. Повторяю, моя уверенность в успехе Н<икиты> П<етровича> теперь велика, и я заранее предвкушаю удовольствие при воспоминании о том, как я по уговору побью при Вашей помощи Сергея Исааковича [3] за его холодные ушаты, которыми он нас беспрерывно окачивал. Тоже повторяю, что в лице Ив<ана> Сер<геевича> Д<ур>ново Никита Петрович найдет здесь человека, который будет ему содействовать всеми имеющимися у него средствами, и по моим понятиям, средства его довольно солидны. И рад я главным образом потому, что сочувствие Ив<ана> Сер<геевича> к Никите Петровичу заключается единственно в глубоком понимании первого крупности и могучества последнего.

Ну до свидания, многоуважаемая Анна Михайловна; прошу простить мне бессвязность моего настоящего письма; пишу я его второпях и, кроме того, очень уж я разнервничался от бессонных двух ночей подряд.

Преданный Вам С. Эфрон.

27 августа 87 г. СПб-ург.

P. S. И. С. Д<ур>ново встретит завтра утром со мною вместе на вокзале Ник<иту> Петр<овича>.[4]

2*

---

[1] Димитрий Иванович Иловайский (1832—1920) — историк, тайный советник, публицист; автор учебников по отечественной и всеобщей истории.

[2] Иван Андреевич Баталин (псевд. Оса; 1844—1918) — журналист, редактор изданий: «Петербургская Газета» (1876—1881), «Минута» (1880—1890), «Колосья» (1884—1891) и др.

[3] С. И. Гальперсон.

[4] И. С. Дурново жил у самого Николаевского вокзала в принадлежавшем Входо-Иерусалимской церкви доме № 1 по Орловскому переулку. Там находилась и редакция журнала «Дело».

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, 25 сентября 1887 г.

25 сентября 87 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Сообщаю Вам факты *вполне достоверные* о «Москов<ских> Ведом<остях>»:

1) С. П. Каткова от издательства *отказалась*,

2) Кандидатура Иловайского, Циона [1] и Мейна [2] *провалилась*,

3) Петровский [3] хлопочет о передаче издания ему, и, судя по его письму из П<етербур>га, ему многие обещали,

4) Георгиевский действительно выступает кандидатом и

5) Судьба издания обязательно должна быть разрешена в будущую пятницу,[4] ибо по закону объявление об издании нового контрагента должно быть напечатано за три месяца до выхода первого №. Вопрос этот будет разрешен в П<етербур>ге до приезда графа Толстого [5] и его голосом будет распоряжаться князь Гагарин [6] (?).

Преданный Вам С. Эфрон.

3*

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, 12 октября 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 5—6 об.

[1] Илья Фаддеевич Цион (1842—1912) — физиолог, доктор медицинских наук, агент Министерства финансов России во Франции, журналист, публицист.

[2] Александр Данилович Мейн (1836—1899) — публицист, сотрудник газет «Русские Ведомости» и «Голос»; дед М. И. Цветаевой по матери.

[3] Сергей Александрович Петровский.

[4] Упомянутая пятница приходилась на 2 октября 1887 г.

[5] Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой.

[6] Князь Константин Дмитриевич Гагарин (1843—1916) — в тот период товарищ министра внутренних дел, с 1890 г. сенатор.

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 3.

Обобщение, сделанное сегодня Вами об французской комедии,[1] не вполне верно; вернее было бы с Вашей стороны, если б Вы оговорились, что все Вами сказанное относится к так называемой французской *бульварной* комедии и драме; тогда с Вами всякий согласился бы и не стал бы спорить; теперь же можно Вам указать на произведения хотя бы Пальерона,[2] которые настолько суть французские, что ни переводу, ни переделке не поддаются. Таковы: «В Царстве скуки»,[3] «В Царстве веселия»,[4] «Римлянка», «Беби» и мног<ие> друг<ие>. Ко всем этим пьесам определение Ваше не подходит, ибо они суть продукт или верного воспроизведения господствующих нравов во Франции, точнее в Париже, или чрезвычайно остроумно скомбинированного фантазией случая, возможного в жизни.

Я настолько ценю, многоуважаемая Анна Михайловна, Ваше мнение, что даже под страхом вызвать Ваше неудовольствие, считаю своим долгом указать Вам прямо на неточность, которая, по-моему, вкралась в Вашем сегодняшнем фельетоне. Во всяком случае покорнейше прошу Вас простить мне за мое навязчивое мнение, вызванное исключительно симпатией к Вашему таланту.

Преданный Вам С. Эфрон.

---

[1] Имеются в виду следующие слова Гальперсон: «Французская современная комедия отличается или чрезмерною сальностью, или, как противовес ей, излишеством сантиментальности, иногда тем и другим вместе, ибо извращенное воображение французов требует излишества как в отрицательном, так и в положительном направлении. Поэтому же и интрига во французской комедии или драме основывается на необычайных случаях, разыгрывается при необычайных случаях и развязывается необычайным случаем. <…> Водевиль <…> у французов извратился в чудовищное сцепление чудовищных случаев безо всякой идеи и без индивидуальности действующих лиц» (*М. А. <Гальперсон А. М.>*. Театральная хроника: Немецкие спектакли в театре Парадиз. Бенефис г-жи Заньковецкой: «Бесталанна», драма в 5 действиях, г. Карпенко-Карого // *СИ*. 1887. 12 окт. № 281. С. 1).

[2] Эдуард Жюль Анри Пальерон (Пайерон, Pailleron; 1834—1899) — французский драматург, поэт и журналист.

[3] *Пальерон Эд.* В царстве скуки = (Le monde ou l’on s’ennuie): Комедия в 3 д. / Пер. А. М. Дмитриева и Н. П. Кичеева. М.: Литогр. С. Ф. Рассохина, <1883>. 136 с. Написано от руки и литографировано.

[4] *Пальерон Эд.* В царстве веселья = (Le monde ou l’on s’amuse): Комедия в 2 д. / Пер. с фр. А. М. Дмитриева. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Рассохина, <1883>. 56 с. Написано от руки и литографировано. См. также в другом переводе: *Пальерон Эд.* В царстве смеха = (Le monde ou l’on s’amuse): Комедия в 2 д. / Пер. П. И. Кичеева. М.: Тип. Н. Л. Пушкарева, 1883. 77 с.

P. S. Я у Вас не бывал последние две недели по весьма солидной и важной причине: боялся проговориться о том, о чем я говорить не имею права. Загадкой этой я готов с Вами поделиться лишь тогда, если Вы дадите мне Ваше слово, что никогда не поделитесь с тем, что я Вам сообщу, с Никитой Петровичем и никому, даже Вашему мужу, ничего не скажете об этом.

12 октября 87 г.

4*

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, 5 ноября 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой выслать на мое имя копию письма Рцы под заглавием «Вся жизнь неудача…».[1] Мне было бы очень желательно поместить этот отрывок в прекрасной статье И. С. Дурново о Никите Петровиче;[2] тем более, когда этот отрывок вполне подходит к одному месту упомянутой статьи. Полагаю, что, если Ал<ексей> Ник<итич> наложил свое veto на письмо Рцы, когда Вы хотели его напечатать в последнем выпуске «Совр<еменных> Изв<естий>»,[3] то это не может служить нам препятствием видеть напечатанными драгоценные строки, уясняющие так много, Никиты Петровича в другом издании.

Если Вы разделяете мое мнение, то поспешите высылкой требуемой копии, ибо из-за нее остановили на 3 дня набор статьи Ив<ана> Сер<геевича>.

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 7—7 об.

[1] Имеется в виду фрагмент письма Гилярова к Рцы от 15 ноября 1886 г.: «Нет, я неудачник; вся жизнь моя неудача, именно от моего совершенно одинокого самовоспитания, от той боязни подпасть авторитетам, которою я вооружился с 17-летнего возраста» и т. д. (*Письма к Рцы*. С. 288).

[2] Эта статья (готовившаяся к изданию, как сказано ниже, в журнале «Дело») не была опубликована. Местонахождение рукописи нам неизвестно.

[3] Опубликовано в газете С. Ф. Шарапова «Русское Дело»: *Рцы*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

Я вчера очень даже хотел Вам по этому поводу отправить телеграмму, потом рассчитал, что все равно в субботу получится Ваш ответ.

Мой искренний и душевный поклон Сергию Исааковичу, Берте Михайловне [1] и M-elle Евгении Сергеевне,[2] M-me Фишет [3] тоже. Наследнику[4] Вашему крепко жму руку, а Колю трижды целую в сахарные уста.

Преданный Вам С. Эфрон.

5 ноября 87 г.

Адрес: СПб. Редакция журнала «Дело». Эфрону.

5*

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, 2 декабря 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Мне действительно было досадно, что отрывок из письма покойного Никиты Петровича не мог быть Вами выслан, но в то же время я очень хорошо понял, что Вы вполне справедливо отказали мне в моей просьбе, а потому не может быть и речи о том, чтобы я на Вас сердился, напротив, я Вам очень благодарен, что, прислав мне свой отказ, ясно и подробно формулировали причины, заставлявшие Вас так действовать, и вполне убедили меня, что причины эти действительно весьма вески.

Статья И. С. Дурново о Н<иките> П<етровиче>, как явствует из редакционного объявления на днях вышедшей книжки «Дела», отложена до следующей книжки,[5] и вот по секрету сообщу причину. Статья эта очень разрослась, и в ней

---

[1] Б. М. Эпштейн, сестра А. М. Гальперсон.

[2] Старшая дочь Гальперсон.

[3] Мадам Фишет (ниже она именуется иначе: Фишер) — предположительно, гувернантка в семье Гальперсонов.

[4] Владимир, старший сын Гальперсон.

* Печатается впервые по автографу: Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 8—9.

[5] Следующая книжка «Дела» — январская за 1888 г. — оказалась последней (журнал закрылся за неимением подписчиков), но статья о Гилярове в ней так и не была опубликована.

подводятся некоторые счеты с различными лицами и литературными партиями, не хотевшими признать незабвенного Н<иките> П<етровиче> при жизни, или же просто не понимавшими его, а для этого недоставало кое-какого матерьяла, который только на днях получен. Как только статья будет набрана целиком, надеюсь иметь возможность выслать Вам корректурные оттиски, до появления ее в журнале.

Устроившимся я до сих пор себя не считаю, а буду себя считать таковым только тогда, когда получу назначение в Сибирь, о чем я весьма деятельно хлопочу.[1] Нравственно я очень надломлен, главным образом вследствие известного Вам своего шага, я все живу под страхом, что он обнаружится моим родным, а я здесь убедился, насколько угнетающе это может на них подействовать. Ах, как бы поскорее вон из Европейской России!!…

Судьба «Совр<еменных> Изв<естий>» меня теперь не интересует и интересовать не может: ведь без Н<икиты> П<етровича> газета эта, по-моему, никакого значения не может иметь; все равно, будет ли она либеральным или консервативным органом; могучего голоса своего издателя она лишилась, и не думаю, чтобы ее дальнейшее существование ознаменовалось чем-нибудь выдающимся. Если она меня интересует, то только в том отношении, хватит ли у нового издателя сметки поручить Вам театральный отдел, ибо мне было бы очень жаль, если б Вы не нашли места, где печатать свои статьи по театру,[2] которые, повторяю, весьма ценны для искусства.[3]

Преданный Вам С. Эфрон.

---

[1] Это назначение не состоялось, Эфрон окончательно обосновался в Петербурге.

[2] В «Современных Известиях» начиная с ноября 1885 г. Анна Гальперсон опубликовала 41 статью о театральных событиях за подписью «А. М.». В 1888—1890 гг. стала постоянным театральным рецензентом газеты «Русское Дело» С. Ф. Шарапова, напечатав здесь, по нашим подсчетам, 27 статей о театре, в основном под «перевернутым» псевдонимом «М. А.». Кроме этого, она сотрудничала в «Новостях Дня» и других газетах.

[3] Сходного мнения придерживался и С. А. Юрьев, писавший Гилярову 3 октября 1887 г.: «Ее статьи о театре меня восхищают. Сколько в них высказано глубоких и тонких мыслей и замечаний, что жаль будет, если они затеряются в листах газеты. Надо бы собрать все статьи и напечатать или издать отдельной книжкой» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 723. Л. 4). Юрьев с 1886 г. председательствовал в Обществе русских драматических писателей.

2го декабря 87 г.

6*

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, 4 января 1888 г.

От всей души благодарю Вас, многоуважаемые Анна Михайловна и Сергей Исаакович, за добрую память. Я был очень тронут, получив Ваши карточки и почувствовав себя великою пред Вами свиньей. Во всяком случае, примите мое хоть и заглазное, но тем не менее искреннее, от всей души, поздравление с новым годом и пожелания всего хорошего. В будущем году, когда Бог даст нам дожить счастливо, надеюсь мое поздравление принести Вам своевременно.

Мой искренний поклон и привет Берте Михайловне [1] (само собою разумеется, и мое поздравление с новым годом). Передайте ей, что я здесь встретился в одном доме с женщиной-врачом Долиской <*так*!>,[2] и она так восторженно отозвалась об Берте Михайловне, что меня в великое недоумение привело, ибо это был первый случай в моей жизни, чтобы женщина так хорошо отозвалась о женщине. По словам Долиской, Берта Михайловна самый лучший и самый нравственный человек их выпуска.[3]

О себе на этот раз Вам не пишу. На этих днях жду некоторые перемены в моей судьбе и тогда немедленно Вас извещу обо всем.

Всем Вашим деткам мой поклон и…. поцелуй. Разумеется, последнее не может отнестись к взрослой M-me Фишер, которой осмеливаюсь только почтительнейше кланяться.

Преданный Вам С. Эфрон.

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 10—11. Письмо на бланке с текстом: «Типография журнала “Дело”. С.-Петербург (Орловский пер., д. 1/2)».

[1] Б. М. Эпштейн, сестра Гальперсон.

[2] Возможно, врач Надежда Иосифовна Долинская, жившая на Гончарной ул., д. 7.

[3] В конце 1870-х — начале 1880-х гг. Берта Михайловна жила в Петербурге, где обучалась на Женских врачебных курсах при Медико-хирургической академии (они существовали под этим названием с 1877 г., были закрыты в 1887 г.).

4-го января 888 г.

7*

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, лето 1889 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Наконец-то я дождался Вашего письма. Вы себе представить не можете, как беспокоили меня Ваше молчание: чего-чего только не передумал я, какие только нелепые мысли не лезли в голову… Да, сильно, очень сильно огорчало меня Ваше молчание, и не только огорчало, но страшно встревожило. Но, слава Богу, Вы живы, здоровы.

Ах, дорогая Анна Михайловна, если б Вы знали, с каким удовольствием я читал Ваше письмо, — тогда Вы бы не заставили меня так долго его дожидаться. Верьте Вы мне, что после моей Любы [1] я Вас считаю самым близким, самым дорогим существом в мире. Вы себе представить не можете, какими одинокими мы чувствуем себя среди новых петербургских знакомых, в которых, к слову сказать, у нас недостатка нет. Что это за мучение нам, людям простым, вечно следить за собой, чтобы не казаться смешными со своею чувствительностью и отзывчивостью, которые петербуржцы примут за глупость. Вообразите, за два года я здесь близко не сошелся ни с одним человеком, ни с кем не удалось поговорить по душе, поболтать вовсю… А литераторы петербургские! Что это за дрянь-народ! Ни души, ни сердца у них ни капельки… А петер<бург>ские редакторы — это чиновники-администраторы, литературными предприятиями заведывающие. Как вспомнишь его, Никиту Петровича, с его большим, всеобъемлющим умом и детским сердцем, с его постоянным исканием истины, с его поэтическими грезами и гигантским полетом его могучей фантазии; как

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 10—11. Письмо на бланке с текстом: «Типография журнала “Дело”. С.-Петербург (Орловский пер., д. 1/2)». Датируется по упоминанию книги Гилярова, изданной, скорее всего, в июне 1889 г. (цензурное разрешение от 17 мая) и присланной в дар Эфрону.

[1] Жена С. К. Эфрона Любовь Максимовна; в 1899 г. они развелись.

вспомнишь этого могучего старца, в тиши [a] его незатейливой обстановки, вечно удрученного своими обстоятельствами и невзгодами и вечно неунывающего,— невольно скажешь: то был человек в высшем значении этого слова!

Прочитав Ваше письмо, я принялся перелистывать «Основные начала экономии».[1] Величавый образ дорого учителя предстал предо мною во всей своей нравственной красоте. Когда я перечитывал некоторые знакомые страницы, — мне казалось, что в ушах моих раздается тихий, мелодический голос Никиты Петровича, а его вдумчивые, голубые глаза устремлены на меня в упор, как бывало это в действительности, когда он уделял мне свой досуг, посвящая его расширению моего умственного кругозора. Да, если я способен логически мыслить, то ему одному этим я обязан: это он меня научил. Великое спасибо Вам за присылку «Основ». Это для меня большой подарок.

Да, многоуважаемая Анна Михайловна, потеря наша велика и невознаградима.

Сколько Вы перенесли нравственных мук и разочарований, я прочел в Вашем письме между строк. Понимаю, как Вам приходилось иногда тяжело. Но ведь Вы человек настоящий и в состоянии противостоять обстоятельствам, когда это требуется. Несмотря ни на что, Вы все-таки издали «Основы» и, Бог даст, издадите и другие сокровища, доставившиеся <*так!*> Вам в наследство от Никиты Петровича.

Не могу ли я Вам быть полезен вот в каком отношении: Вы, вероятно, знаете про письмо Никиты Петровича к Л. Н. Толстому по поводу исповеди последнего, которая была набрана для «Русс<кой> Мысли» и которую С. А. Юрьев прислал Никите Петровичу в гранках, с просьбой, чтобы Никита Петрович написал к этой исповеди предисловие, дабы [a] сделать ее цензурной. Н<икита> П<етрович> не только отказался написать предисловие, но написал на имя Л. Н.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: своей.

[1] Основные начала экономии: Посмертный труд Н. П. Гилярова-Платонова / С предисл. проф. И. Т. Тарасова. М.: Изд. А. М. Гальперсон, 1889. <2>, XII, 142 с.

[a] *Далее зачеркнуто*: оно.

Толстого письмо, в котором, с свойственной ему горячностью и правдивостью подверг беспощадному анализу его «Исповедь».[1] Совпадает это факт с тем временем, когда граф Толстой напечатал в «Совр<еменных> Изв<естиях>» даром статью «О Московской переписи» [2] и обещал Никите Петровичу прислать еще статьи. Вы знаете, каковы были тогда материальные средства Ник<иты> П<етро>вича и как было ему выгодно приобретение такого сотрудника, как Лев Толстой, — тем не менее, не задумываясь, он высказал ему правду, и правду жесткую, в глаза, и если хотите, то публично (письмо было гектографировано и разослано некоторым лицам) и, конечно, навсегда, навеки разошелся с графом. С этим эпизодом я хорошо знаком, ибо он совпал с моментом, когда Никита Петрович ко мне особенно благоволил, и, когда он получил знаменитые гранки, он послал за мной, заставил меня вслух читать их, а по окончании чтения передал мне о своем намерении высказать графу, насколько безнравственна его исповедь, что он в тот же день и выполнил. Если Вы найдете нужным, пришлите мне это письмо, копия которого, верно, сохранилась у Вас, и я его напечатаю в «Русс<ком> Вестнике» с разъяснениями, при каких обстоятельствах оно было [b] написано. Разумеется, что гонорар будет мною доставлен Вам на расходы по изданию «Филологического» труда Никиты Петровича. Хоть чем-нибудь хотелось бы Вам быть полезным в Ваших трудах [c], и если Вы найдете мое предложение подходящим, я буду в высшей степени доволен.

Мне положительно совестно говорить теперь [d] о себе. Но я желаю Вам выяснить, как оди<на>ково смотрим мы с Вами на литературу и как сходны наши

---

[1] Это письмо (апрель 1882 г.) было адресовано С. А. Юрьеву, но переписано самим Гиляровым и отправлено им Л. Толстому и ряду друзей, в частности — И. С. Аксакову и М. Н. Лопатину. Его впервые опубликовала Гальперсон под назв. «Н. П. Гиляров к *** (Об “Исповеди” графа Л. Н. Толстого)»: *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 428—432; в 1900 г. вновь опубликовано князем Н. В. Шаховским под назв. «Письмо к С. А. Юрьеву об исповеди гр. Л. Н. Толстого» (*Сб. соч*. Т. II. С. 287—291) с многочисленными разночтениями. Републиковано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 644—648.

[2] *Толстой Л. Н*. О переписи в Москве // *СИ*. 1882. 20 янв. № 19. С. 1.

[b] *Далее зачеркнуто*: напечатано.

[c] *Слова*: в Ваших трудах — *вписаны над строкой*.

[d] *Это слово вписано над строкой*.

литературные вкусы. Мои рассказы Вам знакомы лишь по отрывкам,[1] и я вполне понимаю, что Ваше чувство изящного было возмущено ими. Справедливо Ваше замечание, что лежачего не бьют. Сохрани меня Бог от роли бездушного палача. Живых лиц, кроме Засулич,[2] я никого в моих рассказах не вывел. Я дал только картину нравов тех негодяев, которые, кроме как быть пригвожденными к позорному столбу, ничего больше не заслуживают. Что же касается искренно заблудшихся фанатиков, то не только бросать в них камнем у меня рука бы не поднималась, но всегда я буду жалеть их, и душа моя будет о них болеть. Но достойных сожаления среди эмигрантов весьма ничтожное количество, и положение этих несчастных отчасти мною уже описано, а настоящим образом я изображу их в одном из дальнейших рассказов под заглавием «Возвращающиеся».[3] Хотя я знаю, насколько у Вас мало свободного времени, тем не менее убедительнейше прошу Вас зайти в Румянцевскую библиотеку и прочитать мой рассказ «Сашенька Франжоли», напечатанный в «С.-Петербургских Ведом<остях>» за этот год, №№ 18, 24, 25, 31 и 32.[4] Тогда Вы увидите, что я начал именно так, как это Вы мне советуете. Я бы Вам выслал эти №№, но их не только у меня нет, но и в Редакции. Два оттиска я высылаю Вам вместе с этим письмом. Когда выйдут мои следующие статьи, я Вам их вышлю, но с тем непременным условием, чтобы Вы так же резко и правдиво высказали мне всякий раз Ваше мнение, которое для меня гораздо важнее и дороже различных печатных отзывов (даже хвалебных) наших доморощенных критиков. Что касается громадного бал<л>аста, который я напечатал за этот год в «С.-Пет<ербургских> Вед<омостях>», то утруж-

---

[1] Имеются в виду рассказы Эфрона о женевской эмиграции, печатавшиеся в периодике и позже собранные под одной обложкой: *Литвин С. К.* Смутьяны: Очерки и рассказы. 1893. СПб.: «Рус. Вестник», 1893. <4>, 252 с.

[2] Вера Ивановна Засулич (1849—1919) — народница, террористка, публицист, литературный критик, переводчик, мемуарист.

[3] Возможно, речь идет о будущей публикации, названной иначе: *Литвин С.* Из рассказов и признаний эмигранта. I. Концерт // *РВ*. 1892. Т. 219, март. С. 112—128.

[4] *Литвин*. Сашенька Франжоли: Рассказ // *СПбВед*. 1889. 18 янв. № 18. С. 2; 24 янв. № 24. С. 2—3; 25 янв. № 25. С. 2—3, 31 янв. № 31. С. 2—3; 1 февр. № 32. С. 2.

дать Вас его чтением не хочу. О моих больших работах я Вам сообщу в следующий раз.

Если Вам удастся собрать Ваши статьи о театре и текущей литературе, то ради Бога пришлите. В противном случае сообщите, в каких №№ какого издания они были напечатаны,[1] и я прочту их в Публичной библиотеке, хотя, между нами будь сказано, я терпеть не могу эту библиотеку.

Мой искренний поклон Берте Михайловне, Сергею Исаакиевичу и деткам.

Любовь Максимовна кланяется Вам и всем Вашим.

Преданный Вам

С. Эфрон.

8*

С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон

С.-Петербург, 12 ноября 1889 г.

СПБ. 12/11 89 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна,

Не сердитесь, ради Бога, на меня за мое долгое молчание. Мне было не до писем даже к такому хорошему, славному человеку, как Вы. Если б Вы знали, сколько горя, несчастья, нужды, бедствий выпало за это время на мою долю! Но, слава Богу, теперь все это миновало, прошло, и я не имею желанья описывать Вам все это в подробности потому, что, зная Вашу отзывчивую натуру, не хочу огорчать Вас.

Как бы то ни было, теперь мои дела поправились, и я с особенным удовольствием спешу с Вами побеседовать. Дорогая Анна Михайловна, ради всех святых, не считайте пустым комплиментом то, что я Вам скажу: Вы чуть ли не единственная женщина — человек из всех представительниц Вашего пола, с которыми мне случалось встречаться в жизни и вряд ли кто пользовался моим

---

[1] Гальперсон в 1888—1889 гг. печатала свои статьи о литературе и театре в газете «Русское Дело».

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 12—13.

глубоким уважением, граничащим с благоговением, как Вы. Вы, по-моему, один из лучших экземпляров человеческой породы. Простите мою откровенность, я не мог не высказать Вам, что все, решительно все меня поражает в Вас: Ваш ум, Ваши вкусы, Ваша простота, Ваша беззаветная (не глупо сентиментальная, а осмысленная) преданность друзьям, Ваша честность, Ваша правдивость, Ваша деловитость и даже, по временам, Ваша резкость. — Теперь, Вы сами понимаете, что нужны были особенно неблагоприятные причины для того, чтобы я лишал себя в течение такого продолжительного времени удовольствия переписываться с Вами.

Да, эти причины были весьма грустного свойства и удручающего характера, но говорить о них теперь в подробности не стоит, да и незачем.

Я нахожусь теперь на пути к сытой жизни (поймите это выражение в смысле перспективы постоянного обеда и сносной квартиры), а после моей голодухи это для меня самое важное. Рад я главным образом тому, что выбился из нужды без сторонней помощи и никому ничем за это не обязан. Я состою теперь постоянным сотрудником журнала «Русский Вестник». Мои последние статьи «Рассказы из быта женевских бунтарей» [1] произвели большой шум, и большинство периодической печати («Новое Вр<емя>», «Свет», «Петер<бург>ские Вед<омости>», «Гражданин» и многие провинциальные издания) отнеслось к ним весьма серьезно. В Ред<акции> «Русс<кого> Вест<ника>» на меня смотрят как на крупное приобретение для журнала, что сам редактор [2] мне высказал. Значит, с этой стороны дело обстоит благополучно. Когда Вы сообщите мне Ваш адресс, я Вам немедленно вышлю оттиски моих

---

[1] *Литвин С.* Из жизни женевских бунтарей. Рассказ первый: Пиршество диких // *РВ*. 1889. Т. 203, июль. С. 91—130; II. Тайная типография // Т. 204, окт. С. 42—89; III. Папаша приехал; IV. Визит // 1890. Т. 207, апр. С. 122—134; V. Над трупом; VI. Родственные души // Т. 209, июль. С. 33—48; VII. Жданный гость // Т. 211, нояб. С. 173—193.

[2] Назван Федор Николаевич Берг (1839—1909) — поэт, прозаик; журналист, редактор журналов «Нива» (1878—1887), «Русский Вестник» (1887—1895) и «Родная Речь» (1900—1905), газет «Русский Листок» (1898—1899), «День» (1903—1909) и др.

рассказов и потребую от Вас Вашего о них мнения, которое для меня лично важнее мнения многих присяжных критиков.

Но довольно о себе. Впрочем, нет — виноват: должен еще сообщить Вам, что у меня прибавилось еще двое детей, и все мальчики. Таким образом, кроме Никиты, которому теперь 2½ года, у меня имеются Александр — год и 7 м<есяцев> и Леонид — 3 м<есяцев>.[1] Любовь Максимовна перенесла со мною все невзгоды молодцом и несчастные обстоятельства послужили только к нашему взаимному еще большему сближению.

Теперь действительно довольно о себе.

Ну, как для Вас и Вашего семейства прошли эти два года? Как идут Ваши литературные занятия? Покончили ли Вы с изданием бумаг Никиты Петровича? Написали ли, как собирались, критический очерк современной французской литературы? Одним словом, убедительнейше прошу Вас написать мне подробно обо всем Вас касающемся.

Мой искренний поклон Сергею Исааковичу и Берте Михайловне, а всех деток Ваших целую (не обиделась бы этим M-elle Евгения, она уж, кажется, взрослая барышня и к тому <же> ученица самой M-me Фишер, а ведь это не шутка!), а Калину-Малину[2] с удовольствием даже ущипнул бы за щечку, против чего она всегда протестовала.

В ожидании Вашего ответа остаюсь, преданный Вам С. Эфрон.

Адрес: СПб, Измайловский полк, 12 рота, 7.

3.3. Переписка Д. Н. Шубинского с супругами А. М. и С. И. Гальперсон (1887—1888)

[1] Никита Сергеевич Эфрон (1887—1933) стал видным дерматовенерологом, а о Леониде Сергеевиче Эфроне (1889—1942) известно, что в 1920 г. он был секретарем военной комиссии Канского уездного комиссариата, арестовывался и погиб на фронте.

[2] Калина-Малина — прозвище младшей дочери Гальперсон.

1*

Д. Н. Шубинский[1] — С. И. Гальперсону

Нижний Новгород, 21 октября 1887 г.

Милостивый Государь, Сергей Иванович![2]

В короткое свидание с Вами я все-таки мог вывести заключение о душевном расположении Вашем к покойному Никите Петровичу и истинно сочувствую этой тяжелой утрате. В тот же день, как получил это печальное известие, послал в «Биржевые Ведомости» прилагаемое краткое слово о покойном,[3] которое желал бы, чтобы было перепечатано в «Современных Известиях». —

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 1.

[1] Дмитрий Николаевич Шубинский (1829—1897) — публицист, сотрудник газеты «Современные Известия» и других изданий, помещик Калязинского уезда Тверской губернии.

[2] Нечаянная ошибка: Гальперсона звали Сергеем Исааковичем.

[3] Некролог Гилярову, написанный Д. Н. Шубинским, напечатан на первой полосе под рубрикой «Голоса купечества» как корреспонденция (с пометкой «Нижний Новгород, 15 октября») под названием «Памяти покойного Н. П. Гилярова-Платонова». Приведем его текст: «Не стало в среде истинно русских людей еще одного честного, достойного, нравственно и умственно высокоразвитого человека. Никита Петрович Гиляров-Платонов бесспорно принадлежал к числу тех общественных деятелей, утрата которых чувствуется, сознается обществом, и которые, уходя не бесследно, — заставляют думать о том, кто будет продолжателем возделывания той почвы, над которою они много лет трудились и работали? — Читавшим его можно сказать: предсмертное откровение “Из пережитого”, понятно было, каким тяжелым путем достиг он жизненной опытности и устойчивости, а в *„Современных Известиях“* постоянно и неизменно проявлялось его патриотическое, христианское и благонамеренное направление. Вследствие этого он известен был не в одной Москве, месте непосредственного жительства и деятельности, но и в провинции имя его пользовалось симпатией и уважением: всем видно было, что он из печатного слова не извлекал коммерческих выгод, не гнался за доходной популярностью, но от начала до конца пользовался тем словом с одинаковой добросовестностью, хотя, как известно, в течение почти всей своей жизни терпел вещественные невзгоды и неудачи. Мы с почтением относимся к бессребреникам в монашеской, отшельнической жизни; нас удивляют подвиги отказа их от соприкосновения с мирскими заботами и желаниями, — что же сказать об человеке, который, не надевая на себя рясы отречения, но оставаясь в шумном водовороте общественной чреды, отказался от удобств, почета и привилегий и, будучи христианином по убеждению, был, вместе с тем, бессребреником по душе, по влечению высоких чувств. С глубоким, подавленным горем отнеслись к тяжкой потере трудившиеся с ним и под его руководством; с искренним сожалением помянут все знавшие его, и немало найдется тех, кто, не имея личных отношений к покойному, но ценя по проявлениям долговременной его деятельности, — выразят сочувственным крестом уважение к памяти умершего. — Мир праху истинно сожалеемому человеку, христианину и деятелю» (Биржевые Ведомости. 1887. 19 окт. № 268. С. 1).

Не можете ли Вы сообщить мне, что предполагается относительно продолжения газеты и будет ли желательно, чтобы я остался ее сотрудником, ибо в противном случае мне придется войти в соглашение с другой редакцией.

Мне весьма желательно было переговорить с покойным о средствах к освобождению его из рук Кувшинова,[1] но не удалось узнать его мнения. Я думаю, что Ф. Н. Плевако мог бы оказать большое в этом случае содействие.

Послан был мною в редакцию рассказ: «Колдун и кликуша»,[2] если он не пригодится к напечатанию, то будьте добры выслать мне обратно, за что буду много благодарен, ибо всегда пишу прямо и у меня никаких черновых не остается.

С душевным почтением

покорный и готовый слуга

Д. Шубинский.

21 окт<ября> 1887.

NB. Если у Вас будет г. Лебедев,[3] которому я давал письмо к покойному, то прочтите то письмо.

2*

Д. Н. Шубинский — С. И. Гальперсону

Нижний Новгород, 23 октября 1887 г.

Милостивый Государь, Сергей Исакович!

Вчера, отправив к Вам письмо, я получил после этого с пришедшей почтой: последние нумера «Современных Известий» и уведомление из Москвы, что дальнейшее издание останавливается за неприисканием редактора. — В первых я мог видеть, что желание мое уже исполнено: статья из «Биржевых Ведомо-

---

[1] Издатель М. Г. Кувшинов.

[2] Этот рассказ Шубинского не был опубликован в «Современных Известиях».

[3] Вероятно, Василий Александрович Лебедев.

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 2. Штемпели на конверте: «Нижний Новгород. 25 окт. 1887»; «Москва. 26 октября 1887».

стей» перепечатана,[1] а относительно второго мне пришла мысль, не обратиться ли Вам к брату моему: [a] редактору «Исторического Вестника»?[2] — Не знаю, согласится ли он; вернее даже, что, вероятно, нет, но если нет никакого другого в виду, то попробуйте. Человек он дельный, умный и дело вести может. От Суворина [3] он получает, должно быть, около четырех тысяч; быть может, согласится на большее, что ему, как семейному человеку, не мешает. — Если дело подходящее, напишите ему и уведомьте меня, тогда напишу и я со своей стороны. — Адрес его следующий: С.-Петербург. Угол Знаменской и Итальянской, дом № 10—28, кв. 9. Его превосходительству Сергею Николаевичу Шубинскому.

Буде же есть, кто в виду, то долго не откладывайте: не отвыкли бы подписчики от газеты, получая за это время другие.

С искренним почтением покорный и готовый слуга Д. Шубинский.

23 окт<ября> 1887 г.

<*Адрес на конверте*:>

Москва.

Милостивому Государю, Сергею Исааковичу Гальперсон.

Малый Знаменский переулок, дом Четвертинской.[4]

3*

Д. Н. Шубинский — С. И. Гальперсону

Нижний Новгород, 24 декабря 1887 г.

Поздравляю Вас с праздником [1] и наступающим новым годом, уважаемый Сергей Исакович. Душевно желаю Вам всего возможно лучшего в жизни. —

---

[1] См.: *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 2.

[a] *Далее зачеркнуто*: изда<телю>.

[2] Сергей Николаевич Шубинский (1834—1913) — историк и журналист, основатель и редактор журналов «Древняя и Новая Россия» (1875—1881) и «Исторический Вестник» (с 1880 г.).

[3] А. С. Суворин стал издателем «Исторического Вестника».

[4] Княгиня Надежда Федоровна Четвертинская (Святополк-Четвертинская; ур. княжна Гагарина; 1790—1883) — московская домовладелица.

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 4—4 об.

Я все ждал объявления о выходе «Современных Известий», но, как видно, участь их будет весьма печальная, и если Петровский уронил «Московские»,[2] то покупщик «Современных» сам упадет под ними.

Все это время да и по сей час сильно хвораю, и хотя крайне нужно было бы побывать в Москве, но не могу этого исполнить в течение неопределенного и, надо полагать, продолжительного времени.

Один господин хочет издавать здесь газету;[3] он просил меня принять заведывание литературным отделом, — я отказался, ибо здоровье не позволяет мне такой работы. — При случае не могу ли я отрекомендовать Вас: поедете ли в Нижний и за какое вознаграждение?

Всегда покорный и готовый слуга Д. Шубинский.

24 дек<абря> 1887 г.

4*

С. И. Гальперсон — Д. Н. Шубинскому

Москва, конец декабря 1887 г.

Благодарю Вас[a] за поздравление и прошу от меня принять такое же, вместе с пожеланием всякого счастья в наступающем году. Глубоко сожалею, что здоровье Ваше все еще плохо; может быть, будущий год [b] принесет Вам улучшение.

«Современные Известия» не выходят, потому что владельцу их [4] не дано разрешения издавать их под своим редакторством, а он из тщеславия другого редактора не назначает. Мечтает он добиться разрешения в течение 1888 года и

---

[1] С Рождеством.

[2] С. А. Петровский, с октября 1887 г. редактор «Московских Ведомостей».

[3] Этот замысел не был реализован: в 1887—1889 гг. в Нижнем Новгороде не основывались новые газеты.

[*] Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 11>. Л. 1—1 об. Написано карандашом А. М. Гальперсон от имени мужа С. И. Гальперсона. Чернилами приписано: «Письмо к Шубинскому от С. И. Гальперсона».

[a] *Было*: Поздравляю Вас.

[b] *Далее зачеркнуто*: и в этом.

[4] Речь идет об А. И. Елишеве.

приняться за издание в сентябре или октябре; но едва ли ему это удастся. Это человек поверхностный, фразер, и его, должно быть, в Петербурге так и поняли.

Благодарю за лестное предложение относительно новой газеты. К сожалению, принять его не могу; по крайней мере, не могу переехать в Нижний. Но если будущий издатель нуждается в сообщениях отсюда, в телеграммах, фельетонах, корреспонденциях из Москвы, переводных рассказах, я могу доставлять их отсюда своевременно и недорого.

Кроме того, для проверки административной части я мог бы временами наезжать в Нижний, довольствуясь также небольшим вознаграждением, кроме расходов по поездке.

5*

Д. Н. Шубинский — С. И. Гальперсону

Москва, 27 июня 1888 г.

Не будете ли так добры, уважаемый Сергей Исакович, сообщить мне имя и отчество г. Шарапова, — издателя-редактора «Русского Дела». — Вот уже полгода посылаю ему статьи и нужно написать лично к нему, а, не зная имени и отчества, сильно стесняюсь. — Много буду Вам благодарен за сообщение и вместе с тем прошу извинения за делаемое Вам беспокойство. —

«Современные Известия», как видно, погибли окончательно. Это искренно жаль. Если уведомите меня, как Вы сами устроились, то доставите большое удовольствие в случае сведения благоприятного. —

Примите уверение в душевном почтении и преданности.

Всегда покорный слуга Д. Шубинский.

27 июня 1888 г.

Адрес тот же: Ильинка, дом Смирнова.[1]

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 5—5 об. Сверху в левом углу рукой С. И. Гальперсона помечено: «Ответ 17 июля / 1888 г.».

6*

С. И. Гальперсон — Д. Н. Шубинскому

Москва, 1888 г.

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич![a]

Спешу сообщить Вам, что Шарапова зовут: *Сергей Федорович*.

«Современные Известия» еще не совсем погибли: Елишев надеется еще их выпустить в октябре м<еся>це.

К сожалению, благоприятных сведений о себе сообщить не могу. Я теперь стараюсь попасть бухгалтером в новое страховое общество «Москва»[2] (я знаю, что Вы не одобряете это общество). Вопрос решится только в половине июля. Одно время я даже хотел обратиться к А. А. Зевеке [3] с просьбою дать мне занятие у него. Авось в коммерческом круге устроюсь лучше. Газетные дела все плохи.

Если Вам, м<ного>ув<ажаемый> Д<митрий> Н<иколаевич>, понадобится от меня какая-нибудь услуга, [a] сделайте милость, обращайтесь без стеснения: с удовольствием буду исполнять. [b]

Как Вы себя теперь чувствуете? [c] Не сообщите ли Вы мне чего радостного о себе? Не собираетесь ли Вы в Москву? Если дела Вас призовут сюда, [d] просим милости к нам. Можете смело остановиться у нас насколько пожелаете [e].

---

[1] Дом московского купца Арсения Васильевича Смирнова располагался по левой стороне Ильинской ул., д. 37 (см.: Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 год. М.: Изд. А. С. Суворина, 1894. Ч. I. Стб. 122).

[*] Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 6—6 об.

[a] *Далее зачеркнут вариант начала письма*: С готовностью на всякую Вашу просьбу, я и на это спешу В<ам>.

[2] Страховое общество «Москва» было основано 19 февраля 1888 г., страховало от огня, было ликвидировано в 1893 г. из-за утраты резервов и основного капитала.

[3] Нижегородский предприниматель Альфред Александрович Зевеке (1822—1887) основал «Общество пароходства и торговли», московская контора которого располагалась на углу Большой Лубянки и Софийки, в доме княгини Голицыной (см.: Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 год. М.: Изд. А. С. Суворина, 1894. Ч. II. Стб. 343).

[a] *Далее зачеркнуто*: то.

[b] *Далее зачеркнуто*: Если Вы будете в Москве, то.

Уважающий Вас С. Г<альперсон>.

3.4. Переписка супругов А. М. и С. И. Гальперсон с А. И. Елишевым и его братом (1887)

1*

С. И. Гальперсон — брату А. И. Елишева

Москва, ноябрь (?) 1887 г.

Милостивый Государь, Алек. Ан.

Не зная адреса Вашего брата Алексея Ивановича,[1] обращаюсь к Вам с вопросами, которые [a] очень важны для будущего успеха газеты. Вдова покойного редактора-издателя «Современных Известий»[2] покидает квартиру, в которой помещалась и контора. Куда девать все книги и документы, относящиеся к делу? Не оставить ли [b] контору пока на месте?

Кроме того, время уходит, а обменные объявления [3] очень важно пустить заблаговременно. Не распорядится ли он отсылкой объявления о предстоящем возобновлении газеты во все столичные и провинциальные издания? Не известит

---

[c] *Далее зачеркнуто*: Не собираетесь ли.

[d] *Далее зачеркнуто*: то.

[e] *Было*: сколько пожелаете времени.

* Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 10>. Л. 1—1 об. Письмо написано полустершимся карандашом А. М. Гальперсон от имени ее мужа С. И. Гальперсона. Адресовано к брату А. И. Елишева, имя которого установить не удалось. Датировано с учетом того факта, что Гальперсонам не был известен адрес А. И. Елишева, выясненный ими к 1 декабря. Ни имя, ни фамилию брата (судя по отчеству, начинающемуся с «Ан.», не родного, а, возможно, двоюродного) выяснить не удалось.

[1] А. И. Елишев — журналист, дворянин Смоленской губернии, воспитанник С.-Петербургского технологического института, корреспондент «Голоса» и «Живописного Обозрения»; редактор-издатель «Смоленского Вестника» (1879—1890), позднее инспектор народных училищ в Верейском уезде Московской губернии. В 1887 г. приобрел права на издание «Современных Известий», но не смог ими воспользоваться.

[a] *Далее зачеркнуто*: имеют.

[2] Вера Алексеевна Гилярова-Платонова.

[b] *Далее зачеркнуто*: квартиру.

[3] *Обменные объявления* — реклама об открытии подписки, которая публиковалась безденежно, взаимозачетом в двух изданиях, договорившихся об этом.

ли теперь подписчиков об этом [a] (о каком-либо соглашении с ними), дабы сохранить их (для своей газеты) на будущее время?

Наконец, не нужно ли ему каких-либо указаний и помощи в хлопотах по разрешению издания? Некоторые знакомства в Петербурге дают мне возможность оказать ему немаловажное содействие.

Ввиду важности вышеприведенных вопросов не найдете ли Вы, Милостивый Государь, возможным [b] дать мне на них ответ немедленно. Всего скорее желательно узнать о[c] его намерениях относительно помещения для конторы.

Заведывание делами редакции «Современных Известий» лежало при Н. П. Гилярове-Платонове на мне. Ввиду этого, [d] не зная адресса Алексея Ивановича Елишева, обращавшегося уже ко мне за некоторыми указаниями, обращаюсь ввиду того, что перед началом года многие газеты обмениваются даром [f]

2*

С. И. Гальперсон — А. И. Елишеву

Москва. 1 декабря 1887 г.

Милостивый Государь, Алексей Иванович!

Любовь Федоровна [1] сейчас была у нас с просьбой снарядить Веру Алексеевну Гилярову в Петербург. Считаю долгом сообщить вам по этому поводу следующее.

Вера Алексеевна никогда в дела своего мужа не вмешивалась, понятия о них не имеет, и притом она так стара и дряхла, что скорее послужит для Вас бременем, нежели подмогой. Вам нужно собственно ее имя, а не она сама, ибо за

---

[a] *Слова*: об этом — *вставлены над строкой рукой С. И. Гальперсона*.

[b] *Далее зачеркнуто*: известить Алексея Ивановича о них по телеграфу и попросить у него инструкций и уведомить меня немедленно.

[c] *Далее зачеркнуто*: помещ<ении>.

[d] *Далее зачеркнуто*: осмеливаюсь.

[f] *Эта строка написана рукой С. И. Гальперсона*.

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 10>. Л. 1—3. Черновик. Письмо написано А. М. Гальперсон от имени ее мужа С. И. Гальперсона (сначала написала от своего имени, а потом переделала).

[1] Предположительно, жена А. И. Елишева.

ее подписью можно составить гораздо более убедительные письма, нежели будут убедительны ее слова.

Поэтому с согласия Любови Федоровны составлено нами письмо к К. П. Победоносцеву, под которым Вера Алексеевна подписалась и которое, несомненно, будет иметь вес. Кроме того, [a] от имени Веры Алексеевны моя жена [b] писала И. А. Пашкову. Письмо это Любовь Федоровна пересылает Вам с предложением лично его доставить: Ипполит Александрович — прекраснейший человек, очень уважал Никиту Петровича, много содействовал Вере Алексеевне и ради нее не откажется подать Вам совет [c].

Вера Алексеевна, кроме того, сегодня же подпишет докладную записку к генерал-губернатору,[1] которая подана будет князю лицом, очень им уважаемым, а именно археологом Е. В. Барсовым. Голос генерал-губернатора столь важен в этом деле, что, если бы в Вашу бытность здесь Вы нашли возможным явиться к нему от имени Веры Алексеевны, разрешение [d] было бы получено Вами [e] немедленно. Мы полагаем, впрочем, что и без Вашего присутствия записка Веры Алексеевны произведет свое действие.

Наконец сию минуту жена моя собирается [f] писать князю Шаховскому, служащему в Министерстве [g] Внутренних Дел. Он может указать, чрез кого следует воздействовать на графа Толстого.[2]

Мы с [h] Любовью Федоровной пришли к заключению, что Вам лучше всего уведомлять нас по телеграфу, когда и где нужно Вам имя Веры Алексеевны, и

---

[a] *Далее зачеркнуто*: я.

[b] *Слова*: моя жена — *вставлены над строкой*.

[c] *Далее зачеркнуто*: в случае нужды он укажет Вам, кого назвать редактором, чтобы разрешение было немедленно получено.

[1] Князь В. А. Долгоруков.

[d] *Далее зачеркнуто*: Вам издания.

[e] Это слово вписано над строкой.

[f] *Было*: я собираюсь.

[g] *Далее зачеркнуто*: Иностранных.

[2] Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой.

[h] *Далее зачеркнуто*: мужем и.

мы будем стараться в тот же день с курьерским поездом отсылать по указанному адресу письма за ее подписью.

Кстати, многоуважаемый Алексей Иванович, позвольте [i] подать Вам три [a] совета.

1. Теперь самое лучшее время для рассылки публикаций. Как только получите разрешение, пришлите нам телеграфическое уведомление, и мы составим [b] для рассылки обменное [c] объявление; в декабре многие газеты печатают подобные объявления даром; с нового года за них придется платить.

2. Если удосужитесь, побывайте в Северном Агентстве и [d] поговорите с управляющим, не уступит ли он Вам телеграммы за 300 р. в месяц вместо 380 р., которые уплачивал Никита Петрович. Экономия выйдет немаловажная. Вы можете сослаться на неуверенность в доходах газеты.

3. Получаются очень выгодные от разных типографий предложения. Не условиться ли с какою-нибудь из них заранее? Так, один типографщик предлагает печатать по 37 рублей в день, если будет газета выходить в количестве 6 или 7 тысяч.

При желании Вам полного успеха остаюсь Вашим [e] покорным слугою.

Г<альперсон>.

3*

С. И. Гальперсон — А. И. Елишеву

Москва, 2 декабря 1887 г.

Из моей телеграммы Вы знаете [a], что докладная записка генерал-губернатору подана и принята им очень благосклонно. Подателю Елпидифору

---

[i] *Далее зачеркнуто*: от имени моего мужа.
[a] *Это слово написано над зачеркнутым*: два.
[b] *Далее зачеркнуто*: объявление.
[c] *Было*: обменных.
[d] *Далее зачеркнуто*: условьт<есь>.
[e] *Далее зачеркнуто*: Милостивый Государь.
* Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 10>. Л. 4. Письмо написано А. М. Гальперсон от имени ее мужа С. И. Гальперсона.

Васильевичу Барсову он сказал: «Передайте г-же Гиляровой, что я сделаю все от меня зависящее и сегодня же напишу Феоктистову». Генерал-губернатор известен всей Москве твердостью своего слова, и нет сомнения, что письмо Феоктистову будет написано.

Копию с докладной записки вышлю Вам завтра. [b]

Вчера я забыл упомянуть, что кроме перечисленных Вам писем послано еще письмо к правителю дел в Главном Управлении по делам печати Василию Семеновичу Адикаевскому.[1] Этот правитель дел — близкий друг Николая Яковлевича Дубенского,[2] одного из бывших сотрудников «Современных Известий». От Дубенского и послано письмо с просьбою посодействовать Вам.

Примите[c]

4*

А. М. Гальперсон — А. И. Елишеву (?)

Москва, декабрь 1887 г.

В письме должно быть упомянуто, что письмо вручается А. И. Елишеву самою вдовою,[3] которая просит о немедленном решении, в чем она материально заинтересована, т. е. в случае задержки издание должно будет прекратиться и это невыгодно отразится на ней.

3.5. Письма Рцы (И. Ф. Романова) к П. И. Бартеневу (1887)

---

[a] *Это слово написано над зачеркнутым*: узнали.

[b] *Далее зачеркнуто сначала*: Барсов советует Вам с своей стороны телеграфировать генерал-<губернатору>; *затем*: Во вчерашнем письме.

[1] Василий Семенович Адикаевский (1835—1907), помощник правителя дел канцелярии Главного управления по делам печати (с 1867 г.), правитель (с 1877 г.).

[2] Николай Яковлевич Дубенский (1822—1892) — агроном, писатель на сельскохозяйственные темы.

[c] *Письмо не дописано*.

* Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 8>. Л. 1—1 об.

[3] Упомянута В. А. Гилярова-Платонова.

1*

Рцы (И. Ф. Романов) — П. И. Бартеневу

Киев, 13 ноября 1887 г.

Милостивый Государь, Петр Иванович,

Не знаю, найдете ли Вы возможным поместить на страницах Вашего прекрасного сборника [1] посланную мною вчера статью о Н. П. Гилярове.[2] Если нет, не откажите возвратить мне рукопись назад, если да, позвольте попросить с Вас взятку, не деньгами, но натурою, пером и чернилами, так сказать… Вот в чем моя просьба, но прежде несколько слов о личности пишущего настоящие строки. Это отчасти необходимо, как выяснится, надеюсь, из последующего.

«Хохол», черниговец по рождению,[3] думаю, воспитанием, всеми привязанностями и убеждениями я — москвич.[4] Заброшенный судьбою со школьной скамьи сперва в глухую провинцию на юг России, затем в Киев, где я недолго служил по судебному ведомству,[5] я, казалось, уже навеки порвал с любимою

---

* Печатается впервые по автографу: ГИМ. Ф. 368 (Материалы редакции журнала «Русский Архив»). Ед. хр. 1. Л. 34—35 об.

[1] Имеется в виду журнал «Русский Архив», основанный П. И. Бартеневым в 1863 г. в Москве.

[2] Из дальнейшего содержания становится ясно, что в состав статьи Рцы было включено письмо Гилярова «о спиритизме». Значит, речь идет о статье, так и не появившейся в «Русском Архиве», но спустя пять месяцев увидевшей свет в московской газете: *Рцы <Романов И. Ф.>*. Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме: (Неизд. письмо покойного <от 15 августа 1884 г.>) // *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21 (переизд. нами: *Возвращение*. С. 343—351). Поскольку ответные письма Бартенева к Рцы не сохранились, можно только предположительно судить, почему тот отказался публиковать статью мемуарного характера о недавно почившем писателе, вполне соответствовавшую профилю его издания. (Предположительно потому, что Бартенев с середины 1860-х гг. неприязненно относился к Гилярову и ему претили восторженные оценки Рцы.)

[3] Рцы, по словам его сотоварища, публициста газеты «Россия», «выходец из потомственных дворян Черниговской губернии» (*Я—в Дм. <Якушев Д. П.>*. И. Ф. Романов (Рцы): (Некролог) // Россия. 1913. 18 мая. № 2303. С. 3).

[4] Рцы обучался в Катковском лицее и Московском университете, который окончил со степенью кандидата прав в 1881 г.

[5] С 17 ноября 1881 г. Рцы служил при Нежинском окружном суде (с 10 января 1882 г. на три месяца был командирован в помощь к судебному следователю 2-го участка Конотопского уезда), а 29 августа 1882 г. переведен в распоряжение прокурора Киевской судебной палаты. 2 декабря 1882 г. получил чин коллежского секретаря. 10 января 1883 г. Рцы уволился от службы по прошению. См. его Аттестат: РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18340. Л. 137—139.

Москвою; случилось, однако, так, что сношения с нею возобновились, и притом не в узкой сфере знакомых и товарищей по Университету (и Лицею).

Некоторые события моей жизни заставили меня выскочить из столь обычной колеи «отлично-усердного» [1] прохождения службы. Высшие интересы, отвлеченные вопросы, дотоле как бы дремавшие где-то [a] на дне моей души заставили меня расстаться с X т<омом> и Улож<ением> о наказ<аниях>,[2] вынудили покинуть исследование истины судебной для разыскания истины абсолютной. Вопросы *веры*, утраченной в треволнениях легкомысленной юности, поглотили меня всецело. Не стану, конечно, передавать историю этого болезненно-напряженного уединенного [b] труда, бесполезно было бы пытаться хотя отчасти изобразить психологическую драму, мною пережитую, скажу только, что она *закончилась Хомяковым*, это значит, что если до известного времени у меня было всего пять чувств, то с тех пор как счастливый случай натолкнул меня на величайшего из гениев, каких только знает история, у меня явилось новое *шестое* чувство, для которого открылся целый новый мир, неведомый и чудесный… Открытие Хомякова, никому почти доселе неведомого, возбудило желание попытаться и другим показать дорогу к нему (а сколько таких же, как и я, «гладом гибнущих» и желающих — по неведению, единственно по неведению! — насытиться хотя бы «от рожец»!.. [3]), отсюда робкие дебюты на литературном поприще, отсюда сношения с Москвою в области печатного слова, и в частности знакомство (заочное, увы!) с досточтимым Н. П. Гиляровым-Платоновым.

Началось оно именно с того письма по поводу спиритизма, которое приведено было в моей статье, и продолжалось, кажется, вплоть до 85 г., когда жесто-

---

[1] От канцелярского выражения «в воздаяние отлично-усердной службы и неутомимых трудов», употреблявшегося при награждении чиновников.

[a] Это слово вписано над строкой.

[2] Названы: X том Свода законов («Свод законов гражданских и межевых») и «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (СПб., 1845) — первый уголовный кодекс в истории России.

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[3] Реминисценция евангельской притчи о блудном сыне. Ср.: «И желаше насытити чрево свое от рожец, яже ядаху свиния <…> аз же гладом гиблю…» (Лк 15: 16—17).

чайший тиф свалил меня с ног и, хотя не унес в могилу, но довел мой донельзя расслабленный предшествующими душевными потрясениями и непомерными умственными занятиями организм до такого состояния, что, кажется, и самая смерть была бы предпочтительнее тех невыразимых мук, которые я вынес за два почти года… Хотя и теперь я еще весьма и весьма далек от полного выздоровления, хотя и сейчас моя *Arbeitskraft* [*], как говорят немцы, равная почти нулю, бо2льшую часть времени заставляет проводить в тягостном бездействии, но уже зимою прошлого года я стал проявлять некоторые признаки жизни и тогда же [a] между прочим вновь возобновились сношения с Н<икитой> П<етровиче>м,[1] в результате которых явилась у меня целая серия писем покойного,[2] представляющих не только биографический, но также высокий философский и исторический интерес. Надеюсь со временем привести в порядок эти замечательные письма и, снабдив надлежащим комментарием (без которого они не могут быть поняты), издать их. В настоящую минуту я позволю себе остановить Ваше внимание на двух из них, точнее на двух местах из двух названных писем, которые касаются Хомякова и которые вместе с тем дали мне повод утрудить Ваше внимание настоящими строками и испытать Вашу любезность очень большою просьбою.

Вот первое место:

«Алексей Степанович был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (и особенно из религиозной сферы, что́2 значительно смущало верую-

---

[*] рабочая сила (*нем.*).

[a] *Слова*: тогда же — *вписаны над строкой*.

[1] Эпистолярное общение с Гиляровым возобновилось в октябре 1886 г., когда Рцы прислал для публикации в «Современных Известиях» одну за другой две свои статьи.

[2] До наших дней дошло 16 писем Гилярова к Рцы, не считая ответа Гилярова на открытое письмо о смысле церковной анафемы, опубликованного в составе передовой статьи: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 27 января // *СИ*. 1884. 28 янв. № 27. С. 1—2 (перепеч. князем Н. В. Шаховским в 1906 г. под назв. «О церковном отлучении»: *Вопросы веры и церкви*. Т. 2. С. 404—405). Письмо Рцы, увидевшее свет в той же передовой статье, републиковано нами в изд.: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 354—355.

щих людей, не знавших его ближе; не иначе как с негодованием отзывались они об ЭТОМ НЕИСТОЩИМОМ КОЩУНСТВЕ над святынею)…» [1]

Сказать ли Вам, как поразили меня эти слова? Из предыдущего уже видно, чтó2 для меня Хомяков: я не только преклоняюсь, благоговею перед ним, я испытываю по отношению к нему благодарную любовь, как к личному благодетелю, и вдруг такое сообщение! «Неистощимое кощунство»! Но ведь это значит, что Хомяков был лицемером, ибо как соединить искренность веры с хулою на святыню? Лицемерие… но ведь это, по-моему, худший из грехов! Откровенное безбожие разве не предпочтительнее, дерзну сказать, не почтеннее во сто крат? Но как, *лицемеру* могли быть даны такая прозорливость духовная, такая сила слова, такое глубокое постижение истины Христовой? Нет ли тут недоразумения? Ведь грех нечего таить, наш брат русский куда как падок на сквернословие (совсем цинично-грубое, как у простого народа, или более утонченное *интеллигентное*, но, может быть, не менее безнравственное), какой-нибудь пикантный анекдот о разжиревшем не в меру монахе или что-нибудь подобное ведь чего доброго и с уст святого, если он русский, может сорваться, но разве это будет кощунство?

Трогательная по своему смирению надпись на могильном памятнике Хомякова [2] напоминает прекрасные слова Златоуста: «Хотя он и Павлом был, но и Павел тоже человек был»,[3] да, хотя Алексей Степанович и зовется Хомяковым, но и он был грешным человеком, притом русским с русскими грехами человеком, но лицемер, но кощунник… Нет, я отказываюсь верить… Сколько раз я собирался обратиться к покойному Никите Петровичу за разъяснениями специально этого места его письма и так и не собрался! Я все откладывал этот вопрос до

---

[1] Цитата из письма Гилярова к Романову-Рцы от 11 января 1887 г. (*Письма к Рцы*. С. 326).

[2] На памятнике А. С. Хомякова в московском Новодевичьем монастыре высечено несколько библейских изречений, в частности — на лицевой стороне: «Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит!» (Пс 129: 3), на правой стороне: «Аще <же> умрохом со Христом, веруем яко и живи будем с ним» (Рим 6: 8).

[3] Источник изречения — начало 10-й главы 1-й Беседы святителя Иоанна Златоуста на послание к Галатам.

личного свидания. Мне так хотелось, я так жаждал увидеть этого «последнего из славных», как кто-то сказал на похоронах Гилярова,[1] но злая разлучница-смерть не дала исполниться моей мечте!

Но, ради Бога, не откажите Вы по крайней мере рассеять мои сомнения или, если уже на то пошло, закрепить их. Я приготовился услышать даже самое худшее, самое ужасное…

Вот второе место и вместе вторая моя просьба.

…«Приятнее мне Вас порадовать вестью, что отыскалась Записка Ю. Ф. Самарина о подслушанной молитве Хомякова,[2] в высшей степени интересная, можно сказать — захватывающая. В бумагах покойного Самарина не оказалось ее, и он держал ее в секрете. Я читал ее в свое время и рекомендовал ее поискать Лясковскому,[3] специально занимающемуся Хомяковым;[4] указал пути, куда направить поиски. На днях» (письмо писано 9-го февр. 87 г.) «получил известие, что она найдена, и даже получил обещание, что список будет мне доставлен (Вам как почитателю Ал<ексея> Степановича, я тоже пришлю копию тогда)».[5]

1) О какой это молитве говорится? Хомяков некогда сочинил молитву, молился по ней, а Самарин подслушал когда-нибудь и записал? Так?

2) Не может быть, чтоб у Вас не имелось «списка», о котором здесь идет речь, и в таком случае не соблаговолите ли Вы обрадовать ревностного «хомяковца» (как называл меня Гиляров [6]) присылкою означенной молитвы или, вер-

---

[1] Фрагмент надписи на одном из погребальных венков. См.: <*Рождественский В. П., прот.*>. Москва, 25 октября // *МЦВед*. 1887. № 43. 25 окт. С. 547.

[2] Впервые опубл.: Отрывок из записок Ю. Ф. Самарина: (Сообщено баронессою Э. Ф. Раден) // Татевский сборник. СПб.: Изд. С. А. Рачинского, 1899. С. 128—133. «Молитвой» Хомякова Гиляров называет его исповедальный рассказ в связи с кончиной его супруги Екатерины Михайловны, позволивший «проникнуть в тайное этой непрерывной беседы его с Богом».

[3] Валерий Николаевич Лясковский (1858—1938) — общественный деятель, исследователь славянофильства, литературовед; лесовод.

[4] Речь идет о работе В. Н. Лясковского над исследованием «Алексей Степанович Хомяков. Его жизнь и сочинения» (М., 1897. VIII, [2], 176, II с.; впервые: *РА*. 1896. Кн. III, вып. 11).

[5] Цитата из письма Гилярова к Романову-Рцы от 9 февраля 1887 г. (*Письма к Рцы*. С. 334).

[6] В письме от 23 ноября 1886 г. (см.: Там же. С. 302).

нее, записки Ю. Ф. Самарина о ней? Смерть не позволила, увы! бедному Никите Петровичу сдержать обещание, и я ничего от него не получил.

Простите, Милостивый Государь, мою бесцеремонность и примите уверение в совершенном уважении и глубочайшей преданности Вашего покорного слуги.

Ив. Романов.

Ноября 13-го дня 1887 года. Киев.

Адрес мой:

Киев, Золотоворотская, 1.

Ивану Федоровичу Романову.

2*

Рцы (И. Ф. Романов) — П. И. Бартеневу

Киев, 28 ноября 1887 г.

Милостивый Государь, Петр Иванович,

Приношу Вам глубочайшую благодарность за письмо Ваше, способствовавшее рассеянию сомнений, лежавших тяжелым камнем на моей душе. Не знаю чувства обиднее, больнее, как чувство разочарования… Этому именно последнему чувству суждено, по-видимому, сменить во мне высокое мое мнение о Гилярове.[1]

С разных сторон, даже с таких, откуда всего бы менее можно было ожидать, долетают до меня отзывы не вполне благоприятные для памяти покойного; видно, придется — хотя это и очень больно — помириться с мыслью, что нравственный уровень Гилярова был ниже его умственной высоты…

Как бы, однако, его ни судить, думаю все-таки, что Гиляров — лицо историческое, а потому и письма, им написанные, тем более такие, как имеющиеся у меня, принадлежат истории. На днях я узнал, что уже существует намерение из-

---

* Печатается впервые по автографу: ГИМ. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 36—39.

[1] См. реакцию А. М. Гальперсон на это место в ее письме к князю Н. В. Шаховскому от 13 апреля 1893 г. (опубл. выше).

дать его переписку; обратятся, значит, и ко мне. Имею ли я какое-нибудь право (нравственное, а не юридическое) отказать в присылке писем, предполагая, что будет обращена ко мне подобная просьба? Мне кажется: нет. Как же тогда быть с письмом, в котором заключается известный отзыв о Хомякове? Убедительнейше прошу Вас позволить мне обратиться к Вам с этим вопросом. По-моему, вопрос идет о деле *исторической совести* — вот основание, чтоб обратиться не к кому другому, как именно к Вам.

Историческое письмо, может, так. Отзыв исторически известного человека о современнике, которого первый близко знал, отзыв, положим, явно несправедливый, допустим даже — клевета… Не уничтожить ли письмо? Без сомнения, пресмыкающаяся зависть, фанатизм ограниченности, уже произнесший некогда над могилою великого человека слово: «иересиарх», доморощенный папизм и доморощенный протестантизм, фальшивое благочестие и криводушное безверие, вся эта русская накипь, все эти темные силы с неистовым злорадством поспешат подхватить хулу, чтоб умалить величие великана, самый рост которого уже кажется нестерпимою обидою для пигмеев… Зачем же подвергать опасности память дорогого человека? Да, непременно письмо, о котором идет речь, должно подлежать уничтожению, так по крайней мере должно бы подсказать первое движение чувства. Поразмысливши, однако, невольно приходишь к заключению, что чувство для своего намерения не находит достаточного подкрепления со стороны бесстрастного рассудка. В самом деле, насилием заградишь ли злословящие уста? Удавалось ли когда исказить историю или, наоборот, восстановить затерянную в ней правду *механически*, уничтожением, подлогом документов и проч.? Наконец, согласно ли с *историческою совестью* уничтожать документ, хотя бы и с явно ложным отзывом о том или другом историческом лице, пусть это лицо и бесконечно нам дорого? По-*Хомяковски* ли будет спасать Хомякова средствами, достойными иезуитов? Вот вопросы, от которых никак не могу отделаться. Что пустить гулять по белу свету названное письмо невозможно — это для меня очевидно, что оно не должно попасть в печать без подробного, автори-

тетного комментария, уничтожающего в корне, так сказать, яд ложного свидетельства, — это, в моих глазах, не подлежит сомнению, но следует ли его уничтожить — недоумеваю. Убедительно прошу Вас научить меня, как поступить в данном случае. *Ваш совет я исполню беспрекословно*.

Примите уверение в совершенном уважении Вашего покорного слуги

Ив. Романова.

P. S. Не разрешите ли Вы мне переслать Вам это злосчастное письмо в полное Ваше распоряжение? Для меня это был бы самый желательный исход.

Вот письмо, глубокоуважаемый Петр Иванович, которое уже немало времени лежит у меня на столе. Я все как-то не решался сдать его на почту; лишь все казалось, что в мыслях моих какая-то неясность… Клевета… это все равно как если бы кто обухом по голове ударил; только глаза таращим да руками разводим, голова же отказывается работать, не удивительно, что мысли путаются, нелепы… К счастью однако, из этого состояния оцепенения вывело меня письмо, неожиданно полученное от Д. А. Хомякова. Предполагаю, что содержание этого письма Вам более или менее известно. Не могу не выразить благодарности Дмитрию Алексеевичу за счастливую мысль попытаться взглянуть на дело так, как бы перед нами находился свидетель неопороченный, словам которого можно довериться… Голова освобождается от давившей ее тяжести, мысль вступает в свои права, является возможность рассуждать… Таким анализом выражения Гилярова в связи с тем, что было сказано Ю. Ф. Самариным в его знаменитом предисловии к II т. соч. Хомякова. Д<митрий> А<лексеевич> выясняет, что в сущности Гиляровым не сказано чего-нибудь такого, что не было бы и у Самарина. И с этим нельзя не согласиться. Страшно ведь тут только одно слово (кощунство), но едва ли нужно доказывать, что сплошь и рядом слово, срываясь с языка человека, думавшего, положим, о белом, поражает слух другого представлением о черном. Я застаю за картами человека, которому, предположим, поручено ведать важные государственные или общественные дела, притом

в какую-нибудь особо критическую минуту, ну хоть бы Ветлянскую чуму [1] уничтожать, что ли. Очень может быть, что наш герой первый раз в жизни подсел к зеленому столу, более чем вероятно, что никакого упущения не произойдет оттого, что истребитель чумы вздумал слегка «повинтить»,[2] но меня в высшей степени неприятно поразило несоответствие занятий отца отечества, и вот под этим досадным [a] впечатлением я спешу известить приятеля: «Вы ждете спасения от NN? Какая наивность! Можно ли ждать добра от *картежника*». Посмотрите, ведь здесь чистейшая клевета, но назовете ли Вы меня клеветником? Так постник, случайно проглотивший глоток вина, превратится в «пьяницу», опять-таки в предубежденных, ослепленных теми или иными душевными аффектами глазах грешного человека, не умеющего ни владеть собою, ни взвешивать все последствия опрометчиво брошенного на ветер слова (недаром сказано: «Кто скажет: безумный, подлежит геенне огненной» [3]). Эти соображения, по-моему, необходимо иметь в виду, прежде чем произносить осуждение Гилярову. Клевета требует непременно наличности *злого умысла. Неосторожность* еще не есть клевета, сколько бы вреда она ни причинила. Но и для неосторожности в данном случае отыскивается весьма важное психологическое оправдание. Письмо Гилярова (которое я решаюсь немедленно же Вам переслать) писано в явно раздраженном состоянии духа. Это явствует не только из тона письма, почти грубого в сравнении с предшествующими и последующими, но даже из самого почерка, необычно неровного. В письме этом, как увидите, встречаются очень жесткие

---

[1] Имеется в виду вспышка легочной чумной эпидемии в России — впервые с XV в. — произошедшая в приволжской станице Ветлянская Астраханской губернии, Енотаевского уезда, осенью 1878 г. — зимой 1879 г. На эпидемию сначала не обратили особого внимания «как на противоречащую данным науки». Но к началу зимы чума перекинулась на многие селения по обеим сторонам Волги, порой за два-три часа губя совершенно здоровых людей. В декабре 1878 г. все постройки в зараженных селениях были сожжены вместе с имуществом поселян. В январе 1879 г. в Царицын прибыл гр. М. Т. Лорис-Меликов во главе особой Комиссии, в заседаниях которой присутствовали и приехавшие иностранные делегации. Тогда же «ветлянка» пошла на спад, хотя ее вспышки бушевали до марта 1879 г. По оценкам современников, эпидемия унесла 379 жизней.

[2] Имеется в виду карточная игра в винт.

[a] *Слова*: этим досадным — *вписаны над строкой*.

[3] Мф 5: 22.

слова по моему адресу. Мы спорили. Вопрос шел о Таинствах. Я держался Хомякова, Гиляров говорил «от себя». Мне показалось, что мой оппонент впадает в ересь, и я это ему высказал. В ответ посыпались на меня обвинения в «прямолинейности», «подлоге», «лжи», «нелепости» и даже «богохульстве»!!! Покорнейше прошу вникнуть в сущность дела. Гиляров раздражен полемикой, он не щадит противника и старается его всячески уколоть, но что может быть больнее для этого восторженного «хомяковца», как неблагоприятный отзыв о самом Хомякове? Понятно, этот психологический процесс происходит бессознательно, инстинктивно, как инстинктивно нащупываем мы самое подходящее место, чтоб пырнуть нож в навалившегося на нас зверя… К тому же о Хомякове приходится упомянуть хочешь не хочешь, был о нем вопрос, вот случай расхолодить пылкого юнца ушатом холодной воды (опять-таки все это *бессознательно* и во мгновение времени, пока перо буквы выводило), и дело сделано! *Бессознательно, машинально* (прошу припомнить пример мой о «пьянице» и «картежнике») педаль не в меру надавлена, и получается диссонанс, оскорбляющий слух. Скажи только Гиляров, как сказано у Самарина, «для него ничего не было святого с точки зрения благочестивых людей»,[1] и слово прошло бы незамеченным, но *кощунство* — страшно! Так я себе объяснял дело, но у меня была еще и другая догадка, касавшаяся самого Хомякова.

Я думал, признаться, что Хомяков действительно-таки был виновен, но тоже в *неосторожности*. Мне не раз приходилось наблюдать в русских людях, и именно наиболее одаренных, то, что называется é2sprit de contradiction[*]. Вот

---

[1] Приведем в контексте слова Ю. Ф. Самарина из его «Предисловия» к тому «Сочинения богословские» А. С. Хомякова (1868), которые подразумевает Рцы: «Он дорожил верою как истиною, а не как удовлетворением для себя, помимо и независимо от ее истинности. Самая мысль, что какая-нибудь подмесь лжи или неправды может так крепко прирасти к истине, что нужно, в интересах истины, щадить эту ложь и неправду, возмущала и оскорбляла его сильнее, чем что-либо, и этот вид бессознательного малодушия или сознательного фарисейства он преследовал во всех его проявлениях самою беспощадною ирониею. Он имел в себе дерзновение веры. Оттого и случилось, что люди от него открещивались и говорили, что для него нет ничего святого…» (*Самарин Ю. Ф.* Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Росток, 2013. Т. 2: Церковь и общество. С. 609—610).

[*] дух противоречия (*фр.*).

господин N.; славянофил, «ультрарусского» образа мыслей, не только верноподданный, но в Царской власти видящий дорогой народный идеал. Вот господин X., «строгий консерватор», «монархист» из лагеря «Гражданина»,[1] чающий спасения единственно от религиозного городового да от Аракчеевского духа в школе… Затаив дыхание, Вы ждете схватки. И как ей не быть? Как в самом деле не закатить под микитки смрадному господину из «Гражданина»? И наш приятель N. закатывает, но… но вот тут-то и обнаруживается печальное свойство чрезмерной игривости русского ума. Зажглося, как говорится, ретивое, перелилось через край русское бесшабашие… Смотрите, куда залетел наш N., он уже на баррикадах, он не признает иного образа правления, кроме республиканского, он превозносит «Великую» революцию, он уже готов затянуть марсельезу… Правда, что к этим крайностям разжигает уморительный страх господина из «Гражданина». Несчастный считает уже себя навеки скомпрометированным, нечего и думать о звезде к Новому Году, ему уже мерещатся визиты жандармов, обыски, выемки… Все это бесспорно очень забавно, а все-таки и городничий резонно некогда [a] заметил: «Зачем же стулья ломать?..» [2] То же совершенно могло (так мне представлялось) случиться и с Хомяковым, но в иной сфере, именно религиозной. Нещадно вырывая плевела с нивы Господней, он мог нечаянно задеть и стебель пшеницы.[3] Эту мою догадку удивительным образом подтверждал отзыв Н. А. Муханова [4] (Р<усский> Арх<ив>. 2 кн. 1887 г.).

«А<лексей> Степ<анович> поразил меня особенной живостью ума и глубокомыслием, *не всегда чуждым парадоксов*…» [5]

«В разговорах с глазу на глаз нельзя было правильнее и глубже рассуждать о предметах и вопросах высшей важности; как только явилось более слушателей,

---

[1] *«Гражданин»* — политическая и литературная газета-журнал, основанный князем В. П. Мещерским. Издавался им в 1872—1879 и 1882—1914 гг. в Петербурге.

[a] Это слово вписано над строкой.

[2] Слова Городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836; д. I, явл. I).

[3] Реминисценция евангельской притчи о плевелах (Мф 13: 24—30).

[4] Николай Алексеевич Муханов (1802—1871) — государственный деятель, действительный тайный советник.

[5] *Муханов Н. А.* Воспоминание об А. С. Хомякове // *РА*. 1887. Кн. I, вып. 2. С. 243.

ОН ПЕРЕМЕНЯЛ СОВЕРШЕННО НАПРАВЛЕНИЕ СВОИХ РЕЧЕЙ И ВВОДИЛ В НИХ ВОЗЗРЕНИЯ СТОЛЬ ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ, ЧАСТО НЕОСНОВАТЕЛЬНЫЕ И ПОДДЕРЖИВАЛ ИХ СИЛОЮ И ДОВОДАМИ, ИСПЕЩРЕННЫМИ НЕОБЫКНОВЕННОЮ ЖИВОСТЬЮ И ИГРИВОСТЬЮ…» [1] Согласимся на минуту, что Муханов свидетельствует истину, примем также в расчет раздраженное состояние духа Гилярова, заставившее его мимо воли сгущать краски, ведь чего доброго в итоге и получится смутивший нас отзыв, за которым прячется настоящая правда — *двойная неосторожность*?

Жизнь Гилярова мне совершенно неизвестна; с болью приходится выслушивать неблагоприятные о нем отзывы; от всей души желал бы я, чтоб суд истории был для него снисходительнее суда современников; и я — не скрою — очень порадовался бы, если бы успел настоящим объяснением хотя в чем-нибудь его оправдать; но, оправдывая Гилярова, я ни за что не хотел бы причинить ущерба памяти дорогого Алексея Степановича, Боже сохрани! Хомяков уже принадлежит истории, и беда, если эта последняя в своем суждении о нем окажется несправедливее современников! Сия лесть будет горше первой… [2] Вручая Вам письмо Гилярова, я знаю, что оно будет находиться в надежных руках. Нечего прибавлять: cavent consules![*] [3] Историческая правда, равно как и любовь наша к Хомякову не будут, без сомнения, обижены!

Вы не откажете, надеюсь, передать Дмитрию Алексеевичу мой поклон и душевную благодарность за его прекрасное письмо.[4]

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Ив. Романов.

Ноября 28-го 1887 г. Киев

---

[1] Там же. С. 244.

[2] Евангельская реминисценция (Мф 27: 64).

[*] пусть консулы будут бдительны (*лат.*).

[3] Слова из формулы обращения Римского сената в опасное для республики время к консулам (высшим сановникам государства), которым на этот период передавалась диктаторская власть. Употребляется как крылатое выражение в значении: «берегитесь», «будьте начеку».

[4] Переписка Рцы с Д. А. Хомяковым нам неизвестна.

3.6. Из переписки А. М. Гальперсон с Рцы (И. Ф. Романовым), С. Ф. Шараповым и В. Г. Сенатовым (1888—1889)

1*

А. М. Гальперсон — Рцы (И. Ф. Романову)

Москва, 10 марта 1888 г.

Я сочла бы себя очень пред Вами виновною, многоуважаемый Иван Федорович, если бы писать Вам не помешали мне причины весьма основательные. Надеюсь, что Вы поверите мне на слово: я опасаюсь утомлять Вас перечислением этих причин, потому что слишком много в них личного.

Позвольте мне хотя и поздно несколько, но подробно ответить Вам на оба письма.

Прежде всего благодарю Вас за доверие: Вы ставите меня судьею, Вы верите в мое беспристрастие, и я отвечу Вам по мере моего разумения.

Вы требуете вознаграждения за свой труд, и никто не вправе спрашивать Вас, на комфорт или на насущные потребности нужны Вам деньги. То, что Вам кажется комфортом, другому представляется неотложною необходимостью. С той минуты, как Вы заикнулись о вознаграждении, Шарапов обязан был удовлетворить Вас, если считает сотрудничество Ваше полезным. Сантиментальничанье тут неуместно, Вы справедливо замечаете.

Хотя Вы меня не уполномочили говорить с Шараповым, но он сам прочел мне последнее Ваше письмо, и я сочла себя вправе говорить с ним об этом щекотливом вопросе. На все *денежные* требования он соглашается, но… Вы говорите, это уже не в первый раз: четыре месяца он Вас так *морочит*.

С этим последним определением я не согласна: если только Вы действительно знакомы с Шараповым, Вы сами в спокойную минуту сознаетесь, что слово это слишком резко и не соответствует сути. Я Вам писала, и Вы согласи-

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. Л. 1—5 об. На конверте рукой А. М. Гальперсон помечено: «Неотосланное письмо И. Ф. Р<оманову>».

лись с моей характеристикой: в Шарапове мало положительного, но резких отрицательных черт нет. В ту минуту, как он соглашается, он вполне уверен в возможности выполнить обещание. Он ценит Вас чрезвычайно высоко, и отказ Ваш от сотрудничества был для него действительно тяжелым ударом; но он даже понять не может, чем провинился. Слово *морочит* его ошеломило. *Морочит* предполагает преднамеренность, а он в каждую данную минуту уверен, что способен удовлетворить Вас по первому требованию и что «вот надо же, чтобы как раз сейчас не оказалось денег в кассе». Нужды нет, что это *сейчас* протягивается в бесконечность: ему кажется, что вчера деньги были и завтра будут.

Вы скажете, что моя защита хуже обвинения и что я сама внушаю Вам своими словами осторожность в сношениях с этим человеком. Да, я же и говорила Вам, что его необходимо взять в руки, и это одинаково относится и к литературным его трудам, и к внутренним делам редакции. Но мне хочется убедить Вас, что он морочить не способен и что гнев Ваш не туда направлен.

Задачу укрощения Вы возлагаете на меня; но Вы не знаете, с каким слабым человеком имеете дело.

Знаете Вы, на чем мы с Никитою Петровичем прежде всего сошлись: на величайшей снисходительности к людям, к их действиям и взглядам. Я не умею оказывать давление на кого бы то ни было. Я вижу, как Шарапов в беседе со мной постепенно от крайнего несогласия с моими словами переходит к полному безусловному согласию (бывали даже курьезы), и у меня не хватает духа указать на противоречие тут же.

Не далеко идти: по поводу статьи Кокорева [1] и Ваших исторических справок [2] у нас завязалась беседа об отношениях России к немцам и французам. Он

---

[1] Речь идет о нашумевшей брошюре В. А. Кокорева «Мысли русского, порожденные речью Князя Бисмарка» (СПб., 1888), в которой утверждалось, что Германия — единственная надежная союзница России в Европе. Василий Александрович Кокорев (1817—1889), публицист, близкий к славянофилам; общественный деятель; откупщик-миллионер, промышленник, разорившийся в конце 1860-х гг.

[2] Очевидно, прежде всего имеется в виду статья: *Рцы*. Князь Бисмарк — слуга папы // *РД*. 1888. 23 янв. № 4. С. 6—7, а также: *Рцы*. Черновые наброски // Там же. 1887. 16 мая. № 6/7 (Особ. прил.). С. 3—4; 6 июня. № 10. С. 2—4; 24 окт. № 12/13. С. 3.

негодует на Ваше определение французской нации. Я возразила, что хотя французы не возбуждают во мне такой гадливости, как в Вас, но что определение тем не менее верно и что я[a] собираюсь даже написать большую статью о французской литературе, как об отражении тех сторон французской нации, о которых Вы вскользь упоминаете в своих *Справках*; на это благословил меня еще Никита Петрович.

«Вы не любите французов, оттого так рассуждаете», — отвечал С<ергей> Ф<едорович>.

— Я говорю Вам, что суждение мое есть плод[b] размышлений и изучения.

Я стала приводить доказательства; он на всё соглашался. Я сама оборвала разговор, потому что спешила домой. Подавая мне руку на прощание, С<ергей> Ф<едорович> вдруг воскликнул: «Нет, но каков Додэ;[1] ради одного Додэ я французам все прощаю».

Я могла возразить, что один Додэ после всего, о чем мы говорили, ничего не значит; что, если говорится *все прощаю*, значит много есть дурного; что из-за одного личного прощения Сергея Федоровича Россия не может мириться и вступать в союзы с пустым и легкомысленным народом; что пять минут назад сам Сергей Федорович признавал Зола, Гюи де Мопассана и других отражением всей французской нации…. Но я ничего этого не сказала, усмехнулась и ушла. Разговор не возобновлялся.

Нет, я не сумею укрощать его: слишком он пылок, слишком увертлив. Притом… Как Вам сказать? Вы говорили о требованиях комфорта. Если я не могу сказать этого о себе, то не могу себе ставить это и в заслугу: детство мое и юность протекли в такой нужде, что никаких привычек ни к какому комфорту не могло и создаться. И тем не менее я тоже ищу вознаграждения за свой труд и даже работаю ради вознаграждения: за мной стоит семья в шесть человек. Мои

---

[a] *Далее зачеркнуто*: давно.

[b] *Далее зачеркнуто*: рассуждений и.

[1] Альфонс Доде (Додэ, Daudet; 1840—1897) — французский романист, драматург, журналист. Его прозу переводила Гальперсон.

требования поэтому оказываются больше Ваших; я должна и работать больше. К тому же я поставила[a] себе задачей привести в систему труды, оставленные Никитою Петровичем. Я не могу сказать, чтобы вполне добросовестно исполняла эту задачу. Каторжный поденный труд подтачивает и силы и энергию: временами я руки готова на себя наложить: проходят дни, месяцы, а я так мало сделала, а так много остается сделать. Где уж тут думать об укрощении Шарапова?

Как бы мне хотелось, чтобы Вы ясно представили себе мое положение, хотелось бы для того, чтобы Вы могли с большим хладнокровием и меньшей горячностью обсудить *обстоятельно-прекрасную* мысль С<ергея> Ф<едоровича>.

Мне нужен человек, который бы заранее, не под моим только давлением, почувствовал благоговение к наследию Никиты Петровича, который бы задачей жизни поставил себе исполнение всего гигантского труда, который бы каждую строчку сберег и ни в одной не усмотрел противоречия со своими минутными ли, как у Шарапова, неизменными ли воззрениями, который понял бы, что издание должно выйти академическим, который наконец кощунством счел бы искание выгод для себя от издания.

Получив Ваше письмо, я снова заговорила с Шараповым. «Альбом мыслей»,[1] — говорю я. — «Нет, знаете что, — восклицает он с обычным своим жаром, — хорошо бы под заглавием “Чему учил Н. П. Гиляров-Платонов” излагать постепенно сущность его воззрений». — «Но[a] нужен по крайней мере год, чтобы только прочитать все, им написанное, а сколько еще времени пройдет, пока приведешь в систему». Я уж и не пробовала объяснять ему, что для подобного труда нужна необычайная сила ума, неисчерпаемые знания и глубина, по крайней мере

---

[a] *Далее зачеркнуто*: своей.

[1] Источник выражения — определение И. Аксакова в его письме к Гилярову от 19 сентября 1884 г., где сопоставлялись издания последнего и М. Н. Каткова: «Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он несомненно стоит выше и меня и Вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, — слово его не замысловатое, не мудреное, но властное. Ваша же газета, напр., это — “альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей”» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 442). Это письмо, увидевшее свет в 1896 г., было известно Гальперсон раньше через посредство князя Шаховского.

[a] *Далее зачеркнуто*: на это.

равная той, какою обладал сам Н<икита> П<етрович>. Не пыталась я потому, что (говорите, что хотите) я чувствую, как мало понимает Сергей Федорович, как мало оценивает он Никиту Петровича.

— Ну, дайте по крайней мере какие-нибудь фрагментики!

— Что же с того? — возразила я, занятая мыслью о полном воссоздании великого образа.

— Помилуйте, журнал очень много от этого выиграет!

Разочарование отразилось на моем лице. Он понял и принялся оправдываться. Но легче ли от того?

Вздумали мы перепечатать «Экскурсии».[1] Отчасти я хотела попытать Вашу мысль об «Альбоме». Сдаю и прошу не выпускать без моей корректуры. Если Вы получаете «Русское Дело» и видели первый выпуск, выноска при нем скажет Вам, при каких обстоятельствах он состоялся: первое письмо «Экскурсий» пошло на затычку.[2] Нумер вышел в субботу, сегодня четверг: только сегодня собралась я с духом просмотреть, нет ли грубых опечаток. Сегодня же была я у Шарапова, просила хоть впредь давать мне корректуру… Оказалось почему-то невозможным. И я все-таки повторяю: он поступает так безо всякой преднамеренности. Но скажите, ***легче ли мне от того***?

Если бы Вы знали, с каким нетерпением я жду Вас сюда. Что письма? Вот прошло две недели, а я не могла написать ни строчки. Лично мы скорее сговорились бы; Вы дали бы мне совет, увидав ясно положение мое.

---

[1] Очерк Гилярова «Экскурсии в русскую грамматику» (1883).

[2] Речь идет о начале публикации очерка Гилярова, которая оказалась досрочной. В Содержании № 10 «Русского Дела» от 5 марта было указано, что на с. 15 находится статья под личной редакторской рубрикой «Чужие мысли и недомыслия», однако вместо нее помещено начало «Экскурсий в русскую грамматику». В подстрочном примечании Шарапов пояснял: «Статья “Чужие мысли и недомыслия”, по несчастию, при самом отпуске в машину рассыпана вместе со всею 15-й страницей. Поэтому, ввиду позднего времени, заменяем ее настоящей статьей, назначенной в № 11».

На днях я перечитывала письма ко мне Никиты Петровича.[1] Какие надежды возлагал он на мою заботу о его трудах и каким упреком звучит это теперь для меня! Мне приходится разбрасываться: я перечитываю статьи в «Современных Известиях», перечитываю и переписываю филологический труд, читаю политическую его экономию! Но как мало времени приходится на каждое в отдельности, не говоря о том, что громадная переписка остается неразобранною, что *фрагментикам*, как [a] пренебрежительно отзывался Шарапов, грозит гибель у Барсова,[2] что, наконец, ни одна строка не увидала еще света!

Простите, многоуважаемый Иван Федорович: все мои письма похожи на бесконечную жалобу! Я знаю, как несносно прислушиваться к этому со стороны; но если бы Вы знали, как больно сознавать свое бессилие пред такою великою и благородною задачею! *Он* писал в одном письме, поручая мне небольшой отдел в своих филологических изысканиях: «Я хочу, чтобы Вы полюбили этот труд; я хочу, чтобы имена наши стояли на нем рядом, когда он увидит свет!» [3] Слова, которые наполняли меня величайшей гордостью, отзываются во мне теперь, как трубный звук.

Я боюсь Шарапова не потому, что он захочет меня обмануть: от обмана можно оберечься, а потому, что он легкомыслен. Когда же в его руках будет издание, поздно будет осматриваться.

---

[1] Опубл. нами: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 171—251.

[a] *Это слово написано над зачеркнутыми*: о которых.

[2] Имеется в виду Е. В. Барсов.

[3] Пересказывается по памяти фрагмент из письма Гилярова к Гальперсон от 19 марта 1883 г.: «Ожидаю и желаю (я забегаю уже вперед), что глаголами будете заниматься Вы не потому только, что оказываете дружескую мне услугу. Полюбите это дело, проникнитесь его важностью, смотрите на него как на часть своей души, потому что, как я говорил Вам, истинное, душевнейшее удовольствие было бы для меня поставить в будущем труде рядом наши имена. Утешением было бы для меня, в случае если не удастся привести труд к окончанию, оставить после себя человека, который бы в состоянии был бы издать и, может быть, даже докончить работы. Часть их мне советуют отправить в Публичную библиотеку. Это я и сделаю, но будьте в этом пункте моим душеприкащиком. Мне приятна будет мысль, что в этом деле я не умер и что продолжусь именно в Вас» («Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон. С. 232).

Что Вы мне скажете? В лучшем случае — промолчите; в худшем скажете: «вечно стоная, далеко не уйдешь; каких же Вам еще советов?» Ваша мысль так быстра и легка: Вы можете придумать то, что мне и в голову не придет.

Я думаю о комиссии. Это было бы идеально, если бы мне на помощь пришли два, три человека. Но Вы правы, прав и Шарапов: дальше охов и ахов никто не пойдет. Если бы я была материально обеспечена, если бы могла все время посвящать своей задаче, никто бы мне не понадобился, а теперь….

Я думала ответить сразу на оба Ваши письма, но, во-первых, и без того письмо мое утомительно длинно, а во-вторых, меня отзывает поденщина: двенадцатый час ночи, — мне надо ехать в Северное Агентство. Вы позволите мне в следующем письме коснуться Кокоревского письма и Ваших *Справок*?

С этой же почтой посылаю Ваши письма к Никите Петровичу и его к Вам. Между присланными мне письмами Н<икиты> П<етровича> нет письма от 11 января 1887 г., а между бумагами Н<икиты> П<етровича> я нашла копию с него, написанную рукою Сенатова.[1] Что это значит? Было ли оно Вами получено? Начинается оно словами: «Итак, Вы, рьяный антипапист...»

Глубоко почитающая Вас А. Гальперсон.

10 марта 1888 г. Москва.

2*

А. М. Гальперсон — С. Ф. Шарапову

Москва, 23 сентября 1888 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Я совершила с виду непростительный поступок, но именно потому, что Вы сами поступили непростительно.

---

[1] Василий Гаврилович Сенатов (1868 — не ранее 1918), историк старообрядчества, бывший старовер-федосеевец; с 1889 г. обучался в Московской духовной академии, в 1898 г. утвержден в звании кандидата.

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 7>. Л. 1—2.

У нас не только не было решено, какое заглавие придать политико-экономическому труду Никиты Петровича, но даже и самый вопрос о печатании «остался открытым», по выражению г. Морозова.[1] Я не намерена обязываться ему, если он не находит возможным дать свое слово. Вы же решили объявить об этом, придали свое заглавие и не осведомились, даже не посоветовались со мною.

Я нахожу, во-первых, совсем невозможным придавать какое-либо заглавие труду, не озаглавленному покойным; во-вторых, «Опыт русского освещения» нахожу совершенно неправильным заглавием.[2] Опыт ли это или труд, которому суждено составить эпоху в науке, решать не нам: вопрос этот будет решен потомством. Озаглавить «Опыт русского освещения» — значит заранее принизить значение труда. Поэтому я позволила себе вычеркнуть из Вашего объявления самое оглавление труда. [a]

Вы знаете, многоуважаемый Сергей Федорович, какое малое значение придаю я своим трудам и как мало досаждаю Вам своими претензиями. Но во всем, что касается Никиты Петровича и *его* трудов, я не могу позволить ни себе, ни другим ни малейших уклонений от раз предначертанного пути. Надеюсь, что

---

[1] Лицо неустановленное. Предположительно, Гальперсон нечаянно исказила фамилию юриста и экономиста Ивана Трофимовича Тарасова (1849—1929), предпославшего экономическому труду Гилярова свою статью, напечатанную и в газете Шарапова: *Тарасов А., проф.* Н. П. Гиляров-Платонов как экономист // *РД*. 1890. 18 февр. № 5. С. 8—9. (В инициале ошибка.)

[2] На первой полосе № 39 «Русского Дела» от 24 сентября 1888 г. помещено объявление об открытии подписки на газету и отмечено, что «в эти три месяца» будет напечатано, между прочим, «посмертное произведение Н. П. Гилярова-Платонова “Опыт русского освещения политико-экономических учений”». Из-за возражений Гальперсон, изложенных ею в настоящем письме к Шарапову, он в следующем выпуске (№ 40) вообще снял этот анонс, а в № 41 от 8 октября в объявлении стояло: «посмертное произведение Н. П. Гилярова-Платонова по предмету политической экономии», под строкой же Шарапов пояснял: «Заглавие сочинения, поставленное в объявлении № 39-го “Опыт русского освещения политико-экономических учений” в рукописи не находится и было поставлено нами по недоразумению, которое теперь и устраняем». В результате это исследование Гилярова, печатавшееся в «Русском Деле» начиная с 22 октября 1888 г., по согласованию с Гальперсон было озаглавлено так: «Основные начала экономии (Посмертный труд Н. П. Гилярова-Платонова)».

[a] *Далее три строки тщательно вымараны.*

Вы, столь же щепетильный в отношении к Ив. Сер. Аксакову, поймете мои чувства.

С почтением А. Гальперсон.

23 сентября 1888 года.

3*

А. М. Гальперсон — С. Ф. Шарапову

Москва, 1 октября 1888 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Сергей Федорович, материалы для статьи о Никите Петровиче.[1] Почти все посылаемое заимствовано из его же писем, кроме двух статей из «Современных Известий». Заимствования дают картину и его самого как человека, его как деятеля и мыслителя, и положение его в качестве издателя. Мне не нужно Вам говорить, какой отрывок чему служит свидетельством: Вы сами поймете.

Кроме того, что Вы здесь найдете, я могу Вам сказать в общих чертах, что я бы о нем написала. Я напомнила бы, что Аксаков писание передовых статей называл *говорить басом,* Никита Петрович — *говорить дискантом,* и в этой разнице заключается их характеристика. Никите Петровичу действительно приходилось сгибаться в три погибели, чтобы становиться в уровень с толпой, и то не удавалось. Я сказала бы, что он старался быть учителем народа и для этого вступал с ним в постоянное общение, выслушивал нищих духом и давал им место в своей газете, своими ответами пытаясь выяснять им самые серьезные вопросы. Я сказала бы, что один список его статей способен внушать удивление к его многосторонности, способен дать понятие о его великой душе, указанием на выбор предметов обсуждения. Я сказала бы, что его статьи о рационалистиче-

---

* Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1—2 об.

[1] Речь идет о передовой статье, которой Шарапов собирался отметить первую годовщину со дня кончины Гилярова: <*Шарапов С. Ф.*>. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 1—5. В ней впервые опубликованы многочисленные фрагменты автобиографического, исповедального из писем Гилярова к К. П. Победоносцеву и князю Н. В. Шаховскому, которыми, очевидно, и снабдила Шарапова Гальперсон.

ском движении философии («Русская Беседа», 1856 г.), его книга «О пережитом» одни могли бы составить славу человека, а он замолчан, тому он дает объяснение в своей статье о Хомякове (выписка прилагается),[1] я сказала бы о величайшей независимости его пера (выписка прилагается).[2] Сказала бы я, что при громадности его занятий, при страшном бремени забот никогда никто не обращался к нему тщетно за советом, за помощью, иногда даже материальною, что совсем было для него трудно; но большею частью за ходатайством, нравственной поддержкой. Этому есть свидетельство в газете, где он вступается за самых маленьких людей; есть их еще больше в бумагах. Я сказала бы, что от ничтожнейших, по-видимому, вопросов он всегда подымался до самого высокого, и хотя читатели не могли следовать за ним в такую высь, но они воспитывались в величайшей чистоте понятий. Он думал, что пишет для народа, думала так и интеллигенция, которая и отворачивалась от малых размеров его газеты, а между тем даже и интеллигенция не доросла до него.

Я не навязываю Вам, многоуважаемый Сергей Федорович, своих мыслей. Может быть, я когда-нибудь и сама соберусь с силами и напишу тогда, подкрепляя всё данными из его же трудов. Я пишу Вам это для Вашего соображения; для того чтобы ясен был Вам мой выбор отрывков. Если Романов исполнит нашу общую просьбу, он изложит точку зрения Никиты Петровича на Восточный вопрос. Из приложенных отрывков Вы узнаете его взгляды на свободу слова, его

---

[1] Эту выписку Шарапов разбил надвое и вставил в свою статью: 1) на с. 3—4: «Не виноват ли здесь самый образ действия <…> ловят одни внешние движения и на них успокоиваются»; 2) на с. 4: «Если б спросили меня, как вкратце выразить воззрения Хомякова, я бы отвечал одним словом: *любовь* <…> Хомяков и в теоретической области повсюду искал именно живого, духовного и целостного» (*Гиляров-Платонов Н. П.* О судьбе убеждений // *Сб. соч*. Т. II. С. 39—41, 44, 45, 46).

[2] Имеется в виду выписка из наброска передовой статьи (1884), заготовленной Гиляровым на случай прекращения издания газеты из-за недостатка средств (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 277. Л. 1—5) и начинающейся словами: «Тяжко вымолвить, но должно: “Современные Известия” приостанавливаются на некоторое время». В выписке, в частности, говорилось: «не продавал своего пера никому — ни сильному, ни богатому; не подслуживался ко власть имеющим; не закрепощал себя ни одному из литературных кружков; не плыл по течению общественного разврата в разных его видах; не льстил страстям и поверхностным увлечениям; не заглушал высших интересов; напротив, служил им неизменно по силе разумения <…>» (*РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 3).

философские взгляды, взгляд на религию, на прогресс. Лучше будет, если Вы выписками не воспользуетесь буквально, кроме того что касается «Совр<еменных> Изв<естий>».[1] Но не беда, если и напечатаете.

Если Вы в среду приедете, дайте мне знать, пожалуйста. Можно будет еще пополнить.

«Вестник Европы» посылаю.[2]

Уважающая Вас А. Гальперсон.

1 октября 1888 г.

4*

А. М. Гальперсон — Е. Л. Кочетову[3]

Москва, 19 декабря 1888 г.

Копия.

Милостивый Государь, Евгений Львович! Ни на одно мгновение не допустила я мысли, чтобы письмо Ваше к Софье Николаевне [4] показано было ею мне с Вашего ведома. Напротив, дочитав, я вынесла убеждение, что откровенность Софьи Николаевны будет Вам неприятна.

---

[1] Кроме упомянутых выше выписок, Гальперсон снабдила Шарапова извлечениями из писем Гилярова к Победоносцеву и князю Шаховскому.

[2] Гальперсон возвращает журнал, выдававшийся ей как литературному обозревателю журнала.

[*] Печатается впервые по автографу (рукописной автокопии): ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 3>. Л. 1—2 об.

[3] Евгений Львович Кочетов (псевд.: Евгений Львов, Русский странник и др.; 1845—1905) — публицист, корреспондент газет «Московские Ведомости» (с 1880 г.), «Новое Время» (с 1884 г.) и др. изданий; беллетрист. Стал автором большой пасквильной статьи, призванной опорочить С. А. Петровского в глазах властей и не допустить передачи ему аренды «Московских Ведомостей». А. С. Суворин не решился ее напечатать, Гиляров колебался, доведя ее до гранок. Супруги Гальперсон хлопотали о публикации статьи, надеясь, что это поможет Никите Петровичу стать преемником Каткова. Копия статьи Кочетова, выполненная Анной Гальперсон, с воспроизведением поправок автора и Гилярова, с подтверждением идентичности оригиналу Е. В. Барсовым, находится в неразобранном архиве Гилярова в РО ИРЛИ. Кроме того, писарская копия, а также подготовленные к печати в «Современных Известиях» гранки хранятся в ОПИ ГИМ: Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 110—122 об.; Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 38—46. См. подробно: *Юшко А. Г.* За кулисами публицистики: (Власти и «Московские Ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // *Гиляров: ИМБР*. С. 153—181.

[4] Не исключено, что названа С. Н. Фишер.

И тем не менее положение Ваше относительно меня выгоднее, нежели мое относительно Вас. Я читала *собственных Ваших* два письма, а к Вам мои возражения дошли в невольном искажении третьего лица в зависимости от того, как мысли мои преломились в его сознании.

Софья Николаевна передала Вам, что более всего поразила меня сделанная Вами характеристика нашего с Вами знакомства. Это правда. Но позвольте начать издалека.

Я ни на каких званых вечерах не бываю, ни у родных, ни у знакомых и никаких никогда званых вечеров у себя не устраиваю. Этому мешают слабое мое здоровье и мои занятия. Я вообще по вечерам нигде не бываю, кроме обязательного посещения театров,[1] и мои знакомые бывают у меня, равно как я у них, по большей части днем и в разное один от другого время.

Исключением были Ваши вечера, на которые я стала появляться, не раз, однако, высказав, если Вы помните, что это меня утомляет. Но так как я не хотела оставаться у Вас в долгу, то и просила к себе Вас и Вас окружающих, для чего назначала специальные вечера; все, кого Вы встретили у меня в эти два-три раза, были гостями случайными.

Войти в общество, как Вы это называете, я никогда не добивалась: слишком для этого занятой я человек. В знакомстве с Вами я ценила удовольствие личного общения, тем более что кроме гг. Барсова, Мазинга [2] и Полякова [3] я после 21-го января никого у Вас не встречала и никого встретить не искала. В человеке я ценю прежде всего личные его качества, невзирая на положение его в свете, и привыкла к подобному же отношению к себе. В этом только смысле говорила я о равенстве отношений, нисколько не думая о том, стоим мы с Вами на

---

[1] Анна Гальперсон начиная с ноября 1885 г. заведовала театральным отделом «Современных Известий», после их закрытия — «Русского Дела».

[2] Карл Карлович Мазинг (1849—1926) — инженер, математик и общественный деятель; с 1877 г. заведовал в Москве реальным училищем для мальчиков; считается инициатором профессионально-технического образования в России.

[3] Видимо, один из трех братьев Поляковых: Яков (1832—1909), Самуил (1837—1888) или Лазарь (1842—1914) Соломонович — железнодорожный подрядчик, предприниматель и банкир.

одной общественной ступени или на разных. Покровительства я не искала, и эта опека, помимо моей воли, показалась мне излишнею, расстроив меня сверх меры только потому, что я вообще теперь нервно настроена.

Юрьева, Лопатина (а не Ланского [1]) и других я назвала для того, чтобы упомянуть, что не *только* хорошего корректора (о чем я только от Вас первого и слышу и чего *никогда* от Никиты Петровича не слыхала), но человека не совсем бездарного и заслуживающего некоторого уважения ценят во мне люди, сами не слишком низко стоящие среди интеллигенции. Я привыкла к общему уважению, хотя никогда его не искала и никогда, по собственному Вашему сознанию, не выставлялась. Меня читают, и мнение мое в области художественной критики считается авторитетным. Очень жалею, что, отсылая к Суворину мою рецензию, Вы помешали его самостоятельному отзыву: как и Вы, я его авторитетом не считаю, и отказ «Нового Времени» не запирает еще дверей в область литературы.

Что касается помещения «Основных начал экономии» в «Русском Деле»,[2] то делаю это я не на свой страх, а после совета с друзьями Никиты Петровича: с Лопатиным, Юрьевым, Романовым, князем Шаховским и с сыном покойного Алексеем Никитичем. Печатание в том виде, как оставлен труд покойным, тоже решено с общего совета. Всем, кто знал и кто читал Гилярова, труд этот представляется настолько капитальным, что форма нисколько ему не вредит, тем более что после долгого труда отрывки удалось распределить в очень строгой последовательности.[3]

Я могла бы оставить без ответа оскорбительное предположение, что для покрытия своих расходов печатаю я «Основные начала» именно в этой газете.

---

[1] Возможно, подразумевается живший в тот период в Москве граф Михаил Сергеевич Ланской (1829—1905), сенатор, член Государственного совета.

[2] *Гиляров-Платонов Н. П.* Основные начала экономии: (Посмертный труд) // *РД*. 1888. 22 окт. № 43. С. 11—14; 29 окт. № 44. С. 12—14; 5 нояб. № 45. с. 11—13; 13 нояб. № 46. С. 12—14; 20 нояб. № 47. С. 14—15; 28 нояб. № 48. С. 13; 3 дек. № 49. С. 14—15; 11 дек. № 50. С. 12—13; 17 дек. № 51. С. 10—11; 1889. 4 янв. № 1. С. 14—15; 14 янв. № 2. С. 12—13; 21 янв. № 3. С. 13—14; 27 янв. № 4. С. 14; 11 февр. № 6. С. 15.

[3] С. Ф. Шарапов откликался в письме к Гальперсон от 19 июля 1889 г. из своего имения Сосновка Смоленской губернии: «Пошлите мне под бандеролью экземплярчик “Основ”. Интересно Тарасовское предисловие» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 10>. Л. 1).

Но, если отвечать молчанием на все оскорбительное в обоих Ваших письмах, мне бы совсем отвечать не пришлось. И Вы поймете, надеюсь, что не для оправдания пред обвинителем пишу я, а для того чтобы показать, что не мне желателен и не мною вызван разрыв.

Поэтому продолжаю. Деньги, взятые мною взаймы для покупки рукописей, давно покрываются из моего гонорара, а сумма, выручаемая из «Основных начал», целиком пойдет на издание полного собрания сочинений Никиты Петровича и в общий со мною счет не входит.

Если говорить о личном моем участии в журнале Шарапова,[1] то я желала бы знать, о чистоплотности какого журнала можно теперь говорить с уверенностью в своей правоте? «Новое Время» выдержит ли испытание по катихизису нравственности? Что меня касается, то я предпочитаю орган, искренно заблуждающийся, нежели такой, которого флаг повертывается в ту сторону, куда дует ветер.

Но вот мы подошли и к самому Шарапову. Опять позволю себе подойти издалека.

С тех пор как я себя помню, я развивала в себе терпимость к чужим воззрениям. Может быть, это и дурно с моей стороны, но теперь мне уже поздно менять задачу моей жизни. Я предоставляю всякому думать, как он хочет и может. Мне лично неприятны люди, которые ныне думают так, завтра иначе; но люди, твердо убежденные, хотя бы и диаметрально расходящиеся со мною, всегда возбуждают во мне уважение. Касаются ли эти убеждения предметов или людей, никогда я не запрещу высказывать мнение в моем присутствии, хотя при личном обращении ко мне позволяю и себе высказывать свое мнение. При таком отношении к чужим взглядам *я не могу горячиться* никогда и ни при каких обстоятельствах, о ком бы в моем присутствии ни говорили. Разумеется, более всего приходится сталкиваться с [a] разнообразными мнениями, когда речь идет об

---

[1] О газете «Русское Дело».

[a] *Далее зачеркнуто*: чужими.

общественных деятелях, и самая деятельность их такова, что дает право на общественную критику. Поэтому я не могла не слышать отзывов о Каткове, о Гилярове, о Вас, о том или другом, более или менее действующих на общественном поприще, и если я лично отвожу в своем сознании каждому более или менее высокое место, если я лично отношусь более или менее горячо к славе того или другого из деятелей, я не могу запретить и другим иметь о них свое мнение.

Из этого следует: 1) что я ни в каком случае не могла разгорячиться, выслушивая Ваш страстный отзыв о Шарапове, как бы лично ни думала я о нем. Не могла я сказать, что «за такие обвинения [a] можно ответить», потому что это значило бы изменить самой себе, а я себе никогда не изменяю, равно как не могла сказать на напоминание о фотографии: «На что Вам моя карточка!» Признав, что я это сказала, я должна была бы подумать, что в Вашей квартире атмосфера особенная, делающая из меня нового человека. Повторяю, я каждому предоставляю думать, как он может и хочет, и Вы не могли составить исключения. Но, с другой стороны, я позволяю себе судить Шарапова, как хочу и могу, и если мне он кажется человеком искренно заблуждающимся, то под давлением чужого мнения не могу изменить своего взгляда. Он себя, я убеждена, никому не продавал, и старообрядчества в ущерб православию не защищает. Он говорит то, что говорил и Никита Петрович, что проклятиями раскольников нельзя возвратить в лоно Церкви, что Христово основано на любви и только любовью можно действовать на заблуждающихся. У Шарапова много есть недостатков, и очень крупных: о них я ему говорю в глаза; но того, чего нет в нем, я не допускаю ни в глаза, ни заглазно от него, и позволила себе это высказать и Вам, когда Вы прямо обратились ко мне с вопросом об этом. Но грозить я не могла, повторяю, иначе я должна была бы обвинить себя в доносах и в нетерпимости, чего никогда никто из знающих меня за мною не признавал.

Но, отводя Шарапову должное, я не ставлю его, однако, на одну доску с Гиляровым, как Вы говорите в письме к Софье Николаевне: как мыслителя и

---

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: мнения.

человека я ставлю Гилярова выше всех его современников, и я не одинока в этом воззрении.

Несколько далеко от первого ставлю пункт 2). Позволяя всякому иметь свое мнение о людях, которые самою своею деятельностью подвергают себя суду общества, я не могла запрещать и отзывов о Вас, хотя не оставляла их без возражений. Не от одного Шарапова, но от многих до и после знакомства с Вами я слышала самые горячие обвинения, как будто бы и основанные на очевидности. Этот факт в беседе с Вами я привела не как похвалу себе, что вот, мол, я не верю, а в доказательство того, что люди, даже вполне достойные, могут подвергнуться общественному осуждению. Вы можете не соглашаться с моим мнением, — я его не навязываю, но обвинять меня в снисхождении к Шарапову только потому, что дает он мне работу, значит не только не знать меня, но жестоко оскорблять.

Приписка к моей статье [1] сделана Шараповым, как я говорила Вам, без моего ведома, и я увидала ее, когда статья была уже отпечатана. Беседы своей с Шараповым по этому поводу не передаю, но после того ни одной моей статьи не пропускает он в печать, без того чтобы я просмотрела ее в сверстанной полосе, когда ничего уже прибавить нельзя. Он исполняет этот уговор так строго, как не исполнила бы ни одна редакция. Я более ценю возможность писать без обиняков, высказывая открыто свои убеждения, хотя бы в газете и мало распространенной, нежели в газете, у которой много читателей, но которая переделывает статьи сотрудников на свой лад. Заметьте: я ценю эту возможность только потому, что не вынуждаюсь продавать свои взгляды, а не потому, что мне это дает известный заработок, как Вы объясняете в письме к С<офье> Н<иколаевне>.

Письмо мое становится утомительно длинным. Перехожу поэтому прямо к г-же Павлович.[2]

---

[1] О какой статье Гальперсон идет речь, неясно.

[2] Е. О. Павлович — лицо неустановленное.

Е. О. пришла ко мне впервые, почти меня не зная, с открытой просьбой взять на себя нравственные обязанности в отношении ее. Она мне сказала, что Вы указали ей на нас как на хороших людей, которые дадут ей семью, в коей она нуждается. Не зная, с кем имею дело, но веря имени, с которым она пришла, я позволила ей рассказать мне свою биографию. Когда биография эта стала переходить чуть не в пасквиль, я постаралась переменить разговор; а когда С<ергей> Ис<аакович> узнал еще, что не Вы ей указали на нас, я прямо заявила мужу, что еду к Вам для выяснения истины. С<ергей> И<саакович>, не желая, чтобы я, больная, утруждала себя дальнею поездкою, сам взялся переговорить с Вами. Некоторые дела ему помешали, и когда наступил день, назначенный г-жей П<авлович> для перехода в православие, я не сочла себя вправе взять назад данное слово. Тем не менее я посоветовалась с друзьями, которым верю, и решила, что в таком деле я не вправе отказывать ни одной христианке. Я чувствую и сознаю, какую великую обязанность взяла на себя, и теперь, конечно, не отрекусь от нее. Вместе с обязанностию я получила и права. Поэтому позволю себе прямо указывать г-же П<авлович>, в чем, по-моему, заключаются правила нравственности, и как прежде уклончиво, так теперь прямо буду останавливать свою духовную дочь. Только при таких отношениях позволяю я себе останавливать и указывать, ни при каких иных. От г-жи П<авлович> будет зависеть, получит ли она от меня в нравственном и материальном отношении то, чтò2 я готова и могу ей дать.

В заключение позвольте мне повторить, что не я искала и не я вызвала разрыв. Но, зная Вашу горячность, зная, как легко Вы разрываете с родными и знакомыми, которые имеют несчастие иначе смотреть на вещи, нежели Вы, я всегда при сношениях с Вами чувствовала себя как бы стоящею на вулкане, при всей искренности признания Ваших внутренних качеств и Ваших общественных заслуг. Не шпильку, а истину сказала я, заметив, что Вы скоры на решение, и до сих пор не вижу в этом ничего оскорбительного. Ваше письмо к С<офье> Н<иколаевне>, а затем ко мне служит тому ярким доказательством.

Может быть, не на все я успела ответить, но я боюсь злоупотреблять долее Вашим терпением, да и сама я устала. Если письмо мое недостаточно убедительно, вина не моя. Верьте, по крайней мере, что писала я безо всякого раздражения, хотя вся эта история мне в высшей степени неприятна. Я не привыкла объясняться, потому что моей искренности всегда и везде верили.

19 декабря 1888 г.

С почтением остаюсь покорной слугой А. Гальперс<он>.

5*

В. Г. Сенатов — А. М. Гальперсон

Сергиевский Посад, 27 сентября 1889 г.

Голубушка, Анна Михайловна, простите меня; письмо Ваше я получил давно, но до сих пор ничего не отвечал. Не сразу пришлось увидеть Кудрявцева:[1] выход из Академии не свободен, на каждый раз, хотя бы нужно пройти всего пять шагов от Лавры,[2] требуется испрашивать билет; выжидал, чтоб у Кудрявцева не встретиться с Субботиным [3] (и раз едва было не наткнулся на него). — У Кудрявцева я был в прошлую субботу, предварительно узнав, что Субботина в Посаде в это время не было. Разговориться о многом не пришлось. Кудрявцев сказал, что едва ли у него найдутся письма Никиты Петровича, что он их не берег, но что он поищет и, если найдет, непременно вышлет Вам.[4] Вообще, как я

---

* Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 52. <№ 6>. Л. 1—2 об. Даты на штемпелях на конверте: 28 и 29 сентября в Сергиевском почтамте; 29 сентября в Москве.

[1] Виктор Дмитриевич Кудрявцев (Кудрявцев-Платонов) (1828—1891) — философ и богослов, с 1854 г. профессор Московской духовной академии.

[2] В. Г. Сенатов, почитавший Гилярова как своего учителя, в 1889 г. поступил в число студентов Московской духовной академии; был утвержден в степени кандидата спустя 10 лет, 8 июля 1898 г., по представлению кандидатского сочинения.

[3] Николай Иванович Субботин (1827—1905) — магистр Московской духовной академии (1852), слушатель и преемник Гилярова по кафедре герменевтики и учения о вероисповеданиях и расколах Московской духовной академии (с 1855 г.), профессор истории и обличения русского раскола (1870—1893), доктор богословия (1874), расколовед. Критиковал в печати публикации «Современных Известий» о старообрядчестве.

[4] Большое письмо Гилярова к Кудрявцеву-Платонову от 18 января 1857 г. (ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1—4 об.), представляющее исключительный биографический интерес, было передано позднее Гальперсон и использовано князем Шаховским в его статьях.

заметил, ему трудно говорить о Никите Петровиче, он как-то уклоняется; но тем не менее мне показалось, что разговорить его можно. Как только я упомянул о Никите Петровиче, он перебил меня, зачастил, стараясь сразу же покончить этот разговор. Например, после своих слов: «ведь уж очень давно, как мы переписывались» — он несколько раз повторил — да, да, давно, давно — и тем кончил. В это время что-то особенное тяжелое блеснуло в его глазах, как мне показалось, — что ему и хотелось бы поговорить о Никите Петровиче, но что это ему весьма тяжело. Сразу добиться от него каких-нибудь рассказов трудно, но я постараюсь как-нибудь это устроить.

Исследование об антиминсах [1] я еще не разыскал. Филаретовского сборника, именно I-го тома,[2] во II-м нет, у нас в Фундаментальной библиотеке нет, но есть в Аксаковской,[3] но она пока в беспорядке, и книги из нее ранее двух недель, говорят, выдавать не будут. Чтений [4] тоже нет, кем-то взяты; ищу по номерам. Эти дни я посвящу на отыскание статьи об антиминсах и доложу Вам лично, в Москве я буду вскоре после Покрова.[5]

На днях я узнал, что о Никите Петровиче можно узнать многое от профессора Дмитрия Феодоровича, сына покойного знаменитого Голубинского.[6] Он необыкновенно смиренный и, по слухам, большой почитатель Никиты Петровича.

---

[1] Речь идет о публ.: Записка Гилярова-Платонова о надписи на антиминсах (23 октября 1863 г.). Этот том к тому времени не вышел, и поиски Сенатова оказались безуспешны.

[2] Имеется в виду двухтомник: Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения (1782—1882) Филарета, митрополита Московского. М.: Тип. Л. Ф. Снигирева, 1883. На корешке: Филаретовский юбилейный сборник. Т. I: Материалы. XII, 766, 80 с.; Т. II: Оригинальные статьи. II, 825 с.

[3] А. Ф. Аксакова пожертвовала библиотеку покойного мужа в Московскую духовную академию.

[4] Имеются в виду книжки ежемесячного журнала «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», издававшегося в Москве в 1863—1917 гг. с конца 1860-х гг. здесь регулярно публиковались материалы из Филаретовского архива, поэтому Сенатов надеялся найти здесь Записку Гилярова об антиминсах.

[5] То есть после 1 октября.

[6] Дмитрий Федорович Голубинский (1832—1903), сын протоиерея Федора Александровича Голубинского (1797/1798—1854), был студентом Московской духовной академии в тот период (1850—1854), когда там преподавал Гиляров. С 1864 г. ординарный профессор Академии по классу физико-математических наук, после упразднения этой кафедры, с 1870 г., преподавал естественнонаучную апологетику.

Он читает на нашем курсе естественно-научную апологетику. Не знаю, как только к нему подступиться — он боится слово сказать и к студенту исполнен такого же почтения и, по всему видно, нелицемерного, каким отличался его отец, — по изображению Никиты Петровича.[1] Попробую заговорить с ним; я думаю просто попросить его что-нибудь рассказать о Никите Петровиче мне, как его ученику.

Не браните меня, что я ничего не сделал. Знаете ли, в первые дни в Академии как-то трудно вяжется какая-либо мысль и почти невозможно на чем-нибудь остановиться более нескольких минут. Одно уж то, что куда ни посмотришь, и видишь все груды и груды книг, действует каким-то подавляющим образом — и мечешься, а в это время и забываешь дело… А вспомнишь о Никите Петровиче, где он жил, где ходил, где мыслил в полном и для человека, пожалуй, в самом широком смысле этого слова, — становится и вовсе тяжко. Ведь здесь, думается, прошла его лучшая пора и здесь он стал тем, чем был. А вспомнишь еще одну его черту и забываешь действительность… Простите, будет.

Уважающий Вас Василий Сенатов,

поклон Сергею Исааковичу и деточкам.

Сент<ября> 27, 89 года.

<*Адрес на конверте*:>

Москва. Маросейка, Спасо-Глиницкий переулок,

дом Человеколюбивого общества, кварт<ира> № 4.

Ее Высокоблагородию Анне Михайловне *Гальперсон*.

3.7. Из переписки И. В. Павлова и П. И. Бартенева с князем Н. В. Шаховским (1893)

[1] См.: «Когда встречалась гурьба студентов, Голубинский проходил мимо их без шляпы, с постоянно наклоненною головою, чтоб не кланяться порознь каждому. И то была не напускная преувеличенная вежливость, не фарисейство, а глубокое христианское смиренномудрие» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 90—91).

1*

И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому

Орел, 3 июня 1893 г.

Милостивый Государь!

Князь Николай Владимирович.

От всей души благодарю Вас за Ваше предложение и постараюсь найти хоть некоторые из писем покойного Никиты Петровича. Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме.[1] А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного.

Письма его ко мне не уничтожены, — это верно; но разыскать их будет очень трудно,[2] потому что при переезде моем из Витебска в Орел [3] они попали в массу других бумаг, которыми наполнилось несколько больших мешков…

Еще раз приношу Вам искреннюю благодарность и остаюсь Вашим покорнейшим слугою

Ив. Павлов.

3/VI 1893. Орел.

2*

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.

[1] Неточность: в комедии Н. В. Гоголя закрывает пальцем свою характеристику в письме Хлестакова не Сквозник-Дмухановский, а Артемий Филиппович Земляника («Ревизор», д. V, явл. VIII).

[2] В архиве князя Шаховского хранится несколько писем Гилярова к Павлову за 1882—1883 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 557).

[3] Павлов с 1865 г. служил управляющим Витебской контрольной палаты, а в 1890 г. занял эту же должность в Орле (см.: *Мостовская Н. Н.* И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1982. С. 151).

* Печатается по: *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427—430, под названием «Из приготовительных работ по биографии Гилярова», с редакционным предуведомлением П. И. Бартенева: «С живейшим сочувствием отнесется к этой биографии всякий, кому дорога Русская самосто-

Князь Н. В. Шаховской — И. В. Павлову

Подольск Московской губернии, июнь 1893 г.

<Милостивый Государь Иван Васильевич!>

С этим отзывом о Гилярове нельзя не согласиться вообще: «таких умов на свете не много». Но был ли он «самый крупный русский *публицист»?* Его ли это было истинное поприще? Почему же не занял он на самом деле бесспорного для всех, первенствующего положения в этой области, а уступил первые места Каткову и Аксакову? Почему он не только не был популярен, но просто мало известен, несмотря на то, что поприще его деятельности была именно большая дорога, где он был у всех на виду?

Он был моральный философ. В этом едва ли был кто сильнее его между современными ему людьми. Он был истинный христианский мыслитель, и уже поэтому одному, скорее проповедник, чем публицист. Всего поразительнее он, конечно, был на кафедре, и там было настоящее его место... Впрочем, о Никите Петровиче Гилярове нельзя высказаться в рамках письма. Это океан глубины и широты. Чем ближе знакомишься с интимною стороной его жизни, с его перепискою, тем более изумляешься его многосторонности и неисчерпаемости, и тем более убеждаешься, что в газетных листках (коих вся жизнь несколько часов) он не мог высказывать лучшей и самой глубокой стороны своей. Особенно в последние годы своей жизни он как бы спешил с частными письмами, старался в частной переписке излить как можно более общих и научных своих взглядов — богословских, моральных, общественных и политических. Он не только чувствовал, что сфера публициста — не его сфера, но и часто высказывал это, особенно в последние годы, как друзьям, так и окружающим его и даже случайным

ятельная мысль, Русское живое умственное дело. Нижеследующее написано в ответ на отзыв, полученный от одного из старейших друзей Н. П. Гилярова: “Никита Петрович самый крупный Русский публицист. Катков был блестящ, но односторонен..., а Гиляров воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного”. Сердечно желаем успеха биографическому труду (обращик которого уже появился в Ревеле) и надеемся, что со временем выйдет в свет и собрание сочинений Н. П. Гилярова. *П. Б.*». Местонахождение автографа нам неизвестно.

лицам. Он жаловался, что газета была ему навязана, что он в нее втянут насильно, что он неудачник и пр.

Что касается до Каткова, то я тоже позволю себе найти Ваше определение узким. Катков был не только *«блестящ»*, но он обладал *талантом* публициста. У него были истинный энтузиазм и лирическое чувство. Он не только разъяснял вопросы, но он *увлекал;* он действовал не на один ум, а также и на *волю,* и преимущественно на сию последнюю. Катков мог своею статьей *уничтожить* человека и тем подорвать его направление, на что Гиляров не был способен, потому что был христианский философ-созерцатель, который убеждал, а не сокрушал. Катков был настоящий практик, знавший среду, в которой ему приходилось действовать, и умевший из людей делать себе орудия. Гиляров вечно ошибался в людях и неоднократно идеализировал сущих змей, которых еще и согревал на своей груди. А сознайтесь, что не вполне публицист тот, кто плохой практик и кто, как Гиляров, засаживает себя порою за сухие математические вычисления только для того, чтобы обуздать неестественное развитие фантазии. Знаете ли Вы, что он, под влиянием сознаваемой и радовавшей его необыкновенной силы ума своего, боролся иногда с физическими законами, напр<имер> (как мне рассказывал брат его Ф. А. Гиляров [1]), при технических сооружениях на бумажной фабрике своей, он пытался «срезать закон природы»: по науке так, а я, мол, по-своему.

Но у Никиты Петровича не было поэтического огня, который слову Каткова и Аксакова придавал такую потрясающую силу.

Каткова надо судить по той роли, которую он на себя взял. За ним есть несколько крупных государственных заслуг. Его, как практика, прежде всего надо рассматривать в связи с людьми и обстоятельствами его времени, а не теоретически. Он не проповедывал ничего нового, он заботился об укреплении старых наших исторических и бытовых основ, потрясенных в общем сознании после освобождения крестьян. Святость и неприкосновенность русской территории,

[1] Неточность: Ф. А. Гиляров — племянник Гилярова-Платонова.

добытой некогда русскою кровью, святость формы правления, выработанной историей народа, незыблемость Православия именно в том виде, в каком оно есть и пр.: вот чего Катков был стойкий защитник. В другое время, может быть, и он к русской действительности отнесся бы строже и приложил бы к ней иную мерку, как это и было с ним до 1863 года.[1] Но ввиду направленных со всех сторон усилий против самых основ нашей жизни, религиозных, политических, социальных, он понял свое призвание в борьбе, в охранении во что бы ни стало наших самобытных начал, и не позволял себе ни малейшею критикой ослаблять их неприкосновенность.

Словом, Катком был реагирующею в организме силою, устанавляющею равновесие после сильною потрясения. Если бы среди нас в ту критическую пору не оказалось этой силы, Россия не заслужила бы и названия великого государства. Односторонность его та же, что и односторонность силы, оздоровляющей потрясенный организм; она гнет в *одну сторону*, в сторону *здоровья.* Но быть такою силою и прекрасно, и в тоже время тягостно и неблагодарно. Вот какою представляется мне в общих чертах деятельность Каткова; о ней судить можно только в связи с особенностями эпохи и персоналом наличных деятелей.

Гиляров был иной: в каждой его статье сквозил уголок никому неизвестного, но тщательно выработанного им мировоззрения. Оттого ясные и последовательные для него мысли казались зачастую странными и невразумительными обыкновенному читателю, который ищет в газетной статье точки опоры в отношении к недоуменному для него событию или факту. А чтобы доказать последовательность и глубину высказанного частного соображения, Гилярову пришлось бы написать добрый том логически скрепленных, широких и оригинальных мыслей, исходящих от всесторонне продуманного и ясно поставленного основания. Таким образом, Гиляров был сильнее Каткова шириною взглядов, строгостью и последовательностью убеждений, а с практической стороны, в отноше-

[1] Имеется в виду идейный перелом, совершившийся в мировоззрении Каткова в связи с Польским мятежом.

нии к каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрешения сейчас, сию минуту, он должен был уступать Каткову, который и лучше знал среду, приемы, и обладал бó2льшим одушевлением и убедительностью для читателей.

И. С. Аксаков несомненно уступал Гилярову и Каткову в дарованиях и образовании; но его силу как публициста составляла *особенно за ним* упрочившаяся репутация *честности.* При слове Аксаков у всякого прежде всего возникает представление о *честности:* честный публицист. Он таким действительно и был; но и Гиляров был бесспорно честен, однако же этого никто о нем прежде всего не говорит, а говорят: замечательный ум, разносторонние знания и пр. Репутация преимущественной честности досталась Ивану Сергеевичу по наследству, ибо он был сыном Сергея Тимофеевича и братом Константина Сергеевича. Эта была выдающая семейная черта. *Честность* прежде всего вызывает к человеку *симпатии*, т. е. действует на чувство. Таково было истинное влияние статей Аксакова. Честность проявляется в писателе прежде всего в *негодовании* против всего противуположного этому чувству. И действительно, главным мотивом писаний Аксакова было *негодование,* гражданская скорбь. В этом не было современного писателя сильнее его. При некоторой неясности идеалов и непрактичности он гремел всегда против неправды во всех ее видах.

Таким образом, основной характер влияния трех наших великих публицистов на читающее общество можно представить в следующем виде: статьи Гилярова возбуждали преимущественно ум, Аксакова — чувство, Каткова — волю. Катков знал, куда направить волю, от которой зависели те или другие условия нашей жизни, и какие указать ей наипрактичнейшие пути. Согласитесь, что именно в публицистике ум всего менее в авантаже. Труд понимания, да еще сложный и напряженный, не дело читателя газеты. Негодование и побуждение к деятельности тут в тысячу раз важнее: за ними должен следовать факт. После некоторых статей Гилярова сознаешь себя мелким и невежественным, и является желание еще более углубиться в вопрос и изучать.

Писания Гилярова надо исследовать и объяснять; о нем по-настоящему надо читать лекции. О деятельности Каткова можно судить по фактам: пробуждение национального чувства в русском образованном обществе во время Польского мятежа, учебная реформа, пробуждение бодрости в правительстве для борьбы с крамолою, союз с Франциею и пр.

Негодованием одушевляется и потрясается *общество*; за практическим указанием цепляется *власть*; глубоким же анализом ни общество (особенно масса читателей «Современных Известий»), ни власть не дорожат: он fü#r Wenige.* Люди, подобные Никите Петровичу Гилярову, — *роскошь.* Их не замечают при жизни, но им удивляются и поклоняются после их смерти. Слово Каткова было *с властью,* слово Аксакова с <благородною[1]> *страстью,* Гилярова — *с убеждением.*

Катков был сохранитель, укрепитель и разъяснитель существующего. Аксаков был носителем убеждения *школы,* к которой он примкнул и выразителем которой почти один остался. У Гилярова у *одного* были *свои собственные убеждения.* Он при иных условиях мог бы положить основание новой школе. Оттого он и остался непонятым и непризнанным.

Князь Николай Шаховской.

3*

П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 20 июня 1893 г.

20 июня 1893. Москва.

Вот и даровитая, теплая и умная Ваша страница, любезный князь, посылаемая Вам на добавку или урезку,[1] как Вы захотите; а мне кажется, и так хорошо.

---

* для немногих (*нем.*).

[1] Слово «благородною» вставлено П. И. Бартеневым без согласования с автором. См. об этом в его письме к князю Шаховскому от 4 июля 1893 г.: «Аксаков у Вас поумален. Я позволил себе прибавить: *с благородною страстью»* (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 7).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 3. Письмо на почтовой карточке, адресованной в Подольск Московской губ., в село Шаховское, «дача 4-я».

Разве про Филарета чуточку смягчите: бо прозорливец он был и боялся, может быть не без основания, не самого Гилярова, а того, как поймутся его лекции о расколе. За него лично он потом крепко заступался.[2]

Пожалу<й>ста, не откажите в скорой обратной высылке, так как надо выпускать книжку.

Преданный Вам

П. Бартенев.

4*

П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 25 июня 1893 г.

Москва, 25 июня 1893.

Много благодарен: получено,[3] будет исправлено по Вашим указаниям. Книжки высылаю. Низко кланяюсь.

П. Бартенев.

<*Адрес на почтовой карточке*:>

Город *Подольск* Московск<ой> г<убернии>,

село *Ивановское*, дача 4-я.

Его Сиятельству / Князю Николаю Владимировичу / Шаховскому.

5*

П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 4 июля 1893 г.

---

[1] Очевидно, имеются в виду гранки статьи «Из приготовительных работ по биографии Гилярова».

[2] О взаимоотношениях митрополита Филарета (Дроздова) и Гилярова см. разделы 1.3 и 2.3.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 5. Письмо на почтовой карточке, адресованной в Подольск Московской губ., в село Шаховское, «дача 4-я».

[3] Речь идет о корректуре статьи «Из приготовительных работ по биографии Гилярова» (см. п. 2 наст. подборки).

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 7.

4 июля 1893. СПб.

По двум милым мне письмам Вашим всё, кажется, исполнено, и третьего дня книжка должна была выйти, как вдруг повестка о задержании ее впредь до разрешения гл<авного> нач<альника> печати. Я в тот же день поехал сюда, но Ф<еоктистов> на даче, и мне сказали на высотах известного здания,[1] что за переписку Аксакова с Костомаровым о хохлах и поляках.[2] Вот нежданно-негаданно на 31-м году [a] издания и 64-м издателя! [b]

Аксаков у Вас поумален. Я позволил себе прибавить: *с благородною страстью,* а в начале *от себя* упомянул о [a] отрывке биографии, появившемся в Ревеле.[3] Туда теперь направлено мое дыхательное стремление. Пожалу<й>ста, дайте мне в Х-ю книжку о Каткове.[4] То, что Вы пишете *об охранении,*[5] прекрасно и Катков бы, конечно одобрил вполне. Сердечное спасибо за четверостишие. Так и вижу Вас *в очках и с лирой золотой.*[6]

Преданный Вам П. Б.

<*Адрес на закрытом письме*:>

Город *Подольск* Московск<ой> г<убернии>,

село *Ивановское*, дача 4-я.

Его Сиятельству / Князю Николаю Владимировичу / Шаховскому.

---

[1] Главное управление по делам печати располагалось в здании Большого (Каменного) театра, на Театральной площади, в доме 3.

[2] Опубликовано позднее: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. 4. С. 257—268. См.: *Емельянов Е. П.* Национальный вопрос в переписке И. С. Аксакова и Н. И. Костомарова // Научный диалог. 2013. № 6 (18): История. Социология. Этнография. С. 21—29.

[a] *Далее зачеркнуто*: возраста.

[b] *В автографе описка*: издания. *Исправлено нами*.

[a] *Далее зачеркнуто*: начале.

[3] См.: «Сердечно желаем успеха биографическому труду (обращик которого уже появился в Ревеле) и надеемся, что со временем выйдет в свет и собрание сочинений Н. П. Гилярова. П. Б<артенев>» (*РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427).

[4] Князь Шаховской не исполнил этой просьбы.

[5] См. окончание п. 2 (т. е. статьи князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова»).

[6] Выражение из стихотворения Пушкина «Послание Дельвигу» (1827).

6*

П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому

Ревель, 17 июля 1893 г.

Ревель, 17 июля 1893.

Много благодарен я Вам, любезный мой князь, за страницы Ваши об Аксаковых, полученные вчера вечером (брата Вашего[1] я еще не видал: он в отъезде и державствует Сократ;[2] кажись бы, чего лучше, сама мудрость, но в городе беспрестанные кражи, разбои и даже убийства). Печатать эти страницы, несмотря на многие прекрасно подмеченные черты, нельзя; да и если бы и льзя, не мог бы я их напечатать, так как, по моему мнению, Вы не правы, Аксаков был Кремлевский колокол призывной, всполошной. Это общественная, даже и государственная совесть народа. Как ни размашист, а иной раз и совсем не приборчив бывал он, а все-таки всякий раз чувствовалось: а ведь он говорит правду. Его деятельность смущала, будила, звучала праведною укоризной. Самая ненависть к нему Каткова служит Вам опровержением. Кстати, надо проверить указанием в книге (VII-й) Барсукова о Погодине о том, что Катков даже жил у Хомякова на Собачьей площадке.[3] Проведайте у Смоленского предводителя,[4] в каком именно году куплен этот дом Хомякова:[5] тогда мы выясним. Если же это так, то оправдается

---

* Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 5—6 об. Ранее письмо цитировалось (характеристика И. Аксакова) рядом исследователей.

[1] Упомянут князь С. В. Шаховской.

[2] Обыгрывается имя вице-губернатора Эстляндской губернии Сократа Николаевича Дирина (1849—1924), коллежского советника в звании камер-юнкера. Состоял в этой должности с 1892 по 1903 г.

[3] См.: «В Москве Катков поселился на Собачьей площадке, в доме Хомякова, и вошел в дружелюбные сношения с старшим поколением словенофилов <так!> и делился с ними своими изысканиями…» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. Кн. VII. С. 95).

[4] Подразумевается сын А. С. Хомякова Николай Алексеевич (1850—1925), в тот период (с 1886 по 1895 г.) — губернский предводитель дворянства Смоленской губернии.

[5] Хомяков приобрел просторную усадьбу княгини А. П. Лобановой-Ростовской (ур. Свиридовой) на Собачьей площадке (ныне часть Композиторской ул.) в начале июня 1844 г., заплатив за нее 90 тыс. руб.: 3-этажный особняк, 4 жилых и 2 нежилых дома, сдававшихся внаем, каменую оранжерею, кладовую, двор и сад. (В 1860—1919 гг. усадьба принадлежала дочерям Хомякова; в 1920—1929 гг. в особняке находился «Бытовой музей 40-х годов», филиал ГИМ; затем он был передан Гнесинскому училищу; снесен в 1963 г. при строительстве Но-

поговорка: *не вскормя, не вспоя не наживешь себе врага*. У Аксаковых же он наверное дневал и ночевал, и Ольга Семеновна,[1] когда он прощался, уезжая за границу,[2] сказала ему: Желаю, чтобы добились Вы, чего так Вам нужно, славы и денег. Это был практик высшего полета, и воля Ваша, что-то было в нем хамское. — Смотрите, не показывайте этого письма. Мне и так мстят за него, и Феокт<истов> искалечил 7-ю кн<игу>, несмотря на то, что и Победоносцев не нашел в ней ничего запретного.

Сердечно Ваш П. Б.

7*

И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому

Орел, 3 июля 1893 г.

Орел, 3/VII 1893.

Милостивый Государь!

Князь Николай Владимирович,

Я ездил на ревизию касс в отдаленные уезды Орловской губ. и только потому не удосужился до сих пор — благодарить Вас за присылку Ваших двух брошюр с «Русским Архивом».[3]

Точно так же, как и Вы, я всегда был убежден, что *по призванию* покойник Никита Петрович был не публицист, а ученый, и несколько раз ему это высказывал. Тем не менее утверждаю, что он самый крупный русский публицист… Ведь одно другому не противоречит: наприм<ер>, Микель Анджело был самый крупный архитектор своего времени, а по призванию — живописец. Оваму талант, оваму 10. Не согласны мы с Вами насчет Каткова; но спорить было бы бесполез-

---

вого Арбата.) Катков вернулся в Россию из-за границы в январе 1843 г. Документальные свидетельства о его проживании в доме Хомякова неизвестны.

[1] О. С. Аксакова, жена Сергея Тимофеевича.

[2] М. Н. Катков находился в Европе в 1840—1843 гг.; там он, в частности, в течение полутора лет слушал лекции в Берлинском университете.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 2—3.

[3] Упомянута книжка «Русского Архива» со статьей князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова».

но… В одном только могу уверить Вас честным словом: о Каткове мы с Никит<ой> Петровичем были совершенно одинакового мнения.

Шедёвром Гилярова я считаю небольшую статейку об юродивом Льве Толстом, к<ото>ую в 1890-м году я перепечатал в «Витебских Губ<ернских> Ведомостях» [1] и отдельными оттисками распространил во множестве экземпляров. Лучшего ответа на невежественную болтовню Мегаломáна [2] — и выдумать невозможно! А серьезные возражения Преосвященного Никанора и К° досадно читать… [3] По воробьям да из пушек.

Великолепны также статьи об Ермаке и Сибири, о проливах и Константинополе… Да всего и не перечесть. Эти статьи и через сто лет не утратят своего значения. Воистину благое дело затеяли Вы, предпринявши издание всех «руководящих» нашего незабвенного друга. Дай Бог Вам успеха!

Когда буду в Москве, долгом сочту засвидетельствовать Вам лично мое глубочайшее уважение, с коим остаюсь Вашим покорнейшим слугою.

Ив. Павлов.

---

[1] В «Витебских Губернских Ведомостях» (1890. 5 дек. № 95. Неоф. отд. С 5—6) была перепечатана передовая статья Гилярова из «Современных Известий» от 12 ноября 1886 г. и мемуарный очерк А. Р. Я<нько>вой «Два свидания с графом Л. Н. Толстым», выставляющий писателя в непривлекательном свете. См. редакторское предуведомление: «Ввиду разнообразных отзывов и мнений, встречающихся в печати, по поводу литературной деятельности графа Л. Н. Толстого, в особенности за последнее время, считаем не лишним привести дословно отзыв о графе Толстом бывшего редактора “Современных Известий” Никиты Петровича Гилярова-Платонова (ныне покойного), а также и рассказ “Два свидания с Л. Н. Толстым”, помещенные в “Современных Известиях” 12 ноября 1886 года» (Там же. С. 5).

[2] От греческого названия мании величия — мегаломании (μεγαλομανία от μεγαλο — очень большой или преувеличенный).

[3] См. сокращенную перепечатку из газеты «Новости»: Беседа высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, о христианском супружестве, против графа Льва Толстого // Витебские Губернские Ведомости. 1890. 11 авг. № 62. Неоф. отд. С. 7—8; полностью — в отд. прил. к газ.: 1890. 18 авг. № 64. С. 7—10. Архиепископ Никанор (в миру Александр Иванович Бровкович; 1826/1827—1890) — богослов, философ, проповедник; епископ Херсонский и Одесский (с 1883 г.; архиепископ с 1886 г.). См. также: «Крейцерова соната» в Соединенных Штатах и пред судом в Нью-Йорке: (Корреспонденция «Московских Ведомостей» из Нью-Йорка) // Там же. С. 6; Эмиль Зола о графе Л. Н. Толстом // Витебские Губернские Ведомости. 1890. 23 авг. № 65. Неоф. отд. С. 4.

8*

И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому

Орел, 18 июля 1893 г.

18 июля 93. Орел.

Сердечно уважаемый

Князь Николай Владимирович,

Большое Вам спасибо за новое задушевное письмо! Хоть я смолоду и смеялся над теми, которые любят, чтоб им делали комплименты, но от переданного Вами *загробного* комплимента Никиты Петровича совсем раскис. Да; любил меня покойник и, очевидно, «überschätzte mich»,[1*] как выражаются немцы. Знаю только, что во мне есть одно хорошее свойство: я от всей души презираю т<ак> н<азываемые> «слова» и решительно утверждаю, что это не иное что, как Петр Иванович Добчинский, к<отор>ый просит Хлестакова доложить министрам и даже Государю, что в таком-то городе живет Петр Иванович Добчинский.[2] —

О Каткове спорить не желаю. Но, чтобы Вы не сочли меня голословным порицателем, представлю только следующее соображение: полемический талант у него был гениальный! Катков одинаково блестящ — защищая и патриотические начала, и самые что ни на есть зловредные и поганые фантазии, вроде англоманства, девальвации рубля, уничтожения крестьянской общины, поклонения Бисмарку, заплевания Французской республики и апофеоза *католических* Бурбонов… и проч., и проч. Но самое ужасное и *непростительное* — он был жидофил и нижé2 словечком не обмолвился о том страшном вреде, который причиняет жидовство русскому народу. И все это за 200 тыс. рублей, подаренных суконным сыном Шмулькой Поляковым на постройку дома для Лицея.[3] Ужасно!

---

* Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. Л. 4—5 об.

* «переоценивал меня» (*нем.*).

[2] См. в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Скажите всем там вельможам разным, сенаторам и адмиралам, что вот живет в таком то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский» (д. IV, явл. VII).

[3] Здание для Императорского в память цесаревича Николая (Катковского) лицея, основанного в январе 1868 г. на средства М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, удалось приобрести

В наш «позитивный» век во всяком из ряду выходящем явлении ищут *главной* причины. Так, наприм<ер>, все французские психологи согласны, что главная причина изумительных математических выкладок полуграмотного пастуха Иноди [1] есть из ряда выходящая память цифр… Так и у Каткова самая суть полемического таланта это — *необычайная способность к глумлению*. Во всей русской литературе подобною же способностью обладал один Салтыков (Щедрин); в английской — Свифт, а во французской — Поль Луи Курье.[2] Я уже Вам писал, что Ваш будущий сборник Гиляровских передовых и через сто лет будет читаться как нечто целое, единое… А над подобным же сборником Катковских статей [3] — только животики надорвешь со смеху, — *презрительного* смеху!

Храни Вас Господь.

9*

И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому

Деревня Одоевская Тульской губернии, 2 августа 1893 г.

Одоевская деревня. 2 августа 93.

Сердечно уважаемый

Князь Николай Владимирович,

Спасибо Вам за длинное и откровенное письмо от 26 июля. Хоть я и теперь убежден в бесполезности спора, я все-таки считаю долгом возразить Вам… Ну,

---

благодаря щедрому пожертвованию (400 тыс. рублей) железнодорожного концессионера еврея Самуила Соломоновича Полякова (1837—1888).

[1] Молниеносный вычислитель итальянец Жак Иноди (Inaudi; 1867—1950), родом из Пьемонта, не умел ни читать, ни писать, но с семи лет, не зная таблицы умножения, с легкостью перемножал в уме пятизначные числа. В 1880 г. он предстал в Париже перед членами Антропологического общества, а в 1892 г. его способности изучались членами Французской академии. Выяснилось, что «чудесная память» Ж. Иноди сильно специализирована: он легко повторял серии чисел протяженностью более чем в 400 знаков, но не мог запомнить две строчки стихов или прозы.

[2] Поль Луи Курье де Мерэ (Courier de Méré; 1772—1825) — французский эллинист и памфлетист.

[3] Позднее этот проект был осуществлен вдовой публициста: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». М.: Изд. С. П. Катковой, 1897—1898. Т. I—XXV.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 6—7 об.

хоть в качестве свидетеля-очевидца, показания к<отор>ого могут пригодиться впоследствии.

Прежде всего укажу на маленькое недоразумение: ведь я сравнивал К<аткова> не с одним Щедриным, но и со Свифтом и Полем Луи Курье… Что Щедрин впал в жалкое зубоскальство и доходил до пределов глупости, защищая злодеев-динамитчиков, — кто же этого не знает? Но ведь тот же Щедрин написал «Старого Кота на покое»,[1] «Сказание именитых иностранцев о помпадурах»[2] и, наконец, разбор Толстовского «Князя Серебряного»[3]… Остроумнее этого нет ничего даже у Курье (к<отор>ый до того допек иезуитов, что они наняли убийцу, и тот застрелил гениального публициста,[4] как дикого зверя). Стало быть, в моем сопоставлении нет ничего обидного для К<атко>ва, и Вы совсем напрасно смешали глумление с зубоскальством.

———

Заслуги Мих<аила> Никифоровича указаны Вами **верно**: он не поддался Валуеву[5] и не пожалел чортову пропасть даже на уплату штрафов за отказ напечатать предостережение. Это воистину подвиг! Катков создал цензора Крузе (да, пожалуй, и *цензора* Гилярова);[6] хамскую русскую публицистику Катков возвел в

---

[1] Рассказ Салтыкова-Щедрина «Старый кот на покое» увидел свет в «Отечественных Записках» (1868. № 2. С. 355—372).

[2] Точнее: «Мнения знатных иностранцев о помпадурах» — заключительный очерк сатирического цикла Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши». Впервые напечатан в том же журнале (1873. № 11. С. 147—170).

[3] Пародийно-юмористическая рецензия Салтыкова-Щедрина на издание романа А. К. Толстого в двух томах (СПб., 1863) опубликована: Современник. 1863. № 4. Отд. II. С. 295—306.

[4] Курье был убит слугами из мести и корыстных побуждений, однако в либеральных кругах это преступление было воспринято как политическое убийство.

[5] Катков обличал министра внутренних дел П. А. Валуеву в «полонофильстве» (тот последовательно отстаивал сословные права нерусского дворянства российских окраин) и сознательном потворстве «нигилистам». 31 марта 1866 г. «Московские Ведомости» получили первое предупреждение за то, что в них «правительственным лицам приписываются стремления, свойственные врагам России» (Северная Почта. 1866. № 66). Катков не уступил. Тогда последовали еще два предупреждения, и от передачи аренды над газетой другому издателю Каткова спасло изменение политической ситуации в стране в связи с покушением Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. и личное покровительство Александра II.

[6] Николай Федорович фон Крузе (1823—1901) — кандидат Харьковского университета (1844), либеральный цензор в Москве (1855—1858); с 1871 г. занимался банковской деятель-

потомственное дворянство… Если бы я оставался журналистом, я предложил бы воздвигнуть Каткову памятник.

Да мы не о том говорим, не о том спорим. Речь шла о *содержании* Катковских статей. И вот тут я не отступлю ни на иоту от сказанного мною прежде. «Еже писах, писах».[1] *Инициативы у него никогда не было*; менее дальновидного публициста трудно себе представить. Он блестяще и гениально **высказывал только то, что у всех наболело**; а до этого «прорыва» или англоманствовал, или Бисмарку кадил, или проповедовал союз с Бурбонами… (Это одно ли не хуже англоманства.) Об жидах мне и вспоминать больно и говорить противно… Ведь я почти четверть века воевал с ними в Западном крае и не скрываю, что моя ненависть к этой погани переходит на всех, кто им потворствует, и даже на тех, кто об них умалчивает… Следовательно, об Каткове я беспристрастно судить не могу; в чем и каюсь чистосердечно. Вы поминаете о письмах к Государю… Еще куда до Каткова всякий мыслящий руссак вопил о необходимом союзе с Французской *республикой*; а уж никак не с Катковскими Бурбонами, нове<й>шими прирожденными союзниками… Вот, кабы К<атков> написал о Греко-болгарской распре [2] и не допустил бы до схизмы! а *мы все тогда же понимали*, что надо болгар выкупать у Константинопольского Патриарха; иначе — вопрос абсолютно неразрешим. Мы все понимали, а Катков не понимал… Этого факта не спрячешь. Есть у меня хороший приятель между крупными болгарскими деятелями — Узунов;[3] клянется и ротится,[4] что за 2 миллиона р<ублей> все дело можно было устроить; и Николашка Игнатов [5] украл гораздо больше двух миллионов. И его-то Катков превозносил и прославлял!!!

ностью. Н. Ф. фон Крузе, а после его отставки Гиляров цензуровали журнал Каткова «Русский Вестник».

[1] Слова Понтия Пилата (Ин 19: 22).

[2] О греко-болгарской распре см. в разделе 2.8.

[3] Атанас Маринов Узунов (1857—1887) — видный болгарский военный деятель.

[4] *Ротится* — божится, присягает (*цркcл.*).

[5] Назван граф Николай Павлович Игнатьев (1832—1908) — посол в Константинополе (1864—1877), министр внутренних дел (1881—1882), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант.

Храни Вас Господь.

P. S. Если вздумаете писнуть мне до 1-го сентября, то адресуйте в *Богдановку* Тульской губ. Это почтовое отделение в 2-х верстах от моей усадьбы, где я отдыхаю в 29-тидневном отпуску.

9*

И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому

Орел, 23 сентября 1893 г.

Сердечно уважаемый

Князь Николай Владимирович,

Бывший корреспондент «Соврем<енных> Известий» Степка Желтухин, орловский лавочник и церковный тать, ничего общего не имеет с издателем «Журнала Земледельцев» Алексеем Дмитриевичем Желтухиным, богатым *рязанским* (NB) помещиком. Летом 1858-го года я послал ему свою статью о предполагавшейся тогда крестьянской реформе. Рукопись была мне возвращена через несколько месяцев, по закрытии журнала за недостатком подпищиков. Вся первая страница обложки была исписана неизвестным мне почерком, чрезвычайно связным и мелким. Это было дружеское, но весьма строгое внушение, сделанное цензором редактору за то, что он не поспешил напечатать «такую своеобразную статью»… А цензором-то был Никита Петрович. Но куда я дел свою рукопись с драгоценной обложкой? Хоть убей — не помню. Если найду, непременно пришлю Вам обложку. А Вы за это, в свою очередь, сделайте мне великое одолжение: поищите в бумагах покойника потерянную им (в 1884-м или 85-м г<оду>) мою статью об Илиаде, написанную по поводу Суворинского издания перевода Гнедича [1] и посланную Никите Петровичу на просмотр. Вспомнил

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 8—8 об.

[1] Илиада Гомера / Пер. <и предисл.> Н. И. Гнедича. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1884. XXIII, <3>, 495 с.

я о своей пропаже, потому что наш местный Эллинист недавно напечатал в «Орловском Вестнике» целую кучу вздора о Гомере и о классицизме вообще.[1]

Крайне обяжете преданнейшего Вам

Ив. Павлова.

23/IX 1893. Орел.

3.8. Из переписки протоиерея Ф. И. Варницкого с князем Н. В. Шаховским (1893)

1*

Князь Н. В. Шаховской — протоиерею Ф. И. Варницкому[2]

Москва, 5 августа 1893 г.

Москва. Спиридоновка, свой дом.

5 авг<уста> 1893.

Ваше Высокопреподобие,

Милостивый Государь,

Фома Иванович.

Простите мне великодушно, что я позволяю себе беспокоить Вас чтением этого письма и паче всего ожидаемым мною от Вас отзывом. Дело идет все о том же Преосвященном Вениамине, Епископе Рижском и Митавском, сведения о коем, любезно сообщенные Вами моему брату [3] в Ревеле,[1] были им с Ваших слов переданы мне в письме.

---

[1] См: *Гезе*. Основы умственного развития и наши классические школы // Орловский Вестник. 1893. 14 сент. № 246. С. 2; 24 сент. № 256. С. 2; 26 окт. № 287. С. 2. Изучение в гимназиях «мертвых языков» автор напрямую связывает с «пересадкой на русскую почву немецкой школы», чуждой национальным традициям. Имя Гомера при этом не упоминается. Перу этого орловского литератора принадлежит сборник: *Гезе*. Юным друзьям: Рассказы. Орел: Тип. «Орловского Вестника» Н. А. Сентяниной, 1894. 115 с.

[*] Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 85. Л. 1—2 об.

[2] Протоиерей Фома Иванович Варницкий (1819 — не ранее 1893) — рижский священник, ключарь кафедрального Петро-Павловского собора в Риге (1860-е); выпускник Тамбовской семинарии (1840) и Московской духовной академии (1844).

[3] Упомянут князь С. В. Шаховской.

Ужели сожжены были частные письма, найденные после смерти преосвященного Вениамина в его бумагах? Да это было бы, простите, сущим варварством! То для памяти покойного наиболее важно, что исходило от него, а не то, что приходило к нему извне. В этом отношении письма его к Н. П. Гилярову-Платонову, находящиеся в моих руках,[a] скорее заслуживали бы внимательного обсуждения Комиссии, разбирающей частную переписку покойных Архиереев.

Судя по найденным черновым отрывкам писем к покойному Преосвященному Н. П. Гилярова-Платонова, эти письма не только замечательны сами по себе, но для биографа неоцененны, так как содержат в себе интимную беседу с другом и излияние самых сокровенных помыслов. Письма Епископа Вениамина к Гилярову [2] представляют откровения чистой, [a] ясной души человека, чувствовавшего, однако, умственное превосходство над собой Гилярова и прибегавшего в большинстве случаев к нему за советом и разрешением разных недоумений. Ответы Гилярова-Платонова, по необходимости, носили характер назидательный, были исповедью убеждений, по преимуществу в области богословской. Из Риги писем Епископа Вениамина особенно много: он делился с Никитою Петровичем даже служебными своими делами, сообщал ему копии с донесений, им получаемых, и разных производившихся расследований, [b] более всего по вопросу о борьбе надменного лютеранства с робким православием, которого и свои светские власти [c] в ту пору чурались.

Биограф [d] Преосвященного Вениамина лучших сторон его души не будет в состоянии усвоить во всей полноте без знакомства с имеющимися у меня данными. Но я с ними не могу теперь расстаться, не вознаградив себя тем материа-

---

[1] Речь идет о кн. С. В. Шаховском, эстляндском губернаторе.

[a] *Далее зачеркнуто*: которых никакое пламя поглотить уже не может, ибо копия с них снята.

[2] Эти письма опубликованы князем Шаховским в извлечениях в серии статей о Гилярове-цензоре.

[a] *Далее зачеркнуто*: хрустальной.

[b] *Далее зачеркнуто*: преимущественно.

[c] *Далее зачеркнуто*: тогда.

[d] *Было*: Будущий биограф.

лом, касающимся Гилярова-Платонова, который должен был остаться в бумагах Епископа Вениамина. — Не скрою от Вас, что в письмах Преосвященного идет речь и о «благороднейшем Фоме Ивановиче и добрейшей Марье Андреевне, давших ему приют и так тепло согревших его сердце, что он из всей рижско-лифляндской жизни только и грелся этою теплотой». Это было в самый для него тяжкий период времени поисков невесты.[1]

Бога ради, не откажите мне в помощи по разысканию этих драгоценных для меня, как собирателя материалов для жизнеописания Гилярова, писем его. Нет ли их у лица, занимающегося (как мне сообщил брат мой) биографией преосвященного Вениамина? Нельзя ли также справиться у тех, верно еще здравствующих, духовных особ, которые составляли в оные дни страшный трибунал для суда над [a] белыми письмами, сохранившимися в бумагах почившего? Вся моя надежда на Вас, глубокочтимый отец Фома. Не корите меня за назойливость моего обращения к Вам и [b] войдите в беспокойство человека, изучающего внутренний мир исторического деятеля и чувствующего [c], что может потерять один из ключей к этому сложному и таинственному миру.

В ожидании благосклонного ответа Вашего я, испрашивая благословение Вашего Высокопреподобия,

имею честь быть Вашим покорным слугою

Кн. Николай Шаховской.

---

[1] В. М. Карелин по окончании Московской духовной академии в 1848 г. приехал в Ригу, где получил от епископа Филарета (Гумилевского) «письмо к покойному дерптскому протоиерею <Ф. С.> Б<ерезскому>», в котором преосвященный рекомендовал его в женихи к дочери Березского Александре Федоровне. Но той Карелин не понравился. Не состоялась и женитьба на дочке немца Шмидта — арендатора одной из мыз под Феллином. Тогда и приютили Карелина алексеевский священник Ф. И. Варницкий, кандидат богословия Московской духовной академии, и его жена Марья Андреевна («оба они тамбовские»). Вскоре он женился на дочери новгородского священника, которая родила ему дочь и сына, служил на о. Эзеле, однако умерла жена, а вслед за ней сын, и отец Василий в 1854 г. принял монашеский постриг с именем Вениамин. Все эти сведения содержатся в письме о. Вениамина (тогда архимандрита) от 25 июня 1859 г., приведенном князем Шаховским в «Русском Обозрении» (1898. Т. 49, янв. С. 100—105).

[a] *Далее зачеркнуто*: бумагами.

[b] *Далее зачеркнуто*: простите.

[c] *Далее зачеркнуто*: со страхом.

2*

Протоиерей Ф. И. Варницкий — князю Н. В. Шаховскому

11 сентября 1893 г.

Сиятельный Князь Николай Владимирович!

Отвечаю на письмо Ваше от 7-го сего сентября.

Писем Гилярова к покойному Преосвященному Вениамину здесь нет. Жизнеописатель его, помощник Инспектора Рижской дух<овной> Семинарии Феофил Осипович Невдачин,[1] и не слыхал об этих письмах. При Комиссии, разбиравшей бумаги покойного Преосвященного и составлявшей опись оставшемуся после него имуществу, постоянно находился зять покойного. Комиссия, конечно, отбирала официальные бумаги, а частную переписку, несомненно, передала зятю. Зять этот доктор медицины Степан Петрович Лепешинский,[2] служивший в то время в Риге, а теперь, по всей вероятности, служащий в Москве. По крайней мере, назад тому года полтора, как мне известно, он служил в Четвертом Московск<ом> кадетском корпусе. Если у него не окажется сих писем, то, вероятно, не найдете их нигде. Есть еще в Лифляндии родная сестра покойного Преосвященного за Сиссегальским Священником Иваном Ивановичем Лийцем.[3] Но едва ли находятся у него эти письма. Впрочем, вместе с сим же я пишу к нему об этом. Находится еще в Либаве родной племянник покойного Священник, а вместе законоучитель местной гимназии Петр Ив<анович> Карелин. Но у него не может быть этих писем, пот<ому> что в то время он и не служил в Прибалтийском крае. Как видите, Князь, утешительного мало. Но что же

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 102. Л. 1—2 об.

[1] Феофил Осипович Невдачин — выпускник Рижской духовной семинарии (1881) и С.-Петербургской духовной академии (1885).

[2] Степан Петрович Лепешинский (1836 — не ранее 1893)—доктор медицины (1882), зять епископа Вениамина (Карелина), муж его дочери.

[3] В середине 1870-х гг. о. Иоанн Лийц был священником на мызе Фистелен Лифляндской губ. В бумагах Гилярова сохранилось его письмо, датированное 20 сентября 1874 г., в котором он просил Гилярова и через него других «москвичей» оплатить долги (более 10 тыс. серебром) покойного епископа Вениамина, чтобы его имущество не пошло с молотка («Какой-либо жидок купит — ряску, камилавку, клобук, четки...») (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 655. Л. 1 об.).

делать? Для Вас, Князь, и особенно в память незабвенного моего Владыки Вениамина — этого гуманнейшего, честнейшего и добрейшего из людей — я готов бы всё сделать, но не могу.

Примите уверение в чувствах глубокого уважения, с коими имею честь быть Вашего Сиятельства пок<орным> слугою Протоиерей Ф. Варницкий.

11 сент. 1893. Рига

3*

Протоиерей Ф. И. Варницкий — князю Н. В. Шаховскому

Рига, 27 сентября 1893 г.

Ваше Сиятельство

Милостивый Государь Николай Владимирович!

Письмом от 11-го сентября я спрашивал Священника Лийца, за которым родная сестра покойного Преосв<ященного> Рижского Вениамина, о судьбе писем Н. П. Гилярова к Преосв<ященному> Вениамину, куда они девались и нет ли хоть сколько-нибудь этих писем у него, Лийца. На что он мне ответил, что в разговорах он часто слышал от Преосв<ященного> Вениамина о Н. П. Гилярове, но писем последнего к первому никогда не читал и не видел, пот<ому> что Преосв<ященный> никогда ему не показывал их. Он думает, что письма Гилярова к Преосв<ященному> Вениамину, по смерти последнего, поступили к доктору Лепешинскому, женатому на дочери покойного Вениамина, а я не только думаю, но почти с уверенностию говорю, что вся частная переписка Преосв<ященного> Вениамина с кем бы то ни было передана наследнику его доктору Ст<епану> Петров<ичу> Лепешинскому, к которому и предлагаю Вашему Сиятельству обратиться, от сердца желая иметь больший успех в Москве, чем имели Вы его в Риге. С сим желанием остаюсь

Вашего Сиятельства пок<орным> слугою.

Протоиерей Ф. Варницкий.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 102. Л. Л. 3—4.

27 сент<ября> 1893 г. Рига

4*

Князь Н. В. Шаховской — протоиерею Ф. И. Варницкому

Москва, октябрь (?) 1893 г.

Ваше Высокопреподобие,

Милостивый Отец Фома.

Приношу Вам сердечную благодарность за то доброе участие, которое Вы изволили принять в моем деле. Доктора Лепешинского я, по совету Вашему, разыскал, и у него был дважды. Действительно, вся переписка Преосвящ<енного> Вениамина была передана ему, и я самолично видел груду в великом беспорядке валяющихся писем. В этой груде отыскались и некоторые письма Н. П. Гилярова-Платонова, но, увы, в каком жалком виде! Удалось выудить из этого бумажного смешения всего 5 отрывков писем Никиты Петровича: где — начало, где — конец, где — середина. Лучше бы уже и не нашлось ни одного, чем этакая насмешка над поисками. Найденные отрывки только пуще дразнят пытливость, не давая ей удовлетворения. Обида меня взяла на Лепешинского, который так на словах высказывал восторженную преданность памяти своего тестя, а на деле не сумел почтить его уважением к тому духовному наследству, которое он после себя оставил дочери. Но неудача с письмами Гилярова-Платонова несколько вознаградилась неожиданной удачей в другом отношении. В бумажном хаосе мною были усмотрены письма к Преосвященному Вениамину Юрия Федоровича Самарина. Их набралось до двадцати. Без большого труда мне удалось убедить Ст<епана> Петр<овича> уступить их мне. Письма крайне интересны: они почти все имеют отношение до Самаринских «Окраин» [1] и, кроме своего исторического значения, рисуют еще и самого Епископа Вениамина с новой симпатичной стороны, как деятельного, сочувствующего помощника в труде

* Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 85. Л. 3—4 об.

[1] Окраины России / Изд. Ю. Самарина. Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868—1876. Сер. 1. Т. 1—6; 2-е изд.: Berlin: B. Behr's Buchh. (E. Bock), 1878.

Самарина, которого он не без риска для самого себя ссужал необходимыми данными. Печа<та>ть некоторые из этих писем вряд ли можно будет в скором времени, ибо, [a] посылаемые почти всегда с оказией, они заключают в <себе> резкие отзывы о *слишком* высоких лицах. На днях передам все эти письма брату Ю<рия> Ф<едоровича> Дмитрию Федоровичу Самарину, у которого сохранились письма Преосвящ<енного> Вениамина.

Еще раз позвольте от души Вас поблагодарить и за беспокойство, и за сочувствие и принять уверение в глубочайшем почтении Вашего покорного

слуги Кн. Н. Ш.

3.9. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Кулишом (1893—1894)

1*

П. А. Кулиш[1] — князю Н. В. Шаховскому

Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии,[2] 9 июня 1893 г.

Многоуважаемый

Князь Николай Владимирович,

---

[a] *Далее зачеркнуто*: писанные.

* Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129. Л. 1—2 об. Фрагмент письма опубликован, с неточностями, князем Шаховским в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО*. 1897. Т. 44, март. С. 200—201). В архиве князя Шаховского сохранилось 19 писем Кулиша за 1893—1897 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129—132). Здесь публикуются только те из них, в которых речь идет о Гилярове. Благодарю за консультации украинского литературоведа Олеся Федорука, любезно согласившегося просмотреть комментарии и предложившего ряд ценных дополнений и поправок.

[1] Пантелеймон Александрович Кулиш (1819—1897) — историк, прозаик, поэт, драматург, литературный критик, этнограф, публицист-украйнофил; первый биограф Гоголя, издатель его сочинений и писем.

[2] Хутор Ганнина Пустынь (другое название — Мотроновка) находился на окраине села Оленовка близ г. Борзна Черниговской губернии. Это было родовое поместье Ганны Барвинок (литературный псевдоним Александры Михайловны Кулиш, ур. Белозерской; 1828—1911), прозаика, жены П. А. Кулиша (с 1847 г.), которое он выкупил у ее братьев Василия и Николая Белозерских и переселился сюда в 1870-х гг. Мотроновкой отец Белозерских назвал хутор в честь своей жены, а Кулиш переименовал в честь своей.

Сочувствуя Вашему намерению чествовать память одного из достойнейших представителей русского ума и чувства, — к моему крайнему сожалению, уведомляю Вас, что письма Гилярова-Платонова [1] погибли у меня вместе с другими подобными памятниками благородной жизни.[2]

Приведенное Вами место из моего письма, по истечении стольких десятилетий иного рода деятельности, сделалось и для самого меня неясным. Оно говорит лишь о моем почитании высокой личности, которую Вы, Князь, предприняли как нельзя больше вовремя изобразить, в назидание современным и будущим русским подвижникам.

С Никитой Петровичем я беседовал мало, и знакомство наше продолжалось только посредством переписки о Гоголе. Невежественное вмешательство зятьев Гоголя [3] в издание рукописей великого писателя привело к тому, что все его заметки, выписки и прочая, хранимые в чемодане под женскою кроватью, исчезли без следа; а то бы, просмотрев их теперь, после драгоценных исследований моего друга Вл. Ив. Шенрока,[4] можно было бы восстановить в уме то «нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла», о чем я писал к Никите Петровичу от 19 апреля 1857 года.[5]

---

[1] Речь идет об ответных письмах Гилярова на 15 писем П. А. Кулиша 1856—1857 гг., сохранившиеся в копиях в архиве князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 646. 24 л.).

[2] Погибли в пожаре 1885 г. в Мотроновке, когда сгорело почти все имущество и рукописи Кулиша.

[3] В тот период были живы два зятя покойного писателя: саперный офицер, подполковник Владимир Иванович Быков (?—1862), муж Елизаветы Васильевны (1823—1864), и Яков Иванович Головня (1819—1868), муж Ольги Васильевны (1825—1907).

[4] Владимир Иванович Шенрок (1853—1910) — историк литературы, исследователь творчества Н. В. Гоголя и его современников. Сохранилась обширная переписка Кулиша и Шенрока (не опубликована). Шенрок написал и книгу о Кулише, опубликованную в журнале «Киевская Старина» (1901. Кн. 2—12) и отдельно: «П. А. *Кулиш: Биографический очерк»* (К., 1901. <2>, 255 с.). См. также: *Шенрок В. И.* Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша: С прил. неизд. отрывков из писем матери Н. В. и его собственных. М., 1886; 2-е изд., испр.: 1888. <4>, 91 с.

[5] Приведем контекст этих слов Кулиша, обращенных к Гилярову: «…в Вашем уме, как вижу из Ваших писем, строится нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла. Может быть, это условие полученного Вами научного воспитания, — которого я вовсе не имею, и мне очень интересно было бы видеть, как Вы все это сделаете» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1857-й год // *РО.* 1897. Т. 46, авг. С. 737).

Труды мои по изучению жизни Гоголя были вознаграждены знакомством с лучшими представителями родного нам, малоруссам <*так!*>, великорусского народа и общества. Ваше почтенное письмо так и веет на меня духом Аксаковых, Гиляровых, Шенроков; и как всем чадам земли свойственна известная доля своекорыстия, то не осудите меня, если я воспользуюсь этим случаем своекорыстно. Дело вот в чем:

Присоединенная к древнейшим русским займищам Червоная прикарпатская Русь, именуемая часто Подгорьем, а некоторыми писателями называемая Владимириею (Ладомирия), продолжает представлять, в своем двояком славянском населении, печальное зрелище борьбы, которая завершилась у нас воссоединением так называемой (не совсем конкретно) Малороссии с Вашей Великой Россиею. Принимая в этой исконной борьбе деятельное участие по предмету освобождения малорусского языка от польщизны, русского сознания — от внушаемой русинам поляками отчужденности, а древнего русского «благочестия» от римского «нечестия» (как мы, бывало, называем латинство да униатство), написал я нечто вроде повести [a], под видом «посмертных записок моего приятеля», озаглавив их «Владимирия» [b],[1] и послал мою рукопись (в трех тетрадях, заключающих в себе более 200 листков) бывшему издателю «Гражданина»,[2] в полное его распоряжение. Но, как это с русскими людьми бывает часто, своя своих не познаша.[3] В течение целого года я не получил никакого ответа. Не от-

---

[a] *Слова*: нечто вроде повести — *вписаны над строкой*.

[b] *Слова*: озаглавив их «Владимирия» — *вписаны над строкой*.

[1] Роман Кулиша «Владимирия, или Искра любви: Приключения Недригайла из Недригайлова городка: Посмертные записки моего приятеля» (1894) напечатан в 1998 г. в журнале «Київська старовина» (№ 1. С. 41—93; № 2. С. 96—150; № 3. С. 33—86; публ. О. Луговського и О. Путра). В этом романе Кулиш выступает глашатаем объединения украинских земель, разделенных между Российской и Австро-Венгерской империями, залогом чего он считал православие.

[2] Князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914) назван здесь «бывшим» издателем «Гражданина», видимо, потому, что Кулиш считал «новым» редактором К. Ф. Филиппеуса. Следует учесть, что с 1887 г. «Гражданин» выходил в виде обычной четырехполосной газеты, на столбцах которой объемные произведения (вроде романа «Владимирия»), как правило, не публиковались (исключение делалось для повестей и романов самого князя Мещерского).

[3] Евангельское выражение (Ин 1: 11).

ветил князь Мещерский и потом [c] на два письма Вл. Ив. Шенрока. Когда, наконец, издание газеты перешло к Филиппеусу,[1] тот моему петербургскому [d] уполномоченному говорит, что князь не передал ему рукописи «Владимирия».

Позвольте обратиться к Вам, в качестве сотрудника по общему нам русскому делу. Может быть, Вы найдете способ получить какой-нибудь ответ от бывшего [e] издателя «Гражданина».[2]

Примите, многоуважаемый Князь, уверение в истинном к Вам почтении.

П. Кулиш.

1893, июня 9 дня.

Хутор Ганнина Пустынь под Борзною.

2*

---

[c] *Это слово вписано над строкой.*

[1] Константин Федорович Филиппеус (1838—1898), в свое время, в 1869—1874 гг., возглавлявший политический сыск, — не издатель, а ответственный редактор газеты «Гражданин» с 1893 по 1895 г., совместно с князем В. П. Мещерским.

[d] *Это слово вписано над строкой.*

[e] *Это слово вписано над зачеркнутым*: сотр<удника>.

[2] В письме от 14 октября 1893 г. Кулиш откликался на сообщение князя Шаховского: «Издателя “Гражданина” изобразили Вы с таким комизмом, что я вспомнил стихи Пушкина:

Там вывел пылкий <*Шаховской поправил карандашом*: колкий> Шаховской

Своих комедий шумный рой.

Если князь Мещерский — потомок прославленного Державиным предка, то русская судьба безжалостно подшутила над величавым поэтом…

Здесь тень твоя, а духа нет.

Но в Вашем насвистывающем моллюске нет и тени державинского князя Мещерского, который был, как выражаются поляки, mężczyzna przystojny <красивый мужчина (*польск.*)>. Что же нам делать с идиотом? Он относительно пропажи моей рукописи невменяем. У меня сохранился брульон “Владимирии”. При переписке набело этот брульон превратился в набросок, предшествующий в уме автора чему-то доконченному. Но, под влиянием хорошей погоды и приятельских отношений к лучшим из людей, может случиться, что я вновь сделаю из черновой рукописи нечто доконченное, хотя это, во всяком случае, будет уже нечто иное. Итак, благодарю Вас, любезнейший из Князей, за нисхождение во ад умственного и нравственного ничтожества» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129. Л. 13—13 об.). В письме от 1 января 1894 г. Кулиш продолжал тему: «Мне хотелось бы знать, как это деятели русской народности, подобные князю Мещерскому господа, столь щедро бросают с Тарпейской скалы рожденные будто бы уродами такие произведения, как “Владимирия” (240 листков). Что за непонятное для меня обилие учено-литературного творчества в убогой, на мой взгляд, России! Что это за русские доблести князей и думных дьяков, создавших наше русское общество?» (Там же. Ед. хр. 130. Л. 8 об.—9).

П. А. Кулиш — князю Н. В. Шаховскому

Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 28 июня 1893 г.

Достопочитаемый Князь Николай Владимирович!

Воспоминания Ваши о Гилярове-Платонове [1] (первò2цьвіт Ваших воспоминаний) я получил одновременно с недостававшими в моей библиотеке сочинениями Ренана и Тэна.[2] Литературная noblesse [*] обязывает меня принести жертву почившим от своих трудов членам бессмертной семьи.[3] Но, не заглянув ни в один том, я принялся читать и прочел в один присест Вашу книжицу, о которой должен сказать: «мал золотник, да дорог». Русские бессмертные дороже мне всяческих иноземных.

Ваши воспоминания наводят на меня грусть, но не безотрадную. Гиляров не умер: он продолжает жить в лучших русских сердцах и благороднейших наших умах. Несмотря на то, что такое множество его трудов и предначертаний утрачено, доброе семя, вложенное в русскую природу нашим Филоклетом <*так!*> науки и согретое животворною любовью к этой дивной личности, вызовет многих таких деятелей на ниву русского духа, как Вы, воистину досточтимый Князь. Россия не вотще произвела такого мужа слова и дела. В этом ее создании чувствуется дальнейшее творчество нашего народа, и, зная некоторые факты былого, надобно чаять плодотворного апостольства со стороны достойнейших представителей Руси, осиротелых после вашего Пушкина, нашего Гоголя и других великих сердцем, как и умом, людей. Да снидет же на Вас и на Ваше предприятие благоговейный пред Богом дух премудрости, вдохновлявший вели-

---

[*] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129. Л. 3—4. Фрагмент письма опубликован, с неточностями и пропусками, князем Шаховским в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО*. 1897. Т. 44, март. С. 201).

[1] Речь идет о брошюре князя Шаховского «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк» (Ревель, 1893).

[2] Французские философы и историки Жозеф Эрнест Ренан (Renan; 1823—1892) и Ипполит Адольф Тэн (Taine; 1828—1893).

[*] честь, благородство (*фр*.).

[3] Эрнест Ренан умер 2 октября 1992 г., а Ипполит Тэн — 5 марта 1893 г. «Бессмертной семьей» Кулиш именует Французскую академию, поскольку избрание в нее является пожизненным и академиков называли «бессмертными» согласно девизу Академии — «Для бессмертия» (À l’immortalité).

кого мыслителя и гражданина! «Надеждой не вотще нас небо одарило»,[1] и не вотще апостолы Христовы называют уныние «грехом пред Господом Богом».[2]

На Ваше «крепкое» пожатие руки отвечаю горячим пожатием, яко потомок одного из Кулишей, носившего прозвище Гарячий Куліш,[3] которым не раз чествовали меня самого не только приятели, но и враги мои. Говорю «чествовали», памятуя библейское слово «изблюю тя» (если будешь только тепел).[4]

Гарячий Куліш.

1893, июня 28.

Хутор Ганина Пустынь под Борзною.

3*

П. А. Кулиш — князю Н. В. Шаховскому

Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 19 января 1894 г.

Вы спрашиваете, любезнейший из Князей: при каких обстоятельствах издавал я сочинения и письма Гоголя?

Обстоятельства эти вытекали из моих близких отношений к П. А. Плетневу.[5] Во время наших ежедневных прогулок, в промежуток между сном и завтра-

---

[1] Заключительная строка послания В. А. Жуковского «К К. М. С<оковнин>ой» (1803).

[2] Приведено святоотеческое толкование. Ср. наиболее выразительные слова апостола Павла об унынии: *«Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению; а печаль мирская производит смерть»* (2 Кор 7: 10).

[3] В автобиографической «Жизни Кулиша» (1868) указано, что так называли его деда Андрія (см.: *Куліш Пантелеймон*. Твори: В 2 т. К.: Наукова думка, 1994. Т. 1. С. 234).

[4] Ср. Синодальный перевод: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр 3: 16).

* Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 13—16. Написано карандашом, со вставками чернилами. Отрывки из письма опубликованы, с незначительными неточностями, князя Шаховского в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО*. 1897. Т. 44, март. С. 202—204).

[5] Петр Александрович Плетнев (1791—1865) — критик, поэт; профессор русской словесности (с 1832 г.) и ректор (1840—1861) С.-Петербургского университета. В другом письме, от 1 января 1894 г., Кулиш упоминал: «В 1844—1845 годах я, будучи таким неопытным и, можно сказать, порченным юношей провинциалом, <…> попал в руки несравненному П. А. Плетневу, а он пересоздал меня так, что, отправляя за границу в 1847 году, писал Жуковскому: “Посылаю тебе другого себя”» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 9—9 об.). Плетнев помог Кулишу переехать в Петербург осенью 1845 г. (не 1844-го!), где он жил до декабря 1846 г., пока

ком, незабвенный Петр Александрович любил вдаваться в свои воспоминания о былом вообще [a], и многое никому неизвестное рассказывал мне о живом еще тогда Гоголе. Когда Гоголь столь неожиданно и рано перестал дивить и смущать нас разнообразными видениями своими, я не замедлил [b] изложить на бумаге те из воспоминаний о нем Плетнева, какие считал своевременными среди свежих сожалений Гоголевых почитателей.[1]

Сдержанность моя заслужила одобрение Плетнева. Кой о чем распространился он тут же на словах и, когда я вводил в рукопись недостающее в ней, благодушный мой Ментор, с юношескою нетерпеливостью, раза два посетил меня, выслушивал мои вставки и диктовал мне новые.

Когда же, наконец, мои воспоминания были напечатаны, передо мною растворились многие незнакомые двери, согласно желанию Плетнева. Нередко мои изыскания происходили в его присутствии [c], и таким образом исчерпали мы в Петербурге рассказы и рукописи, относящиеся к жизни почившего среди нас гениального человека.

Петербургские знакомые посодействовали мне в эксплуатации и Москвы в том же роде. Там я был знаком еще с 1848 года с Хомяковым,[2] который, будучи

не уехал за границу. В Петербурге Кулиш вошел в ближний круг Плетнева, стал почти членом его семьи.

[a] *Это слово вписано красными чернилами над строкой*.

[b] *Было*: немедленно.

[1] Речь идет о статье Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», опубликованной анонимно в «Отечественных Записках (1852. № 4), о которой одобрительно отозвался Плетнев и которая положила начало исследованиям Кулиша о Гоголе, итогом чего стала его знаменитая книга: *Николай М. <Кулиш П. А.>*. Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854; <2-е изд., доп.>: Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб.: Тип. Ю. Штауфа, 1856. Т. I—II.

[c] *Было*: в присутствии самого Плетнева.

[2] Кулиш делился впечатлением от общения с Хомяковым в письме к свояченице Надежде Михайловне Забеле (ур. Белозерская; 1826—1912), датируемом его публикатором О. Федоруком октябрем-ноябрем 1850 г.: «Самое особенное в моих домашних событиях — есть знакомство с Хомяковым, хотя и оно похоже на чтение книги. Я был у Хомякова в деревне. Он угостил меня псовою охотою по первому снегу, я видел смерть десяти серых трусов; но его беседа гораздо приятнее охоты. Он очень ученый человек, так что знает даже медицину и исправляет в своем имении лично обязанность лекаря. Хороший, очень хороший

знаменит, посетил меня, неведомого почти никому изгнанника, в Туле [1] и старался рассеять мою тоску [d] зимней охотой у себя в деревне.[2] В Москве [e] жил и мой друг О. М. Бодянский.[3] Он познакомил меня со всесторонне чувствующим, истинно русским, истинно *великорусским* домом Аксаковых. В С. Т. Аксакове нашел я чудо из чудес — юношу в сединах, горячего ко всякой полезной предприимчивости. Для скопирования множества писем Гоголя, писанных к Аксаковым [f] и добытых при их посредстве от других лиц, — гостил я у них в деревне по нескольку недель,[4] и здесь, больше чем где-либо, познал цену великорусскому народу, собирателю нашей расторгнутой Русской Земли.

Среди этой образцовой во многих отношениях семьи сподобился я познакомиться [a] дружественно и с великим по русскому духу и русскому уму человеком, Никитой Петровичем Гиляровым-Платоновым, замученным в самом цвету нравственных сил не понимавшими его властителями и судиями.[5] Но об этом Илье Муромце духовной деятельности предоставим распространиться перу, перед которым я сторонюсь почтительно.

человек Хомяков. Я доволен этим знакомством» (*Куліш П.* Повне зібрання творів: Листи. К.: Критика, 2005. Т. I. С. 323).

[1] Кулиш находился в Туле в ссылке в течение трех лет и трех месяцев в 1847—1850 гг., после того как был арестован в Варшаве как член Кирилло-Мефодиевского братства (причем его принадлежность к тайной антиправительственной организации доказана не была, наказанию же подвергся, по словам приговора, за то, что «находился в дружеских связях со всеми его <Братства> участниками»). В Туле он написал два романа («Алексей Однорог» и «Искатели счастья»), а также популярную историю Смутного времени («Повесть о Борисе Годунове и Димитрии Самозванце»).

[d] *Было*: развлекать меня.

[2] Под Тулой у Хомякова были две родовые усадьбы — Богучарово и Обидимо.

[e] *Было*: Там.

[3] Осип (Иосиф) Максимович Бодянский (1808—1877) — филолог-славист, историк, археограф, переводчик, фольклорист, поэт; профессор Московского университета (с 1842 г.), секретарь Общества истории и древностей российских и редактор его «Чтений».

[f] *Далее зачеркнуто*: и другим.

[4] Впервые Кулиш приехал в Абрамцево 30 ноября 1854 г., готовя «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя» (см. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 2 декабря 1854 г. // Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской, 1853—1856 / ИРЛИ РАН; Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. С. 91).

[a] *Было*: сойтись.

[5] Отсылка к названию стихотворения Г. Р. Державина «Властителям и судьям» (1780).

В то время племянник Гоголя, студент Московского университета, Трушковский, предпринял было уже издание сочинений своего дяди по матери, in octavo * (которое вскоре вышло в свет под моею редакцией),[1] но заболел [2] и должен был прекратить работу в самом ее начале. Однако ж он успел собрать множество писем Гоголя и к Гоголю. Весь Аксаковский кружок заговорил, что и без болезни Трушковский (давно уже покойный) *не обладает энергией труда, необходимой для такого предприятия,* — тем более, что, по смерти знаменитого автора, спрос на его сочинения был очень велик, а это составляло немаловажную заботу в имущественном отношении для наследников Гоголя.

Этим путем автографы поэта [b], находившиеся в руках у Трушковского, и все относившиеся к нему рукописи перешли в мои руки, и я перенес издание в Петербург, где заставил работать [c] параллельно несколько типографий.[3]

Правительство, изображаемое цензурой, ни в чем не препятствовало мне. А что в письмах Гоголя сделано множество пропусков, то на этом настаивал П. А. Плетнев, как человек с [d] общественным и литературным тактом, дабы не тронуть щекотливой струны в чьем-либо уме и сердце. Все эти пропуски были у меня помечены систематически французскими буквами, и этот ключ для будущего открывателя посмертных сенсаций присоединен мною к [e] автографам и копиям писем, вместе с которыми и сдан по принадлежности наследникам Гоголя.

---

* ин октаво, в восьмую долю бумажного листа (*лат.*).

[1] Николай Павлович Трушковский (1833—1862), сын старшей сестры Гоголя Марии Васильевны (1811—1844), воспитанник Казанского и С.-Петербургского университетов, издал (фактически подготовленное Кулишом) первое посмертное собрание сочинений писателя в шести томах в 1855—1856 гг., а также дважды (в 1855 и 1856 гг.) напечатал со своим «Предисловием» книгу «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: Мертвые души. Том второй (пять глав) и Авторская исповедь», служившую продолжением прижизненного издания: «Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. Гоголя» (М., 1842).

[2] Н. П. Трушковский был душевнобольным; он скончался, не дожив до 30 лет.

[b] *Было*: бумаги.

[c] *Далее зачеркнуто*: разом.

[3] Первый том был напечатан в типографии Александра Якобсона, где Кулиш опубликовал свою биографию Гоголя, «Записки о Южной Руси» и украинский роман «Чорна рада», все другие — в типографии Императорской Академии наук.

[d] *Далее зачеркнуто*: житейским.

[e] *Далее зачеркнуто*: рукописям.

Но, к общему нашему сожалению, провинциалы — наследники великого человека — не умели хранить национального сокровища и довели его до исчезновения в немой вечности. Мой систематически составленный ключ канул также в вечность, — и самые благородные усилия моего московского друга Вл. Ив. Шенрока воссоздать его в целости остались безуспешными.

Наследники Гоголя до такой степени не понимали своей хранительной функции, что, когда все рукописи и бумаги их благодетеля [f] исчезли с его походным чемоданом из-под кровати его матери (что произошло спустя много лет после передачи бесценного скарба наследникам поэта)[*], одна из сестер его, Ольга Васильевна, спрашивала у меня письменно: не у меня ли остался этот скарб?! [*]

Вот все, что в состоянии отвечать страдающий инфлюэнцей человек здоровому, которому желает выполнить предпринятое, широко задуманное, благородное дело во славу своего собственного и нашего русского имени.

Благодарю Бартенева, любезнейший из Князей, за его память обо мне и почетное для меня приношение.[1] Да не может ли он снабдить меня тем ливрезоном [2] «Русского Архива», в котором напечатана позорная для правительства 1847 года процедура допроса и суда над нами? [3] Вообще я бы желал собрать все, что мне самому напоминало бы о забытых обстоятельствах, именах, датах моего существования, которое дало бы мне возможность уразуметь яснее внешний мир.

---

[f] *Было*: Гоголя.

[*] Храню документальное известие об этом в собственноручном письме ко мне Анны Васильевны Гоголь. <*Примеч. П. А. Кулиша*.>

[*] Храню и этот документ. <*Примеч. П. А. Кулиша*.>

[1] Судя по письму от 5 февраля 1894 г. (см. ниже: «вклеил я мои письма к Бодянскому»), П. И. Бартенев послал П. А. Кулишу оттиск из «Русского Архива» с публикацией его писем к О. М. Бодянскому (1892. Кн. III, вып. 11. С. 291—304) и потом последний вклеил этот оттиск в какую-то другую книжку «Русского Архива».

[2] *Ливрезон* — выпуск журнала.

[3] Речь идет о публикации: Об Украйно-Славянском Обществе: (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // *РА*. 1892. Кн. II, вып. 7. С. 334—359.

Пола Ваша, мой несравненный Князь, и на этот раз не свободна от хуторского репьяхà. Вольф [1] прислал вчера наконец английскую Библию revised version,[*2] но такую компактную, что я <не> в состоянии читать ее иначе, как при посредстве лупы. Писать к купцу о высылке оной не следует; а позвольте вцепиться репьяхò2м Вам в полу. Полученного мною экземпляра Вольф не примет для замены осьмушечным; ergo: Во славу оксфо<р>дских самопожертвователей благоволите заказать ему ту же самую версию, выслать мне in-8°, в полном октаво; авось либо это не сделает еще меня босоногим апостолом!

Щирый Ваш Панько.

1894, янв<аря> 19.

Ганнина Пустынь.

4[*]

П. А. Кулиш — князю Н. В. Шаховскому

Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 5 февраля 1894 г.

Телеграмма, писанная у камина «на колену», как писывали песенные сербы [a].

Любезнейший из Князей![*]

---

[1] Александр Маврикиевич Вольф, сын и наследник основателя книготорговой фирмы М. О. Вольфа (1825—1883), директор книгоиздательского товарищества «М. О. Вольф и К°», издатель журнала «Новь» (1884—1898).

[*] пересмотренный вариант (*англ.*).

[2] О том, чтобы князь Шаховской сделал такой заказ в книжном магазине М. О. Вольфа (помимо Оксфордской Библии, еще одна английская и две немецкие книги), Кулиш просил в письме от 1 ноября 1893 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 1).

[*] Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 17—18 об. Написано карандашом, со вставками чернилами. Небольшие отрывки из письма опубликованы, с незначительными неточностями, князем Шаховским в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО*. 1897. Т. 44, март. С. 194, 203).

[a] *Это предложение приписано Кулишом на верхнем поле письма позднее*.

[*] Этот Ваш титул, совмещающий в себе все почетные звания, даваемые правительством и обществом: ибо что есть добро или что есть красно, как проповедовать мир и благоволение? <*Примеч. П. А. Кулиша*.>

Читать каждое Ваше письмо и отвечать на него — это моя отрада в болезни, которая отступает медленно и грозно, как единственная дочь Сатурна, которой он почему-то не проглотил.[1]

Благодарю, благодарю за присылку статьи обо мне, напечатанной в «Русском Архиве»! [2] Меня интересует, что и в молодости я уже принадлежал не к худшим людям. Все это мною позабыто в толкотне житейских интересов.

Последний том биографии Погодина, благодаря Вам, я также получил и читал о себе,[3] как о ком-то неизвестном. Но память моя, роняя по дороге жизни многое, хранит характеристически черты таких, например, заслуженных людей, как почтеннейший skądinąd [*] Михаил Петрович. Когда скончалась его жена,[4] он тотчас написал к Максимовичу письмо, достойное человека с душою и сердцем.[5] Но тот же Максимович рассказывал мне о нем *ужасы* чужеядной жизни, представителем которой был он по наследству от отца, крепостного прикащика,[6] проглотившего целиком своего неопытного барина с его имением и тем домом на Девичьем Поле, который добрые люди сделали известным всей России.[7] Это повествование не мешало Максимовичу отвечать на сердечное письмо сердечно [8] и эксплоатировать «любезного академика» в пользу своего кармана и своей «суетной славицы».

---

[1] По легенде, Сатурн пожирал всех своих детей, опасаясь рождения более сильного, чем он, наследника.

[2] Имеется в виду статья «Об Украйно-Славянском Обществе».

[3] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина: <В 22 кн.>. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. Кн. VIII. (О Кулише — с. 251—252, 401, 608.)

[*] впрочем (*польск.*).

[4] Первая жена историка Елизавета Васильевна Погодина (ур. Вагнер; 1809—1844).

[5] Это письмо опубликовано в изд.: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. СПб., 1882. С. 37; перепеч.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. VII. С. 475.

[6] Отец М. П. Погодина, Петр Моисеевич, был крепостным графа П. И. Салтыкова и управляющим его московскими домами; отпущен на волю в 1806 г.; стал слугой А. Ф. Брокера в Петербурге с 1817 г.

[7] Насколько справедлив этот слух, нам неизвестно: дом на Девичьем поле М. П. Погодин приобрел в 1836 г., скорее всего, независимо от отца (ныне Погодинская ул., д. 10—12); эта усадьба сгорела в 1941 г. во время налета немецкой авиации.

[8] Это ответное письмо Максимовича опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. VII. С. 475.

Позвольте завладеть Вашим ливрезоном «Русского Архива», в который вклеил я мои письма к Бодянскому с искусством переплетчика, т. е. крепко (я изучал переплетное мастерство во время ссылочного сиденья в Туле).

Благодарю и за Ваши неутомимые сношения с Вольфом по моим книжны<м> делам.

Если я не ответил на один Ваш вопрос, то Вы, в благодушии своем, конечно, приписали это моему болезненному состоянию. Мои письма к Гилярову-Платонову и вообще все, что Вы признали бы годным для печати в моей корреспонденции с Вами и с кем бы то ни было другим, я «разрешаю» Вам печатать вполне или же отрывочно. По напечатании оных *вполне* я не нуждаюсь в подлинниках. Мне некогда заниматься собиранием автографов, что доставляет удовольствие любителям следов, оставленных писателями после себя, подобно куриным лапкам на песке. Но тем не менее благодарю Вас за готовность выпросить эти лапки мои у той любезной особы,[1] которая, как Вы полагаете, отказалась бы от права собственности на них.

«Записки о Жизни Гоголя» заслуживают Вашего чтения как редкая книга, которую от начала до конца прочитывал я С. Т. и К. С. Аксаковым, которые не оставляли ничего, требующего не только фактической, но и стилистической поправки. Иногда любезный богам и смертным старец вскакивал с плетеного своего кресла и прикрикивал на меня, как на школьника: «И что это вы вдаетесь в реторику! Пишите так просто, как со мной говорите». Я же, помня словеса великого поэта-царя: «Пред мудрым склони голову — пускай он своим укором обливает ее, как елеем» [2] (не помню подлинника славянского) — помня сии спасительные для меня с детства словеса, я вновь писал отмеченное место и вновь прочитывал красноречивому в простоте своей Нестору [3] написанное, доколе не удостоивался одобрения.

---

[1] Речь идет об А. М. Гальперсон, у которой, по предположению князя Шаховского, должны были находиться письма Кулиша к Гилярову.

[2] Источник цитаты не установлен.

[3] Кулиш уподобляет Гилярова Нестору Летописцу.

Из «Пережитого» [1] я не читал, к стыду моему, ни одного тома. Я многие годы питался исключительно тою пищею, которую мудрые и вместе простоватые <?> (относительно старорусского элемента) Катковы всячески возбраняли нам, и это до такой степени, что, будучи членом Императорского Географического Общества, я не мог получить от него свидетельства на такие путешествия, какие совершил я в короткое время для собрания материалов, составивших впоследствии «Записки о Южной Руси»,[2] — невзирая на то, что путешествовать я вызывался на собственные средства [a]. Вот он политический фанатизм! Чем он лучше религиозного? Разве тем, что нас не жгут на кострах. Но зато нас душат хуторскою жизнью, а наших болтунов (которых мы презираем) морят и по сие время в торквемадовских тюрьмах. Какой же они достигают цели? Диаметрально противоположной гнету: именно — вызывают реакцию не только в уединенных, как я, личностях, но и в разного рода учителях, профессорах и даже в лицах так называемого духовного чина.

Желаю Вам успеха в служебной пертурбации,[3] обнимаю Вас горячо.

Гарячий Куліш Панько.

Все ли листки «Дзвона» [4] Вами получены? Я не получил доселе одного листка шутливой поэмы Панька Небрехи «Куліш у Пеклі».[5] Боюсь, как бы мой издатель не заболел болезнью, от которой не свободны даже императоры. Мы и без того ползем за знаменем, на котором в угоду хохлам написано: festina lente.[*]

---

[1] Мемуарная книга Гилярова.

[2] Записки о Южной Руси / Изд. П. Кулиш. СПб., 1856—1857. Т. I—II.

[a] *Было*: на собственный счет.

[3] Видимо, князь Шаховской поделился с Кулишом своими планами по изменению служебного положения: в тот период (с 1882 г.) он был чиновником особых поручений при министре внутренних дел, а спустя полгода, 1 августа 1894 г., стал цензором в Москве.

[4] *«Дзвин»* — поэтический сборник Кулиша (1893).

[5] «Куліш у пеклі: Небрешина поема Панькова» (1890—1896), при жизни Кулиша не опубликованная, впервые появилась в 3-м томе «Сочинений и писем» Кулиша в 1909 г. В наши дни опубликована по автографу во 2-м томе «Сочинений» Кулиша в 1994 г. (в издательстве «Наукова думка»).

[*] не делай наспех (*лат.*); поспешишь — людей насмешишь.

Писано Року Божого 1894 місяця лютого на пятий день, зараз як прочитав высокошановну князьку́ грамоту, а коли можна буде послати, не знаемо, яко хуторяне бездорожа́не и таке инше.**

3.10. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Бессоновым (1893—1894)

1*

Князь Н. В. Шаховской — П. А. Бессонову

Москва, 20 августа 1893 г.[1]

Милостивый Государь

Петр Алексеевич.

Собирая матерьялы для жизнеописания Никиты Петровича Гилярова-Платонова, я, в оставшихся после него бумагах, нашел несколько Ваших писем, писанных в 1842 году и относящихся ко времени Вашего совместного с ним обучения в Семинарии.[2] В этих письмах сквозит, можно сказать, нежная дружба Ваша с товарищем Вашим Гиляровым. —[a]

** Писано Лета Господня 1894, месяца февраля на пятый день, сразу как прочел глубокоуважаемую княжескую грамоту, а когда можно будет послать, неизвестно, поскольку хуторяне бездорожны и тому подобное (*укр.*).

* Печатается впервые по подлиннику: ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 537. Л. 12—12 об., 14; 13 (конверт); черновой автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 3. Далее здесь и при публикации других двух писем князя Шаховского к Бессонову в текстологических примечаниях указываются только наиболее существенные расхождения между черновым и перебеленным письмами. Благодарю Е. В. Неберекутину и А. Г. Юшко, сообщившим мне о местонахождении подлинников и оказавшим помощь в подготовке их к печати и комментировании.

[1] Датируется по штемпелю на конверте («Москва. 20.VIII.1893»), хотя вполне возможно, что письмо было написано (на день?) раньше.

[2] В бумагах Гилярова сохранились 4 письма к нему от 15-летнего П. Бессонова за май — август 1842 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 589). В книге «Из пережитого» Гиляров вспоминал о своей дружбе с младшим товарищем по семинарии: «Завязалась переписка, первоначально условленная, помнится, краткостью встреч и невольным домоседством моего молодого “друга”, жившего, должно быть, под строгой домашней дисциплиной. Переписка дышала нежностью, и самые отношения наши подходили к “обожанию” институток. Своих писем содержания я совершенно не помню; но его письма были наполнены тоской, недовольством собою и окружающими, стремлением полететь куда-то. Мне и тогда представлялось это настроение

Если у Вас сохранились письма к Вам семинариста Гилярова, не откажите сообщить их мне, чем Вы окажете превеликую услугу тому делу, над которым я тружусь. От того периода жизни Никиты Петровича, когда слагался только будущий муж, не осталось почти никаких следов, кроме автобиографических воспоминаний Гилярова «Из Пережитого», которые не могут представлять из себя вполне достаточный материал,[b] ибо это не просто записки, а литературное произведение.[a] По Вашим письмам судя, Гиляров был с Вами очень откровенен и его письма к Вам должны содержать в себе драгоценные данные для биографа.

Если же Вы нашли бы свободную минуту для того, чтобы [b] вспомнить о том впечатлении, которое тогда производил на Вас Гиляров [c] и впоследствии, и запечатлеть это в письме ко мне, то несказанно бы меня одолжили и побудили бы присоединить к тому уважению, которое я, как словесник, всегда питал к трудам Вашим, еще и чувства личной признательности и сердечной благодарности.

С нетерпением буду ожидать отзыва Вашего; а пока позвольте засвидетельствовать Вам глубокое почтение

Вашего покорного слуги Кн. Н. Шаховского.

Адрес мой (до середины сентября): Москва, Спиридоновка, свой дом; (после 15 сент<ября>) С.-Петербург, Михайловская площадь, д. Жербина, кв. 30. — Князю Николаю Владимировичу Шаховскому.

<*Адрес на конверте*:>

Харьков. В Императорский Университет.

Его Превосходительству Петру Алексеевичу Бессонову

неестественным, страдания фиктивными, хотя несомненно ощущаемыми. <…> Не особенно длилась и переписка; едва ли продолжалась даже год» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 65).

[a] *Далее в черновике было зачеркнуто*: Из этих писем усматривается, что товарищ Ваш тоже писал Вам.

[b] *Далее в черновике было зачеркнуто*: нельзя в строгом смысле смотреть к<а>к на биогр<афию>; не<т>, это прежде всего [представл<яет> из себя].

[a] *Далее в черновике было*: [с определенною целью] и потому не могут содержать в себе желанн<ой> для биографа полноты и беспристрастия.

[b] *Далее в черновике было зачеркнуто*: извлечь из па<мяти>.

[c] *Далее в черновике было зачеркнуто*: и вообще.

от Кн. Н. В. Шаховского.

2*

П. А. Бессонов — князю Н. В. Шаховскому

Харьков, 29 августа 1893 г.

Милостивый Государь Князь Николай Владимирович!

Неожиданное во всех отношениях письмо Ваше доставило мне столь же неожиданное удовольствие нового знакомства и вместе живых воспоминаний о Н. П. Гилярове. Я очень рад, что Вы застали меня в минуты, несколько более свободные для того, чтобы отвечать Вам по возможности удовлетворительно.

Но, чтобы говорить с Вами о человеке, до такой степени мне близком, как Гиляров, я позволю себе прежде — извините и не удивитесь — попросить у Вас несколько сведений предварительных: не столько о том, как Вы пришли к намерению писать биографию Никиты Петровича, с какими целями и какими располагаете ныне материалами, но более об Вашем личном положении — относительно предприятия в каких-либо личных к тому отношениях. Простите меня, в 15 лет здесь [1] я несколько поотстал от московских дел и отчасти перезабыл их. Между тем я знаю, что у покойного есть сыновья, и один на деятельной службе (даже писавший об отце), [2] вообще родство, способное к разным претензиям; с другой стороны, я сам знал нескольких лиц Вашей фамилии, как, например, тогда, когда занимался биографией известного драматурга, Вашего однофамильца,[3] или еще в семье Свербеевых (где был дружен и в переписке с сыном Нико-

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 98. Л. 1—2 об.

[1] В 1867—1878 гг. Бессонов служил директором библиотеки Московского университета. В 1878 г. в Казанском университете ему была присуждена Казанским университетом степень доктора славянской филологии honoris causa, и в 1879 г. он возглавил кафедру славянских наречий в Харьковском университете.

[2] Подразумевается не сын мыслителя, а его племянник Ф. А. Гиляров.

[3] Князь Александр Александрович Шаховской (1777—1846) — театральный деятель, драматург (автор около 100 пьес), режиссер, член Репертуарной комиссии Императорских театров, педагог, критик.

лаем,[1] а встречал «Наталью Борисовну» и ее супруга [2]), да и теперь еще знаю некоторых в Харькове, в «Изюме». Позвольте узнать, не в родстве ли Вы с кем-либо из помянутых соплеменников или других — известных? Согласитесь, что мне здесь необходимо сколько-нибудь ориентироваться, чтобы в личных отношениях к Вам быть откровенным. А касательно Гилярова не остаться одним только сухим комментатором или холодным летописцем, чтò2 повредило бы и Вашему делу, и невозможно для меня самого в вопросе о Вашем «покойном», но столь «живом» для меня «предмете».

Итак, буду ожидать ответа и уверен, что Вы не сочтете этих подробностей нарушением какого-либо «духа приличия». Пока же, на первый раз, позвольте прежде всего выразить Вам искреннюю радость и благодарность уже за то, что нашлись ревностные люди для занятий человеком и деятелем такого несомненного достоинства. О нем же самом прибавлю, что Вы при первых же шагах и попавшихся данных нисколько не ошиблись, заключивши о нашей с Гиляровым тесной близости и в собственном смысле «дружбе» за ранние молодые лета. О том говорит и сам Гиляров («Из переж<итого>», особенно ч. 2, LX, стр. 296—98), обрисовавши по-своему наши взаимные отношения «до печати» и совместной «службы»;[3] знали хорошо и наши сверстники, помнят еще довольно многие. Исправляя здесь некоторые неточности, замечу, что около двух первых лет приязни, когда только не видались лично, мы писали друг другу ежедневно: мои письма были почти все сожжены, Гилярова — у меня все сохранились. По числу личных свиданий и долгих бесед равнялись у меня лишь подобные с М. Н. Кат-

---

[1] Николай Дмитриевич Свербеев (1829—1860) — сокурсник П. И. Бартенева (приятеля Бессонова) по словесному отделению Московского университета, старший сын известного мемуариста Д. Н. Свербеева. Дослужился до звания надворного советника, был чиновником особых поручений при Якутском областном правлении (с 1851 г.).

[2] Княгиня Наталья Борисовна Шаховская (ур. Святополк-Четвертинская; 1825—1906) — сестра милосердия; основательница общины и больницы «Утоли моя печали» (1864). Ее муж князь Дмитрий Федорович Шаховской (1821—1897) — серпуховской уездный предводитель дворянства. Брак был неудачен, и супруги жили раздельно.

[3] Отсылка к фразе Гилярова, заключавшей описание его взаимоотношений с Бессоновым: «Затем мы и снова встретились, в печати и на службе. Но повествование об этом отвлекло бы меня от темы, выставленной в заголовке этой главы <LX. Три друга>» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 66).

ковым, за два года его преподавания;[1] по количеству обоюдных писем существовало столько же у меня лишь с И. С. Аксаковым.[2] Но эти отношения между мною и Гиляровым, а вместе самое выражение их на письме, до того деликатны, прибавлю — тонки и, неизбежно, своеобразны индивидуальностью, что об них нельзя говорить (даже и теперь) слегка или шутя, не в состоянии их оценить и даже «усвоить» в подлинном свете какое бы то ни было лицо постороннее, нельзя и поверить их сразу или целиком сему последнему. В этих видах мы сами, когда перечитывали письма позже, кое-что из них зачеркнули или уничтожили (о чем я крайне теперь сожалею). Кроме того, в состав переписки входят целые «рассказы» покойного об его ранних летах и всех условиях семьи, из чего многое нельзя и публиковать. Все это, лишь отчасти и непременно лишь в моем пересказе, занимает место в моих «Воспоминаниях»,[3] которые я пишу уже несколько лет. Но, при моих связях (может быть, отчасти Вам известных) почти со всем передовым литературным и — еще шире — образованным миром России за полстолетие, с одним остатком писем ко мне (сколько-нибудь интересных) до 2 000, не говоря уже об участии моем слишком во многих, интеллигентных и служебных, делах, кружках и обществах, материал «Воспоминаний» чересчур велик, чтобы они могли двигаться скоро, и дай Бог сколько-нибудь довести их хоть до порядка раньше смерти. В этом объеме, как ни сокращал я, отношения с Гиляровым, даже «практические» и «письменные», готовы занять целый том. При всем том, за ними есть еще, начавшийся позже, период второй, когда (сообщаю Вам это лишь «между нами») один мой правдивый, но по привычной моей откровенности громкий и тем самым неосторожный отзыв в кружке славянофи-

---

[1] М. Н. Катков в 1845—1850 гг. преподавал в Московском университете логику, психологию и историю философии.

[2] Переписка Бессонова с И. Аксаковым продолжалась с 1857 по 1886 г. Насчитывается 89 писем, хранящихся в ИРЛИ, ГИМ и РГАЛИ. Опубликованы в сборнике «Люди русской правды» (СПб.: Росток, 2018).

[3] Рукопись мемуаров Бессонова, доведенных до 1866 г., хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 56. Ед. хр. 9), там же дневники за 1845, 1852, 1880 и 1882 гг. (Ед. хр. 7 и 8) и недатированная записная книжка (Ед. хр. 11).

лов — о деятельности Гилярова [1] (быстро подхваченный и проникший, кажется, даже в литературу) произвел между нами холодность и сдержанность (в печати и на службе), до такой степени не понятую посторонними,[a] что нас даже считали иные под конец «врагами», а некоторые и усердствовали раздуть мнимую неприязнь в действительную, по обычаю помогая сплетнями, чтобы прислужиться одному или другому. Хотя мы оба понимали это дело совсем иначе и на окружавшие толки, естественно, отмалчивались, — я по сожаленью о вылетевшей из уст неосторожной остроте, Гиляров — по сознанию некоторой ее верности;[2] хотя сам Гиляров (и в помянутых местах «Из пережит<ого>») подтвердил печатно, что при всем разъединении мы неизменно и «обоюдно чувствовали себя родственными друг другу»: однако Вы, конечно, поймете, что тем осторожнее приходится мне ныне отзываться о случаях и явлениях происшедшего отсюда «противу воли», подобного нашего разъединения, которое не оправдывалось серьезною виною никого из нас, или объяснялось отчасти виною обоих равно, или же всего больше имело место по вине других лиц сторонних, которых, разумеется, и невозможно, и неприлично притягивать ныне к судебному разбирательству истории и литературы, да и нет никакого интереса для сих последних.

Вам будет ясно отсюда, в какой мере я могу быть полезен Вашему предприятию, и сколько, и в каком виде могу уделить Вам. Больше всего я обещаю Вам здесь исправление неточностей, для чего Вы, конечно, благоволите, если признаете нужным, сообщать мне Ваши страницы или некоторые места их —

---

[1] Имеется в виду обвинение Бессоновым Гилярова в эксплуатации подчиненных ему рабочих Синодальной типографии на строительстве его дачи в Петровском-Разумовском, а также — в незаконном использовании шрифтов типографии для «Современных Известий». Князь Шаховской записал в дневнике под 18 мая 1893 г.: «Бартенев рассказывал, что неряшество Н<икиты> П<етровича> доходило до того, что он основал “Совр<еменные> Изв<естия>”, будучи еще управляющим Синодальной типограф<ией>, на шрифте этой типографии, что это утверждал Бессонов, котор<ый> тоже служил тогда в типографии, что будто Гиляров употреблял для газеты некоторых чиновник<ов> синодальн<ого> ведомства, своих подчиненных» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 29 об.).

[a] *На полях карандашом в столбик приписано князем Шаховским*: В. Е. Румянцев / А. А. Титов / Барсов.

[2] Бессонов, однако, недоговаривает, когда называет причины охлаждения своих отношений с Гиляровым.

предварительно. Но, независимо от того, после Ваших объяснений, которых ожидаю вскоре, я готов Вам, при всяком периодическом досуге, сообщить всё, что только могу, ради успеха Вашему благородному труду, достойному лица и деятельности Никиты Петровича.

Еще раз выражая Вам радость, и сочувствие, и благодарность, поручая и все сказанное, вопросы и задачи, и самого себя, Вашему расположению, остаюсь готовый искренно ко услугам Вашим.

П. Бессонов.

1893, августа «29».

NB. Единственно точный и прямой мой адрес: **Харьков, Конторская,**[1] **№ 46** (Университет же от меня в городе далеко, я бываю там не каждый день, и письма там легко затериваются).

3*

Князь Н. В. Шаховской — П. А. Бессонову

Москва, 1 сентября 1893 г.

Москва, 1 сентября.

Глубокоуважаемый Петр Алексеевич.

Прежде всего позвольте сердечно поблагодарить Вас за Ваше теплое, сочувственное письмо и Вашу для меня дорогую готовность помочь мне в деле, представляющем немалые [a] трудности. Затем спешу познакомить Вас с собою, моими отношениями к Никите Петровичу и сообщить Вам, как и почему собирание материалов для жизнеописания Гилярова очутилось в моих руках.

Драматург Кн. А. А. Шаховской — мой двоюродный дед, брат моего деда. В Изюме живут наши родственники, которых я, однако, знаю только понаслыш-

---

[1] *Конторская улица* расположена в западной части Харькова, она соединяет центр, где находится университет, и район Холодной Горы.

* Печатается впервые по подлиннику: ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 537. Л. 17—19 об.; черновой автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 5—7 об., 37 (конверт со штемпелем: «Москва. 2 сен. 1893»).

[a] *В черновике это слово вписано над зачеркнутым*: великие.

ке, ибо семья деда моего, Льва Александровича,[1] была столь велика (едва ли не 22 человека детей обоего пола), что сыновья его и дочери, рассеявшись по лицу земли Русской, вряд ли бы к концу жизни и признали друг друга, если бы судьба их всех свела вместе. Наша семья, до освобождения крестьян, жила в родовом имении, в Тверской губернии. Уже с начала 60-х годов отец,[2] продав имение, переселился в Москву, где и купил дом на Спиридоновке. От второй жены, рожденной Ефремовой, у отца было трое сыновей: Лев, женившийся на старшей дочери М. Н. Каткова[3] (в литературе известен как автор книги: «Два похода за Балканы» [4]), Сергей [5] — ныне Эстляндский Губернатор,[a] и я,[b] состоящий теперь на службе в Министерстве Вн<утренних> Д<ел> в Петербурге. Брата моей матери, жившего всегда в нашей семье, Александра Павловича Ефремова,[6] самого близкого приятеля М. Н. Каткова, единственного человека, с коим М<ихаил> Н<икифорович> был на «ты», — Вы, вероятно, помните; ибо знавшие более или менее близко М<ихаила> Н<икифоровича> не могли не знать и почтеннейшего

---

[1] Князь Лев Александрович Шаховской (1782—1831) был женат на Екатерине Ефимовне Чулковой (? — после 1843).

[2] Князь Владимир Львович Шаховской (1813—1871) первым браком был женат на Александре Федоровне (девичья фамилия неизвестна; 1820—1840), вторым — на Александре Павловне Ефремовой (1823—1903).

[3] Публицист и историк князь Лев Владимирович Шаховской был женат на фрейлине Варваре Михайловне Катковой (1855—?).

[4] *Шаховской Л. В., кн.* Два похода за Балканы: С театра войны 1877—78. М., 1878; 2-е изд., с прил. карты воен. действий: М., 1897. Кроме того, известны издания: *Шаховской Л., кн.*: 1) Путешествие их императорских величеств по Волге, 21—23 июля 1881: Телеграммы и письма в «Моск. Вед.». М., 1881; 2) Переходы недвижимых имуществ в С.-Петербурге в 1893 году в сопоставлении с данными предшествующего шестилетия. СПб., 1896.

[5] Князь Сергей Владимирович Шаховской — эстляндский губернатор (с 1885 г.), во время Русско-турецкой войны служил при князе В. А. Черкасском, принимал активное участие в гражданском устройстве Болгарии. Тогда же познакомился с будущей женой — фрейлиной, графиней Елизаветой Дмитриевной Милютиной (1844—1938), дочерью последнего российского генерал-фельдмаршала, военного министра, графа Дмитрия Алексеевича Милютина (1816—1912). Она отправилась на войну сестрой милосердия.

[a] *Далее в черновике были слова, не включенные в окончательный вариант*: женатый на старшей дочери бывшего военного министра гр. Милютина.

[b] *Далее в черновике было:* холостой.

[6] Александр Павлович Ефремов (1811—1876) — доктор философии, преподаватель всеобщей географии Московского университета (1843—1848).

Александра Павловича, постоянно бывавшего у Катковых. Через Ефремова [a] мы и сблизились с Катковыми и семьей [a] Аксаковых, особенно с Иваном Сергеевичем, у которого в «Руси» я сотрудничал.[1] Пишу Вам так обстоятельно, чтобы Вы знали, какого мы духа и заслуживает ли этот дух Вашего доверия.

Я окончил курс наук Кандидатом Моск<овского> Универс<итета> на историко-филологическом факультете, по отделению славяно-русской филологии, в 1879 году. С Никитою Петровичем познакомился я, еще будучи гимназистом, в 1874 г. Чтобы познакомить Вас с моим отношением к Гилярову и его ко мне, позвольте приложить к этому письму два оттиска моих статей о Н<иките> П<етровиче>, написанных этою весною, по заказу издателя «Ревельских Известий» для сей газетки. Скудный материал, который тогда был в моем распоряжении [b], не позволил мне представить в статье «Памяти Н. П. Гилярова-Платонова» ничего иного, кроме как бы только общего плана для будущего биографического труда. *Гиляров-неудачник*: это было первою путеводною нитью, которая мне в ту пору [c] подвернулась под руку[d] и на которую я нанизал то немногое, чем владел. Занятие над составлением прилагаемых двух статеек (причем для одной из них пришлось перечитать «Сов<ременные> Изв<естия>» за 3 последние года их издания) возбудило во мне желание ближе познакомиться с деятельностью Н<икиты> П<етровича>, от чего я уже перешел к мысли о собирании материала для его жизнеописания; тем более, что возбудившийся было тотчас после его внезапной смерти интерес к нему общества сменился как бы полным забвением:

---

[a] *Далее в черновике было зачеркнуто*: (в молодости товарищ Станкевича, Белинского, Грановского, К. Аксакова, Ф. Буслаева etc.).

[a] *В черновике вместо этого слова было*: семейством.

[1] Нам известна лишь одна публикация князя Шаховского в газете «Русь»: *Кн. Н. Ш.* Лучше ли стало? // 1885. 19 февр. № 3. С. 13—16.

[b] *В черновике слова*: в моем распоряжении — *вписаны над зачеркнутыми*: под руками.

[c] *Слова*: в ту пору — *написаны поверх слова*: тогда.

[d] *Словам*: подвернулась под руку — *в черновике соответствовали*: попалась под руки.

за пять последних лет что-то не замечалось в печати никакой статьи, посвященной его памяти.[a]

Почему этим делом не занялся никто из его семьи? После смерти Н<икиты> П<етровича> остались большие неуплаченные долги, вследствие чего семья его отказалась от всякого наследства; и бумаги Гилярова перешли к стороннему лицу,[1] которое ныне и передало их в полное мое распоряжение. У Н<икиты> П<етровича> два сына, из коих один — совершенно больной и ни к какому делу не способный, другой — профессор философии — не показывает расположения к памяти отца.[2] С этой стороны нечего поэтому опасаться каких-либо претензий.[b] Писал о Н<иките> П<етровиче> не сын его, а племянник Федор Александрович, сын брата его Александра, которому уделено столько места в «Пережитом». Федор Александрович — бывший учитель русского языка, автор (с Кирпичниковым) известного школьного руководства в русской грамматике,[3] с 1878 по 1883 г. был 2[м] редактором «Соврем<енных> Известий». Он очень сочувственно относится к [a] предпринятому мною делу и с своей стороны оказывает мне всякое содействие, делясь имеющимися у него данными.

При неак<к>уратности Н<икиты> П<етровича> бумаги его не содержались в порядке. Прежде всего я взялся за разборку переписки его, в том соображении,

---

[a] *В черновике вместо последних слов было*: мне неизвестно ни одной строки [ничего не появлялось] в печати в память его.

[1] Подразумевается А. М. Гальперсон.

[2] Упомянуты Николай и Алексей Гиляровы.

[b] *Далее в черновике было зачеркнуто*: имеется даже письменное их отречение от всякого достояния Н<икиты> П<етровича>.

[3] Ф. А. Гиляров был составителем изданных в Москве учебных пособий: «Этимология русского языка для низших классов гимназий (применительно к правописанию)» (1866; 5-е изд., испр.: 1872; в соавт. с А. И. Кирпичниковым); «Русская хрестоматия для низших классов гимназий» (1869; 4-е изд., значит. доп.: 1884; в соавт. с А. И. Кирпичниковым); «Сборник для чтения и письменных упражнений» (1871); «Исторические и поэтические сказания о Русской земле в хронологическом порядке событий: Пособие при изучении отечественного языка и истории» (1872); «Этимология церковнославянского языка» (1876; 6-е изд., испр. и доп.: 1903); «Предания русской начальной летописи» (1878), «Школа народного языка: Азбука (преимущественно для сельских школ)» (1878; в соавт. с Н. Я. Клыковым). Он также автор очерков «Царство Сербское» (1877), «15 лет крамолы (4 апр. 1866 г.—1 марта 1881 г.» (1883; изд. запрещено цензурой).

[a] *В черновике далее было*: предприятию моему.

что утрата ее от той или другой случайной причины была бы совершенно незаменимою, тогда как о службе его можно всегда найти более или менее полные сведения в архивах тех ведомств, где он ее проходил. Таким образом, это лето и был занят подбором и собственноручным списыванием писем к Н<иките> П<етровичу>, а также сохранившихся черновиков его писем и подлинников, переданных мне его друзьями, к коим я за сим лично обращался. В числе последних К. П. Победоносцев мне передал огромное количество писем к нему Н<икиты> П<етровича>, заключающих в себе большею частию материал, не подлежащий оглашению, но знакомство с которым для биографа необходимо. Обещано мне доставлен<ие> писем Н<икиты> П<етровича> к Митрополиту Сербии Михаилу, Юр. Фед. Самарину, И. С. Аксакову, Гр. Антонине Дм. Блудовой и пр. Но, независимо от сего, эпистолярный материал у меня [a] очень велик: несколько сот писем мною уже списано и множество еще остается переписывать.

Итак, Вы видите, что я стою еще в преддверии настоящего труда, и потому долго придется ждать собственных моих страниц о дорогом покойнике. Но, согласитесь, что приступить к обработке первых же глав жизнеописания я теперь не мог бы [b] с спокойной совестью, узнав из Вашего письма, что «в состав переписки входят целые *рассказы* покойного об его ранних летах и всех условиях семьи» и не имея этих сведений под рукою. Я понимаю, что для Вас так дороги воспоминания о чистой и идеальной дружбе светлых дней юности, что Вы опасаетесь всякого неосторожного со стороны прикосновения к этому нежному цветку [b]. Но примите во внимание, что я человек Никите Петровичу не совсем чужой (как Вы увидите из писем его ко мне [1]) и что, не любя Гилярова и будучи совершенно равнодушным к его памяти, я и не взял бы на себя [c] нелегкий труд

---

[a] *Далее в черновике было*: громад<ен>.

[b] *Далее в черновике было*: с спокойным духом [я уже теперь не могу].

[b] *Далее в черновике было зачеркнуто*: руки постороннего человека.

[1] Речь идет о письмах, опубликованных в качестве приложения к присланной Бессонову брошюре: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893.

[c] *В черновике далее было*: [огромный] немалый.

собирания материалов для его жизнеописания и их разработки. Труд, которому могу уделять только время служебного досуга, т. е. мой отдых. Вы можете быть спокойны [e], что с моей стороны не может последовать какого-либо грубого, неделикатного или даже просто неосмотрительного отношения к прекрасному эпизоду Вашей юношеской дружбы.

Чтобы затем объяснить Вам, как начинают для меня теперь, по некотором ознакомлении с перепискою Гилярова, выясняться особенности духовной природы Н<икиты> П<етровича>, прошу Вас просмотреть в № 7 «Русского Архива» за текущий год мою заметку «Из приготовительных работ по биографии Гилярова». Это — отрывок из моего частного письма к одному из старых друзей Н<икиты> П<етровича>,[1] отрывок, который П. И. Бартенев уговорил меня напечатать. — Отдаю таким образом на Ваш суд весь тот багаж, с которым я пока пускаюсь в путь-дорогу. Удовлетворили ли Вас мои строки, не знаю, но в письме не уложить ничего более обстоятельного.

Припоминаю, что в Харькове есть человек, который меня несколько знает: это ректор семинарии Александр Васильевич Мартынов,[2] бывший профессор Московской духовной академии.

С волнением буду ожидать письма Вашего и надеяться, что Вы не очень пожалеете, что заботы по собиранию данных о жизни и деятельности такого крупного [c] человека, как Н<икита> П<етрови>ч, взяло на себя лицо, ничем о себе не заявившее, которое в оправдание своего рвения должно ссылаться на окружающую среду, а не на дела рук своих. Что делать! На безлюдьи и Фома дворянин: никто до сих пор не объявился сказателем дел Н<икиты> П<етровича>, а время идет и уносит от сего мира оставшихся сверстников и знакомцев покойного.

---

[e] *В черновике первоначально было*: Вам нечего опасат<ься>.

[1] Речь идет о письме князя Шаховского к И. В. Павлову (его текст опубл. ниже).

[2] Протоиерей Александр Васильевич Мартынов (1856—1901) — духовный писатель, профессор Московской духовной академии, потом Московского сельскохозяйственного института, ректор Харьковской семинарии (1893—1894).

[c] *В черновике это слово было вписано над зачеркнутым*: огромного.

Дай Бог Вам доброго здоровья и сил, дабы с успехом довершить начатые вами весьма важные и интересные работы.

С глубоким уважением и истинным почтением, всегда готовый к Вашим услугам

Кн. Н. Шаховской.

<*Адрес на конверте*:>

Заказное. В *Харьков*.

Его Превосходительству

Петру Алексеевичу Бессонову

Конторская № 46.

От Кн. Н. В. Шаховского.

Жительство имею: Москва. Спиридоновка, свой дом.

4*

Князь Н. В. Шаховской — П. А. Бессонову

Москва, 7 января 1894 г.

Москва, 7 янв<аря> 1894 г.

Милостивый Государь Петр Алексеевич.

Ждал я, ждал исполнения Вами доброго Вашего обещания «при всяком периодическом досуге сообщать мне всё, что только можете, ради успеха моему труду» — и вижу теперь, когда протекло уже с лишком 4 месяца после Вашего письма и в их числе праздничный «периодический досуг», что [a] Вам неугодно мне помочь. Бог [b] Вам судья! Примите только во внимание одно соображение — что вряд ли кто-либо ныне обладает таким запасом сведений о жизни и деятельности Гилярова, какой [c] мне удалось собрать. Мне был открыт доступ в архивы

---

* Печатается впервые по подлиннику: ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 537. Л. 15—16 об.; черновой автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 1—2 об. Слева на верхнем поле помета Бессонова: «Отвечал *подуставши*».

[a] *Далее в черновике было*: ожидания мои напрасны, и.

[b] *Далее в черновике было*: с Вами!

[c] *Далее в черновике было*: собран у меня.

цензуры (в Министерстве Нар<одного> Просв<ещения> до 1860 г. и в Мин<истерстве> Вн<утренних> Дел), Хозяйственного Управления Синода и Московской Духовной Академии, [d] откуда я извлек немало важных материалов. Все лица, владеющие письмами или иными бумагами Никиты Петровича, с готовностью сообщали мне всё, что имели. Одни лишь Вы столь продолжительным молчанием, после откровенно<го> письма моего и присылки брошюр, даете мне ясно разуметь, что имеющиеся у Вас письма Семинариста Гилярова, которым Вы сами придаете такое большое значение и которые были впоследствии перечитаны и исправлены самим Н<икитой> П<етровичем>ъ, Вы мне сообщить *решительно не хотите*.[e] Я более не стану утруждать Вас моею просьбой. Но попрошу у Вас по крайней мере разрешения в соответствующем месте биографии упомянуть, что мне известно было существование этих писем, что я обращался к Вам неоднократно с просьбою мне их сообщить и что Вам не угодно было их мне сообщить. Этим я сниму с себя ответственность в том, что я своевременно не воспользовался материалом, который впоследствии будет же обнародован.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении.

Кн. Н. Шаховской.

Адрес мой: *С.-Петербург*. *Михайловская* площадь, д. *Жербина*, кв. 30.

5*

П. А. Бессонов — князю Н. В. Шаховскому

Харьков, 12 января 1894 г.

Милостивый Государь князь Николай Владимирович!

На Ваше «сердитое» письмо от 7 с<его> м<есяца> позвольте отвечать по возможности кротко и кратко.

---

[d] *Далее в черновике было*: мною извлечено оттуда все достойное внимания.

[e] *Далее в черновике было*: Я более и не смогу настаивать на моей просьбе.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 98. Л. 3—4 об. На верхнем поле помета князя Шаховского: «Получ<ено> 17 янв<аря>. Спб.».

Мне очень прискорбно, что из доброго дела, Вами задуманного и мною с радостию приветствованного, Вам угодно было извлечь относительно меня какой-то casus belli.*[1]

При всем желании Вам успеха, я оставляю за собою право быть равнодушным к тому, если Вы «своевременно не воспользуетесь материалом, который впоследствии будет же обнародован (Ваши слова)»: а может статься — и не будет? Ведь я еще могу его уничтожить по собственным соображениям или завещать «молчанию» моих наследников?

Действительно, как я писал Вам и прежде, мои отношения к Н. П. Гилярову, в особенности ранние, были так деликатны, а некоторые подробности писем, по преимуществу семейные, так интимны, что я не могу и даже не вправе предоставить их целиком любому произволу толкования и трактования, напротив, моя обязанность — самому редактировать, с объяснениями, выборку того, что может проникнуть отсюда в Вашу и какую бы то ни было печать.

Между тем, «периодически» повторяемый мой «досуг», Вами воображаемый и цитованный, такой, который я мог бы посвятить «сообщению всего, что только можно», иначе сказать — выборке того, что Вам нужно, а с моей стороны удобно для обнародования, на самом деле не существовал: усиливавшаяся с весны болезнь вызвала необходимость поездки моей на Юг и за границу, к чему я получил и «отпуск», но не мог им воспользоваться как следует, — сперва по требованию ответов на ученый Съезд в Америке [2] и по неизбежности объяснения для СПб. Славянского Общества в отпор заполонившим нас немцам. Да и это сменилось непосредственно болезнию моего единственного, приехавшего сюда, зятя, здесь у меня и скончавшегося (в ноябре),[3] в заключение же — поранением

---

* повод для войны, казус белли (*лат.*).

[1] *Казус белли* — юридический термин римского права: формальный повод для объявления войны.

[2] Речь идет о форуме, состоявшемся в рамках шестимесячной Всемирной выставки 1893 г., проходившей в Чикаго.

[3] Бессонов имеет в виду свою младшую дочь Наталью (1866—?) и ее мужа Владимира Теца, скончавшегося 14 ноября 1893 г. (см. сообщение ординатора клиники А. Надоникова Бессонову о смерти зятя // ГИМ. Ф. 56. Ед. 508. Л. 4). В. Тец был мелким служащим, постоян-

вдовы — моей дочери:[1] так что квартира моя превратилась в больницу и убежище беспрерывных страданий. Вероятно, при несомненных интересах к биографии Н<икиты> П<етрови>ча, Вы изволите согласиться, что все интересы мои собственные, думы, дела и даже практические расчеты вынудили меня совсем не к тому пути, который Вы мне охотно указываете «на досуге».

К половине настоящей зимы, я едва сберег последние силы (в текущем десятке моих лет) для продолженья жизни, а не для литературной переписки на первом плане, как она ни плодотворна (позволю себе прибавить, что — как видите и знают другие — я пишу неразборчиво, переписчика у меня нет, а при этом страдаю давним ревматизмом именно правой руки, так что и всякое писанье для меня есть своего рода мука).

Независимо от того, по-видимому, ускользнуло от Вас одно соображение и возможное предположение: а что́2, если Ваши статьи, любезно сообщенные для ознакомления с Вашими взглядами и трудами, совершенно не в моем духе и, по-моему, неверны в основе? По счастию, слава Богу, с этой стороны я утешен: напротив, сколько могу судить по сообщенному, хотя я не во всем согласен с Вами во взглядах на покойного деятеля и хотя действительно, по-моему, выводы Ваши кое в чем небезошибочны, но вообще это искупается очевидною искренностью и сердечным участием к замечательной личности, — а это мне и крайне дорого.

Наконец, после перечисленного Вами обширного материала, который Вы указываете собранным уже отовсюду и ото всех, я начинаю думать (чего не знал прежде), что имеющийся у меня, сравнительно с этим обилием и в частности важный особенно лишь для меня, довольно уже скуден для ходячей у нас литературы, так что от отсутствия его в Вашей печати не следует сожалеть слишком,

---

но обращался к Бессонову за материальной помощью и с просьбами о протекции при получении должностей. (*Сообщено Е. В. Неберекутиной*.)

[1] Возможно, речь идет о происшествии, о котором В. Тец сообщал тестю в письме от 30 января 1892 г.: в декабре 1891 г. Наталья сломала ногу. И после этого она какое-то время в 1892 г. жила у отца. (*Сообщено Е. В. Неберекутиной*.)

ни прибегать для дополнения к мерам экстренным, недоступным пока у других, ни самим огорчаться, ни огорчать отчаянием кого-либо другого.

Вот ответ, как мне кажется, вполне согласный с тоном и содержанием Вашего последнего письма, но нисколько не ослабляющий моего искреннего участия и уважения ни к Вашему предприятию, ни к Вам лично, к чему и к кому, именно к Вам, князь, остаюсь я с полной готовностию возможных впредь услуг, как неизменный и покорный слуга.

Н. Бессонов.

1893 <так!>, января «12»

(наш «Московско-Университетский» праздник).[1]

P. S. Пишу это по Вашему последнему адресу.

3.11. Из переписки князя Н. В. Шаховского с И. Н. Корсунским (1893—1894)

1*

И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому

Сергиевский Посад, 12 сентября 1893 г.

Ваше Сиятельство,

Высокоуважаемый Князь Николай Владимирович.

Множество разного рода забот и работ представляли для меня препятствия к более пристальному занятию тем делом, о котором Вы мне изволили говорить, когда удостоили чести быть у меня в доме. Однако, памятуя Ваше замечание, что в Москве Вы пробудете только до 20 сентября, спешу сказать Вам хотя кое-что по интересующему Вас делу.

1) Моя статья в память Н. П. Гилярова-Платонова была напечатана в «Моск<овских> Ведомостях» за 1887 г., № 294 [1] и, сколько мне припомнится,

[1] 12 (25) января — в Татьянин день 1755 г. — императрицей Елизаветой Петровной был подписан указ об учреждении Московского университета.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 1—2 об.

там довольно много указано у меня случаев отношения к нему святителя Филарета, митрополита Московского. Кроме этих указаний как об отношениях владыки Филарета к Н. П. Г<иляров>у, так и вообще о сем последнем, благоволите еще взглянуть на следующие места: а) «Собрание мнений и отзывов м<итрополита> Моск<овского> Филар<ета>», т. V, стр. 317. Москва, 1887—1888; б) «Письма митр. Филар<ета> к Высочайшим Особам и друг<им> лицам», I, 177; II, 28—29, 108 и дал. 129 и 177. Тверь, 1888; в) «Прибавл<ения> к Твор<ениям> Св. Отцев», 1885, XXXV, 197 и дал. (это есть то самое место, о котором я словесно высказывался Вам в бытность Вашу у меня) и г) «Правосл<авное> Обозрение» за 1883 г., т. II, стр. 504 и 518.

2) Сверх того, в бумагах покойного В. Д. Кудрявцева [2] я нашел следующую заметку, иллюстрирующую тоже отношение м<итрополита> Филарета к Н<иките> П<етровичу>. В 1<-й> кн. «Творений Св. Отцев» за 1859 г. в отделе «Прибавлений» (ч. XVIII) была помещена статья покойного А. Н. Муравьева:[3] «Обличение на книгу: О возможном соединении Церкви Российской с Западною». Эта статья вызвала несколько резких замечаний в разных органах светской печати («Отеч<ественных> Зап<исках>», «С.-Пет<ербургских> Ведом<остях>» и др.), не столько в защиту книги (написанной известным князем Н. Б. Голицыным[4]), сколько против мыслей самого обличителя ее А. Н. Муравьева, и между прочим в «Русском Вестнике» за тот же 1859 год, в апрельской 1-й книжке, в отделе «Современной Летописи», стран. 245—250, в «Библиографической Заметке», автор которой скрыл свое имя под буквою *Ц.*[5] Этим автором, по замечанию В. Д. Кудрявцева, и митр. Филарет, и в Моск<овской> Дух<овной>

---

[1] *N. N. <Корсунский И. Н.>*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *МВед*. 1887. 25 окт. № 294. С. 3—4.

[2] Профессор В. Д. Кудрявцев-Платонов скончался 3 декабря 1891 г.

[3] Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) — поэт, драматург, духовный писатель, религиозный деятель, мемуарист.

[4] Князь Николай Борисович Голицын (1794—1866) — виолончелист; военный мемуарист, переводчик, музыкальный критик, религиозный публицист.

[5] Эта «Библиографическая заметка» Гилярова была републикована князем Шаховским: *Сб. соч*. Т. I. С. 471—478.

Академии признавали Н. П. Гилярова. В опровержение замечаний против статьи А. Н. Муравьева и в защиту последнего, так же как и чести академического журнала, по совету митр. Филарета, написана была статья В. Д. Кудрявцевым, которую просматривал и исправлял нынешний Московский митрополит Сергий (в то время ректор Академии),[1] но которая все же не была напечатана, ибо не вполне удовлетворяла строгому вкусу владыки Филарета, который, в своих замечаниях на нее, деланных, при чтении ее, в присутствии покойного А. В. Горского, говорил между прочим следующее: «Что такое людоеды? Гиляров под этим разумеет тех, которые выгнали его из Академии. Он забыл, что ему предоставили даром воспользоваться жалованьем за четыре месяца. Вот какой он благодарный! Тесть его [2] сделался болен; я назначил на его место священника; Гиляров пришел просить, чтобы половина жалованья шла старому священнику. Я представлял неудобства, — однако же сделал по его просьбе». Подлинная записка А. В. Горского, которая содержит в себе весь разговор его с владыкою Филаретом по рассматриваемому делу и с которой В. Д. Кудрявцев собственноручно снял для себя копию (причем сам замечает, что некоторые слова писания руки А. В. Горского, мелко и спешно начертанные, не разобрал и, быть может, не вполне точно передал), хранится у Н. И. Субботина [3] (живущего в Москве, близ Чистых Прудов в доме Гуськова [4*]).

3) У Н. И. Субботина же хранится и вообще переписка В. Д. Кудрявцева.

---

[1] Митрополит Сергий (Ляпидевский) был ректором Московской духовной академии в 1857—1861 гг. (в звании архимандрита), митрополитом Московским и Коломенским стал в 1893 г.

[2] Протоиерей Алексей Иванович Богданов (1786—1860) — настоятель московской церкви Флора и Лавра на Зацепе, тесть Н. П. Гилярова-Платонова (с 1849 г.).

[3] В архиве князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 699) хранятся рукописные копии 5 писем Субботина к Гилярову за 1862—1864 гг.

[4] Александр Павлович Гуськов — богатый меховщик, позже перестроил этот дом (№ 19) под более вместительный доходный, а рядом в 1912—1914 гг. возвел кинотеатр «Колизей» (ныне здесь театр «Современник»).

[*] Сейчас Н. И. Субботин в Крым уехал и пробудет там до конца октября. <*Примеч. И. Н. Корсунского*.>

4) О письмах Н. П. Гилярова к С. К. Смирнову вдова последнего,[1] по моей просьбе ради Вас, хотела справиться и сказать мне по времени, хотя тут же сказала, что их не должно быть много.

5) Статьи протоиерея И. Г. Поспелова, касающиеся и Вениамина Карелина по совместному служению их в Лифляндии, напечатаны (еще не окончены) в «Богословском Вестнике» за 1892 год, кн. 3 и 8 и за 1893 г., кн. 3.

6) О прочих материалах (письмах), — простите, — еще не успел я справиться пообстоятельнее; что узнаю и как скоро узнаю, не премину сообщить Вам, быть может, уже в Петербург.[**]

Высокопочитаемой Софии Николаевне Фишер,[2] будьте милостивы, при случае, засвидетельствуйте мое искреннейшее уважение и сердечные благожелания и ей лично с ее многоуважаемым супругом,[3] и ее сотрудницам и воспитанницам.

От всей души и Вам желая доброго здоровья, полного успеха в Вашем добром деле биографии Н. П. Г<иляро>ва, и вообще всего лучшего, с истинным и глубочайшим уважением к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства

всепокорнейшим слугою.

Иван Корсунский.

12 сент<ября> 1893.

---

[1] Протоиерей Сергий Константинович Смирнов (1818—1889) — экзегет, церковный историк, филолог; бакалавр (с 1844 г.), профессор (с 1857 г.) и ректор (1878—1886) Московской духовной академии. Его вдова — София Мартыновна Смирнова (ур. Ловцова; 1830—1916).

[**] Говорю так потому, что теперь я очень занят речью, которую должен буду произносить на годичном акте нашей Академии 1 октября. *<Примеч. И. Н. Корсунского.>*

[2] Софья Николаевна Фишер (ур. Вейсс; 1836—1913) — педагог, основательница и руководитель частной женской классической гимназии в Москве (1874—1918); до этого работала гувернанткой в доме Шаховских.

[3] Георгий Борисович Фишер (?—1918) — учитель математики и физики 5-й Московской гимназии, муж С. Н. Вейсс с 1865 г.

2*

И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому

Сергиевский Посад, 27 сентября 1893 г.

Ваше Сиятельство,

Достопочитаемый Князь Николай Владимирович!

Примите мою глубочайшую благодарность за Ваше любезное письмо и сообщенное в нем о митрополите Филарете. Всякое сведение об этом святителе, особенно новое, для меня чрезвычайно дорого; а таковыми и являются сообщаемые Вами данные; ибо я довольно много работал над архивом Духовно-цензурного комитета по этой части, архива же Комитета светской цензуры еще не имел случая касаться.

В свою очередь я для Вас нашел в своем академическом архиве несколько документов, касающихся Н. П. Гилярова (его программы по своему предмету для экзаменов, отзывы о сочинениях и под.).[1] Я, согласно Вашему приказанию, поручу списать это и Вам перешлю в октябре (на Петербург?).

Так как теперь, хотя уже и прошло 20-е сентября, однако я вижу Ваше письмо (от 25 сент<ября>) датированным из Москвы: то пишу Вам пока на Москву.

Кстати, к Е. В. Амфитеатрову[2] сохранилась лишь одна неважная и небольшая, по уверению наследников, записочка Н. П. Гилярова-Платонова, которую мне, впрочем, все же хотели показать.

С истинным и глубочайшим уважением и искреннейшими благожеланиями к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 3—4, 9—9 об. (конверт). Штемпели: «Сергиевский пос. Моск. губ. 28 сен. 1893»; «Москва. 28.IX.1893».

[1] Тексты программ Гилярова по библейской герменевтике и по учению о вероисповеданиях, хранящихся в ЦИАМ, опубликованы Г. С. Прохоровым: *Гиляров: ИМБР*. С. 536—547. Целый ряд рукописей подобного содержания, вероятно присланных Корсунским, находятся в архиве Шаховского в ОР РНБ.

[2] Егор Васильевич Амфитеатров (1815—1888) — историк эстетики и литературовед, профессор всеобщей и русской словесности Московской духовной академии (с 1844 г.).

всепокорнейшим слугою.

Иван Корсунский.

27 сент<ября> 1893.

<*На конверте*:> В *Москву*.

Его Сиятельству, Высокоуважаемому Князю

Николаю Владимировичу Шаховскому.

Спиридоновка, собств<енный> дом.

3*

И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому

Сергиевский Посад, 30 октября 1893 г.

Ваше Сиятельство,

Высокоуважаемый Князь Николай Владимирович!

Примите мою глубочайшую благодарность за Ваши сообщения о святителе Филарете. Всякое сведение об нем мне дорого.

К сожалению, не могу теперь пока удовлетворить Вашему желанию относительно лекций Н. П. Гилярова. Я уже рылся и еще пороюсь в архиве Конференции;[1] но не думаю, чтобы они там сохранились. Этого в обычае не было. Скорее, конспекты, мнения и под<обные> мелкие вещи могли там сохраниться, как я извлек некоторые из них (копии с них я в непродолжительном времени пришлю к Вам). Лекции же, за исключением опробованных или, наоборот, не опробованных, но вытребованных начальством, были обыкновенно у нас кабинетным делом, до которого конференция почти не касалась.* Впрочем, повторяю, еще буду искать и, что найду, сообщу Вам.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 5—6.

[1] Согласно «Уставу духовных академий» (СПб., 1814), Академическая конференция — это «ученое общество», в ведении которой состояли «цензура духовных книг учебного округа», «производство экзаменов» и «производство в степени академические».

* Скорее, слушатели-студенты могли записать их, и в таких записках лекции многих профессоров ходили по рукам разных лиц, хотя относительно Н. П. Гилярова и здесь возникает сомнение, с одной стороны, потому, что многие лекции он говорил, а не читал по тетрадке,

От души желая Вам доброго здоровья и всего лучшего, с истинным и глубочайшим почтением к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства

всепокорнейшим слугою.

Иван Корсунский.

30 окт<ября> 1893.

4*

И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому

Сергиевский Посад, 10 ноября 1893 г.

Ваше Сиятельство,

Высокоуважаемый Князь Николай Владимирович!

Согласно обещанию, препровождаю к Вам пока копии с а) Конспекта (Обозрения) уроков Н. П. Гилярова для публичных экзаменов 1852 года и б) Дела по отзыву его об уроках Облич<ительного> богословия А. Богословского,[1] с моими к ним примечаниями.

Что еще отыщу, не премину сообщить Вам.

А пока прошу прощения в том, что присылаю не много. Переписчику я уплатил 2 рубля.

С истинным уважением к Вам и задушевными Вам благожеланиями честь имею быть

Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою.

Иван Корсунский.

а с другой — раз они возбудили прещение, он сам, вероятно, постарался о сокрытии их и под. <*Примеч. И. Н. Корсунского.*>

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 7. На верхнем поле карандашная помета князя Шаховского о получении: «12 нояб<ря>».

[1] Отзыв Гилярова о рукописи профессора Орловской семинарии Алексея Богословского «Краткое начертание уроков по обличительному богословию для воспитанников духовных семинарий» был скопирован в трех вариантах и переслан князю Шаховскому (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 301, 301а и 301б). Он рассматривался академической конференцией с 15 июля по 4 сентября 1852 г.

10 но<ября> 1893.

5*

И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому

Сергиевский Посад, 2 марта 1894 г.

Ваше Сиятельство,

Высокоуважаемый Князь Николай Владимирович!

Простите, что за множеством разного рода дел медленно подбираю архивные документы по интересующему Вас предмету. В настоящий раз имею честь препроводить к Вам копии с добытых мною в архиве Ал. В. Горского дел и писем Н. П. Гилярова.[1] Из них некоторые, как изволите увидеть, немаловажны, а все в том или ином отношении любопытны. Переписанное я все сверил с подлинниками и исправил карандашом.

Простите также, что переписчик немного перепутал хронологический порядок, который нетрудно восстановить по годовым датам, которые, впрочем, к сожалению, не везде есть.

За переписку я уплатил два рубля.

От всей души желая Вам доброго здоровья и всего лучшего, с истинным и глубочайшим уважением к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою.

Иван Корсунский.

2 марта 1894.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 8—8 об. На верхнем поле карандашная помета князя Шаховского о получении: «14 м<арта>. Рев<ель>».

[1] См. 12 писем Гилярова к протоиерею А. В. Горскому за 1856—1865 гг. (Ф. 847. Ед. хр. 403—405). Гиляров всегда с величайшим благоговением отзывался о личности Горского. В некрологе ему (Москва, 22 декабря // *СИ*. 1875. 23 дек. № 353. С. 2) он отмечал: «Этот аскет-профессор, этот инок-мирянин, с подвижническою жизнию соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, это было необыкновенное явление. Оно едва ли повторится. *Оно было созданием особого духовного строя в известный период Московской академии* <…>» (*Сб. соч*. Т. II. С. 464—465).

3.12. Из переписки князя Н. В. Шаховского с Л. Н. Майковым, митрополитом Михаилом (Йовановичем), А. Ф. Морокиным, Н. И. Позняковым, Рцы (И. Ф. Романовым), Д. Ф. Самариным, М. С. Сковронской, Н. И. Стороженко, А. А. Чумиковым и князем Л. В. Шаховским (1893—1896)

1*

А. А. Чумиков [1] — князю Н. В. Шаховскому

Ревель, 16 апреля 1893 г.

Ревель, 16-го апреля 1893.

Многоуважаемый

Князь Николай Владимирович.

Сожалею, что мне приходится разочаровать Вас относительно ожидания от меня интересных сообщений, кои могли бы служить материалом для биографии Н. П. Гилярова. Правда, мои сношения с ним начались с конца 1860 г. и продолжались до прекращения его газеты, но они имели лишь деловой характер. Первое время, при перенесении моего журнала («Воспитание») [2] из П<етер>бурга в Москву, Н<икита> П<етрович> состоял его цензором, а впоследствии, когда я проживал в Гельсингфорсе и Ревеле, посылал я из этих городов корреспонденции в «Совр<еменные> Известия».

От сношений с Н<икитой> П<етровичем> как с цензором остались у меня не совсем приятные воспоминания; может быть, и потому, что я вообще в то время вопиющего произвола недолюбливал этих «палачей духа», Henker des

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 179. Л. 1—2 об.

[1] Александр Александрович Чумиков (1819—1902) — педагог, историк, член Общества истории и древностей российских (с 1866 г.), переводчик, публицист, издатель; с 1880-х гг. жил в Ревеле, где был гласным Думы и почетным мировым судьей Ревельско-гапсальского мирового округа.

[2] А. А. Чумиков издавал в Петербурге с 1857 г. «Журнал для Воспитания: Руководство для родителей и наставников», который при его переезде в Москву в 1860 г. был переименован в «Воспитание: Журнал для родителей и наставников»; в конце 1862 г. он передал издание педагогу Ф. Ф. Кейзеру.

Geistes, как их назвал какой-то германец. Вот, кстати сказать, и причина, почему нижеподписавшийся не мог принять предложенной Вашим братом [1] цензор<ской> должности в Ревеле, хотя я и был убежден, что посвященный во все замыслы балтов, мог бы принести русскому делу более пользы, чем г. Т<русман>,[2] не знающий порядочно немецкого языка.

Наши известные писатели (Никитенко,[3] Гончаров [4] и др.), принимая на себя должность цензора, обыкновенно извинялись тем, что [a], отстаивая русскую литературу против обскурантизма, могут быть ей полезны, но это пустая отговорка, главная причина — 3 т<ысячи> р<ублей> содержания. Напр<имер>, Гончаров был один из самых трусливых, — я это испытал на себе, — и неделикатных в обращении цензоров. А мой унив<ерситетский> товарищ и приятель А. Н. Майков, будучи старшим цензором,[5] и при всем желании мне услужить не мог высвободить попавшие в когти цензуры (при пересылке из Г<ельсинг>форса в Ревель) принадлежавшие мне лекции о славян<ской> литературе *Мицкевича* [6] и запрещенные лишь из-за имени автора. Известно, что запрещенные иностр<анной> цензурой соч<инения> Гейне открыто продавались в П<етер>бурге.

---

[1] Назван эстляндский губернатор князь С. В. Шаховской.

[2] Георгий Георгиевич Трусман (1854—1930), историк, этнограф, филолог; выпускник Рижской семинарии (1879) и С.-Петербургской духовной академии (1883); в 1885—1908 гг. служил ревельским отдельным цензором по иностранной цензуре.

[3] Александр Васильевич Никитенко (1804—1877), мемуарист, историк литературы, журналист, служил цензором С.-Петербургского цензурного комитета в 1833—1848 гг., был членом Главного управления цензуры в 1860—1862 гг.

[4] Иван Александрович Гончаров (1812—1891), прозаик, критик, состоял цензором С.-Петербургского цензурного комитета в 1856—1860 гг., был членом Совета Главного управления по делам цензуры в 1865—1867 гг.

[a] *Далее зачеркнуто*: могут.

[5] Эту должность поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) занимал в Петербурге, в Комитете цензуры иностранной, в 1875—1882 гг.

[6] После разгрома Польского восстания 1830 г. А. Мицкевич становится одним из идейных вождей польской эмиграции и создает целый ряд произведений о России памфлетно-обличительного характера. Приглашенный занять кафедру славянских литератур в Collège de France, Адам Мицкевич прочитал здесь с 22 декабря 1840 г. по 1 июля 1842 г. два первых курса лекций, в которых говорил в основном о России и Польше.

Извините, князь, старика, если он некстати разболтался, но Вы, после П. И. Бартенева, единственное лицо, с которым я, с тех пор как поселился в Ревеле, заговорил о моем прошлом и «матерьях важных».[1]

Переселившись из Москвы в Г<ельсинг>форс, я по прекращении «Голоса»,[2] в коем сотрудничал, предложил свои услуги Н<иките> Петровичу и писал ему несколько корреспонденций о финляндских и балтийских делах. За все это время обменялись мы, сколько припоминаю, не более как двумя письмами совершенно делового характера [3] и другой какой-либо переписки между нами не было, да и не находили мы к тому какого-либо повода. Сознаюсь, что я не ранее, как по прочтении «Из Пережитого» и Ваших интересных статей в «Р<евельских> Из<вестиях>»,[4] узнал истинную цену такой личности, как Н. П. Гиляров. Хотя он и принадлежал к числу либеральных цензоров, но относился к своим обязанностям несколько халатно, как чиновник. Вспоминаю, как он однажды задержал своевременный выход моего журнала, завалив коррек<турные> листы между своими бумагами, и уверял меня, что отослал их в типографию. Я застал его над подскабливанием в какой-то тетради: прекрасное занятие для ученого! Затем, когда Н<икита> П<етрович> взялся за издание газеты, я, зная его непрактичность, был убежден, что это предприятие кончится его разорением. — Остается лишь пожалеть, что такая знающая и талантливая личность не попала в

---

[1] Выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) (д. IV, явл. IV).

[2] Петербургская либеральная политическая и литературная газета «Голос» прекратилась в 1883 г., поскольку его редакция отказалась подчиниться предварительной цензуре.

[3] Сохранилось одно письмо Чумикова к Гилярову от 30 октября 1885 г., где, в частности, говорилось: «Не помню, вследствие каких недоразумений мы с Вами разошлись: это было так давно — 15 лет, когда я еще “корреспондировал” из Гельсингфорса. Теперь я окончательно поселился в Ревеле, на моей родине, и состою 8 лет гласным Гор<одской> думы. Если у Вас нет корреспондента отсюда, то предлагаю мои услуги. Мы переживаем в Остзейском крае очень интересное время. Дела много, да деятелей мало, да и то, нельзя сказать, чтобы были из лучших» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 8>. Л. 1—1 об.).

[4] Имеется в виду газетная публикация, почти все части которой были подписаны криптонимом: *К. Н. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов. I // Ревельские Известия. 1893. 16 марта. № 58. С. 1; II—III // 17 марта. № 59. С. 1; IV—VI // 18 марта. № 60. С. 1; VII—VIII // 19 марта. № 61. С. 1; IX—X // 20 марта. № 62. С. 1; XI // 21 марта. № 63. С. 2; XII—XIII // 23 марта. № 64. С. 2; Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. I // 24 марта. № 65. С. 1; II // 25 марта. № 66. С. 1; 1 апр. № 69. С. 2; 7 апр. № 74. С. 2; III—IV // 8 апр. № 75. С. 1; V // 9 апр. № 76. С. 1 (в № 76 подп.: *Кн. Н. Шаховской*).

свою настоящую колею и не была оценена по достоинству заправителями нашего Народ<ного> Просвещения.

С чувством искреннего уважения и преданности

Ваш готовый к услугам А. Чумиков.

P. S. Позволяю себе при сем случае ознакомить Вас, князь, с моим новейшим литерат<урным> грехом.[1]

2*

Рцы (И. Ф. Романов) — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 26 апреля 1893 г.

Милостивый Государь

Князь Николай Владимирович,

Вы, без сомнения, — «один из трех в меня верящих» (слова покойного Н<икиты> П<етрови>ча).[2]

Я буду очень рад Вас видеть. Если я не лечу немедленно по Вашему адресу, то это происходит потому, что, обладая довольно подвижным пером, я имею несчастие обладать самым тяжелоподъемным и вдобавок ужасно немощным телом.

Кроме того, я совершенно измучен каторжною по своей ***не***интеллигентности службою.[3]

Кстати. По делам от службы я не так давно был в Ревеле. В качестве представителя от Государ<ственного> Контроля должен был пересчитать несколько

---

[1] Очевидно, Чумиков выслал оттиск одной из своих журнальных статей: отдельных изданий в этот период у него не было.

[*] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 159. Л. 1—2. Впервые опубликовано нами: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 363.

[2] 15 ноября 1886 г. Гиляров писал Романову-Рцы: «Я Вам *запрещаю* писать длинные письма. В Вашем положении это вредно, а меня волнует ужасно. Вы один из двух верующих в меня, и я не могу, не должен сметь Вам не отвечать; а это почти выше сил моих, при моей бесконечной работе и при ежедневных бесконечных неприятностях» (*Письма к Рцы*. С. 289). Рцы (возможно, нечаянно) изменил число «верующих», имея в виду себя, князя Шаховского и А. М. Гальперсон.

[3] С 5 февраля по 5 мая 1893 г. Рцы служил в Государственном контроле Балтийской железной дороги (см.: РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18340. Л. 137 об.).

сотен шпал et cet. На вокзале взял местный листок, смотрю: статья о Гилярове.[1] Думаю, что это Ваша статья. Неправда ли, немножко странное совпадение?

Мне бы очень хотелось иметь эту статью. Я прочитал всего первые два №№, так как здесь нигде этой газеты не вижу.

Но где и когда мы свидимся? Мне бы очень хотелось просить Вас пожаловать ко мне не только запросто, но наипростейшим образом на чаепитие. Хотелось бы залучить С. Ф. Шарапова, горячего поклонника Н<икиты> П<етрови>ча, еще кое-кого из литературной братии.

Но я всегда должен находиться начеку, быть готовым по первой телеграмме железнодорожного агента лететь на линию, то шпалы считать, то каменный угол взвешивать и проч.

Как же быть?

Необходимо будет несколько углубиться в этот вопрос. Во всяком случае, Вы ничего не имеете против вечернего часа? Нет ли у Вас каких-нибудь постоянно занятых вечеров?

Как бы ни было, я надеюсь, что час нашего свидания не отдалится.

Как Вы нашли меня?

Примите уверения в моем отличном уважении

Ив. Романов.

Апр<еля> 16-го 93 г.

3*

Митрополит Михаил (Йованович)[2] — князю Н. В. Шаховскому

Белград, 20 мая 1893 г.

---

[1] Речь идет об очерке князя Шаховского «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк», увидевшем свет в марте-апреле 1893 г. в «Ревельских Известиях».

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 141. Л. 1—1 об.

[2] Митрополит Михаил (в миру Милое Милованович Йованович; 1826—1898) — выпускник Киевской духовной академии (1853), епископ Шабацкий (с 1854 г.), митрополит Сербский (с 1859 г.).

Ваше Сиятельство Милостивый Князь!

Покойного Никиту Петровича давно знал и газету его всегда читал, когда жил в России и посещал его.

Мне помнится, что имел несколько писем от него; но пока не нахожу их еще в куче писем моей частной корреспонденции. Если отыщу, не премину доставить их Вам.

Хорошо помню Никиту Петровича, ценил я патриотизм и чистую любовь его к России и к славянам, которым он искренно сочувствовал и желал он им свободы от ига и сохранения народных начал и Православия. Он заслужил, чтобы его помнили и в России, и между славянами вне оной.

Хорошее дело сделаете тем, что оставите потомству память о сем народолюбивом человеке и поучите потомство от Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

С уважением к Вам, имею честь быть

Вашего Сиятельства

смир<енный> Боголюбец

Митрополит Сербии Михаил.

20 мая 1893 года. Белград.

4*

Князь Н. В. Шаховской — митрополиту Михаилу (Йовановичу)

Подольск Московской губернии, июнь 1893 г.

Ваше В<ысокопреосвященство>

М<илостивый> Г<осударь> и А<рхипастырь>.

Приношу Вам горячую благодарность за дорогие строки, коими Вы меня удостоили. В дополнение к моему предшествовавшему письму считаю долгом добавить, что кроме составления сборн<ика>, о котором я писал, мною вообще собирается матерьял для жизнеописания Гилярова-Платонова. Это представляет

* Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 73. Л. 1—2.

значительные трудности, ибо деятельность покойного была разнообразна и заключала в себя и преподав<ание> богословск<их> наук в М<осковской> Д<уховной> А<кадемии>, и службу в Цензуре и по Мос<ковской> Синод<альной> Типогр<афии>, и изд<ание> «С<овременных> Из<вестий>» и — <в> целом ряде ученых, критич<еских>, литературн<ых> стат<ей> и сочин<ений>, помещ<енных> им в журналах и отд<ельных> книг<ах>. Кроме того, он вел обширную переписку. В его бумагах сохранилось довольно много писем к нему лиц весьма замечат<ельных> и наход<ятся> черновые наброски его писем, кот<орым> он придавал сам более [a] серьезн<ое> знач<ение>. В числе последних нашлась копия с одного его пись<ма> к Ваше<му> Преосв<ященству>.[1]

То были доброжелат<ельные> [b] советы [c] опытного, наблюда<тельного> и прониц<ательного> друга в Ваше<м> лице [d] молодому государству Сербскому, как ему достичь наибольш<ей> самостоятельной силы и уберечься от вражьих тенет. — [e] Дозволите ли, Владыко, воспользоваться мне этим письмом, ныне же [f] для печати, или считаете обнародование его преждевременным? [2]

Боюсь, что утруждаю Вас.

5*

Д. Ф. Самарин — князю Н. В. Шаховскому

Сызрань, 7 июня 1893 г.

Многоуважаемый Князь

Николай Владимирович.

---

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[1] Копия этого черновика хранится в архиве князя Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 526. 6 л.

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[c] *Далее зачеркнуто*: сторо<ннего>.

[d] *Слова*: в Ваше<м> лице— *вписаны над строкой.*

[e] *Далее зачеркнуто*: Позволит<е>.

[f] *Слова*: ныне же — *вписаны над строкой.*

[2] Это письмо было позднее опубликовано А. М. Гальперсон: Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г. // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 160. Л. 3—4 об.

На первый пункт Вашей просьбы я могу дать согласие и теперь, так как вполне полагаюсь на Вас, что Вы отдадите в печать только то, что заслуживает быть напечатанным и что никого не может компрометировать.

Что же касается 2-го пункта, то, к сожалению, теперь я не могу исполнить Вашей просьбы, так как письма Н. П. Гилярова находятся в Москве под ключом, так что до возвращения моего в Москву, в конце сентября, никто не может найти этих писем. Могу только сказать Вам, что они все в целости и по своему содержанию вполне заслуживают быть напечатанными. Это письма — философского содержания.

Вы пишете, что все письма Ю<рия> Ф<едорови>ча будут мне посланы в *копии*. Этого я не понимаю. Какая Вам надобность в подлинниках, раз письма будут напечатаны? Я бы желал иметь подлинники, так как я собираю все письма Ю<рия> Ф<едорови>ча и полагаю, что им быть более у места у меня, чем у того лица, у которого будут находиться бумаги Н. П. Гилярова. С своей стороны я согласен в обмен на подлинные письма Ю<рия> Ф<едорови>ча передать подлинные письма Н. П. Гилярова.[1]

Что касается писем Ю<рия> Ф<едорови>ча, которые Вы признаёте (и совершенно справедливо) слишком интимного содержания, то я полагаю, что в них речь идет о той размолвке, которая у них произошла на вечере у Кошелева.[2]

Мне было очень приятно узнать, что письма брата нашлись в бумагах Н. П. Гилярова. На днях я получил тоже, совершенно неожиданно, письмо от какого-то мне неизвестного русского, живущего в Париже (вероятно, иезуит; фамилию я забыл), которым он просит моего разрешения напечатать письмо Ю<рия>

---

[1] Князь Шаховской согласился на предложенный обмен: в его архиве находятся копии писем Ю. Ф. Самарина (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686) и подлинники ответных писем Гилярова (Там же. Ед. хр. 474).

[2] Об этой истории 28 сентября 1893 г. Д. Ф. Самарин рассказывал князю Шаховскому: «…у Кошелевых Ю<рий> Ф<едорович> посмеялся над Н<икитой> П<етровичем>, когда тот явился к Кошелеву во фраке и с орденом Анны на шее» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 56 об.).

Ф<едоровича> к князю Гагарину (иезуиту) о Лермонтове.[1] Это дает мне надежду на то, что письма Ю<рия> Ф<едорови>ча к Гагарину (важный материал к его биографии) не пропали.

Искрен<но> пред<анный> Вам

Д. Самарин.

7 июня, г. Сызрань.

6*

Рцы (И. Ф. Романов) — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 30 июня 1893 г.

Любезнейший Николай Владимирович!

Заказной пакетик Ваш получил в самый разгар приключившихся со мною жестоких — впервые после 7-го ноября прошлого года — желчных колик, от коих лишь теперь, да и то с величайшим трудом начинаю приходить в себя.

NB! Вы отчасти мне собрат по болезнованию, — не знаете ли, чем, как и *успешно ли лечит* некий, на Остоженке, кажется, живущий *полковник Чичагов*? Я давно изверился в правоверную медицину, а вот такое «вольное» лечение еще может меня заинтересовать. Книгу его я читал,[2] и если верить самому автору, то он творит чудеса, только можно ли поверить? Глубока у него, на мой взгляд, мысль, что корень всякой болезни в изменении состава *крови*. Этот взгляд возвращает нас отчасти к старым методам лечения, ныне отвергаемым, — пьявки, кровопускание et cet., отчасти заводит в самую глубь древности, когда именно в

---

[1] Ю. Ф. Самарин вспоминал о Лермонтове в письме от 3 августа 1841 г. к своему четвероюродному брату князю И. С. Гагарину (см. *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 241—242).

[*] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 159. Л. 4, 5, 6. На верхнем поле князь Шаховской написал карандашом: «Получ<ено> 2 июля 93. *Ивановское от 3 ию<ля>*». Впервые опубликовано нами: *Рцы (Романов И. Ф.).* Собр. соч.: В 2 т. Т. II. С. 364—365.

[2] Имеется в виду книга будущего митрополита Серафима: *Чичагов Л. М.* Медицинские беседы. М.: Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1891. Т. I. VI, 680 с.; Т. II. <3>, VII, 849 с. См. также: Краткое изложение медицинских бесед Л. М. Чичагова, напечатанных в 1891 году. М.: Типолит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1892. 83 с. Чичагов находился на военной службе с 1875 по 1890 г., участвовал в Русско-турецкой войне. Уже после отставки, в 1891 г., он «для сравнения со сверстниками» был произведен в полковники.

крови видели начало витализма, что ли, *душу* живую… Так как Вы, по-видимому, любитель идейных casse-tête,* напомню Вам деление Апостола: дух, *душа* и тело;[1] запрещение Моисея поедать кровь животных, дабы не приобщаться их душам,[2] и проч. и проч.

Итак, причина моего долговременного молчания не требует объяснений и, без сомнения, легко Вами извинится.

От души благодарю Вас за память и Вашу хорошенькую книжечку о Н<иките> П<етровиче>.

Прочел ее с большим удовольствием.

Нахожу, что у Вас есть все данные, чтобы взять на себя труд издания соч<инений> покойного. Безо всякой сентиментальной скромности скажу, что я имею претензию воображать, что я *глубочайшим образом* понимаю Никиту Петровича, понимаю *дух* его трудов, т. е. способен был бы выразить взгляд о событии сегодняшнего или завтрашнего дня приблизительно так, как бы на него взглянул Гиляров, или, наоборот, о событиях минувшего повторить Никиту Петровича, не читая его статьи по данному вопросу. Понимаете ли и ***Вы*** его также, пока я еще не могу решить, но что Вы *чувствуете* его не только не хуже моего, но даже лучше, это — несомненно. Главное, у Вас сохранилась та восторженность к памяти покойного, которую я — увы! — частью растерял… Вас, вероятно, способен оскорбить отзыв Филарета о Гилярове: «возбужденный, но не управленный», а меня не коробит. Точно так же рука моя настолько одеревенела, что не подвигнулась бы написать последние 4 строчки в выноске на стр. 71 Вашего труда…[3] Что делать? La plus belle fille du monde ne peut donner, que ce qu'elle a...*1

---

* головоломок (*фр.*).

[1] Подразумеваются слова апостола Павла: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес 5: 23).

[2] См.: «…Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится» (Лев 17: 14).

[3] Имеется в виду примечание князя Шаховского: «Какая жалость, что смерть помешала Н<иките> П<етровичу> развить свою мысль; мы имели бы драгоценный памятник истинно

Вот почему, повторяю, Никита Петрович не мог бы найти и даже желать лучшего издателя его посмертных трудов. Необходимый человек — это Вы.

Другое дело вопрос: могут ли единомысленники покойного Никиты Петровича ограничить свой долг из памяти этого во всяком случае великого человека *только* добросовестным изданием его сочинений? Не естественно ли было бы, чтобы [a] у сих единомысленников предносилась мысль о создании той *школы*, о которой мечтал Н<икита> П<етрович>? Не логично ли было бы с их стороны стремиться *продолжить его дело*? Поднять знамя, которое вывалилось из его охладевших рук? Каждодневно в *сознании общественном* растворять его мысли, вместо того чтобы на полку антиквария сложить вновь перепечатанные томы его соч<инений>, которых все равно читать никто не станет?

Немцы, конечно, так бы и сделали... Но у нас нет энергии, нет сплоченности, нет организаторского таланта... Все мы, в большинстве, «возбужденные, но не управленные»!

Относительно издания писем я полагал бы так: чем больше сам Гиляров будет говорить о себе, тем лучше. Давать лишь необходимые реплики для уяснения его письма — ничего больше!

Очень насмешил меня *бубенчик*, пущенный нашим милым Figaro-Шараповым о замечательном труде по православному богословию…[2] Не Вы од-

---

самостоятельной русской мысли», которым он (князь Шаховской) снабдил неоконченное письмо Гилярова, начинающееся словами: «Когда “Русь” возродится?» Оно датируется приблизительно концом февраля 1885 г.

[*] Самая красивая девушка в мире может дать только то, что она имеет… (*фр.*)

[1] Цитата из драмы Альфреда Мюссе «Кармозина» (*«Carmosine», 1850), из реплики персонажа по имени* Минуччо: «Больше я вам ничего не скажу, так как сам не знаю. Самая красивая девушка в мире не может дать больше того, что имеет, и самый преданный друг молчит о том, чего не знает».

[a] *Это слово написано над зачеркнутым*: для.

[2] См.: «Никита Петрович оставил замечательные труды по православному богословию. Ярко блестит там идеал вселенской Церкви, им вместе с моим другом и предшественником А. С. Хомяковым разъясненный и освещенный» (*<Шарапов С. Ф.>*. Москва, 24 октября // *РД*. 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1). Перепечатано Шараповым под названием «Над свежей могилой Н. П. Гилярова. Моя речь при его погребении»: Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Статьи, заметки, письма и выдержки, собранные и проредактированные Сергеем Шараповым. М.: Типолит. А. В. Васильева и К°, 1903. С. 5—7.

ни, конечно, вдалися в обман, но и про этот инцидент можно сказать: «ирония судьбы, гримаса истории». Пастухов хоронит Н<икиту> П<етровича> на свой счет,[1] а Шарапов на могиле[b] внушает миру о несуществующем труде покойного!..

Когда думаете Вы в Питер?

Искренно преданный Вам

Ив. Романов.

Июля 30. 93 г.

Павловская, 4, кв. 25.

7*

А. Ф. Морокин[2] — князю Н. В. Шаховскому

Село Новая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии, 21 сентября 1893 г.

Село Новая Гольчиха 1893 г. Сентября 21 дня.

Ваше Сиятельство

Милостивый Государь Николай Владимирович!

Любезное письмо Ваше имел удовольствие получить, на которое и имею честь ответить.

---

[1] Журналист и беллетрист Н. И. Пастухов в течение десятка лет был наиболее популярным фельетонистом «Современных Известий», но в 1881 г. основал собственную, довольно успешную газету «Московский Листок», которая отобрала немало подписчиков у гиляровского издания. В середине сентября 1893 г. младший сын Гилярова-Платонова, Алексей Гиляров, вспоминал: «…похороны отца состоялись при условиях, о которых (как и о многом другом) говорить тяжело. Близкие к нему, но ему посторонние, люди брали на погребение деньги с кого попало, разумеется, без моего ведома. Таким образом составился крупный долг Суворину, Филиппову, Победоносцеву, Плевако и, увы!, самый значительный Пастухову. Воспоминание об этих подачках для меня острый нож, но уплатить долга я не в состоянии. Я бы лично никогда их не принял (в особенности от Пастухова), хотя и не знаю, на что стал бы хоронить, так как получал тогда всего 1200 р<ублей> в год» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 2—2 об.).

[b] *Слова*: на могиле — *вписаны над строкой*.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 142. Л. 1—1 об. Письмо написано каллиграфическим почерком писаря, только подпись — автограф.

[2] Александр Федорович Морокин (1836—1911) — экономист, земской деятель, кинешемский купец 1-й гильдии; вичугский фабрикант, основатель ткацкой фабрики (1865); публицист, автор путевых очерков, корреспондент газеты «Современные Известия».

Покойный, мною глубоко уважаемый приятель Никита Петрович действительно был мне близко знаком, и я имею от него несколько писем, которые — я Вам лично привезу в октябре или ноябре месяце.[1] Имеют ли они интерес — Вы увидите из их содержания.

Весьма благодарю Вас за память, я Вас очень хорошо помню.

Я всегда бываю в Москве между 10 и 20 числ<ами> каждого месяца.

Извините, что долго не отвечал, так как получено письмо без меня — а я недавно приехал из Москвы.

Затем желаю Вам всего хорошего и остаюсь Вашим покорнейшим слугою.

Александр Морокин.

8*

М. С. Сковронская — князю Н. В. Шаховскому

Москва, сентябрь 1893 г.

Князь Николай Владимирович,

В феврале текущего года исполнилось двадцать пять лет моего служения в журналистике, и я по этому случаю написала воспоминания о тех изданиях, в которых я работала.[2] «Современным Известиям», а следовательно, и их редактору-издателю, отведено большое место в этих воспоминаниях. Они будут печататься в наступающем октябре или даже в конце сентября. Из них Вы можете заимствовать многое для своего биографического сборника. Конечно, [a] в моих «воспоминаниях» есть большие пробелы; но в настоящее время я пишу большую повесть и не имею времени писать что-либо другое. Если Вы не очень спешите, то сообщите мне свой петербургский адрес, и я могу послать Вам всплывающие иногда воспоминания, а также разъяснять встречающиеся Вам недоразумения или неточности.

---

[1] Эти письма неизвестны.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 101. Л. 1. Дата установлена по содержанию.

[2] Речь идет об очерке М. С. Сковронской «За четверть века».

[a] *Далее зачеркнуто*: там.

Марья Богуславская.

9*

Рцы (И. Ф. Романов) — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 26 <ноября>[1] 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович,

Может быть, соберетесь сегодня, <в> пятницу, часов 8½ вечера, на Пет<ербургскую> сторону,[2] «презирая лень и негу», как говорил поэт?[3]

Очень было бы мило с Вашей стороны, если бы Вы захватили для прочтения Ваше письмо к Павлову об Каткове и Гилярове,[4] а также обещанную книжечку о Н<иките> П<етрови>че (ранее данную выпросил у меня Розанов).

26-е. Пятница Ваш Ив. Романов.

10*

Князь Н. В. Шаховской — князю Л. В. Шаховскому

Ревель, 7 февраля 1894 г.

17 февр<аля> 1894.

Дорогой друг мой Лев.

---

* Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 159. Л. 3. Впервые опубликовано нами: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. Т. II. С. 365.

[1] Месяц установлен по содержанию: в 1893 г. пятница только дважды приходилась на 26 число — в апреле и ноябре. Но в апреле еще не успели обменяться письмами князь Шаховской и упоминаемый здесь И. В. Павлов.

[2] Рцы в тот период проживал на Петербургской стороне, на Павловской улице (д. 2). Ныне это ул. Мончегорская в Петроградском районе.

[3] Выражение из стихотворения Пушкина «Телега жизни» (1823).

[4] Друг Гилярова, мценский помещик и литератор И. В. Павлов, писал князю Шаховскому 3 июня 1893 г.: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник<а>-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.). Князь Шаховской в нескольких письмах к Павлову оспаривал такую оценку Каткова (последнее ответное письмо Павлова на эту тему датировано 2 августа; см.: Там же. Л. 6—7 об.). Очевидно, князь Шаховской рассказал о своем споре с И. В. Павловым Рцы — в беседе или в письме.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 81. Л. 1—1 об.

Поздравляю тебя с днем твоего Ангела [1] и от всей души тебе желаю новых сил и нового здоровья. Главное же, чего я тебе желаю, — это ясного, спокойного и радостного настроения, которого ты не отчаявайся достигнуть. Мамаша [2] мне писала, что ты выбирал и отмечал твои корреспонденции из «Московск<их> Вед<омостей>». Стало быть, вопрос о новом издании твоей книги [3] решился определительно. Моя работа понемногу подвигается, и я уже написал две главы. Начал я с выхода Гилярова из Академии,[4] затем идет поступление на службу, знакомство с К. Аксаковым и Хомяковым и отношение к ним.[5] Все это очень трудно, и во всем видать или свое невежество, или недомыслие. Приходится пополнять свои сведения и запасаться новыми. С этой точки зрения работа моя принесет мне пользу. — Уступаю место Сергею.[6]

Крепко и нежно тысячу раз тебя обнимаю.

Твой Коля.

11*

Н. И. Стороженко[7] — кн. Н. В. Шаховскому

Москва, <1894—1895 гг.?>

Москва. Четверг.

---

[1] 18 февраля (3 марта) Церковь отмечает память святителя Льва, папы Римского († 461) и мученика Льва Патарского.

[2] Княгиня А. П. Шаховская (ур. Ефремова).

[3] *Шаховской Л. В., кн.* Два похода за Балканы: С театра войны 1877—78. 2-е изд., с прил. карты воен. действий. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1897. <6>, 321 с., 1 л. карт. (1-е изд.: 1878).

[4] Опубликовано: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии // *РО*. 1895. Т. 34, авг. С. 542—561.

[5] См.: *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // Там же. 1895. Т. 36, дек. С. 509—545; *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // Там же. Нояб. С. 14—32.

[6] Князь С. В. Шаховской.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 170. Л. 7—8. Датируется по упоминанию труда князя Шаховского об отхожих промыслах.

[7] Николай Ильич Стороженко (1836—1906) — литературовед; профессор Московского университета (с 1872 г.), председатель Общества любителей российской словесности (1894—1901).

Глубокоуважаемый

Николай Владимирович!

Данную Вами мне статью покойного Гилярова-Платонова по Русской Грамматике я передал на рассмотрение специалиста-филолога проф. Миллера,[1] который нашел, что она так слаба, что не может быть помещена в «Почине».[2] По его словам, Н<икита> П<етрович> принадлежит к филологам вроде К. Аксакова и Хомякова, которые отрицали сравнительную филологию, не имели понятия об исторической грамматике р<усского> языка и думали возместить эти пробелы своими собственными остроумными гипотезами. Некоторые из этих гипотез и домыслов действительно остроумны, но они либо не новы, либо не выдерживают проверки фактами, так что в настоящее время знакомить с ними публику было бы рискованно для издания, выходящего от имени О<бщества> Л<юбителей> Р<оссийской> С<ловесности>. Очень жалею, что не могу исполнить Вашей просьбы, тем более что исполнение ее дало бы бедной г-же Гиляровой [3] несколько десятков рублей. Но что же делать? Рукопись Вам возвращаю заказною бандеролью. Будьте здоровы!

Вам искренно преданный Н. Стороженко.

12*

Н. И. Позняков [4] — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 17 ноября 1895 г.

С.-Петербург. 17 ноября 1895 г.

---

[1] Упомянут фольклорист, этнограф и языковед Всеволод Федорович Миллер (1848—1913), участвовавший в обоих выпусках сборника «Почин» (см. следующий коммент.).

[2] Речь идет об одном из двух выпусков книги: Почин: Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. <4>, 465, 31 с.; <То же> на 1896 год. М., 1896. <3>, 635 с.

[3] Упомянута В. А. Гилярова-Платонова, вдова мыслителя.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 157. Л. 1—1 об. Письмо на бланке с напечатанным текстом: «Императорская Академия Наук. Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. От Председателя».

[4] Николай Иванович Позняков (1856—1910), прозаик, поэт, педагог, переводчик, библиограф, библиофил, в 1895—1905 гг. заведовал делопроизводством Постоянной комиссии для пособия нуждающимся литераторам и публицистам при Академии наук.

№ 1160

Ваше Сиятельство

Милостивый Государь Николай Владимирович.

По поручению Господина Председателя Постоянной Комиссии Л. Н. Майкова,[1] имею честь уведомить Вас, что им сегодня же дано распоряжение о высылке В. А. Гиляровой-Платоновой семидесяти пяти рублей из капитала Имени Императора Николая II-го, что вместе с выданными ей ранее 150 р. составит 225 рублей в текущем году.

Что же касается оказания помощи Госпоже В. А. Гиляровой-Платоновой в будущем 1896 году, то Г. Председатель высказал надежду на то, что Комиссия назначит ежемесячное пособие, если поступит о том ходатайство от Г-жи В. А. Гиляровой-Платоновой или от какого-либо другого лица, знающего ее бедственное положение.[2]

Примите уверение в отличном моем к Вам, Милостивый Государь, почтении и совершенной преданности.

Н. Позняков.

13*

Л. Н. Майков — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, <1896 г.?>

Многоуважаемый

Князь Николай Васильевич <*так!*>.

Я крайне сожалел, что не мог лично поблагодарить Вас за доставление Вашего интереснейшего труда об отхожих промыслах.[3] Когда мы с Вами встре-

---

[1] Леонид Николаевич Майков (1839—1900) — литературовед, этнограф, фольклорист; академик (1889).

[2] См. черновик Всеподданнейшего прошения о назначении пенсии В. А. Гиляровой-Платоновой, составленного от ее имени князем Шаховским: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 808. 2 л.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 134. Л. 3—4 об. Датируется по упоминанию сборников «Почин».

[3] *Шаховской Н., кн*. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. VIII, 254, II с.

тились в Москве, Вы сказали, что заедете ко мне до 12 часов, — я так и ожидал Вас, а затем должен был выехать, так как то был последний день моего Московского пребывания. По той же причине не мог я и к Вам заехать. Итак, благоволите теперь принять мою глубочайшую признательность, и притом сугубую, так как на днях я получил Вашу статью о Гилярове.[1] Эта статья еще интереснее для меня, чем исследование об отхожих промыслах, и убеждает меня в том, что в целом Ваше сочинение о Гилярове будет очень важною страницей в истории нашего просвещения. Позвольте мне выразить по этому случаю настоятельную надежду на то, чтобы Вы довели до конца предпринятую биографию и поскорее напечатали бы ее, вместе с сочинениями Гилярова. В противоположность другим народам — впрочем, более нас просвещенным, — мы решительно не умеем беречь память наших выдающихся людей, особенно из недавнего прошлого. Наша биографическая литература вообще бедна, и мы принимаемся за биографические труды о каком-нибудь замечательном человеке лишь тогда, когда он уже удалился от нас на далекое расстояние. Оттого в наших биографиях так мало живых индивидуальных черт, или их нужно разыскивать и восстановлять путем кропотливой работы. Я это хорошо знаю по своим занятиям о Батюшкове [2] и — теперь — о Пушкине,[3] и это составляет для меня немалое горе. Вы находитесь в ином положении относительно Гилярова: о нем можно еще собирать не только письменные показания, но и живые свидетельства; есть еще люди, которых можно порасспросить и узнать от них то, что не досказано в писанных источниках. К тому же и самая личность Гилярова вообще мало известна и не оценена соответственно его высоким достоинствам. Все это должно побуждать Вас не покидать Вашу работу и непременно окончить ее. Наконец, вот и еще довод в пользу того

---

[1] Предположительно речь идет об оттиске статьи: *Шаховской Николай, кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова.

[2] *Майков Леонид*. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. <10>, 360 с.; 2-е изд., вновь пересмотр.: СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. VI, 287 с.

[3] Итогом пушкиноведческих штудий Л. Н. Майкова стала книга: *Майков Л.* Пушкин: Биогр. материалы и ист.-лит. очерки: С прил. портр. Пушкина. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1899. <8>, 462 с.

же: Гиляров принадлежал к тому числу мыслителей-идеалистов, которые у нас или переводятся, или заменя<ю>тся людьми гораздо более мелкого калибра. Тем нужнее показать современному русскому читателю личность и деятельность человека, еще недавно жившего между нами и воодушевленного идеальными стремлениями, и притом такими, которые могут иметь руководящее значение еще для многих поколений.

Извините, что разболтался; может быть, оттого, что взял нечаянно большой лист вместо маленького. Но конечный мой вывод во всяком случае тот, что я жду с нетерпением Вашей книги о Гилярове, и уверен, что Вы напишете ее прекрасно.

Искренно Вам преданный

Л. Майков.

А что Милютинские копии? [1]

3.13. Из переписки князя Н. В. Шаховского с О. Г. Аксаковой (1893—1898)

1*

О. Г. Аксакова — князю Н. В. Шаховскому

Самара, 27 октября 1893 г.

Милостивый Государь Николай Владимирович.

С удовольствием исполню Вашу просьбу о передаче в Ваше распоряжение писем Гилярова-Платонова в обмен на письма Ивана Сергеевича к нему и к Вам. Но письма эти у меня в деревне,[2] куда я поеду в ноябре, тотчас сделаю из них

---

[1] О чем (о каких рукописях?) идет речь, неясно. Возможно, они имели отношение к графу Д. А. Милютину, на дочери которой был женат брат князя Шаховского Сергей Владимирович.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 1—1 об. На верхнем поле помета князя Шаховского: «получено 31 окт. 93».

[2] Имеется в виду «село Богородицкое Языково тож» Могутовской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, которое О. Г. Аксакова унаследовала 24 марта 1884 г. по смерти

некоторые выписки, которые могут быть мне нужны, и после этого не замедлю перепроводить их Вам по данному Вами адресу. После этого в возвращении мне подлинников не будет надобности. Архив Константина Сергеевича еще не вполне разобран, по мере того как будет мне попадаться что-либо, касающееся Гилярова, буду иметь Вас в виду.

С полным уважением остаюсь

Преданная Вам

Ольга Аксакова.

27 октября 1893 г.

2*

О. Г. Аксакова — князю Н. В. Шаховскому

Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 28 декабря 1893 г.

Милостивый Государь Николай Владимирович.

Препровождаю Вам при сем двадцать семь писем Н. П. Гилярова-Платонова,[1] в полную собственность, с правом печатания их по Вашему усмотрению. Рассчитываю на то же с Вашей стороны, по отношению к письмам Ивана Сергеевича.

Меня очень удивляет, что нашлось так мало писем; если при более тщательном просмотре моего Архива будет что-либо попадаться, касающееся Н. П. Гилярова-Платонова, то буду сообщать. Адрес мой: Самаро-Златоустовская железная дорога. Станция Борская.

Примите уверение в моем полном уважении.

Преданная Вам Ольга Аксакова.

своей матери С. А. Аксаковой (ур. Шишковой). См.: *Поддубная Р. П.* Самарская хроника Аксаковых. Самара: Офорт, 2015. С. 66, 138.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 2—3. На верхнем поле помета князя Шаховского: «Москва, получено 4 янв. 94». В качестве места написания указываем имение О. Г. Аксаковой, где она хранила архивные материалы.

[1] Ныне хранятся в фонде князя Шаховского в РНБ (Ф. 847. Ед. хр. 359. 35 л.).

28 дек<абря> 93 г.

3*

О. Г. Аксакова — кн. Н. В. Шаховскому

Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 10 апреля 1894 г.

10 апреля 1894 г.

Милостивый Государь Многоуважаемый Николай Владимирович

Уведомляю Вас, что 5-го апр<еля> получила я посланные Вами 26 писем Ив. Серг. Аксакова к Н. П. Гилярову-Платонову. Очень благодарна Вам за этот интересный вклад в мое собрание писем, а еще более за обещанный материал в будущем, это материал редкостный, который помимо Вас мне никак не удалось бы собрать. С своей стороны не забуду, если что найду о Гилярове, сообщать Вам.

С уважением преданная Вам Ольга Аксакова.

4*

О. Г. Аксакова — князю Н. В. Шаховскому

Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 8 ноября 1898 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Князь Николай Владимирович, еще 4 письма Гилярова, которые у меня нашлись в такой пачке, где я никак не ожидала их найти. Кажется, теперь уже наверное больше нет. Перебрала всё, что у меня есть. Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что обещанного письма от Шевелева [1] я не получала, дайте мне его адрес и имя отчество, чтобы я могла написать ему сама, когда мне встретится надобность. Еще Вы мне говорили о

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 4. На верхнем поле помета князя Шаховского о получении: «12 мая 1894».

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 5—6. На верхнем поле помета князя Шаховского о получении: «от 5 дек<абря>».

[1] Видимо, Александр Арсеньевич Шевелев (1869—1911), критик, библиограф.

ком-то живущем в Киеве, смутно помню его имя, боюсь перепутать, и потому была бы благодарна Вам за возобновление моей памяти. А что творится с «Русским Обозрением»? Несмотря на страшную неаккуратность выхода первых книжек, после объявления редакции и ожидания исправиться, стало не лучше, а хуже, после майской книжки я ничего не получаю.[1] Дошли до меня слухи, будто оно перешло в другие руки, но не думаю, потому что тогда было бы какое-нибудь движение, или уведомление подписчиков, или n'est plus de notre temps [*]? Мне лично Анатолий Александрович [2] не отвечает ни на письма, ни на телеграммы. Редакция мне осталась должна за переписку Кохановской [3] 700 р., и не могу их получить. Желаю Вам всего хорошего.

Преданная Вам Ольга Аксакова.

8 ноября 1898.

Адрес: Станция Борская.

Самаро-Златоустов<ская> ж<елезная> дорога.

P. S. Кстати, какую бы Вы мне рекомендовали типографию? Аккуратную и умеренную.

3.14. Переписка князя Н. В. Шаховского с братьями А. А., Н. Н. и А. Н. Гиляровыми (1893—1897)

1[*]

А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 3 июня 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович.

---

[1] Эта майская книжка журнала за 1898 г. (не считая одиночных попыток возобновить его в 1901 и 1903 гг.) оказалась последней.

[*] он больше не существует (*фр.*).

[2] Анатолий Александрович Александров (1861—1930) — педагог, поэт, журналист, редактор журнала «Русское Обозрение» (1892—1898) и газеты «Русское Слово» (1894—1898).

[3] Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) / Сообщила О. Г. Аксакова // *РО*. 1897. № 2—12.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 1.

Я был бы весьма рад содействовать всеми зависящими от меня мерами успеху сборника,[1] о котором Вы пишете, если цель, для которой он издается,[2] не будет известна читателям. В противном случае мне придется отказаться от участия.

По некоторым причинам мне было бы желательно предварительно узнать, о каком собственно кружке друзей и почитателей пишете Вы.

К сожалению, я не мог бы приняться за дело так скоро, как мне хотелось бы, так как на днях уезжаю в заграничную командировку [3] и вернусь лишь во второй половине сентября.

Примите уверение в совершенном почтении.

Киев, 3 июня 1893. А. Гиляров.

(До 20 июня Большая Жандармская,[4] № 76, или, вернее, в Университет.)

2*

А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Киев, середина сентября 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович.

Извините, что так долго не отвечал Вам. Я уехал за границу раньше, чем предполагал, и Ваше письмо получил лишь по приезде. Одновременно я прочел

---

[1] Имеется в виду задуманный князем Шаховским сборник «Памяти Н. П. Гилярова-Платонова».

[2] Доход от продажи сборника, за покрытием расходов на издание, должен был пойти на сооружение памятника на могиле Гилярова и на помощь его вдове.

[3] А. Н. Гиляров начиная с 1891 г. преподавал философию и психологию в Киевском университете и на Высших женских курсах, был профессором Коммерческого института.

[4] С 1937 г. это улица Саксаганского — она была переименована в честь корифея украинского бытового театра, актера, режиссера и драматурга Панаса (Афанасия) Карповича Саксаганского (наст. фам. — Тобилевич; 1859—1940). Название «Большая Жандармская» было упразднено еще в 1881 г. и в рассматриваемый период (1888—1919) улица именовалась Мариинско-Благовещенской, но А. Н. Гиляров употребляет старое название.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 2—3 об. Князь Шаховской пометил на полях сначала карандашом: «Пол<учено> 17 сент<ября> 93», затем чернилами: «Отв<ечено> 18».

в газетах, что Вы собираете сведения для биографии.[1] Я было думал ехать в Москву, чтобы переговорить с Вами лично, но от этого намерения должен отказаться и потому вынужден, к сожалению, объясниться письменно.

В прошлом письме я умолчал о причине, по которой не могу принять участие в сборнике, если будет оглашена его цель. Причина эта в том, что похороны отца состоялись при условиях, о которых (как и о многом другом) говорить тяжело. Близкие к нему, но ему посторонние люди брали на погребение деньги с кого попало, разумеется, без моего ведома. Таким образом составился крупный долг Суворину, Филиппову, Победоносцеву, Плевако и, увы!, самый значительный Пастухову. Воспоминание об этих подачках для меня острый нож, но уплатить долга я не в состоянии. Я бы лично никогда их не принял (в особенности от Пастухова), хотя и не знаю, на что стал бы хоронить, так как получал тогда всего 1200 р<ублей> в год. Чтò было, то прошло; но повторять это прошлое в каком бы то ни было виде я решительно не в силах.

Мысль о памятнике меня давно тревожит. Но мои средства настолько ограничены, что их не хватает даже на содержание семьи. Мертвых поневоле приходится оставить, когда нужно думать о прокормлении живых.

До нынешней осени дела еще кое-как шли, так как существовали скудные средства, на которые могла перебиваться мать. Но теперь эти деньги истощились, и положение становится очень тяжелым. При матери живет мой брат,[2] горький пьяница и буян, страстно ею любимый, в разлуке с которым она жить не может. Он из нее вытягивает последнее, пропивая почти все, чем она располагает, и в случае отказа стреляет из револьвера и творит другие бесчинства, требующие вмешательства полиции. Что с ними делать, не знаю. Взять их к себе не могу, так как это значило бы не помочь им, а губить свою семью, содержать их на стороне за отсутствием средств тоже не в состоянии, но и так их оставить нельзя. Вот о чем мне приходится скорбеть гораздо больше, чем о памятнике.

---

[1] Имеются в виду пересказы в газетах статьи князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова-Платонова».

[2] Николай Никитич Гиляров.

Эта семейная неурядица — продолжение старинной драмы. Есть много и других темных сторон, о которых Вы не знаете. Я вынужден упомянуть о них, так как не могу не опасаться, как бы опубликование биографии не было преждевременным, как бы не пришлось потревожить того, чему бы лучше оставаться в забвении. Чтобы мои опасения не показались Вам голословными, прилагаю документ, относящийся к особе, еще здравствующей.[1] По доносу этой особы против отца было возбуждено уголовное преследование по делам Славянского комитета, длившееся целый год,[2] грозившее принять дурной оборот и прекращенное, во избежание крупного скандала, вмешательством генерал-губернаторской власти.[3] У этой особы отцовских писем должно быть больше, чем у кого бы то ни было, и остается под вопросом, желательно ли их оглашение, которое будет грозить при опубликовании сочувственной биографии. К прискорбию, прилагаемый документ — единственная рукопись, доставшаяся мне от отца. Разумеется, я ее никому не показывал, и если вручаю Вам, то потому, что знаю Ваше глубокое к нему расположение. Не могу не ценить этого расположения и, быть может, лучшая благодарность с моей стороны — полная откровенность с Вами. Эта откровенность вынуждает меня сознаться, что лица, связанные с ним семейными узами, никаких, кроме самых тяжелых, воспоминаний о нем не сохранили. Я поэтому ничем не могу Вам содействовать для восстановления истинного облика моего отца.

---

[1] Речь идет о духовном завещании, составленном Гиляровым 15 октября 1874 г. на случай своей смерти, которым он объявлял М. С. Сковронскую своей наследницей, а жену устранял (опубликовано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 407).

[2] Имеется в виду следственное дело о якобы имевшей место растрате Гиляровым сумм, пожертвованных на славян, начатое по доносу Сковронской. Оно длилось больше двух лет — с 4 декабря 1877 г. по 10 января 1880 г. См. об этом подробнее в разделе 1.8.

[3] Речь идет о прекращении следственного дела по личному распоряжению князя В. А. Долгорукова.

Мы когда-то были с Вами знакомы и даже (если помните) вместе занимались греческими апокрифами.[1] Душевно рад, что имею случай возобновить это знакомство и на память о себе посылаю Вам два свои последние труда.[2]

Ваш А. Гиляров.

Киев, Караваевская,[3] № 19.

3*

Князь Н. В. Шаховской — А. Н. Гилярову

С.-Петербург, 18 сентября 1893 г.

Многоуважаемый Алексей Никитич.

Вы меня очень порадовали Вашим письмом, из которого я увидал, что Вам не неприятно то, что собиранием материалов для жизнеописания Никиты Петровича занимаюсь я. — Мысль о сборнике пришлось кинуть, так как — словно приглашенные на евангельский пир [4] — все, обещавшие свое сотрудничество,[5] под разными предлогами уклонились от участия в деле. Докучать просьбами и понуждениями мне — лицу со многими из них мало знакомому — было не удобно, да и ни к чему бы не повело [a]. Между тем материал биографический стал накопляться, и прежде всего из большого запаса писем и бумаг Никиты Петровича, хранящихся у Анны Михайловны Гальперсон. Я лето употребил [b] на то, чтобы списывать данные этого запаса, и очень много успел списать. Затем ре-

---

[1] А. Н. Гиляров и князь Шаховской — ровесники (1856 года рождения) и одновременно обучались на историко-филологическом факультете Московского университета.

[2] *Гиляров А. Н.:* 1) Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции: Крит. исследование. М.: Унив. тип., 1891; 2) Платон как исторический свидетель: Опыт ист.-филос. критики. Киев: Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891.

[3] Ныне (с 1926 г.) улица Льва Толстого.

* Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 71. Л. 3—6 об. Дата установлена по пометке на письме от А. Н. Гилярова от середины сентября.

[4] Отсылка к евангельской притче на званных на пир (Мф 22: 2—14).

[5] Подразумеваются Д. Ф. Самарин, А. С. Суворин, К. Т. Солдатенков, И. Д. Сытин.

[a] *Слова*: да и ни к чему бы не повело — *приписаны на полях карандашом*.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: провел.

шил [c] собрать всё, что можно добыть в настоящее время из переписки Н<икиты> П<етровича> и из арх<ивов> [d] тех ведомст<в>, где он проходил службу. Месяц [e], проведенн<ый> в Москве, по возвр<ащении> с дачи, тоже не прошел даром: я разыскал многих из старых товарищ<ей> и сослуживцев Н<икиты> П<етровича> и побыв<ал> у них лично [f], — выслушал и записал изуст<ные> их воспомин<ания>, спис<ался> с некот<орыми> из них (напр<имер>, Бессонов<ым>, Поспеловым, Морокиным, Ив. Вас. Павловым, И. Ф. Романовым и др.) и [g] получил уже от кое-кого обещание доставить имеющийся материал. Мне обещано также сообщи<ть> пись<ма> Н<икиты> П<етровича> к И. С. Аксакову (из Имп<ераторской> Публ<ичной> Биб<лиотеки>),[1] к Ю. Ф. Самари<ну> (от Дм<итрия> Фед<оровича>),[2] к Гр. Блудов<ой> (от Шевича),[3] к Еп. Вениамину (от докт<ора> Лепешинского).[4] Разыскивал [a], т<ак> ск<азать>, наследник<ов> Желтух<ина> [5] и Ахматов<а>,[6] чтоб у них [b] сих покойн<ых> дознать о судьбе писем Н<икиты> П<етровича> — В Академ<ии> для меня ищут пись<ма> Н<икиты> П<етровича> к Горскому,[7] Кудрявцеву,[8] Голубинскому, Амфит<еатрову>,[9] Смирнову [1] — и поручено — из арх<ива> Ак<адемии> [c] извлечь

---

[c] *Было*: Затем обратился.

[d] *Это слово вписано над строкой карандашом*.

[e] *Было*: Полтора месяца.

[f] *Слова*: у них лично — *вписаны над строкой карандашом*.

[g] *Далее зачеркнуто*: обещал.

[1] Всего 16 писем за 1860—1884 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359—361).

[2] Всего 7 писем за 1860—1868 гг. (Там же. Ед. хр. 474—475); см. также 4 письма князю Шаховскому от Д. Ф. Самарина за 1900 г. и б. д. (Там же. Ед. хр. 160).

[3] Всего 59 писем за 1860—1887 гг. (Там же. Ед. хр. 376—384; Ф. 78. Ед. хр. 26). Иван Егорович Шевич (1838—1912) — сенатор (с 1885 г.), племянник графини А. Д. Блудовой.

[4] Всего 6 писем за 1860—1869 гг. (Там же. Ф. 847. Ед. хр. 388—389). Степан Петрович Лепешинский — врач, муж дочери епископа Вениамина (Карелина), ученика и друга Гилярова.

[a] *Далее зачеркнуто*: следов.

[5] Всего 2 письма к А. Д. Желтухину с копиями от конца 1850-х гг. (Там же. Ф. 847. Ед. хр. 412, 414).

[6] Всего 9 писем к А. П. Ахматову за 1861—1865 гг. (Там же. Ед. хр. 367—368, 414).

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: родств<енников>.

[7] Всего 12 писем к А. В. Горскому за 1855—1862 гг. (Там же. Ед. хр. 403—405).

[8] Одно письмо к В. Д. Кудрявцеву-Платонову от 18 мая 1857 г. (Там же. Ед. хр. 430).

[9] Письма Гилярова к профессорам Московской духовной академии протоиерею Ф. А. Голубинскому и Е. В. Амфитеатрову нам неизвестны.

все докум<енты>, касающ<иеся> прохожд<ения> учения и препод<авания> Н<икиты> П<етровича>, и снять с них [d] копии. — Мною собраны все отзыв<ы> Мит<рополита> Фил<арета> о Н<иките> П<етрович>е [e].[2] Не говорю о нашед<шихся> нескольк<их> стах писем изве<стных> лиц, ему сочине<нных> (в их число входят пись<ма> Ю. Ф. Сам<арина>,[3] И. С. Ак<сакова>,[4] К. П. Поб<едоносцева>,[5] Гр. Блуд<овой>,[6] Фил<иппова>,[7] Митр<ополита> Мих<аила>,[8] Желтух<ина>,[9] Кудр<явцева>,[10] Голуб<инского>,[11] Горск<ого>,[12] Еп<ископа> Вен<иамина>,[13] Еп<ископа> Иоан<на> Сок<олова>,[14] Погод<ина>,[15] Юрьин<а>,[1] Серг<иевского>,[2] Лавр<ова>,[3] Ахм<атова> [4] и пр.). —

---

[1] Одно письмо 1860-х гг. к протоиерею С. К. Смирнову, касающееся финансовой стороны издания Творений Св. Отцов (Там же. Ед. хр. 481).

[c] *Далее зачеркнуто*: извлечь снять ко<пии>.

[d] *Слова*: с них — *вписаны над строкой*.

[e] *Это предложение вписано карандашом на полях письма*.

[2] См также две записки митрополита Филарета (Дроздова) к Гилярову 1860 и 1863 гг. (Там же. Ед. хр. 712).

[3] Всего 8 писем Ю. Ф. Самарина к Гилярову 1861, 1862 гг. и недатированные (Там же. Ед. хр. 686).

[4] Всего 28 писем И. С. Аксакова к Гилярову за 1862—1885 гг. (Там же. Ед. хр. 577—581) и два ответных (Там же. Ф. 14. Ед. хр. 654).

[5] Всего 54 письма К. П. Победоносцева к Гилярову за 1867—1887 гг. (Там же. Ф. 847. Ед. хр. 675—680). Опубликованы нами: *Разумевающие верою*.

[6] Всего 35 писем графини А. Д. Блудовой к Гилярову за 1855—1887 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592—596).

[7] Всего 9 писем Т. И. Филиппова к Гилярову с копиями за 1872—1887 гг. (Там же. Ед. хр. 713—714). Опубликованы нами: *Переписка с Филипповым*.

[8] Два письма митрополита Сербского Михаила (Йовановича) к Гилярову от 15 ноября 1878 г. и 12 марта 1879 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 659).

[9] Всего 26 писем А. Д. Желтухина к Гилярову за 1859—1863 гг. (Там же. Ед. хр. 631—634).

[10] Два письма В. Д. Кудрявцева-Платонова к Гилярову за 1857 и 1860 гг. (Там же. Ед. хр. 645).

[11] 4 письма Е. Е. Голубинского к Гилярову за 1858—1864 гг. (Там же. Ед. хр. 620). Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834—1912) — историк Русской церкви и церковной архитектуры.

[12] Два письма протоиерея А. В. Горского к Гилярову за 1856 и 1857 гг. (Там же. Ед. хр. 621).

[13] Всего 26 писем епископа Вениамина (Карелина) к Гилярову за 1859—1872 гг. (Там же. Ед. хр. 599—603).

[14] Одно письмо епископа Иоанна (Соколова) к Гилярову от 19 марта 1859 г. (Там же. Ед. хр. 638).

[15] Всего 21 письмо М. П. Погодина к Гилярову за 1872, 1873 гг. и недатированные (Там же. Ед. хр. 681—682).

— Мною уже прочтено цензурное дело об изд<ании> «С<овременных> Из<вестий>» и с нов<ого> [a] дня приступаю к извле<чению> из [b] цензурн<ого> Архива данных о служб<е> сам<ого> Н<икиты> П<етровича> цензор<ом> [c]. — От Мин<истерства> Н<ародного> Пр<освещения> мне разреш<ено> произв<ести> изыск<ания> в Центр<альном> Ар<хиве> Мин<истерства> — о той же эпохе и команд<ировке> Н<икиты> П<етровича> за границу для изуч<ения> положит<ельной> роли евр<ейских> школ. Над<еюсь>, что все данн<ые> Цензу<рного> Вед<омст>ва о Н<иките> П<етровиче> мне обяз<ательно> выд<адут>. — Почти все, что было напечат<ано> Н<икитой> П<етровичем>, его «С<овременными> Из<вестиями>», мною собрано. [d]

Ужели остановиться, когда уже столь много сделано? [*] Как кажется, что следует воспользоваться тем, что еще остается небольшое число [e] стар<ших> тов<арищей> Н<икиты> П<етровича>, и извлечь из них что можно. Этот источник с каж<дым> днем иссякает. Можно не всем материалом воспользов<аться> ныне, но собрать надо теперь же все, что только удается. Прислан<ный> Вами документ для меня не новость. Я имею в руках самое духов<ное> завещ<ание> с

---

[1] 5 писем С. А. Юрьева к Гилярову за 1871—1887 гг. (Там же. Ед. хр. 723—724).

[2] Всего 28 писем Н. А. Сергиевского к Гилярову за 1862—1866 гг. (Там же. Ед. хр. 688—691). Николай Александрович Сергиевский (1833—1900) — тайный советник; чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода; затем — директор Канцелярии обер-прокурора (1866—1869), попечитель Виленского учебного округа (с 1869 г.); двоюродный внук святителя Филарета (Дроздова).

[3] Всего 16 писем В. А. Лаврова к Гилярову за 1863—1867 гг. (Там же. Ед. хр. 647—649).

[4] 7 писем А. П. Ахматова к Гилярову за 1863—1865 гг. и недатированные (Там же. Ед. хр. 584).

[a] *Слова*: с нов<ого> — *вписаны над зачеркнутыми*: с завтр<ашнего>.

[b] *Слова*: извле<чению> из — *вписаны над зачеркнутыми*: ознакомле<нию> с.

[c] *Далее зачеркнуто*: и записок, им в разное вр<емя> подан<ных> начальст<ву>.

[d] *Далее зачеркнуто*: Надо иметь мою подвиж<ность>.

[*] Кто же потом будет все это собирать? Моя служба в Ми<нистерстве> Вн<утренних> Д<ел> и знаком<ство> со многи<ми> в эт<ом> ведом<стве>, как личн<ое> знак<омство> с Делянов<ым>, — дают мне [возмож<ность>] доступ в Архив<ы>, куда не всякого пустят. Как же этот шанс упускать. — Услов<ия> служб<ы> дозволяют мне воспользов<аться>, м<ожет> б<ыть>, не скоро еще нов<ым> больш<им> отпуск<ом>. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского на полях карандашом.*>

[e] *Далее зачеркнуто*: живых свидет<елей> деят<ельности> покойного.

подписью свиде<телей>, и в том числе Ф. Плевако; а после зачеркнут<ое>. Не думаю, чтобы известная особа [1] что-либо предприняла, ибо сохранились ее письма и исповедь, рисующие ее с неприглядной стороны. Биограф до извест<ной> степени тот же духовник. Перед ним должна раскрывать<ся> душа [a] изучаемого им лица; от его такта и добросовестн<ости> зависит, что из известного ему признать сказанн<ым> «на духу»[2] и что подлежащим оглашению. [b] Материа<ла> такая масса, что собирать его и в нем разбираться потребует более году времени. Надо все еще прочесть и привести в систему писан<ное> Н<икитой> П<етровичем> в «Сов<ременных> Изв<естиях>», *кот<орого> 40 томов*. А [c] пускаться в составление подробной биографии [d] сле<дует> не ранее, как ознакомившись со всем материалом и поставив в нем все на свое место. От времени до времени можно обнародовать лишь некотор<ые> стор<оны> деят<ельности> Н<икиты> П<етрови>ча, вполне закончен<ные>: так, мне хочется [e] написать статью на тему: Н<икита> П<етрович> инициатор цер<ковно>-приходской школы.[3] Даже по этому вопросу много собранного: имеется стат<ья> Н<икиты> П<етрови>ча, извест<ная> Прав<ительству>, вызов ст<атьи> в Петер<бург>, заступ<ление> за него Филарета, пров<едение> мыс<ли> на практ<ике> — откр<ытие> в Пятн<ицком> прих<оде> Ц<ерковной> шк<олы>, посещ<ение> шк<олы> Государ<ыней>, письма от Блуд<овой> и Батюшко<ва> [4] и самого Н<икиты> П<етрови>ча.

---

[1] Подразумевается М. С. Сковронская.

[a] *Далее зачеркнуто*: иссл<едуемого>.

[2] Сказанное священнику «на духу» (во время исповеди) остается тайной.

[b] *Далее зачеркнуто*: Я, конечно, не знаю, как добываем<ый> матер<иал> будет слагаться в пове<сть> о жизни, но наперед могу сказать, что не всяк<ая> интим<ная> сторо<на> жизни мож<ет> и долж<на> быть выст<авлена> на улицу.

[c] *Далее зачеркнуто*: начать пис<ать>.

[d] *Далее зачеркнуто*: можно то<лько>.

[e] *Далее зачеркнуто*: сказать.

[3] См.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572—589.

[4] Сохранились черновики трех писем Гилярова к П. Н. Батюшкову (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 372), в том числе одно 1862 г. (л. 1—3) по поводу представления ко кресту купца Б. В. Глинского, пожертвовавшего деньги на церковноприходскую школу.

Посылаю Вам две мои брош<юры> о Н<иките> П<етрович>е.[1] Они — сброшюр<ованная> статья в «Рев<ельских> Изв<естиях>», заказан<ная> мне их издателе<м>[2] и писанн<ая> боль<ше> для газ<еты> на основ<е> имев<шихся> у меня мат<ериалов>, но толь<ко> <ради> печати мои<х> и пис<ем> Н<икиты> П<етровича> ко мне. Конечно, эти опыты неудовлетворит<ельны> и содерж<ат> <в> себе многие неточности; но составл<ение> их пород<ило> во [a] мне желание заняться собир<анием> мат<ериалов> для [b] биогр<афии> Н<икиты> П<етрови>ча, и мне казалось, мое искренн<ее> располож<ение> к нему дает мне право много понять и объяснить.

4*

А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 29 сентября 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович.

Не могу не считать себя счастливым, что составить биографию взяли на себя именно Вы. Помимо всего другого, чем Вы обладаете от природы и по общественному положению, на Вашей стороне то преимущество, что Вы знали отца вне отношений повседневной жизни. Это преимущество я сознаю особенно резко, как скоро сравню Вас с собою. На меня (как на сказочного Протея) прошлое налепило столько грязи и тины, что я при всем желании не в силах вынырнуть из омута своих воспоминаний и потому вижу смутно, словно сквозь болот-

---

[1] *Шаховской Н. В., кн*. Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель: Тип. «Ревельских Известий», 1893. 84 с. (Отт. из газ. «Ревельские Известия». 1893. № 58—66, 69, 74—76). См. также: *Шаховской Н. В., кн*. Никита Петрович Гиляров-Платонов о прибалтийском вопросе: («Соврем<енные> Изв<естия>» 1885—1887 гг.). Ревель: Тип. «Ревельских Известий», 1893. 18 с. (Отт. из газ. «Ревельские Известия». 1893. № 84, 85).

[2] Издателем «Ревельских Известий», основанных в 1893 г. по инициативе князя С. В. Шаховского, была журналистка Варвара Помпеевна Янчевецкая (ур. Магеровская; 1851—1833), мать исторического романиста Василия Яна.

[a] *Слова*: пород<ило> во — *вписано над зачеркнутым*: дало.

[b] *Далее зачеркнуто*: ж<изни>.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 4—5 об.

ную воду, то, что Вам представляется светлым и прекрасным. И я не могу смотреть иначе, как не могу переменить своих близоруких глаз на дальнозоркие.

Разумеется, мои взгляды не должны, да и не могут стестнять <*так!*> Вас ни в чем. Насколько я Вас понимаю, Вы хотите воздвигнуть отцу памятник, которым личное будет представлено, лишь поскольку оно имеет общественное значение. Перед таким памятником будет бессильна мелкая личная злоба. Тем не менее я остаюсь при своем убеждении, что месть со стороны известной особы [1] возможна. Эта особа настолько зла, что не постеснится клеветать на себя, лишь бы представить в ненавистном свете других.

Благодарю Вас не за одно только горячее желание выдвинуть в памяти о моем отце то светлое, что̀ несправедливо было оставлено без должного внимания, но и за доказательство одушевляющей Вас бескорыстной любви, вообще столь редкой. Печалит меня лишь то, что в силу психологической необходимости Вы должны питать некоторое недоброжелательство ко мне, так как не можете не считать меня черствым и бессердечным. Быть может, такое мнение обо мне было бы не совсем правильным. Но я привык мириться с ложным на себя взглядом, хорошо зная, что в жизни вообще больше неправды, чем правды. И биография, которую Вы напишете, будет неполной правдой и потому неправдой. Вы отлично сравнили биографа с духовником, от которого зависит умолчать, что̀ следует, и Вы, конечно, согласитесь со мной, что истинная личность познается именно из того, что̀ говорится на духу, а не из внешней действительности. Часто прекрасные, по-видимому, поступки коренятся в ненавистных мотивах; порою язык невольно обманывает, принимая за осуществленное лишь намеченное и возможное; и нередко даже опытный сердцеведец не в силах решить, не идут ли дружелюбные речи из корыстного источника, и слезы горячего сочувствия не суть ли переряженные себялюбивые слезы.

Личность моего отца в высшей степени сложная. Ее нельзя оценить пошлым «хороший» или «дурной», бессильным, пожалуй, окажется и расчленяющий

[1] Подразумевается М. С. Сковронская.

анализ психолога, и лишь умудренное жизнью вдумчивое око художника способно ее воссоздать в ряде цельных образов.

В свое оправдание могу сказать, что не оскудение сердца заставляет меня называть всё собственным именем, без прикрас и умолчаний, но отвращение от лжи, которой я так много видел, от которой бежал и не мог убежать. Пусть я кажусь достойным осуждения: моя совесть покойна. Я знаю, что жить, обманывая себя и других, легче, чем разоблачая наготу и свою, и других; но я не могу быть иным и потому живу среди людей, как в пустыне.

Благодарю Вас за брошюры. Прочел их с большим удовольствием и интересом. Как было бы желательно, чтобы Вам удалось побольше опубликовать писем, подобных тем, которые помещены в брошюрах.

Жена [1] Вас отлично помнит, благодарит за память и просит Вам кланяться.

Ваш А. Гиляров.

29 сент<ября> 1893.

5*

Князь Н. В. Шаховской — А. Н. Гилярову

С.-Петербург, 8 октября 1893 г.

Петербург, 8 окт<ября> 93 г.

Только вчера приехал, многоуважаемый Алексей Никитич, в Петербург и нашел уже письмо Ваше от 29 сентября. За приветливость Вашу сердечно Вас благодарю и прошу Вас не выводить не признаваемой мною «психической необходимости» питать к Вам какую-либо «недоброжелательность» или «считать Вас черствым и бессердечным». Я на это не имею прежде всего никакого права, а затем ничего подобного в своих чувствах к Вам не нахожу. Напротив, мои личные воспоминания о кратковременном с Вами знакомстве самые приятные, я всегда сознавал превосходство Ваших дарований и Вашей любознательности, а теперь

[1] В. Г. Гилярова (ур. Кишкина).

* Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 71. Л. 1—2 об.

Вашей эрудиции и [a] ясности научного изложения. Не будем затемнять взаимных отношений неосновательными предположениями и отнесемся доверчиво друг к другу. В знак доверия сообщу Вам, что я слышал голоса, отсоветовавшие мне писать Вам, уверявшие, что или Вы оставите мое письмо без ответа, или ответите мне неприятность. Однако ничего подобного не произошло и Вы даже меня конфузите чрезмерною надеждою, [b] возлагаемою Вами на мой будущий труд, к которому я приступаю с великим страхом и сомнением в своих силах и одушевляемый только воспоминанием об истинном расположен<ии> ко мне отца Вашего и моем всегдашнем к нему глубоком чувстве любви. Не могу согласиться и с Вами, что «истинная личность познается из того, что говорится на духу». Грех, сказанный на духу, всегда ли указывает на греховную наклонность? Ужели паденьями познается истинная личность? Она, как мне кажется, познается из того, как человек к этим паденьям относится, раскаивается ли он в них и страдает, или считает их неотделимыми явленьями, предносится ли человеку идеал или же он отдает себя только игре страстей и личных интересов. — Мне кажется, что Никита Петрович при сильной воле был, что называется, бесхарактерным человеком [c]. — Ни домашняя, ни семинарская или академическая школа развитию характера не помогла, даже затормозила. В этом, как мне кажется, кроется разгадка многих неудач его жизни.* Ну да об этом нельзя и толковать в письме. Как бы мне хотелось с Вами лично повидаться и о многом поговорить, и прежде всего об издании *всех* сочинений Вашего отца. Мне кажется, что я мог бы найти средства для того. Но как издать? Почти все писанное им до «Сов<ременных> Изв<естий>» мною собрано. Из этого выйдет большой том или же два. Главный

---

[a] *Далее зачеркнуто*: превосходной.

[b] *Далее зачеркнуто*: которую.

[c] *Слова*: Никита Петрович при сильной воле был, что называется бесхарактерным человеком — *вписаны над зачеркнутыми*: у Никиты Петровича была сильно развитая воля и полное отсутствие характера, которому домашнее, семинарское и академич<еское> воспитание не дало развиться.

* Он со многими враждебными ему стихиями или явлениями не боролся, а уходил от них, прятался, или просто не замечал их развития в себе и около себя, всегда поглощаемый глубоким внутр<енним> своим содержанием, накопленным богатством идей. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

труд — это издание передовых статей и вообще, все им писанное в «Сов<ременных> Изв<естиях>». У Гальперсон имеется почти полный экземпляр «Сов<ременных> Изв<естий>». — Издавать надо так, как предполагал Н<икита> П<етрович>, т. е. по вопросам, а не хронологически. Самые вопросы он предлагал представить в порядке от общего к частному: сперва начала, а потом их приложен<ие> к отд<ельным> фактам. Вот тут без Вашего содействия трудно обойтись. — Между тем время дорого и лицо, мне обещавшее помочь, может или умереть,[1] или отдумать, и предприятие надолго остановится. Как Вы мне посоветуете поступить? Мне никогда не приходилось ничего издавать и как<-то> дейст<вовать> в этом деле. — Хочется одновременно и не упустить материалов, кот<орые> тоже могут ускользнуть, при перемене службы и переездах лиц, кот<орые> мне содействуют, — и дело издания хочет<ся> поскорей подвинуть. — Не прицепятся ли кредиторы? [a]

Относительно беспокоящ<ей> Вас и меня особы [2] сообщу Вам следующее. После получения Вашего предыдущего письма я разыскал через адресный стол ее адрес и написал ей письмо, в котором просил сообщить мне тот матерьял, котор<ый> мог сохраниться у нее за [a] время участия ее в «Сов<ременных> Изв<естиях>». На это я получил дословно следующий ответ:

«В феврале текущего года исполнилось 25 лет моего служения в журналистике и я по этому случаю написала воспоминания о тех изданиях, в которых я работала.[3] “Совр<еменным> Известиям”, и следовательно, и их редактору-издателю, отведено большое место в этих воспоминаниях. Они будут печататься в наступающем октябре или даже в конце сентября. Из них Вы можете заимствовать многое для своего биографического сборника. Конечно, в моих “воспоминаниях” есть большие пробелы, но в настоящее время я пишу большую повесть

---

[1] Вероятно, речь идет о 75-летнем издателе К. Т. Содатёнкове.

[a] *Это предложение приписано зеленым карандашом.*

[2] Подразумевается М. С. Сковронская.

[a] *Далее зачеркнуто*: 10-лет<ний> период. *Позднее зеленым карандашом сверху над зачеркнутым*: период — *снова написано*: пер<иод>.

[3] Речь идет об очерке М. С. Сковронской «За четверть века».

и не имею времени писать что-либо другое. Если Вы не очень спешите, то сообщите мне свой петербургский адрес и я могу посылать Вам всплывающие иногда воспоминания, а также разъяснять встречающиеся Вам недоразумения или неточности».[1]

Это [b] покровительственным тоном написанное письмо меня сперва встревожило при мысли о том, что может она навспомнить про Н<икиту> П<етровича>. Я решил принять некоторые предварительн<ые> меры. Прежде всего с разре<шения> прокурора Суд<ебной> Палаты познакомился подробно с делом, возникшим по доносу С<ковронск>ой, и переписал все ее мерзкие наветы числом 10, — затем я отправился в цензуру и там объяснил, что за женщина сия особа, и добился следующего: всякое лит<ературное> предприятие, которое вздумала бы она затевать или во главе котор<ого> хотела бы встать — не будет разрешено; на ее воспоминания будет обращено самое строгое внимание и цензуровать будет мой приятель, получивший от меня соответствующие инструкции. Если же она захотела бы издать воспоминан<ия> отдель<ной> книгой с предварит<ельной> цензурой, то мне обещано присылать на мою цензуру. Надеюсь, Вы одобрите предпринятые меры. На бешеную собаку надевают намордник.

6*

А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 18 октября 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович.

Буду рад споспешествовать Вам, чем могу. Уверен, что Вы справитесь со всеми затруднениями не хуже меня, но, быть может, в некоторых случаях не был бы бесполезен и я.

---

[1] Письмо не датировано и подписано фамилией второго мужа: «Марья Богуславская». Обращение довольно фамильярное: «Князь Николай Владимирович!» Автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 101. Л. 1; опубликован выше.

[b] *Далее зачеркнуто*: несколько.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 6—6 об.

Лица, говорившие Вам о моей нелюбезности, судят по моему отношению к ним. Связывать память отца с их именами мне не хотелось. Поэтому в разговорах с ними я был либо резок, либо угрюмо отмалчивался.

Не могу не подивиться Вашей энергии и находчивости в деле об известной Вам особе. По всему видно, что Вы человек, в составлении биографии моего отца совершенно незаменимый.

Ваши сведения о процессе, хотя и идут из официального источника, не совсем точны. На моих глазах отец ездил благодарить кн. Долгорукова за прекращение дела. Об его вмешательстве говорил сам отец. Прекращение по «недостатку улик» не более, как официальная формула. Говорю об этом потому, что вмешательство князя еще более разозлило С<ковронск>ую. Не будь этого вмешательства, она подняла бы другое дело — по поводу Самарского голода.[1] Об этом она заявила мне сама, когда я ездил к ней просить ее отказаться от доноса. Разумеется, ее изветы свидетельствуют против нее, а не против отца. Но она смотрит на дело иначе. Ее «повесть», наверное, будет дополнением к «воспоминаниям». Одну повесть про отца она уже настрочила и напечатала, но я не помню где.[2] Теперь, когда отца уже нет в живых, она, быть может, обнажит всю свою душевную мерзость. В конце концов — пускай: кто будет читать ее словоизвержения? Лишь бы не публиковала отцовских писем.

Ваш А. Гиляров.

Жена Вам кланяется.

18 окт<ября> 1893.

---

[1] В связи с Самарским голодом, разразившимся осенью 1873 г., через редакцию «Современных Известий», как и ряда других изданий, люди жертвовали средства в помощь пострадавшим. См. публиковавшиеся в газете Гилярова списки под рубрикой «Пожертвования на голодающих самарцев»: *СИ*. 1873. 20 нояб. № 320; 26 нояб. № 326; 3 дек. № 333 (всюду с. 1). Видимо, и в этом случае не велось правильной отчетности, чем и собиралась воспользоваться М. С. Сковронская.

[2] Имеется в виду рассказ М. С. Сковронской «Страдания, мучения и гражданская смерть».

7*

Н. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 14 ноября 1893 г.

Многоуважаемый и дорогой Николай Владимирович!

В письме к мамаше моей Вы спрашиваете ее: продолжаю ли я писать историю «С<овременных> И<звестий>» [1] или заленился?

Хотя я и продолжаю писать, но очень медленно и с затруднениями: приходится касаться живых лиц, из коих в большинстве кроме худого сказать нечего. Что же касается лени, то ее у меня нет, а есть *болезнь*, напр<имер>, со мной часто случается дурнота и дрожание — причина, почему я до сих пор нигде не служу. Я не зря лежал в 3 больницах.

Сейчас не знаю, у какого доктора попросить [a] свидетельство о *неспособности*.

Ф<едор> Александрович,[2] у которого сегодня была мамаша с письмом Вашим, сказал, что свидетельство это [b] надо добыть у врача никак не вольнопрактикующего, а служебного, напр<имер> *частного* (полицейского). К одному из последних, в нашем участке, решил отправиться завтра. Что-то будет? Что-то будет?

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 113. Л. 1—2. На верхнем поле князь Шаховской пометил: «получ<ено> 16 н<оября>».

[1] Рукописи этих воспоминаний хранятся в ОР РНБ под названиями «Краткая история “Современных Известий”» (Ф. 847. Ед. хр. 357. Л. 1—6) и «Описание внешности, образа жизни, хозяйства и деятельности Никиты Петровича Гилярова-Платонова (на бумажной фабрике, в “Современных Известиях”, в период Сербско-турецкой войны» (Ф. 847. Ед. хр. 898. Л. 1—16). Опубликованы и откомментированы нами: 1) Н. П. Гиляров-Платонов и его газета: Из истории первой московской ежедневной газеты // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2009. Вып. 13. С. 353—382, ил.; 2) Неизвестные воспоминания о Н. П. Гилярове-Платонове: <*Гиляров Н. Н.* Воспоминания об отце (1893)> // *Гиляров: ИМБР*. С. 486—519. Порядок следования фрагментов воспоминаний определен нами в ходе изучения текста воспоминаний, однако он неоднозначен — в силу того, что сочинение не было завершено и отделано.

[a] *Это слово написано сверху над зачеркнутым*: взять.

[2] Назван Ф. А. Гиляров, двоюродный брат Н. Н. Гилярова.

[b] *Это слово вставлено над строкой*.

Когда мамаша подавала прошение о пенсии или вспомоществовании (800 р<ублей>) — был в нем упомянут я. Свидетельство же не было приложено. Но как бы то ни было, будем стараться сделать так, как Вы писали.

На днях мы переезжаем на другую квартиру, но еще не решили на какую, а потому, если будете писать мамаше, адресуйте пока[c] Федору Алекс<андровичу>, от которого и будем ждать передачи.

Желаю всего лучшего.

Уважающий Вас Н. Гиляров.

Ноябр<я> 14. 93 г.

8*

А. А. Гиляров[1] — князю Н. В. Шаховскому

Можайск, 12 января 1897 г.

12 января 1897 года.

Милостивый Государь Князь Николай Владимирович.

С покойным дядею моим Никитою Петровичем Гиляровым-Платоновым я никогда не был в близких отношениях, так что, к сожалению, не могу сообщить Вам тех сведений, которые Вам нужны для приготовляемой Вами к печати биографии Никиты Петровича. Но покойный мой брат Федор Александрович Гиляров[2] стоял к нему очень близко, и бумаги Федора Александровича, которые находятся у Анны Ивановны,[3] могут дать Вам много материала для означенной биографии. Эти бумаги суть:

---

[c] *Далее зачеркнуто*: по адресу.

* Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 111. Л. 1. Впервые опубликовано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 211.

[1] Александр Александрович Гиляров — тутор (старший воспитатель) и преподаватель Катковского лицея; младший сын священника А. П. Гилярова, старшего брата Гилярова-Платонова.

[2] Ф. А. Гиляров скончался 4 августа 1895 г.

[3] Анна Ивановна Гилярова — вдова Ф. А. Гилярова.

1) *Воспоминания* Федора Александровича, писанные им перед смертью;[1]

2) *Дневник* Федора Александровича, который он вел в юности, когда готовился к поступлению в университет;[2]

3) *Письма* Никиты Петровича;[3]

4) наконец, вообще *все* бумаги Федора Александровича, в которых *очень могут* случайным образом находиться также нужные Вам сведения.

Если у Вас найдется время и *хватит терпения прочесть* все упомянутые бумаги, то Вы извлечете оттуда, *я уверен*, много сведений, полезных для Вашей цели.

Прошу Вас принять уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Ваш покорнейший слуга А. Гиляров.

9*

А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 14 января 1897 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович.

Спешу ответить на Ваши вопросы следующее:

1) От всяких прав на имущество, оставшееся после отца, я формально отказался.

2) С Гальперсонами я никаких дел не имел и не имею. Но мне помнится, что вскоре после смерти отца в Киев приезжал Гальперсон и взял у меня (частным образом) письменное согласие на пользование какими-то бумагами — какими, я совершенно не помню. Кажется, дело шло об издании Политической

---

[1] Опубликованы, вероятно, с подачи князя Шаховского: Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА*. 1904. Кн. I, вып. 1. С. 175—188, Вып. 2. С. 326—364; Вып. 3. С. 465—496; Вып. 4. С. 604—621; Кн. II, вып. 5. С. 60—134; Вып. 6. С. 238—299.

[2] Хранится: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 740. Частично опубликован нами (фрагменты, обработанные Ф. А. Гиляровым для печати): *Гиляров: ИМБР*. С. 199—225.

[3] В архиве князя Шаховского находятся 56 писем, записок и телеграмм Гилярова-Платонова к Ф. А. Гилярову за 1862—1883 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 398, 399).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 7—7 об.

Экономии и философских трудов,[1] но достоверно сказать не могу. Зато достоверно то, что, прося моего согласия, Гальперсон мне заявил, что со стороны матери и брата согласие уже последовало. Зная отношение матери к Гальперсон в то время — она, как Вам известно, просила графа И. Д. Делянова о разрешении чете Гальперсон продолжать издание «Совр<еменных> Изв<естий>», — я в таком согласии не сомневался, и мне оставалось присоединиться. Зачем нужно было г. Гальперсону мое согласие после моего формального отречения, я не интересовался.

В бытность мою в Петербурге я заходил к Вам, но не застал Вас. Я об этом искренно сожалею, так как другой случай видеться с Вами едва ли скоро представится. Тогда же я хотел вручить Вам свою брошюру,[2] которую позволяю себе послать Вам теперь.

Искренно уважающий Вас А. Гиляров.

14 янв<аря> 1897.

10*

Н. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 23 января 1897 г.

Высокоуважаемый Николай Владимирович!

Спешим Вас уведомить, что я и [a] мамаша в первый раз слышим фамилию какого-то Кролау.[3]

---

[1] Речь шла, по-видимому, о готовившихся в то время А. М. Гальперсон к публикации трудах Гилярова «Основные начала экономии» и «Об онтологии Гегеля» (опубликованных, соответственно, в 1889 и 1891 гг.).

[2] Скорее всего, речь идет о книге: *Гиляров А. Н.* Старые поэты в новых русских переводах: Данте, Боккаччьо, Ариост, Сервантес, Байрон: Крит. очерк с точки зрения учения о поэзии как выражении вселенского Логоса. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1895. <2>, IV, 166 с.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 113. Л. 3.

[a] *Было*: ни я, ни.

[3] Речь идет о документе, подписанном обоими сыновьями Гилярова и его вдовой. См. его копию: Свидетельство о продаже права собственности на все литературные и научные труды Гилярова-Платонова, данное губернскому секретарю Александру Николаевичу Кроллау. 30 апреля 1888 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 201. 1 л.). С. И. Гальперсон пояснял в письме к А.

Что за история?!....

С глубоким почтением готовый к услугам

Н. Гиляр<ов>.

23 янв<аря>.

11*

А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 30 мая 1897 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович.

Не известен ли Вам адрес Гальперсонов, и если известен, не будете ли Вы так любезны сообщить мне его? На меня, как Вы увидите из прилагаемого письма, возводится весьма тяжкая и гнусная клевета. Выяснить, откуда идет этот подлый навет, могут только Гальперсоны, и мне поэтому необходимо с ними списаться.

Прилагаемый документ заставил меня вспомнить о факте большой важности, о котором раньше я совершенно позабыл. Когда в Киев приезжал по делу об отцовских бумагах Гальперсон, вопрос шел об обеспечении матери какой-то суммой за продажу права на оставшуюся после отца литературную собственность, что̀, кажется, и было оговорено в условии; мое же письменное согласие нужно было для покупателя лишь как свидетельство, что с моей стороны никаких препятствий к заключению сделки быть не может. К сожалению, я безусловно забыл, в какой форме была заключена сделка, и я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы мне сообщили те сведения, которые Вы по этому делу имеете.

Н. Гилярову от 11 октября 1897 г., отвечая на его запрос: «Что касается вообще переуступки прав на владение бумагами Вашего отца, то позволю себе напомнить Вам, при каких обстоятельствах это совершилось: боясь, что Николай Никитич продаст или уничтожит их, Вера Алексеевна обратилась ко мне с просьбою продать их. Не имея возможности в то время их купить, я просил об этом своего знакомого Кроллау, который и согласился заплатить деньги Вере Алексеевне и Николаю Никитичу за эти бумаги, с тем чтобы бумаги были взяты мною обратно с уплатою ему следуемой суммы или перепроданы мною другому лицу» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 951. Л. 1).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 8—8 об.

Искренно Вас уважающий А. Гиляров.

Мой летний адрес:

Боярка (Юго-Запад<ная> ж<елезная> д<орога>), дача Семена Духлея.

Боярка, 30 мая 1897.

12*

А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 12 октября 1897 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович.

Посылаю Вам полученные от Гальперсона письмо и копию с акта. Радуюсь, что теперь, с переходом бумаг в собственность К. П. Победоносцева,[1] Вы не встретите никаких помех и неприятностей в Вашем труде. Отрадно мне и то, что всё, что̀ я говорил Вам, оправдывается вполне и безусловно.

От души желаю Вам всего хорошего и, между прочим, успешной борьбы с московскими цензорами, которые, судя по газетам, сообщающим об их подвигах, — позор для нашего просвещения.

Ваш А. Гиляров.

Киев, 12 октября.[2]

13*

А. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Можайск Московской губернии, 11 июня 1899 г.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 9.

[1] С. И. Гальперсон сообщал А. Н. Гилярову в письме от 11 октября 1897 г.: «…для того, чтобы увековечить имя Никиты Петровича, поставить ему памятник на могиле и помочь в то же время и Вере Алексеевне, Анна Михайловна переуступила безвозмездно свои права, перешедшие к ней от Кроллау, К. П. Победоносцеву. Он с своей стороны обещал издать труды Никиты Петровича на свои средства, распространять их и на собранные деньги все устроить» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 951. Л. 1 об.).

[2] На обороте последней страницы письма (л. 10 об.) черновой набросок стихотворения князя Шаховского: «Брось [свое] писать стихотворень[е]я / [Я прошу тебя, прошу:] Перестань грешить / Эти вирши, без сомненья, / Не любовь, а отвращенье / Могут возбуд<ить>»; далее написано: «Очень прекрасно / Хорошо / Ужасно слаб / 1897».

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 111. Л. 2.

Многоуважаемый Князь Николай Владимирович.

Вера Алексеевна Гилярова-Платонова просила меня обратиться к Вам. Она так слаба, что сама не может писать. Дело в том, что ее денежные дела настолько плохи, что она задолжала даже кухарке 100 р. и никак не может выбиться из этой тяжкой и унизительной зависимости от прислуги. Поэтому она всепокорнейше просит Вас, нельзя ли исходатайствовать в ее пользу часть тех денег, которые получатся от продажи сочинений Никиты Петровича.[1] В случае благоприятного исхода напишите, пожалуйста, письмо, но не к ней, а ко *мне*: А. А. Гилярову, Можайск, бывшая фабрика Пономарева (имение Мелких). К ней писать нельзя, потому что ее сын в настоящее время опять страдает грациозною «болезнью». В таком состоянии он перехватывает письма, рвет их, а если деньги увидит в руках матери, то вымогает их угрозами, прямо отнимает и т. д.

Искренно уважающий Вас и преданный Вам А. Гиляров.

11 июня, 1899 г.

3.15. Переписка князя Н. В. Шаховского с К. П. Победоносцевым (1893—1906)

1*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 21 июня 1893 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Благодарю за присланные брошюры.[2]

---

[1] Речь идет об издании: *Сб. соч*. Доходы от его продажи впоследствии регулярно отсылались В. А. Гиляровой-Платоновой.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 1—1 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «*получил 2 июля 1893 г.* / отв<етил> 3 июля».

[2] Имеются в виду работы: *Шаховской Н. В., кн.*: 1) Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893. 84 с.; 2) Никита Петрович Гиляров-Платонов о Прибалтийском вопросе: («Соврем<енные> Изв<естия>» 1885—1887 гг.). Ревель, 1893. 18 с., предварительно по частям печатавшиеся в «Ревельских Известиях».

Я отыскал у себя несколько писем Гилярова и письмо Аксакова о Гилярове.[1] Не знал, где Вы — теперь вижу, что в Москве.[2] Если еще долго пробудете, я прислал бы Вам туда эти письма — в противном случае подожду Вашего возвращения.

К сожалению, не помню, куда девалось у меня огромное письмо Гилярова, где он описывал свою деятельность по Типографии.[3]

Душе<вно> пре<данный> К. Победонос<цев>.

Пбург 21 июня 1893.

2*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, начало июля 1893 г.

Сердечно благодарю Вас, почтеннейший Князь Николай Владимирович, за присланный оттиск статьи Вашей.[4] Я прочел ее с величайшим интересом — Вы

---

[1] Скорее всего, речь идет о письме И. Аксакова к Победоносцеву из Ялты от 15—18 марта 1885 г. (в архиве князя Шаховского находится машинописная копия части письма: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 581. Л. 2—3 об.), где, в частности, говорилось: «Посещал меня во время болезни Никита Гиляров и как-то один вечер прелестно излагал мне внутренний строй церковного богослужения, — целый курс, значение всех кондаков, тропарей, их внутреннюю необходимость, органическую связь. Удивительно даровитый человек! Заслушаешься. По его словам, это требовало бы целой кафедры. Тогда бы богослужение, теперь окристаллизовавшись, представляющее теперь б<ольшею> ч<астью> интерес архаический, получило бы живой и животворящий смысл. Этого человека следовало бы, прежде всего, высечь; потом освободить от долгов, вырвать из московской среды (он теперь, слава Богу, живет опять с женой), запретить ему газетную деятельность и пристегнуть к твоей канцелярии: пусть пишет курсы богословия и проч. и проч. Грех не воспользоваться его талантами, но сам он с собой не справится, если не взять его в руки» (Там же. Л. 3—3 об.).

[2] Очевидно, Победоносцев отвечает на посылку князя Шаховского с брошюрами, отправленную из Москвы.

[3] Имеется в виду письмо Гилярова к Победоносцеву от 8 ноября 1883 г. (опубл. нами: *Разумевающие верою*. С. 205—216).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 156. Л. 2—2 об. Датируется по содержанию и связи с предыдущим и последующим письмами.

[4] Скорее всего, речь идет о статье: *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова. Племянник Гилярова-Платонова, Ф. А. Гиляров, перепечатав в своем журнале «Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами» (1893. 22 сент. № 2005. С. 1—2) эту статью, отмечал: «…доныне еще никто с такою чрезвычайною верностью понимания не оценивал покойного Н. П. Гилярова-Платонова, как удалось этому талантливому кн. Шаховскому» (Там же. С. 1).

знаете, как и мне дорога память покойного Никиты Петровича. По Вашему слову, от Вас слышанному, жду с нетерпением появления первого Тома Статей его. Здравствуйте.

Душою пред<анный> К. Победоносцев.

Следовало бы перепеча<та>ть в «Русском Обозрении» письма его, помещенные Вами в «Ревельских Известиях»,[1] — кто их видит и читает? Оттиски, которые Вы прислали мне, у меня расхватали.

3*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

Царское Село, 17 июля 1893 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

У меня нашлось в бумагах прилагаемое письмо Аксакова о Гилярове[2] и письмо о том же Манассеина, бывшего прокурором Моск<овской> Суд<ебной> палаты.[3] Посылаю Вам.

Трудно разыскать переписку Гилярова, о коей Вы упоминаете, но при случае справлюсь. Желтухина я хорошо знал, но он давно уже умер, и где его вдова, и где его бумаги, не знаю. Тем менее знаю о Вениамине и Иоанне. О каком Сергиевском пишете, не знаю — Вы называете его В. А., но я знаю двух — и оба

---

[1] В брошюре: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893 — Шаховской напечатал бо2льшую часть писем Гилярова, адресованных ему.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 2—3. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «получ<ил> 19 июля».

[2] Судя по контексту, имеется в виду письмо И. Аксакова 1877 г. к Победоносцеву по поводу следственного дела против Гилярова, инспирированного по доносу М. С. Сковронской. Это письмо нам неизвестно, в архиве князя Шаховского его нет.

[3] Имеется в виду письмо Н. А. Манасеина к Победоносцеву от 27 декабря 1877 г. (опубл. нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 408—411). Николай Авксентьевич Манасеин (1835—1895) занимал пост прокурора Судебной палаты в Москве в 1870—1877 гг.; позднее, в 1877 г., при поддержке Победоносцева возглавил департамент Министерства юстиции, а в 1885 г. стал министром юстиции.

Николаи [1] — один известный Вил<енский> Попечитель и был знаком хорошо Гилярову. Спрошу у него.

Вы мне прислали брошюрку о Гилярове — оттиск из «Рев<ельского> Л<истка>».[2] Я послал ее Рачинскому.[3] Нет ли у Вас другого экз<емпляра>?

Поименованные у Вас статьи Гилярова из «Русской Беседы» — следовало бы собрать в одну книжку — полагаю, что она разошлась бы. — Его передовые статьи из «Совр<еменных> Изв<естий>» тоже следует издать, или хоть выборку из них.

Душев<но> пред<анный> К. Победоносцев.

17 июля 1893. Цар<ское> Село.

4*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 3 ноября 1893 г.

Княгиня Елизавета Дмитриевна[4] прислала мне эти документы и просит по прочтении переслать их Вам для доставления ей.

Пр<еосвященный> Амвросий [5] не имеет писем Гилярова.

---

[1] Имеются в виду полные тезки: протопресвитер Николай Александрович Сергиевский (1827—1892), духовный писатель, заслуженный профессор Московского университета, и Николай Александрович Сергиевский (1833—1900), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода; затем — директор Канцелярии обер-прокурора (1866—1869), попечитель Виленского учебного округа (1869—1899).

[2] Подразумеваются «Ревельские Известия».

[3] Сергей Александрович Рачинский (1833—1902) — педагог, один из инициаторов церковноприходского образования, ботаник и математик; многолетний корреспондент Победоносцева.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 4. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «получ<ил> 3 ноябр<я> 93».

[4] Княгиня Елизавета Дмитриевна Шаховская (ур. графиня Милютина; 1844—1939) — жена князя С. В. Шаховского (1852—1894), благотворительница; невестка князя Н. В. Шаховского.

[5] Протоиерей (с 1864 г.) Алексей Иосифович Ключарев (в монашестве, с 1877 г., Амвросий; 1820—1901) — епископ Можайский (в 1878 г.), Дмитровский (с 1878 г.), Харьковский и Ахтырский (с 1882 г.; архиепископ с 1886 г.); проповедник, миссионер, издатель. Князь Шаховской надеялся, что у него могли быть письма Гилярова, поскольку они (наряду с Победоносцевым и протоиереем С. И. Зерновым) составляли Московский комитет по вспоможению

К Сергиевскому писал, но не имею ответа.

Здравствуйте.

К. Победонос<цев>.

3 нояб<ря> 1893.

5*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

С.-Петербург, середина декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Уезжая сегодня на некоторое время в Москву, позволяю себе еще раз просить Вас не оставить без Вашей поддержки поданной мною в прошлую пятницу 10 декабря, по поручению Веры Алексеевны Гиляровой-Платоновой, прошения на Высочайшее имя. Рихтер,[1] по болезни, не мог лично меня принять и предложил мне дождаться его выздоровления для личных объяснений; но я не счел себя вправе тянуть это дело и представил прошение барону Будбергу,[2] [a] который находил весьма важным для успеха прошения (о назначении пожизненной пенсии) [b]

6*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

беднейшим ученикам духовного звания, основанный великой княгиней Еленой Павловной в сентябре 1865 г. Вся эта фраза подчеркнута князем Шаховским, слово «Гилярова» — дважды.

* Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 12—12 об. Датировано по указанию, что 10 декабря пришлось на пятницу (это было в 1893 и 1899 гг.), и упоминанию хлопот по назначению пенсии В. А. Гиляровой-Платоновой.

[1] Генерал от инфантерии Оттон Борисович Рихтер (1830—1908) с июня 1884 г. по март 1895 г. возглавлял Канцелярию прошений, на Высочайшее имя приносимых при Императорской Главной квартире.

[2] Инженер барон Александр Андреевич фон Будберг (1865—1914) — в 1893—1895 гг. начальник Канцелярии прошений, на Высочайшее имя принимаемых.

[a] *Далее зачеркнуто*: которого особенно заботило, имеется ли кто-либо из влиятельных лиц для того, что<бы>.

[b] *На этом текст обрывается*.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 5. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «пол<учил> 6 ян<варя> Мо<сква>».

С.-Петербург, 5 января 1894 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

Посылаю Вам несколько писем Гилярова, доставленные мне Н. А. Сергиевским.

К. Победоносцев.

5 янв<аря> 1894. Пб.

7*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 17 декабря 1896 г.

Москва, Спиридоновка, свой дом.

17 дек<абря> 1896 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Несколько лет тому назад Вы передали Е. В. Барсову [1] письма Н. П. Гилярова-Платонова к Вам. Барсов отдал эти письма бывшей сотруднице «Современных Известий» г-же Гальперсон, владеющей некоторыми письмами и документами, принадлежавшими Никите Петровичу. От нее я получил копии со всей Вашей переписки с Гиляровым, равно и с некоторых других бумаг, имеющих значение для биографии Гилярова.

Теперь, переселившись из Москвы в Петербург, г-жа Гальперсон извещает меня, что она собирается сама распорядиться письмами и рукописями Гилярова, у нее хранящимися. Извещаю Вас об этом на тот конец, чтобы Вы имели время воспрепятствовать, буде пожелаете, могущему последовать обнародованию Вашей переписки с Гиляровым, бó2льшая часть коей, на мой взгляд, вряд ли в настоящее время подлежала бы оглашению.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 1—2 об.

[1] Елпидифор Васильевич Барсов — историк литературы, этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь древнерусской письменности, археограф. Близкий друг Гилярова (снимал квартиру по соседству, в том же доме) и Победоносцева.

Письма Никиты Петровича к Вам составляют Вашу собственность, которой никто, без Вашего согласия, не вправе распоряжаться. Мне Вы предоставили это право, но, ввиду приведенного выше заявления г-жи Гальперсон и того обстоятельства, что подлинники хранятся у нее, я опасаюсь, как бы она не вообразила, что она имеет право распорядиться перепиской.

Сообщаю Вам адрес Гальперсон (Анна Михайловна — СПб., Вас<ильевский> Остр<ов>, 2-я линия, д. № 3, кв. № 10) — на тот случай, если бы Вы пожелали истребовать от нее к себе Вашу переписку с Гиляровым, которой во всяком случае не место оставаться в таких руках.

Князя А. А. Ширинского-Шихматова,[1] собирающегося на днях в Петербург, я просил передать Вам лично некоторые подробности, касающиеся настоящего дела, которыми я не решаюсь утруждать Вашего внимания в письме.

С глубоким почтением искренно Вам преданный Кн. Н. Шаховской.

8*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 30 декабря 1896 г.

Г-жа Гальперсон была у меня сегодня, Князь Николай Владимирович, и привезла письма Гилярова ко мне. Я уже переслал Вам письмо ее. Она в некоторой претензии на то, что Вы помещаете некоторые письма Гилярова в «Русском Обозрении». Она показывала мне нотариальный акт, коим наследники передали ей право литературной собственности на все писанное Гиляровым. Дабы приступить к изданию, она не имеет средств и ждет случая. Между проч<им> говорит, что у нее собран уже Сборник всех напечатанных в *журналах* статей Гилярова. Но издателя нет, и Вы будто бы не находите. Но я думаю,

---

[1] Князь Андрей Александрович Ширинский-Шихматов (1868—1927), статский советник, чиновник Министерства внутренних дел (с 1892 г.), саратовский губернатор (1913—1915); был известен как кинолог, охотовед, охотник-медвежатник. После кончины князя Шаховского он и В. А. Лебедев сдали его бумаги в Публичную библиотеку.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 6—6 об. Л. 5. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «1896».

такой Сборник разошелся бы и по кр<айней> мере окупился бы. Приходит на мысль, что, может быть, решился бы я издать его на Типографские средства,[1] с тем чтобы за покрытием расходов остальное пришлось владельцам. Я сказал г-же Гальперсон, чтоб она прислала мне точный список всех статей предполагаемого Сборника. Спешу Вас об этом уведомить.

К. Победонос<цев>.

30 дек<абря> 1896. Пб.

9*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 2 января 1897 г.

Москва, Спиридоновка, свой дом.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Из Вашего письма [2] я в первый раз узнаю о том, что г-жа Гальперсон имеет права литературной собственности на все писанное Гиляровым. Мне было известно только, что наследники Гилярова, ввиду оставшихся после его смерти больших долгов, отказались от наследства; бумаги же Никиты Петровича, еще при его жизни, были перевезены к г-же Гальперсон и потому в руки семьи, где они должны были бы находиться, не попали. О последнем обстоятельстве сообщает мне вдова Гилярова в письме, при сем прилагаемом.[3] Впрочем, для меня

---

[1] То есть на средства Московской Синодальной типографии.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 76. Л. 12—15. В той же единице хранения (л. 1—11 об.) находятся два первоначальных черновых варианта этого письма и заготовка к нему, публикуемая в *Приложении*.

[2] Местонахождение этого письма не установлено, но не исключено, что оно не было напрямую обращено к князю Шаховскому, а передано ему через его друга князя А. А. Ширинского-Шихматова, сохранилась записка Победоносцева от 30 декабря 1896 г.: «Не зная адреса К<нязя> Шаховского, прошу Вас передать ему прилагаемое письмо. К. Побед<оносцев>. 30 дек<абря>» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 979. Л. 1).

[3] Приведем эмоционально окрашенное начало статьи, сохранившееся в двух черновых вариантах: «Не понимаю, какой нотариальный акт показывала Вам г-жа Гальперсон, когда вдова Никиты Петровича и его старший сын, при ней находящийся, *категорически* утверждают, что они *не продавали* и *не передавали* Гальперсон бумаг Гилярова и никаких с нею нотариальных актов не заключали. Наследники Гилярова, ввиду оставшихся после его смерти больших долгов, отказались от наследства; бумаги же Н<икиты> П<етрович>а, еще при его

совершенно безразлично, кто собственник Гиляровского архива, так как в этом архиве, за исключением писем к Вам — Н<икиты> П<етро>вича и его писем к Романову*, содержатся документы, имеющие для моего труда о Гилярове *второстепенное* значение.

Действительно, я повинен в том, что напечатал некоторые документы из архива Гилярова, не списавшись о том предварительно с г-жою Гальперсон; но ведь не в свою же я пользу печатал их, а для помощи в нужде вдове Гилярова, которой я и вручил (в чем имею расписки) за напечатанное — 158 р. [1] Да еще в этот гонорар взошел почти в половинной доле мой собственный дар: именно стоимость собранных мною самим (*не* из Гальперсоновского собрания) документов, которых я единственный собственник. — Ну, напечатал так напечатал: с кем

жизни, были перевезены к г-же Гальперсон и потому в руки семьи, где они должны бы были находиться, не попали. По получении, через Кн. Ш<иринского>-Шихматова, письма Гальперсон к Вам, я его дал прочитать Вере Алексеевне Гиляровой-Платоновой и получил вслед за сим от нее письмо, при сем прилагаемое, из которого Вы изволите усмотреть, что утверждение г-жи Гальперсон, будто рукописи Н<икиты> П<етровича> ею куплены у наследников, вдова Гилярова называет даже “клеветою”» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 76. Л. 1).

* Оба эти материала не входили первоначально в семейный архив Гилярова и переданы были г-же Гальперсон после смерти Н<икиты> П<етрови>ча и *не* наследниками его. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского*.>

[1] Речь идет о публикации князем Шаховским не исследовательских статей о Гилярове, а материалов из его архива: Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Письмо Гилярова к М. П. Погодину об открытии при Московской Духовной Академии миссионерского отделения <от 21 июля 1854 г.>; II. Письмо Гилярова к А. В. Горскому об обер-прокуроре Св. Синода А. П. Толстом как представителе «Оптинского» православия <от 4 октября 1856 г.>; III. Письма к И. С. Аксакову <от 28 января 1860 г., 7 февраля 1874 г., 15 января 1876 г., 22 августа 1880 г.>; IV. Письмо к неизвестному лицу (от 28 июля 1876 года) о возбуждении умов в России в 1876 году, о стихийной борьбе принципов, о двух типах народов: народах-хищниках и народах-рабочих; V. Письмо к Н. А. Алексееву по поводу вопроса о подаче Московскою Городскою Думой адреса по случаю покушения на жизнь генерала Мезенцева; VI. Письмо к М. О. Кояловичу <от 18 декабря 1863 г.>; VII. Письмо к графу Льву Николаевичу Толстому / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 988—1014; Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.>; II. Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии; III. Письмо к Штекеру о социальном значении еврейства <1880>; IV. Два письма к А. Д. Желтухину (об издании газет и служении сословию, о положении сословий накануне крестьянской реформы, о лубочных картинах) <1859> / Сообщ. князь Н. В. Шаховской // Там же. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—470; Докладная записка в Московский цензурный комитет (июня 26 дня 1859 года) ценсора Никиты Гилярова-Платонова <по поводу издания книги П. В. Жадовского «Житейские сцены»> // Там же. 1898. Т. 49, февр. С. 911—917; отд. отт.: [М., 1898.] 8 с.

промашек не бывает! Это вещь всегда поправимая при искренних отношениях. Но разыграть такое дело, какое разыграла г-жа Гальперсон, — это уж слишком! Самый тон последовавших за сим ее писем ко мне какой-то инквизиторский; она одновременно пишет и мне, и вдове Гилярова, наводя у нее справки обо мне: давно ли она меня видела, да точно ли я ей передал деньги, да в самом ли деле трудно было ее положение. Это недоверие, эта двуличность более всего меня возмутила. Когда на ее требования объяснить цель, для которой я печатал материалы в сыром виде, я ответил, что целью моею было выручить вдову Гилярова из нужды, она мне затем писала (от 14 дек<абря>): «Я очень рада, что Вера Алексеевна получит облегчение своего материального положения благодаря напечатанным Вами письмам Никиты Петровича, и я не стану возражать против передачи ей гонорара. Я бы и сама напечатала кое-что для Веры Алексеевны, если б знала, что нужда ее продолжается». Стало быть, Гальперсон одобряет мою цель, на том бы, казалось, и кончить. Нет, она заключает письмо следующими строками: «Но тот материал, который добыт Вами от меня, я бы покорнейше просила не печатать. С теми письмами и рукописями Никиты Петровича, которые хранятся у меня, я нашла способ распорядиться, на мой взгляд, *целесообразнее* в интересах имени Гилярова»*.

Это выходит какая-то исправительная мера. И это после того, как мною было употреблено столько труда хотя бы на разбор, списывание и сортирование по годам и числам месяцев одних в беспорядке у нее находившихся документов! Высота тона, которую она забрала по отношению ко мне, далеко не соответствует достоинству материалов, коими она обладает, и я очень рад, что на Ваших глазах развертывается это дело и что у нас есть авторитетный свидетель. Покуда я питался млеком ее собрания документов, я все воображал, что нет ничего важнее их для биографии Гилярова; но с тех пор как я потрудился сам над добыва-

* По получении этих строк я предварил Вас о том, что г-жа Г<альперсон> собирается сама распоряжаться находящимися у нее рукописями Н<икиты> П<етрович>а, п<отому> что т<аким> о<бразом> Ваша переписка с ним может несвоевременно попасть в печать; а равно предварил я и Романова. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского*.>

нием материалов, я вкусил твердой пищи и узнал истинную силу Гальперсоновского хранилища.

Не откажите, Константин Петрович, выслушать краткий перечень того, что собрано мною самим трехлетним упорным трудом разыскивания и списывания в архивах цензуры (в Мин<истерстве> Народ<ного> Просв<ещения>; Гл<авном> Упр<авлении> по д<елам> печати и Моск<овском> Ценз<урном> Ком<итете>), Хоз<яйственном> Упр<авлении> Св. Син<ода>, Моск<овском> Окр<ужном> Суде, а также в Румянц<евском> музее, — что добыто мною путем личных и письменных сношений с разными лицами, — и Вы увидите, что мною собран огромный материал (в несколько раз превышающий архив Гальперсон) *первостепенного* по важности значения для моей работы о Гилярове. — Мною списаны целиком за семь лет цензорства Гилярова (с 1856—1862) его доклады по цензуре, его объяснения по поводу многих полученных от начальства выговоров и замечаний (с выпискою мест статей, подавших к тому повод); попутно извлечены мною из архивов цензурные истории славянофильских «Московских Сборников» (1852 г.) и Аксаковских изданий «Паруса», «Дня» и отчасти «Москвы»; мною затем списаны «дела» — о командировании Гилярова за границу по еврейскому вопросу,[1] о запрещении цензурою к печати его рукописи по этому предмету [2] и извлечена уцелевшая часть самого труда;[3] я добыл сведения — о занятиях его в Комиссии по пересмотру устава о книгопечатании в 1863 г., об обстоятельствах увольнения его из цензоров, о поручении, данном ему Головниным, — написать историю Мин<истерства> Нар<одного> Пр<освещения>, и

---

[1] Дело о поручении цензору Московского цензурного комитета Н. П. Гилярову-Платонову во время заграничного отпуска ознакомиться с устройством заграничных раввинских училищ и еврейской литературой (18 мая 1857 г. — 4 марта 1860 г.) // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4144. 35 л.

[2] Дело о запрещении сочинения Н. П. Гилярова-Платонова «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах» как ставившей вопрос, не разрешенный к обсуждению в общественном порядке (25 февраля — 21 апреля 1861 г.) // Там же. Д. 5630. 20 л.

[3] Опубликовано князем Шаховским в составе его статьи «Н. П. Гиляров-Платонов о евреях» (*РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185) и нами — по цензурному делу: *Гиляров: ИМБР*. С. 245—264.

списал из «дела» представленную им программу труда.[1] Из архива Хоз<яйственного> Упр<авления> Св. Син<ода> мною извлечено тоже много данных[*] по вопросам, относящимся к деятельности Гилярова по управлению Моск<овской> Синод<альной> Типографией. — Мною затем списано хранящееся в архиве Главн<ого> Упр<авления> по д<елам> печати все цензурное дело о «Современных Известиях», составляющее 2 больших тома. Забыл еще упомянуть, что благодаря любезности профессора Корсунского я достал копии (за снятие копий уплачивал) с писем Гилярова к А. В. Горскому, а также с некоторых обширных докладов профессора Гилярова в конференции Моск<овской> Дух<овной> Академии. Боюсь утомить Вас исчислением всего мною самим добытого, прибавлю только, что мною путем личных и письменных сношений получены подлинные письма Гилярова: к Аксаковым, гр. Блудовой, Ю. Ф. Самарину, Еп. Вениамину, А. В. Горскому, И. В. Павлову, Норову, гр. Л. Н. Толстому, Н. А. Сергиевскому (через Ваше посредство), А. П. Гилярову, М. О. Кояловичу.

Согласитесь сами, статочное ли это дело, чтобы я, собрав такой важный материал, которым я могу располагать по моей воле, отдал себя из-за нескольких бумажек в кабалу к г-же Гальперсон, которая к тому же считает себя вправе налагать на меня исправительные взыскания за оттенки отношения моего с ее материалом. Да ни за что! Я так вообще занят своими служебными обязанностями, что никаких на себя обязательств перед кем бы то ни было брать не могу и не хочу; я поэтому *решительно отказываюсь сам от пользования документами, у г-жи Гальперсон хранящимися*. Пусть она сама «целесообразнее моего в интересах имени Гилярова» употребит имеющийся у нее материал и на основании

---

[1] Впервые опубликовано князем Шаховским: *Сб. соч*. Т. II. С. 141—147.

[*] 1) о праздновании 300-летия Моск<овской> С<инодальной> Тип<ографии> (1564—1864 г.); 2) об изменении штатов М<осковской> С<инодальной> Т<ипографии> в 1866 г., 3) о найденных в М<осковской> Син<одальной> Т<ипографии> фресках, 4) о смете Син<одальной> Т<ипографии> на 1864 г., 5) об уничтожении дефектов, 6) об изменении правил по продаже синод<альных> книг через комиссионеров, 7) об издании церковного календаря, 8) о печатании полного собрания творений св. Тихона Задонского, 9) об изготовлении венчиков в Типографии, 10) о печатании в заглавии богослужебных книг слова «богодухновенный», 11) о ревизии М<осковской> Син<одальной> Т<ипографии>, произведенной В. А. Лавровым летом 1868 г. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского*.>

его попробует составить биографию Гилярова. Да я наконец вовсе не намерен писать биографии Гилярова, как того, по-видимому, теперь* требует владетельница материалов. Познакомившись главным образом из архива самого Гилярова, у Гальперсон хранящегося, с обстоятельствами производившегося в М<осковском> Окр<ужном> Суде следствия по доносу о растрате Гиляровым денег, пожертвованных в пользу славян в 1877 и 78 гг.,[1] узнавши подробности отношений его к сотруднице Сковронской и другим редакционным дамам и обстоятельства его семейной жизни, я решил вовсе не касаться его частной жизни и личных дел, а ограничить свою задачу изображением его литературных, служебных и общественных трудов. Поэтому я в моих писаниях и не придерживаюсь строгого исторического пути, а делюсь постепенно теми вопросами, по которым собрано у меня более всего материала. Так, в январской книжке «Русского Обозрения» должна появиться моя обширная статья «Гиляров об евреях» (для коей весь материал добыт мною *не* из Гальперсоновского собрания); затем написана часть статьи[a] об отношении Г<иляров>а к истории Рус<ской> Церкви;[2] подготовлена к напечатанию статья об отношении Г<иляров>а к цензуре и печати; подобран материал для статьи об основании «Современных Известий» и первых цензурных промахах газеты.[3] Для последней существенным материалом могла бы служить Ваша переписка с Гиляровым, о пользовании которой покорнейше Вас прошу подтвердить данное мне Вами ранее разрешение.

Мне совестно отнимать у Вас дорогое время, но дозвольте, Константин Петрович, высказать до конца. Из письма Вашего я вижу, что г-жа Гальперсон

---

* Никаких вообще уговоров о способе употребления материалов с г-жою Гальперсон у меня не было, каких-либо возражений с ее стороны против того, как я ими до сего времени пользовался в статьях, тоже не было; а я в статьях не придерживался последовательно-биографической системы изложения. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

[1] См. изданные нами «Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879)», собранные князем Шаховским (*Гиляров: ИМБР*. С. 336—428).

[a] *Было*: статья.

[2] *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской церкви» преосв. Макария // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

[3] Эти материалы вошли в Предисловие князя Шаховского к «Сборнику сочинений» Гилярова.

уверила Вас, будто у нее собран сборник журнальных статей Гилярова. Не знаю, как собрала она его в Петербурге, но до ее отъезда из Москвы был собран материал для сборника только *мною*, да не на словах, а на самом деле. Для этого я изрезал «Русскую Беседу» за все годы ее издания, выписал «Православный Собеседник» за 1863 г. (где помещена была статья Г<иляров>а о папе Формозе), списаны своеручно в Рум<янцевском> музее статьи Г<илярова> из «Дня», достал у покойного Ф. А. Гилярова выписку из «Журнала Землевладельцев» за 1858 г., достал статьи Г<илярова> из «Руси»; некоторые статьи хранились у меня как подарок самого Гилярова. Помнится, что г-же Гальперсон я сообщал названия статей. Да и издателя я нашел, о чем, помнится, я Вам говорил и даже писал. Издать соглашается Сытин, желающий потрудиться для памяти Н<икиты> П<етрович>а. Я предполагал с своей стороны снабдить статьи примечаниями и предпослать им краткую биографию Гилярова, но для исполнения этого не находил достаточного досуга. Госпоже Гальперсон известны мои переговоры с Сытиным (а равно предполагавшееся ранее обращение к Солдатенкову). Когда мы с нею обсуждали вопрос об издании, нас смущало опасение, как бы ввиду отказа наследников Г<иляров>а от наследства не прицепились к книге кредиторы покойного Гилярова и не воспользовались продажными деньгами, которым мы предполагали дать два назначения: а) на сооружение Гилярову памятника могильного (ибо до сих пор стоит только железный крест) и б) остаток вдове Гилярова. О праве же собственности г-жи Гальперсон при сем никогда не возникало речи. — Теперь же раз г-жа Гальперсон заявила Вам, что у нее собран сборник журнальных статей Гилярова и она Вам представит *самые статьи*, то, разумеется, не следует медлить в его издании. Хотя я и отстраняюсь ныне от участия в издании сборника, но все же я рад, что указанная цель побудила меня к собранию всех журнальных статей Гилярова, так как в пользовании этим материалом мне не предстоит, по-видимому, никаких нравоучительных неприятностей.

Позвольте засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение и искреннюю преданность.

Кн. Н. Шаховской.

2 янв<аря> 1897 года.

P. S. Сейчас припомнил, что сама г-жа Гальперсон не особенно стеснялась чужим дозволением в опубликовании документов. Так, в газете «Русское Дело», издававшейся в Москве Шараповым, напр<имер> в № 41 за 1888 год (от 8 октября), напечатаны без моего спроса выдержки из писем Гилярова ко мне, а также, вряд ли с Вашего ведома, выдержки из писем Гилярова к Вам. — Напечатаны между прочим извлечения из следующих писем Гилярова к Вам: от 20 окт<ября> 1867 г., от 24 окт<ября> 1867 г., от 9 янв<аря> 1868 г. Вот все, что мне удалось пока найти в тех №№ «Русского Дела», которые у меня под руками. Таким образом, те письма, на пользование коими я теперь прошу Вашего разрешения, уже отчасти переданы были в печать г-жою Гальперсон. Согласитесь, что предостережение мое относительно возможности несвоевременного оглашения Вашей переписки с Гиляровым было не излишним.

Приложение

<Черновая заготовка к письму*>

1. Мне известно все, что хранится в архиве у Гальперсон, а также весьма многое, чего в этом архиве нет и что никому другому, кроме меня, известным быть не может.

2. С этими данными, которые имеются у Гальперсон, но без тех, которые мною добыты, биографии Гилярова написать нельзя; но с теми, которые добыты мною, и без Гальперсоновских можно написать биографию (в тех пределах, какие я себе наметил, т. е. изображение литературных, служебных и общественных трудов Гилярова).

3. Гальперсон сама, без моего спроса напечатала в 41 № «Русского Дела» 1888 года мне принадлежащие письма Гилярова, вероятно получив от сего гонорар в свою пользу и во всяком случае не имея в виду помощи вдове Гилярова, проживавшей тогда последние деньги. Между тем, когда я, получивши в полное

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 76. Л. 11—11 об.

и безотчетное мое распоряжение материал от Гальперсон и напечатав, не предвариви ее, несколько писем Гилярова в пользу его вдовы, был лишен в резкой форме на будущее время права пользоваться документами, которые уже разработал в значительной части.

4. Гальперсон в «Русском Деле» *1888* № 46 напечатала уже извлечения из некоторых писем Гилярова к К. П. Победоносцеву, не спросив о том разрешения у последнего, а потому не излишним являлось мое предупреждение К<онстантина> П<етрович>а о возможности несвоевременного опубликования г-жой Гальперсон его переписки с Гиляровым, раз Гальперсон желает сама распоряжаться бумагами Гилярова.

5. Мною был потрачен огромный, кропотливый труд нескольких лет на разыскивание и списывание новых данных о Гилярове (не говоря уже о труде списывания архива Гилярова), их распределения по годам и числам месяцев, и когда эта работа закончилась и я могу считать себя полным хозяином всего имеющегося о жизни Гилярова материала, тогда Гальперсон под пустым предлогом вырывает у меня данный ею материал, весьма не лишний для полноты работы. Подозреваю, что не снюхалась ли она опять с Шараповым, получившим снова разрешение на издание в Петербурге газеты («Рус<ский> Труд»).

6. [a]

10[*]

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 7 января 1897 г.

Вот, почтеннейший Князь Николай Владимирович, письмо, полученное мною сегодня от Г-жи Гальперсон, со списком статей покойного Гилярова. Посмотрите его, сообразив с Вашим, и *возвратите* мне. Не знаю, что ей ответить. Я не отказался бы принять на себя (т. е. на Типографию) издание книги, но опа-

---

[a] *На этом текст обрывается.*

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 7—7 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «1897».

саюсь входить в какие-либо условия с Г-жею Гальперсон, разве бы она предоставила мне этот материал в безотчетное употребление, с употреблением прибыли на выдачу наследникам.[1] Но и это не без сомнения.

Искрен<не> пред<анный> К. Победонос<цев>.

7 янв<аря> 1897. Пб.

11*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 10 января 1897 г.

Спиридоновка, с<вой> д<ом>.

10 января 1897 года.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Позвольте принести Вам мою горячую благодарность за драгоценный дар — письма к Вам Гилярова, — который мною получен через Кн. Ш<иринского>-Шихматова.[2] По сличении этих писем с имеющимися у меня копиями со всего собрания писем к Вам Гилярова, находившегося в руках г-жи Гальперсон, я не досчитался в присланной Вами пачке 10-ти писем. Не зная, удержаны ли недостающие письма Вами у себя или же они недополучены Вами от г-жи Гальперсон, я считаю своим долгом перечислить эти нехватающие письма Гилярова:[3]

1) от 27 окт<ября> 1880 г. о М. Н. Каткове.

2) от неизвестного года и месяца,[4] начинающееся словами: «Достолюбезный К<онстантин> П<етрович>, благодарю Вас за память…» и заключающее в

---

[1] Это слово князь Шаховской подчеркнул красным карандашом.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 3—4 об.

[2] Сохранился фрагмент сопроводительного письма Победоносцева к А. А. Ширинскому-Шихматову от начала 1897 г. (в архивной ед. хр. не установлены адресат и дата): «Кстати: вот пачка писем, переданных мне г-жою Гальперсон. Потрудитесь передать ее Шаховскому и сказать, что я благодарен ему за очень интересное письмо, давшее ему немалый труд писания. Если что еще принесет г-жа Гальперсон, сообщу ему» (Там же. Ед. хр. 979. Л. 2).

[3] Все нижеперечисленные письма опубликованы нами в изд.: *Разумевающие верой*.

[4] Это письмо датируется 5 мая 1879 г.

себе просьбу похлопотать о снятии запрещения розничной продажи с «Совр<еменных> Изв<ест>ий».

3) от 8 ноября 1883 г. об управлении Синодальн<ой> Типографией (очень большое).

4) о том же 1883 г. неизвестного месяца.

5) 1884 г. — о «Соборе» и «Съезде» духовенства и штундизме.

6) неизв<естного> года и числа [1] с просьбою рекомендовать автора Нечаеву-Мальцеву,[2] у которого он собирался занять денег.

7) от 27 февр<аля> 1886 г. о своей критике на «Исповедь» Толстого, о книжках «Посредника» и вине для Евхаристии.

8) от 23 декабря 1886 г. об отношении митр. Иоанникия [3] к Кремлевской святыне и пр.

9) от 30 дек<абря> 1886 г. о Кремлевских соборах и пр.

10) от 3 янв<аря> 1887 г. о местонахождении Ризы Господней, митр. Иоанникии и пр.

Из всего хранящегося у г-жи Гальперсон материала приходится мне более всего жалеть о невозможности пользоваться полным редакционным экземпляром «Современных Известий» за все года издания (кроме пропавшего одного). Такой экземпляр достать теперь трудно. Ходить же, как я это теперь вынужден делать, в Румянцевский музей для чтения и списывания необходимых статей чересчур убыточно во времени. Я собираюсь сделать публикацию в газетах о желании моем приобрести покупкою «Совр<еменные> Изв<естия>» за все года издания, да не рассчитываю на успех. Газета держалась только статьями Гилярова, и то не всеми; вряд ли кто копил цельные экземпляры за все года.

---

[1] Письмо 1886 г.

[2] Юрий Степанович Нечаев-Мальцев (1834—1913), миллионер-меценат, обер-гофмейстер, вице-председатель Общества поощрения художеств.

[3] Митрополит Иоанникий (в миру, до 1849 г., Иван Максимович Руднев; 1826—1900), проповедник; епископ Саратовский и Царицынский (с 1864 г.), Нижегородский и Арзамасский (с 1873 г.); архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (с 1877 г.); член Св. Синода (с 1881 г.); митрополит Московский и Коломенский (с 1882 г.), Киевский и Галицкий (с 1891 г.); первенствующий чл. Св. Синода (с 1898 г.).

Позвольте пожелать Вам здоровья и благополучия и еще раз искренно поблагодарить за письма.

Глубоко Вас почитающий и душевно преданный Кн. Н. Шаховской.

12*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 11 января 1897 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Препровождая при сем письмо к Вам г-жи Гальперсон и доставленный ею список статей Гилярова, имею честь приложить и мой перечень статей Н<икиты> П<етрович>а, составленный в хронологическом порядке их написания, с указанием изданий, в коих они были в свое время помещены.[1] Это, конечно, далеко не все статьи Гилярова, напечатанные вне «Современных Известий». Как бы конфузясь откровенно подписывать полностью свое имя под статьями, он предпочитал укрываться под разными инициалами: то ставил он под своими статьями буквы — Н. Г.; Н. Г—в; Ц.; Р. С. Т. (рцы слово твердо), а то и не подписывал статей вовсе. Таким образом, трудно, если не невозможно, восстановить его авторство по многим передовым статьям, писанным им в газете «Москва» (по его свидетельству, 2 раза в неделю). Кроме необозначения имени, трудно признать его статьи еще и потому, что он отличался уменьем прикидываться не самим собою в разных обстоятельствах и в сношениях с разными лицами. Это особенно бросается в глаза в его письмах. Одним корреспондентам он пишет в покровительственном тоне (напр., Желтухину, Кояловичу), другим — в искательном (гр. Блудову, Норову, да и вообще «начальству»), иным в учительном (Вениамину), кое-кому в трусливом (иногда Аксакову). Та же осо-

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 5—8 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 17—20 об.

[1] См.: Перечень статей Н. П. Гилярова-Платонова с указанием места их публикации // Там же. Ед. хр. 61. Л. 1—2. Этот список из 26 позиций скопирован князем Шаховским из выпуска VII «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей» Д. Д. Языкова («Русские писатели, умершие в 1887 г.»).

бенность видна в его критике на «Семейную Хронику» Аксакова,[1] где он так перепустил славянофильства (всегда отрицая на словах и в письмах свое с ним тожество), что главное начальство цензуры прямо сочло эту статью выразительницею основных славянофильских тенденций,[2] которыми дебютировал первый № первого славянофильского журнала «Русской Беседы». С тем же, вероятно, придется встретиться и в статьях «Москвы», Г<иляров>ым написанных. Недаром одна из них попала в полное собрание сочинений И. С. Аксакова, но была затем оговорена, как принадлежащая Гилярову и по ошибке приписанная Ив<ану> Сер<геевич>у.[3]

Но и собранных у меня статей Н<икиты> П<етровича> более чем достаточно для составления книги. По моему вычислению, объем книги, если в нее включить все 26 статей, превысит 600 страниц. Можно, разумеется, выбросить мелочь, напр. статьи под №№ 6, 10, 13, 15, 16, 18 и 19, 21 и 23 [a],[4] — остальные

---

[1] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. III: Критика. С. 1—45.

[2] В отчете о первой книге «Русской Беседы», составленном чиновником особых поручений Н. В. Родзянко, Гиляров выдвигался главным представителем славянофильского направления, суждения которого высказываются с «резким, неосторожным убеждением, хоть, м<ожет> б<ыть>, и справедливым, но выраженным укорительно и поносительно» (Дело Главного управления цензуры. 1856. № 130; цит. по: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 830. Л. 2).

[3] Статья Гилярова как автора ряда передовых статей в газете «Москва» нечаянно попала в первый том посмертного Собрания сочинений И. С. Аксакова («Славянский вопрос», М., 1886), где ее и обнаружил Гиляров, получивший корректурные листы тома, чтоб по просьбе вдовы написать к нему предисловие. Составители вынуждены были оправдываться по поводу этой оплошности — в начале тома помещена «Оговорка»: «Когда эта книга почти вся была уже отпечатана, оказалось, что в нее попала чужая статья, т. е. написанная не И. С. Аксаковым. Это именно статья, напечатанная в отделе статей газеты “Москва”, на стр. 159—165-й, и принадлежащая Н. П. Гилярову-Платонову, как бывшему сотруднику “Москвы”. Считаем необходимым оговорить эту прискорбную ошибку» (с. III).

[a] *Две последние цифры вписаны карандашом над строкой*.

[4] Из этих 9 статей в итоге в издание не вошла только одна, № 21 (указываем названия и выходные данные так, как они переданы в перечне князя Шаховского): «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году» (Русский Архив. 1864. Вып. IV. С. 417—434). Другие 8 статей: «Из письма в редакцию (в защиту духовенства)» (Журнал Землевладельцев. 1858. Сент. № 11. Смесь. С. 45—48), «О новой повести г-жи Кохановской “Из провинциальной галереи портретов”» (Русская Беседа. 1859. Кн. III. Смесь. С. 65—89)», «Заметка по поводу статьи г. Чистовича об Арсении Мацеевиче» (День. 1861. № 16), «Два слова в объяснение к ответу “Сиона”» (День. 1862. № 33), «Дополнение к статье В. Лешкова “Русский экономический вопрос”» (День. 1862. № 44), «О труде (выработка понятия)» (День. 1862. № 44), «Необходимое объяс-

было бы жаль исключать. Но все-таки, с этим исключением, размер книги превысит 500 стр. (или 31 печ<атный> лист).

Издавать ли? Во всяком случае, думается мне, не иначе, как заручившись *правом* безотчетного употребления материала, который г-жа Гальперсон Вам доставит, и притом на основании *твердого*, во всех потребных местах скрепленного, *документа*. Иначе не оберетесь хлопот. Тут волей-неволей приходится отложить в сторону всякие соображения высшего порядка, раз из-под сукна выглядывает край «нотариального акта». Но прежде, чем на что бы то ни было решиться, не излишним представлялось бы — потребовать немедленного доставления к Вам *самых статей*, перечисленных в списке г-жи Гальперсон [*]. Тогда определится и действительная наличность статей, которыми она обладает, и вероятные шансы на возможность составления самого сборника.

Что касается до выраженной в письме к Вам г-жи Гальперсон готовности трудом и материалом служить благой цели, то пока (т. е. в течение 9 с лишком лет после смерти Н<икиты> П<етрович>а) таковая ничем определенно не выразилась. Вот что было ею до сего времени сделано. В 1888 году она в Шараповском «Русском Деле» в хаотическом беспорядке печатала письма Н<икиты> П<етрович>а (впрочем, преимущественно к Вам и ко мне),[1] отрывки из передовых статей в «Современных Известиях», наудачу выдернутые из разных №№;[2] кроме того, она напечатала в той же газете за тот же год весь неоконченный труд Гилярова по политической экономии (впоследствии изданный ею при содействии того же Шарапова и приведенный предварительно в некоторую систему

нение “Герою нашего времени”» (День. 1862. № 47), «Урезанный документ» (Русь. 1884. № 19. С. 33—41). См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 61. Л. 1—2.

[*] Могут ведь быть неизвестные мне (да и неинтересные для меня) рукописные оригиналы статей. *<Примеч. князя Н. В. Шаховского.>*

[1] На деле А. М. Гальперсон, судя по ее письму к Рцы (И. Ф. Романову) от 10 марта 1888 г., давала материалы о Гилярове С. Ф. Шарапову, а тот, по своему усмотрению использовал их в «Русском Деле».

[2] См.: Из передовых статей Н. П. Гилярова-Платонова: Папа и султан (6 дек. 1868); Задачи публициста (1 янв. 1869); О забивании молодежи (14 апр. 1872); О праздничной торговле (18 янв. 1883, 7 сент. 1883, 30 янв. 1883); О городском доме (11 янв. 1871); Аристократия и парии (8 нояб. 1871) // *РД*. 1888. 15 окт. № 42. С. 12—14.

профессором Тарасовым).[1] Затем она печатала в «Русском Архиве» 1889 г. сырой материал из своей коллекции.[2]

Позвольте засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение и искреннюю преданность.

Кн. Н. Шаховской.

11 янв<аря> 1897 г.

13*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 13 января 1897 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

На всякий случай я написал еще Г-же Гальперсон, не остались ли у нее те недостающие 10 писем, о коих Вы упоминаете. — Мож<ет> быть, они затерялись еще у Барсова, коему я напрасно тогда все доверил.

Вы затрудняетесь отыскать «Соврем<енные> Известия». У меня была коллекция отобранных статей Гилярова из «Сов<еменных> Изв<естий>». К сожалению, и это роздано. Коллекцию по церковн<ым> вопросам — не помню, кому я отдал. Справлюсь, не в свою ли Канцелярию. Остаются у меня собранные статьи по вопросам юридическим. Это я перешлю Вам при первой оказии.

К. Победонос<цев>.

---

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Основные начала экономии: Посмерт. труд Н. П. Гилярова-Платонова / С предисл. проф. И. Т. Тарасова. М.: Изд. А. М. Гальперсон, 1889. <2>, XII, 142 с.

[2] См.: Из бумаг Н. П. Гилярова: Письмо князя П. А. Вяземского <о цензуре, от 15 июля 1856 г.>; Письмо к князю Ш. <Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1887 г.> // *РА*. 1889. Кн. III, вып. 10. С. 264, 267—269; Письмо И. С. Аксакова <к Н. П. Гилярову-Платонову о поэтическом даровании его сына Алексея от 3 февраля 1874 г.>; *Гиляров-Платонов Н. П.* Он же к ***: (О рассказе «Чем люди живы»): <Письмо к К. Н. Леонтьеву о его критике рассказа Л. Толстого от августа 1882 г.>; Н. П. Гиляров к ***: (Об «Исповеди» графа Л. Н. Толстого): <Письмо к С. А. Юрьеву от апреля 1882 г.> // Там же. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 421—432; Письма к одному из его читателей <И. Ф. Романову-Рцы, от 13, 15 и 16 нояб. 1886 г.> // Там же. 1890. Кн. I, вып. 2. С. 316—324.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 8—8 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «1897».

13 янв<аря> 97. Пб.

14*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 17 января 1897 г.

17 янв<аря> 97.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Позвольте попросить Вас прочитать прилагаемое письмо * ко мне младшего сына Н<икиты> П<етрович>а, Алексея Никитича Гилярова,[1] профессора Киевского Университета, которого я спросил письменно, не знает ли он чего про нотариальный акт о передаче г-же Гальперсон литературной собственности на все писанное его отцом. Из его ответа Вы изволите увидать, что муж г-жи Гальперсон нарочно ездил в Киев к младшему сыну Гилярова, от которого приобрел «письменное согласие на пользование какими-то бумагами». При этом г. Гальперсон уверил Алексея Никитича, что со стороны его матери и брата согласие уже последовало. Из препровожденного же мною к Вам ранее письма ко мне вдовы Н<икиты> П<етрович>а Вы уже знаете, что, по ее утверждению, ни она, ни ее старший сын, при ней находящийся, никакого понятия об оставшихся после смерти Гилярова бумагах не имеют. При всем этом ни г-же Гальперсон, ни ее мужу, близко тогда стоявшим к семье Гилярова, не могло не быть известным об отказе наследников от наследства. Таково, если верить семье Гилярова, происхождение права собственности г-жи Гальперсон на литературное наследие Никиты Петровича. Оно оформлено где следует и, вероятно, как следует, а потому оно и действует.

Не желая вовсе входить в оценку ни самого факта приобретения предъявленного Вам «документа», ни нравственного права г-жи Гальперсон на владение

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 9—12 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 13—16 об.

* Которое не откажите, при случае, мне возвратить. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

[1] Речь идет о письме А. Н. Гилярова от 14 января 1897 г. (опубл. ниже).

архивом Гилярова, содержащим в себе немало компрометирующих его нравственную личность бумаг, я счел своим долгом не скрывать от Вас полученные мною данные, могущие служить иллюстрацией к моему предостережению о необходимости Вам как можно осторожнее относиться ко всяким предложениям, исходящим от г-жи Гальперсон. Со своей стороны я несказанно рад, что, вовремя узнав обстоятельства существования и приобретения г-жой Гальперсон самодержавного права на литературное наследие Гилярова, я отказался от пользования этим сомнительным архивом и тем разорвал всякие отношения с обладательницей Гиляровских бумаг. Если бы она теперь даже сама пожелала передать в мое безотчетное распоряжение эти бумаги, то я бы их не принял из ее рук, а согласился бы их получить только от вдовы Гилярова, которой г-жа Гальперсон должна бы была их вернуть по принадлежности.

Как не поостеречься касаться частной жизни Гилярова, когда уже начали появляться в печати воспоминания о нем любивших его дам. Так, в январ<ской> книжке «Наблюдателя» напечатано начало мерзких по тону и пошлейших воспоминаний о «службе» у Гилярова в «Современных Известиях» составительницы «политических обозрений» г-жи Сковронской,[1] которая была так развратна, что одновременно жила и с самим Гиляровым, и с его сыном Алексеем (которого и растлила), и с молодым сотрудником Экземплярским[*]. У меня имеется собственноручно написанное Гиляровым духовное его завещание (от 17 янв<аря> 1874 г.), коим он наследницей своей объявляет эту Сковронскую, а жену свою устраняет. Теперь единственной наследницей Гилярова является другая сотрудница «Современных Известий» и тоже составительница «политических обозрений», г-жа Гальперсон, которая тоже хлопочет об «интересах имени Гилярова». В каком-то виде имя его выйдет из всех этих рук?! Печальна судьба этого во всяком случае необыкновенного человека и его наследия. — Он всегда жаловался на то, что не создал школы, что у него «избыток пассивности», «женского

[1] *Сковронская М. С.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. Янв. С. 201—227; Февр. С. 221—239.

[*] Все сведения об этом почерпнуты мною из хранящихся у г-жи Гальперсон писем.

элемента», как он говорил.[1] Не тут ли, не в «женском ли труде», как выражался И. С. Аксаков, искать причину этой пассивности, этой сравнительной бесплодности его писаний, этому вечному противоречию, в котором стояла собственная его жизнь и слово, с которым он обращался к обществу? Не насмешкой ли судьбы, лучше сказать, не карою ли является эта всегдашняя зависимость от евреев, эта невозможность вырваться из их сетей, это ухаживание за Поляковым [2] того, кто выступил одним из наиболее сильных и тонких обличителей евреев и еврейства, чье слово с яркостью и убедительностью раскрыло ту пропасть, в которую вовлекают христианские народы Запада «слившиеся» с ними, но на деле оставшиеся им чуждыми евреи.

Отобранные Вами статьи «Совр<еменных> Изв<ести>й» преимущественно по церковным вопросам Вы года три тому назад изволили передать мне, и они мною разобраны и распределены в известной системе. Я уже неоднократно ими пользовался и мысленно приносил Вам мою сердечную признательность. Однако все же их недостаточно, да и собирали Вы их только до 1880 года.

Позвольте засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение
и искреннюю преданность. Кн. Н. Шаховской.

15*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 20 января 1897 г.

20 янв<аря> 1897. Пб.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

Сегодня была у меня Г-жа Гальперсон и принесла мне еще небольшую пачку писем. По ее словам, это лишь черновые наброски, по коим потом писались беловые письма. Посылаю Вам и эту пачку.

---

[1] Князь Шаховской имеет в виду прежде всего письма Гилярова к самому себе и к Рцы (И. Ф. Романову).

[2] Один из трех братьев-банкиров.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 9—10 об.

Я говорил с нею о бумагах. Она говорит, что их надлежало спасти, ибо сын покойного [1] готов был продать их старьевщикам.

Право издания куплено было у наследников начально каким-то г. Кролау за 200 руб., и уже от него, тоже за 200 руб., приобретено было г-жею Гальперсон. Она говорит, что не имела в виду никакой для себя от того прибыли, но имела в виду единственно память покойного и обращение возможной прибыли на памятник ему и на пособие вдове.

Я предложил ей — не хочет ли передать это право мне, с тою же целию, и она с первого слова охотно на это согласилась, и хотела написать мне о том и принесть бумагу, в коей, по указанию моему, пометить то условие, что прибыль, какая будет, обращается на памятник и на пособие вдове.

Я сказал ей, что печатать буду в Моск<овской> Синод<альной> Типографии. А корректура? — спросила она. — Корректуру, — сказал я, — вероятно, согласится держать Кн. Шаховской. Это ей не понравилось. Но я объяснил ей, что будем делать 3 корректуры — одну посылать Шаховскому, другую ей и третью мне. Затем ее недоумение я успокоил тем, что вся операция будет лежать на одном мне, — а Кн. Шаховской лишь по участию к памяти Гилярова вообще заботится обо всем этом деле.

Спешу известить Вас об этом, — что Вы скажете?

Я предлагал ей уплатить 200 р., уплаченные ею за право издания, но она отказалась.

Здравствуйте.

К. Победонос<цев>.

Мне кажется, не мешало бы Вам послать ей копии расписок г-жи Гиляровой в получении гонорара за статьи. Она что-то как будто в том сомневается.

16*

[1] Николай Никитич Гиляров.

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 23 января 1897 г.

23 янв<аря> 1897 г. *Москва*.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Само собою разумеется, что я с радостью готов служить своим трудом делу издания сочинений Гилярова, раз Вы будете полным его хозяином. Только во всех отношениях было бы спокойнее и надежнее, если бы г-жа Гальперсон *про*дала, а не *пере*дала Вам свое право, хотя самое это право, после всего узнанного мною от всех членов семьи Гилярова, кажется мне не без сомнений. Впрочем, как знаете: я не утаил от Вас ничего, что̀2 стало мне известным. Вам же видней, что̀2 в данном случае принять в соображение. Правда, на бумаге много того не выразишь, что говорится на словах.

Позвольте Вас искренно поблагодарить за присылку статей из «Совр<еменных> Известий» и доставленной Вам пачки писем Гилярова. Это действительно черновые некоторых из тех писем, которых не хватает; но *самых писем*, с которых я снимал копии и которые я по составленной мною [a] описи вернул г-же Гальперсон, *все-таки нет*.

Прилагая при сем подлинные расписки вдовы Гилярова в получении от меня денег за напечатанное в «Русском Обозрении», я не нахожу, однако, надобности посылать с них копию г-же Гальперсон, которой не следовало бы выражать перед Вами сомнения в том, что деньги мною действительно переданы Гиляровой. Вера Алексеевна, по моему настоянию, тотчас же по получении гонорара, т. е. в декабре месяце, поспешила о том известить г-жу Гальперсон. Насколько же искренно может быть сомнение последней?

---

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 13—16 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 1—6 об.

[a] *Слова*: составленной мною — *вписаны над строкой*.

По публикации мне удалось купить «Современные Известия» только за два года, 1873 и 1875, у немца Розенблата, конторщика фабрики Гюбнера;[1] да еще мною приобретено $4^1/_2$ г<ода> газеты, имевшиеся у Ф. А. Гилярова (от 1878—1882).[2] С полученными мною от Вас статьями набирается изрядный материал.

Я уже с неделю как сижу дома, больной, и потому письмом спросил вдову Гилярова о том, продали ли наследники Н<икиты> П<етрович>а право на издание его сочинений за 200 р. г. Кролау (как Вам сообщила г-жа Гальперсон). Полученный ответ от Николая Гилярова [3] прилагаю.

Примите свидетельство моего глубокого уважения и искренней преданности.

Кн. Н. Шаховской.

Позвольте мне также приложить только что полученное мною письмо от лучшего друга Никиты Петровича — маститого старца Ивана Васильевича Павлова,[4] про которого Гиляров в письме к Романову писал: «один из умнейших людей России, глубоко образованный, равных которому и пяти не найдется в России».[5] — Письмо это при случае не откажите возвратить мне.

Написав Вам предшествующие строки и представив в Ваше распоряжение достаточный материал для суждения о личности г-жи Гальперсон, ее способах действия и отношения к ней семьи Гилярова, я не могу удержаться, чтобы не прибавить нескольких слов от себя.

Я, по выяснившимся обстоятельствам, считаю г-жу Гальперсон личностью темною. Уже одно то, что она *осмелилась* Вам выразить притворное сомнение в передаче мною денег вдове Гилярова, зная, что я не со вчерашнего дня Вам изве-

---

[1] Имеется в виду Товарищество ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера в Москве, основанное в 1871 г. Альберт Осипович Гюбнер (ок. 1818—1890) — французский подданный, московский купец 1-й гильдии.

[2] В этот период Ф. А. Гиляров был соредактором своего дяди Гилярова-Платонова.

[3] См. записку Н. Н. Гилярова к князю Шаховскому от 23 января 1897 г. (опубл. ниже).

[4] Это письмо И. В. Павлова нам неизвестно, в архиве князя Шаховского оно отсутствует.

[5] Цитата из письма Гилярова к Романову-Рцы от 16 ноября 1886 г. (*Письма к Рцы*. С. 293).

стен, свидетельствует о том, какие орудия она пускает в ход. Как бы то ни было, но с нею никогда никакого дела иметь я не желаю и участвовать с нею в одном и том же деле не могу. В Ваше распоряжение я готов отдать не только свой труд, но и все собранные *мною* статьи лишь при том непременном условии, что Вы *купите* (хотя бы за 5000) у Гальперсон все ее права, совершенно таким образом с нею развяжетесь и устраните всякое ее участие в деле издания Гиляровских статей.

Да какое она, наконец, право имеет на какое-либо участие в деле памяти Гилярова, когда она отравила последние годы семейной жизни всей душой ненавидящей ее жены Гилярова, которую она постоянно оскорбляла и унижала, окружая Никиту Петровича, как кольцом, членами своего семейства (ее муж заведывал конторой «Совр<еменных> Изв<естий>», ее сестра Эпштейн [1] служила в редакции). Они, как коршуны, стерегли добычу, никого не допуская к Гилярову без своего контроля. Они косвенно были и причиною преждевременной смерти Гилярова, *заставив* его, *против его воли*, ехать в Петербург домогаться *«Московских Ведомостей»*.[2] Да, наконец, самый способ приобретения «документов», все эти выплывающие новые имена вроде Кролау — все это более чем подозрительно… [3]

17*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 26 января 1897 г.

26 янв<аря> 1897 года.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

---

[1] Берта Михайловна Эпштейн (1858—?), врач-терапевт, сотрудница редакции газеты «Современные Известия», переводчик. В редакции некоторое время работала и другая сестра Гальперсон — Юлия Михайловна Эпштейн (в замужестве Денисова).

[2] Утверждение князя Шаховского основано на свидетельстве В. А. Гиляровой-Платоновой. См. о двух поездках Гилярова в Петербург в его письмах к Гальперсон, опубликованных мною: *Из пережитого*. Т. 2. С. 220—247, 497—539.

[3] Письмо (черновое) обрывается, в нем нет этикетных фраз прощания и подписи.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 17—20 об.

«Не полезно хвалиться мне»,[1] говоря словами ап. Павла, но все-таки в интересах полного для Вас выяснения дела похвалюсь моим отношением ко вдове Никиты Петровича. После смерти Гилярова, Вера Алексеевна с сыном Николаем осталась с одною только дачею в селе Черкизове, которую и продала за 3000 или 4000 р. Эти деньги они и проживали с 1887 по 1893, когда уже у них не осталось ничего, кроме ежегодного пособия в 300 р. из Литер<атурного> фонда. Положение становилось критическим. И вот осенью 1893 года в 332 № «Московского Листка» появляется прилагаемая при сем (публикация) заметка, рисующая в сильных штрихах бедственное положение Гиляровой и взывающая к общественному благотворению в ее пользу. Я в то время состоял на службе в Петербурге и не подозревал о нужде несчастной вдовы Гилярова. Присланная мне Ф. А. Гиляровым заметка в «Москов<ском> Листке» поразила меня как громом. Самая возможность грошовых подачек семье Никиты Петровича, соединенных с личным удостоверением в ее бедности благотворителей, казалась мне ужасною. Я тотчас же составил прошение на Высочайшее имя о назначении Вере Алексеевне пенсии за заслуги ее мужа. В Москве, куда я отправил прошение, оно было переписано при помощи Ф. А. Гилярова, подписано вдовою. Затем оно было переслано мне, и я подал его в Комиссию прошений барону Будбергу. Я тогда был и у Вас, просил Вашего содействия для успеха прошения, причем ходатайствовал об определении размера пенсии применительно к получавшейся Гиляровым аренде, т. е. 800 р.[2] Вы же находили, что для Гиляровой достаточно будет и 500 р. в год. В таком именно размере и была ей назначена пенсия.

Но пока еще дело о пенсии было в ходу, требовалась немедленная помощь. Но откуда ее взять? Мне пришла тогда в голову мысль написать от имени Гиляровой прошение о единовременном пособии, для подачи Московскому

---

[1] 2 Кор 12: 1.

[2] Вплоть до 1884 г. Гиляров получал ежегодные выплаты из государственного казначейства по 800 рублей серебром, начатые производством 4 апреля 1865 г. (вместо пожалованной государем аренды по чину действительного статского советника).

Ген<ерал>-Губернатору В<еликому> К<нязю> Сергею Александровичу.[1] Прошение возымело действие, и к новому 1894 году Гилярова получила 100 р.

Вера Алексеевна, при постоянной своей хвори и периодических запоях сына, часто вынуждена была прибегать к врачебной помощи, а потому, при 500 р. пенсии, бедствовала. Мне доводилось неоднократно выручать ее из нужды. Так, по учреждении Литер<атурного> фонда имени Николая II я обратился к Л. Н. Майкову с просьбою об оказании Гиляровой пособия из указанного источника. — В 1895 году ей было оттуда выдано *150 р*. Затем минувшею осенью при моем содействии получила она следующие пособия.

От городского попечительства о бедных — 15 р.

За печатание материалов в «Рус<ском> Обозр<ении>» — 158 р.

От перепечатки в журнале «Читатель»

главы «Из Пережитого» — «Прозорливица» [2] — 13 р. 12 к.

В бытность мою в Петербурге минувшей осенью я выхлопотал у Л. Н. Майкова для Гиляровой единовременного пособия 50 р. и ежегодного рассроченного (по 30 р. в месяц) пособия — 360 р.

Итого при моих хлопотах Гилярова получила единовременных пособий на сумму — 486 р. 12 к. и ежегодной пенсии 860 р.

Вот что сделал я, человек, семье Гилярова совершенно посторонний и вдобавок при жизни Н<икиты> П<етрович>а его жены не знавший и никогда даже не видавший.

Что же делала г-жа Гальперсон, отчего, стоя так близко к семье Гилярова и владея его бумагами (которые способны превращаться в звонкую монету), — она ничем на деле не проявила своего столь на словах сильного желания помочь вдове Н<икиты> П<етрович>а? Она печатала немало сырого материала из Гиляровского архива и в «Русском Архиве», и в «Русском Деле», в коем более 10 №№

---

[1] Великий князь Сергей Александрович (1857—1905), пятый сын Александра II; московский генерал-губернатор (с 1891 г.).

[2] *Гиляров-Платонов Н. П.* Прозорливица: Из автобиографических воспоминаний // Читатель. 1896. № 50. Дек. С. 49—62.

были переполнены этим материалом; но ни памяти Гилярова от такого беспорядочного тиснения не было никакой пользы, ни вдове его от такой богатой трапезы материалов не перепало ни одной крупицы. И это поистине возмутительно, ибо, что ни говори г-жа Гальперсон, *а бумаги Гилярова принадлежат его семье,* и спасение их от продажи старьевщикам (?!) есть *выдумка*, над которой смеются и вдова, и ее сын Николай. Просто бумаги Гилярова находились в момент смерти Ник<иты> Петр<овича> в квартире г-жи Гальперсон, *да так там и остались*. Вот вероятное происхождение ее права собственности на архив. Я с своей стороны не только считаю документы, находящиеся у Гальперсон, собственностью вдовы Гилярова, но считаю и добытые *мною* письма Н<икиты> П<етрович>а ее же достоянием, и гонорар, который я получаю и получу за печатание последних в сыром виде, *никогда не возьму себе*, а *всегда отдам вдове*.

Возвращаясь к Вашему желанию издать статьи Гилярова на типогр<афские> средс<тва>,[1] позволю себе еще раз настоятельн<о> посоветовать не соблазняться передачей прав, кот<орые> все же не дарят<ся>, а купить права [a]. Если г-жа Гальперсон так действительно хочет поставить памятник Гилярову, — то вот ей от продажи несколько сот рублей, на которые можно воздвигнуть хороший памятник. — Тогда все получит свое осуществление: и памятник будет поставлен к 10-летию памяти Гилярова, и сочинения его будут в верных руках, которые могут их издать.

Примите свидетельство моего глубокого уважения и искренней преданности. Кн. Н. Шаховской.

18*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

---

[1] То есть на средства Московской Синодальной типографии.

[a] *Это предложение вписано над зачеркнутым*: Конечно, Вам нечего входить в рассмотрение этого вопроса и Вам ни до чего нет дела, раз Вы приобретете права *покупкой* у г-жи Гальперсон. Но, повторяю, Вам необходимо *купить* права, а не получить через даровую передачу.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 11—12.

С.-Петербург, 27 января 1897 г.

Возвращаю Вам, Князь, расписки и письмо Павлова, очень интересное.[1] Характерно и верно выписанное суждение Васильчикова о дворянстве[2] — не помню, чтоб это письмо было где-нибудь напечатано.

Г-жа Гальперсон была у меня вчера и принесла изготовленное ею письмо на мое имя о переуступке права. Но я нашел его неполным — в нем поименованы по списку статьи Гилярова и ограничено ими право. Я стал расспрашивать ее о причине ограничения — вижу, что недоумение ее состоит в возможности переуступки мною права другому лицу (очевидно, она не хочет Вас). Тогда я сказал ей — пусть напишет на мое имя лишь *личную* переуступку, с тем что ежели я не воспользуюсь (покуда жив), то право к ней возвращается. Очевидно, все это кладет на меня труд и заботу лишнюю — но не могу удержаться от желания — не дать погибнуть умственному труду покойного Гилярова. Бог знает, в чьи руки перешло бы дело, если б осталось в руках Гальперсон. Ей же я все-таки намерен вручить 200 р., заплаченные ею г-ну Кролау.

Судьба привела к тому, что наследники Гилярова равнодушны к памяти отца — и, по всей вероятности, не помнят сами, что подписывали. Один сын пьяница, другой, киевский, — очевидно, или странный человек, или даже не расположенный к деятельности и к памяти отца своего. Гальперсон придет ко мне через неделю и принесет оба нотар<иальных> документа — о передаче права от наследников — Кролау, и от Кролау — ей. По словам ее, Кролау имел единственною целью спасти бумаги Гилярова от расхищения, ибо застал пьяного сына в ту минуту, когда он рвал бумаги и продавал их старьевщику.

Вот все, о чем спешу предупредить Вас. В сущности, не понимаю, откуда идет это враждебное отношение к Вам г-жи Гальперсон. Она уверяет, что оскорблена была тем, что Вы стали печатать в «Рус<ском> Обозр<ении>» письма Гилярова — но я и этого не понимаю.

---

[1] Имеется в виду письмо И. В. Павлова к князю Шаховскому от 3 июня 1893 г. Опубликовано выше.

[2] О каком суждении идет речь, нам неизвестно.

Здравствуйте.

27 янв<аря> 1897. Пб. К. Победон<осцев>.

19*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 4 февраля 1897 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

Вчера была у меня г-жа Гальперсон. Она принесла мне оба в порядке составленные акта, один от всех наследников на имя Кролау, другой от Кролау ей, нотариальные, с передачей права на все сочинения Гилярова. Затем принесла бумагу с переуступкою мне всех прав на издание всех *напечатанных* сочинений Гилярова, с тем что ежели в 3 года я не воспользуюсь, то право возвращается к ней. Могущие быть прибыли назначаются — на памятник и на пособие вдове. За собой она оставляет статьи «Соврем<енных> Известий».

Вот положение. Если я готов взяться за это дело, то единственно из интереса памяти Гилярова и литературного; ибо иначе все может погибнуть или достаться к<акому>-нибудь промышленнику. Вы сами, видите, лишены прямой возможности взяться за это дело по отношениям к владетельнице прав, но можете из-под меня руководствовать делом издания. Покуда жив, я могу еще справить издание в Моск<овской> Типографии.

Если Вы в эту мысль входите, то не сообщите ли мне план, в коем, по Вашему мнению, надлежало расположить издание, коего материал у Вас уже собран?

Ожидаю Вашего отзыва.

К. Победоносцев.

4 февр<аля> 1897.

В Вашем списке статей 26 №-в; а у Гальперсон 19. У Вас семью больше.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 1—2.

20*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 7 февраля 1897 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Я не только вполне вхожу в Вашу мысль, но и душевно рад оказать предпринимаемому Вами делу всякое содействие. Что касается до плана издания, то, думается мне, следовало бы придержаться хронологического порядка статей, согласно перечню, мною Вам представленному. Содержание статей слишком разнообразно, чтобы можно было принять иную систему печатания. Хронологические справки приведены в моем перечне вполне точно, и их следовало бы поместить под строкою к каждой статье.

Когда я предполагал редактировать печатание статей Гилярова для Сытинского издания, я было задумывал широко поставить дело: мне хотелось предпослать статьям краткий биографический очерк и снабдить самые статьи примечаниями, в коих заключались бы не только указания относительно времени напечатания статей, но и сообщение обстоятельств, при которых некоторые из них были написаны, толков и отзывов, которые они вызывали, и мнений о них самого Гилярова. Но теперь, после «гнева» на меня г-жи Гальперсон, лишившей меня пользования имеющимися у меня копиями Гиляровских бумаг, подобная задача вовсе неосуществима.

Кроме тех 26 №№ статей, которые находятся в известном Вам списке, мною еще найдена помещенная Гиляровым в «Совр<еменной> Летописи» «Рус<ского> Вестника» 1859 г. № 20 и подписанная буквою Ц «Библиографическая заметка» по поводу статьи «Обличение на книгу: “О возможном соединении Церкви Российской с Западной”».[1] Затем представлялось бы не излишним поме-

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 21—22 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 7—8 об.

[1] В итоге заметка была включена в издание: *Сб. соч*. Т. I. С. 471—478.

стить в издание опубликованное мною в статье «Гиляров и К. Аксаков» [1] (имеющ<ейся> у Вас в оттиске) письмо Н<икиты> П<етровича> о народном образовании, а равно письмо его к Юрьеву по поводу «Исповеди» гр. Л. Толстого (напечатано в «Русском Архиве» [2]). — Я бы присоединил к этому изданию и «Начала Экономии»,[3] брошюрку, которую нигде теперь нельзя достать.

Но и за всем тем я не уверен, что мною чего-либо не пропущено из писаний Гилярова. Надо еще внимательно просмотреть «День», а также «Москву» в Румянцевском Музее. Только в настоящее время предпринять этот труд мне невозможно: я еще не оправился от тяжкого приступа горловой жабы,[4] осложненной нарывом в горле, от которого я не чаял и в живых остаться, так было затруднено мое дыхание. Но Бог привел мне пережить опасность и теперь я поправляюсь. Как только буду в состоянии выходить из дому — так отправлюсь в музей.

Издание придется сделать в 2-х томах, потому что для одного материала слишком много и пришлось бы употребить слишком мелкий и неприятный для чтения шрифт.

Как назвать издание? Я над этим долго ломал голову и не мог придумать иного названия, как: «Сочинения Н. П. Г<илярова>-П<латонов>а. — Статьи, напечатанные там-то».

Если, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу, то в течение года можно окончить все издание.

В ожидании дальнейших указаний Ваших остаюсь с глубоким к Вам уважением и искренней преданностью.

Кн. Н. Шаховской.

7 февр<аля> 1897 г.

---

[1] *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, дек. С. 509—545.

[2] Н. П. Гиляров к ***: (Об «Исповеди» графа Л. Н. Толстого): <Письмо к С. А. Юрьеву от апреля 1882 г.> / <Публ. А. М. Гальперсон> // *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 428—432.

[3] Точнее: «Основные начала экономии».

[4] *Горловая жаба* — то же, что ангина.

21*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 11 февраля 1897 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

Письмо Ваше от 7 февр<аля> получил. Рад, что Вы не отказываетесь содействовать изданию. Признаться, без Вашего участия я не решился бы взять на себя хлопоты по собранию материала. У Вас он, как вижу, собран, и можно будет приступить к составлению оригинала, подлежащего отправке в Типографию.

Конечно, если бы могли быть присоединены к тексту примечания, о коих Вы упоминаете, это могло бы лишь возвысить значение всего издания — и примечания могли бы быть безличными. Но если б в этом встретилось затруднение, — то останавливаться не следует, дабы не упустить времени.

Нет сомнения, что могли бы и затем еще найтись в разных изданиях заметки и статьи Гилярова, но за этим едва ли следует гнаться, тем более что и тут невозможно достигнуть совершенной полноты.

Когда готов будет оригинал, Типография может сделать расчет его печатного расположения в 1 или 2 томах, при известном формате.

Что касается до названия, то не назвать ли: *Сборник* сочинений и статей Н. П. Гилярова-Платонова. Или — Сборник статей Н. П. Можно пустить вперед весьма краткое предисловие, ибо биография завлекла бы далеко.

Надеюсь, что Вы оправились от болезни. Здравствуйте.

К. Победоносцев.

11 февр<аля> 1897. Пбург.

22*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 13 февраля 1897 г.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 3—4.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 23—24 об.

13 фев<раля> 1897 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

У меня все статьи Гилярова собраны по годам в отдельной папке, и я могу, когда угодно, передать их лицу, которое Вы укажете, для соображения относительно объема издания. Но я должен предварить Вас, что статьи имеются у меня только в *одном* экземпляре, а потому мне очень бы хотелось, если возможно, установить следующий порядок: по соображении объема издания и других технических сторон дела, статьи возвращаются мне, и я выдаю их в типографию по мере печатания. Таким образом я буду покоен, что статьи, с таким трудом мною собранные, не затеряются в массе типографского материала, и я буду иметь возможность исподволь снабжать их посильными примечаниями.

В представленном мною Вам списке Гиляровских статей оказываются ошибочные названия статей. Так, статьи: «О труде» и «Дополнение к статье В. Лешкова “Русские экономические вопросы”» в сущности представляют названия одной и той же заметки Гилярова о различии между *трудом* и *работою*. На эту же тему были написаны в 44 № «Дня» статьи Лешкова и Даля. Все три статьи, так сказать, дополняют одна другую, так что две последние могли бы быть приведены под чертою в Сборнике.[1] Затем, полагаясь на свидетельство Языкова («Обзор жизни и трудов покойных русских писателей», вып. VII. Русские писатели, умершие в 1887 г.»), я включил в перечень статей — «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году». Но по «Росписи “Русского Архива” за первые тридцать лет» на стр. 55 под № 1111 значится: «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца, штатного смотрителя Семена Климыча». — Таким образом, на две статьи должен сократиться перечень.

Зато позвольте предложить для Сборника замечательное письмо Н<икиты> П<етровича> к Ю. Ф. Самарину о философской терминологии Хомя-

[1] Так в итоге эта статья (под названием «Работа и труд») и была опубликована: *Сб. соч.* Т. II. С. 122—126.

кова.[1] Мне кажется, это письмо вполне уместно поместить после статьи Г<илярова> «О судьбе убеждений (по поводу смерти Хом<якова>)».

Ожидаю дальнейших указаний Ваших. Примите свидетельство моего глубокого почтения и искренней преданности.

Кн. Н. Шаховской.

23*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 30 октября 1897 г.

В старых бумагах нашел еще несколько вырезок из «Соврем<енных> Изв<естий>» и 2 письма Гилярова. Посылаю Вам.

К. Побед<оносцев>.

30 окт<ября> 97. Пб.

24*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 31 октября 1897 г.

Москва, 31 окт<ября> 97.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Согласно желанию Вашему сделан приблизительный расчет размерам и стоимости предполагаемого издания статей Гилярова. — Представленного в Синодальную Типографию материала оказалось на 56 листов (888 стр.), т. е. на две книги в 8-ю долю листа, в 28 листов каждая. Соображая шрифты Синод<альной> Типографии, я остановился на шрифте Вашего «Московского Сборника»,[2] а так-

---

[1] См.: Там же. С. 63—67. Письмо опубликовано со случайным пропуском строки (ср.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 7—8 об.).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 5.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 25—26 об.

[2] Московский сборник / Изд. К. П. Победоносцева. М.: Синод. тип., 1896. [4], 304 с.

же полагаю всего лучше придержаться и его формата для нашего издания. Как шрифт этот, так и формат всего ближе подходят к книгам «Из Пережитого».[1]

Что касается до стоимости издания, то по моей просьбе сделан расчет на 3000 и на 1200 экземпляров. Печатание 3000 экземп<ляров> обойдется в 3148 р. 94 к. (набор — *868 р. 14*, обложка — 40 р., печать — *448 р.*, брошюровка — 180 р., бумага — 1612 р. 80 к.) — или по 1 р. 05 к. за дву<х>томный экземпляр. Печатание 1200 экз. обойдется — в 235 р. 34 к. (набор — *868 р. 14*, обложка — 20 р., печать — *448 р*., брошюровка — 72 р., бумага — 627 р. 20 к.) — или по *1 р. 70 к*. за экземпляр. Таким образом, если печатать в количестве 1200 экзем<пляров>, то придется назначить цену издания не менее 2 р. 50 к., иначе ничего не останется для постановки памятника и для вдовы. При 3000 экз. цену можно назначить 2 р. и при успешной продаже остаток будет гораздо больший. Надо принять в соображение «комиссионный процент», взимаемый магазинами. Все это приводит меня к мысли о том, что следовало бы издать Гиляровские статьи в 3000 экземпляров. Ваше имя как издателя, изящная обложка, с какой обыкновенно издаются Москов<ской> Синод<альной> Типографией книги, — несомненно послужат ручательством, что все издание в 3000 экз. разойдется. — Несколько строк предисловия непременно также следует написать Вам, п<отому> ч<то> всего важнее Ваше имя, Ваша рекомендация. Приступить к печатанию, кажется, придется не ранее конца ноября. Во всяком случае за мной задержки не будет. Прилагаю при сем несколько добытых мною отрывков из писем Гилярова к о. Вениамину (с просьбой возвратить), а также оттиск моей статьи о цензурной службе Гилярова.[2]

Искренно и душевно Вам преданный Кн. Н. Шаховской.

---

[1] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. М., 1886—1887.

[2] К тому времени были опубликованы три части статьи: *Шаховской Н. В., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // *РО*. 1887. Т. 46, июль. С. 131—172; Авг. С. 712—771; Т. 47, окт. С. 716—783.

25*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 1 ноября 1897 г.

1 ноября.

Благодарю за присылку.

Только как образовались эти *отрывки* и к какому году письмо относится?

Потому именно что это *отрывки*, pensées détachées*,[1] неудобно пустить их в обращение. Иное дело, когда бы это было цельное и всестороннее рассуждение.

26*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

Начало ноября 1897 г.

Действительно, по расчету, пожалуй, будем печатать 3000 экз<емпляров> [2] — хотя сомнительно, чтоб разошлись, — а сумма большая. Можно уменьшить ее, взяв бумагу подешевле — бумага «Моск<овского> Сборника» слишком хороша и слишком толста — но так любят печатать роскошно.

Письмо 2 февр<аля> 1897[a] Гальперсон я нашел. Она в своем уступочном письме[3] пишет, что по Нотариальному договору у нотариуса Маджугинского [4] (который я видел) 6 мая 1888 в Москве к ней перешло исключительное право.

Слышу, что Сытин берет в Редакт<оры> «Рус<ского> Слова» Вахтерова! Тогда это будет плохая копия «Русских Ведомостей»!

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 6.

* запасные мысли (*фр.*).

[1] Видимо, отсылка к названию известного сочинения Дени Дидро «Pensées détachées, ou Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe» (Запасные мысли, или Политические фрагменты, выскользнувшие из портфеля философа, *фр.*) (1772).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 971. Л. 1. Адресат установлен мною.

[2] Речь идет о печатании «Сборника сочинений» Гилярова.

[a] *Дата вписана над строкой.*

[3] Это «уступочное» письмо А. М. Гальперсон публикуется ниже.

[4] Степан Павлович Маджугинский — московский нотариус.

27*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 12 ноября 1897 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович,

не пожелаете ли прочитать замечательные письма Гилярова к И. Ф. Романову, писанные им незадолго до смерти? Я читал из них выдержки профессору из Киевской Духовной Академии В. З. Завитневичу,[1] который теперь, по его словам, оканчивает большое 2-томное сочинение об А. С. Хомякове.[2] Завитневич пришел от них в восторг и умолял меня позволить ему привести в примечаниях к богословским воззрениям Хомякова параллельно взгляды Гилярова. Он говорил, что придает огромное значение читанным мною отрывкам из писем Гилярова к Романову, что при сопоставлении их со взглядами Хомякова явится возможность представить целое самостоятельное и живое направление русской богословской мысли.[3]

Без Вашего совета и указания я не решусь предоставить в распоряжение Завитневича разбросанные в письмах отрывки богословских мнений Гилярова, вследствие некоторой радикальности их и недостаточного развития, хотя думаю,

---

* Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 27—30 об. Фрагменты опубликованы нами в издании: *Возвращение*. С. 210, 227—228. Черновик письма: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 9—11 об.

[1] Владимир Зенонович Завитневич (1853—1927) — археолог, историк, профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории. В черновике письмо начиналось иначе: «В последнее свидание с Вами я забыл упомянуть, что нынешним сентябрем в Киеве я познакомился с профессором Киевской Духовной Академии В. З. Завитневичем, который мне сообщил, что он оканчивает большое двухтомное сочинение об А. С. Хомякове. Особенно много места в своем труде уделяет Завитневич богословским взглядам Хомякова» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 9).

[2] *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков: <В 2 т.>. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1902—1913. Т. I, кн. I: Молодые годы, общественная и научно-историческая деятельность Хомякова. 1902. <2>, XVI, 866, XV с.; Кн. II: Труды Хомякова в области богословия. 1902. <4>, 867—1422, VIII с.; Т. II: Система философско-богословского мировоззрения Хомякова. Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киеве», 1913. <6>, XVIII, 307 с.

[3] Далее в черновике следовала фраза: «Ввиду того, что мне самому, при отсутствии специальной богословской подготовки, трудно будет употребить с пользой этот материял, — может быть, передать его Завитневичу для изложенной цели и представлялось бы делом желательным» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 10).

что специально-богословская подготовка Завитневича может служить порукою тому, что он сумеет избежать соблазна в распоряжении мнениями Никиты Петровича.[1]

Равным образом, не передать ли для указанной цели Завитневичу и присланного большого отрывка из писанного в 1861 году письма Гилярова к архимандриту Вениамину (вместе с отрывками, Вам уже знакомыми).[2] Или же, быть может, Вы пожелаете его напечатать в издаваемом Вами Гиляровском *Сборнике*. Письмо получено мною от наследника Вениамина, доктора Лепешинского, и потому я волен распорядиться им по усмотрению. Читанные Вами отрывки, по-видимому, служили черновыми вариантами к этому письму.

Прибавлю для пояснения этого письма Гилярова, что под словом «возражатель» он разумеет Архиерея Афанасия (Дроздова),[3] который своими беседами соблазнял в вопросах веры простодушного ректора семинарии, архимандрита Вениамина,[4] обращавшегося за поддержкой к Гилярову, которого обожал и которого уму и учености поклонялся. Вот отрывок одной из бесед Афанасия с Вениамином.

---

[1] Далее в черновике было: «Ввиду сего позволяю себе обеспокоить Вас просьбой — прочитать прилагаемые письма к И. Ф. Романову (где взгляды эти изложены на стр. 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64) <…>» (Там же. Л. 10—10 об.).

[2] В черновике далее следовал большой фрагмент, отвергнутый при переписывании набело: «Впрочем, я уверен, что особенно письма к Романову Вы прочтете с увлечением, п<отому> ч<то> они действительно замечательны. К счастью, Гиляров придал Романову значение неизмеримо большее, чем последний заслуживал. [Вероятно, проявленные Романовым в его письмах интересы] Если б он его знал лично, а не заочно, то вряд ли мы обладали теперь этим духовным сокровищем, как Гиляровские письма. Романов — это декадент славянофильства, человек болезненный и умственно бессильный, а между тем снедаемый огромным самомнением и жаждой славы и известности. В компании с Васильевым, Шараповым и Н. Аксаковым он участвовал в издании славянофильствовавшего журнала “Благовест”, который умолк, п<отому> ч<то> никто его не слушал, да и звук был слишком слаб и фальшив. Вот к этому-то человеку, тогда еще юноше, — напрягавшемуся над постижением Сочи<нений> Хомякова, — Гиляров и обращал свое вещее слово» (Там же. Л. 10 об.—11 об.).

[3] Архиепископ Афанасий (в миру Александр Васильевич Дроздов; 1800—1876), библеист, ботаник, астроном; епископ Винницкий (с 1842 г.), Саратовский и Царицынский (с 1847 г.), Астраханский и Енотавский (с 1856 г.; архиепископ с 1858 г.), с 1870 г. на покое.

[4] В тот период (с декабря 1859 г. по июль 1862 г.) архимандрит Вениамин (Карелин) был ректором Астраханской духовной семинарии.

«Он (т. е. Афанасий) поведет длинную-предлинную речь, как он давно уже сам собою дошел до того, что известное место Флавия об Иисусе [1] признал за подложное, но молчал об этом, чтобы не поколебать веры православной, ибо через это открытие подрывается один из основных догматов православной церкви: единогласное свидетельство отцев церкви служить непререкаемым свидетельством истины. Это положение само собою падает, когда мы скажем, что вот-де целый ряд отцев трубили, что Иосиф Флавий свидетельствовал об Иисусе, а между тем оказывается, что это ложь, что это чья-то подделка. Теперь сам собою рождается вопрос: кто же это были, кто делал такие вещи? “Православное Обозрение” этого не знает, а я знаю, да не хочу говорить, п<отому> ч<то> сказать — это значит подорвать все христианство.

— Не будете ли так добры, не можете ли по крайней мере мне сообщить ваших исследований: может быть, я как-нибудь решился бы их открыть?

— Эк ты чего захотел. Впрочем, мои исследования не все еще приведены в порядок, а потому ты в них не найдешь никакого толку. Кроме того, к чему все это поведет, к сомнению, а это больно. Вот, например, «Kraft und Stoff» [*2] — что за прелесть! Здесь наука во всеоружии своем: это не то, что ваши бессвязные, бестолковые богословия. А между тем и этой книги нельзя давать в руки каждому: в ней наповал убита религия.

— Нельзя ли по крайней мере прочитать эту книгу?

— Эк ты хватил. Ты соблазнишься. Кроме того, ты не настолько подготовлен к чтению этой книги, чтоб мог понять всю ее глубину и прелесть. Для этого требуется основательное знание естественных наук. Я ими занимался много и специально, а потому мне все в этой книге доступно».

---

[1] Речь идет о фрагменте из книги XVIII «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, начинающемся словами: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос». См. полностью: Иисус Христос в документах истории / Сост. Б. Г. Деревенский. СПб.: Алетейя, 2007. С. 54—57. Споры о достоверности этого свидетельства начались в XVI в.

[*] «Сила и материя» (*нем.*).

[2] Труд немецкого философа Л. Бюхнера (1855), популярный в среде 60-десятников.

Не стану утруждать внимания Вашего выписками, но упомяну, что в одном из писем (от 15 марта 1861 г.) Вениамин предлагает Гилярову на разрешение 8 вопросов, мнения по коим Афанасия так «потрясли» В<ениамин>а, что он «не знал, за что ухватиться». Вероятно, ответом на это письмо и служит тот большой отрывок, о котором выше упомянуто.

Не решаясь вверить почте как прилагаемые письма Гилярова, так и этого письма, я воспользовался любезным согласием моего друга Кн. Ширинского-Шихматова — отправить их к Вам казенною посылкою от Конторы.

Искренно и душевно Вам преданный Кн. Н. Шаховской.

12 нояб<ря> 1897.

28*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 19 ноября 1897 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Премного благодарен Вам за сообщение крайне интересных писем Гилярова. Много тут разбросано искрами глубокой мысли, которую никогда не удавалось Гилярову соединить в одно целое вместилище. Но потому-то именно это — чтение *для немногих*.[1] Для многих будет отчасти непонятно, отчасти соблазнительно. Итак, не вижу возможности включить это или часть этого в наше издание, тем более что в него войдут лишь напечатанные уже статьи. Что касается до сообщения Завитневичу, то, право, не знаю, что сказать. Завитневича не знаю и не могу судить о пропорциях ума его. Он издает 2 тома о Хомякове, — и на эту тему можно много фантазировать.

---

* Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 7—8. Фрагменты опубликованы нами в издании: *Возвращение*. С. 210, 228.

[1] С такой отметкой — «Для немногих» — сам Победоносцем опубликовал, например, свои «Отрывки из школьного дневника. 1842—1845 гг.» (СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1885. <2>, II, 118, <2>, 9 с.).

Однако жаль, если пропадут эти письма. Мне приходит на мысль — не напечатать ли их особою брошюркою за границей, в Берлине? В небольшом количестве. Это можно бы устроить.

Кто этот Романов? [1] Я не слыхал об нем. Бумаги возвращу Вам сам, если соберусь скоро в Москву, или пришлю на Ширинского в казенном пакете.

Вот, кончились страдания брата Льва,[2] и Вы его похоронили. Спаси его Боже.

Здравствуйте. К. Победоносцев.

Пбург. 19 ноября 1897.

29*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 2 января 1898 г.

Здравствуйте на Новый Год.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович!

Спешу отвечать.

Без сомнения, лучше будет сказать: *Сборник* сочинений, вместо Сб. статей.

Мысль Ваша — пустить вместо предисловия биографию — конечно, прекрасная, — я не ожидал только, что Вы успеете справиться с работой. 1 том утолщен будет, но не беда. Надо только выбрать шрифт убористый.

Ввиду Вашего скорого отъезда постараюсь просмотреть тетрадь сегодня же и завтра выслать Вам на имя Кн. Ширинского. Предупредите его.

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

---

[1] Неосведомленность Победоносцева об И. Ф. Романове кажущаяся и объясняется тем, что тот печатал свои статьи под псевдонимами (наиболее частотный — Рцы). Есть сведения, что благодаря заступничеству Победоносцева удалось оградить от цензурного запрещения статью Рцы «Тексты перепутал! (По поводу “Крейцеровой сонаты” Л. Н. Толстого. Письмо к С. Ф. Шарапову)» (1890).

[2] Князь Л. В. Шаховской умер в Москве 13 ноября 1897 г.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 9.

2 янв<аря> 1898. Пбург.

На обертке, конечно, след<ует> выставить 1899 год.[1] Если есть еще в продаже «Воспоминания», можно объявить их на задней стор<оне> обертки.[2]

30*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 25 января 1898 г.

Москва, 25 янв<аря> 1898 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович,

Вам посланы корректурные листы двух статей Гилярова, набранных хотя одним и тем же шрифтом, но разною, так сказать, компактностью шрифта. В первой статье о Формозе шрифт более расставлен, во второй [3] — сужен. Каким способом угодно Вам будет приказать печатать?

Мне кажется, что по внешнему виду между обоими способами незаметно почти никакой разницы, между тем второй на 50 печатных листов дает экономии в два листа, что на 1200 экземпляров составит 2400 листов. По моему мнению, не следует брезгать такой экономией и надо остановиться на более убористом наборе.

Из № 1 «Русского Труда», в коем помещено письмо Гилярова к митрополиту Сербскому Михаилу,[4] я увидал, что Гальперсон снова обратилась к Шарапову, чтоб в новом его журнале продолжать печатание бумаг Никиты Петровича. Судя по заявлению Шарапова (Особое приложение к № 1 «Русского

---

[1] Так и было сделано: т. I датирован 1899 годом, а II — 1900-м.

[2] На задней стороне обложки обоих томов помещен список из 9 книг, изданных Победоносцевым в 1895—1898 гг.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 31—32 об.

[3] Первые публикации: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*: 1) О папе Формозе // Прибавление к изданию Творений Св. Отцов. 1855. Ч. XXV, кн. 2. С. 239—277; отд. изд.: М., 1855. 39 с.; 2) О папе Формозе и латинском перстосложении // Православный Собеседник. 1863. Ч. I. Янв. С. 1—34; Февр. С. 102—141. Формоз (816—896) — папа Римский с 891 г.; считается зачинателем раскола христианства.

[4] Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г<альперсон> // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7.

Труда», статья «От редактора», 3-й столбец), в одном из ближайших №№ этого журнала будет между прочим перепечатана статья Гилярова «Личное и Общественное»,[1] уступленная Вам, по составленной самой Гальперсон описи, для Сборника статей Гилярова.

Если Вас не затруднит, не откажите через Кн. Шир<инского>-Шихматова дать мне сведения о том, какое служебное место Вы изволили занимать в Москве в 1860 году [2] и когда и на какую должность перешли Вы в Петербурге.

Искренно и душевно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

31*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 28 января 1898 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович!

Отвечаю на вопросы Ваши.

1. Статьи Гилярова я велел набирать убористее, дабы издание обошлось дешевле.

2. В «Русский Труд», вероятно, г-жа Гальперсон дала статьи Гилярова. Я спрошу у нее. Впрочем, для самого издания, кажется, это безразлично, потому что газета Шарапова мало кому известна и едва ли помещение в ней некоторых статей могло бы повредить нашему Сборнику.

3. В 1860 году я занимал должность Обер-Секретаря в Общ<ем> Собр<ании> Моск<овских> Д<епартаменто>в Сената, а с 1859 года, с осени, по приглашению Москов<ского> Унив<ерситета>, читал на 2 или 3 курсах лекции Гражд<анского> права и Судопроизводства. Оставаясь в этой должности, в 1862

---

[1] *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> З<емлевладельцев>». № 22) // *ЖЗ.* 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411—438.

[2] Этим годом датировано начало переписки Гилярова и Победоносцева.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 10—11.

г. временно на год переезжал в Пбург для занятий с Цесаревичем [1] и в Комитет Судебной реформы. В 1863 г. путешествовал с Цесаревичем и осенью б<ыл> назначен Обер-Прокурором 8 Д<епартамен>та Сената в Москве, где и оставался до 1866 года, когда переехал окончательно в Пбург для занятий с новым Цесаревичем,[2] причем б<ыл> назначен Членом Консультаций в Мин<истерство> Юстиции. Время моего знакомства с Гиляровым определяется годом издания «Христианского начала Семейной жизни» [3] — книга, которую цензуровал Гиляров.

Здравствуйте. К. Победоносцев.

28 янв<аря> 1898. Пбург.

32*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 31 января 1898 г.

Вот письмо г-жи Гальперсон.

«Русский Труд» я не вижу, но по Вашему письму заключаю, будто в № 1 Шарапов ссылается на г-жу Гальперсон.

К. Поб<едоносцев>.

31 янв<аря> 1898. Пб.

33*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 2 февраля 1898 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

---

[1] Цесаревич Николай Александрович (1843—1865), старший сын Александра II, скончавшийся туберкулезного менингита.

[2] Будущий император Александр III.

[3] Речь идет об анонимно опубликованном Победоносцевым переводе сочинения немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861). Цензурное разрешение подписано Гиляровым, в тот период служившим в Московском цензурном комитете, 19 декабря 1860 г.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 12.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 33—34 об.

Я сообщил Вам, что Шарапов заявил в прилагаемой при сем статье «от Редактора» о своем намерении издать «Личное и Общественное» Гилярова, т. е. то сочинение, которое входит в состав нашего *Сборника*. Я писал Вам, помнится, также о том, что г-жа Гальперсон обнародовала в 1-м № «Русского Труда» письмо Гилярова к Сербскому Митрополиту Михаилу, из чего я заключил, что она, по-видимому, собирается в органе Шарапова печатать имеющиеся у нее материалы. Но я не говорил, чтоб Шарапов ссылался на г-жу Гальперсон. Ее имя не было упомянуто в журнале. Из присланного Вами письма ее я вижу, что на печатание предназначенных для Сборника статей Гилярова Шарапов от г-жи Гальперсон разрешения не получил. Таким образом, если б Вы признали возможным переслать последней препровождаемую статью «от Редактора», в коей отчеркнуто место о «Личном и общественном», то этим, быть может, предупредили бы самовольную перепечатку этой статьи Гилярова [a] Шараповым на столбцах «Русского Труда».[1]

Меня очень тревожит судьба «Русского Обозрения», коего январск<ая> книжка до сих пор еще не поступала ко мне на цензуру.[2] Такая неаккуратность Александрова [3] может очень вредно отразиться на подписке. Еще до сих пор московские городские подписчики воздерживаются от подписки на журнал, выжидая выход 1-го №. Трудно вести журнал лицу, имеющему постоянное место жительства у Троицы [4] и только временно наезжающему в Москву.

Искренно и душевно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

М<осква>. 2 фев<раля> 1898 г.

---

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[1] В итоге эта статья Гилярова не была перепечатана в газете С. Ф. Шарапова.

[2] Князь Шаховской в тот период служил старшим цензором С.-Петербургского комитета.

[3] А. А. Александров, редактор журнала «Русское Обозрение».

[4] То есть в Сергиевом Посаде.

34*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 3 февраля 1898 г.

ГлубокоуважаемыйКонстантин Петрович.

Позвольте Вам возвратить письмо г-жи Гальперсон. Мне кажется, что она сама должна бы, не прикрываясь Вами, известить Шарапова о том, что право на издание статей Гилярова уступлено Вам и что посему она ему разрешить издание «Личного и Общественного» и вообще всех статей Гилярова, печатавшихся не в «Соврем<енных> Известиях», теперь не может.

Набор статей для Сборника в Синодальной Типографии двигается крайне медленно. Я до сих пор не получил еще продолжения 2-й статьи о папе Формозе. Кстати, для этой статьи я предполагал в примечании привести следующую выписку из письма Гилярова (от 1 янв<аря> 1859 г.) к арх<имандриту> Иоанну Соколову, которому он статью послал потом для помещения в «Православном Собеседнике» (помещена в 1863 г.): «В то время, как служил еще в Московск<ой> Дух<овной> Академии, мною составлена была обширная статья о папе Формозе и о перстосложении для крестного знамения вообще. Предисловие к этой статье весьма коротенькое было напечатано в Творениях Св. Отцев за 1855 год. К тому времени, как печатать продолжение, последовала моя отставка, и мне, по известным отношениям, весьма неловко было, да и самому не хотелось настаивать на дальнейшее печатание <так!> в том журнале. Статья между тем составлена мною была весьма добросовестно и заключает в себе довольно нового; и существеннейшая-то ее часть остается в рукописи. Я хотел обратиться к Вашему Высокопреподобию с просьбою, не поместите ли ее в “Прав<ославном> Соб<еседнике>”, для которого она весьма бы шла? Не имея чести быть с Вами знакомым, я не смел обратиться к Вам, и потому все откладывал свою просьбу. Теперь ее к Вам обращаю и прошу Вас покорнейше, в случае согласия, уведо-

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 35—36 об.

мить меня; после чего статья и будет препровождена в редакцию к Вам на рассмотрение».

Александров меня сегодня уверял, что в конце этой недели 1 № «Рус<ского> Обозр<ения>» поступит в цензуру и что засим февральская и мартовская книжки будут им одновременно печататься в двух типографиях («Моск<овских> Вед<омостей>» и Сытина).

Искренно и душевно Вам преданный Кн. Н. Шаховской.

3 ф<евраля> 98 г.

35*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 6 февраля 1898 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

Мне кажется совершенно уместным предполагаемое Вами примечание к статье о папе Формозе.

Московское «Обозрение» [1] представляет, подобно своему издателю, жалкие виды на будущее. Теперь «Русский Вестник», явивший уже 2 книжки, может взять перед. <так!>

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

6 февр<аля> 1898. Пбург.

36*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 6 февраля 1898 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 13.

[1] Подразумевается журнал «Русское Обозрение».

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 1—2 об.

Позвольте Вам вернуть письма г-жи Гальперсон. Не вздумал бы только Шарапов давать ей объяснения в своем журнале! Это от него может статься.

«Русское Обозрение» поступило ко мне сегодня на цензуру. Книга большая и содержит в себе довольно интересные статьи, искупающие отчасти неаккуратность Александрова. Так, останавливает на себе внимание огромное письмо Кохановской к Гр. Л. Н. Толстому,[1] заключающее в себе более горячее и искреннее, чем сильное нападение на него по поводу «Исповеди». К письму предложен портрет Кохановской. Возбудит, вероятно, толки статья о дуэли Лермонтова с Мартыновым.[2] Сын Мартынова, со слов своего покойного отца, старается снять с памяти его ответственность за роковой исход столкновения его с Лермонтовым. Но, выгораживая отца, он осуждает секунданта Лермонтова Кн. Васильчикова,[3] скрывшего от Мартынова следующие слова поэта: «Я сознаю себя настолько виноватым перед Мартыновым, что чувствую — рука моя на него не подымется». Передай он эти слова Мартынову — и дуэли бы не было, и обиженный протянул бы первый руку примирения своему обидчику. — Эту статью не принял в «Русский Архив» П. И. Бартенев, страха ради Княгини Мещерской-Паниной, коей дочь замужем за Кн. Васильчиковым (сыном или внуком секунданта Лермонтова).[4] — Любопытно также письмо из Лондона о посвященном Хомякову заседании Англо-Русского общества.[5] Есть небольшие статьи С. А. Рачинского,[6] Еленева,[1] Розанова,[2] Фуделя,[3] а также матерьялы, касающиеся

---

[1] *Кохановская <Н. С.>*. Письмо графу Л. Н. Толстому // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 5—57. Датировано 5 февраля 1883 г. Впервые опубликовано: Гражданин. 1884. 19 февр. № 8. С. 7—12; 26 февр. № 9. С. 5—9; 4 марта. № 10. С. 4—9; 11 марта. № 11. С. 6—10.

[2] *Мартынов Сергей Николаевич*. История дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 313—326.

[3] Князь Александр Илларионович Васильчиков (1818—1881) — писатель и общественный деятель, владелец образцового в хозяйственном отношении имения Трубетчино.

[4] Сын князя А. И. Васильчикова, Борис Александрович (1860—1931), шталмейстер (1903), был женат на княжне Софии Николаевне Мещерской (1867—1942), дочери княгини Марии Александровны Мещерской (ур. Панина; 1830—1903).

[5] *Е. К. С. <Смирнов Е. К., прот.>*. Англо-русское литературное общество и его заседание, посвященное А. С. Хомякову: (Письмо из Лондона) // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 453—475. Протоиерей Евгений Константинович Смирнов (1845—1923) — духовный писатель, настоятель посольской церкви в Лондоне.

[6] *Рачинский С.* Церкви и школы // Там же. С. 169—176.

К. Леонтьева, Герцена, Кохановской,[4] — все это заслуживает внимания. Не говорю о Льве Тихомирове,[5] которого я всегда читаю с опаской, памятуя слова Гилярова: «Самый искренний ренегат всегда остается до известной степени верен своему учителю и первоначальной школе, в которой воспитывался, даже тогда, когда он с ними спорит. Он отвергает их выводы теоретические и практические, но не в силах сойти с основания, которое у них общее».[6]

Искренно и душевно Вам преданный Кн. Н. Шаховской.

6 февр<аля> 1898 г.

37*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 20 февраля 1898 г.

Москва, 20 февр<аля> 98 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Метранпаж Синодальной типографии затрудняется приступать к печатанию первого листа Сборника (что нужно для освобождения шрифта для

---

[1] *Еленев Ф.* Пользы или вреда следует ожидать России от заключения литературно-художественной конвенции с иностранными государствами? // Там же. С. 395—409. Федор Павлович Еленев (1829—1902) — публицист, цензор С.-Петербургского цензурного комитета (с 1862 г.), член Главного управления по делам печати (с 1868 г.) и Совета Министерства внутренних дел (1889—1896); друг Гилярова.

[2] *Розанов В.* Несколько замечаний по поводу студенческих беспорядков // Там же. С. 411—420.

[3] *Фудель И., свящ.* Из вопросов веры и жизни: Русское дело в Подляшьи // Там же. С. 504—512. Протоиерей Иосиф (Осип) Иванович Фудель (1863—1918) — консервативный публицист, духовный писатель, общественный деятель.

[4] Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей: 1) *Миляев Н.* Из воспоминаний о К. Н. Леонтьеве; *Леонтьев К. Н.* Письма к В. А. П—ой; 3) *Герцен А. И., Герцена Т.* Письма к В. Н. и А. Г. Кашперовым; 4) *Соханская (Кохановская) Н. С.* Сорочья Кашка: (Детская игра): Из неизданных бумаг // Там же. С. 485—503.

[5] *Тихомиров Л.* Летопись печати: 1) Переходное время; 2) Обзор повременной печати // Там же. С. 518—536. Лев Александрович Тихомиров (1852—1923) — мыслитель, публицист, мемуарист; до 1888 г. революционер-народник.

[6] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 30 марта // *СИ*. 1880. 31 марта. № 89. С. 2. Передовая статья, постулирующая внутреннее родство издателей газеты «Берег» П. П. Цитовича и газеты «Набат» П. Н. Ткачева.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 3—4 об.

дальнейшего набора), пока он не получит указания относительно 1) заглавия Сборника и 2) предисловия. В первый лист кроме Папы Формоза должно войти заглавие книги (которое обыкновенно печатается на обложке и вторично на белом листе) и предисловие. Конечно, можно и то и другое отпечатать после, но тогда придется вклеивать листики. Если предисловие будет короткое и уместится на одной страничке, то можно начать печатать прямо с третьего листика, а два оставить пустые — для напечатания потом заглавия и предисловия.

Позвольте для издания остановиться на таком заглавии:

«Н. П. Гиляров-Платонов.

Сборник статей,

том 1-й.

Издание К. П. Победоносцева».

Перечень входящих в каждый том статей будет отнесен к концу книги.

Хотя Вы мне и высказывали намерение Ваше поместить в Сборник только статьи Гилярова, уже бывшие в печати, но я все же позволю себе предложить Вам напечатать и предлагаемое письмо Гилярова к Ю. Ф. Самарину о философской терминологии Хомякова. Это письмо было бы очень уместно после поминальной статьи Гилярова о Хомякове.

Второе прилагаемое здесь письмо писано, по-видимому, Гиляровым к В<еликой> К<нягине> Елене Павловне и относится, вероятно, к 1861—62 гг. Дело идет о каком-то благотворительном учреждении для неимущего духовенства.[1] Так как имя Ваше упоминается в этом письме, то не откажите мне объяс-

---

[1] Речь идет о знаменитом Братстве, возникшем по инициативе вел. кн. Елены Павловны. § 1 его Устава, утвержденный резолюцией митр. Филарета (Дроздова) № 3831 от 29 сентября 1865 г., гласил: «В память почившего в Бозе Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича учреждается в Москве, при церкви Св. Николая Чудотворца, именуемого Явленным, что на Арбатской улице, Братство во имя Св. Николая»; § 2: «Целью сего Братства будет попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах Московской, а буде представится возможность, то и других епархий» (Устав Братства Святителя Николая. М., 1865. С. 2). Для этого в качестве руководящего органа Братства был учрежден Московский комитет по вспоможению беднейшим ученикам духовного звания, о котором в Уставе говорилось: «Комитет сей, открывшийся 9 мая 1865 года и располагающий средствами, дарованными от Ее Императорского Высочества Великой Княгини

нить, о каком учреждении идет здесь речь и какая роль в этом предназначалась Гилярову, а также какую исполняли Вы?

Искренно и душевно Вам преданный Кн. Н. Шаховской.

38*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 21 февраля 1898 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

1. Не понимаю затруднений метранпажа. Предисловие обыкновенно и составляется окончательно уже в самом конце печатания текста. Мож<ет> быть, он просит приблизительного указания размера, — но и это зачем, ибо нумерация бывает особая.

То же и заглавный лист. Он пойдет в связи с предисловием. И я когда печатаю, все оставляю до конца.

Заглавие не лучше ли так:

Сборник статей

Н. П. Гилярова-Платонова?

2. Письмо Гил<ярова> к Самарину непременно следует поместить, и так, как Вы предполагаете, в приложении к ст<атье> о Хомякове — пожалуй, как приложение, и шрифтом поменее.[1] Надеюсь, что г-жа Гальперсон не может иметь претензии.

Елены Павловны и представленными от некоторых частных благотворителей, будет избирать беднейших учеников для содержания их, в качестве стипендиатов или пансионеров, под своим надзором и попечением. Комитет состоит из четырех членов; двое из них назначены по выбору Ее Высочества, и двое — по выбору Высокопреосвященного митрополита Московского. В настоящее время членами Комитета состоят: Московского Данилова монастыря архимандрит Иаков и протоиерей Казанской, у Калужских ворот, церкви Ключарев, д<ействительный> ст<атский> сов<етник> Победоносцев и ст<атский> с<оветник> Гиляров-Платонов» (Там же. С. 5).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 14—15 об.

[1] Письмо Гилярова к Ю. Ф. Самарину было напечатано вслед за речью о Хомякове, но не как приложение к ней и тем же крупным шрифтом.

3. Письмо, коего черновик Вы прислали, конечно, писано В<еликой> Кн<ягине> Елене Павловне и относится к 1865 году.[1] По мысли В<еликой> Княгини, устроен Приют для детей бедного духовенства, доныне существующий при Донском училище, и в связи с ним Братство Св. Николая в память покойного Цесаревича. Я был главным заводчиком и проводником этого дела, подавая записку об нем Высоч<айшим> особам, кои приняли в нем участие. Тогда В<еликой> Княгине указали на Гилярова как деятеля в этом предприятии. Он был в числе первых братчиков и членов Совета вместе со мною, протоиер<еем> Зерновым,[2] А. О. Ключаревым (Амвросий), Н. А. Сергиевским (попечитель) и пр. Вначале Гиляр<ов> принимал деятельное участие,[3] потом как-то отстал. Братство и доныне состоит при церкви Николы Явленного.[4]

Здравствуйте. К. Победоносцев.

21 февр<аля> 1898. Пб.

Какая опять глупость со стороны Александрова издавать такие толстые книжки и тем ослаблять себя, запаздывая! Неужели для того, чтобы поравняться с «Русскою Мыслью»[5]?

39*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 13 марта 1898 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

---

[1] Речь идет о письме к Гилярову великой княгини Елены Павловны от 22 марта 1865 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 50. <№ 1>. Л. 1—2).

[2] Протоиерей Стефан Иванович Зернов (1817—1886), настоятель Николоявленской церкви (1875—1886), гласный Московской городской думы (1877—1880), духовный цензор, председатель Братства Святителя Николая.

[3] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* К истории благотворительности в России: (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву. 1866—1867) // *Гиляров: ИМБР*. С. 837—876.

[4] Церковь Николы Явленного на Арбате (храм Николая Чудотворца), с 1593 г. находившаяся на углу Арбата и Серебряного переулка, снесена в 1933 г. (здание было возведено в 1860 г.). Ныне здесь школа № 73.

[5] *«Русская Мысль»* — ежемесячник, выходивший в Москве с 1880 по 1918 г.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 16—17.

Для Александрова ничего нельзя сделать — и не стоит — все равно уйдет в яму [1] и пропадет. Я от него отрекаюсь. Чую, лучше пусть бы передал другому лицу журнал, а взял бы одну газету,[2] которая в руках Сытина превратилась в сущую дрянь, — и г. Благов [3] отвергает все церковное и клерикальное, а от промышленника Сытина, у коего работают Вахтеров [4] и Рубакин,[5] добра ждать нечего.

Сейчас был у меня Соловьев.[6] Он производит целое дознание об Александрове, который оказывается — чуть ли не просто мошенником! Забирая всякими способами деньги и поглощая их куда? неизвестно — полагают, что в Банк, на имя жены своей.[7] В таких условиях, согласитесь, искусственно поддерживать человека — даже недобросовестно!

Но не печально ли это, что у нас так называемые консерваторы и церковники — зачастую оказываются под конец замаскированными негодяями!

Здравствуйте. К. Победоносцев.

Оказывается, что, и в последний раз быв здесь, Александров гонялся за субсидиями, ссылаясь — облыжно — на мое имя.

13 марта 1898. Пб.

40*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

---

[1] Метафорическое использование выражения «долговая яма».

[2] Имеется в виду газета «Русское Слово». А. А. Александров был вынужден продать право на издание газеты (в августе 1897 г. был подписан акт продажи газеты за 15 тысяч рублей И. Д. Сытину), но оставался редактором.

[3] Федор Иванович Благов (1866—1934) — журналист, зять И. Д. Сытина; официальный главный редактор газеты «Русское Слово» с мая 1901 г.

[4] Василий Порфирьевич Вахтеров (1853—1924) — публицист, педагог-методист.

[5] Николай Александрович Рубакин (1862—1946) — книговед, библиограф, популяризатор науки.

[6] Михаил Петрович Соловьев (1842—1901) — правовед, в 1896—1900 гг. исправлявший должность начальника Главного управления по делам печати.

[7] Евдокия Тарасовна Александрова (? — не ранее 1936) — жена А. А. Александрова с 1888 г.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 18.

Царское Село, 24 июля 1898 г.

Цар<ское> Село. 24 июля 1898.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Думаю, что предполагаемые Вами примечания весьма могут быть включены в книгу. Может быть, удобнее выпустить некоторые строки, мною замаранные. Для видимости прилагаю Ваше письмо.

Здравствуйте. К. Победоносцев.

41*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 17 ноября 1898 г.

Эти гранки, издавна накопившиеся, я посылал г-же Гальперсон, дабы она знала, что дело не стоит. Она возвращает их мне при записке. Конечно, опечатки были в свое время исправлены, но все-таки посылаю Вам ее записку.

К. Побед<оносцев>.

17 нояб<ря> 98. Пб.

42*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 2 января 1899 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Спешу возвратить Вам Вашу рукопись.[1] Статья прекрасная и будет значительным украшением издания.

Но я предложил бы некоторые, думаю, незначительные изменения ради осторожности и в том еще соображении, что издание соединено с моим именем.

На стр. 22 и 23 я выпустил бы очерченное карандашом место, потому что оно может дать опору нынешним газетным глашатаям, требующим подчинить

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 19.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 1—2 об.

[1] Речь идет о предисловии князя Шаховского к «Сборнику сочинений» Гилярова.

печать одному лишь суду, — что я считаю в настоящем положении и нашего суда, и нашего общества гибельным делом. Последующие строки ближе объясняют разумную мысль Гилярова.

На стр. 25 лучше выпустить очерченные строки. Дело говорит само за себя. А для знающих Головнина и К° не может быть места удивлению.

На стр. 30 не стоит удерживать упоминание о Пороховщикове. Пор<оховщиков> такой и глупый и нахальный, что, пожалуй, эти строки побудят его поднимать где-нибудь в «Русском Труде» забытую грязь и валить ее на Гилярова.

На стр. 37 лучше выпустить 3 строки о Каткове. Они тоже могут подать повод к недоразумениям и возбудить полемику. Катков натура сложная, и в 3 строках его не охарактеризуешь, а тут требуется лишь показать в общих чертах отличие его как публициста от Гилярова.

Тут же в письме Аксакова я выпустил бы несколько слов. Думаю, что сл<ово> *сближение* понятно будет и без пояснения — *с кем*. А другая фраза может иным показаться за хвастовство, хотя никакого хвастовства тут не было.

На стр. 43 все-таки лучше выпустить *какой-нибудь*.

Вот и все. Мне интересно было увидеть след моей переписки с Тимашевым и Лонгиновым,[1] что совсем вышло у меня из памяти.

Поминаются у Вас статьи «о духовных училищах» в газете «Москва». Я что-то этих статей не помню. Кажется, их нет в нашем издании?

Здравствуйте. — До свидания.

К. Победоносцев.

2 янв<аря> 1899. Пбург.

Еще в конце изменил поклонника на почитателя.[1] Ничьим поклонником еще не называл себя.

---

[1] Имеются в виду отразившиеся в переписке с Гиляровым хлопоты Победоносцева в начале 1870-х гг. перед министром внутренних дел А. Е. Тимашевым и начальником Главного управления по делам печати М. Н. Лонгиновым о снятии цензурных кар с газеты «Современные Известия» (см.: *Сб. соч.* Т. I. С. LI—LII).

43*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 4 января 1899 г.

Москва. 4 янв<аря> 1899 г.

Глубокоуважаемый

Константин Петрович.

Статью мою с письмом Вашим я получил сегодня и поспешил сделать в ней исправления согласно Вашим указаниям. — Статьи в «Москве» «о духовных училищах» мне известны, но я затруднялся включить их в Гиляровский *Сборник* ввиду следующего отзыва *самого Гилярова* об этих статьях в его письме к В. А. Лаврову:

«Вопрос о том, я ли автор статей, о которых Вы изволите спрашивать, я считаю второстепенным *и не могу ответить на него ни да, ни нет, ибо и то и другое было бы несправедливо*. Статьи эти передовые, редакционные, безличные. Мнение о желаемом способе преобразований духовных училищ, хотя усвоила редакция, но мое: его я излагал как-то на словах при Вас; излагал я и графу (Толстому [2]) в августе 1865 г. Но затем, что в статьях, о которых Вы спрашиваете, кому принадлежит, где кто начинает и где кто оканчивает, — это вопрос редакции, и никто из содействующих ей не имеет права себе что-нибудь присвоить. Не нарушая ничьих секретов, могу Вас честным словом уверить только в одном, что мое участие послужило, конечно, не к усилению возражений, точно также мое совершенное устранение от редакции послужит, конечно, не к смягчению статей, которые неизбежно будут являться в газете, имеющей наполовину под-

---

[1] Имеется в виду следующая фраза из предисловия князя Шаховского: «Настоящий Сборник сочинений Гилярова издается лицом, принадлежащим к числу тех немногих почитателей Никиты Петровича, которые дорожили писаниями его, умели ценить их серьезную, непреходящую сторону» (Там же. С. LX).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 5—6 об.

[2] Имеется в виду граф Юрий Васильевич Толстой (1824—1878), историк и архивист, в 1866—1878 гг. занимавший пост товарища обер-прокурора Св. Синода.

писчиков из духовенства. Моим участием резкость может ослабляться, а моим безучастием, без сомнения, только усилится».[1]

Из этих строк видно, что Гиляров отказывается признать себя *всецело* автором статей, а выставляет себя как бы только вдохновителем и редактором их; кроме того, статьи эти неподписанные, редакционные. На основании всех этих соображений я полагал неудобным их включать в Сборник сочинений, принадлежащий перу самого Гилярова *всецело*.

Отъезд мой в Петербург на некоторое время задерживается ввиду сериозной болезни моей матери,[2] захворавшей изнурительной малярией. Преклонный ее возраст, большое истощение сил и непрекращающееся вот уже 9-й день по вечерам повышение (до 39,6°) температуры — все это тревожит меня мучительными опасениями. Я могу только тогда решиться выехать, когда убеждусь, что выздоровление больной стало на твердый путь и что она вынесет без ущерба для здоровья расставание со мною.

Завтра отдам в набор мою статью и постараюсь выправить корректуру до отъезда в Петербург.

Остается еще один нерешенный вопрос — по какой цене будет продаваться *Сборник*? Надо выставить цену на первом томе для обоих.[3] Подписку объявить придется *по* выходе в свет 1-го тома.

Искренно и душевно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

44*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

---

[1] Неточно (с пропусками и небольшой стилистической обработкой) печатается фрагмент письма Гилярова к В. А. Лаврову от марта 1867 г. (ср. рукописную копию князя Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 434. Л. 7).

[2] Княгиня А. П. Шаховская (ур. Ефремова).

[3] В итоге на задней странице обложки была указана цена 2 рубля за оба тома.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 3—3 об. На почтовой карточке («открытое письмо»). Штемпель: «С.-Петербург. 7 янв. 1899».

С.-Петербург, 6 января 1899 г.

В котором году газеты «Москва» и № статья Гилярова о духовной школе?

К. П.

6 янв<аря>.

<*Адрес*:> Москва.

Князю Николаю Владимировичу Шаховскому.

Спиридоновка, в своем доме.

45*

Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву

Москва, 8 января 1899 г.

Москва. 8 янв<аря> 99 г.

Глубокоуважаемый

Константин Петрович.

Передовые статьи в газете «Москва» о духовно-учебных заведениях печатались в 1867 году, когда действовал Комитет, Высоч<айше> утвержденный для преобразования духовно-учебных заведений. Этих статей появилось три всего на все: в №№ 26, 47 и 53. Препровождаю их при сем к Вам, дабы Вы сами могли судить о том, можно ли их поместить в *Сборник*.

Статью о Гилярове я во вторник утром снес лично в Типографию, прося возможно скорее ее набрать, чтоб я мог, пока еще остаюсь здесь, продержать корректуру и просмотреть в сверстанном виде. Шрифт выбрал я тот самый, которым напечатано Ваше издание сочинения Лё-Плè.[1] Думаю, что и сорочка [2] для Сборника могла бы быть совершенно такою же, как у «Основной Конституции»

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 7—8.

[1] Основная конституция человеческого рода: Соч. Ле-Пле / С очерком жизни и деятельности автора / Изд. <и пер. с фр.> К. П. Победоносцева. М.: Синодал. тип., 1897. XLIII, 236, IV с.

[2] *Сорочка* — зд.: бумажная обложка книги.

Ле-Плѐ, или же как забракованная Вами сорочка для «Московского Сборника».[1] Я просил сделать оттиски и представлю их Вам.

Кроме цены издания следует подумать и о том, с какими книжными магазинами или конторами надо вступить в соглашение для приема подписки на *Сборник*.

Моей матушке немного получше, но она очень слаба и расстроена нервами.

Искренно и душевно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

46*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 10 января 1899 г.

Благодарю, почтеннейший Кн. Николай Владимирович, за сообщение статей Гилярова. Очевидно им нет места в нашем Сборнике — они не заключают в себе ничего цельного.

Но как непрактично, что Вы послали их мне в пакете с *семью* 10-коп<еечными> марками. В бандероли это стоило бы 4 копейки!

Чего будет стоить печатание, можно сказать лишь по отпечатании целого 1-го тома.

Мне кажется, неудобно разбавить подписку на разные магазины — не справимся со счетами. Подписка явится в виде исключения, и пожалуй, лучше сосредоточить ее в Типографии и в Синодальной лавке.

Здравствуйте. К. Побед<оносцев>.

10 янв<аря> 1899. Пб.

47*

[1] Сборник статей Победоносцева.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 4—4 об.

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 23 апреля 1899 г.

Прочел записку и спешу возвратить ее. Ее *никоим образом* не следует помещать в наш Сборник. Она имела лишь временное значение в связи с возбужденным вопросом, состоит из опровержения временных предположений, не высказывает общих начал и ныне утратила значение, являясь лишь одним из фактов в истории бывшего преобразования учебных заведений.[1] Поэтому не имеет она и солидного интереса.

К. Побед<оносцев>.

23 апр<еля> 1899.

48*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 3 мая 1899 г.

Вот письмо, полученное мною от Войта [2] (возвратите). Я пишу ему, что охотно взялся бы издать эти письма,[3] но мне нужно видеть всю коллекцию — не угодно ли ко мне доставить.

Об издании хотя бы только Повестей Кохановской я давно имею заботу, но жаль будет, если это попадет в руки Сытину.

Только что прочел статью «Личное и общественное» — я не знал ее. Очень замечательная вещь — а она потонула в «Журн<але> Землевлад<ельцев>».[4]

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 5—5 об.

[1] Возможно, речь идет о записке Гилярова «К вопросу о духовенстве и духовных училищах», автограф которой хранится в архиве князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 303. 7 л.).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 6—6 об.

[2] Сергей Дмитриевич Войт, управляющий Московской Синодальной типографией, действительный статский советник, член Московского епархиального училищного совета.

[3] Возможно, через С. Д. Войта биограф Н. С. Кохановской С. И. Пономарев передал Победоносцеву подборку из писем писательницы к племяннице и наследнице М. О. Мозговой (ныне хранится в РГБ. Ф. 230. М 10802/23). *Сообщено О. Л. Фетисенко*.

[4] *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Личное и общественное.

Надо воскресить ее. Если б существовало «Русское Обозрение»,[1] там бы ее напечатать. Теперь негде. А всего более оценили бы ее в западной литературе, англ<ийской> или немецкой,[2] — где, думается, нет в этом роде ничего. И потом, когда набор кончится, я думал бы послать ее в Лондон к знакомому, разумевающему дело.

Есть опечатки — знаю, что не обойдешься, а уже теперь не поправишь. Наприм<ер>, на стр. 15 во фразе «Это совсем другое».[3]

К. Побед<оносцев>.

3 мая 99.

49*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 12 октября 1899 г. <?>

12 окт<ября>.

Возвращаю записку о Герцене — совершенно согласен. Но какой это сын его пропал? Этот ли, что погиб несчастною смертью? Я не знаю, был ли другой у него.[4]

Маленькое замечание.

---

[1] Последняя книжка журнала — майская за 1898 г.

[2] Ни Победоносцев, ни князь Шаховской не знали, что эта статья была переведена на немецкий и издана Фр. Боденштедтом в Лейпциге в 1862 г., она привлекла особое внимание правоведа И.-К. Блюнчли. См. подробнее: *Дмитриев А. П.*: 1) Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник РХГА. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116; 2) «Русская Беседа» в Германии: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом // *«Русская Беседа»*. С. 278—300.

[3] См.: *Сб. соч*. Т. II. С. 15. Имеется в виду опечатка: «д*а*казать». Из этого письма Победоносцева видно, что том II (М., 1900) вышел в мае 1899 г.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 7, 8. Год (с вопросом) приписан на полях князем Шаховским.

[4] У А. И. Герцена было трое сыновей: Александр (1839—1906), известный физиолог, живший в Швейцарии, Иван, умерший в 1842 г. через 5 дней после рождения, и Николай (1843—1851), который был от рождения глухим и погиб при кораблекрушении. О последнем и говорит Победоносцев.

Зачем у Вас *Гете* поставлен как прошедшее явление вместе с Гегелем? Никогда еще Гете не царил столько, как в наше время. И эти два имени несоизмеримые.

И другую записку прочел. Но я не совсем понимаю цель ее. Она обращается в конце уже не к цензурным мероприятиям, а оканчивается обращением к власти с советом — вполне разумным — об исследовании источников литературного и школьного движения в люторском мире.

Не знаю, куда Вы ее предназначаете. Но во всяком случае она, как материал, относится к той группе бумаг и предположений, которую я передал Вам для прочтения.

К. Побед<оносцев>.

23 апр<еля> 1899.

50*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

Царское Село, 19 октября 1899 г.

19 окт<ября> 99.

Охотно приму г. Харузина,[1] только не теперь в Цар<ском> Селе. Через несколько дней собираюсь переехать в П<етер>бург и тогда найду время.

Безумный Шарапов сгубил себя и свою газету.[2] Едва ли теперь можно ему выкарабкаться. Рассылка им теперь записок обвинительных на Мин<истерство> Фин<ансов> возбудила С. Ю. Витте к решительным действиям. Он требует за-

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 9—10.

[1] Алексей Николаевич Харузин (1864—1932) — этнограф и антрополог, государственный деятель, сенатор. Князь Н. В. Шаховской знал его, поскольку тот в 1891—1895 гг. служил в Ревеле: сначала чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе князе С. В. Шаховском, затем секретарем Крестьянской комиссии, секретарем Губернского статистического комитета и секретарем Губернского по крестьянским делам присутствия, а также редактировал «Временник Эстляндской губернии».

[2] «Русский Труд».

крытия газеты (и еще того больше). Вероятно, это и последует. Икскуль [1] хочет еще дождаться возвращения Муравьева [2] (ожидаемого в понедельник).

Декорация совсем переменилась. Горемыкин уже не Мин<истр> Вн<утренних> Д<ел>.[3] Кажется верно, что на его место будет Сипягин… [4] Конечно, это отразится и на Цензуре. Едва ли усидит на месте Соловьев… [5]

Сегодня в минуту отъезда моего из Пб. в 4 часа уловил меня в воксале Шарапов. Он имеет вид кающегося грешника с поджатым хвостом, но говорит еще о том, что надо спасать Россию… Я говорил с ним 10 минут, объяснив ему, что не могу ничего ни для газеты его, ни для спасения России по его способу. Он пытался провожать меня, но я уклонился.

Здравствуйте.

К. Побед<оносцев>.

51*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 9 июня 1900 г.

9 июня 900.

В старых бумагах нашел я сегодня пук писем И. С. Аксакова. Они относятся ко времени Сербской войны и к 1885 году. Вот два письма, которые могут интересовать Вас — в них поминается о Гилярове и о Павлове.[1]

---

[1] Барон Юлий Александрович Икскуль фон Гильденбандт (1853—1918) — товарищ Государственного секретаря (с 1899 г.), Государственный секретарь (1904—1909), действительный тайный советник (1912).

[2] Николай Валерианович Муравьев (1850—1908) — действительный тайный советник (1901), министр юстиции и генерал-прокурор (1894—1905), затем посол в Италии.

[3] Иван Логгинович Горемыкин (1839—1917) оставил Министерство внутренних дел 20 октября 1899 г.

[4] Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853—1902) был назначен сначала управляющим Министерством, а с 26 февраля 1900 г. — министром внутренних дел.

[5] М. П. Соловьев, действительно, 30 декабря 1899 г. был смещен с поста временно исправляющего должность начальника Главного управления по делам печати. Его, благодаря протекции Победоносцева, сменил князь Шаховской.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 938. Л. 3.

Прочитав, возвратите.

К. П.

NB. Спешу уведомить Вас, что книжку с описанием Московских торжеств[2] мы можем приобресть для школьных библиотек в количестве 14—15 тысяч экземпляров.

52*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 26 апреля 1902 г.

Любезный Кн. Николай Владимирович.

Все это время я под впечатлением вчерашнего странного и неудобь сказаемого события с Вами.[3] Понимаю смущение Ваше и огорчение в эту минуту — но опять скажу Вам — оправляйтесь и становитесь опять на ноги. Надобно пережить эту беду — как и многие придется еще переживать, — перейдет время — и все объяснится. Теперь же я желал бы Вам и советовал уехать поскорее и набираться силы и разума в уединении.

Здравствуйте — до свидания.

К. Победон<осцев>.

26 апр<еля> 1902.

---

[1] В архиве князя Шаховского сохранились подлинники трех писем И. Аксакова к Победоносцеву: от 23—24 и 29—30 декабря 1877 г. и 2 января 1878 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 937, 938). Они все касаются Гилярова, о <И. В.?> Павлове в них не упоминается.

[2] Возможно, речь идет о книге: *Георгиевский Г.* Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. 2-е изд. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1897. 247 с. (Приходская б-ка).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 2—2 об.

[3] Накануне, 25 апреля 1902 г., князь Шаховской потерял пост начальника Главного управления по делам печати и был назначен членом Совета министра внутренних дел. Это произошло из-за не замеченного цензорами пасквильного содержания фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», опубликованного 13 января 1902 г. в петербургской газете «Россия» и представлявшего собой карикатурное изображение Августейшего семейства.

53*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 6 июня 1902 г.

Любезный Кн. Николай Владимирович.

Не знаю, где искать Вас — но слышно, что Вы в Крыму, — вероятно, у Милютина? [1]

Перед отъездом Вашим не пришлось увидеться, а желательно знать, что у Вас уложено с Сувориным [2] — у него ли рукопись, делается ли набор, куда пойдет корректура? Здесь справиться мне не у кого.

Я очень, очень устал, и время такое, что нет покоя нравственного. Лето думаю пробыть в Царском Селе.

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

6 июня 1902. Пб.

54*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

Царское Село, 3 сентября 1902 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Где Вы теперь? Давно не знаю об Вас ничего. Когда можно ожидать Вас в П<етер>бурге, — и когда можно двинуть дело о печатании статей Гилярова?

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 3—3 об. На верхнем поле справа синим карандашом князь Шаховской пометил: «Отв<ечено> 12 июня».

[1] На дочери бывшего военного министра графа Д. А. Милютина, Елизавете Дмитриевне (1844—1939) был женат князь С. В. Шаховской; поэтому на даче Милютиных в Алупке отдыхали Шаховские.

[2] Здесь и в следующих письмах речь идет о книге: *Гиляров-Платонов Н. П.* Университетский вопрос: («Современные Известия» 1868—1884 гг.). СПб.: Изд. К. П. Победоносцева, 1903. VIII, 290 с. Она будет отпечатана в типографии А. С. Суворина.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 4.

На всякий случай пишу на Спиридоновку.

3 сент<ября> 1902.

Цар<ское> Село

55*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 22 января 1903 г.

Любезный Кн. Николай Владимирович.

Возвращаю листок.[1] Ничего не имею против Вашей редакции.

Только для меня новость, что выставлено: издание Победоносцева. Вы мне не говорили, и с Типографией я не договаривался. Книги, на коих это выставлено, я печатаю всегда в Москве. Впрочем, если нужно для рекомендации в публике, пожалуй.

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

21 янв<аря> 1903.

Не вышло бы каких недоразумений — и с Типографией, и с наследниками?

56*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 4 марта 1903 г.

Я не видал еще объявления о книге «Унив<ерситетский> вопрос».

А сегодня присылают ко мне из Кн<ижного> маг<азина> Вольфа просьбу прислать 800 экз<емпляров> с уступкою 30%.

Я отвечал, что все издание у Суворина — пусть к нему обращаются.

А от Суворина прислали 85 р<ублей>, должно б<ыть>, за переписку.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 5—5 об.

[1] Очевидно, это был вариант титульного листа сборника статей Гилярова «Университетский вопрос».

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 6.

Здравствуйте. К. Победон<осцев>.

4 марта 1903.

57*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 28 февраля 1904 г.

Не знаю, здесь ли Вы, любезный Кн. Николай Владимирович, или в ином месте.

Перечитывал сегодня статьи Гилярова, и пришла мысль: прекрасную статью его о нигилизме не напечатать ли отдельною брошюрой и пустить в обращение.[1] В сборнике всех статей мало кто прочтет ее.

Я нездоров и уже несколько дней вылеживаю.

Здравствуйте. К. Победон<осцев>.

28 фев<раля> 1904.

58*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

Царское Село, 20—22 июня 1904 г.

Цар<ское> Село. 20 июня 1904.

Любезнейший Кн. Николай Владимирович.

Благодарю за уведомление. Но я рассуждаю, что печатать 2400 экз<емпляров> [2] слишком много. Трудно рассчитывать на большой расход книги, при уменьшении цены. Ведь ее интерес для немногих, коим понятны возникавшие вопросы — а масса публики, принадлежащая к новому поколению, равнодушна ко всему этому. Вот, наш Сборник до сих пор не разошелся — и тут

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 7. Датировка уточнена по ссылке на заметку «Русских Ведомостей», вышедших 22 июня.

[1] Это намерение осуществилось. См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Откуда нигилизм? М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1904. 43 с.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 9—9 об.

[2] Видимо, речь идет о сборнике: *Вопросы веры и церкви*. Т. I—II.

лишь бы как выручить расходы печатания. Разница же в цене продажной не должна быть и велика — цена бумаги. — Портреты, найденные Вами, — не думаю, чтобы интересно было печатать, а это увеличит еще расход.

Ужасное, поразительное явление — циклон, разоривший Москву.[1] Едва ли когда бывало здесь что подобное. Летописи и старые акты говорят о «трусах».[2] Больно и страшно думать, что могла испытать Москва!

Видели ли Вы *ужасную* статью безумного Толстого о войне в «Times» [3]? Чертков,[4] конечно, разошлет ее по России в русских брошюрах.

Сейчас видел О. Н. Муравьеву. До сих пор участь ее не решилась. Видел я сегодня и Юсупову.[5] От нее слышал, будто Принцесса Евгения Макс<имилиановна> [6] находит затруднение в том, что развод начат и дело еще не кончено?

Здравствуйте и да хранит Вас Бог.

К. Побед<оносцев>.

21. Я написал, что, если Михайлов [7] полагает 2400, пускай печатают.

В «Рус<с>ких Ведом<остях>» напечатали, что памятник ставится (сегодня) на счет мой и Ваш.[1] Следовало бы исправить, что на счет прибыли от издания Сборника Сочинений?

---

[1] Имеется в виду ураган, зародившийся в Тульской губернии и уже в виде мощного смерча 16 июня 1904 г. пронесшийся над восточными окраинами Москвы в сторону Ярославля. Смерч уничтожил Люблино, Карачарово, Анненгофскую рощу, разрушил сотни построек в Лефортове, Басманной части и Сокольниках; погибло более ста человек.

[2] *Трус* — землетрясение.

[3] Статья Л. Н. Толстого «Одумайтесь!» о Русско-японской войне. Была впервые напечатана в Англии, в издании «Свободного слова», и сразу же появилась в переводах в английской (в том числе в «Таймс»), французской и немецкой прессе.

[4] Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) — друг Л. Н. Толстого, издатель.

[5] Знаменитая благотворительница княгиня Зинаида Николаевна Юсупова (по мужу Сумарокова-Эльстон; 1861—1939). Во время Русско-японской войны она была шефом военно-санитарного поезда; в имениях Юсуповых организованы больницы для раненых. Судя по следующему письму, О. Н. Муравьева стремилась участвовать в этом деле.

[6] Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская (ур. светл. княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская; 1845—1925). Видимо, речь идет о ее сыне Петре, равнодушном к женщинам, однако в 1901 г. женившемся на великой княжне Ольге Александровне, которая и спустя 15 лет, когда брак был расторгнут, оставалась девственна.

[7] Алексей Никифорович Михайлов — заведующий типографскими работами Синодальной типографии в Москве, позднее ее управляющий.

59*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 8 марта 1905 г.

Что Вы мне сообщили, повергает меня в изумление. Как выворочены все основные понятия об отношениях! Митрополит, Первенствующий Член Синода,[2] назначается под председательством Кобеки [3] в компанию журналистов! Никогда не бывало ничего подобного, и такого унижения сана! Неужели такая мысль пришла в голову Булыгину? [4]

Нельзя ли по крайней мере выговорить, что участие митрополита предполагается только в вопросах, касающихся духовной цензуры? Иначе — каково же будет его положение в бесконечных ночных заседаниях!

Скажите Булыгину.

---

[1] Приведем целиком текст заметки, опубликованной под рубрикой «Московские вести»: «Вчера, 21-го июня, вечером, в Новодевичьем монастыре было совершено открытие памятника на могиле публициста, редактора-издателя “Современных Известий” Никиты Петровича Гилярова-Платонова. Памятник, сооруженный почитателями покойного обер-прокурором Святейшего Синода статс-секретарем К. П. Победоносцевым и кн. Н. В. Шаховским, представляет из себя саркофаг в греческом стиле, сделанный из темного мрамора с крестом наверху и поставленный на гранитную плиту. Памятник имеет в длину около $1^1/_2$ арш<ина>, а в ширину и высоту — около аршина. На лицевой стороне памятника помещена надпись: “Никита Петрович Гиляров-Платонов; родился 23-го мая 1824 г., скончался 13-го октября 1887 г.”. Освящение памятника и следовавшая затем панихида были совершены в присутствии сына покойного Н. П. Гилярова-Платонова, других его родственников, товарища московского головы И. А. Лебедева, кн. Н. В. Шаховского и других почитателей» (*РВед*. 1904. 22 июня. № 172. С. 3).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 13—13 об. Год (1905) приписан князем Шаховским карандашом к дате, выставленной Победоносцевым.

[2] Митрополит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846—1912), с 25 декабря 1898 г. вплоть до кончины — митрополит С.-Петербургский и Ладожский; с 9 июня 1900 г. первенствующий член Св. Синода.

[3] Дмитрий Фомич Кобеко (1837—1918) — государственный деятель, директор Публичной библиотеки (1902—1918); историк, библиограф. Речь идет о возглавленном им Особом совещании для составления нового устава о печати («Комиссии Д. Ф. Кобеко»), заседавшем с 10 февраля по 1 декабря 1905 г. В число 23 членов вошли, в частности: К. К. Арсеньев, В. О. Ключевский, А. Ф. Кони, князь В. П. Мещерский, М. М. Стасюлевич, А. С. Суворин. В итоге были составлены «Временные правила о повременных изданиях», утвержденные 24 ноября 1905 г.

[4] Александр Григорьевич Булыгин (1851—1919) — в тот период (январь — октябрь 1905 г.) министр внутренних дел; позже статс-секретарь (1913), обер-шенк (1916).

8 март<а>.

60*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 22 октября 1905 г.

Многоуважаемый Кн. Николай Владимирович.

Заканчивая дело прежнего времени,[1] освобождаюсь от всяких *переходящих* сумм, кои были на руках у меня.

По моим счетам, с 1902 по 1905 год было мною передано Вам 778 рублей. Остается у меня полученных за Книгу [2] 162 рубля, кои желаю передать Вам, когда поедете в Москву.

Итак, благоволите меня известить, когда Вы поедете, и тогда пришлю Вам эти деньги; а если угодно, то и сейчас.

Из всех этих сумм желательно было бы определить, сколько пошло на памятник. Ибо желательно поместить — хоть в «Церков<ных> Ведомостях» — краткий отчет об употреблении вырученных денег.

Здравствуйте и да хранит Вас Бог.

К. Победон<осцев>.

22 окт<ября> 1905.

61*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 22 марта 1906 г.

Многоуважаемый Кн. Николай Владимирович.

Сегодня, когда Вы ушли от меня, мне принесли последнюю книжку «Revue de deux Mondes» *,[1] 1 апреля. Тут я нашел небольшую статью: «La

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 1—1 об.

[1] Это письмо написано на третий день после увольнения Победоносцева от должности обер-прокурора Св. Синода и члена Комитета министров.

[2] Имеется в виду издание: *Сб. соч.*

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 2—2 об.

methode législative, pur Benoist» *.[2] Статья крайне поучительная, для настоящих дней приготовления к Думе.[3]

Обратите на эту статью внимание кого следует, — особливо Д. Ф. Самарина, так как он, думаю, ближе знаком с литературою иностранной. К великому несчастью, у нас никто не читает ничего, — и тем более в наше время всеобщей бешеной агитации. Читаю имена сотрудников новой газеты «Московский Голос» [4] и сомневаюсь, кто из них следит за тем, что пишут во Франции, Англии и пр. люди умные, ученые и опытные в делах государственных. Разве Хомяков.

От Думы не ожидаю ничего, кроме крайнего беспорядка и смешения языков [5] и безумного задора во всех направлениях. Вот почему поучительна для нас картина первого законодательного собрания во Франции.[6]

Помилуй Боже. Здравствуйте.

Искренно предан<ный> К. Победон<осцев>.

22 марта 1906.

62*

---

* «Обзор двух миров» (*фр.*).

[1] *«Ревю де Дё Монд»* — двухнедельный французский журнал либерального направления, издававшийся в Париже под этим названием с 1829 г. по 1944 г. и с 1882 г. по настоящее время. Был популярен в России.

* «Законодательный метод, Бенуа» (*фр.*).

[2] Шарль Бенуа (Benoist; 1861—1936) — французский политик, историк, автор социально-политических исследований. См. русские издания: *Бенуа Шарль*: 1) Всеобщая подача голосов и эволюция политических партий / Пер. с фр. под ред. Н. И. Палиенко. Ярославль, 1905. 46 с.; 2) Государственный строй Франции, XVIII-й и XIX-й века / Пер. под. ред. Е. П. Корсаковой. СПб.: Улей, <1907>. 86 с.

[3] Имеется в виду Первая Государственная Дума Российской империи, созванная согласно избирательному закону от 11 декабря 1905 г.; начала заседать 27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце.

[4] *«Московский Голос»* — «политическая, общественная, церковная и литературная еженедельная газета», издававшаяся с 6 апреля 1906 г. по 26 мая 1907 г. (всего вышло 60 номеров).

[5] Библейская аллюзия на Вавилонское столпотворение.

[6] Первое законодательное собрание Франции просуществовало почти год (с 1 октября 1791 г. по 21 сентября 1792 г.), его сменил Национальный конвент.

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

Пос. Сергиево Петергофского уезда, 9 июля 1906 г.

Любезнейший Кн. Николай Владимирович.

Вот письмо Гилярова сына. Он просит, очевидно, о назначении ему *казенного* пособия за службу отца. Тут я *ничего* не могу для него сделать.

Но если дело идет о нужде, — из своего мне нечего дать ему, но есть у меня остаток вырученных за книги отца его денег, *60 рубл<ей>*. — Но всегда эти деньги шли через Вас, — и не знаю, прямо ли ему в руки.[1] И потому пишу Вам. Не желаете ли от себя препроводить эти деньги? Тогда я переслал бы их в Ваши руки. Если же Вы не желаете, могу ли я направить их к нему почтой прямо по адресу?

Здравствуйте. К. Победон<осцев>.

9 июля 1906.

Балт<ийская> ж<елезная> д<орога>,

ст<анция> Сергиева пустынь,[2] дача Стобеуса.[3]

63*

К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому

С.-Петербург, 3 августа[4] 1906 г.

Не знаю, где искать Вас, любезнейший Николай Владимирович — в Ц<арском> Селе и адреса не знаю. Благодарю за извещение.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 6—7. Место (пос. Сергиево) указано предположительно как находящееся близ станции Сергиева Пустынь.

[1] Намек на алкоголизм Николая Гилярова.

[2] *Сергиева пустынь* —название станции Сергиево (ныне платформа) в 1904—1918 гг.; в 2 верстах от нее находятся ворота Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни.

[3] Борис Александрович Стобеус (1867 — после 1917) — в тот период надворный советник в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, чиновник особых поручений Главного управления государственного коннозаводства; домовладелец; позднее шталмейстер, статский советник.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 8—9 об.

[4] В этом же месяце князя Шаховского не стало. 12 августа он приехал на дачу П. А. Столыпина, для того чтобы просить себе отпуск. Был тяжело ранен при взрыве на даче. Скончался от заражения крови 19 августа.

Получил изданную Вами книжку «Голос нар<ода>».[1] Но, когда бы знал, не советовал бы тратить на нее деньги и еще столько хлопот. Рассудите, кто станет в деревнях читать целую книжку сухую, собрание разных документов. Тут говори что-нибудь краткое, с содержанием, одушевленным убеждением.

Никого не вижу. Если заедете как-нибудь, рад буду. Я никуда не трогаюсь и всегда дома, немного и гуляю, потому что слабы уже ноги.

Неудача <?> бедному Ширинскому. Собрался было в деревню с семьей и уже был на полдороге. Но вдруг еще один ребенок занемогает, и он должен сидеть на месте.

Здравствуйте и да хранит Вас Бог.

К. Побед<оносцев>.

3 авг<уста> 1906.

Теперь Гиляровских денег накопилось у меня 90 рублей. Я и не спешил бы передавать их сыну, но в нынешнее время надо спешить со всем разделываться!

3.16. Письма Ф. А. Гилярова к князю Н. В. Шаховскому (1893—1894)

1*

Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 17 октября 1893 г.

Москва, Чернышевский пер., д. Духовского.[2]

17 окт<ября> 1893 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Привыкнув за последнее время часто видеться с Вами,[1] немного скучаю, а потому и вздумал письменно побеседовать с Вами.

---

[1] Более подробных сведений об этой книге обнаружить не удалось.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 1—4 об.

[2] Профессор Московского университета, известный правовед и криминолог Михаил Васильевич Духовской (1849—1903) приобрел этот дом в Большом Чернышевском переулке (в 1922—1993 гг. ул. Станкевича, с 1994 г. Вознесенский пер.), построенный в 1868 г., — в 1892 г.; здание было снесено в 2003 г.

Статья Ваша «Памяти Никиты Петровича Г<илярова>-П<латонова>» очень нравится всем, кто читал ее в «Вестнике»:[2] удивляются, что до сих пор не знали о ней, и весьма довольны, что будущая биография Н<икиты> П<етрови>ча находится в таких «хороших руках». Особенно рад этому Цензор Вл. Вл. Назаревский,[3] по-моему, человек выдающегося разумения и особенно честных взглядов среди московских литературных и административных лиц. Экземпляры «Вестника» с Вашими статьями тщательно у нас откладываются.

Последние две недели были для меня очень тревожны. Не поскучаете — читайте дальше.

На мой «Вестник с *афишами*»[4] поступила в Главное Управление по Делам печати жалоба от московской Театральной Конторы официально, но в действительности от арендатора Московской Губернской Типографии выкреста Левенсона.[5] Жалоба состоит в том, будто бы я нарушаю Высочайшее повеление о монополии печатания театральных афиш,[6] которое, однако, гласит, что га-

---

[1] Князь Шаховской в этот период состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел и, судя по последующим письмам, по делам службы выехал из Москвы в Петербург.

[2] Имеется в виду перепечатка изданной князем Шаховским брошюры «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк» (Ревель, 1893) под измененным названием: *Шаховской Н. В., кн.* Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1893. 5 окт. № 2016. С. 1—3; 15 окт. № 2025. С. 1—2; 25 окт. № 2033. С. 1—2; 8 нояб. № 2045. С. 1—3; 11 нояб. № 2048. С. 1—3; 22 нояб. № 2057. С. 1—2; 23 нояб. № 2058. С. 1—2; 26 нояб. № 2061. С. 1—2; 29 нояб. № 2063. С. 1—2; 1 дек. № 2065. С. 1—2. Предваряя перепечатку, Ф. А. Гиляров писал: «Воспроизводим, с согласия автора, кн. Н. В. Шаховского, брошюру его “Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова”, напечатанную им в Ревеле и потому, к сожалению, недостаточно известную в Москве» (Там же. 5 окт. № 2016. С. 3).

[3] Владимир Владимирович Назаревский (1870—1919) — историк, членом Московского цензурного комитета состоял в 1881—1895 гг.

[4] *«Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный с Афишами»* — газета, издававшаяся в Москве Ф. А. Гиляровым в 1884—1895 гг. (в 1883 г., оставив соредакторство в «Современных Известиях», он поначалу издавал газету «Афиши и объявления»).

[5] Александр Александрович Левенсон (1851—1922) основал в 1881 г. и собственную типографию, в 1896 г. удостоившуюся звания Поставщика Двора Его Императорского Величества.

[6] Высочайшее повеление о предоставлении Дирекции Императорских театров монопольного права на печатание театральных афиш последовало в 1804 г. (уп.: ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1873. Т. 48. № 52860). Его целью было установление государственного контроля над театральной жизнью Петербурга и Москвы через Дирекцию театров.

зеты могут пользоваться официально обнародованными афишами, но *не прежде* напечатания их в официальном издании и притом *не полностию*. На предъявленную мною жалобу я ответил обширною запискою, где доказывал, что не нарушаю Высочайшего повеления, ибо-де, несмотря на разрешенную мне г. Министром программу печатать «подробные афиши и программы», я, по совещании и по соглашению с Московским Цензурным Комитетом, еще два года тому назад вследствие первой (а теперь уже вторая) на меня жалобы той же монополии, выработал следующий modus vivendi:* не печатаю ни афиш, ни программ, а лишь содержание пиес с кратким указанием некоторых исполнителей, заимствуя эти сведения даже не из афиш, а преимущественно из газет, напр<имер>, «Московских Ведомостей». О *преждевременности* же этих перепечаток, «вырезок», не может быть и речи.

Весь Цензурный Комитет (слава Богу: не все еще продалось жидам!) как один человек, хотя лично знаком я там только с одним членом,[1] весьма горячо заступился за меня и решил предоставить мне ведение этих Театральных «указателей», как я их вел доселе. Но председатель Комитета Федоров,[2] по робости ли своей или по чему другому, обратился за советом к старшему инспектору над типографиями в Москве Зармаиру Мсеровичу Мсериянцу.[3] Тот, по каким-то своим отношениям к типографии Левенсона, нашпиговал Федорова различными сплетнями, даже чисто уличного характера, о назойливости, напр<имер>, газетных торговцев, продающих «Вестник», о предстоящем чрез то якобы разорении товарищества Левенсона (с миллионным-то капиталом!) и т. п. чепухою и даже ложью. Все это, даже с обозначением (притом ошибочным) розничной цены «Вестника» и афиш монополиста, внес Федоров в свое отдельное мнение.

---

* способ существования (*лат.*).

[1] Очевидно, подразумевается В. В. Назаревский.

[2] В. Я. Федоров.

[3] Зармайр Мсерович Мсерианц (1836—1899) — цензор Московского цензурного комитета, должность старшего инспектора по надзору за типографиями, литографиями и т. п. заведениями и за книжною торговлей при канцелярии Московского генерал-губернатора занимал с августа 1880 г.

Теперь моя Записка, постановление Цензурного Комитета, вполне и даже резко признавая законность моих действий, и отдельное мнение председателя Комитета на тему: «Вестник» приносит денежный ущерб монополии (жидовской), а потому-де следует сократить его донельзя, запретив ему делать даже то, что̀ делают все прочие московские газеты—отправлены в Главное управление по делам печати, откуда я с трепетом жду решения: согласится ли оно с постановлением всего Комитета в мою пользу или с отдельным мнением Федорова против меня. В последнем случае «Вестник» впору *закрыть*.

Кроме жидовского кровопийства, я вижу здесь продолжение весьма гнусной интриги. Дело вот в чем: «Вестник» в 11 лет своей жизни терпел очень много гонений. При прежних обер-полицмейстерах ежегодно бывали недели и даже месяцы, когда ни артельщик «Вестника» (хотя и я и он несем городские налоги), ни даже иной газетчик с «Вестником», не мог показаться на улице, кроме глухих окраин. каждый подвергался (с мордобитием, конечно) полицейскому аресту на несколько часов, а именно на все время спектакля, причем *никогда* не составлялось полицейских актов, ибо у арестуемых, конечно, вины не оказывалось. Теперь, с назначением Власовского,[1] не только весьма деятельного, но и честного человека. эти уличные нападения на «Вестник» совсем прекратились. Но вот что любопытно:

Каждое гонение на «Вестник», как прежде через полицию, так и теперь чрез Театральную Контору и типографию Левенсона, *совпадало* с предложением каких-либо литературных жуликов, преимущественно одного происхождения с г. Левенсоном, «продать» им «эту дешевую неподцензурную газетку». Словом, хотели и сейчас хотят припереть меня к стене, сделать невозможным издание «Вестника» и для покрытия дефицита от издания вынудить меня продать его. Конечно, я буду терпеть нападения, но «душой» не буду «торговать»!

---

[1] Полковник Александр Александрович Власовский (1842—1899) был московским обер-полицмейстером с февраля 1891 г. по июль 1896 г. Был признан виновным в гибели 1389 человек на Ходынском поле и уволен от должности.

Вот, Дорогой Николай Владимирович, что̀ творится в Москве, и не с кем мне, кроме Вас, поделиться этою напастью. Найдется между Вашими петербургскими добрыми знакомыми какой-либо москвич, особенно из близко стоящих к нашему начальству, покажите ему, как легально через властей во имя якобы закона пытаются душить в Москве русских людей в пользу жидов. Не найдется — так и быть.

Во всяком случае, не узнаете ли Вы, нет ли сейчас какого-либо неблагоприятного для меня давления на Главное Управление по Д<елам> печ<ати> со стороны Министерства Двора. Это мне очень хотелось бы знать.

Пока до свидания.

Ваш Ф. Гиляров.

2*

Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 21 октября 1893 г.

Москва, Чернышевский пер., д. Духовского.

21 октября 1893 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Ответ Ваш от 20 октября доставил мне двойную радость: известием о благоприятном положении моего дела в Главном Управлении по Делам печати и фактическим доказательством Вашего доброго ко мне расположения. Вы сделали гораздо более, чем я ожидал и просил, хотя, не скрою, при большей уверенности, я прямо обратился бы к Вам с просьбою о таких именно хлопотах, какие Вы сами так любезно предприняли. Это тем дороже для меня.

Доживем до весны — я отыщу у себя на даче кое-что к деятельности Ник<иты> Петр<ови>ча как редактора «Совр<еменных> Изв<естий>». Этот архив *очень велик*, хотя только за 1878—1882 гг. Что̀ именно там окажется, не могу припомнить по лихорадочной своей деятельности за то время. Но есть там,

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 5—6.

напр<имер>, за все эти годы все судебные дела по газете, с судебными повестками, обвинительными актами, оправдательными документами и т. п. Раз в одном заседании Моск<овской> Судебной Палаты разбиралось семь дел «Совр<еменных> Изв<естий>».

Есть в моем архиве все печатные известия, относящиеся до кончины Никиты Петровича. Этот архив можно даже вместе пересмотреть, рассудить, что̀ годно, что̀ нет; да и перепишут у меня же. Это для Вас удобство. Ладно?

Отвечаю Вам таким же дружеским рукопожатием.

Ваш Ф. Гиляров.

3*

Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 15 ноября 1893 г.

1893 г. 15 ноября.

Любезнейший Николай Владимирович!

Вчера была у меня Вера Алексеевна с Вашим письмом и проектом прошения на Выс<очайшее> имя,[1] а вечером пришло и от Вас письмо.

От всей души благодарю Вас за Ваше горячее участие в Вере Алексеевне и вполне одобряю как самую мысль о прошении, так и проект оного.

Сегодня уже начали мы хлопоты по выправке свидетельств 1) о недостаточности Веры Алексеевны и 2) о неспособности Николая Никитича. Последнее свидетельство сразу встретило камень преткновения: полицейский врач, к которому обратилась Вера Алексеевна, наотрез отказался выдать свидетельство о болезненности и неспособности Николая, не находя в нем ни того, ни другого. Действительно, Николай только обленился и пристрастен к водке, а в остальном здоров и способен. Полагаю, что едва ли можно найти врача, который дал бы ему нужное свидетельство, притом годное для настоящей цели: свиде-

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 7—8. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «Полу<чено> 16 н<оября>».

[1] Имеется в виду прошение о назначении пенсии Вере Алексеевне как вдове Гилярова.

тельство приватного врача едва ли будет иметь должное значение, если бы даже такую рискованную в настоящем случае бумагу и удалось бы[a] добыть.

Итак, главная задержка в свидетельстве о Николае.

Нельзя, однако, совсем обойти вопрос о бытии Николая? Ведь об Алексее Никитиче не предполагается упоминать как о возможном кормильце матери. Зачем же упоминать и о Николае? Что его нужно содержать? — Но беспомощность и для себя самой Веры Алексеевны, кажется, достаточный аргумент.

Ждем от Вас ответа: *можно ли умолчать о Николае*?

Второй вопрос: нужно ли упомянуть в конце прошения на Выс<очайшее> имя: при сем-де прилагается такое-то свидетельство? Прошу и на это ответа.

Кланяемся Вам от всей души.

Ваш Ф. Гиляров.

P. S. Вера Алекс<еевна> сейчас находится у меня. Это письмо ей сейчас прочитаю.

4*

Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 22 ноября 1893 г.

22 ноября 1893 г.

Москва, Чернышевский

пер., д. Духовского.

Любезнейший Николай Владимирович!

Сейчас отправил я в Петербург на Ваше имя пакет с двумя бумагами: прошением к Государю и свидетельством о преклонных летах и недостаточном состоянии Веры Алексеевны.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: найти.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 9—12 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «Получ<ено> 23 ноя<бря>». Подчеркивания сделаны адресатом.

В прошении на Высочайшее имя, кроме незначительных стилистических поправок, сделал я в двух местах сокращения: 1) «имевших, к прискорбию, в пору деятельности моего мужа такой печальный успех в русском обществе»; — эти слова я совсем опустил, ибо, казалось неуместным напоминать о 1м марте[1] <*так*!>; достаточным казалось фразы «растлевавших (тогда) русское общество», намекающей на ту же преступную агитацию. 2) Фраза «ибо он не угождал вкусам публики…. высокие и здоровые понятия» — тоже опущена, ибо а) она ослабляет фигуру восхождения:[2] «непрерывного труда, терпения и лишений» (последнее речение «лишений» заключает Ваше «беспокойства»); б) пахнет самовосхвалением, дает неуместную оценку деятельности Н<икиты> П<етрови>ча, каковую оценку более веско дает Главное управление по делам печати. Таким образом, прошение не удлинено, а сокращено, что̀, и по-Вашему, всего важнее.

Ну, уж и намучились мы с этим прошением. Переписчик, мой помощник по «Вестнику», трусил и ошибался. Трижды приходилось переписывать прошение и дважды налаживать к подписанию Веру Алексеевну, у которой страшно дрожат руки, хотя и не от страха. Сам я последний список трижды перечитал. Кажется, нет в нем ошибок. Но Вы все-таки внимательно перечитайте его.

Вместо полицейского свидетельства добыто свидетельство от Смирнова-Платонова,[3] и я нахожу его лучшим, чем полицейское: 1) Свидетельство из квартала или от обер-полицеймейстера отзывается некоторою низменностию, тогда как в данном случае, кажется, гораздо *благолепнее* свидетельство Смирнова-Платонова, духовника свидетельствуемой и почтеннейшей в Москве духовной особы, ибо Смирнов-Платонов был еще одним из первых редакторов в 60х годах превосходного духовного журнала «Православное Обозрение» вместе с нашим

---

[1] 1 марта 1882 г. террористы убили Александра II.

[2] *Фигура восхождения* — термин риторики и стилистики; иначе: градация, климакс.

[3] Протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов, ученик Гилярова-Платонова по Московской духовной академии.

покойным профессором Сергиевским.[1] 2) В свидетельстве Смирнова-Платонова упомянуто и о Николае Никитиче как о человеке больном и неспособном, каковое свидетельство врач полицейский не соглашался выдать. Что в прошении не упомянуто о Николае — это не беда: пусть лучше в документе будет сказано *больше*, чем в прошении, нежели наоборот.

Нам мало верится в успех ходатайства, а между тем Вера Алексеевна буквально на краю нищеты. А потому мы задумали новый ход на случай неудачи пенсии — поместить Веру Алексеевну в какой-либо приют для лиц духовного звания. Право на это есть: 1) Она и муж ее — из духовного звания; 2) Н<икита> П<етрови>ч дважды служил по духовному ведомству; 3) имя Гилярова-Платонова гораздо популярнее в духовной, нежели светской среде.

В этом смысле сделан уже про запас шаг. Тот же Смирнов-Платонов, который дал свидетельство, говорят, влиятелен в делах московской[a] церковной благотворительности. На просьбу Веры Алексеевны он хотел поговорить Московскому митрополиту[2] <*так!*> о помещении Веры Алексеевны в церковный приют. Конечно, такое обещание свидетельствует, что он в этих делах влиятелен, ибо как станет простой протопоп просить митрополита о чужом деле? В данном случае это может быть, думается мне, прямо *докладом, по должности*. И здесь особенно благоприятная комбинация тем, что митрополит Сергий, по словам Веры Ал<ексеев>ны, *был инспектором М<осковской> Д<уховной> Академии в* ***первые*** *годы профессорства Ник<иты> Петр<ови>ча* (т. е. до изгнания его из Академии).

Теперь митрополит уезжает в Петербург надолго и, конечно, часто будет видаться с К. П. Победоносцевым. Если, как Вы пишете, Вы хороши с Победоносцевым, то не возьметесь ли Вы, по Вашей сердечной доброте и участию к Вере Алексеевне, попросить Победоносцева: вот-де, К<онстантин> П<етрови>ч, хорошо бы Вам, в память Никиты Петровича, сказать митрополиту

---

[1] Впоследствии протопресвитер Н. А. Сергиевский.

[a] *Далее зачеркнуто*: духовной.

[2] Митрополит Сергий (Ляпидевский).

Сергию, не поместит ли он вдову Никиты Петр<ови>ча в какую-нибудь духовную богадельню *в Москве*. Разумеется, это ходатайство можно начинать только тогда, когда дело о пенсии будет казаться уже провалившимся. Митрополит не обидится на просьбу *сверху*, будучи уже Смирновым-Платоновым прошен *снизу*.

На Ваше любезное письмо о своих делах напишу как-нибудь в другой раз. Получили ли Вы статьи Свиньина о Никите Петровиче?[1]

Анна Ив<ановна>[2] благодарит Вас за Ваши поклоны и отвечает Вам тем же. Вере Алексеевне, находящейся сейчас у меня, уже читаю это письмо; пусть она сама сделает Вам надлежащую приписку.

Ваш искренно преданный

Ф. Гиляров.

Сердечно Вам благодарна и желаю Вам всегда лучшего.

Вера Гилярова.[a]

5*

Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому

Москва, 22 ноября 1893 г.

Москва, Чернышевский пер., д. Духовского. 29 ноября 1893 г.

Любезнейший Николай Владимирович!

Прилагаемая при сем вырезка из сегодняшнего № «Московского Листка» [1] ударила меня словно обухом по голове. Вера Алексеевна ни слова не сказала

---

[1] См.: *Свиньин <И. А.>*: 1) Столичные кладбища: Новодевичий монастырь // Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1888. 12 сент. № 1260. С. 1; 2) Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // Там же. 1888. 7 окт. № 1280. С. 1—2. Иван Аполлонович Свиньин — тамбовский, позднее костромской литератор, сотрудник газеты Ф. А. Гилярова, автор книги «Воспоминания студента 60-х годов, за 1862—1865 гг.» (Тамбов: Склад издания у Ивана Аполлоновича Свиньина, 1890. [2], VI, 155 с.).

[2] Анна Ивановна Гилярова — жена Ф. А. Гилярова.

[a] *Приписка от лица В. А. Гилярова-Платонова сделана Ф. А. Гиляровым, только подпись (дрожащей рукой) — автограф.*

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 13—14. Сверху карандашная помета князя Шаховского о получении письма: «30 нояб<ря>».

мне, ниже малейшего намека не сделала о задуманном ею обращении к общественной благотворительности. И словом, и делом я попытался бы отвратить ее от этого поступка, хотя на первых порах. Но дело уже сделано и непоправимо. Судя по слогу, заметка писана Елпидифором Барсовым, и весьма вероятно, будут им сделаны какие-либо ходы. Он, напр<имер>, знаком с Победоносцевым и может послать ему эту заметку, да наконец и другой кто может Константину Петровичу указать на нее.[2] Вам же я спешу послать ее не только как биографический матерьял, но и как документ, могущий осложнить Ваше ходатайство о пенсии. Я не могу судить, во вред или на пользу этому делу может послужить эта выходка. Может быть, следует показать эту статью Серг. Влад. Назаревскому[3] с просьбою, не найдет ли он возможным внести ее в свой ежедневный газетный отчет, а, может быть, именно этого-то и не следует делать: обо всем этом Вам лучше судить.

Кстати: нет еще никаких слухов о Вашем ходатайстве? В каком фазисе находится это дело?

Анна Ив<ановна> Вам кланяется.

Душевно преданный Вам Ф. Гиляров.

6*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 4 декабря 1893 г.

---

[1] Речь идет о воззвании к общественной благотворительности в связи с бедственным положением вдовы Гилярова-Платонова. Днем позже князь Шаховской получил ту же вырезку из «Московского Листка» от А. М. Гальперсон, — см. ниже ее в наст. томе письмо от 30 ноября 1893 г.

[2] Князь Шаховской сам послал К. П. Победоносцеву вырезку из «Московского Листка» — в письме к нему от 26 января 1897 г. в наст. томе.

[3] Сергей Владимирович Назаревский (1848—1896) — публицист, выпускник Московской духовной академии (1870), затем секретарь редакции «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника», с 1876 г. чиновник особых поручений при Главном управлении по делам печати.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 15—17 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «Полу<чено> 5 дек<абря>».

Москва. Чернышевский пер. 4 дек<абря> 1893 г.

д. Духовского.

Любезнейший Николай Владимирович!

Вчера вечером получил я Ваше письмо.

По сие время со дня публикации в «Моск<овском> Листке» я еще не удосужился быть у Веры Алексеевны. Но уже в день появления публикации послал к ней Анну Ивановну с деньгами, а вместе и за нужными сведениями. Дело с Пастуховым произошло так: В<ера> Ал<ексеевна> sua sponte* написала Пастухову письмо о своем бедственном положении; тот, сверх ожидания, немедленно сам приехал к ней. «Увидав его впервые после смерти Никиты Петровича, я, — говорит В<ера> Ал<ексеевна>, — расплакалась». Чтò было дальше, она не говорит. Но я предполагаю, что и Пастухов тоже сколько-нибудь растрогался при пробудившихся и у него воспоминаниях, хотя и в противоположном направлении воспоминаниям Веры Алексеевны: встреча эта напомнила ей прежнее благосостояние, а ему — его прежние бедствия. Далее, вероятно, Пастухов дал ей денег и сам предложил ей публиковаться (может быть, не без внутреннего злорадного чувства). Дальнейшее тотчас же было сделано уже редакциею «Моск<овского> Листка». Но в тот же свой визит Пастухов, по словам моей двоюродной сестры, бывшей у Веры Ал<ексеевны> третьего дня, предлагал Николаю Никитичу место у себя, называя его «Николенькою» и утверждая, будто бы сам[a] он и теперь «тот же, чтò и прежде».

Дальнейшие подробности: кто-то прислал В<ере> Ал<ексеев>не $^1/_2$ саж<ени> дров; вероятно, доставляли на дом и деньги, но положительного о последнем я ничего не слыхал. Размер же сбора Конторы вот он:

<*Вклейка вырезки из газеты*:>

---

* по собственному желанию (*лат.*).

[a] *Это слово вписано над строкой.*

3 декабря, в пользу супруги покойного редактора-издателя Н. П. Гилярова-Платонова конторою редакции «Московского Листка» получено: от N. N. 25 руб., М. 40 коп.; итого 25 р. 40 коп. Всего с преждепоступившими 132 р. 40 коп.[1]

Самое же важное вот что̀: В<еликий> кн<язь> Сергий Александрович, по словам той же двоюродной сестры, на другой или на третий день по публикации прислал к В<ере> Ал<ексеевне> чиновника с поручением вручить ей от него 100 р. и спросить ее: чего она желает для себя? В<еликий> князь все-де готов сделать. В<ера> Ал<ексеев>на просила его, т. е. чиновника, поместить ее в какую-либо богадельню.

Вполне вместе с Вами понимаю, что выходка В<еры> Ал<ексеевны> была крайне не своевременна. *Может быть, надо было и начать с подачи прошения В<еликому> князю*. Но все это было так внезапно, так неожиданно. Может быть, Великий князь окончательно и устроил бы ее. Но и тут теперь я опасаюсь вот чего: когда Вел<икий> князь или кто другой предложит Вере Ал<ексеев>не помещение в богадельне, она в решительную минуту откажется от этого, дабы не расставаться с своим сокровищем Николаем, на самолюбие которого, кстати, публикация с своими последствиями, кажется, подействовала удручающим образом, так что он пока не пьян.

Вообще, кажется, Вера Ал<ексеев>на от лет, от несчастий, особенно от наступившей нищеты окончательно разбита до начинающейся некоторой слабости головы, выражающейся в жалобах на свою «забывчивость». Это следует иметь в виду, как извиняющее обстоятельство и даже, может быть, как прямое ее оправдание во всей этой путанице, так прискорбно осложнившей Ваше ходатайство.

---

[1] Московский Листок. 1893. 4 дек. № 339. С. 2. Такие отчеты появлялись в газете в этот период регулярно, с указанием общей суммы пожертвованных средств, например: 107 руб. (Там же. 3 дек. № 336. С. 2), 135 руб. 10 коп. (Там же. 6 дек. № 339. С. 2), 160 руб. 10 коп. (Там же. 8 дек. № 341. С. 2).

Сейчас поеду к Вере Алексеевне, чтобы по возможности предостеречь ее от какого-либо нового безоглядочного поступка, хотя заранее чувствую, что почва под ногами будет чуть-чуть вязкая, на которой опасно что-либо строить.

На праздниках[1] жду Вас с нетерпением.

Анна Ив<ановна> Вам кланяется.

Душевно преданный Вам Ваш Ф. Гиляров.

Экземпляры «Вестника» с Вашими статьями (20 экз.) будут на днях отправлены в Ваш московский дом.

И<ван> Ап<оллонович> Свиньин Вам кланяется.

7*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 14 декабря 1893 г.

1893 г. 14 дек<абря>. Москва. Чернышевский пер.

д. Духовского.

Любезнейший Николай Владимирович!

Третьего дня получил я Ваше письмо от 11 декабря и тотчас же поехал с ним к Вере Алексеевне. Оказалось, что она от Анны Мих<айловн>ы[2] уже знает о новом Вашем плане воздействовать еще и через Великого князя и даже приняты меры: Гальперсон муж переписывает и прошение к Вел<икому> князю, и копию с отосланного к Вам прошения. Сегодня была у меня Вера Ал<ексеев>на уже с переписанными бумагами и в сопровождении Анны Ивановны вручила их генерал-губернаторскому чиновнику Остроумову, тому самому, который являлся к ней от Великого князя.

---

[1] Имеются в виду Рождество и Святки.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 18—19. Сверху карандашная помета князя Шаховского о получении письма: «15 дек<абря>».

[2] Упомянута А. М. Гальперсон.

Остроумов осведомился только, по почте или через кого-либо подано на Высочайшее имя прошение. Ему отвечали, что через знакомого, но фамилии не назвали. Остроумов указывал подать эти бумаги правителю канцелярии Истомину,[1] но, видя болезненное состояние Веры Ал<ексеевн>ы, вызвался сам передать эти бумаги (Истомину или Великому князю?), сообщая, что «завтра он будет делать доклад» (конечно, Великому князю).

Вот пока все. Само собою разумеется, что обе бумаги предварительно были мною прочитаны и найдены безукоризненными как по составлению, так и по переписке.

В ожидании скорого с Вами свидания, не распространяюсь ни о чем ином, кроме этих деловых сведений, и есмь

Душевно преданный Вам

Ваш Ф. Гиляров.

Чудак И. А. Свиньин, совсем очарованный Вашим к нему визитом, вздумал описать этот визит в присланной ко мне для печати статье: «Впечатления прошлого лета».[2] Затрудняюсь напечатать, не показав Вам предварительно. А напечатать хотелось бы, ибо рассказ о Вашем визите дает автору предлог сооб-

---

[1] Писатель и издатель Владимир Константинович Истомин (1848—1914) состоял управляющим Канцелярией московского генерал-губернатора в 1887—1904 гг.

[2] Начало очерка было опубликовано в тот же день, каким и датировано настоящее письмо: *Свиньин И. А*. Впечатления прошлого лета // Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1893. 14 дек. № 2076. С. 1—3. А продолжение — по-видимому, с одобрения князя Шаховского — через месяц: Там же. 1894. 12 янв. № 2097. С. 1—3. Здесь не упоминается о визите князя к Свиньину — значит, текст был несколько изменен. Приведем его: «Из времени, проведенного мною в Москве, у меня особенно сохранился в памяти следующий момент. В бытность мою в семействе одного старинного моего знакомого я узнал, что для почитателей памяти достоуважаемого Никиты Петровича Гилярова-Платонова готовится сюрприз, в виде самой подробной и обстоятельной его биографии, которой с любовью специально занялся один из восторженных его поклонников, близкий к покойному человек, кн. Н. В Шаховской. Он занят собиранием материала, касающегося избранного им предмета, и охотно знакомится со всем, что имело к покойному какое-нибудь отношение» (Там же. С. 3).

щить некоторые свои воспоминания о Ник<ите> Петровиче,[1] а также об Анне Михайловне (!).[2] Чудаки эти провинциалы!!.. Но как же мне быть??..

8*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 10 января 1894 г.

1894 г. Янв<аря> 10.

Любезнейший Николай Владимирович!

По делу Тихановой, о которой Вы так любезно согласились писать Хомякову, были наведены указанные Вами справки в Дворянской канцелярии. Оказалось, что для надлежащего ведения дела необходимо прежде всего знать, был ли покойный Тиханов форменным образом занесен в дворянскую книгу. По беспечности родителей покойного могло быть это и не сделано. А потому усерднейше прошу Вас, дорогой князь, когда Вы будете писать Хомякову, попросите

---

[1] См.: «Скажем от себя, что покойный был насколько велик, настолько симпатичен, снисходителен, добр и великодушен. Он обладал счастливою способностью быть ровным ко всем и не делать ни для кого никаких изъятий. Давать противнику чувствовать над собою свое превосходство было не в его характере. Обыкновенный способ его рассуждений был таков: он давал другому вполне высказаться, а сам это время молчал и сосредоточенно выслушивал все, что говорилось. Когда речь рассказчика обрывалась, он прерывал молчание, осыпая вас доказательствами, доводами, сравнениями, от которых вам приходилось совсем жутко, невмоготу. И замечательно, что вы чувствовали себя одновременно и побежденным, и обласканным. К сожалению, мы этого не можем сказать о многих наших просвещенных людях. Напротив, у этого сорта людей замечается какое-то злорадство, удовольствие подметить слабую сторону, неподготовку и накрыть своего оппонента врасплох, а потом кичиться и говорить: “Знай, мол, наших; вот как мы отделали!” Покойный был не таков» (Там же).

[2] См.: «Одно время и корреспондировал в “Совр<еменные> Изв<естия>” из Северо-западного края и, понятно, не мог не касаться семитического племени, составляющего преобладающий элемент тамошнего населения. Приезжаю я как-то в Москву и вижусь с Никитой Петровичем, который объясняет мне, что у него есть одна знакомая еврейка, сотрудница его газеты, которая очень интересуется мною и, судя по моим корреспонденциям, считает меня фанатиком. — Я как-нибудь постараюсь познакомить вас с нею, добавил Никита Петрович» (Там же).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 1—2. Сверху вписано, по-видимому, рукой Д. А. Хомякова, которому князь Шаховской передавал письмо: «Ник<олай> Ал<ександрович> Тиханов дворянином Смол<енской> Губ<ернии> не значится, и фамилия Тихановых в дворянстве не утверждена. Хом<яков>». Знакомый Ф. А. Гилярова Н. А. Тиханов скончался 18 декабря 1888 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря под Петербургом.

его сообщить Вас <*так!*>, по надлежащей справке, был ли покойный потомственный дворянин Смоленской губернии Рославльского уезда (сельцо Салово) Николай Александрович Тиханов приписан к дворянству означенной губернии и уезда. *Только это и нужно пока*.

Говорят, будто бы подчеркивать в письмах очень невежливо. Но подчерк и в печати излишен и свидетельствует только о неумелости автора. Но подчерк здесь сделан только для облегчения Вашей и моей души.

Ваш Ф. Гиляров.

9*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 5 февраля 1894 г.

Москва. 5 февр<аля> 1894 г.

Спасибо, глубокое спасибо Вам, не только любезнейший, но и дорогой Николай Владимирович, за Ваше внимание и долготерпение к моей докуке о паспорте г-жи Тихановой. Моя беспаспортная клиентка не раз просила меня передать Вам ее глубочайшую Вам благодарность за Ваше содействие, без которого она решительно не знала, что̀ делать. Буду ждать от Вас ответа Хомякова, который Вы так любезно обещаете «немедленно переслать» ко мне.

Еще более глубокую благодарность приношу Вам за успешное, по-видимому, движение дела В<еры> Ал<ексеевны> Гиляровой. Здесь поистине уже не хватает слов для оценки Вашей доброты!

Сердечно радуюсь успехам Вашим в собирании материалов по биографии Н<икит>ы Петровича. А знаете ли, почему я так медлил Вам ответом на Ваше письмо от 28 января? — Тотчас за ним я получил от Марьи Савельевны Сковронской, ныне Бугусловской, <*так!*> записку с предложением рассказа для «Вестника», что̀ было, по-видимому, только подходом к дальнейшему предложению: «Кроме того, мне хотелось бы поговорить с Вами несколько слов ни от-

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 3—4 об.

носительно Вас, ни меня, а третьих лиц. Если Вы не прочь со мной повидаться, то напишите мне, где и когда».

Я предложил ей приехать ко мне, но вот уже прошло два утра из назначенных для этого свидания, а ее все нет. Предполагаю, что она намерена говорить об Авдотье («Душáнке»),[1] которая теперь втирается и, кажется, с надеждою на успех, в наше родство. Но, может быть, дело касается Вас и биографии Н<ики>ты П<етрови>ча. Вот ввиду этого-то предположения я и медлил Вам ответом. Если увижусь со Сковронской-Богусловской, постараюсь завести разговор о биографии: нельзя ли чтò у нее выудить? Только едва ли.

Анна Ив<анов>на усердно Вам кланяется, а я от всей души Вас обнимаю. Ваш Ф. Гиляров.

Навещал я несколько раз А. В. Базилеву.[2] Третьего дня она была весь вечер у нас, а вчера предполагала быть у Вашей матушки.[3]

10*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 14 декабря 1893 г.

9 февраля 1894 г. Москва, Черныш<евский> пер.

д. Духовского.

Сейчас получил я Ваше, дорогой Николай Владимирович, письмо от 8 февраля.

---

[1] Имеется в виду А. И. Буренкова (в замужестве Орлова), приемная дочь М. С. Сковронской, которую та безосновательно пыталась выдать за внебрачную дочь Гилярова-Платонова.

[2] Неустановленное лицо. Не исключено, что она же — «кума» князя Шаховского, упоминаемая в последующих письмах.

[3] Упомянута княгиня А. П. Шаховская (ур. Ефремова).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 5—8. Сверху помета князя Шаховского синим карандашом: «СПб., получ<ено> 11 февр<аля>».

Вы слабо выражаетесь: «пришелся по душе». Я, по крайней мере, Вас полюбил прямо как своего, как родного человека, и прискорбно мне, что ничем действенно не могу платить Вам за всё Вами оказанное нам и лично мне добро.

Глубокое спасибо за ответ Хомякова. Хотя по существу он и не вкусен, зато уяснил положение дела. С Тихановой я еще не видался по получении Вашего письма, не сообщал ей о нем. При личном с нею свидании спрошу, думает ли она подавать прошение в департамент герольдии. По-моему, это необходимо: у нее двое детей мальчиков; муж ее имел солдатский Георгиевский крест; если она добьется утверждения своего мужа в дворянстве, она может рассчитывать на воспитание детей на казенный счет. Иначе ей придется с ними чуть не нищенствовать, ибо своих средств не имеет никаких. Документов после мужа осталось у нее немало с указанием на «дворянство» или «помещичье» происхождение мужа; но я не знаю, какие документы потребуются для представления в Департамент герольдии.

Марья Савельевна доселе не была у меня. На мой сухой, но вежливый ответ, что я к ее услугам у себя на квартире целую неделю по утрам, пока ни слуху, ни духу. Не обиделась ли она, что я не предложил приехать к ней? Но, дорогой князь, свидание с нею, право, тошнит, как обоняние протухлой помойной ямы. Горячо любя покойника, я долго и тяжко страдал через ее донос. *Не раз отговаривал я Н<икиту> П<етрови>ча от самоубийства*. Раз даже отнял у него револьвер. Рисковал сам быть привлеченным к делу, о чем сообщу лично. И после этого ехать к этой стерве по делу другой гадины,[1] оставленной ею нам в наследство?! Нервы не выносят этого!

Если увижу Сковронскую, постараюсь извлечь от нее что̀ возможно для Вашего склада; но решительно не надеюсь: она очень хитра. Что̀ до повести ее, поверьте, это только подвох. Зачем она, женщина, живущая пером, сотруднича-

[1] Упомянута А. И. Буренкова.

ющая в газете «Русский Листок»,[1] отдаст мне повесть, не рассчитывая на плату, да и, как умная женщина, не рассчитывая и на бесплатное ее помещение при понятных для нее моих чувствах к ней?

Радуюсь за окончание Вами первой главы биографии. Очень удачно и совершенно правильно начали Вы ее с того пункта, где кончаются собственные «Воспоминания» Н<икиты> П<етрови>ча. Название «Из пережитого Г<иляровы>м-Пл<атоновы>м» придумано Вами, как выражаются столяры, «заподлицо» с титулом книги самого Н<икиты> П<етрови>ча. В то же время это свидетельствует о необыкновенной скромности нового автора, отрекшегося даже от права дать свое имя своему детищу.

Выбор «Русского Обозрения», как московского журнала, очень удачен. Статья Ваша гораздо уместнее в Москве, где жил покойный, нежели в Ингерманландии,[2] где он умер.

Спешу в театр.

Дружески обнимаю Вас.

Ваш Ф. Гиляров.

Наши Вам все кланяются.

11*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 17 февраля 1894 г.

17 февр<аля> 1894 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Вы хотите окончательно избаловать меня своею безграничною добротою. Сердечно благодарю Вас за сведения, полученные Вами от Барсукова, и за Ваш труд по просмотру книг дворянских родов. Но так как Вы сами начали эти новые

---

[1] *«Русский Листок»* — ежедневная московская газета, выходившая с 1890 г. Редактор издатель (в 1890—1896 гг.) В. Э. Миллер.

[2] Подразумевается Петербург.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 9—10 об. Сверху помета князя Шаховского: «пол<учено> 25 ф<евраля>. Рев<ель>».

хлопоты и Ваша горячая энергия как бы просит топлива для дальнейших действий; то и позволю себе на отдельном листочке приложить выписку из всех документов, которыми располагает Тиханова.[1] Если Вам опять «случайно» удастся увидеть Барсукова,[2] я уверен, что Вы подсунете ему и этот листочек.

О Сковронской-Богусловской доселе ни слуху, ни духу. Ясно, гнусная баба ожидала, что я полечу к ней по ее записке.

Когда увижу А<ндрея> Ал<ександровича> Титова,[3] непременно буду просить его поскорее напечатать письма Н<икиты> П<етрови>ча. Он очень милый человек и страстный охотник печатать, но, как собиратель, ревниво охраняет девственность добытых им документов.

Вчера возил в театр Вашу куму, но, простудившись утром во время поездки в Химку, не мог досидеть спектакля и принужден был оставить ее одну.

Нового еще ничего. Переиздаю свою «Этимологию»[4] и дрожу, как бы, при печатании 50 000 экз<емпляров> да притом еще грамматики, не проскочила орфографическая ошибка. Плевелы эти поистине «черт сеет», как ни бодрствуй человек.

Жду — не дождусь прекращения «Вестника» к 1й неделе В<еликого> поста.[5] Тогда на недельку думаю уехать в Химки [6] на чистый воздух. Вчера испытал целительность чистого воздуха. Поверите ли: даже здравомысленнее становится на чистом воздухе, строже к себе, справедливее к другим.

---

[1] Этот «отдельный листочек» отсутствует в данной ед. хр.

[2] Н. П. Барсуков.

[3] Андрей Александрович Титов (1844—1911) — археограф, этнограф, палеограф, предприниматель.

[4] *Кирпичников А. И., Гиляров Ф. А.* Этимология русского языка для низших классов гимназий: (Применительно к правописанию). 28-е изд. (88-й десяток тысяч). М.: Книжный магазин В. Думнова, 1894. 88 с.

[5] Ежегодная приостановка в период Великого поста издания «Вестника», специализировавшегося на кратком изложении содержания пьес, либретто и описании театральной жизни Москвы, связана с тем, что в это время закрывались все увеселительные заведения.

[6] *Химки* — в рассматриваемое время подмосковная деревня к северо-западу от города, начиная с 1830-х гг. ее округа активно застраивалась дачами. Ф. И. Гиляров в других своих письмах называет находящуюся вблизи железнодорожную станцию *Химскую* (открыта в 1851 г.) — *Химкой,* — так именовался стан (остановка) на тракте С.-Петербург — Москва (в 14 верстах от последней).

Однако заболтался.

Дружески Вас обнимаю.

Да хранит Вас Бог!

Ваш Ф. Гиляров.

Анна Ив<ановна> благодарит Вас за Вашу о ней память.

12*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 20 мая 1894 г.

Ст. Химка. 1894 г., мая 20.

Сердечно благодарен Вам, дорогой Николай Владимирович, за Вашу справку. Получив вчера Ваше от 17 мая письмо, отправляю сегодня просьбу в Гл<авное> Упр<авление> по д<елам> печати.

Чрезвычайно интересует меня «огромное поручение», на Вас возложенное.[1] Думается, не секретное ли оно; а иначе Вы, зная, как близко к сердцу принимаю все Вас касающееся, вероятно, написали бы, в чем заключается это поручение. Во всяком случае очень жаль, если оно отвлечет Вас от Вашей литературной работы и притом лишит меня удовольствия видеть Вас летом.

Ни Вашей «кумы», ни Веры Алексеевны, ни вообще кого-либо я не видал с самой Святой недели, да и в Москве-то за это время пришлось побывать только два раза, и то по неотложным делам: все занят стройкою,[2] которая приходит теперь к концу.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756в. Л. 1—2 об. Сверху помета князя Шаховского: «по<лучено> 23 мая».

[1] Из следующих писем становится ясно, что на князя Шаховского было возложено служебное поручение по изучению отхожих промыслов. В итоге он опубликовал анонимно исследование: <*Шаховской Н. В., кн.*>. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. <СПб.: Тип. «Правительственного Вестника», 1895>. <2>, VI, 157 с., а через год — его же в расширенном виде под измененным назв.: *Шаховской Н., кн*. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. VIII, 254, II с.

[2] Речь идет о строительстве дачи в Химках.

Перебранка Иловайского [1] живо напомнила мне, как в Обществе любителей росс<ийской> словесности, кажется, в 1880 г. мы избрали его временным председателем,[2] как возмущал он всех сочленов своим безграничным обидчивым самолюбием. Он был совсем невыносим. Ф. И. Буслаев тоже самолюбив, — соглашаюсь с Вами; но он тихо страдает, когда уязвляется его самолюбие, а Иловайский — задира, болезненно раздражительный. Впрочем, Буслаев дошел теперь до последней степени оценки общественной, пользуясь только громкими похвалами, пережив игнорирование, а потом брань, как, напр<имер>, Чернышевского, который печатно назвал его «дураком».[3] Во всех прочих отношениях Буслаева, кто знает его близко, нельзя не любить и не уважать.

Не забывайте меня хотя редкими о себе вестями. Да хранит Вас Бог!

Ваш Ф. Гиляров.

Ан<на> Ив<ановна> Вам шлет поклон.

13*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 17 февраля 1894 г.

Ст. Химка. 1894 г., 31 мая.

От всей души, дорогой Николай Владимирович, поздравляю Вас с предстоящею Вам «работою». Это, действительно, дело «огромное» и

---

[1] См. об этом запись от 23 марта 1891 г. в Дневнике И. Е. Забелина: «Поутихла перебранка Иловайского со своими учениками. Ученики напали на своего учителя, увидели, что, в сущности, он мыльный пузырь, взмыленный рекламою приятелей, увидели, что он не более как ловкий компилятор, никогда не работавший по первоисточникам, научивший целое поколение пустозвонству и умничанью в разработке материалов истории» (*Забелин И. Е.* Дневники и записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. С. 149).

[2] Ошибка памяти: Иловайский был временным председателем Общества любителей российской словесности с 9 ноября 1874 г. по 22 декабря 1875 г. (см. *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1930. М.: Academia, 2002. С. 582).

[3] По-видимому, имеются в виду обвинения Ф. И. Буслаева в статье Н. Г. Чернышевского «Полемические красоты» (1861) в непрофессионализме, в том, что «трудами его наука не может воспользоваться» (*Чернышевский Н. Г.* Избр. филос. соч.: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 3. 386—387).

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756в. Л. 3—6 об. Сверху помета князя Шаховского о получении письма: «2 июня».

с страшною ответственностью пред своею совестью и историею. Скажу вполне откровенно: я почувствовал жуть, читая Ваше от 23 мая письмо. Теперь, — Вы ведь это лучше моего знаете, — то и дело играют словами, выдавая переделку за починку, новые противоположные начала за «ограничение злоупотреблений». Таким образом «регулирование» не есть ли попытка к ограничению свободы передвижения? И еще хуже: не думают ли чрез это ограничение принести пользу преимущественно молоху наших дней, дворянству, исторически отживающему? По крайней мере Вы сами[a] говорите, что отхожие промыслы более «разоряют и крестьян, и *помещиков*». Где, дорогой мой, нашли Вы «помещиков» в современной России? Я знаю только «землевладельцев» от дворян до крестьян, с одной стороны, и с другой — богатых и бедных, независимо от сословного деления. Купцы-землевладельцы едва ли разоряются от отхожих промыслов крестьян, а только богатеют при благоприятных условиях. Итак, не выходит ли, что предполагается немножко закрепостить крестьян, чтобы помещикам-дворянам оставались под рукой дешевые работники? И в самом деле: зачем крестьянин побежит на отхожие промыслы, если он может получить на месте ту же плату, что̀ и в городе? Это безумие, к которому неспособен домовитый и расчетливый[b] русский человек.

Я, конечно, совсем незнаком с этим огромным и трудным, причем еще совсем новым вопросом. Но кто не знает, что бегут крестьяне из некоторых уездов, напр<имер>, Тверской губ<ернии>, где земля или одна глина, или камень? Что чудесные мастера плотничного и столярного искусства искони выходят из Покровского уезда Влад<имирской> губ<ернии>, где без мужиков бабы отлично пашут землю? — «мужику так не суметь», по отзывам работающих теперь у меня плотников из Покровского уезда.

Хотят «регулировать», а знаете ли Вы, какая железная дисциплина существует в артелях рабочих? Это не рабочие, это — войско, рота с капитаном-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: уже.
[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: скупой.

десятником во главе. Я насмотрелся на это в последние три месяца. Ex uno disce omnes,* как говорит Вергилий.[1] Мой подрядчик из Покровского уезда; все рабочие оттуда же, из ближайших деревень, частью родственники, а большею частью знакомые «по деревне» подрядчика. «Робята лёдат»[2] без дела, «просятся скорей начинать», говорил он мне, побуждая приступить к постройке постом. Только дал я согласие, как закипела работа, нет, не работа, а бойкое, твердое исполнение трудной пиесы на музыкальном инструменте. А какая дисциплина! Врубать косяки в окна поставлено одновременно к каждому окну по одному человеку; начали все по сигналу и почти одновременно окончили. Я живу с этими рабочими в величайшей дружбе: непрестанные «чаи», всякое ублажение: водка, квас, моченые яблоки, самовар — всё к их услугам. А ни один рабочий никогда ничего не сделает по моему непосредственному требованию. Один ответ: «Скажите десятнику». Он знает только десятника, и, кажется, не послушается и подрядчика, если тот не через десятника отдаст им приказание. Да тот, сам из плотников, ничего сам непосредственно и не указывает, хотя еженедельно бывает на стройке.

Итак, что̀ тут «регулировать»? Все и так урегулировано преданиями, обычаями, годами практики.

Еще одно слово. Вы пишете: «Отхожие промыслы вопрос пореформенный». А до 19 февр<аля> 1861 г. кто строил города, столярничал, красил стены и крыши, мостил мостовые, работал на фабриках и заводах?..

Еще раз: не обижайтесь на мою придирчивую боязливость. Примите мои слова, как корявые дрова, брошенные в раскаленное горнило Вашей души. Во всяком случае это внутренний голос чисто русского человека. Так, полагаю, думают очень многие не теоретики, а живые трудящиеся люди. Вся беда в том, что в России мало труда, много праздности. Заставьте лентяев трудиться и не мешайте тому, кто трудится, как умеет.

---

* По одному преступлению узнай их всех (*лат.*).

[1] Точнее, в «Энеиде» Вергилия (II, 65): «Ab uno disce omnes».

[2] *Лёдать*, лядеть — изнывать (*диал.*).

Ваш всегда Ф. Гиляров.

Анна Ив<ановна> благодарит Вас за постоянную о ней память.

14*

Ф. А. Гиляров – князю Н. В. Шаховскому

Москва, 16 июня1894 г.

Ст. Химка. 16 июня 1894 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Припискою своею о «вероятном» отъезде своем в Ревель недели на две Вы в письме Вашем от 3 июня заклепали мне рот на эти две недели: я не мог знать, куда писать, с уверенностью, что письмо не залежится и не зачерствеет.

Очень благодарен Вам за Ваше разъяснение моих недоумений насчет «урегулирования». Но только Вы еще больше раздразнили мое любопытство. Неужели же «косцы и пахари» постоянно шляются на авось, так из года в год, не наладив ни с кем определенных отношений? Ведь и между ними должны быть какие-либо по этому существенному для них делу предания. В 1862 году, едучи по Волге от Костромы до Нижнего, я видел, как садились на тот же пароход, на котором я ехал, и как сходили с него там и сям толпы татар-косцов. По-видимому, они хорошо знали, куда и зачем они едут. Неужели за эти 30 лет не создался у подобных работников никакой modus vivendi? Видал я и шатающихся рабочих именно землекопов, предлагающих по Николаевской ж<елезной> д<ороге> ежегодно с половины июня «рыть канавы, делать дорожки», но от действительной работы, кажется, уклоняющихся. Как помочь таким и подобным? Совершенно не могу постичь. Быть может, волостные правления будут из каких-либо центров оповещать, где и сколько требуется рабочих? Но как тут разберутся при слепоте безграмотности, при неповоротливости, косности? Помоги Вам Бог создать что-либо практичное и полезное. Есть на то, вероятно, заграничные примеры, хотя бы Америки. Вам, впрочем, и книги в руки.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756в. Л. 7—10 об.

А знаете, дорогой мой, что пор совести-то не будет ли это все только замазыванием коренного грозного вопроса о малоземелье? Не единственное нерадикальное лекарство — переселение с малоземельных истощенных мест туда. Где земли много и она жирна: Но тогда косец и пахарь не станет работать на другого, будучи обеспечен в своих ограниченных потребностях. Первая половина вопроса решается по-Божески: голодный перестает голодать. А вторая половина вопроса: как ухитриться, захватив громадные земельные угодья, жить чужим трудом, не имея ни крепостных работников под рукою, нижѐ свободных, но голодных, т. е. тех же крепостных, — висит на воздухе. Это неизлеченный рак европейско-христианской цивилизации, по-моему, а по-Вашему, чтò тут возможно сделать?

Ужасная весть из Лиона[1] напомнила мне наши с Вами беседы о пустопорожности газетных фраз: «теперь-то вот уж примутся» и т. п. Здесь тоже разбирают одну только половину вопроса, умалчивая совсем о другой. Теперь Франция сделает для подавления анархизма все, чтò может сделать первая в мире по просвещению нация. Посмотрим, чтò она сделает и чтò потом последует.

Постройка моя окончилась, и вчера мы перебрались в новое помещение. Светло, тепло и просторно. Теперь могу предаться своим обычным летним учебным занятиям. Сейчас читаю с величайшим наслаждением капитальную книгу в 794 стр. мелкого шрифта «Die Mensehenopfer der alten Hebräer» какого-то доктора Ghillaniy.[2] Вот тоже коренной и ужасный вопрос — отношение христианства к еврейству. Ап. Павел по возможности отрешил христианство от иудейства, но жаль, что в первые века не было еще несколько Павлов.

---

[1] 24 июня 1894 г. после произнесения приветственной речи на Всемирной, международной и колониальной выставке в Лионе президенту Франции (с 1887 г.) Сади Карно было нанесено смертельное ножевое ранение итальянским анархистом Санте Казерио.

[2] *Ghillany F. W.* Die Menschenopfer der alten Hebräer: Eine geschichtliche Untersuchung. Nürnberg: Johann Leonhard Schrag, 1842. (Пер. назв.: «Человеческие жертвоприношения у древних евреев: Историческое исследование».) Фридрих Вильгельм Гиллани (1807—1876) — немецкий протестантский теолог, историк и публицист.

Простите, что задираю опять самый больной вопрос. Живя здесь с 1й недели В<еликого> поста отшельником, мучусь «проклятыми» вопросами, от которых зимою от<в>лекает меня суета эфемерного «Вестника».

Очень и очень желал бы повидаться с Вами нынешним летом.

Из Гл<авного> упр<авления> по делам печати пришел ответ, что «сношение сделано». Этот необязательный ответ пришел очень скоро. В этом я тотчас же узнал с благодарностью Ваше доброе содействие.

Да хранит Вас Бог.

Ваш Ф. Гиляров.

Анна Ив<ановна> Вам кланяется.

3.17. Письмо Н. А. Сергиевского к К. П. Победоносцеву (1893)

Вильна, 19 декабря 1893 г.*

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Получив письмо Вашего Высокопревосходительства относительно доставления писем покойного Н. П. Гилярова-Платонова, я тотчас же, в свободные минуты, приступил к пересмотру личных моих бумаг с целию отыскать между ними писем Гилярова. Пока нашел 13 писем и 1 записку,[1] которые и имею честь препроводить при сем при особой описи. На днях приступлю к дальнейшему пересмотру моих бумаг и не замедлю прислать то, что̀ мною будет найдено. Прошу извинение в том, что розыск писем произвожу с некоторым промедлением.[2] Конец года, с одной стороны, дает много спешной работы по управлению Округом;

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 986. Л. 1—1 об.

О попечителе Виленского учебного округа Н. А. Сергиевском см. выше.

[1] Позднее Сергиевский отыскал в своем архиве и другие письма Гилярова.

[2] Победоносцев, запросив письма Гилярова у Сергиевского, выполнял просьбу князя Шаховского. 3 ноября 1893 г. Победоносцев сообщал ему: «К Сергиевскому писал, но не имею ответа». См. также в письме от 5 января 1894 г.: «Посылаю Вам несколько писем Гилярова, доставленные мне Н. А. Сергиевским».

а с другой стороны, ревизия в Могилевской губернии некоторых учебных заведений взяла много времени.

С глубоким уважением и душевною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Н. Сергиевский.

19 декабря 1893 г.

3.18. Из переписки А. М. Гальперсон с В. А. Гиляровой-Платоновой, К. П. Победоносцевым и С. Ф. Шараповым (1896—1898)

1*

А. М. Гальперсон — В. А. Гиляровой-Платоновой

С.-Петербург, 11 декабря 1896 г.

СПб. 11 дек<абря> 1896 г.

Дорогая Вера Алексеевна!

Меня очень огорчило известие о Вашем положении. Князь Николай Владимирович в бытность свою здесь сказал мне, что выхлопотал Вам ежемесячное пособие в 25 р., и я думала, что при двух других пенсиях Вам будет нетрудно сводить концы с концами. Я не понимаю, какого рода недоразумение тут вышло, что Вы получили только 50 р. единовременно.

Я, конечно, очень рада, что князь Николай Владимирович доставил Вам средства печатанием писем Никиты Петровича, но если бы он мне написал или если бы Вы мне сообщили, что продолжаете нуждаться, я бы и сама это давно сделала. У меня все рукописи Никиты Петровича хранятся как святыня, и я только потому ничего из них не печатала, что предоставила князю воспользоваться ими для биографии.

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 948. Л. 1—2. Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания князя Шаховского.

Простите, дорогая Вера Алексеевна, что не поздравила Вас с именинником.[1] Надеюсь, Николай Никитич тоже меня простит. У меня был болен маленький Сережа,[2] и я потому так долго не могла ответить на Ваше письмо.

Если Вам не трудно, дорогая Вера Алексеевна, напишите мне снова, как Ваши дела, насколько Вас выручили деньги, полученные за напечатанные письма Никиты Петровича [3] и как объясняется недоразумение с ежемесячной пенсией?

Все наши кланяются. Сергей Исаакиевич [4] очень жалеет, что не мог Вас видеть.

Ваша А. Гальперсон.

В. О. 2ая линия, д. № 3, кв. № 10.

2*

А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву

С.-Петербург, 23 декабря 1896 г.

Спб. 23 дек<абря> 1896 г.

Ваше Высокопревосходительство,

Константин Петрович!

Е. В. Барсов действительно передал мне письма к Вам Н. П. Гилярова-Платонова, которые хранятся у меня вместе с остальной перепиской и рукописями Никиты Петровича, спасенными от уничтожения покупкой у наследников всего того, что больной сын Никиты Петровича собирался продать на вес старьевщикам.

---

[1] 6 декабря (Никола Зимний, память кончины святителя Николая Угодника) — именины Н. Н. Гилярова.

[2] С. С. Гальперсон (позже Баранов).

[3] Из этой и других сходных по смыслу фраз становится ясна главная цель настоящего письма: А. М. Гальперсон проверяла, действительно ли князь Шаховской пересылал вдове мыслителя гонорары за публикации из его архива.

[4] С. И. Гальперсон, по служебным делам приезжавший в Москву.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 1—2. Копия князя Шаховского: Там же. Ед. хр. 950. Л. 1—2.

Никакого употребления я от этих писем сделать не думала и с готовностью возвращу их Вашему Высокопревосходительству, если Вы укажете мне, когда и как это сделать: лично или иным каким-либо путем.

Во избежание недоразумения я вынуждена обеспокоить Вас следующим объяснением:

Несколько лет назад князь Николай Владимирович Шаховской обратился ко мне с просьбой ознакомить его с имеющимся у меня материалом, так как, по его словам, он намерен писать биографию Гилярова. У князя Шаховского таким образом перебывало в руках все то, что у меня есть из этих материалов. Биография не написана, но из последних книжек «Русского Обозрения» я усмотрела что князь Шаховской пользуется для печатания в сыром виде, очевидно, копиями документов, взятых у меня, хотя многое, по-видимому, получено им от других лиц.[1] Несогласная с такого рода пользованием, я писала князю, что прошу его прекратить печатание, но мое желание им не исполнено.[2]

Предупреждаю об этом Ваше Высокопревосходительство потому, что не знаю, как думает дальше действовать кн. Шаховской и не имеется ли у него копий всего того, что он у меня брал.

С истинным почтением остаюсь покорной слугой

Вашего Высокопревосходительства.

А. Гальперсон.

В. О. 2ая линия, д. № 3, кв. № 10.

3*

А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву

---

[1] Вых. дан. публикаций князя Шаховского, возмутивших Гальперсон, см. во Введении к диссертации.

[2] На деле, получив письмо Гальперсон от 29 ноября 1896 г., в котором она возмущалась опубликованными в ноябрьской книжке «Русского Обозрения» документами из архива Гилярова, князь Шаховской не мог приостановить уже сверстанную вторую часть публикации в декабрьской книжке.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 3—4. Копия князя Шаховского: Там же. Ед. хр. 950. Л. 3—3 об.

С.-Петербург, 7 января 1897 г.

Ваше Высокопревосходительство,

Константин Петрович!

Вы выразили согласие помочь изданию сборника статей Н. П. Гилярова-Платонова с целью поставить памятник на его могиле. Вы позволили мне прислать Вам и список статей, которые могут войти в этот сборник.

Я составила список статей, которые были помещены не в «Современных Известиях», а в других журналах и которые все имеют принципиальный характер. Если Вы, Ваше Высокопревосходительство, найдете, что сборник от обилия статей слишком разрастется, то Вы, может быть, некоторые статьи и удалите.

Покорнейше прошу не отказаться сообщить мне, как мне поступить дальше. С своей стороны, считаю нужным повторить, что своим трудом и имеющимся у меня материалом я готова служить благой цели, к которой стремилась с самой смерти Никиты Петровича и достижению которой мешало мне отсутствие необходимых средств.

С глубоким почтением остаюсь покорной слугой

Вашего Высокопревосходительства.

А. Гальперсон.

Адресс: В. О. 2ая линия, д. № 3, кв. № 10. Анна Михайловна Гальперсон.

С.-Петербург. 7 января 1897 г.

4*

А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву

С.-Петербург, 7 января 1897 г.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь

Константин Петрович!

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 5—5 об.

По нотариальному договору, явленному у Московского нотариуса Маджучинского 1888 года мая 6 дня, ко мне перешло право безраздельной и исключительной собственности на все литературные и ученые труды умершего ст<атского> сов<етника> Никиты Петровича Гилярова-Платонова. Ныне, желая почтить память Никиты Петровича и помочь его семье, я, ввиду выраженного Вашим Высокопревосходительством желания издать сборник сочинений Гилярова-Платонова на свои средства, настоящим письмом передаю Вам право на издание произведений Никиты Петровича, бывших уже в печати, за исключением автобиографических записок «Из пережитого» и статей, помещавшихся в газете «Современные Известия», причем я отказываюсь от всякого денежного вознаграждения за уступку Вам сего издания и прошу Ваше Высокопревосходительство: 1. Никому права на это издание не переуступать и 2. Прибыль от издания обратить на постановку памятника над могилой покойного Гилярова-Платонова и на вспомоществование вдове его Вере Алексеевне и сыну Николаю Никитичу. Если Ваше Высокопревосходительство в течение трех лет от нижеписанного числа переуступленным мною правом не воспользуетесь, то настоящее мое письмо теряет силу и право на издание означенных произведений возвращается ко мне.

С истинным почтением остаюсь

Вашего Высокопревосходительства покорной слугой.

Анна Михайловна Гальперсон.

С.-Петербург.

2 февраля 1897 г.

5*

А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву

С.-Петербург, 31 января 1898 г.

Ваше Высокопревосходительство,

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 6—7.

Константин Петрович!

С величайшей радостью узнала я из Вашего письма, что печатание сборника статей Гилярова уже началось. Корректурные гранки с поправками возвращаю с благодарностью.

Вы говорите, что г. Шарапов стал печатать статьи, предназначенные для сборника. Я знаю только о письме Гилярова к митрополиту Сербскому Михаилу о Сербии и генерале Черняеве.[1] Не будете ли Вы, Ваше Высокопревосходительство, столь любезны, не укажете ли мне, какие статьи напечатал Шарапов из предназначенных в сборник. Никакого разрешения, от меня по крайней мере, на печатание статей Гилярова Шарапов не получал.

С величайшим почтением остаюсь
Вашего Высокопревосходительства
покорной слугой.
А. Гальперсон.

31 янв<аря>
1898 г.

6*

А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву

С.-Петербург, 31 января 1898 г.

Ваше Высокопревосходительство

Константин Петрович!

Я снова повторяю, что Шарапову на печатание статей Гилярова никакого разрешения я не давала. Только из сегодняшнего Вашего письма я узнала о его намерении печатать «Личное и Общественное». Так как эта статья должна войти в сборник, право на издание которого принадлежит Вам, то не будете ли Вы так любезны, не запретите ли от своего имени Шарапову печатать то, что ему не принадлежит. Если Вы позволите, я, с своей стороны, напишу ему, что право на

[1] Вых. дан. этой публикации Гальперсон в «Русском Труде» см. во Введении к диссертации.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 8—9.

издание «Личного и Общественного» наряду с другими статьями переуступлено мною Вам и что ему придется отвечать пред Вами.

В ожидании решения Вашего Высокопревосходительства, остаюсь покорной слугой.

А. Гальперсон.

31 янв<аря>

1898 г.

7*

А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву

С.-Петербург, 2 февраля 1898 г.

Ваше Высокопревосходительство

Константин Петрович!

Прилагая копию своего письма к Шарапову, я считаю нужным заметить, что насколько знаю Шарапова, я не могу поручиться за то, что мое письмо произведет желанное действие. Против таких господ нужна сила больше моей. Я боюсь, что если дело ограничится одним моим письмом, «Личное и Общественное» все-таки может появиться в «Русском Труде».

С искренним почтением остаюсь

Вашего Высокопревосходительства

покорной слугой.

А. Гальперсон.

2 февр<аля>

1898 г.

8*

А. М. Гальперсон — С. Ф. Шарапову

---

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 10—10 об.

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 11—13. Точная копия на кальке, приложенная к письму Гальперсон Победоносцеву от 2 февраля 1898 г.

С.-Петербург, 2 февраля 1898 г.

Уважаемый Сергей Федорович!

Я получила от К. П. Победоносцева указание, что в № 1 «Русского Труда» Вы обещаете Вашим читателям напечатать в приложении к журналу «Личное и Общественное» Гилярова. Предупреждаю Вас, что на издание этой статьи и других, бывших в печати, я переуступила право К. П. Победоносцеву, и если Вы напечатаете одну из них, Вам придется отвечать пред тем, кому это право принадлежит. Вам как журналисту известны, конечно, законы о[a] литературной собственности.

Если Вы не знали, что мною уступлено право издания другому лицу, почему Вы не сочли нужным обратиться за разрешением ко мне?

А. Гальперсон.

2 февраля
1898 г.

9[*]

А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву

С.-Петербург, 15 ноября 1898 г.

Спб. 15 ноября1898 г.

Ваше Высокопревосходительство

Константин Петрович!

Прошу простить меня за то, что я так долго держала корректурные листы: мои ежедневные занятия оставляют мне чрезвычайно мало времени.

Я позволяю себе обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на то, что мои поправки, с одной стороны, имели целью сохранение единства орфографии, а с другой стороны, и восстановление смысла, которое местами было за-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: печати.

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 14—15. Точная копия на кальке, приложенная к письму Гальперсон Победоносцеву от 2 февраля 1898 г.

теряно пропусками слов или изменениями букв. Есть гранки, в которых опечаток было множество.

В статье «О папе Формозе» есть пропуск между 18й гранкой начала и продолжением, начинающимся с 3й гранки: я не знаю, насколько он велик.

Опечатки в выносках в латинских и греческих словах я не все могла выправить, так как в сокращенных словах не везде можно восстановить смысл.

Прошу прощения, что беспокою Ваше Высокопревосходительство этими указаниями, которые, может быть, Вами уже давно замечены.

Остаюсь Вашего Высокопревосходительства
покорной слугой.
А. Гальперсон.

3.19. Письмо С. И. Гальперсона к А. Н. Гилярову (1897) *

С.-Петербург, 11 октября 1897 г.

СПБ<ур>г, 11 октября 1897 г.

Многоуважаемый Алексей Никитич!

Ваше письмо от 2 октября я получил и крайне удивлен, что Николай Никитич требует с Вас 200 руб., да еще указывает, как Вы пишете, что Вы будто бы получили их от продажи Кроллау права владеть бумагами Никиты Петровича. Деньги за проданное право получила Вера Алексеевна и часть их — Николай Никитич.

Что касается вообще переуступки прав на владение бумагами Вашего отца, то позволю себе напомнить Вам, при каких обстоятельствах это совершилось: боясь, что Николай Никитич продаст или уничтожит их, Вера Алексеевна обратилась ко мне с просьбою продать их. Не имея возможности в то время их купить, я просил об этом своего знакомого Кроллау, который и согласился заплатить деньги Вере Алексеевне и Николаю Никитичу за эти бумаги, с тем чтобы

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 951. Л. 1—2.

бумаги были взяты мною обратно с уплатою ему следуемой суммы или перепроданы мною другому лицу.

Точную копию условия Вашего с Кроллау с удовольствием посылаю. О дальнейшей судьбе этих бумаг Вам, наверное, известно, если не от Веры Алексеевны или от Николая Никитича, то уже наверное от К<ня>зя Шаховского.

Я же с своей стороны могу добавить, что для того, чтобы увековечить имя Никиты Петровича, поставить ему памятник на могиле и помочь в то же время и Вере Алексеевне, Анна Михайловна переуступила безвозмездно [a] свои права, перешедшие к ней от Кроллау, К. П. Победоносцеву. Он с своей стороны обещал издать труды Никиты Петровича на свои средства, распространять их и на собранные деньги все устроить.

Уважающий Вас С. Гальперсон

Простите, что замедлил ответом. Я был очень занят.

С. Гал<ьперсон>.

3.20. Письма В. З. Завитневича к князю Н. В. Шаховскому (1898) [*]

1[*]

В. З. Завитневич[1] — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 16 февраля 1898 г.

16 февраля 1898 года

Ваше Сиятельство,

Милостивый Государь, Николай Владимирович!

---

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[*] Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение общественных и гуманитарных наук), научный проект № 17-04-00170а («А.С. Хомяков и его наследие: подготовка комментированного издания сочинений»).

[*] Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 1—4 об.

[1] В. З. Завитневич и князь Шаховской познакомились в сентябре 1897 г. в Киеве.

На другой же день после Вашего отъезда из Киева я списал письмо Гилярова[1] и немедленно же собирался возвратить его Вам. Но нахлынувшие дела на время отвлекли мое внимание в сторону, а потом я стал лелеять мысль о поездке в Москву за библиографическими поисками и был уверен, что лично вручу его Вам. Удерживаемый служебными обязанностями, я откладывал осуществление этого проекта со дня на день, полагая крайним сроком Масляницу[2] и утешая себя мыслию, что это письмо Вам в сию минуту не нужно. Но вышло так, что и этим последним сроком я воспользоваться не смог. Указывая на эти обстоятельства, почтительнейше прошу Вас, князь, извинить меня и не отнести этой неисправности моей на счет халатности, которая совсем не в моей натуре.

С направлением «Русского Обозрения» я знаком и сам нахожу, что мой Хомяков мог бы быть напечатан в этом журнале.[3] Эта мысль меня тем более интересует, что П. И. Бартенев был так любез<ен>, что предложил мне держать корректуру моего труда. Да и Вы, князь, если я верно понял, интересуетесь моей работой. Все это для меня очень ценно, и поэтому печатание в Москве было бы весьма целесообразно. Но тут встретится, кажется, серьезное затруднение. Мой труд имеет характер исследования, которое неизбежно должно сопровождаться своего рода ученым аппаратом — вроде сухого перечня Литературы предмета, цитат и примечаний. Да и по объему он слишком грузен. Впрочем, я воспользуюсь этим предложением и скоро напишу Анатолию Александровичу.[4]

В сию минуту высылаю П. И. Бартеневу для экспертизы большое стихотворение (в 300 стихов), принадлежащее будто бы Хомякову: Послание Русскому Царю. Писано в 1854 году, под впечатлением начинавшейся войны, и отражающее настроение некоторой части тогдашнего Общества.

---

[1] Речь идет об одном из писем Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы (см.: *Письма к Рцы*).

[2] В 1898 г. Масленица праздновалась 15 февраля.

[3] Это намерение не осуществилось, поскольку издание «Русского Обозрения» в 1898 г. оборвалось на майской книжке. Вых. дан. отдельного издания двухтомного труда Завитневича об А. С. Хомякове см. ниже. Предварительная журнальная публикация осуществлялась в «Трудах Киевской Духовной Академии» начиная с июля 1898 г. по март 1913 г. (а также в журнале «Мирный Труд» в 1904 г.).

[4] Упомянут А. А. Александров.

Пожалуюсь Вам на трудности, с которыми приходится бороться ученому работнику в Киеве: удивительно плохо организовано у нас книжное дело!.....

С совершенным почтением, искреннею преданностью честь имею быть

В. Завитневич.

2*

В. З. Завитневич — князю Н. В. Шаховскому

Киев, 10 ноября 1898 г.

10 ноября 1898 г. Киев.

Ваше Сиятельство,

Достоуважаемый Николай Владимирович!

Обрадованный получением писем Гилярова, я предполагал в два-три дня сделать необходимые из них выписки и тотчас же возвратить их Вам с соответствующим письмом. Но горе в том, что у меня такая масса обязанностей, что иной раз лишен бываешь возможности сосредоточиться на самом интересном деле. Так случилось и теперь. Откладывая дело со дня на день, я дождался приезда князя Александра Михайловича[1] и, воспользовавшись его любезным предложением, решил во что бы то ни стало приготовить письма к его вторичному проезду через Киев. Надеюсь, что они теперь уже в Ваших руках. Позвольте, князь, принести Вам сердечную благодарность за эту весьма ценную для меня любезность. Рукопись попала ко мне как раз в то время, когда я, окончив анализ исторической системы Хомякова, собирался приступить к окончательной оценке ее, а у Гилярова есть несколько очень любопытных на этот счет замечаний. Нельзя не пожалеть, что письма к Вениамину дошли в отрывках; иной раз обрываются в самых интересных пунктах. Но и то, что сохранилось из его специально богословских суждений, весьма интересно, — особенно при сопоставлении с суждениями Хомякова. Хомяков и Гиляров — ягоды одного поля, но разных

* Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 1—4 об.

[1] Неустановленное лицо. Не исключено, что это великий князь Александр Михайлович (1866—1933).

разновидностей; у Хомякова голова больше созидающая: он больше строит, чем разрушает; у Гилярова больше ум критический, отрицающий: он больше разрушает, нежели строит. Это Меланхтон и Лютер в нашей истории. Их различие особенно резко бросается в их отношении к таинствам вообще и — к таинству *елеосвящения* в частности. Гиляров это таинство отрицает (сравнивает с верою в Иверскую),[1] Хомяков дает ему замечательное толкование,[2] до какого не додумался ни один из профессиональных богословов. Их сходство особенно рельефно выступает в отрицательном отношении к нашей старой богословской школе схоластического направления, более видным представителем которого является Макарий.[3] Будущий историк поставит их в основу возрождения нашей богословской науки, которая, к нашему стыду, все еще никак не может выбиться из старой своей колеи…

С совершенным почтением и искреннею преданностью честь имею пребыть Вашим покорным слугою, благодарный В. Завитневич.

---

[1] 16 ноября 1886 г. Гиляров писал И. Ф. Романову-Рцы: «*По катихизису*: “Елеосвящение есть таинство, которым через исцеление грехов подается и исцеление телесное”. / *А русский народ*: “*Иверская*[1] есть таинство, которым...” et cetera, как в первой формуле» (*Письма к Рцы*. С. 294—295). В других письмах к тому же корреспонденту он возвращался к этой теме, например, в письме от 31 декабря 1886 г.—1 января 1887 г.: «А есть ли таинство чудо? Нимало, и даже оно не* есть нечто чудесное. За исключением, впрочем, елеосвящения, которое именно я и сравнивал с Иверскою, потому что действие елеосвящения предполагается в *физическом* организме и притом помимо физических законов. Остальные таинства действуют духовно и на духовную сторону человека, не исключая евхаристии, которая питает нас *духовным* телом. (Прекрасный пример у Хомякова: принимаем не *мясо*, а *тело* Христово.) А поэтому ни *чудо*, ни *чудесное* сюда не приложимо, ибо и то, и другое предполагает нарушение законов физических, а таинство их не нарушает; напротив, можно сказать, восстановляет естественные законы *духовной* природы, нарушенные грехом» (Там же. С. 316). Иверская икона Божией Матери находится на Афоне. Здесь речь идет о точном списке с этой иконы, привезенном в Москву в 1648 г., для нее у Воскресенских ворот была возведена часовня.

[2] Подразумевается следующее определение в трактате Хомякова «Церковь одна»: «О таинстве Елеосвящения учит св. Церковь, что в нем совершается благословение всего подвига, совершенного человеком на земле, всего пути им пройденного в вере и смирении, и что в елеосвящении выражается самый суд Божественный над земным составом человека, исцеляя его, когда все целебные средства бессильны, или дозволяя смерти разрушать тленное тело, уже не нужное для земной Церкви и для тайных путей Божиих» (*Хомяков А. С*. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. II. С. 16).

[3] См. об этом: *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской Церкви» преосвященного Макария // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.